МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 9 сентябрь 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: Издательство “ЮРКОМПАНИ”

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3849 от 13 декабря 2021 г.)

Выходит один раз в месяц

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

сетевой научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Людмила Грудцына

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Юлия Дребезгова**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.

Home page: www.r.law-books.ru **E-mail:** mail@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88 **Многоканальный:** +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Международный научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Усанов Владимир Евгеньевич,**

академик Российской академии образования (РАО), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: **Шайхуллин Марат Селирович**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **Рыжов Валерий Борисович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Специальность: 5.1.4.** – Уголовно-правовые науки (юридические науки)
- **Алферова Елена Васильевна** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН
- **Гримальская Светлана Александровна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Усанов Владимир Евгеньевич** – академик Российской академии образования (РАО), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
- **Исраелян Валентин Борисович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова
- **Булаков Олег Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России
- **Грудцына Людмила Юрьевна** – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН
- **Специальность: 5.1.5.** – Международно-правовые науки (юридические науки)
- **Андреева Любовь Васильевна** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина
- **Иванова Светлана Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

- **Стригунова Дина Павловна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

- **Дорская Александра Андреевна** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich,**

academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of law, Professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selyovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**, Ph.D., associate professor, associate professor, Department of state and municipal administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **Specialty: 5.1.4.** – Criminal law sciences (legal sciences)
- **Alferova Elena Vasilievna** – candidate of Law, leading researcher, Head of the Department of Law, INION RAS
- **Grimalskaya Svetlana Aleksandrovna** – Ph.D., associate professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
- **Usanov Vladimir Evgenievich** – academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of law, Professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov
- **Israelyan Valentin Borisovich** – candidate of Law, associate professor, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu.M. Luzhkov
- **Bulakov Oleg Nikolaevich** – doctor of Law, professor, Head of the Department of Constitutional and International Law the Russian State Humanities University, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia
- **Grudtsyna Lyudmila Yurievna** – doctor of Law, professor, professor of FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences
- **Specialty: 5.1.5.** – International legal sciences (legal sciences)
- **Andreeva Lyubov Vasilievna** – doctor of Law, professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina
- **Ivanova Svetlana Anatolyevna** – doctor of Law, professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **Strigunova Dina Pavlovna** – doctor of Law, associate professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»

• **Dorskaya Alexandra Andreevna** – doctor of Law, professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justise

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- КРИМИНОЛОГИЯ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
- КРИМИНАЛИСТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность: 5.1.5. – Международно-правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.4. – Criminal Law Sciences (Law Sciences)

- THEORY OF CRIMINAL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCESS
- CRIMINOLOGY
- CRIME AND PUNISHMENT
- FORENSICS
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Specialty: 5.1.5. - International legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
- INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
- INTERNATIONAL LAW MAKING
- PUBLIC INTERNATIONAL LAW
- INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
- INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник»

1. Общие положения

1.1. Под рецензированием понимается процедура рассмотрения членами редакционной коллегии научно-правового журнала «Международный научный вестник», а также привлеченными специалистами по тематике рецензируемых материалов из других организаций, научных статей, отражающих основные результаты исследования, проведенного автором (авторами), (далее – статей), представляемых для опубликования в научно-правовом журнале «Международный научный вестник» (далее – Журнал), до публикации.

1.2. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рецензия должна обеспечивать всестороннюю и объективную оценку, анализ достоинств и недостатков представленной статьи.

1.3. Цель рецензирования – повышение научного уровня материалов, публикуемых в Журнале, и обеспечение качества статьи, соответствующее международным правилам, принятым в авторитетных реферативных базах научного цитирования.

1.4. К рецензированию привлекаются как члены редакционного совета Журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук (либо их зарубежный эквивалент), обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению, знакомые с требованиями, предъявляемыми редакцией Журнала к публикуемым материалам. Все рецензенты имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

1.5. Как правило, рецензент не должен работать в одной организации с автором (авторами) статьи. Редакция делает все возможное и стремится к исключению «конфликта интересов» между авторами и рецензентами.

1.6. Объем рецензии не регламентируется, но, как правило, должен укладываться в 1–2 страницы компьютерного набора текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал – полуторный, кегль – 12).

1.7. При поступлении рукописи статьи в редакцию все авторы предупреждаются о процедуре обязательного рецензирования. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

1.8. При отрицательном отзыве либо наличии серьезных замечаний к статье со стороны рецензента работа, как правило, отправляется на дополнительное рецензирование. Более одного рецензента обязательно назначается в случаях, когда статья выполнена на «стыке» наук или научных направлений.

1.9. Окончательное решение о возможности опубликования статьи принимает редакционный совет с учетом полученной рецензии (рецензий), а также мотивированного ответа автора (авторов) статьи.

1.10. При положительной рецензии автору направляется уведомление о принятии статьи к рассмотрению редсоветом. Авторам, которым отказано в публикации статьи, направляется мотивированный отказ.

1.11. Оригиналы рецензий или их копии в электронном виде хранятся в редакции пять лет с момента подписания рецензентом.

Правила рецензирования

2.1. Рецензирование организует главный редактор или заместитель главного редактора Журнала. Выбор экспертов-рецензентов относится к полномочиям редакционного совета. Рецензент назначается в зависимости от его специализации и квалификации с учетом тематики представленной в редакцию научной статьи.

2.2. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются результатами интеллектуальной деятельности, способными к правовой охране, и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.3. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

2.4. Рецензирование осуществляется в срок до 30 дней.

2.5. В рецензии отражаются следующие вопросы:

соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

соответствует ли статья современным достижениям научно-теоретической мысли;

присутствует ли научная новизна в рассматриваемой статье;

доступна ли статья читателям, которым она адресована, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и проч.;

целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу научной литературы;

в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

являются ли метаданные к статье полным информативным отражением содержания статьи и отвечают ли они требованиям к метаданным, принятым в Журнале;

может ли аннотация статьи послужить подтверждением научной ценности представленного на рецензирование материала и привлечь читателей к рассматриваемой проблеме, участию в дальнейшей дискуссии;

вывод о возможности опубликования данной статьи в Журнале: «рекомендуется» (положительная рецензия), «рекомендуется при условии исправления отмеченных рецензентом недостатков» (доработка) или «не рекомендуется» (отрицательная рецензия).

2.6. Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

2.7. При наличии замечаний рецензента автор статьи вносит в нее соответствующие изменения и присылает ее повторно. Автору рекомендуется также дать письменный комментарий относительно учета замечаний рецензента. Срок представления автором исправленной статьи ограничен одним месяцем. Если статья не прислана автором в указанный срок, она снимается с рассмотрения.

2.8. При незначительных замечаниях рецензента, требующих только редакторских правок, и с согласия автора может быть принято решение о приеме статьи без дополнительной авторской доработки.

2.9. В случае мотивированного несогласия автора с мнением рецензента решение по статье принимает редакционный совет.

2.10. Содержание рецензии рассматривается редакционным советом при утверждении статьи к опубликованию, который принимает одно из решений:

- принять статью к опубликованию без исправлений;
- направить статью на дополнительное рецензирование;
- вернуть статью автору для исправления по замечаниям рецензента;
- отклонить статью (с обязательной мотивацией).

Содержание:

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Кучмук В.И., Крапивин О.В., Тихов В.В., Смоляков Д.А. * Взаимосвязь физической подготовленности и психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы в экстремальных условиях служебной деятельности. 14
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Коробкова Е.Е., Курбатова В.И. * История становления института судебных следователей в российском уголовном процессе. 20
Бондарук И.А. * Искусственный интеллект в допросе подозреваемого: технологические возможности и правовые пределы применения. 29
Крапивин О.В., Денисов Д.А., Казначеев В.А. * Интеллектуально-волевой компонент тактико-специальной подготовки УИС: психологическая структура и методы диагностики. 33
Хорошева А.В. * Правовые и организационные аспекты использования систем обнаружения и предотвращения утечек информации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. 39
Бектева В.С. * Уголовно-процессуальная деятельность по делам, предварительное расследование по которым приостановлено. 44
Лукашенко К.Е. * Допуск и отстранение законных представителей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: проблемы правового регулирования и пути их решения. 53
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
Тимофеева М.Н. * Международно-правовое регулирование ответственности информационных посредников за нарушение авторских и смежных прав. 61
Джапаров И.А. * О перспективах формирования эффективной международно-правовой модели обеспечения этичности искусственного интеллекта: от этических принципов к правовым нормам. . 67
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
Федорук Л.В., Лебедева О.Г. * Борьба исламских женщин за равенство в правах с мужчинами. . . 73
Каркаев Д.З. * Международно-правовые механизмы защиты прав человека после прекращения действия ЕКПЧ для России. 77
Мужухоева Э.Д. * Социально-экономическое положение Ингушетии на рубеже XIX-XX вв.. 84
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
Аль-Шарифи М.Х. * Международное гуманитарное право и современные вооружённые конфликты (на примере Ирака). 89
Катукова С.Ю., Перегуда Е.С. * Публичный порядок как основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: доктринальные концепции и пределы применения. 95
Королев С.В. * «Случай» как лингвистическая проблема международного «судейского права». . . 103
Мирзаев Ф.С. * Граница между США и Канадой. Почему «Искусственная линия» остается юридически неприкосновенной. 111
Тарасов А.А. * Совершенствование правового регулирования противодействия финансированию терроризма в рамках стран БРИКС. 118
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Аликберов С.А. * Дистанционное соучастие в преступлении: понятие, признаки и критерии отграничения от смежных институтов. 128
Слюсарева Е.А. * Учет способов совершения хищения при оценке презюмируемой общественной опасности. 137
Бодяков В.Н., Морозов Р.М. * Использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами территориальных органов ФСИН России. 145
Аминов И.Р., Трусов С.В. * Основные направления деятельности субъектов противодействия террористической и экстремистской преступности в России. 151
Шельская С.Н. * Электронный подлог документов: понятие и виды. 156
Химеденова Д.Н., Тарыкин В.К. * Принудительные работы как вид уголовного наказания: значение для гуманизации уголовно-исполнительной политики России. 161
Сахно О.О., Черепков Р.А., Черножукова К.Р. * К вопросу о понятии, классификации и значении цифровых следов в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. 167
Шигонин А.Б. * Особенности квалификации преступлений, посягающих на нормальное физическое, психическое, нравственное, интеллектуальное развитие несовершеннолетних (ст. ст. 150–151.2 УК РФ). 172

Савин А.А. * Особенности привлечения к труду осужденных несовершеннолетних. 176
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Филипцова Н.А. * Электронные доказательства в трудовых спорах. 180
Шестак В.А., Вахрушев В.К. * Развитие механизма правового регулирования государственного оборонного заказа в современных условиях. 188
Емельянова А.С. * Вопросы правосубъектности искусственного интеллекта: проблемы и перспективы. 194
Диких В.Д., Поташова А.Н. * Ответственность агента за действия привлеченных субагентов: гражданско-правовая природа и отраслевые проявления (на примере таможенного представительства и организации международных автомобильных перевозок). 203
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Краснорцкая Т.А. * Функции руководителя следственного органа как основные направления его деятельности. 211
Арутюнян С. * Проверка показаний несовершеннолетних и феномен ложной памяти как факторы предупреждения судебной ошибки. 215
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
Алешина А.В. * Основные научные подходы к пониманию правовой природы международного частного права в контексте повышения эффективности правоприменения. 220
Тимофеева М.Н. * Международно-правовое регулирование права интеллектуальной собственности: проблемы, связанные с обучением искусственного интеллекта. 224
Захарова А.Ю. * Роль медиатора в разрешении международных коммерческих споров. 233
Тарасов А.А., Тарасов Е.А. * Китайский опыт уголовно-правового противодействия экономическим основам терроризма. 239
Попов А.А. * Правовые механизмы разрешения инвестиционных споров в свободных экономических зонах: взаимодействие международного и национального регулирования. 250
Берёза З.М. * Подходы к определению понятия домашнего насилия: международные стандарты и зарубежный опыт. 254
Бодяков В.Н., Морозов Р.М. * К вопросу о зарубежном опыте использования научно-технических и программных средств как инструмента противодействия преступности. 266
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
Шестак В.А. * Миграционное взаимодействие как форма Российско-Таджикского антитеррористического сотрудничества. 270
Казначеев В.А., Валиев А.К., Михайлова Н.В. * Приоритетные направления совершенствования международного сотрудничества уголовно-исполнительной системы России с пенитенциарными системами зарубежных стран. 274
Королев С.В. * Статус партизана в контексте теории международного и внутреннего права. 281
Бадзюк И.Л. * Особенности создания и применения обучающих программ в игровой форме в вузах для юридических специальностей. 289
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО
Кокшаров Е.В., Гареев Д.Р. * Экономико-образовательная оценка подготовки курсантов вузов МЧС России в системе ведомственного высшего образования. 293
Казначеев А.В., Анкушин А.В., Воронцов В.О., Воробьев Ю.А. * Совершенствование системы физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России. 299
ИННОВАЦИИ
Дьяков В.Ф. * Роль профессии пожарного для общества. 304
Тарасов А.А. * Проблемы правового регулирования OSINT в оперативно-розыскной деятельности и корпоративной безопасности. 308

Content:

CRIMINAL LAW THEORY
Kuchmuk V.I., Krapivin O.V., Tikhov V.V., Smolyakov D.A. * Interrelation of physical fitness and psychological stability of employees of the penitentiary system in extreme conditions of official activity. . 14
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Korobkova E.E., Kurbatova V.I. * The history of the institution of judicial investigators in the russian criminal trial. 20
Bondaruk I.A. * Artificial intelligence in the interrogation of a suspect: technological capabilities and legal limits of application. 29
Krapivin O.V., Denisov D.A., Kaznacheev V.A. * Intellectual-volitional component of tactical-special training of the prison institution: psychological structure and diagnostic methods. 33
Khorosheva A.V. * Opportunities for using information leak detection and prevention systems in institutions and bodies of the penitentiary system. 39
Bekteva V.S. * Criminal procedural activity in cases with suspended preliminary investigation: system, limits and guarantees. 44
Lukashenko K.E. * Admission and removal of legal representatives of minors in criminal proceedings: problems of legal regulation and ways to solve them. 53
INTERNATIONAL JURISPRUDENCE
Timofeeva M.N. * International legal regulation of the liability of information intermediaries for violations of copyright and related rights. 61
Dzhaparov I.A. * About the prospects for the formation of an effective international legal model for ensuring the ethics of artificial intelligence: from ethical principles to legal norms. 67
HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
Fedoruk L.V., Lebedeva O.G. * Islamic women's struggle for equal rights with men. 73
Karkaev D. * International legal mechanisms for human rights protection after the ECHR ceased to apply to Russia. 77
Muzhukhoeva E.D. * Social and economic situation of Ingushetia at the turn of the XIX-XX centuries. . . . 84
INTERNATIONAL PUBLIC LAW
Al-Sharifi M.H. * International humanitarian law and contemporary armed conflicts (with a focus on Iraq). 89
Katukova S.Yu., Pereguda E.S. * Public policy as a ground for refusal to recognize and enforce foreign arbitral awards: doctrinal concepts and limits of application. 95
Korolev S.V. * 'Case' as a linguistic problem of the international 'judges' law'. 103
Mirzayev F.S. * The US-Canada border. Why the "Artificial line" remains legally inviolable. 111
Tarasov A.A. * Improving the legal regulation of countering the financing of terrorism within the BRICS countries. 118
CRIME AND PUNISHMENT
Alikberov S.A. * Remote complicity in crime: concept, features and criteria for distinguishing from related institutions. 128
Slusareva E.A. * Taking into account the methods of committing theft when assessing the presumed public danger. 137
Bodyakov V.N., Morozov R.M. * The use of artificial intelligence in the investigation of crimes committed by officials of the penal service of Russia. 145
Aminov I.R., Trusov S.V.* Key areas of activity for entities combating terrorist and extremist crime in Russia 151
Shelskaya S.N. * Electronic forgery of documents: the concept and types. 156
Khimedenova D.N., Tarikin V.K. * Compulsory labor as a type of criminal punishment: its significance for the humanization of Russia's criminal and executive policy. 161
Sakhno O.O., Cherepkov R.A., Chernozhukova K.R.* To the question of the concept, classification and significance of digital traces in crime detection and investigation activities. 167
Shigonin A.B. * Features of the qualification of crimes that encroach on the normal physical, mental, moral, and intellectual development of minors (articles 150–151.2 of the criminal code of the Russian Federation) 172
Savin A.A. * Features of enlisting minors to labor. 176
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Filiptsova N.A. * Electronic evidence in labor disputes. 180

Shestak V.A., Vakhrushev V.K. * Development of the legal mechanism of the state defense order in modern conditions. 188
Emelyanova A.S. * Issues of legal personality of artificial intelligence: problems and prospects. 194
Dikikh V.D., Potashova A.N. * Civil liability of an agent for the acts of engaged sub-agents: legal nature and sectoral manifestations (the cases of customs representation and international road transport). 203
OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES
Krasnorutskaya T.A. * Functions of the head of an investigative body as the main areas of his activity. . 211
Harutyunyan S. * Verification of minors' testimony and the phenomenon of false memory as factors in preventing judicial error. 215
INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
Aleshina A.V. * The main scientific approaches to understanding the legal nature of private international law in the context of improving the effectiveness of law enforcement. 220
Timofeeva M.N. * International legal regulation of intellectual property rights: problems related to the training of artificial intelligence. 224
Zaharova A.Yu. * The role of a mediator in resolving international commercial disputes. 233
Tarasov A.A., Tarasov E.A. * China's experience in criminal law counteraction to the economic foundations of terrorism. 239
Popov A.A.* Legal mechanisms for resolving investment disputes in free economic zones: interaction of international and national regulation. 250
Berioza Z.M. * Conceptualizing domestic violence in the light of international standards and foreign experience. 254
Bodyakov V.N., Morozov R.M. * On the issue of foreign experience in using scientific, technical and software tools as a means of combating crime. 266
INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION
Shestak V.A.* Migration interaction as a form of Russian-Tajikistan counter-terrorism cooperation. 270
Kaznacheev V.A., Valiev A.K., Mikhailova N.V. * Priority areas for improving international cooperation between the Russian penalties and the penitentiary systems of foreign countries. 274
Korolev S.V. * The guerilla status in the light of international and constitutional law theory. 281
Badziuk I.L. * Features of the creation and use of game-based training programs in universities for legal specialties. 289
EDUCATION AND LAW
Koksharov E.V., Gareev D.R. * Economic and educational assessment of the training of cadets of universities of the ministry of emergency situations of Russia in the system of departmental higher education. 293
Kaznacheev A.V., Ankushin A.V., Vorontsov V.O., Vorobyev Yu.A. * Improvement of the system of physical training of cadets of educational organizations of the federal penitentiary service of Russia. . . . 299
INNOVATION
Dyakov V.F. * The role of the fireman profession in society. 304
Tarasov A.A. * Problems of legal regulation of OSINT in operational-investigative activities and corporate security. 308

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-14-19

КУЧМУК Василий Игоревич,
Старший преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта,
e-mail: o.krapivin@list.ru

ТИХОВ Владислав Валерьевич,
доцент, начальник кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

СМОЛЯКОВ Данил Андреевич,
преподаватель кафедры физической подготовки и спорта ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема взаимосвязи физической подготовленности и психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) в контексте экстремальных условий служебной деятельности. Актуальность исследования обусловлена спецификой профессиональной деятельности сотрудников УИС, требующей постоянной готовности к действиям в условиях повышенной психической напряженности, конфликтных ситуаций и угроз личной безопасности. На основе анализа научной литературы и эмпирических данных обосновывается положение о том, что физическая подготовленность выступает не только средством развития профессионально значимых двигательных качеств, но и фактором формирования психологической устойчивости. Выявлены механизмы влияния физической подготовки на психоэмоциональное состояние сотрудников, включая регуляцию стрессовых реакций, повышение эмоциональной резистентности и развитие волевой саморегуляции. Предложены направления совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки в контексте формирования психологической устойчивости сотрудников УИС.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, физическая подготовленность, психологическая устойчивость, экстремальные условия, профессионально-прикладная физическая подготовка, стрессоустойчивость.*

KUCHMUK Vasily Igorevich,
Senior Lecturer, Department of Physical, Fire and Tactical Special Training, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Department of Physical Training and Sports

TIKHOV Vladislav Valerevich,
Associate Professor, Head of the Department of Physical, Fire and Tactical Special Training of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SMOLYAKOV Danil Andreevich,
Lecturer, Department of Physical Training and Sports, Federal State Educational Institution of Higher Education "Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov"

INTERRELATION OF PHYSICAL FITNESS AND PSYCHOLOGICAL STABILITY OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN EXTREME CONDITIONS OF OFFICIAL ACTIVITY

Annotation. *This article examines the relationship between physical fitness and psychological resilience among penal system personnel operating in extreme service conditions. The study's relevance stems from the specific nature of the work, which demands constant readiness to act amidst high psychological stress, conflict situations, and threats to personal safety. Based on an analysis of scientific literature and empirical data, the authors argue that physical fitness serves not only to develop professionally relevant motor skills but also as a factor in building psychological resilience. The study identifies the mechanisms by which physical training influences personnel's psycho-emotional state—including the regulation of stress responses, increased emotional resilience, and the development of volitional self-regulation. Finally, the article proposes ways to enhance professionally oriented physical training with a view to fostering psychological resilience among penal system staff.*

Key words: *penal system, physical fitness, psychological resilience, extreme conditions, professionally applied physical training, stress resilience.*

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы относится к числу профессиональных сфер, где риск возникновения экстремальных ситуаций является не исключением, а постоянным фактором повседневной работы. Исполнение служебных обязанностей в условиях высокой эмоциональной напряженности, дефицита времени, возможного противодействия со стороны осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также необходимости строго соблюдать правовые и этические нормы требует от сотрудника не только профессиональной компетентности, но и особого уровня личностной и функциональной готовности. В этих условиях физическая подготовленность и психологическая устойчивость выступают не разрозненными качествами, а взаимосвязанными компонентами общей надежности сотрудника УИС.

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена тем, что экстремальные условия служебной деятельности нередко сопровождаются выраженным стрессом, утомлением, эмоциональным перенапряжением и необходимостью быстро принимать решения при высокой цене возможной ошибки. Недостаточная физическая готовность в подобных ситуациях повышает вероятность снижения работоспособности, замедления реакции, нарушения координации действий и, как следствие, ухудшения качества выполнения служебных задач. В то же время слабая психологическая устойчивость может приводить к неуверенности, растерянности, импульсивным поступкам, снижению самоконтроля и неспособности адекватно действовать в конфликтной или угрожающей обстановке.

Физическая подготовленность сотрудника УИС не сводится лишь к развитию силы, выносливости, быстроты и координации. Она формирует базу для уверенного владения своим телом, способствует повышению общего уровня работоспособности, устойчивости к утомлению и способности сохранять эффективность при длительном напряжении. Кроме того, хорошая физическая форма оказывает опосредованное влияние на психику: укрепляет уверенность в собственных возможностях, снижает уровень тревожности перед вероятным столкновением с опасной ситуацией и повышает готовность к действиям в условиях неопределенности. Таким образом, физическая подготовка является не только средством обеспечения профессиональной успешности, но и важным фактором психологической саморегуляции [1, С. 328-329].

Психологическая устойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы проявляется в способности сохранять самообладание, критичность мышления, эмоциональную уравновешенность и целенаправленность поведения в условиях стресса. Она включает умение контролировать страх, агрессию и раздражение, противостоять дезорганизующему воздействию внешних факторов, сохранять внимание и способ-

ность к рациональному анализу ситуации. В экстремальных условиях именно психологическая устойчивость позволяет сотруднику не только выдерживать напряжение, но и действовать в соответствии с требованиями закона, служебного долга и профессиональной этики.

Связь между физической подготовленностью и психологической устойчивостью носит двусторонний характер. С одной стороны, регулярные физические тренировки развивают волевые качества, дисциплинированность, настойчивость и стрессоустойчивость. С другой стороны, психологическая готовность определяет, насколько полно сотрудник сможет реализовать свои физические возможности в реальной служебной ситуации. Даже высокий уровень двигательной подготовленности не гарантирует эффективных действий при панике, эмоциональном срыве или снижении самоконтроля. Следовательно, оптимальная служебная надежность достигается лишь при комплексном развитии обеих составляющих.

Рассмотрение данной взаимосвязи имеет важное практическое значение для системы профессиональной подготовки кадров УИС. Понимание того, как физические нагрузки, условия тренировки и моделирование экстремальных ситуаций влияют на психическое состояние сотрудников, позволяет совершенствовать программы профессионального отбора, обучения и служебной подготовки. Это особенно значимо в контексте современных требований к персоналу пенитенциарной системы, где от сотрудника ожидается способность действовать быстро, точно, законно и без потери самообладания в наиболее напряженных ситуациях [4].

Экстремальные условия служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы выступают одним из ключевых факторов профессионального риска, поскольку они одновременно затрагивают физическую, психическую и социально-коммуникативную сферы деятельности. В отличие от обычных рабочих ситуаций, служебные задачи в учреждениях уголовно-исполнительной системы нередко протекают в обстановке повышенной напряженности, дефицита времени, высокой ответственности и потенциальной угрозы жизни и здоровью. К таким условиям относятся пресечение агрессии и конфликтов среди осужденных, участие в режимных мероприятиях, сопровождение спецконтингента, действия при массовых нарушениях порядка, чрезвычайных происшествиях, а также необходимость постоянной готовности к внезапному развитию опасной ситуации. Именно эта непредсказуемость делает профессиональную деятельность сотрудников психологически и физически затратной [5].

Профессиональный риск в экстремальных условиях проявляется не только в вероятности получения травмы или физического перенапряжения, но и в накоплении хронического стресса, эмоционального выгорания, повышенной тревожности и снижении эффективности принятия решений. Сотрудник вынужден действовать в условиях, когда ошибка может привести к тяжелым последствиям для окружающих и для него самого. В такой обстановке возрастает значение самоконтроля, скорости реакции, устойчивости внимания, способности сохранять работоспособность при ограниченном времени на оценку обстановки. Отсутствие достаточной физической подготовленности усиливает субъективное чувство угрозы, повышает утомляемость и делает служебные действия менее уверенными, что, в свою очередь, негативно отражается на психологическом состоянии.

Экстремальные условия также характеризуются высокой плотностью межличностного напряжения. Сотрудники уголовно-исполнительной системы ежедневно взаимодействуют с контингентом, часть которого склонна к агрессии, манипуляции, сопротивлению законным требованиям и провокационному поведению. В таких обстоятельствах физическая подготовленность выполняет не только прикладную функцию обеспечения силового преимущества, но и профилактическую: уверенное владение приемами самозащиты, специальной техникой и навыками контроля дистанции снижает вероятность перехода конфликта в опасную фазу. При этом физическая готовность способствует формированию психологической уверенности, поскольку сотрудник ощущает собственную способность эффективно действовать без паники и растерянности.

Немаловажным фактором риска является длительное воздействие неблагоприятных служебных условий. Даже если отдельные инциденты не приводят к немедленным негативным последствиям, регулярное пребывание в ситуации напряженного ожидания, необходимости постоянной настороженности и жесткого самоконтроля вызывает накопительный эффект. В этом случае экстремальность становится не эпизодической, а повседневной характеристикой профессиональной среды. Длительный стресс снижает резервы организма, ухудшает качество сна, повышает раздражительность и может приводить к эмоциональной истощенности. Физическая подготовленность в данном контексте выступает ресурсом адаптации: она помогает поддерживать общую работоспособность, повышает стрессоустойчивость и расширяет возможности восстановления после нагрузок [2, С. 27-28].

Таким образом, экстремальные условия служебной деятельности следует рассматривать как многоаспектный профессиональный риск, в

котором тесно переплетаются объективная опасность, эмоциональное напряжение и необходимость безошибочных действий. Для сотрудников уголовно-исполнительной системы физическая подготовленность становится важнейшим условием не только успешного выполнения служебных задач, но и сохранения психологической устойчивости. Чем выше уровень физической готовности, тем больше у сотрудника внутренних ресурсов для противодействия стрессу, сохранения самообладания и эффективного поведения в опасной обстановке.

Физическая подготовленность сотрудников уголовно-исполнительной системы является не только условием успешного выполнения служебных задач, но и важнейшим фактором, определяющим их стрессоустойчивость и работоспособность в экстремальных условиях. В деятельности, связанной с постоянным эмоциональным напряжением, высокой ответственностью, необходимостью быстрого реагирования на конфликтные и потенциально опасные ситуации, уровень общей и специальной физической готовности напрямую влияет на способность человека сохранять самоконтроль, принимать верные решения и эффективно действовать в условиях дефицита времени и ресурсов.

Прежде всего, хорошая физическая форма способствует более экономному функционированию организма в состоянии стресса. У тренированного сотрудника сердечно-сосудистая и дыхательная системы быстрее адаптируются к нагрузке, снижается избыточная реакция на внезапное повышение тревоги, уменьшается субъективное ощущение усталости. Это особенно важно при выполнении задач, требующих длительного пребывания в напряжении: сопровождении спецконтингента, пресечении нарушений режима, участии в режимных мероприятиях, охране объектов и реагировании на чрезвычайные ситуации. Чем выше уровень физической подготовленности, тем меньше вероятность того, что стресс приведет к преждевременному истощению сил и снижению эффективности действий.

Кроме физиологического аспекта, физическая подготовка оказывает выраженное психологическое воздействие. Регулярные тренировки формируют уверенность в собственных возможностях, повышают чувство контроля над ситуацией и снижают страх перед возможным силовым противодействием. Сотрудник, обладающий достаточной выносливостью, силой и координацией, чаще воспринимает экстремальную ситуацию не как угрозу, а как задачу, которую он способен решить. Такая установка снижает уровень внутреннего напряжения и способствует сохранению рационального мышления даже при высоком риске [3, С. 22-23].

Не менее значим и эффект переноса тренировочной дисциплины на профессиональную деятельность. Систематические занятия физической подготовкой развивают саморегуляцию, волевые качества, настойчивость и умение преодолевать дискомфорт. В процессе выполнения упражнений сотрудник учится действовать в условиях утомления, контролировать дыхание, распределять усилия, не поддаваться импульсивным реакциям. Эти навыки имеют прямую связь со стрессоустойчивостью, поскольку в экстремальной служебной обстановке необходимы именно устойчивость к физическому и психическому напряжению, способность сохранять работоспособность при неблагоприятных внешних факторах.

Работоспособность в условиях службы также зависит от того, насколько организм способен быстро восстанавливаться после нагрузок. У физически подготовленных сотрудников, как правило, выше общий функциональный резерв, лучше показатели восстановления после кратковременных пиковых усилий и меньше вероятность накопления хронической усталости. Это позволяет поддерживать стабильное качество служебной деятельности на протяжении смены, особенно при сочетании физического, эмоционального и информационного напряжения. Напротив, недостаточный уровень физической готовности усиливает чувство утомления, повышает раздражительность, снижает концентрацию внимания и увеличивает вероятность ошибок в принятии решений.

Таким образом, физическая подготовленность выступает важнейшим ресурсом психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы. Она снижает разрушительное воздействие стресса, повышает уверенность, способствует сохранению работоспособности и обеспечивает более надежное выполнение служебных обязанностей в экстремальных условиях. Следовательно, развитие физической формы должно рассматриваться не только как требование профессиональной подготовки, но и как действенный механизм укрепления психологической устойчивости личного состава.

Практическое совершенствование физической и психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы должно строиться на понимании того, что в экстремальных условиях служебной деятельности эти качества формируют единую профессионально значимую систему. Физическая выносливость, сила, координация, быстрота реакции и способность сохранять работоспособность при длительном напряжении непосредственно поддерживают психологическую устойчивость, снижая влияние утомления, тревожности и стрессового истоще-

ния. В связи с этим подготовка должна быть не фрагментарной, а комплексной, ориентированной на развитие функциональной готовности сотрудника к действиям в условиях дефицита времени, повышенной ответственности, возможного противодействия со стороны осужденных и высокого эмоционального напряжения.

Одним из ключевых практических направлений является включение в учебно-тренировочный процесс упражнений, моделирующих реальные служебные ситуации. Это могут быть силовые и скоростно-силовые задания после продолжительной нагрузки, элементы рукопашного боя в состоянии утомления, преодоление полос препятствий, отработка задержания и конвоирования в условиях шума, ограниченного пространства и психологического давления. Такие формы занятий позволяют развивать не только физические качества, но и способность к самоконтролю, сохранению концентрации внимания и принятию решений при стрессовом воздействии. Особенно важно, чтобы нагрузка дозировалась постепенно и сопровождалась обязательной оценкой состояния сотрудников.

Не менее значимым направлением выступает интеграция психологической подготовки в процесс физического тренинга. Для этого целесообразно использовать методы стресс-имитации, элементы соревновательности, внезапные вводные, ограничение времени на выполнение задания, а также упражнения на переключение внимания и восстановление дыхания. В ходе таких занятий сотрудник учится управлять возбуждением, снижать избыточное мышечное напряжение, быстро восстанавливаться после эмоциональных и физических перегрузок. Эффективными являются тренировки по развитию саморегуляции: дыхательные техники, краткие методы аутотренинга, приемы внутренней речевой стабилизации, визуализация успешного выполнения действий.

Важную роль играет индивидуализация подготовки. У сотрудников различаются уровень физической готовности, стрессоустойчивость, опыт службы и склонность к определенным типам реагирования в опасной ситуации. Поэтому необходим регулярный мониторинг функционального состояния, тестирование физической работоспособности и психологической готовности, по результатам которых корректируются объем и интенсивность нагрузки. Индивидуальный подход позволяет предупреждать переутомление, снижение мотивации и формирование устойчивого негативного отношения к тренировкам.

Механизм влияния физической подготовки на психологическую устойчивость представляется многоуровневым. На физиологическом уровне регулярные физические нагрузки способствуют оптимизации функционирования нервной системы, улучшению кровоснабжения головного мозга, нормализации нейроэндокринной регуляции. На психологическом уровне физическая подготовка формирует опыт преодоления трудностей, повышает самооценку и уверенность в собственных силах, развивает волевые качества. На социально-психологическом уровне коллективные формы физической подготовки способствуют сплочению служебных коллективов и формированию взаимной поддержки.

Практически значимым является и развитие восстановительных механизмов. Сотрудников следует обучать не только выдерживать нагрузку, но и правильно восстанавливаться после нее. Рациональный режим труда и отдыха, методы релаксации, постнагрузочное снижение возбуждения, профилактика хронического стресса и навыки контроля сна и питания должны стать обязательной частью подготовки. Это особенно важно в условиях сменного графика и высокой эмоциональной напряженности, характерных для учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Кузьмичева Н. А. Актуальные вопросы психосоматики в деятельности сотрудников правоохранительных органов / Н. А. Кузьмичева // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: Сборник научных трудов IX Международной конференции (памяти первого начальника Московского университета МВД России Владимира Яковлевича Кикотя), Москва, 26–27 июня 2025 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 327-332. – EDN CYCWXR.

[2] Кокурин А. В. Психология служебной деятельности сотрудников подразделений охраны ФСИН России / А. В. Кокурин, А. И. Мокрецов, Д. А. Красов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2008. – № 6(73). – С. 27-33. – EDN VXRNDH.

[3] Ведяскин Ю. А. Психология достижения физической формы: как мотивация влияет на обучающихся вузов МЧС России / Ю. А. Ведяскин, К. К. Морозова // Современные векторы прикладных исследований в сфере физической культуры и спорта: Материалы VI Международной российско-белорусской научно-практической конференции для молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов, Воронеж, 27–28 февраля 2025 года. – Воронеж: Воронежская государственная академия спорта, 2025. – С. 20-24. – EDN EIKWHU.

[4] Смирнова А. А. Роль отдыха в психологии физической подготовки у обучающихся вузов МЧС России / А. А. Смирнова, Ю. А. Ведяскин //

Образование, наука и инновации: современные вызовы: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных: в 2 ч., Мелитополь, 12–13 декабря 2024 года. – Мелитополь: Мелитопольский государственный университет, 2025. – С. 1379-1382. – EDN HGPCZU.

[5] Учебное пособие по дисциплине "Экстремальная психология" для курсантов МЧС России / М. С. Талмач, Х. И. Емельянова, Е. Т. Пак [и др.]; Под общей редакцией Ю.С. Шойгу. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2017. – 228 с. – ISBN 978-5-93970-201-0. – EDN ZDHQTJ.

References:

[1] Kuzmicheva N. A. Topical issues of psychosomatics in the activities of law enforcement officers / N. A. Kuzmicheva // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of performance: state and prospects: Collection of scientific works of the IX International Conference (in memory of the first head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Vladimir Yakovlevich Kikot), Moscow, June 26-27, 2025. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2025. - S. 327-332. – EDN CYCWXR.

[2] Kokurin A. V. Psychology of service activities of employees of security units of the Federal Penitentiary Service of Russia A. V. Kokurin, A. I. Mokretsov, D. A. Krasov // Vedomosti of the penal system. – 2008. – № 6(73). - S. 27-33. – EDN VXRNDH.

[3] Vedyaskin Yu. A. Psychology of achieving physical form: how motivation affects students of universities EMERCOM of Russia / Yu. A. Vedyaskin, K. K. Morozova // Modern vectors of applied research in the field of physical culture and sports: Materials of the VI International Russian-Belarusian scientific-practical conference for young scientists, graduate students, undergraduates and students, Voronezh, February 27-28 2025. - Voronezh: Voronezh State Academy of Sports, 2025. - S. 20-24. – EDN EIKWHU.

[4] Smirnova A. A. The role of rest in the psychology of physical training among students of universities of the Ministry of Emergencies of Russia A. A. Smirnova, Yu. A. Vedyaskin // Education, science and innovation: modern challenges: materials of the International Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists: at 2 hours, Melitopol, December 12-13, 2024. - Melitopol: Melitopol State University, 2025. - S. 1379-1382. – EDN HGPCZU.

[5] Textbook on the discipline "Extreme Psychology" for cadets of the EMERCOM of Russia / M. S. Talmach, H. I. Emelyanova, E. T. Pak [and others]; Edited by Yu.S. Shoigu. - Moscow: All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies EMERCOM of Russia, 2017. - 228 p. - ISBN 978-5-93970-201-0. – EDN ZDHQTJ.HQTJ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-20-28

КОРОБКОВА Елена Евгеньевна,
Заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: elenakorobkova1@mail.ru

КУРБАТОВА Валерия Игоревна,
Старший следователь СО УМВД России по Исилькульскому району, старший лейтенант юстиции,
e-mail: elenakorobkova1@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В настоящее время не утихают споры о необходимости введение в российский уголовный процесс института следственных судей. Более того, не просто введения, а воссоздания (курсив наш – Е.К.) данного института. Такая формулировка однозначно предполагает существование исследуемого института в определенный исторический отрезок времени, а в большинстве случаев это связано с судебной реформой 1864 года.*

Проведенный авторами анализ нормативной базы, создавшей предпосылки к проведению судебной реформы 1864 г., с которой как раз и связывают появление исследуемого института, а также состоявшейся кодификации законодательства, потребовавшей коренной переработки, объединения и логического упорядочения имеющейся нормативно-правовой базы, представлявшей собой множество разрозненных, несогласованных законодательных актов, подарившей правоприменителю Устав уголовного судопроизводства 1864 года, позволил сделать вывод о том, что института следственных судей в России не существовало. В период с 1860 года по 1928 год успешно функционировал институт судебных следователей. Упоминания о следственных судьях содержались лишь в проектах «Учреждения судебных следователей», «Наказа судебным следователям» и «Наказа полиции о производстве первоначальных исследований по преступлениям и проступкам» за авторством члена Комиссии Н.И. Стояновского. Однако, многими авторами, в том числе и разработчиками одной из концепций, поддерживающей становление в российском уголовном процессе института следственных судей, не проводится разграничения между уголовно-процессуальными институтами судебного следователя и следственного судьи [1].

Именно по этой причине авторы статьи проанализировали нормативную базу до 1860 года, с 1860 года до 1928 года и с 1928 года по настоящее время и пришли к выводу, что в России не существовало института следственных судей, а в период с 1860 года по 1928 год функционировал институт судебных следователей.

Ключевые слова: *судебный следователь, следственный судья, судебная реформа, история становления института следственного судьи, устав уголовного судопроизводства.*

KOROBKOVA Elena Evgenievna,
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel, Candidate of Law, Associate Professor

KURBATOVA Valeria Igorevna,
Senior investigator of the SB UMVD of Russia for the Isilkul region, senior lieutenant of justice

THE HISTORY OF THE INSTITUTION OF JUDICIAL INVESTIGATORS IN THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

Annotation. *Currently, disputes about the need to introduce the institution of investigative judges into the Russian criminal process do not subside. Moreover, not just introductions, but*

recreations (italics ours - E.K.) of this institute. This formulation unambiguously assumes the existence of the institution under study at a certain historical period of time, and in most cases this is due to the judicial reform of 1864.

The authors' analysis of the regulatory framework that created the prerequisites for the judicial reform of 1864, with which the emergence of the institute under study, as well as the codification of legislation, which required a radical revision, unification and logical streamlining of the existing regulatory framework, which was a lot of scattered, uncoordinated legislative acts that presented the Statute of Criminal Procedure of 1864 to the law enforcement officer, made it possible to conclude that the institution of investigative judges in Russia did not exist. In the period from 1860 to 1928, the institution of judicial investigators successfully functioned. References to investigating judges were contained only in the projects "Institutions of judicial investigators," "Orders to judicial investigators" and "Police orders on the production of initial studies on crimes and misconduct" authored by a member of the Commission N.I. Stoyanovsky. However, many authors, including the developers of one of the concepts supporting the formation of the institution of investigative judges in the Russian criminal process, do not distinguish between the criminal procedural institutions of a judicial investigator and an investigative judge.

It was for this reason that the authors of the article analyzed the regulatory framework until 1860, from 1860 to 1928 and from 1928 to the present and came to the conclusion that there was no institution of investigative judges in Russia, and from 1860 to 1928 the institution of judicial investigators functioned.

Key words: *judicial investigator, investigative judge, judicial reform, history of the institution of the investigative judge, charter of criminal proceedings.*

Предпосылками к проведению Судебной реформы 1864 года, которой российское общество обязано введением института судебных следователей, послужили многие факторы, имевшие место на момент рассматриваемого исторического периода. Дореформенный уголовный процесс характеризовался инквизиционной формой, который, как отмечают авторы, уже тогда в целом соответствовал образцам Западной Европы [2].

Инициатива розыска преступника и дальнейшее производство было обязанностью государственных органов как при поступлении информации о совершённом преступлении, так и при общей необходимости выявления лиц, совершающих преступления [3]. Это правило было закреплено положениями Судебника 1497 года и просуществовало несколько столетий.

Сам уголовный процесс был представлен тремя стадиями – досудебной, судебной и исполнением приговора. На досудебной стадии свои полномочия по выявлению преступлений, розыску преступников, сбору доказательств осуществляли административно-полицейские органы. Исполнение приговора также находилось в их ведении.

Судья совмещал в себе функции обвинения и защиты. Рассмотрения уголовного дела по существу, как такового, не было, судебное заседание проходило тайно, закрыто, письменно. Суд выносил решение на основе доказательств, собранных полицейско-административными органами на досудебной стадии. Все доказательства имели заранее установленную силу. Исходя из теории «формальных доказательств», суд не имел права свободно оценивать предоставленные следствием материалы. Судебное разбирательство сводилось к «технической» оценке доказательств, когда судья определял силу каждого доказательства, исходя из наличия или отсутствия «возможности к показанию невинности подсудимого» [4], а затем приходил к выводу не из внутреннего убеждения, а путём «математического» их сравнения.

К 1860-м годам судопроизводство имело множество упущений и не отвечало требованиям общества. По словам Духовского М.В. недостатками сложившейся системы судоустройства были смешение судебной и административной власти, множество инстанций, зависимость организации судов от сословия подсудимого [5].

М.В. Духовской также обращает внимание на большую роль полиции в формировании вывода суда ввиду существовавшей теории «формальных доказательств». Особое значение придавалось признанию вины. Признавший вину автоматически считался виновным, приговор постановлялся на основе одного показания обвиняемого без исследования других показаний [6]. Таким образом, признание обвиняемым вины освобождало суд от обязанности дальнейшего производства. Об установлении соответствующей действительности истины не могло быть и речи.

Единственный до того момента нормативный акт, регулировавший судопроизводство – Свод законов Российской Империи 1832 года, носил эклектический характер, представлял собой «…бессвязное собрание самых разнородных и разновременных постановлений…» [7]. В условиях отсутствия должного нормативного регулирования, сложности и запутанности процес-

суальных требований, множества судебных органов нормальное функционирование судопроизводства было невозможно.

Ввиду существенного недостатка правового акта, отсутствовал системный правовой статус участника, осуществляющего расследование, более того, не прослеживалась и надлежащая система контроля за ним. Расследование преступлений находилось в ведении полиции, а именно в ведении следственных приставов, которые входили в штаты местной городской и уездной полиции и находились в исключительном ведении Министерства Внутренних дел.

Существовавшая вседозволенность полиции, её пренебрежительное отношение к правам и свободам граждан повлекли за собой возникновение массового недовольства общества. Перечисленное, вместе со сложившейся социально-политической ситуацией – назревавшей крестьянской реформой, создало острую необходимость в выделении и отнесении функции расследования уголовного дела в компетенцию конкретного субъекта.

Говорить даже о возможности существования принципа состязательности в обозначенных условиях не приходилось.

Законодательству требовалась системная, охватывающая многие уголовно-процессуальные конструкции, реформа. Ведь «частичный характер попыток исправить суд не улучшали дела» [8].

Идея реформы должна была быть направлена на формирование демократического и состязательного судопроизводства.

Непосредственно принятию положений закона 1864 года предшествовал ряд подготовительных мер. В частности, в 1860 г. происходила реформа досудебного производства.

Граф Д.Н. Блудов, который возглавил Комиссию по разработке «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам» (далее – Комиссия), ещё в 1830-е годы говорил о необходимости разделить досудебное производство на две стадии и поручить дознание (как первый этап) полиции, а предварительное расследование – судебным органам. Вошедший в 1859 г. в состав Комиссии Н.И. Стояновский, акцентировал внимание на том, что нахождение следственного аппарата в судебном ведомстве обеспечит его независимость от административной полицейской власти [9].

Указом Александра II «Об отделении следственной части от полиции» от 8 июня 1860 года следствие было выделено из полиции, и в 44 губерниях особые чиновники назначены на вновь появившиеся должности судебных следователей.

«Отделить следственную часть от полиции во всех управляемых по «Общему учреждению» 44-х губерниях империи и назначить в сии губернии особых, подведомственных Министерству юстиции, чиновников для производства следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест, наименовав сих чиновников судебными следователями» [10] – так звучала преамбула Указа.

Судебные следователи теперь относились к Министерству юстиции, что наделило их гарантией независимости.

Наряду с Указом, были изданы прилагаемые к нему документы – «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве первоначальных исследований по преступлениям и проступкам».

«Учреждение судебных следователей» (далее – «Учреждение») определяло правовой статус и полномочия судебных следователей, их взаимоотношения с исполнительной властью, судом, прокуратурой, полицией» [11].

Согласно «Учреждению» новые участники судопроизводства являлись членами Уездного суда. Связь судебного следователя с судебной властью подтверждало и положение ст. 4 «Учреждения»: «В случае отвода, болезни, отсутствия, увольнения или смерти Судебного Следователя, должность его временно поручается Уездным Судом одному из членов Уездного Суда или состоящему при Суде кандидату на должность Судебного Следователя» [12]. То есть проявление «судебной» природы нового участника выражалось в его принадлежности к судебной власти.

Таким образом законодатель стремился отделить следственный аппарат от административной и полицейской власти, обеспечив тем самым его независимость, однако, на наш взгляд, не учёл того, что в этом случае подвергается сомнению его независимость от судебной власти, потому как теперь одно ведомство и раскрывало преступления, и осуществляло правосудие. В этой связи достаточно спорным представляется мнение Л.В. Винницкого, который считает, что благодаря введению института судебных следователей «впервые в России реализован принцип разделения властей – судебная власть была отделена от исполнительной и законодательной» [13]. Сомнительно в этом случае и высказывание профессора А.В. Смирнова, который утверждает, что одним из достоинств судебной реформы XIX века являлась гарантия непредвзятой судебной защиты.

Также, согласно рассматриваемому документу, в случае, если судебные следователи «не заняты производством следствий, то они участвуют в делах уездного суда наравне с прочими оного, не рассматривая лишь тех дел, по коим они сами производили исследование». Этот ас-

пект представляется интересным, так как может быть ответом на вопрос о причинах разногласий и неопределённостей при установлении исследователями сущности института судебного следователя.

Справедливости ради, стоит сказать, что в проектах «Учреждения судебных следователей», «Наказа судебным следователям» и «Наказа полиции о производстве первоначальных исследований по преступлениям и проступкам» за авторством члена Комиссии Н.И. Стояновского, новый участник именовался «следственным судьёй». Однако, при обсуждении этих проектов членами Соединённых Департаментов Государственного Совета и членами Главного Комитета по крестьянскому делу такой термин подвергся критике. По мнению чиновников «слова «следственный судья» могли дать неправильное понятие об учреждении, потому что этот судья не судит, а собирает только данные, представляемые им на разрешение суда; он производит следствие и поэтому должен называться следователем, но так как следствия из ведомства полиции переходят к судам, то правильнее всего было бы назвать его «судебным следователем»» [14].

Таким образом, можно смело утверждать, что законодателем был введен именно субъект производства расследования по делу. В связи с этим, представляется, что функция по «участию в делах уездного суда наравне с прочими оного» предполагается как факультативная и не является основой деятельности рассматриваемого участника уголовного судопроизводства.

В подтверждение этого тезиса приведём также ряд положений исследуемого нормативного акта. Так, ст. 9 «Учреждения» декларирует обязанность следователя производить «следственные действия, необходимые для того, чтобы изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащего ведению судебных мест». Среди важнейших полномочий судебного следователя – право начинать производство следствия по преступлениям и проступкам (ст. 11); право приглашать к участию в следственных действиях понятых, свидетелей из числа местных жителей (ст. 13); право задерживать подозреваемых и обвиняемых и процедуру задержания (ст. 14); право составлять протоколы следственных действий, имеющие силу судебных доказательств (ст. 17) и т.д» [15].

Кроме того, члены Государственного Совета выразили своё мнение относительно принадлежности судебного следователя судебной ветви власти и выполнения им юрисдикционной функции по рассмотрению дела по существу. Хотя судебные следователи и считаются членами окружного суда, и по системе современного законодательства дать полную самостоятельность им признаётся необходимым для свободного и беспристрастного отправления правосудия, «но в лицах судебных следователей должно быть более производителей, нежели судей; они будут призываться для собственно судебных обязанностей только в крайних и весьма редких случаях» – если для проведения судебного заседания недостаточно «наличных членов» окружного суда [16]. Также рассмотрение дела по существу судебным следователем называли «побочным занятием».

«Наказ судебным следователям» устанавливал порядок деятельности судебного следователя с момента возбуждения уголовного дела до его завершения, закреплял полномочия данного участника по производству процессуальных действий.

Судебный следователь, несомненно, стал новым, передовым звеном уголовного судопроизводства. Однако отсутствие системного подхода в реформировании законодательства повлекло за собой обратный желаемому эффект. Участники, привыкшие к архаичным принципам построения судопроизводства, не могли быстро адаптироваться к столь прогрессивным изменениям. «По словам известного русского историка А.А. Головачёва, «прислонённое к старой судебной системе учреждение судебных следователей, созданное отчасти уже по новым требованиям и началам, было в противоречии с окружающей сферой, и опытом показано, что от всех тех властей судебных, полицейских и административных, с которыми судебные следователи были в ежедневном соприкосновении, они встречали не столько содействие, сколько бездействие или даже противодействие»» [17].

Возникали проблемы и в штатных расстановках. В этот переходный период в ряде губерний возникла ситуация, когда в регионе параллельно действовали как следственные приставы, так и судебные следователи, которые имели в своей подследственности идентичный круг дел.

Б.Л. Бразоль о нововведениях отзывался так: «…вместо деятельной и твердой поддержки, судебные следователи нередко встречали в дореформенных судебных коллегиях явное противодействие вполне законным и разумным своим действиям… Старые уездные суды и уголовные палаты, даже после отделения следственной части от полиции, продолжали оказывать почти безграничное доверие действиям последней по производству дознаний, и при неизбежных на первых порах столкновений судебных следователей с полицейскими чиновниками решительно становились на защиту полиции, в ущерб достоинству вновь созданного и еще не окрепшего

следственного института» [18].

В высказываниях некоторых исследователей содержатся также нарекания относительно больших территорий судебных участков и неудовлетворительного состояния путей сообщения. Действительно, при заимствовании опыта зарубежных стран категорически важно учитывать особенности нашей страны, в рассматриваемом случае – огромную территорию. При условии существования большой территории судебного участка, назначенный за неё ответственным следователь должен был проводить большое количество времени на перемещения по ним, что конечно же негативно сказывалось на эффективности работы.

20 ноября 1864 года Александром II был принят пакет нормативных актов, ознаменовавших судебную реформу. Среди них «Учреждение судебных установлений» и «Устав уголовного судопроизводства». Новые законы почти в полном объёме содержали в себе «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции».

«Учреждение судебных установлений» оставляло в силе положения о принадлежности судебного следователя окружным судам, назначении его на должность по представлению министра юстиции. Оставлены положения, декларирующие гарантии несменяемости следственного судьи.

Известный российский юрист А.А. Квачевский о статусе и месте судебного следователя среди иных субъектов судопроизводства высказывался следующим образом: «Судебный следователь есть член окружного суда, деятельность которого состоит в производстве предварительных следствий (Учреждение Судебных Установлений ст. 6, 79). Он, в известных случаях участвует в чисто судебной деятельности в качестве члена суда (там же, ст. 146). Относительно служебного положения он считается наравне с другими членами суда и пользуется почти всеми преимуществами их (там же, ст.212, 239, 243). По этим основаниям его нельзя отнести к другому разряду лиц, как к имеющим значение судебное, власть судебную; хотя характер его деятельности не состоит в решении, но права, с нею соединённые, истекают из прав судебной власти, а в некоторых случаях действия его носят на себе отпечаток власти судейской, решений суда (ст. 438). Не только по этим чертам деятельности и власти, но и потому, что он следователь, судебный следователь по нашему закону не причисляется к органам обвинительной власти: наш закон отделяет следствие от иска не только тем, что не предоставляет чинам прокурорского надзора производить следственные действия, но и тем, что выделяет из следствия уголовное преследование и предоставляет его не следователю, а другим лицам, чтобы избегнуть тех недостатков, которыми страдает наше старое следствие, чтобы поставить следователя в более беспристрастное положение, чем ставился он сводом законов» [19].

Отмечаем, что согласно ст. 6 Учреждения судебных установлений, основная функция рассматриваемого участника состоит в производстве следствий по делам о преступлениях и проступках. Кроме того, положение ст. 237 напротив отграничивает судебного следователя от иных носителей судебной власти: «Члены судебных палат и окружных судов, за исключением судебных следователей, равно как и мировые судьи состоят все по званию и обязанностям судьи в одном и том же классе должности …» Согласно ст. 415, судебные следователи, в случае их недостатка, заменялись кандидатами на должности по судебному ведомству. Это положение представляется корреспондирующим статье 146, что может указывать на законодательно закреплённую практику решения вопросов кадрового недостатка внутриведомственными перестановками [20].

Интересная ситуация сложилась в Закавказском крае. Национально-государственная политика, проводимая в целях обеспечения единства государства, обязывала особым образом подходить к любым изменениям в специфических регионах страны. Новые нормативные акты, принятые в контексте реформирования судопроизводства, в Закавказье действовали с некоторыми изменениями. А принятый позднее – в 1866 году именной указ об Утверждении Положения о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 года к Закавказскому краю прямо возложил на мировых судей обязанности судебных следователей. Позднее, по мере распространения судебной реформы на дальние регионы Империи, мировые судьи оказались наделены полномочиями по расследованию уголовных дел в судебных округах не только Закавказья, но также Сибири и Средней Азии. Однако, такая дифференциация функций мировых судей носила временный характер и не получила дальнейшего распространения.

Ещё один вновь принятый закон – Устав уголовного судопроизводства «действительно явился, по словам профессора В.Т. Томина, первым настоящим Уголовно-процессуальным кодексом России» [21].

Ст. 249 нового нормативного акта устанавливается, что предварительное следствие о преступлениях и проступках, подсудных окружным судам, производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей. Тем самым определяется место судебного следователя среди участников судопроизводства и его процессуальные функции [22].

Предварительную проверку, в случае, если отсутствовал следователь или прокурор, начинала полиция «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением» (ст. 254 УУС). Собранные материалы направлялись судебному следователю с обязательным уведомлением прокурора.

Возбуждение уголовного дела инициировалось прокурором, в исключительных случаях – следователем. Письменный акт, направляемый прокурором судебному следователю, обязывал последнего приступить к расследованию, но при установлении обстоятельств, исключающих производство по делу, необходимые материалы направлялись в суд для принятия решения о прекращении дела.

Положение ст. 264 декларирует процессуальную самостоятельность следователя, обязывая и предоставляя полномочия «предпринимать собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом».

В Уставе уголовного судопроизводства почти как в современном Уголовно-процессуальном кодексе подробно были описаны основания и порядок производства следственных и процессуальных действий, производимых судебных следователем.

Контрольная функция судебного следователя, в соответствии со ст. 269 Устава, сводилась к праву проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию.

Истинные же контрольные полномочия принадлежали суду и прокурору. Так, например, прокурорам предписано наблюдать за производством следствий судебными следователями, а «по всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собранию доказательств, судебный следователь исполняет законные требования прокурора». Окружной суд рассматривал жалобы на действия судебных следователей, разрешал вопрос правомерности указания прокурора о взятии под стражу обвиняемого и отказа следователя от его исполнения.

Как лицу, принадлежащему к судебной ветви власти, законодатель дал право судебному следователю самостоятельно избирать меры пресечения с обязательным уведомлением прокурора.

По окончании расследования следователь направлял собранные материалы прокурору, который решал вопрос о её полноте и правильности. Положительный ответ закреплялся составлением обвинительного акта, который направлялся в суд.

Закрепив круг полномочий и обязанностей нового судебного следователя, его место среди иных участников уголовного судопроизводства, законодатель определил и его правовой статус.

Прокурорский контроль над следователем был ограничен, но имел место. По всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собранию доказательств, судебный следователь исполняет законные требования прокурора или его товарища с отметкой в протоколах, какие именно меры приняты по его требованию (ст. 281 УУС). Судебный следователь обязан был исполнить требование прокурора об освобождении взятого под стражу обвиняемого, но с заключением последнего под стражу следователь мог не согласиться, предоставляя суду право разрешить спор.

К 1899 г. институт судебных следователей был распространен на всю территорию Российской империи.

Самодержавная власть впоследствии пыталась реформировать правовой статус судебного следователя, имели место попытки поставить его в зависимость от исполнительной власти. Однако, судебный следователь просуществовал практически в неизменном виде до самого распада Российской Империи в 1917 году. Правящие органы Февральской революции полностью признали Уставы 1864 г. и не внесли изменений в структуру и деятельность следственного аппарата.

Итак, с проведением Судебной реформы 1864 года (включая предшествующее нормативное реформирование) судебная власть отделена от полиции, введён новый независимый участник – судебный следователь, член окружного суда, осуществляющий в основном досудебное расследование.

После Октябрьской революции 1917 года старая система уголовного судопроизводства была уничтожена, однако судебная модель предварительного следствия сохранена. Предварительное следствие производилось судьями местных народных судов, затем – следственными комиссиями [23].

С принятием Постановления ВЧК от 14 сентября 1928 г. начался период перехода от осуществляющих предварительное расследование судебных органов к народным следователям – положениями указанного нормативного акта в штаты отделов комиссий всех уровней вводятся должности следователей.

Принятый в 1922 г. УПК РСФСР к деятельности следователя относил производство предварительного следствия, путём проведения допроса, обыска, выемки и иных следственных действий (ст.ст. 78, 111, 112, 178 УПК РСФСР [24]). В свою очередь прокурор обладал контрольными и надзорными полномочиями по отношению к

следователю, принимал от него постановления и сообщения о начале производства предварительного следствия (ст. 112, ч. 3 ст. 101 УПК РСФСР), имел право знакомиться с актами предварительного следствия и давать обязательные для исполнения указания следователю о направлении и дополнении следствия (ст. 121 УПК РСФСР).

В дальнейшем отечественное уголовно-процессуальное законодательство также не содержит норм, на основании которых мы могли бы говорить о наличии в нём фигуры судебного следователя. Его существование ограничено временными рамками и может быть обозначено периодом с 1860 по 1928 годы.

Введение фигуры судебного следователя в отечественный уголовный процесс явилось действительно важной вехой развития уголовно-процессуального законодательства. Нами установлено, что существовавший в Российской Империи участник, всё же назывался судебный следователь. Начиная с названия обсуждаемого участника, заканчивая его сущностными функциями и, несмотря на то, что судебный следователь являлся членом окружного суда и носителем судебной власти (лишь исходя из его штатной принадлежности), всё же по своей сути он являлся лицом, выполняющим функции современного следователя.

Список литературы:

[1] Подробнее об этом см.: Коробкова Е.Е. Институт следственных судей: реальная потребность или дань реформе? // Уголовно-процессуальные проблемы расследования уголовных дел, подследственных органам внутренних дел: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Иркутск, 23 марта 2020 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. С. 30-34.

[2] Курс уголовного процесса. / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М. Статут, 2017. С.142.

[3] Серов Д. О., Фёдоров А.В. Следствие в московском государстве XV - XVII вв. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/72527-sledstvie-moskovskom-gosudarstve-xvii..

[4] Курс уголовного процесса. / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М. Статут, 2017. С.143.

[5] Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М. 1910. С. 18. URL: https://library6.com/books/442625.pdf..

[6] Соловьёва Н.А. Историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. № 1 (14). С. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-instituta-priznaniya-viny-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer..

[7] Аверченко А.К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu..

[8] Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М. 1910. С. 18. URL: https://library6.com/books/442625.pdf.

[9] Глянько О. А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи. дис. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 66.

[10] Именной указ, данный Правительствующему Сенату 8 июня 1860 года. Полное собрание законов Российской Империи. Том 34. Закон № 35890. С. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[11] Аверченко А.К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu.

[12] Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 года. Полное собрание законов Российской Империи. Том 34. Закон № 35890. С. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[13] Винницкий Л.В. История развития процессуальной компетенции следователя. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/42680-istoriya-razvitiya-processualnoj-kompetencii-sledovatelya..

[14] Блинов И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк / [соч.] Ив. Блинова. Пг.: Сенат. тип., 1914. С. 103. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10801-blinov-i-a-sudebnaya-reforma-20-noyabrya-1864-g-istor-yuridicheskiy-ocherk-pg-1914..

[15] Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 года. Полное собрание законов Российской Империи. Том 34. Закон № 35890. С. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[16] Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. URL: http://jurytrial.ru/media/files/library/file624.pdf..

[17] Аверченко А.К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu.

[18] Глянько О.А. Указ. соч. С. 68.

[19] Блинов И.А. Указ. соч. С. 103.

[20] Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года. Полное собрание законов Российской Империи. Том 39. Закон № 41475. С.180. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[21] Аверченко А.К. Указ. соч.

[22] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Полное собрание законов Российской Империи. Том 39. Закон № 41476. С. 215. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[23] Расчётов В.А. Зарождение, формирование и развитие отечественных следственных органов: периодизация исторического процесса // Журнал Genesis: исторические исследования. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-formirovanie-i-razvitie-otechestvennyh-sledstvennyh-organov-periodizatsiya-istoricheskogo-protsessa..

[24] Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 02.02.2023).

References:

[1] For more information about this, see: Korobkova E.E. Institute of Investigative Judges: a real need or a tribute to reform? // Criminal procedural problems of investigating criminal cases under investigation by internal affairs bodies: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, March 23, 2020). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. S. 30-34.

[2] Course of criminal proceedings ./Ed. Doctor of Legal Sciences, prof. L.V. Golovko. 2nd ed., Rev. M. Statute, 2017. S.142.

[3] Serov D.O., Fedorov A.V. Investigation in the Moscow state of the XV - XVII centuries. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/72527-sledstvie-moskovskom-gosudarstve-xvii..

[4] Course of criminal proceedings ./Ed. Doctor of Legal Sciences, prof. L.V. Golovko. 2nd ed., Rev. M. Statute, 2017. S.143.

[5] Dukhovskoy M.V. Russian criminal process. M. 1910. S. 18. URL: https://library6.com/books/442625.pdf..

[6] Solovyova N.A. Historical and legal analysis of the institution of admission of guilt in domestic criminal proceedings // Bulletin of Volgograd State University. 2011. № 1 (14). S. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-instituta-priznaniya-viny-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer..

[7] Averchenko A.K. The formation and development of the criminal procedural status of a judicial investigator during the period of judicial reforms of Alexander II (1860-1864). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu..

[8] Dukhovskoy M.V. Russian criminal process. M. 1910. S. 18. URL: https://library6.com/books/442625.pdf.

[9] Glosko O. A. Theoretical and legal model of the procedural status of the investigating judge. dis. cand. jurid. sciences. M., 2019. S. 66.

[10] A personal decree given to the Governing Senate on June 8, 1860. Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume 34. Law No. 35890. S. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[11] Averchenko A.K. The formation and development of the criminal procedural status of a judicial investigator during the period of judicial reforms of Alexander II (1860-1864). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu.

[12] Establishment of judicial investigators of June 8, 1860. Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume 34. Law No. 35890. S. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[13] Vinnitsky L.V. History of the development of the procedural competence of the investigator. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/42680-istoriya-razvitiya-processualnoj-kompetencii-sledovatelya..

[14] Blinov I.A. Judicial Reform November 20, 1864: Historical and Legal Essay/[Op.] Yves. Blinova. Pg.: Senate. type., 1914. S. 103. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10801-blinov-i-a-sudebnaya-reforma-20-noyabrya-1864-g-istor-yuridicheskiy-ocherk-pg-1914..

[15] Establishment of judicial investigators of June 8, 1860. Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume 34. Law No. 35890. S. 710. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[16] Explanatory note to the draft institution of judicial location. url: http://jurytrial.ru/media/files/library/file624.pdf..

[17] Averchenko A.K. The formation and development of the criminal procedural status of a judicial investigator during the period of judicial reforms of Alexander II (1860-1864). URL: https://studylib.ru/doc/2589998/a.k.-averchenko--formirovanie-i-razvitie-ugolovno-processu.

[18] Glosko O.A. Decree. Op. S. 68.

[19] Blinov I.A. Decree. Op. S. 103.

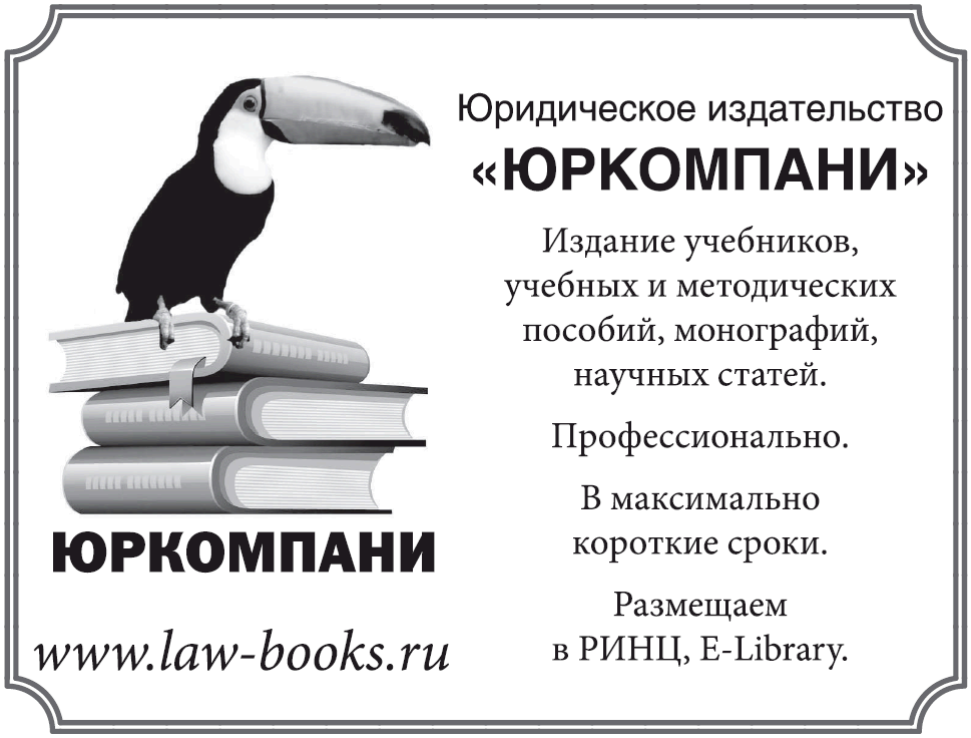
[20] Establishment of Judicial Orders of November 20, 1864. Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume 39. Law No. 41475. S.180. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[21] Averchenko A.K. Decree. Op.

[22] Statute of Criminal Procedure of November 20, 1864. Complete collection of laws of the Russian Empire. Volume 39. Law No. 41476. S. 215. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php..

[23] Calculations V.A. The origin, formation and development of domestic investigative bodies: periodization of the historical process // Genesis Magazine: historical research. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-formirovanie-i-razvitie-otechestvennyh-sledstvennyh-organov-periodizatsiya-istoricheskogo-protsessa..

[24] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 25, 1922 "On the Code of Criminal Procedure" (together with the Code of Criminal Procedure of the RSFSR). Access from SPS "ConsultantPlus." (Accessed: 02.02.2023).



Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-29-32

БОНДАРУК Ирина Андреевна,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются направления применения технологий искусственного интеллекта при производстве допроса подозреваемого – от анализа невербального поведения и голоса до подготовки следователя к допросу с помощью языковых моделей. Отдельное внимание уделено правовым ограничениям использования таких систем: допустимости их результатов в качестве доказательств, соотношению с правом не свидетельствовать против себя и зарубежному опыту регулирования, в частности положениям Регламента ЕС об искусственном интеллекте. Показано, что при существующем уровне развития технологии способны выполнять только вспомогательную функцию, а их прямое использование как основания процессуальных решений создает риски необоснованного обвинения и нарушения прав допрашиваемого. Сформулированы предложения по определению правового статуса подобных систем в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, допрос, следственные действия, детекция лжи, распознавание эмоций, криминалистика, уголовный процесс, доказательства, права личности.*

BONDARUK Irina Andreevna,
Researcher, Research Department, Federal State Educational Institution of Higher Education "Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INTERROGATION OF A SUSPECT: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL LIMITS OF APPLICATION

Annotation. *The article examines the areas of application of artificial intelligence technologies in the interrogation of a suspect - from analyzing non-verbal behavior and voice to preparing an investigator for interrogation using language models. Special attention is paid to the legal restrictions on the use of such systems: the admissibility of their results as evidence, the relationship with the right not to incriminate oneself and foreign experience in regulation, in particular the provisions of the EU Regulation on artificial intelligence. It has been shown that, given the current level of development, technologies are capable of performing only an auxiliary function, and their direct use as the basis for procedural decisions creates risks of unjustified accusation and violation of the rights of the interrogated. Proposals have been formulated to determine the legal status of such systems in criminal proceedings.*

Key words: *artificial intelligence, interrogation, investigative actions, lie detection, emotion recognition, forensics, criminal process, evidence, individual rights.*

Правоохранительные органы разных стран уже несколько лет используют системы искусственного интеллекта не только для розыска и учета преступлений, но и для решения задач, ранее считавшихся исключительно прерогативой следователя или оперативного сотрудника. В мае 2025 года специалисты Китайской академии наук представили модель Diffface, восстанавливающую изображение лица человека по образцу ДНК, обнаруженному на месте происшествия, что позволяет сузить круг подозреваемых ещё до начала допроса [7]. В Казахстане система видеоаналитики «Таргет-AI» за короткий период эксплуатации помогла пресечь более 1200 правонарушений и раскрыть два уголовных дела, устанавливая личность подозреваемого по камерам наблюдения [8]. Отдельно развивается направление, напрямую затрагивающее тактику допроса: программные комплексы для анализа голоса и мимики, заявленные производителями как средство обнаружения лжи.

При этом нормативное регулирование применения таких средств в российском уголовном процессе фактически отсутствует. Уголовно-

процессуальный кодекс РФ допускает использование технических средств при допросе (ст. 189 УПК РФ), но не содержит специальных норм о системах искусственного интеллекта, их сертификации и статусе получаемых с их помощью сведений. Отставание правового регулирования от темпов внедрения технологии ставит перед юридической наукой задачу заранее очертить границы допустимого использования подобных систем – до того, как практика столкнется с массовыми случаями оспаривания доказательств, полученных таким путем.

Наиболее обсуждаемое направление – автоматическое распознавание признаков обмана по мимике, голосу и письменной речи допрашиваемого. Обзор научных работ показал, что среди алгоритмов машинного обучения именно сверточные нейронные сети (CNN) дают лучшие результаты в задаче распознавания обмана по сравнению как с классическим полиграфом, так и с оценкой поведения человеком-экспертом [4]. Модели такого рода анализируют не только устную речь, но и рукописный текст показаний, извлекая лингвистические и вербальные признаки, которые сложно заметить без специальной подготовки.

Практическое применение подобных систем уже вышло за пределы лабораторных исследований. Израильская компания Nemesysco поставляет программное обеспечение для голосового анализа, которое, по данным разработчика, используется полицейскими управлениями Нью-Йорка и рядом шерифских служб Среднего Запада США непосредственно при допросах подозреваемых [5, 6]. Формально такие системы работают по той же логике, что и традиционный полиграф: физиологическая или речевая реакция интерпретируется как коррелят психического состояния допрашиваемого.

Второе направление связано не с оценкой правдивости показаний, а с организационной поддержкой самого допроса. Языковые модели способны в реальном времени транскрибировать допрос, сопоставлять текущие показания с ранее зафиксированными и указывать следователю на содержательные противоречия, требующие уточняющих вопросов. Такая функция ближе к работе помощника, готовящего материал для анализа, чем к самостоятельному инструменту получения доказательств, и потому вызывает меньше правовых возражений, чем распознавание эмоций [12].

К этой же группе можно отнести системы автоматизированного формирования протокола и предварительного построения версий на основе больших массивов материалов дела – направление, которое, по оценке исследователей, обладает существенным потенциалом для повышения эффективности работы органов предварительного расследования в целом, а не только применительно к отдельному следственному действию [3].

Отдельно стоит группа технологий, которые формально не относятся к тактике самого допроса, но напрямую определяют, кто именно окажется в статусе допрашиваемого. Речь идет о распознавании лиц по камерам наблюдения, сопоставлении отпечатков и, как в случае с Difface, реконструкции внешности по ДНК [7, 8]. С точки зрения уголовного процесса доказательства, полученные с использованием таких систем, например результат сравнения записи камеры с места происшествия с фотографией подозреваемого, признаются равноценными иным доказательствам, собранным по делу [4].

Ключевая проблема связана с процессуальным статусом заключения, полученного при помощи системы искусственного интеллекта. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа в российской практике оформляется как экспертное заключение и может быть приобщена к материалам уголовного дела наряду с другими доказательствами [9]. По аналогичной логике могла бы рассматриваться и экспертиза с использованием ИИ-анализа голоса или мимики. Однако достоверность таких результатов, как и в случае полиграфа, зависит от компетенции специалиста, личности допрашиваемого и типа поставленных вопросов, а риск ложноотрицательного и ложноположительного результата сохраняется независимо от того, интерпретирует сигнал человек или алгоритм [9].

Более того, для систем на основе машинного обучения этот риск усиливается непрозрачностью самого алгоритма: следователь и суд получают итоговую оценку без возможности проверить, на каких именно признаках она основана, что затрудняет ее оспаривание защитой и оценку судом по правилам ст. 74 и 88 УПК РФ.

Статья 51 Конституции РФ [2] и корреспондирующие нормы УПК РФ закрепляют право не давать показания против себя [1]. Применение технических средств контроля психофизиологического состояния традиционно допускается только с согласия допрашиваемого – принудительное подключение подозреваемого к полиграфу или аналогичной системе не допускается. Это ограничение в полной мере распространяется и на системы искусственного интеллекта: их использование не должно подменять собой добровольность дачи показаний и не может становиться формой психологического давления, даже если формально сохраняется процедура получения согласия.

Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689), вступивший в силу в 2024 году, прямо запрещает удаленную биометрическую идентификацию в

реальном времени в общественных местах для целей правоохранительной деятельности, оставляя лишь узкий перечень исключений, связанных с розыском жертв, предотвращением конкретной угрозы жизни или расследованием тяжких преступлений при строгой судебной санкции [10, 11]. Системы распознавания эмоций отнесены Регламентом к высокорисковым, а их применение в ряде контекстов, включая миграционный и пограничный контроль, требует дополнительной оценки соответствия и прозрачности [10]. Такой подход исходит из того, что научная надёжность распознавания эмоций остаётся ограниченной, а его результаты подвержены культурным и индивидуальным различиям в выражении эмоций, что способно приводить к дискриминационным последствиям [10].

Российское законодательство подобных специальных ограничений пока не содержит, что делает зарубежный опыт полезным ориентиром: он показывает, что регулирование должно затрагивать не только сам факт применения технологии, но и ее техническую надёжность, порядок сертификации и право лица знать, что в отношении него применяется система автоматизированного анализа.

Отдельного внимания заслуживает вывод о том, что главным препятствием для внедрения ИИ-полиграфов остаются культурные и гендерные различия в проявлении эмоций и речевых реакций, которые алгоритм не всегда способен корректно учитывать [4]. Опытный человек, пытающийся ввести систему в заблуждение, и человек, испытывающий естественную тревогу от самой ситуации допроса, могут получить схожую оценку алгоритма, что подтверждается и более ранними наблюдениями о ненадежности классического полиграфа: многие невиновные нервничают на допросе, тогда как опытные лжецы способны подавлять или имитировать физиологические реакции [6]. Перенос этой проблемы в область машинного обучения не устраняет ее, а лишь придает результату видимость объективности.

Из изложенного следует несколько практических предложений. Во-первых, целесообразно закрепить в УПК РФ статус заключения, полученного с использованием систем искусственного интеллекта, как одного из доказательств среди прочих, не имеющего заранее установленной силы и подлежащего оценке в совокупности с остальными материалами дела – по аналогии с существующим подходом к полиграфу. Во-вторых, следует установить обязательную сертификацию таких систем и требование о раскрытии стороне защиты методики их работы в объеме, достаточном для содержательного оспаривания результата. В-третьих, применение систем распознавания эмоций и детекции лжи должно оставаться строго добровольным и не может использоваться как самостоятельное основание для предъявления обвинения без подтверждения иными доказательствами. Наконец, направления, связанные не с оценкой правдивости, а с организационной поддержкой следователя – транскрибирование, сопоставление показаний, формирование протокола, – можно развивать значительно свободнее, поскольку они не создают того же риска подмены процессуальных гарантий.

Технологии искусственного интеллекта уже применяются в правоохранительной деятельности разных стран на этапах, предшествующих допросу и сопровождающих его: от восстановления внешности по ДНК и распознавания лиц по камерам до анализа голоса и мимики допрашиваемого. Наибольший практический потенциал на нынешнем этапе имеют инструменты организационной поддержки следователя, тогда как системы детекции лжи и распознавания эмоций сохраняют те же принципиальные ограничения, что и классический полиграф, усиленные непрозрачностью алгоритма и риском культурной предвзятости. Правовое регулирование должно исходить из вспомогательного характера подобных систем: их результаты могут дополнять доказательственную базу, но не заменять оценку следователя и суда, а применение – оставаться добровольным и не создавать новых форм давления на допрашиваемого.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями). Ст. 51.

[3] Искусственный интеллект как криминалистический инструмент [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-kriminalisticheskiy-instrument (дата обращения: 19.07.2026).

[4] Обзор ML для детекции лжи: сверточные нейросети лидируют, но внедрению ИИ-полиграфов помешают культурные и гендерные различия [Электронный ресурс] // Наука.mail.ru. URL: https://science.mail.ru/articles/4486-uchyonye-oae-nejroseti-raspoznayut-lozh-luchshe-tradicionnyh-metodov/ (дата обращения: 19.07.2026).

[5] Болвачев М. Предугадать поведение маньяка и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей [Электронный ресурс] // Право.ру. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (дата обращения: 19.07.2026).

[6] Попытка использовать ИИ в детекторе лжи лишь усугубляет проблему распознавания обмана [Электронный ресурс] // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/496496/ (дата обращения: 19.07.2026).

[7] Искусственный интеллект в криминалистике [Электронный ресурс] // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[8] Как искусственный интеллект помогает полиции раскрывать преступления [Электронный ресурс] // BAQ.kz. 30.08.2025. URL: https://rus.baq.kz/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-politsii-raskryvat-prestupleniya_300021181/ (дата обращения: 19.07.2026).

[9] Детектор лжи: правовые аспекты использования [Электронный ресурс] // Экспертный совет. URL: https://www.expertsud.ru/content/view/273/36/ (дата обращения: 19.07.2026).

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, 12.07.2024.

[11] AI Act [Electronic resource] // European Commission: Shaping Europe's digital future. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Волчецкая Т.С., Лавриненко А.А. Ситуационный подход в повышении эффективности допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о ятрогенных преступлениях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 3–10.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). Art. 51.

[3] Artificial intelligence as a forensic tool [Electronic resource] // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-kriminalisticheskiy-instrument (дата обращения: 19.07.2026).

[4] ML review for lie detection: convolutional neural networks are leading, but cultural and gender differences will prevent the introduction of AI polygraphs [Electronic Resource] // Наука.mail.ru. URL: https://science.mail.ru/articles/4486-uchyonye-oae-nejroseti-raspoznayut-lozh-luchshe-tradicionnyh-metodov/ (дата обращения: 19.07.2026).

[5] Bolvachev M. Predict the behavior of a maniac and calculate deepfake: how AI changes the work of investigators [Electronic resource] // Право.ру. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (access date: 19.07.2026).

[6] An attempt to use AI in a lie detector only exacerbates the problem of recognizing deception [Electronic Resource] // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/496496/ (access date: 19.07.2026).

[7] Artificial Intelligence in Forensics [Electronic Resource] // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru (access date: 19.07.2026).

[8] How artificial intelligence helps police solve crimes [Electronic resource] // BAQ.kz. 30.08.2025. URL: https://rus.baq.kz/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-politsii-raskryvat-prestupleniya_300021181/ (дата обращения: 19.07.2026).

[9] Lie detector: legal aspects of using [Electronic resource] // Expert council. URL: https://www.expertsud.ru/content/view/273/36/ (access date: 19.07.2026).

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, 12.07.2024.

[11] AI Act [Electronic resource] // European Commission: Shaping Europe's digital future. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Volchetskaya T.S., Lavrinenko A.A. Situational approach in improving the effectiveness of interrogation of suspects and accused in cases of iatrogenic crimes // Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 4. S. 3-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-33-38

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент Института Академии ФСИН России по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

ДЕНИСОВ Дмитрий Алексеевич,
старший преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки инженерно-технического факультета Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УИС: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ

Аннотация. *В статье рассматривается психологическая структура интеллектуально-волевого компонента тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Обосновывается интегративная природа данного компонента, сочетающего когнитивные и регулятивные функции личности. Предлагается комплексная диагностическая модель, позволяющая оценить уровень развития интеллектуально-волевых качеств у сотрудников. Результаты исследования имеют значение для совершенствования системы профессионального отбора и психологического сопровождения в УИС.*

Ключевые слова: *интеллектуально-волевой компонент, тактико-специальная подготовка, уголовно-исполнительная система, психологическая структура, психодиагностика, профессиональная пригодность.*

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Department of Physical Fitness and Sports, Associate Professor

DENISOV Dmitry Alekseevich,
Senior Lecturer, Department of Physical, Fire, and Tactical-Special Training, Faculty of Engineering and Technology, University of the Federal Penitentiary Service of Russia

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
PhD in Psychology Associate Professor, Department of Physical, Fire, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

INTELLECTUAL-VOLITIONAL COMPONENT OF TACTICAL-SPECIAL TRAINING OF THE PRISON INSTITUTION: PSYCHOLOGICAL STRUCTURE AND DIAGNOSTIC METHODS

Annotation. *This article examines the psychological structure of the intellectual-volitional component of the tactical-special training of penal system (PS) employees. The integrative nature of this component, which combines cognitive and regulatory functions, is substantiated. A comprehensive diagnostic model is proposed for assessing the level of development of intellectual-volitional qualities in employees. The results of the study have implications for improving the system of professional selection and psychological support in the PS.*

Key words: *intellectual-volitional component, tactical-special training, penal system, psychological structure, psychodiagnostics, professional suitability.*

Интеллектуально-волевой компонент в тактико-специальной подготовке УИС представляет собой интегральное качество личности сотрудника, обеспечивающее осознанное, целенаправленное и устойчивое выполнение служебно-боевых задач в условиях дефицита времени, информации и высокой психологической напряженности. Его содержание выходит за рамки простого накопления знаний о тактике и включает способность анализировать оперативную обстановку, прогнозировать развитие событий, выбирать оптимальный способ действия и сохранять внутреннюю собранность при воздействии стрессоров. В системе подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы данный компонент играет особую роль, поскольку специфика служебной деятельности связана с необходимостью действовать не только по инструкции, но и в условиях неопределенности, конфликтности и потенциальной угрозы безопасности персонала, осужденных и иных лиц.

Интеллектуальная составляющая данного компонента проявляется в способности сотрудника к быстрому переработыванию информации, выделению значимых признаков ситуации, сопоставлению фактов, оценке рисков и построению тактического замысла. В условиях тактико-специальной подготовки это выражается в умении принимать решения на основе неполных данных, учитывать вероятное поведение правонарушителя, выбирать способы взаимодействия с коллегами и корректировать действия по мере изменения обстановки. Волевой аспект, в свою очередь, отражает способность к саморегуляции, преодолению страха, усталости, сомнений и импульсивных реакций, а также к поддержанию дисциплины и выполнению поставленной задачи до достижения результата. Именно сочетание интеллектуальной проработки ситуации и волевой устойчивости позволяет сотруднику УИС действовать не механически, а осмысленно и надежно.

Место интеллектуально-волевого компонента в тактико-специальной подготовке определяется тем, что он является связующим звеном между теоретическими знаниями, практическими навыками и реальным поведением в экстремальной ситуации. Даже при высоком уровне физической и технической подготовленности сотрудник может оказаться неэффективным, если не способен быстро оценить тактическую задачу или теряет самообладание при внезапном изменении обстановки. Следовательно, тактико-специальная подготовка должна формировать не только алгоритмы действий, но и внутреннюю готовность к их гибкому применению. В этом смысле интеллектуально-волевой компонент выступает условием профессиональной надежности, поскольку определяет качество принятия решений, точность исполнения и устойчивость поведения.

Особое значение данный компонент приобретает в связи с тем, что служебная деятельность в УИС нередко протекает в условиях повышенной регламентации, однако реальные события требуют от сотрудника инициативности в пределах правового поля. Это означает, что интеллектуально-волевой компонент включает не только способность мыслить тактически, но и умение удерживать поведение в рамках законности, служебной дисциплины и моральной ответственности. Сотрудник должен не просто выбрать эффективное действие, но и соотнести его с требованиями безопасности, правовыми нормами и этическими ограничениями. Таким образом, рассматриваемый компонент обеспечивает баланс между решительностью и сдержанностью, между оперативностью и обоснованностью, между личной активностью и подчинением служебной задаче.

В структуре тактико-специальной подготовки интеллектуально-волевой компонент выполняет системообразующую функцию. Он определяет успешность усвоения тактических знаний, качество тренировки навыков и степень переноса учебных действий в реальную служебную практику. Поэтому его развитие должно рассматриваться как самостоятельная педагогическая и психологическая задача, требующая целенаправленного формирования через проблемные задания, моделирование сложных ситуаций, тренировки принятия решений, упражнения на стрессоустойчивость и рефлексивный анализ действий. Именно такой подход позволяет обеспечить не формальное, а деятельностное освоение тактики, при котором сотрудник способен действовать уверенно, осмысленно и эффективно в любой служебной обстановке.

Интеллектуально-волевой компонент тактико-специальной подготовки сотрудников УИС представляет собой сложное психологическое образование, обеспечивающее способность к осмысленному анализу оперативной обстановки, принятию обоснованных решений и их последовательной реализации в условиях дефицита времени, информации и эмоционального напряжения. Его психологическая структура не сводится только к уровню знаний или силе воли: она включает взаимосвязанный комплекс когнитивных, регуляторных и личностных элементов, которые в реальной служебной деятельности проявляются как единая функциональная система.

Ключевым элементом выступает познавательно-аналитический блок, включающий внимание, восприятие, оперативную память, мышление и прогнозирование. Именно он обеспечивает сбор и переработку информации о ситуации, выделение значимых признаков, распознавание угроз и оценку возможных вариантов действий. В условиях тактико-специальной задачи сотрудник УИС должен не только быстро ориентироваться в обстановке, но и удерживать в сознании несколько факторов одновременно: поведение осужденных, особенности помещения, наличие подручных средств, риски для персонала и граждан. Следовательно, интеллектуальный компонент здесь проявляется как способность к быстрой и точной ориентировке, гибкому анализу и антиципации.

Вторым важным элементом является мотивационно-ценностная основа. Она определяет, ради чего сотрудник включает усилия, насколько он готов действовать в интересах служебной задачи, соблюдать правовые и этические нормы, сохранять самообладание и ответственность. Мотивация в структуре интеллектуально-волевого компонента не является внешним дополнением к мышлению: она задает направленность мыслительных процессов, влияет на устойчивость внимания, на выбор между импульсивной реакцией и обдуманным действием. Высокая значимость служебного долга, развитое чувство ответственности и профессиональной идентичности усиливают способность сотрудника к целенаправленному поведению в стрессовой ситуации.

Третий элемент — волевая регуляция, включающая целеустремленность, решительность, настойчивость, самоконтроль, выдержку и способность к произвольному усилию. Именно волевой блок обеспечивает перевод принятого решения в действие, преодоление страха, растерянности, сомнений и отвлекающих факторов. В тактико-специальной подготовке воля проявляется не как абстрактное «сила характера», а как умение сохранять управляемость поведения при высокой психологической нагрузке, поддерживать дисциплину действий и не допускать срывов при неожиданном изменении обстановки.

Особое место занимает эмоционально-стрессовая устойчивость, которая выполняет связующую функцию между интеллектом и волей. Эмоциональное возбуждение может как мобилизовать, так и дезорганизовать деятельность; поэтому способность к саморегуляции, контролю тревоги и сохранению ясности мышления становится обязательным условием эффективного поведения. При недостаточной устойчивости снижается качество анализа ситуации, сужается поле внимания, возрастает вероятность ошибочных решений и импульсивных действий. Напротив, при развитой саморегуляции интеллектуальные процессы остаются продуктивными даже в условиях угрозы и неопределенности.

Взаимосвязь элементов интеллектуально-волевого компонента носит динамический характер. Интеллектуальная оценка ситуации задает содержание решения, мотивация придает ему личностную значимость, а волевая регуляция обеспечивает реализацию. При этом каждый элемент влияет на другие: мотивация усиливает концентрацию мышления, воля поддерживает интеллектуальное усилие, а успешный анализ ситуации укрепляет уверенность и снижает эмоциональное напряжение. Таким образом, интеллектуально-волевой компонент следует рассматривать как целостную систему, в которой познавательные процессы, ценностно-мотивационные установки и волевая саморегуляция образуют единый механизм готовности к действиям в сложных условиях служебной деятельности.

Формирование интеллектуально-волевой готовности сотрудников УИС определяется совокупностью взаимосвязанных факторов, среди которых ведущую роль играют профессиональная мотивация, уровень специальных знаний, личностные свойства и особенности служебной среды. Интеллектуальный аспект готовности проявляется в способности быстро анализировать обстановку, выделять значимые признаки угрозы, прогнозировать развитие ситуации и выбирать оптимальный способ действия. Волевой компонент связан с умением сохранять самоконтроль, устойчивость к стрессу, целеустремленность и готовность к принятию решений в условиях дефицита времени, информации и повышенной ответственности.

Одним из ключевых факторов выступает специфика профессиональной социализации сотрудника. На начальных этапах службы значительное влияние оказывает уровень базовой подготовки, сформированность представлений о требованиях служебной деятельности, а также наличие или отсутствие внутренних установок на соблюдение дисциплины, законности и служебного долга. Если у сотрудника изначально развиты такие качества, как ответственность, настойчивость, собранность и способность к самоорганизации, то процесс формирования интеллектуально-волевой готовности протекает более эффективно. Напротив, недостаточная мотивация, ориентированность на формальное выполнение обязанностей и низкая личная включенность в профессию тормозят развитие готовности к тактико-специальным действиям.

Существенное значение имеют особенности образовательной среды и содержания подготовки. Интеллектуально-волевая готовность не может быть сформирована исключительно в теоретическом обучении, поскольку требует вклю-

чения сотрудника в моделируемые служебные ситуации, максимально приближенные к реальным. Чем чаще в процессе занятий используются элементы неопределенности, внезапного изменения условий, командного взаимодействия и ограниченного времени на принятие решения, тем активнее развиваются механизмы оперативного мышления и волевой регуляции поведения. В этой связи важны тренировочные задания, предполагающие не только знание алгоритмов действий, но и умение гибко перестраивать их в зависимости от обстановки.

Отдельную группу факторов составляют индивидуально-психологические особенности. Уровень внимания, оперативной памяти, переключаемости мышления, способности к антиципации и эмоциональной устойчивости непосредственно влияет на успешность освоения тактико-специальных навыков. Сотрудники с высоким уровнем саморегуляции легче справляются с психическим напряжением, сохраняют ясность мышления в конфликтных и экстремальных ситуациях и демонстрируют более высокую готовность к действиям в условиях риска. Волевые качества при этом не являются врожденными и окончательно заданными: они развиваются в процессе систематической тренировки, преодоления трудностей и рефлексии собственного опыта.

Нельзя игнорировать и влияние служебного коллектива. Поддерживающий микроклимат, авторитет руководителя, четкость требований и наличие позитивных образцов поведения усиливают формирование интеллектуально-волевых качеств. В подразделениях, где поощряются инициативность, взаимовыручка, дисциплина и ответственное отношение к выполнению задач, сотрудники быстрее усваивают модели уверенного и обоснованного поведения. Напротив, хронический стресс, конфликтность, неопределенность организационных ожиданий и недостаток обратной связи снижают уровень готовности и могут приводить к эмоциональному истощению.

Значимым фактором является и опыт реального выполнения служебных задач. Практика показывает, что интеллектуально-волевая готовность наиболее активно формируется в процессе накопления успешных решений, анализа ошибок и последующей коррекции действий. При этом особую роль играет рефлексивный компонент: способность сотрудника осмысливать собственные действия, оценивать эффективность принятого решения и выделять причины затруднений. Именно сочетание практического опыта, самоконтроля и аналитической переработки этого опыта обеспечивает устойчивое развитие готовности к тактико-специальной деятельности.

Таким образом, интеллектуально-волевая готовность сотрудников УИС формируется под влиянием личностных, образовательных, организационных и ситуационных факторов. Их учет необходим не только для построения эффективной подготовки, но и для диагностики уровня готовности, поскольку позволяет выявлять дефициты в когнитивной, мотивационной и волевой сферах, своевременно корректируя содержание обучения и индивидуальные траектории профессионального развития.

Диагностика интеллектуально-волевого компонента в условиях тактико-специальной подготовки должна учитывать, что в реальной служебной ситуации познавательные процессы и волевая регуляция проявляются не изолированно, а в единстве с восприятием обстановки, принятием решения, контролем действий и устойчивостью к стрессу. Поэтому оценка данного компонента не может ограничиваться только тестами на внимание, память или общую сообразительность. Необходим комплексный подход, сочетающий психодиагностические методики, наблюдение за поведением обучаемого в моделируемой обстановке, анализ результатов выполнения упражнений и экспертную оценку инструкторов.

На первом этапе целесообразно применять методы экспресс-диагностики когнитивной готовности: тесты на распределение и переключение внимания, оперативную память, быстроту переработки информации, логическое мышление и способность к прогнозированию. Эти показатели особенно значимы для сотрудников УИС, поскольку в ходе тактико-специальных действий требуется одновременно отслеживать несколько источников информации, выделять существенные признаки угрозы и быстро выстраивать алгоритм действий. Вместе с тем сами по себе такие тесты отражают лишь потенциальные возможности, но не показывают, как сотрудник реализует их в условиях дефицита времени, неопределенности и эмоционального напряжения.

Именно поэтому второй блок диагностики должен включать моделирование служебно-боевых ситуаций. В рамках учебно-тренировочных заданий оценивается не только конечный результат, но и процесс: как быстро обучаемый ориентируется в обстановке, способен ли удерживать цель действия, не теряет ли последовательность операций, умеет ли корректировать решение при изменении условий. Особую диагностическую ценность имеют ситуации с противоречивой информацией, внезапным изменением вводных, отвлекающими факторами и ограничением времени. В таких условиях отчетливо проявляются волевые качества: настойчивость, самообладание, решительность, выдержка, способность к мобилизации усилий и преодолению затруднений.

Для оценки интеллектуально-волевого компонента полезны экспертные карты наблюде-

ния, в которых фиксируются поведенческие индикаторы: точность ориентировки, темп принятия решения, устойчивость к помехам, склонность к импульсивным либо чрезмерно затянутым действиям, умение следовать инструкциям, способность сохранять работоспособность после ошибки. При этом важно учитывать не только выраженность качеств, но и динамику их проявления в процессе выполнения серии заданий. Снижение качества решений по мере нарастания утомления может свидетельствовать о недостаточной волевой устойчивости и слабом самоконтроле.

Дополнительную информацию дают методики самооценки и опросники, направленные на изучение произвольной регуляции поведения, уровня субъективного контроля, мотивации достижения, стрессоустойчивости и склонности к риску. Однако такие данные следует интерпретировать осторожно, поскольку в служебной среде возможны социально желательные ответы. Поэтому анкеты и опросники должны использоваться только в сочетании с объективными показателями и наблюдением в деятельности.

Эффективным инструментом диагностики является анализ ошибок в процессе выполнения тактико-специальных упражнений. Ошибки, связанные с пропуском важной информации, нарушением последовательности действий, неспособностью быстро перестроить план, часто указывают на недостаточную сформированность именно интеллектуально-волевых механизмов. В то же время разбор ошибок позволяет определить, обусловлены ли они дефицитом знаний, недостатком навыка или слабой саморегуляцией. Это важно для последующей индивидуализации подготовки.

Таким образом, диагностика интеллектуально-волевого компонента в тактико-специальной подготовке должна быть многоуровневой, ситуационно ориентированной и динамической. Только сочетание психометрических методов, моделирования служебных ситуаций, экспертного наблюдения и анализа деятельности позволяет получить достоверное представление о степени готовности сотрудника УИС к действиям в сложной и напряженной обстановке.

Практическое значение диагностики интеллектуально-волевого компонента тактико-специальной подготовки сотрудников УИС определяется тем, что она позволяет перейти от усредненного, формального обучения к адресному управлению развитием профессионально значимых качеств. В условиях служебной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы сотрудник должен быстро ориентироваться в сложной оперативной обстановке, удерживать цель действий при дефиците времени и информации, контролировать эмоциональные реакции, принимать юридически и тактически обоснованные решения. Поэтому своевременное выявление особенностей мышления, внимания, саморегуляции, настойчивости, устойчивости к стрессу и степени волевой мобилизации имеет прямое значение для качества подготовки и безопасности службы.

Диагностика позволяет определить исходный уровень готовности обучаемого к выполнению тактико-специальных задач. Это особенно важно в начальный период обучения, когда выявляются как потенциальные ресурсы сотрудника, так и зоны риска: замедленность принятия решений, импульсивность, недостаточная концентрация, слабая устойчивость к неопределенности, неумение сохранять самообладание в конфликтной ситуации. Полученные данные дают возможность выстраивать индивидуальные траектории подготовки, корректировать нагрузку, подбирать упражнения по степени сложности и темпу нарастания требований. В результате обучение становится не только более эффективным, но и более безопасным, поскольку позволяет предупреждать ошибки, связанные не с нехваткой знаний, а с недостаточной психологической готовностью.

Особое практическое значение имеет использование диагностических процедур для оценки динамики развития интеллектуально-волевых качеств. Тактико-специальная подготовка не должна ограничиваться проверкой конечного результата; важнее отслеживать, как меняется способность сотрудника анализировать ситуацию, выделять главное, прогнозировать последствия действий, сохранять целенаправленность и действовать в условиях психологического давления. Регулярная диагностика создает основу для обратной связи между преподавателем и обучаемым, помогает своевременно вносить изменения в содержание занятий, применять дополнительные тренинговые формы, включать элементы стресс-менеджмента, тренировки самоконтроля и принятия решений в условиях ограниченного времени.

Для служебной деятельности результаты диагностики также важны как инструмент кадрового и организационного управления. Они позволяют учитывать психологические особенности сотрудников при распределении задач, формировании служебных групп, назначении на должности, связанные с повышенной ответственностью и риском. Сотрудник с высокой интеллектуальной гибкостью и волевой устойчивостью лучше справляется с непредсказуемыми ситуациями, тогда как при выявлении дефицита этих качеств требуется усиление наставничества, поэтапное усложнение задач и дополнительная подготовка. Таким образом, диагностика снижает вероятность профессиональных срывов, ошибочных действий и неэффективного поведения в экстре-

мальных условиях.

Важным результатом является и профилактическая функция диагностики. Раннее обнаружение признаков психического утомления, снижения саморегуляции, тревожности или истощения волевых ресурсов позволяет предупреждать профессиональную деформацию, конфликтность и снижение дисциплины. Это особенно значимо для сотрудников УИС, деятельность которых нередко связана с длительным эмоциональным напряжением, необходимостью строгого соблюдения регламента и постоянным взаимодействием с контингентом, склонным к сопротивлению и манипулятивному поведению.

Таким образом, диагностика интеллектуально-волевого компонента выполняет не вспомогательную, а системообразующую роль. Она обеспечивает научно обоснованный

Список литературы:

[1] Муравьев, А. В. Общая физическая подготовка как составляющая профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России / А. В. Муравьев, Т. К. Одинцова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2020. – № 2(24). – С. 29-32. – EDN RZNIOC.

[2] Степанов, А. В. Цели и задачи профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в образовательных учреждениях ФСИН России / А. В. Степанов, Е. С. Кочунова // Вестник науки. – 2021. – Т. 1, № 8(41). – С. 9-14. – EDN WUDAWU.

[3] Михайлов, А. С. Формирование профессионально значимых личностных качеств курсантов вузов ФСИН России посредством прикладной физической подготовки / А. С. Михайлов, К. В. Чедов // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 5. – С. 62-64. – EDN TXLJTT.

[4] Специфика реализации прикладной физической подготовки в образовательных организациях ФСИН России / А. В. Гурский, С. Н. Смирнов, Ю. М. Арканов, Н. М. Дазмаров // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 935-939. – EDN MOANRF.

[5] Рахимкулов, Р. А. Значимость учебной дисциплины «Прикладная физическая подготовка» для курсантов образовательных организаций ФСИН России / Р. А. Рахимкулов // Юридическая наука и практика : Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 01 февраля – 01 2020 года. Том Выпуск 8 Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. – С. 196-198. – EDN LOPRXW.

References:

[1] Muravyov, A. V. General physical training as a component of vocational and applied physical training of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/ A. V. Muravyov, T. K. Odintsova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2020. – № 2(24). - S. 29-32. – EDN RZNIOC.

[2] Stepanov, A. V. Goals and objectives of professional-applied physical training of cadets in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. V. Stepanov, E. S. Kochunova // Bulletin of Science. – 2021. - T. 1, NO. 8 (41). - S. 9-14. – EDN WUDAWU.

[3] Mikhailov, A. S. Formation of professionally significant personal qualities of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia through applied physical training/ A. S. Mikhailov, K. V. Chedov // Theory and practice of physical culture. – 2025. – № 5. - S. 62-64. – EDN TXLJTT.

[4] Specifics of the implementation of applied physical training in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. V. Gursky, S. N. Smirnov, Yu. M. Arkanov, N. M. Dazmarov // Innovations. Science. Education. – 2021. – № 35. - S. 935-939. – EDN MOANRF.

[5] Rakhimkulov, R. A. The importance of the discipline "Applied Physical Training" for cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/R. A. Rakhimkulov // Legal Science and Practice: Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, February 01 - 01, 2020. Volume Issue 8 Part 1. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - S. 196-198. – EDN LOPRXW.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-39-43

ХОРОШЕВА Анна Владимировна,
кандидат физико-математических наук, доцент, начальник кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия,
e-mail: d_anya@list.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ОБНАРУЖЕНИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УТЕЧЕК ИНФОРМАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые и организационные основы применения систем обнаружения и предотвращения утечек информации (DLP-систем) в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). Анализируется нормативно-правовая база, регламентирующая защиту информации ограниченного доступа в УИС, а также функциональные возможности современных DLP-решений. Особое внимание уделяется специфике деятельности пенитенциарных учреждений, обусловливающей повышенные требования к защите персональных данных осужденных, сотрудников и иных категорий лиц. На основе анализа научных публикаций и правовых актов делается вывод о необходимости системного внедрения DLP-систем как элемента комплексной системы информационной безопасности УИС.*

Ключевые слова: *DLP-системы, уголовно-исполнительная система, информационная безопасность, защита информации, персональные данные, утечка информации, внутренний нарушитель, ФСИН России.*

KHOROSHEVA Anna Vladimirovna,
candidate of physico-mathematical sciences, associate professor, head of the Department of Special Equipment and Information Technologies, of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia

OPPORTUNITIES FOR USING INFORMATION LEAK DETECTION AND PREVENTION SYSTEMS IN INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Annotation. *The article discusses the legal and organizational foundations of the use of information leakage detection and prevention systems (DLP systems) in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation. It analyzes the legal framework governing the protection of restricted information in the penal system, as well as the functionality of modern DLP solutions. Special attention is given to the specific nature of the activities of penitentiary institutions, which requires increased protection of the personal data of convicts, employees, and other categories of individuals. Based on the analysis of scientific publications and legal acts, it is concluded that the systematic implementation of DLP systems as an element of the comprehensive information security system of the penal system is necessary.*

Key words: *DLP systems, penal system, information security, information protection, personal data, information leakage, internal violator, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Информационная безопасность является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. В системе государственных органов Федеральная служба исполнения наказаний занимает особое место. Ее деятельность связана с обработкой значительных массивов информации ограниченного доступа, включая персональные данные осужденных, сотрудников и иных лиц, сведения, составляющие служебную и иную охраняемую законом тайну.

Обеспечение безопасности государственных органов и их автоматизированных информационных систем является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений в сфере защиты информации, так как надежность информационного обеспечения деятельности государственных органов является важным условием их развития.

В современных условиях деятельность

учреждений и органов УИС характеризуется высокой степенью информатизации. Телекоммуникационная система УИС охватывает все территориальные органы ФСИН России и большую часть подведомственных им учреждений. В эксплуатации находится значительное количество цифровых каналов передачи данных, функционируют автоматизированные информационные системы различного уровня, осуществляется электронный документооборот. Следует учитывать, что информационные системы УИС относятся к числу объектов, в которых обрабатываются данные ограниченного распространения, поэтому, согласно действующим правовым нормам, необходимо обеспечить защиту от несанкционированного доступа и любых форм внешнего вмешательства. При этом с марта 2026 года требования к безопасности данных, хранящихся и обрабатывающихся в информационных системах, стали более жесткими и распространились не только на государственные информационные системы, но и иные информационные системы государственных органов [1].

Параллельно с этим наблюдается устойчивая тенденция к наращиванию объемов обрабатываемой и передаваемой по каналам связи информации, связанной с деятельностью органов и учреждений УИС, что в свою очередь влечет за собой риски несанкционированного доступа к данным, а также утечек конфиденциальной информации, в том числе персональных данных.

Утечки данных можно считать одной из серьезных угроз, которая может принести разрушительные последствия для любой организации, а особенно для государственного сектора, которые включают финансовые потери, утрату репутации и доверия граждан.

Несмотря на то, что в настоящее время внимание акцентируется на кибератаках, инциденты информационной безопасности внутреннего характера занимают весьма существенное место среди всех видов угроз. По данным экспертно-аналитического центра InfoWatch в 2025 году в мире 28,7% утечек информации по вине внутренних нарушителей приходится на государственные организации, в России – 43,6% [2]. Для противодействия внутренним нарушителям необходимо внедрять системы, обеспечивающие полный контроль движения конфиденциальной информации, управления учетными записями, отслеживания поведенческих факторов и индикаторов риска.

Одним из способов защитить данные от утечки является использование систем обнаружения и предотвращения утечек информации (DLP-систем).

Функционально DLP-системы ориентированы на выявление и блокировку несанкционированного перемещения данных закрытого характера по любым доступным сетевым и физическим каналам. В зависимости от настроек, такие системы могут работать в режиме наблюдения или активного вмешательства, перекрывая передачу через почтовые сервисы, мессенджеры, а также при копировании на съемные носители или в облачные и сетевые папки. То есть это предотвращение угроз информационной безопасности, связанных с человеческим фактором, объем которых в настоящее время достаточно велик.

Принцип работы DLP-систем строится на анализе потоков данных, пересекающих периметр защищаемой информационной системы. При детектировании в этом потоке конфиденциальной информации срабатывает активная компонента системы, и передача сообщения (пакета, потока, сессии) блокируется [3, с. 46].

Необходимость применения DLP-систем в УИС обусловлена рядом факторов. Во-первых, учреждения и органы УИС обрабатывают персональные данные значительного числа субъектов – осужденных, подозреваемых, обвиняемых, сотрудников, что требует неукоснительного соблюдения требований Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Во-вторых, сложная сетевая структура и территориальная распределенность компонентов информационных систем создают дополнительные уязвимости. В-третьих, большое количество пользователей, наделенных правами доступа к информационным ресурсам, включая не только сотрудников УИС, но и представителей иных государственных органов, создает предпосылки для реализации внутренних угроз.

В контексте УИС проблема внутренних нарушителей приобретает особое звучание. Сотрудники учреждений и органов УИС имеют санкционированный доступ к значительным объемам конфиденциальной информации, и любое нарушение правил обращения с такой информацией может повлечь серьезные последствия. Банк данных угроз ФСТЭК России определяет восемь категорий внутренних нарушителей, включая лиц, имеющих санкционированный доступ к информационной системе, зарегистрированных пользователей с различными полномочиями, программистов-разработчиков и иных лиц [4, с. 164]. В этой связи DLP-системы являются не только эффективным средством предотвращения утечек, но и инструментом контроля действий сотрудников.

Современный инструментарий DLP охватывает практически все аспекты защиты информации, востребованные в учреждениях и органах УИС. Одна из базовых возможностей таких систем – оценка уровня конфиденциальности документов, циркулирующих в сетевом трафике. Эта оценка строится на двух подходах: анализе формальных признаков (например, специальные

метки, грифы) и исследовании содержательной части документа. Помимо этого, комплекс фиксирует, как сотрудники расходуют рабочее время и ресурсы, проверяет законность их операций с данными, отслеживает служебную переписку с целью своевременного выявления отклонений, способных снизить результативность работы организации.

В качестве наиболее значимых для УИС функций можно выделить создание резервных копий конфиденциальных данных, пересылаемых по разным каналам, для последующего разбора инцидентов; пресечение попыток отправки таких сведений вовне; блокировка использования ведомственных ресурсов в неслужебных целях; обнаружение мест несанкционированного дублирования охраняемой информации. Расширенный функционал включает модуль сканирования файловых хранилищ на предмет документов с некорректно настроенными правами доступа, средства аудита пользовательских сессий для внутренних проверок, поведенческий анализ с элементами машинного обучения, а также речевую аналитику для регистрации фактов устной передачи данных ограниченного доступа.

Следует отметить, что вопрос о том, насколько правомерно применение DLP-систем в пенитенциарных учреждениях заслуживает отдельного внимания, потому что мониторинг информационных потоков неизбежно вступает в противоречие с конституционным правом сотрудников на тайну личной переписки и невмешательство в частную жизнь. В соответствии со статьями 23 и 24 Конституции РФ каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [4, с. 165].

Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ, обладатель информации обязан принимать меры по защите информации, ограничивать доступ к информации, если такая обязанность установлена федеральными законами, что ведет к ограничению указанных прав. Кроме того, обладатель информации обязан обеспечить предотвращение несанкционированного доступа к информации и передачи ее лицам, не имеющим право доступа [5].

Следовательно, правовая база для развёртывания DLP-систем в учреждениях УИС закреплена на уровне федерального законодательства. Но здесь важно понимать: если внедрение не подкреплено грамотной локальной нормативной документацией, реальная ценность системы резко снижается, а значительная часть ее аналитического потенциала остается невостребованной.

Более того, последствия невнимательного подхода к этому вопросу могут быть двоякими: организация рискует не только допустить утечку конфиденциальных данных, но и столкнуться с исками со стороны сотрудников, уволенных с нарушением процедурных требований, даже если сами нарушения правил работы с данными были зафиксированы.

Правовое обеспечение работы DLP-систем требует выстроенной системы локальных актов. Начинается эта работа с того, что руководство организации закрепляет и документально оформляет перечень сведений ограниченного распространения, причём каждый сотрудник должен быть лично ознакомлен с этим перечнем под роспись. Набор документации, которую предстоит разработать, включает: собственно перечень охраняемых сведений; реестр лиц, уполномоченных на их обработку; внутренние положения о порядке обращения и защиты таких данных; приказы о введении соответствующих ограничительных режимов. Параллельно оформляются положения, включающие запрет на разглашение сотрудниками конфиденциальных сведений, ставшие доступными им по службе. Причём эта норма должна дублироваться как в базовых внутренних регламентах (трудовые контракты, правила распорядка, должностные обязанности), так и в специализированных актах, регламентирующих порядок защиты информации.

Именно поэтому особое значение приобретает формирование политики информационной безопасности учреждений и органов УИС, при формировании которой они самостоятельно определяют какие именно сведения подлежат защите и какие методы и средства защиты будут использоваться. При этом основная цель политики безопасности состоит в эффективном прогнозировании рисков для информации, а также в построении действенной системы эффективного противодействия всем данным рискам [6, с. 78].

В контексте УИС вопросы юридического оформления применения DLP-систем приобретают дополнительную значимость в связи с особым правовым статусом как сотрудников, так и иных лиц, взаимодействующих с информационными системами. При разработке проекта политики информационной безопасности учреждений УИС важно предусмотреть три взаимосвязанных блока: во-первых, чётко сформулированные цели; во-вторых, механизмы, посредством которых эти цели предполагается достичь; в-третьих, персональную ответственность сотрудников за нарушение положений документа.

Технические аспекты внедрения DLP-систем в УИС также требуют отдельного рассмотрения. На российском рынке представлен

широкий спектр DLP-решений, включая как зарубежные, так и отечественные разработки. Однако для использования в органах и учреждениях УИС необходимо выбирать отечественные решения, т.к. они обладают сертификацией ФСТЭК и удовлетворяют требованиям законодательства.

В числе российских DLP-систем, получивших сертификаты ФСТЭК, следует отметить Zecurion DLP, DeviceLock, InfoWatch , Traffic Monitor, Falcongaze SecureTower, СерчИнформ КИБ, Solar Dozor, Гарда DLP и другие.

Следует отметить, что в соответствии с законодательством органам государственной власти запрещается использовать средства защиты информации, странами происхождения которых являются иностранные государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия [7]. Поскольку учреждения и органы УИС подпадают под действие законодательных ограничений, касающихся использования иностранного программного обеспечения, выбор DLP-решений для них объективно сужается до продуктов отечественной разработки, прошедших сертификацию.

Выбор конкретной DLP-системы для органов и учреждений УИС должен ориентироваться на несколько приоритетных параметров: эффективность обнаружения утечек данных; покрытие различных каналов передачи данных; варианты развертывания; управление политиками безопасности; возможности взаимодействия с иными средствами защиты информации; качество пользовательского интерфейса; возможности масштабируемости; соответствие нормативной правовой базе; аналитические возможности; финансовые затраты; наличие сертификатов ФСТЭК.

Важным аспектом применения DLP-систем в УИС является их интеграция с иными средствами защиты информации. Для эффективного мониторинга событий безопасности, своевременного выявления угроз, поддержания соответствия регуляторным требованиям и автоматизации рутинных операций предпочтительным оказывается интегрированное решение, объединяющее функциональные возможности трёх классов систем: SIEM (управление событиями и информацией безопасности), DCAP (аудит и защита данных на уровне их хранения) и DLP (контроль информационных потоков). При этом SIEM-система фиксирует отклонения в поведении пользователей и идентифицирует каналы получения доступа к данным, DLP-система анализирует содержание всех коммуникаций, а DCAP-система отслеживает операции с файлами и блокирует нежелательные действия. Именно такая высокоинтегрированная связка данных систем дает возможность максимально полно расследовать нарушения ИБ и собрать необходимую доказательную базу [8, с. 76].

Внедрение DLP-систем в учреждениях и органах УИС сопряжено с определенными организационными сложностями, связанными с практическим применением политики безопасности учреждения. Причин, по которым заявленная политика безопасности не работает в полной мере, может быть несколько. В одних случаях сам по себе текст документа безупречен с точки зрения формулировок, однако остается невостребованным на практике – его предписания игнорируются либо выполняются формально. В других – изначально допущены просчеты при разработке: положения либо недостаточно проработаны, либо не учитывают долгосрочные изменения в условиях функционирования учреждения. В связи с этим необходимо очень основательно и грамотно разрабатывать политику безопасности, принимая во внимание специфику работы организаций ФСИН России [6, с. 78].

Таким образом, DLP-системы могут служить надежной опорой в обеспечении информационной безопасности учреждений и органов УИС. Они дают возможность предупреждать утечки данных, осуществлять контроль действий сотрудников при работе с данными, проводить расследования инцидентов информационной безопасности. Вместе с тем успешное внедрение DLP-систем невозможно без должного правового обеспечения, включающего разработку политики информационной безопасности, принятие локальных нормативных актов, ознакомление сотрудников с установленными требованиями под роспись.

Особое значение для УИС имеет использование отечественных сертифицированных DLP-решений, соответствующих требованиям ФСТЭК России и учитывающих специфику деятельности пенитенциарных учреждений. Комплексный подход, сочетающий технические средства защиты информации (DLP, SIEM, DCAP) с организационными мерами (разработка политик безопасности, обучение персонала, юридическое оформление), позволит создать эффективную систему информационной безопасности, способную противостоять и внешним, и внутренним угрозам.

Перспективными направлениями развития DLP-систем в УИС представляются: дальнейшее совершенствование технологий анализа контента с применением искусственного интеллекта и машинного обучения; расширение функциональных возможностей по контролю новых каналов передачи данных; интеграция с иными системами защиты информации в рамках единой платформы информационной безопасности; развитие средств поведенческого анализа пользователей

для выявления аномалий на ранних стадиях. Реализация указанных направлений позволит существенно повысить уровень защищенности информационных ресурсов УИС и обеспечить надежную защиту информации ограниченного доступа, в том числе, персональных данных.

Список литературы:

[1] Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений : приказ ФСТЭК России от 11 апр. 2025 г. № 117 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 17 июня 2025 г.

[2] Утечки данных вследствие действий внутренних нарушителей https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-dannykh-vsledstviye-deystviy-vnutrennikh-narushiteley.pdf.

[3] Миленчук, Я. В. Анализ функционала DLP-систем и целесообразность их внедрения в автоматизированную систему информационного обеспечения органов пограничной службы / Я. В. Миленчук, О. С. Полоцкая // Новые информационные технологии в телекоммуникациях и почтовой связи. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 46-47. – EDN BBJQQC.

[4] Митюшин, Д. А. Правовые вопросы применения систем защиты от утечки конфиденциальной информации на объектах информатизации / Д. А. Митюшин // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 163-168. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10283. – EDN ZBRAZV.

[5] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ст. 3448.

[6] Перегудов, А. Н. Политика информационной безопасности в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы / А. Н. Перегудов, С. А. Бокадаров // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2024. – № 3. – С. 78-81. – EDN QSGYPC.

[7] О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 18, ст. 3058.

[8] Морозов, В. Е. Комплексные решения для минимизации внутренних угроз информационной безопасности / В. Е. Морозов, Н. Г. Милославская // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 5(63). – С. 67-78. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-5-67-78. – EDN PBSASV.

References:

[1] On approval of the Requirements for the protection of information contained in state information systems, other information systems of state bodies, state unitary enterprises, state institutions: order of the FSTEC of Russia dated April 11, 2025 No. 117 // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, June 17, 2025.

[2] Утечки данных вследствие действий внутренних нарушителей https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-dannykh-vsledstviye-deystviy-vnutrennikh-narushiteley.pdf.

[3] Milenchuk, Ya. V. Analysis of the functionality of DLP systems and the feasibility of their introduction into the automated information support system of border service bodies/Ya. V. Milenchuk, O. S. Polotskaya // New information technologies in telecommunications and postal services. – 2023. - T. 1, NO. 1. - S. 46-47. – EDN BBJQQC.

[4] Mityushin, D. A. Legal issues of the use of protection systems against leakage of confidential information at informatization facilities/ D. A. Mityushin // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 5. - S. 163-168. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10283. – EDN ZBRAZV.

[5] On information, information technology and information security: Feder. Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31, Art. 3448.

[6] Peregudov, A. N. Information security policy in the activities of bodies and institutions of the penitentiary system/A. N. Peregudov, S. A. Bokadarov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2024. – № 3. - S. 78-81. – EDN QSGYPC.

[7] On additional measures to ensure information security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of May 1, 2022 No. 250 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. - No. 18, Art. 3058.

[8] Morozov, V. E. Comprehensive solutions to minimize internal threats to information security/ V. E. Morozov, N. G. Miloslavskaya // Cybersecurity issues. – 2024. – № 5(63). - S. 67-78. – DOI 10.21681/2311-3456-2024-5-67-78. – EDN PBSASV.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-44-52

БЕКТЕВА Виктория Сергеевна,
Адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России,
e-mail: viktorijajaja@mail.ru

Научный руководитель:
ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России доктор юридических наук, профессор,
e-mail: omsk-das@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДЕЛАМ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО КОТОРЫМ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Аннотация. *В статье на основе формально-юридического и системно-структурного анализа, изучения 289 уголовных дел и анкетирования 326 практических работников разработана целостная модель деятельности по делам, предварительное расследование по которым приостановлено. Приостановление предварительного расследования обосновано как особая процессуальная форма, а основания приостановления — как регулятор допустимой активности. Выделены четыре вида деятельности: розыскная деятельность следователя (дознавателя); деятельность по применению мер уголовно-процессуального принуждения; деятельность по обеспечению имущественных интересов потерпевшего; контрольно-надзорная деятельность. Определены пределы производства следственных действий, начатых до приостановления предварительного расследования. Проанализированы особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения, розыскной деятельности следователя, деятельности по обеспечению имущественных интересов потерпевшего, а также контрольно-надзорной деятельности после приостановления предварительного расследования.*

Ключевые слова: *приостановление предварительного расследования; особая процессуальная форма; розыскная деятельность; следственные действия; меры уголовно-процессуального принуждения; имущественные интересы потерпевшего; прокурорский надзор; судебный контроль.*

BEKTEVA Victoria Sergeevna,
Adjunct of the Postgraduate School Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Supervisor:
DEZHNEV Alexander Sergeevich,
Professor, Department of Criminal Procedure, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Professor

CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY IN CASES WITH SUSPENDED PRELIMINARY INVESTIGATION: SYSTEM, LIMITS AND GUARANTEES

Annotation. *The article develops an integrated model of criminal procedural activity in cases where the preliminary investigation has been suspended. Based on formal legal and system-structural analysis, the examination of 289 criminal cases, and a survey of 326 practitioners, suspension is characterized as a special procedural form and its specific ground as a regulator of permissible activity. Four types of activity are substantiated: search activity; application of procedural coercive measures; protection of the victim's property interests; and control and supervision. The limits for completing autonomous stages of previously initiated investigative actions, individualized review of coercive measures, a two-level model of property protection, safeguards under Article 208(1)(3.1) of the Code of Criminal Procedure, and the content of continuous review are defined.*

Key words: *suspension of preliminary investigation; procedural form; search activity; investigative actions; procedural coercive measures; victim's property interests; seizure of property; prosecutorial supervision; judicial review; resumption of investigation.*

После принятия решения о приостановлении предварительного расследования изменяется содержание уголовно-процессуальной деятельности. Принимая соответствующее постановление сохраняются процессуальные статусы участников, обязанности по розыску подозреваемого или обвиняемого, защите прав потерпевшего, обеспечению сохранности арестованного имущества и вещественных доказательств, контролю за действующими ограничениями. Поэтому центральный вопрос состоит в определении того, какие действия допустимы после приостановления предварительного расследования и где проходит граница между необходимой процессуальной активностью и фактическим продолжением расследования вне установленного срока.

Практическая значимость проблемы определяется масштабом приостановленных и нераскрытых производств. Доля нераскрытых преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составила 45,21 % в 2020 г., 47,15 % — в 2021 г., 46,56 % — в 2022 г., 46,06 % — в 2023 г., 46,81 % — в 2024 г. и 54,64 % — в 2025 г. При этом официальная статистика не охватывает в полном объеме производства, приостановленные по основаниям, предусмотренным пунктами 3.1 и 4 части 1 статьи 208 УПК РФ, вследствие чего отражает лишь часть исследуемого массива [25].

Действующее нормативное регулирование решает эту проблему фрагментарно. Статья 208 УПК РФ закрепляет основания приостановления предварительного расследования, часть 2 статьи 209 предписывает принимать меры к установлению неизвестного лица либо к установлению местонахождения и розыску подозреваемого, обвиняемого, а часть 3 той же статьи запрещает производство следственных действий [1]. Между тем изменения 2015 г., связанные с арестом имущества третьих лиц, 2017 г., затронувшие меры безопасности, и 2024 г., установившие новое основание в пункте 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ, расширили круг правоотношений, которые продолжают реализовываться после приостановления предварительного расследования. Общий режим допустимой активности, судьба действующих мер принуждения, механизм имущественной защиты потерпевшего и содержание контроля за длительным периодом приостановления не получили согласованного законодательного решения [20].

Изучение 289 уголовных дел, предварительное расследование по которым приостановлено, выявило три несовпадающие правоприменительные модели в отношении действий, начатых до приостановления предварительного расследования: прекращение любого исполнения после вынесения постановления; продолжение автономного технического, информационного или исследовательского этапа; кратковременное возобновление расследования исключительно для получения и процессуального оформления результата. Различие подходов подтверждает отсутствие единого критерия допустимости. При анкетировании 326 практических работников 69,3 % респондентов назвали правовую неопределенность одной из основных проблем деятельности по приостановленным делам.

В научной литературе основания, условия и правовые последствия приостановления предварительного расследования исследованы достаточно подробно. Комплексный характер института раскрывает В. С. Латыпов [2, с. 95–104], измененное содержание деятельности государственных органов после приостановления — Д. В. Ростов [3, с. 210–215], связь такой деятельности с устранением препятствия и подготовкой возобновления расследования — Е. Г. Ларин и А. В. Павлов [4, с. 6, 9–12]. Однако розыск, применение принуждения, имущественная защита потерпевшего и контроль преимущественно рассматриваются раздельно, что не позволяет определить общую систему, пределы и гарантии уголовно-процессуальной деятельности после приостановления.

Цель исследования состоит в формировании целостной концепции уголовно-процессуальной деятельности по делам, предварительное расследование по которым приостановлено, и в разработке взаимосвязанных предложений по совершенствованию закона. Использованы формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и статистический методы, обобщение судебной и следственной практики. Эмпирическую основу составили 289 уголовных дел, решения по которым принимались в 2010–2025 гг. в Омской, Томской и Новосибирской областях и Пермском крае (137 дел относились к подследственности Следственного комитета Российской Федерации), а также результаты анкетирования 326 работников: 178 следователей, 64 дознавателей, 48 сотрудников органов дознания и оперативных подразделений, 18 прокуроров и 10 судей; 65,7 % опрошенных имели стаж свыше пяти лет.

Приостановление предварительного расследования следует понимать как особую процессуальную форму досудебного производства, возникающую с вынесением предусмотренного законом постановления. И. М. Кунов обоснованно связывает правовую природу деятельности по приостановленному делу с сохранением производства и процессуальных полномочий следователя [5, с. 199–203]. При этом особая форма охватывает не только акт приостановления, но и последующие отношения, решения и действия.

Эту форму характеризует совокупность

признаков: специальная цель устранения препятствия либо контроля за его отпадением; исключение периода приостановления из срока расследования; запрет новых следственных действий; сохранение уголовно-процессуальных правоотношений, статусов участников и юридической силы ранее принятых решений; возможность совершать иные процессуальные и розыскные действия; особый круг полномочий и самостоятельных решений; сохранение механизмов ведомственного, прокурорского и судебного контроля. Такое понимание отделяет приостановление предварительного расследования от фактического прекращения дела и одновременно не допускает продолжения обычного расследования вне процессуального срока.

Основание приостановления предварительного расследования выполняет не только правообразующую, но и регулятивную функцию. Оно определяет, какое препятствие должно быть устранено, чьи права затрагиваются и какие средства соразмерны поставленной цели. Эту связь образуют три фактора: характер препятствия; наличие и процессуальный статус преследуемого лица; соотношение публичного интереса в раскрытии преступления и частных интересов участников. 88,1 % опрошенных признали значительную либо существенную зависимость содержания последующей деятельности от конкретного основания приостановления, предусмотренного ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, при неустановлении лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, приоритетны его идентификация, сохранение доказательств, имущества и доступ потерпевшего к правосудию. При сокрытии уже индивидуализированного подозреваемого или обвиняемого добавляются розыск лица и его активов, обеспечение задержания и последующего участия в деле. При известном местонахождении лица допустимая активность определяется природой объективного препятствия его участию. Тяжелое заболевание требует соотнесения ограничений с состоянием здоровья, а прохождение военной службы по пункту 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ — взаимодействия с командованием и специальных гарантий потерпевшего. Следовательно, единой неизменной модели последствий для всех оснований быть не может.

Уголовно-процессуальная деятельность после приостановления образует систему четырех взаимосвязанных видов: розыскной деятельности; деятельности по применению мер уголовно-процессуального принуждения; деятельности по обеспечению имущественных интересов потерпевшего; контрольно-надзорной деятельности. Критериями разграничения служат непосредственная цель, объект, используемые средства и правовой результат. Подход А. В. Павлова к направлениям деятельности следователя подтверждает необходимость ее внутренней дифференциации [6, с. 94–101], однако предлагаемая система охватывает не только следователя, но и иных субъектов производства, контроля и надзора.

Розыскная деятельность направлена на устранение информационной неопределенности относительно лица или его места нахождения. Применение мер принуждения обеспечивает надлежащее поведение, участие лица, сохранность имущества и иные процессуальные цели. Имущественная деятельность сохраняет реальную возможность возмещения вреда потерпевшему. Контрольно-надзорная деятельность проверяет законность, обоснованность, своевременность и фактическую результативность первых трех видов. Самостоятельность каждого вида не отменяет их пересечения: например, розыск обвиняемого может одновременно включать выявление активов, а решение об аресте имущества становится объектом судебного контроля.

Отдельного разрешения требует часть 3 статьи 209 УПК РФ. Понятие следственного действия остается дискуссионным, но его определяющими признаками выступают познавательная направленность, специальная процессуальная процедура и доказательственное значение результата [7, с. 16–31]. Запрет должен исключать принятие и выполнение нового следственного действия после приостановления, однако не всякое дальнейшее техническое движение ранее принятого решения тождественно продолжению расследования следователем. В частности, исследование судебной экспертизы проводится экспертом автономно, а заключение формируется как результат специального исследования [8, с. 100–107]. Сходным образом после вынесенного до приостановления постановления оператор связи или иной уполномоченный субъект может продолжать технический этап контроля и записи переговоров, информационный этап получения сведений о соединениях, а организация связи — задержание корреспонденции в пределах установленного срока. Технологическая обособленность этих этапов подтверждается исследованиями действий, связанных с получением цифровой информации [9, с. 188–189, 279, 350–351].

Допустимость продолжения требует одновременного соблюдения четырех условий: решение принято до приостановления; действие выполняется автономно иным уполномоченным субъектом без непосредственного познавательного или принудительного участия следователя, дознавателя; сохраняются ранее установленные предмет, срок и объем ограничения прав; после приостановления не принимается новое решение,

расширяющее вмешательство. Получение следователем заключения или материалов допустимо как технический факт, но их осмотр, исследование, оценка с принятием решения и новое процессуальное закрепление требуют возобновления расследования. Следственные действия продолженного исполнения не образуют пятого вида деятельности, а характеризуют особый порядок завершения ранее начатого действия.

Результаты опроса подтверждают отсутствие единообразия: 45,1 % респондентов полагают, что исполнение ранее назначенного действия должно прекращаться; 31,3 % допускают продолжение автономного технического, информационного или исследовательского этапа; 15,6 % считают необходимым кратковременное возобновление дела для завершения действия. Законодательное исключение поддержали полностью или скорее поддержали 79,1 % опрошенных. Поэтому часть 3 статьи 209 УПК РФ предлагается изложить так: «После приостановления предварительного расследования производство следственных действий не допускается, за исключением исследовательского этапа судебной экспертизы и выполняемых без непосредственного участия следователя технических и информационных этапов следственных действий, предусмотренных статьями 185, 186 и 186.1 настоящего Кодекса, если соответствующие процессуальные решения приняты до приостановления предварительного расследования».

Розыскная деятельность по приостановленному уголовному делу имеет уголовно-процессуальную природу. Она осуществляется уполномоченным участником в рамках конкретного уголовного дела, непосредственно предписана статьями 209 и 210 УПК РФ, оформляется в материалах дела и способна привести к возобновлению расследования. Ее нельзя отождествлять с оперативно-розыскной деятельностью. Розыскные действия следователя входят в процессуальную организацию расследования [10, с. 64–65], тогда как оперативно-розыскные мероприятия проводятся органом дознания на самостоятельном правовом основании и средствами, установленными Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [11].

В содержании розыскной деятельности выделяются четыре группы действий. Аналитико-планировочные действия включают проверку исходных данных, версий и планирование поиска. Информационно-поисковые охватывают запросы, использование информационных учетов и открытых источников, получение документов и сведений. Организация взаимодействия предполагает постановку конкретных задач органу дознания и передачу достаточных исходных данных. Оценочно-контрольные действия состоят в проверке исполнения поручения, анализе поступившей информации и принятии обусловленного ею решения.

Следователь осуществляет процессуальное руководство розыскным направлением, но не подменяет оперативное подразделение в выборе и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Орган дознания самостоятельно определяет способы исполнения поручения в пределах компетенции, обеспечивая полноту и своевременное информирование. В изученных материалах поручения после приостановления направляли 77,3 % опрошенных, а контролировали их исполнение 66,9 %. При этом в делах встречались формальные поручения без конкретных версий, сроков и последующей оценки ответа. Поэтому ведомственный акт должен закрепить обязательное содержание поручения, периодичность отчета и документирование оценки результата.

Для устранения пробела статью 209 УПК РФ целесообразно дополнить частью 3.1: «После приостановления предварительного следствия следователь вправе в целях устранения основания его приостановления совершать не являющиеся следственными процессуальные и розыскные действия. К таким действиям, в частности, относятся направление поручений и запросов, истребование сведений и документов, принятие представленных предметов и документов, получение объяснений и сведений из информационных учетов, анализ результатов исполнения поручений, а также иные не являющиеся следственными действия, направленные на устранение основания приостановления предварительного следствия».

Приостановление расследования не является самостоятельным основанием ни для автоматической отмены, ни для неизменного сохранения мер пресечения и иных мер принуждения. Ранее автором показано, что действие каждой меры после приостановления зависит от сохраняющейся обеспечительной цели и процессуальной ситуации [12, с. 116–123]. Принцип соразмерности требует сопоставлять интенсивность ограничения с риском, который оно предупреждает, и выбирать менее обременительное средство, если оно достаточно [13, с. 72–79].

Индивидуальная проверка должна учитывать основание приостановления, правовую природу меры, наличие предусмотренного законом риска, длительность ограничения, физическое состояние лица, интересы потерпевшего и возможность применения альтернативы. Конституционный Суд Российской Федерации еще в определении по жалобе А. В. Штучко указал, что исключение периода приостановления из срока следствия не предполагает неопределенного сохранения подписки о невыезде и временного

отстранения от должности [14]. Значит, прежнее решение нельзя оставлять действующим только потому, что оно формально не отменено.

По результатам опроса 58 % респондентов исходят из фактической невозможности дальнейшего применения принуждения, 31 % допускают сохранение меры без обязательной проверки ее актуальности и соразмерности, еще 11 % не определили допустимый порядок. Одновременно 79,1 % полностью или скорее поддержали обязанность разрешать этот вопрос при приостановлении. В статье 209 УПК РФ необходима часть 4: «Одновременно с вынесением постановления о приостановлении предварительного следствия следователь обязан в пределах своей компетенции разрешить вопрос об отмене, изменении или сохранении избранных мер пресечения и иных примененных мер процессуального принуждения, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, обратиться с соответствующим ходатайством в суд».

Отсутствие обвиняемого не должно препятствовать вынесению необходимого решения. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам Я. С. Малиновского и Н. Н. Каримова подтвердили необходимость толковать заочное заключение под стражу через судебную проверку факта уклонения, рисков и соразмерности, а не через формальное название вида розыска [15; 16]. Заочный арест может обеспечивать обнаружение, задержание и доставление скрывшегося обвиняемого, но само объявление розыска не доказывает наличие оснований статьи 97 УПК РФ.

С учетом конституционно-правового смысла этой меры часть 5 статьи 108 УПК РФ предлагается изложить так: «Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается в случае объявления обвиняемого в розыск». Такая редакция устраняет необоснованную зависимость от территориального уровня розыска, но не отменяет обязанность суда установить уклонение, конкретные риски, необходимость и соразмерность заключения под стражу. После приостановления любая сохраняющаяся мера должна дополнительно подвергаться периодической проверке.

Имущественная защита потерпевшего является самостоятельным видом деятельности, поскольку имеет особую цель — сохранить реальную возможность возмещения причиненного преступлением вреда независимо от длительности приостановления. Она включает два взаимосвязанных уровня. Первый образует обязательный минимум до приостановления: определение размера невозмещенного вреда и состояния гражданского иска, установление имущества и его правового режима, оценка добровольного возмещения, разрешение вопроса об обеспечительных мерах. Второй уровень составляет последующий контроль за имущественным следом, активами и действующими ограничениями [17, с. 236–241].

Содержание второго уровня зависит от основания приостановления. При неустановлении лица необходимо прослеживать движение похищенных средств и сохранять сведения об активах. При сокрытии подозреваемого или обвиняемого розыск лица сочетается с розыском имущества. При отсутствии реальной возможности участия лица контролируются выявленные активы и исполнение международных поручений. При тяжелом заболевании объем ограничений соотносится с потребностями лечения. По основанию, предусмотренному пунктом 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ, имущественная защита требует специальной модели, поскольку последующее прекращение уголовного преследования может лишить потерпевшего привычного процессуального механизма разрешения гражданского иска.

Материалы дел выявили разрыв между первоначальным установлением вреда и последующим контролем. В 166 из 289 дел после приостановления отсутствовали документы о повторной проверке размера невозмещенного вреда, сохранности имущества или действия ограничений. Только в 22 делах прослеживалась взаимосвязь между размером вреда, перечнем активов, их стоимостью, правовым статусом, целью и сроком ареста. Среди опрошенных лишь 28,8 % контролировали сохранение ранее наложенного ареста, а 29,8 % специальных действий после приостановления не осуществляли. Эти данные показывают, что одного формального сохранения ареста недостаточно: требуется периодически проверяемая имущественная модель дела.

Если уголовно-процессуальное требование переходит в гражданское судопроизводство, необходима межотраслевая преемственность обеспечительных мер. По заявлению гражданского истца арест, наложенный для обеспечения иска, должен сохраняться в течение переходного срока до разрешения гражданским судом вопроса об обеспечении, после чего ограничение преобразуется, изменяется либо отменяется. Возможность передачи отдельных имущественных вопросов в гражданский процесс обоснована в современной литературе [18, с. 41–48]. Предложение о таком переходном механизме полностью или скорее поддержали 81,3 % респондентов.

Для уголовных дел, приостановленных на основании пункта 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ, до принятия решения необходимо проверить имущество и счета преследуемого лица, содействовать реальному частичному возмещению либо заключению письменного соглашения о выплатах, а

при наличии оснований обратиться в суд за арестом имущества в пределах невозмещенного вреда. Если имущества недостаточно, суду следует предоставить право формировать соразмерный обеспечительный резерв из денежных средств, на которые допускается обращение взыскания. Такая конструкция учитывает дискуссию о последствиях приостановления и прекращения преследования военнослужащего [19, с. 74–80; 20].

После прекращения уголовного преследования по статье 28.2 УПК РФ арест и обеспечительный резерв должны сохраняться до разрешения гражданским судом вопроса об обеспечении иска. В случае гибели военнослужащего и недостаточности наследственного имущества невозмещенная часть вреда подлежит компенсации государством с переходом к нему права требования. Это не переносит гражданскую ответственность виновного лица на публичную власть окончательно, а устраняет риск того, что предусмотренное государством специальное прекращение преследования фактически лишит потерпевшего возмещения. 86,5 % респондентов поддержали один или оба специальных механизма имущественной защиты.

Контрольно-надзорная деятельность должна охватывать весь период действия постановления о приостановлении, а не только момент его вынесения. Ее общий объект составляют решения, действия, бездействие и сохраняющиеся ограничения прав. Ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль различаются субъектом, основанием, предметом и пределами, но объединены задачей обеспечить законность, обоснованность и фактическую результативность деятельности по делу. Процессуальный контроль руководителя следственного органа по своей природе носит инициативный и управленческий характер [21, с. 148–150].

Ведомственная проверка должна включать сохранение фактического основания приостановления, полноту исполнения поручений и указаний, актуальность мер принуждения и имущественных ограничений, соблюдение прав участников и наличие оснований для возобновления. Первоначальное изучение дела целесообразно проводить после принятия постановления, последующее — не реже одного раза в три месяца, оформляя мотивированную справку. Прокурорский надзор направлен не только на отмену незаконного решения, но и на фактическое устранение продолжающегося нарушения и восстановление права участника. Специфика прокурорских полномочий по приостановленным делам подтверждает необходимость контроля результата мер реагирования [22, с. 103–105, 117–119].

Судебный контроль имеет заявительный характер. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 требует проверять способные причинить ущерб конституционным правам решения и бездействие, не подменяя орган расследования [23]. Применительно к приостановленному делу предмет проверки охватывает полномочия должностного лица, наличие предусмотренного законом основания и подтверждающих материалов, соблюдение условий и порядка, мотивированность, уведомление участников, а также законность и соразмерность ограничений, возникших или сохранившихся после приостановления. Пределы такой проверки должны позволять суду оценить фактическую основу жалобы, но не определять направление расследования [24, с. 138–140].

Приостановление не прекращает право заявлять ходатайства и обязанность следователя или дознавателя принять, квалифицировать и мотивированно разрешить обращение. Необходимо различать разрешение ходатайства и исполнение содержащейся в нем просьбы. Первое само по себе не является следственным действием. Возобновление требуется только перед исполнением удовлетворенного ходатайства, если оно предполагает новое следственное действие. Аналогично доступ к материалам должен предоставляться в объеме, необходимом для понимания основания приостановления и подготовки эффективной жалобы, с индивидуальной защитой тайны расследования и прав других лиц.

Для единообразной практики постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 целесообразно дополнить разъяснением: суд проверяет полномочия лица, наличие основания и подтверждающих материалов, условия и порядок приостановления, а в применимых случаях — выполнение части 5 статьи 208 УПК РФ; само приостановление не исключает судебной проверки последующих решений, действий, бездействия и ограничений прав. Ведомственные акты, в свою очередь, должны обеспечить прослеживаемость фактического исполнения поручений, указаний и актов прокурорского или судебного реагирования.

Таким образом, приостановление предварительного расследования — особая процессуальная форма с ограниченными целями и средствами; конкретное основание регулирует допустимую активность. Ее систему образуют розыск, применение мер принуждения, имущественная защита потерпевшего и контрольно-надзорная деятельность. Граница допустимого проходит между новым доказыванием и действиями, необходимыми для устранения препятствия и защиты прав. Автономный этап ранее начатого следственного действия может завершаться без возобновления только в неизменных пределах принятого решения.

Меры принуждения требуют индивидуальной периодической проверки, а имущественная защита — обязательного минимума до приостановления, последующего контроля и преемственности ареста. Основание пункта 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ требует специальных имущественных гарантий. Предложенные изменения статей 108 и 209 УПК РФ и разъяснение предмета судебного контроля образуют единый механизм: он допускает строго необходимую активность, препятствует скрытому расследованию вне срока и обеспечивает баланс интересов государства, потерпевшего и преследуемого лица.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya-voprosy-teorii-i-normativnogo-regulirovaniya (дата обращения: 14.05.2026).

[3] Ростов Д. В. О сути и содержании приостановления производства по делу в уголовном судопроизводстве России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 210–215.

[4] Ларин Е. Г., Павлов А. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2014. 144 с.

[5] Кунов И. М. Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 199–203.

[6] Павлов А. В. Направления деятельности следователя по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2021. № 2 (87). С. 94–101.

[7] Россинский С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.

[8] Россинский С. Б. Судебная экспертиза как особый способ доказывания в досудебном производстве по уголовным делам // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). С. 100–107.

[9] Стельмах В. Ю., Ефремова О. М., Васюков В. Ф. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации: монография / под общ. ред. А. Г. Волеводза. Москва: Проспект, 2021. 480 с.

[10] Ларин Е. Г., Павлов А. В. Место розыскных действий в системе средств розыска подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 64–65.

[11] Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Бектева В. С. Применение мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8 (153). С. 116–123.

[13] Муравьев К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию: экономия принуждения при выборе меры пресечения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 72–79.

[14] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штучко А. В. на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] По делу о проверке конституционности части пятой статьи 108 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Я. С. Малиновского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой и части пятой статьи 108, части четвертой статьи 210 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Н. Н. Каримова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2026 г. № 44-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Карпов К. В., Бектева В. С. Возмещение вреда потерпевшему после приостановления производства по уголовному делу // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. № 2 (63). С. 236–241.

[18] Дежнев А. С., Муравьев К. В. Передача отдельных вопросов уголовного дела для разрешения в гражданском процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21, № 1 (79). С. 41–48.

[19] Нуриев И. Н., Тропина М. А. Проблемы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), привлекаемого для прохождения военной службы // Уголовное право. 2025. № 8. С. 74–80.

[20] Головко Л. В. Возобновление производства по уголовным делам, приостановленным в связи с участием обвиняемого в СВО: тактическое и стратегическое измерение // Уголовный процесс. 2026. № 8. URL: https://e.ugpr.ru/1190517 (дата обращения: 20.08.2026).

[21] Олефиренко Т. Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40), ч. II. С. 148–150.

[22] Кунов И. М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2019. 194 с.

[23] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 9 декабря 2025 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 24.08.2026).

[24] Дворянкина Т. С. Пределы судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (113). С. 134–141. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.134-141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predely-sudebnogo-kontrolya-na-dosudebnyh-stadiyah-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 24.08.2026).

[25] Сборники состояния преступности в России за январь–декабрь 2020–2025 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/ (дата обращения: 04.05.2026).

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 26, 2026). Access from the ConsultantPlus legal system.

[2] Latypov V. S. Institute for the Suspension of Preliminary Investigation: Issues of Theory and Regulatory Regulation // Lex Russica. 2022. T. 75, NO. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya-voprosy-teorii-i-normativnogo-regulirovaniya (дата обращения: 14.05.2026).

[3] Rostov D.V. On the essence and content of the suspension of proceedings in the criminal proceedings of Russia // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (51). S. 210-215.

[4] Larin E.G., Pavlov A.V. Suspension and resumption of the preliminary investigation: a textbook. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 144 p.

[5] Kunov I. M. The legal nature of the investigator's activities in a suspended criminal case // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9. PP. 199-203.

[6] Pavlov A. V. Areas of activity of the investigator in criminal cases, the preliminary investigation of which has been suspended // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (87). S. 94-101.

[7] Rossinsky S. B. The concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion continues // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 2. S. 16-31.

[8] Rossinsky S. B. Forensic examination as a special method of evidence in pre-trial criminal proceedings // Siberian Legal Bulletin. 2020. № 4 (91). S. 100-107.

[9] Stelmakh V. Yu., Efremova O. M., Vasyukov V. F. Production of investigative actions aimed at obtaining and using computer information: monograph / under the general. ed. A. G. Volevodza. Moscow: Prospect, 2021. 480 s.

[10] Larin E. G., Pavlov A. V. Place of search actions in the system of means of search for a suspect (accused) // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. № 2 (31). S. 64-65.

[11] On operational-search activities: federal law of August 12, 1995 No. 144-FZ (as amended on April 1, 2025). Access from the ConsultantPlus legal system.

[12] Bekteva V. S. Use of coercive measures in criminal cases, the preliminary investigation of which has been suspended // Actual problems of Russian law. 2023. T. 18, NO. 8 (153). S. 116-123.

[13] Muravyov K.V. Proportionality of procedural restrictions to the impending punishment: saving coercion when choosing a preventive measure // Legal Bulletin of Samara University. 2020. T. 6, NO. 4. S. 72-79.

[14] On the refusal to consider the complaint of citizen A. Shtuchko about violation of his constitutional rights by part three of Article 162 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2010 No. 1364-O-O. Access from the ConsultantPlus legal system.

[15] In the case of verification of the constitutionality of part five of Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Y. S. Malinovsky: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2026 No.

9-P. Access from the ConsultantPlus legal system.

[16] In the case of checking the constitutionality of paragraphs 2 of the first and fifth parts of Article 108, part four of Article 210 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N. N. Karimov: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 30, 2026 No. 44-P. Access from the ConsultantPlus legal system.

[17] Karpov K.V., Bekteva V.S. Compensation for harm to the victim after the suspension of criminal proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2 (63). S. 236-241.

[18] Dezhnev A. S., Muravyov K. V. Transfer of certain issues of a criminal case for resolution in civil proceedings // Rule of law: theory and practice. 2025. T. 21, NO. 1 (79). S. 41-48.

[19] Nuriev I.N., Tropina M.A. Problems of suspension and termination of criminal prosecution against a suspect (accused) involved in military service // Criminal Law. 2025. № 8. S. 74-80.

[20] Golovko L.V. Resumption of criminal proceedings suspended in connection with the participation of the accused in the SVO: tactical and strategic dimension // Criminal process. 2026. № 8. URL: https://e.ugpr.ru/1190517 (accessed: 20.08.2026).

[21] Olefirenko T. G. Departmental procedural control as the main means of the head of the investigative body to ensure the legality of the preliminary investigation // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 2 (40), part II. pp. 148-150.

[22] Kunov I. M. Procedural powers of the prosecutor to ensure the legality of the suspension of a criminal case: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.09. Krasnodar, 2019. 194 pp.

[23] On the practice of examining complaints by courts in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 10, 2009 No. 1 (as amended on December 9, 2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (access date: 24.08.2026).

[24] Dvoryankina T. S. Limits of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2024. № 1 (113). S. 134-141. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.134-141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predely-sudebnogo-kontrolya-na-dosudebnyh-stadiyah-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 24.08.2026).

[25] Collections of the state of crime in Russia for January-December 2020-2025 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https ://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/ (access date: 04.05.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-53-60

ЛУКАШЕНКО Карина Евгеньевна,
Омская академия МВД России, Омск, Россия,
e-mail: karinalukashenko01@mail.ru

Научный руководитель:
ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: omsk-das@mail.ru

ДОПУСК И ОТСТРАНЕНИЕ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования функции законного представительства в уголовном судопроизводстве России. На основе анализа норм УПК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и научных доктринальных подходов исследуются вопросы момента допуска законного представителя несовершеннолетнего, разграничения категорий «недопуск» и «отстранение», а также оснований для применения этих мер. Автором выявлен нормативный дисбаланс, выражающийся в позднем допуске законного представителя, что не обеспечивает защиту прав несовершеннолетнего на ранних этапах судопроизводства. Обосновывается необходимость законодательного закрепления более раннего момента допуска, дифференциации процедур «недопуска» и отстранения. В заключение предлагаются конкретные изменения в статью 426 УПК РФ, направленные на повышение уровня гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном процессе.*

Ключевые слова: *законный представитель, несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, допуск, отстранение, защита прав, законные интересы, конфликт интересов.*

LUKASHENKO Karina Evgenievna,
the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Omsk, Russia

Supervisor:
DEZHNEV Alexander Sergeevich,
Professor, Department of Criminal Procedure, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

ADMISSION AND REMOVAL OF LEGAL REPRESENTATIVES OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. *This article examines problematic aspects of legal regulation of legal representation in Russian criminal proceedings. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and scientific doctrinal approaches, the author examines the timing of admission of a minor's legal representative, the distinction between the categories of "non-admission" and "removal," and the grounds for applying these measures. The author identifies a regulatory imbalance manifested in the late admission of a representative, which fails to protect the rights of minors at the early stages of legal proceedings. The author substantiates the need for legislatively enshrining an earlier time for admission and differentiating between the procedures for "non-admission" and "removal." In conclusion, specific amendments to Article 426 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed, aimed at enhancing the guarantees of the rights and legitimate interests of minors in criminal proceedings.*

Key words: *legal representative, minor, criminal procedure, admission, removal, protection of rights, legal interest, conflict of interest.*

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка [9], является фундаментальным ориентиром для определения процессуального статуса и момента допуска законного представителя в уголовном судопроизводстве. Согласно данному принципу, во всех действиях в отношении несовершеннолетних первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению их интересов. В контексте уголовного процесса это означает, что участие законного представителя должно быть обеспечено на самых ранних стадиях, поскольку несовершеннолетний в силу возрастных и психологических особенностей не способен в полной мере самостоятельно защищать свои права [10].

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство России, закрепляя обязательность участия законного представителя (ст. 48, 426 УПК РФ), содержит ряд существенных пробелов и противоречий, касающихся как момента допуска такого представителя, так и оснований и процедуры его отстранения. Эти пробелы порождают правовую неопределенность, создают риски нарушения прав несовершеннолетних и не в полной мере соответствуют международным стандартам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Законное представительство в уголовном процессе является заимствованным институтом, основные положения которого заложены в гражданском и семейном законодательстве. Именно поэтому в теории и практике используется термин «допуск», а не «назначение» : статус законного представителя возникает в силу закона вне рамок уголовного процесса, и должностное лицо, ведущее производство по делу, не обладает правом самостоятельно присваивать кому-либо этот статус. Судебная практика последовательно исходит из того, что признание лица законным представителем следователем или дознавателем недопустимо, поскольку последний не наделен такими полномочиями [3].

Привлечение законного представителя является обязательным условием предварительного расследования, выполнение которого возложено на следователя (дознавателя) (ч. 3 ст. 16 и ч. 1 ст. 426 УПК РФ).

В научной литературе допуск законного представителя традиционно рассматривается как производное от правового статуса представляемого лица и не выделяется в качестве самостоятельного процессуального института. Однако, подобный подход, сводящий допуск исключительно к производной от статуса представляемого лица, не отражает реального значения данного процессуального действия. Допуск следует рассматривать не только как формальное признание участия, но и как механизм, определяющий пределы и качество дальнейшего процессуального взаимодействия между следователем, судом, защитником и несовершеннолетним. Именно на стадии допуска закладываются предпосылки как для эффективной защиты прав несовершеннолетнего, так и для возможных процессуальных нарушений, способных повлечь признание доказательств недопустимыми [12].

Особое значение для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего имеет вопрос о моменте допуска законного представителя к участию в уголовном судопроизводстве. Согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ, участие законного представителя связывается с проведением первого допроса. Следовательно, даже при наличии установленной законом обязанности незамедлительно уведомить законного представителя о задержании несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 423 УПК РФ), его фактическое включение в досудебное производство происходит лишь с момента первого допроса в соответствующем статусе [11, с. 42]. Лишь вынесение и приобщение к материалам дела постановления о допуске позволяет установить фактическую дату вступления представителя в процесс.

Дискуссионность определения момента допуска обусловлена тем, что законодательная привязка к первому допросу оставляет без правовой защиты интересы несовершеннолетнего на более ранних этапах. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что уже на первоначальном этапе – при проверке сообщения о преступлении нередко возникают обоснованные предположения о причастности несовершеннолетнего к совершению противоправного деяния. В таких случаях в соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ проводятся различные процессуальные действия, фактически ориентированные на изобличение подростка [12, с. 126]. Более того, после внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 4 марта 2013 г. [13], стало допустимым проведение и отдельных следственных действий, содержащих элементы процессуального принуждения и способных нарушить конституционные права ребенка, в частности получение образцов для сравнительного исследования и назначение судебной экспертизы.

Как справедливо указывает Ш.Ф. Багаутдинов, существует масса ситуаций, которые не подпадают под данное положение закона: проведение доследственной проверки с широким спектром процессуальных действий; выполнение с участием несовершеннолетнего, имеющего статус свидетеля, следственных действий (очные ставки, опознания), напрямую направленных на его изобличение; проведение обыска и

выемки по месту жительства несовершеннолетнего и т.д. [4, с. 116]. Отсутствие прямого нормативного регулирования данного аспекта компенсируется лишь разнообразными научными подходами, однако подобная неопределенность фактически предоставляет следователю или дознавателю возможность уклониться от привлечения законного представителя на указанных этапах без риска наступления процессуальной ответственности.

Особенно показательной является позиция Комитета ООН по правам человека, который в деле Вячеслава Бережного констатировал нарушение в связи с тем, что мать несовершеннолетнего была допущена к участию в деле в качестве законного представителя лишь спустя два месяца после ареста сына [14]. По оценке Комитета, столь позднее привлечение законного представителя лишило несовершеннолетнего возможности своевременно сформировать эффективную линию защиты и получить необходимую психологическую поддержку.

В этой связи видится правильным более ранний момент допуска законного представителя – с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, или с момента приобретения несовершеннолетним статуса подозреваемого/обвиняемого, по аналогии с правилами допуска защитника.

Законодатель ведет речь о допуске законного представителя, но не говорит об отказе в допуске данного лица к участию в деле. Частично этот пробел восполняется постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (далее – постановление Пленума № 1), в котором разъяснена возможность отказа в доступе к участию в деле законных представителей, совершивших преступление совместно с несовершеннолетним, либо в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление [15].

Принципиально важным является разграничение «недопуска» (отказа в допуске) и отстранения. «Недопуск» представляет собой стадию предварительной процессуальной проверки, в рамках которой устанавливается наличие правовых и фактических предпосылок для приобретения лицом статуса законного представителя. На данном этапе процессуальный статус еще не возник, а потому речь идет не о лишении права, а о решении вопроса о его возникновении. Отстранение же – это мера процессуального реагирования, применяемая к уже допущенному участнику, обладающему установленным законом объемом прав и обязанностей. В этом случае происходит принудительное прекращение ранее возникшего процессуального статуса, что по своей природе является ограничением процессуальных гарантий и требует более строгого обоснования.

Если отстранение – это ограничение уже реализуемой гарантии, то не логичнее ли сместить акцент на качественную процедуру предварительной оценки при допуске, чтобы минимизировать необходимость последующего отстранения? Ответ, по нашему мнению, должен быть положительным.

Возникает закономерный вопрос, что считать основанием для отказа в допуске законного представителя, помимо тех, что уже имеются (в постановлении Пленума № 1).

К одному из таких оснований, по нашему мнению, может относиться состояние здоровья. В этом контексте показательным является пример из судебной практики, когда законным представителем несовершеннолетнего Ш. выступал его отец, имеющий II группу инвалидности по зрению. Верховный Суд РФ указал, что физический недостаток сам по себе не является препятствием для реализации родителем прав законного представителя, поскольку отец не был признан судом ограниченно дееспособным или недееспособным, осознавал суть процессуальных действий и мог знакомиться с материалами дела альтернативным способом [8].

Вместе с тем данный пример поднимает вопрос о реальной, а не формальной эффективности участия законного представителя, имеющего физические недостатки. Хотя такое лицо и не причиняет вреда несовершеннолетнему, его возможности по действенной защите прав подопечного существенно ограничены. В подобных случаях участие представителя рискует превратиться в формальное соблюдение требований закона. В связи с этим при отсутствии иных законных представителей обоснованно привлекать к участию в деле представителя органа опеки и попечительства.

Также заслуживает внимания проблема участия в качестве законных представителей лиц, больных хроническим алкоголизмом или наркоманией. Как отмечает И.С. Дикарев, в распоряжении государственных органов, работающих в сфере уголовной юстиции, оказываются подтвержденные доказательствами достоверные сведения, указывающие на наличие оснований для принятия решения о лишении родительских прав. Однако реализовать указанный правозащитный потенциал в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства невозможно [7]. Познавательные ресурсы уголовного судопроизводства дают возможность полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, включая вопросы, связанные с лишением родительских прав. Объединение этих производств позволило бы оперативно восстанавливать нарушенные права несовершеннолетних и существенно экономить процессуальные ресурсы, исключая па-

раллельное разбирательство в порядке гражданского процесса. Несмотря на очевидный потенциал такого механизма, его внедрение в текущую модель ювенальной юстиции в настоящее время маловероятно.

Термин «недопуск» употребляется в УПК РФ применительно к иным участникам уголовного процесса: защитнику, представителю потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Согласно ст. 72 УПК РФ, указанные лица не вправе участвовать в производстве по делу, если имеются обстоятельства, ставящие под сомнение их способность действовать объективно либо в интересах участников процесса. Данный подход вполне применим и к законному представителю несовершеннолетнего.

Участие законного представителя направлено прежде всего на обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. Если имеются данные о том, что конкретное лицо действует вопреки интересам несовершеннолетнего, находится с ним в конфликте, оказывает давление либо иным образом может повлиять на его процессуальное положение, допуск такого лица к участию в деле противоречил бы самому назначению функции законного представительства. Более того, подобная ситуация может привести к нарушению права несовершеннолетнего на справедливое разбирательство и эффективную защиту.

В связи с этим представляется обоснованным нормативно закрепить возможность отказа в допуске законного представителя в случаях, когда еще до начала его участия в уголовном процессе установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии конфликта интересов либо иных факторов, способных причинить вред правам и законным интересам несовершеннолетнего. Такое решение должно приниматься дознавателем, следователем или судом и оформляться мотивированным постановлением.

При этом важно определить место такой нормы в системе УПК РФ. Предложение о нормативном закреплении «недопуска» путем внесения изменений в ст. 72 УПК РФ представляется не вполне корректным с точки зрения системного построения закона. Ст. 72 УПК РФ регулирует общий институт отвода участников судопроизводства, устанавливая основания, при наличии которых лицо подлежит устранению от участия в деле. Законный представитель несовершеннолетнего по своей правовой природе занимает иное положение: его участие обусловлено спецификой производства по делам в отношении несовершеннолетних и направлено на обеспечение дополнительных гарантий защиты их прав. Особенности участия законного представителя урегулированы специальной главой 50 УПК РФ, в частности статьей 426. Таким образом, закрепление соответствующего положения именно в ст. 426 УПК РФ позволит подчеркнуть, что «недопуск» является специальной гарантией, применяемой исключительно в рамках производства по делам данной категории.

При этом закрепление в законе исчерпывающего перечня обстоятельств, приводящих к отказу в допуске, видится нецелесообразным, поскольку возможные ситуации, при которых участие законного представителя может противоречить интересам несовершеннолетнего, отличаются значительным многообразием. Закрепление исчерпывающего перечня неизбежно приведет к тому, что ряд ситуаций, объективно препятствующих эффективной защите, окажется вне сферы правового регулирования. Более целесообразным является закрепление общего правила, согласно которому законный представитель может быть не допущен к участию, если имеются сведения о наличии конфликта интересов либо иных обстоятельств, способных препятствовать надлежащей защите его прав и законных интересов.

В УПК РФ дважды применительно к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предусматривается возможность отстранения от участия в деле законных представителей (ч. 4 ст. 426; ч. 2 ст. 428 УПК РФ). Это происходит в тех случаях, когда их действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого, подсудимого).

Ключевым вопросом при решении проблемы отстранения является оценка того, причиняет ли участие законного представителя ущерб интересам несовершеннолетнего. В действующем законодательстве данная категория не раскрыта, что обусловливает ее оценочный и субъективный характер. Законодатель не раскрывает содержание понятия «ущерб». Ясно лишь то, что ущерб уже наносится, т.е. его можно воспринять и оценить. Задача следователя, дознавателя или судьи в том, чтобы наносимый ущерб не стал еще больше [5].

В постановлении Пленума № 1 разъясняется, что к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела (п. 11).

Рассматриваемые нормы обязывают правоприменителя выявлять индивидуальные инте-

ресы несовершеннолетнего и сопоставлять их с интересами семьи. Сложность заключается в том, что подросток в силу возраста и недостатка жизненного опыта зачастую не способен осознать свои подлинные интересы. В итоге оценку этих интересов вместо родителя вынужден давать следователь, дознаватель или судья – лицо, процессуально чуждое несовершеннолетнему. В досудебном производстве следователь и несовершеннолетний обвиняемый отстаивают разные интересы: следователь – публичный, а несовершеннолетний – частный [6, с. 345]. Это объективное противоречие, по всей видимости, предопределило императивный характер ст. 48 УПК РФ, обязывающей привлекать законных представителей. Их участие, наряду с защитником (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), служит гарантией от возможных злоупотреблений со стороны следователя, а в отсутствие родителей к делу подключаются органы опеки (п. 12 ст. 5 УПК РФ).

В науке предлагаются различные классификации форм ущерба интересам несовершеннолетнего [1, с. 17-18; 10, с. 60; 16, с. 110]. Среди них можно выделить : ущерб от активных действий (давление на потерпевшего или свидетелей, уничтожение доказательств); ущерб от бездействия (необжалование незаконных решений); ущерб от создания конфликта интересов; ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, наличие фактов давления на ребенка и другие.

Несмотря на обоснованность стремления к конкретизации, закрепление в законе исчерпывающего перечня действий, причиняющих ущерб, видится нецелесообразным. Невозможно предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций, а четкий перечень создаст риск формального подхода, когда даже при очевидном ущербе, но при отсутствии прямого указания в перечне, законный представитель не будет отстранен. Именно оценочный характер категории «ущерб интересам» в данном случае позволяет учитывать конкретные обстоятельства дела и индивидуальные особенности представляемого лица.

Вместе с тем для устранения пробела в правовом регулировании необходимо предусмотреть в УПК РФ норму, закрепляющую перечень обязанностей законных представителей по защите интересов представляемых лиц, а также установление юридической ответственности за их несоблюдение. Такой подход позволит суду и следствию объективно оценивать наличие ущерба, не прибегая к формальной детализации его видов.

Важно обратить внимание на разъяснение Верховного Суда РФ, относящее к действиям, наносящим ущерб, уклонение законного представителя от участия в деле. Однако неявка законного представителя в суд без уважительных причин, свидетельствуя о его нежелании исполнять свои обязанности, одновременно способна парализовать отправление правосудия с учетом императивного требования ст. 48 УПК РФ об обязательном участии законного представителя. Более того, многие процессуальные действия представителя, которые формально можно счесть «ухищрениями», на деле могут быть продиктованы стремлением защитить интересы подростка в условиях уголовного преследования. Ущерб в таких случаях выражен неявно, что ставит под сомнение обоснованность отстранения.

Неоднозначно следует оценивать и злоупотребление правами, особенно если оно выражается в создании препятствий для выяснения обстоятельств дела. Согласно разъяснениям постановления Пленума № 1, это также наносит ущерб интересам несовершеннолетнего. Однако необходимо учитывать, что сам несовершеннолетний далеко не всегда заинтересован в установлении тех или иных фактов: если они изобличают его, их выявление противоречит его субъективным интересам; если же реабилитируют – напротив, соответствует им. Данный вывод вытекает из современной идеологии УПК РФ, ориентированной на защиту прав несовершеннолетних от уголовного преследования, где воспитательная функция уступила место охранительной.

В правоприменительной практике отстранение законного представителя нередко вызывает сложности, связанные с оценкой наличия ущерба. Показательным является пример из судебной практики, когда при расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего З. следователем был привлечен законный представитель, который заявил об отсутствии неприязненных отношений к З. Однако еще на стадии предварительного следствия законный представитель согласился с мнением следователя о необходимости применения к З. меры пресечения в виде заключения под стражу, тогда как последний просил оставить его на свободе. В ходе судебного заседания законный представитель ни разу не поддержал мнение своего представляемого по заявленным ходатайствам, оставляя их разрешение на усмотрение суда и поддерживая мнение стороны обвинения [2]. Данный случай наглядно демонстрирует ситуацию, когда формальное участие законного представителя не только не обеспечивает защиту интересов несовершеннолетнего, но и прямо противоречит им, что должно влечь отстранение.

При решении вопроса об отстранении важно учитывать, что для этого не требуется вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения, подтверждающего факт совершения представителем противоправных действий. Достаточно наличия совокупности доказа-

тельств, дающих основание полагать, что такие действия имели место либо что существует реальная угроза их совершения. Бремя доказывания наличия оснований для отстранения лежит на должностном лице, принявшем решение об отстранении. Само по себе несогласие законного представителя с действиями следователя или с позицией защитника, его эмоциональное поведение, отдельные нарушения процессуального регламента не могут служить достаточным основанием для отстранения, если они не причиняют реального ущерба интересам представляемого.

Важным аспектом является вопрос о том, должно ли отстранение законного представителя быть окончательным либо возможно его восстановление в этом качестве после устранения обстоятельств, послуживших основанием для отстранения. Закон не регулирует этот вопрос. Представляется, что в случаях, когда основания для отстранения носят временный характер (например, болезнь законного представителя, временный конфликт с представляемым), возможно его последующее восстановление при условии, что это не противоречит интересам представляемого лица и не нарушает прав других участников процесса.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства:

Установлено, что действующее уголовно-процессуальное законодательство связывает участие законного представителя несовершеннолетнего преимущественно с моментом первого допроса подозреваемого или обвиняемого, что приводит к нормативному дисбалансу и фактическому вовлечению несовершеннолетнего в процессуальную деятельность на более ранних стадиях без должных гарантий защиты его прав. Допуск законного представителя должен осуществляться с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, или с момента приобретения несовершеннолетним статуса подозреваемого/обвиняемого, по аналогии с правилами допуска защитника.

Следует дополнить ст. 426 УПК РФ частью, регламентирующей основания и порядок «недопуска» законного представителя при наличии обстоятельств, свидетельствующих о конфликте интересов или невозможности надлежащего выполнения функции законного представительства, с вынесением мотивированного постановления.

Законодательное закрепление исчерпывающего перечня действий, причиняющих ущерб интересам несовершеннолетнего, является нецелесообразным и потенциально вредным. Это обусловлено невозможностью предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций, а также риском формального подхода.

В целях устранения пробела в правовом регулировании и придания категории «ущерб» более определенного содержания предложено дополнить УПК РФ нормой, закрепляющей перечень обязанностей законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых по защите прав и интересов представляемых лиц, а также установить процессуальную ответственность за их несоблюдение. Такой подход позволит суду и следствию объективно оценивать наличие ущерба, не прибегая к формальной детализации его видов.

Отстранение законного представителя не всегда должно носить необратимый характер. В случаях, когда основания для отстранения носят временный характер (болезнь, краткосрочный конфликт, стечение обстоятельств), представляется допустимым последующее восстановление лица в статусе законного представителя после устранения соответствующих обстоятельств и при условии, что это не нарушит права иных участников процесса.

Для отстранения законного представителя не требуется вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения, подтверждающего факт совершения им противоправных действий. Достаточным основанием является наличие совокупности доказательств, дающих основания полагать, что такие действия имели место либо существует реальная угроза их совершения. Бремя доказывания наличия оснований для отстранения лежит на должностном лице, принявшем такое решение.

Реализация предложенных изменений позволит существенно усилить гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, повысить эффективность реализации функции законного представительства и привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Авилиани К. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. 26 с.

[2] Апелляционное определение от 08 апреля 2015 г. по делу № 22-337АП/2015.

[3] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 17 января 2019 г. по делу № 22-19/2019.

[4] Багаутдинов Ш. Ф. Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2021. № 4 (99). С. 114-120.

[5] Дежнев А. С. Определение ущерба интересам несовершеннолетнего при отстранении законного представителя от участия в производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 2. С. 87–93.

[6] Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: диссертация ... доктора юридических наук. Омск, 2013. 464 с.

[7] Дикарев И. С. Лишение родительских прав в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2009. № 10. С. 56–59.

[8] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2009 г. № 29-О09-10 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45, ст. 3.

[10] Корякина З. И. О некоторых особенностях процессуального положения законного представителя в уголовном судопроизводстве / З.И. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «История. Политология. Право». 2020. № 4 (20). С. 57-62.

[11] Ларинков А. А. Участие в ходе предварительного расследования законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых / А.А. Ларинков // Криминалистъ. 2010. № 2(7). С. 41-46.

[12] Машинская Н. В. Гарантии прав законного представителя несовершеннолетнего, совершившего преступление, в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 125-129.

[13] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ: принят Гос.Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 февр. 2013 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февр. 2013 г. // Рос. газ. 2013. 6 марта.

[14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Черепчук О. П. Особенности защиты прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в случае отстранения законного представителя в производстве по уголовному делу / О.П. Черепчук // Теория и практика современной науки : Сборник материалов XIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. Москва: НЦ «Издание», 2024. С. 110.

References:

[1] Aviliani K.A. Features of pre-trial criminal proceedings against minors: abstract dis.... Candidate of Law. Moscow, 2009. 26 pp.

[2] Appellate ruling dated April 08, 2015 in case No. 22-337AP/2015.

[3] Appeal ruling of the Supreme Court of the Altai Republic dated January 17, 2019 in case No. 22-19/2019.

[4] Sh. F. Bagautdinov. Legal representatives of the minor accused, suspect, defendant in criminal proceedings // UP. 2021. № 4 (99). S. 114-120.

[5] Dezhnev A. S. Determination of damage to the interests of a minor when removing a legal representative from participation in criminal proceedings // Criminal law. 2011. № 2. S. 87-93.

[6] Dezhnev A. S. Protection of the interests of families and minors in the criminal process of Russia: dissertation... Doctor of Law. Omsk, 2013. 464 p.

[7] Dikarev I. S. Deprivation of parental rights in criminal proceedings // Ros. justice. 2009. № 10. S. 56-59.

[8] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2009 No. 29-O09-10 // SPS "ConsultantPlus.".

[9] Convention on the Rights of the Child // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. No. 45, Art. 3.

[10] Koryakin Z.I. On some features of the procedural position of the legal representative in criminal proceedings / Z.I. Koryakin // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series "History. Political science. Right." 2020. № 4 (20). C. 57-62.

[11] Larinkov A.A. Participation in the preliminary investigation of legal representatives of juvenile suspects accused / A.A. Larinkov // Criminalist. 2010. № 2(7). S. 41-46.

[12] Mashinskaya N.V. Guarantees of the rights of the legal representative of a minor who has committed a crime, at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. № 5. S. 125-129.

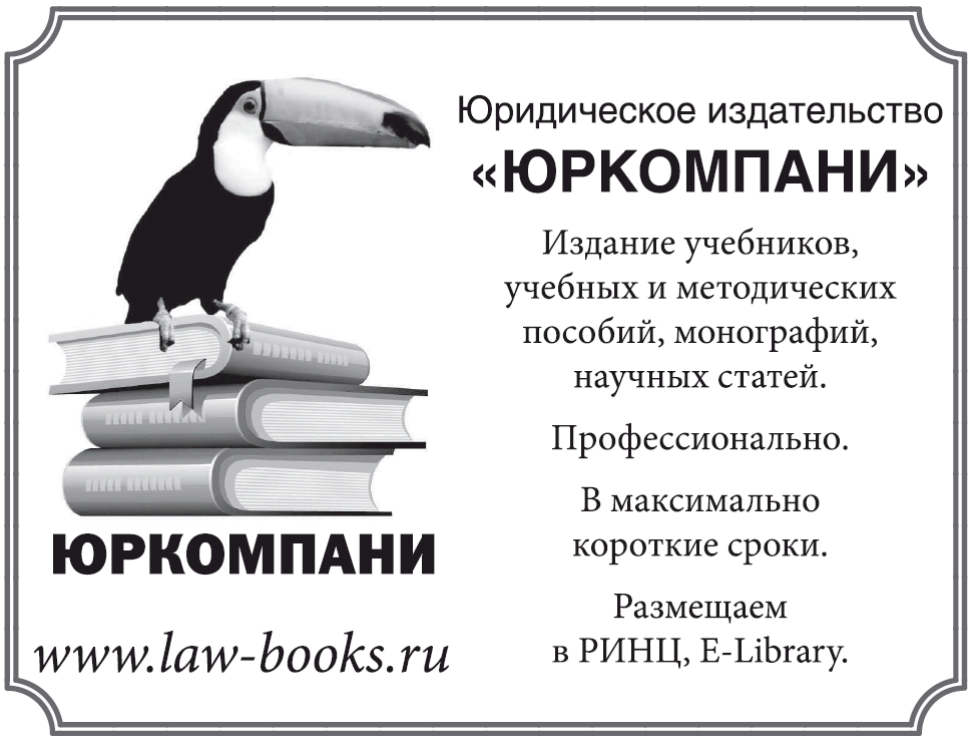
[13] On amending Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation No. 23-FZ dated March 4, 2013: adopted by the State Duma Feder. Sobr. Grew. Federations Feb. 19 2013: approver Feder Federation Council. Sobr. Grew.

Federations Feb. 20 2013 // Ros. gas. 2013. March 6.

[14] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2017) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2017) // SPS "ConsultantPlus.".

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" // SPS "ConsultantPlus".

[16] Cherepchuk O.P. Peculiarities of Protection of the Rights of Juvenile Suspects Accused in Case of Removal of Legal Representative in Criminal Proceedings / O.P. Cherepchuk // Theory and Practice of Modern Science: Collection of Materials of the XIVth International Part-time Scientific and Practical Conference. Moscow: NC "Edition," 2024. S. 110.



МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-61-66

ТИМОФЕЕВА Мария Николаевна,
аспирант 3 курса кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена,
e-mail: maria.n.suslova@gmail.com

Научный руководитель:
АЛЕШИНА Александра Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Аннотация. *В статье проведён комплексный анализ международно-правового регулирования ответственности информационных посредников за распространение контента, нарушающего авторские и смежные права. Рассмотрены международно-правовые источники и выявлены ключевые противоречия между необходимостью защиты имущественных интересов правообладателей и обязательствами по защите права доступа к информации. Предлагаются рекомендации по совершенствованию международно-правового регулирования вопросов ответственности информационных посредников.*

Ключевые слова: *международное право, право интеллектуальной собственности, авторские и смежные права, информационный посредник, мягкое право.*

TIMOFEEVA Maria Nikolaevna,
3rd year postgraduate student of the Department of International Law
of the Herzen University

Supervisor:
ALESHINA Aleksandra Vladimirovna,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE LIABILITY OF INFORMATION INTERMEDIARIES FOR VIOLATIONS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of the international legal regulation regarding the liability of information intermediaries for the dissemination of content that infringes upon copyright and related rights. It examines relevant international legal sources and identifies key conflicts between the need to protect the economic interests of rights holders and the obligations to safeguard the right of access to information. Recommendations are proposed for improving the international legal framework governing the liability of information intermediaries.*

Key words: *international law, intellectual property law, copyright and related rights, information intermediary, soft law.*

Вопросы международно-правовой ответственности информационных посредников за контент, нарушающий авторские и смежные права, регулируются нормативными источниками разной юридической силы. К ним относятся многосторонние международные договоры, универсальные инструменты международного права в области прав человека, региональные акты международного права, документы так называемого «мягкого права», созданные межправительственными организациями, экспертными агентствами, специальными комитетами, а также технические стандарты и многосторонние инициативы. Закрепление данного вопроса на всех уровнях международно-правового регулирования, с одной стороны, создает новые возможности для унификации нормотворчества, а с другой – появляются риски фрагментации права в виду различных

целей, преследуемых тем или иным источником права.

Понятие «информационный посредник» охватывает широкий спектр субъектов, предоставляющих технические, поисковые или хостинг услуги, включая платформы обмена контентом, агрегаторов, хостинг провайдеров и социальные сети. В российском законодательстве «информационный посредник» определяется как лицо, предоставляющее возможность доступа к материалам [14]. Как отмечает в своем исследовании А. А. Капустинский, право различает посредников по функциям, что является критичным при распределении ответственности и установлении обязанностей по обеспечению должной добросовестности [1].

Основные многосторонние договоры, регулирующие вопросы, связанные с защитой права интеллектуальной собственности, к сожалению, не содержат прямых указаний относительно ответственности посредников, однако, закрепленные в них принципы и ориентиры обязывают государства формировать эффективную административную и судебную систему защиты прав авторов, оставляя свободу в выборе средств имплементации [2].

Примечательно, что в Договорах ВОИС по авторскому праву и по исполнениям и фонограммам 1996 года в качестве объекта охраны закрепляются технологические средства и другие цифровые аспекты, что сочетает усиленную охрану результатов интеллектуальной деятельности и необходимость соблюдения права доступа к ним. В то время как Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года (далее - ТРИПС) требует наличия у государств эффективных средств правовой защиты и административных и судебных процедур для обеспечения соблюдения охраны прав интеллектуальной собственности. Таким образом, международные договоры формируют основные принципы и ориентиры, при этом все процессуальные аспекты ответственности платформ остаются в компетенции национального права.

Различные правовые системы прибегают к регулированию ответственности платформ по-разному. В качестве примера следует привести модель под названием «безопасная гавань», которая освобождает посредников от ответственности при соблюдении объективных условий. Страны англосаксонской системы права к таким условиям относят отсутствие знания о нарушении и оперативное удаление по уведомлению [3]. Стоит отметить, что некоторые национальные системы права, которые закрепляют модель безопасной гавани, содержат систему иммунитетов, которые предоставляются платформам, выполнившим ряд формальных процедур [15].

Появление технологий искусственного интеллекта существенно ускорило работу информационных посредников, а также расширило их функционал: появились новые формы взаимодействия платформ и правообладателей. Следствием этих процессов стали многочисленные правонарушения, часть из которых совершаются в новых формах, пока не урегулированных современным правом. Тенденции последних лет, связанные с распространением влияния информационных посредников на международном уровне, бросают вызов международно-правовому регулированию вопросов их ответственности.

Одну из превентивных мер закрепляет Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 2019 года об авторском праве и смежных правах. В п. 4 ст. 17 Директива вводит ответственность платформ за несанкционированные действия по передаче результатов интеллектуальной деятельности публике, при этом, данная статья не влечет никаких общих обязательств по мониторингу [16]. Таким образом, европейская правовая система формирует гибридную модель, которая выражается в простой формуле: иммунитет возможен при выполнении активных обязанностей добросовестности.

Несмотря на то, что вопросы регулирования деятельности информационных посредников стоят на повестке дня многих международных организаций, Европейский союз остается лидером в этой области. Так, ч. 4 ст. 23 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 года (далее – ЕАЭС) закрепляет взаимодействие государств-членов в сфере информационных технологий и защиты права интеллектуальной собственности в качестве одной из целей сотрудничества, однако, на пространстве ЕАЭС на данный момент все еще не выработалось чётких формулировок, касающихся явления информационного посредничества [17].

При анализе той или иной модели регулирования деятельности информационных посредников неизбежно напрашивается вывод о том, что вопрос ответственности онлайн-платформ – это, в первую очередь, поиск баланса между необходимостью защиты права интеллектуальной собственности и охраны таких фундаментальных прав человека, как право на доступ к информации, право на свободу мнений и их свободное выражение.

На сегодняшний день, международные стандарты в области защиты прав человека призваны оказывать существенное влияние на формирование и развитие норм и правил, регулирующих ответственность онлайн-платформ. В соответствии со ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, вводится гарантия свободы выражения мнения

и предписывается, что любые ограничения действий в сети Интернет должны соответствовать трём принципам - законности, достижению легитимной цели и соразмерности [18]. Комитет ООН по правам человека и Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение в своих докладах регулярно подчёркивают, что меры, направленные на удаление контента или ограничение действий в сети Интернет, должны быть предсказуемыми, прозрачными, а также должны обеспечивать эффективную возможность обжалования [4].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и практика Европейского суда по правам человека также формируют правовую политику по данному вопросу, главным ориентиром которой является принцип соразмерности. Указанная позиция подкрепляется деятельностью Суда Европейского союза: как отмечает М. В. Шугуров, помимо толкования норм внутреннего права ЕС, в ряде решений Суд косвенно указывает на необходимость сохранения баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и правом на информацию и свободу выражения мнений [5].

Еще одним регулятором деятельности информационных посредников на международном уровне выступает так называемое «мягкое право», о явлении которого более пятнадцати лет назад писал И. И. Лукашук, используя немного другие формулировки [6, с. 102]. Примерно в то же время в западноевропейской правовой литературе закрепилось понятие «soft law» [7, с. 65], что в переводе означает «мягкое право» и определяется как регулирование не посредством жёстких юридических норм, отражённых в обычаях и договорах, а с помощью неюридических норм рекомендательного характера. Г. Г. Шинкарецкая рассматривает мягкое право в качестве документов, используемых в международных отношениях для закрепления обязательств, имеющих большую силу, чем политические заявления, но меньшую, чем юридические акты [8]. По мнению А. В. Подольского и А. С. Ольшанского, мягкое право представляет из себя способ упорядочения общественных отношений, главной отличительной чертой которого является рекомендательный характер, такие нормы не обеспечены принудительной юридической ответственностью, в то время, как их исполнение мотивировано общим признанием, гибкостью и технико юридическим качеством [9].

К актам мягкого права могут быть отнесены документы Постоянного комитета при ВОИС по вопросам, связанным с интеллектуальным анализом текста и данных, отчёты и доклады ВОИС, содержащие аналитические ориентиры, методические документы и рекомендации по управлению платформами, а также публикации Организации экономического сотрудничества и развития (далее - ОЭСР) и ENISA (ENISA (European Union Agency for Cybersecurity) — специализированное агентство Европейского союза, созданное для обеспечения высокого общего уровня кибербезопасности на территории ЕС) по оценке рисков алгоритмической модерации и обеспечению киберустойчивости. Совет Европы в своих руководящих документах акцентирует внимание на необходимости защиты прав человека в регулировании платформ, в том числе на прозрачности алгоритмов и доступе к правовым средствам защиты [10].

Документы «мягкого права» занимают промежуточное положение: они не создают прямой правовой обязанности, однако, формируют международные стандарты надлежащей практики и служат ориентиром для национальных регуляторов и судов. На сегодняшний день, важным эффектом «мягкого права» является стандартизация процедур уведомления и обжалования, разработка принципов «прозрачности, подотчётности, объяснимости» при применении искусственного интеллекта и выработка рекомендаций по минимизации чрезмерной блокировки [11].

Наряду с межправительственными институтами значительную роль играют инициативы заинтересованных сторон - сотрудничество государств, платформ, правообладателей и гражданского общества. Примерами такого сотрудничества служат соглашения о совместной борьбе с киберпиратством, кодексы добросовестной практики и механизмы взаимодействия правообладателей с платформами. Как отмечает А. С. Кошель, эти инициативы часто обеспечивают оперативные технические решения, но вместе с этим порождают риски в части прозрачности и подотчётности, если не сопровождаются внешним контролем и процессуальными гарантиями [12].

Ю. В. Вишнивецкий иллюстрирует проблему отсутствия прозрачности и подотчетности судебным приговором, вынесенным в 2012 году во Франции по системе Комитета по распространению произведений литературы, науки и искусства и защите авторских прав в сети Интернет (далее - HADOPI), результатом которого стало обвинение человека по данным его учетной записи. Деятельность HADOPI в большей степени направлена на борьбу с пиратским контентом в сети. В соответствии с правилами Комитета, пользователю выносится несколько предупреждений, в случае игнорирования которых возможно применение санкций, включая штрафы и ограничение доступа к Интернету [13, с. 114]. Обвиняемый по делу 2012 года утверждал, что не совершал правона-

рушения, а его учетной записью воспользовались без его ведома. Несмотря на это, ему был назначен штраф.

Вышесказанное лишний раз доказывает, что международно-правовое регулирование ответственности информационных посредников требует тщательного анализа и доработки. Несмотря на наличие многочисленных источников, оно страдает от фрагментации и неоднозначности: договоры в сфере интеллектуальной собственности формулируют основные принципы и ориентиры для выстраивания грамотной внутригосударственной правовой политики, в то время как немаловажные аспекты процедуры и санкционирования формируются на государственном уровне; рекомендации межправительственных органов по соблюдению прав человека устанавливают ограничения, однако, оставляют за государствами механизмы реализации и не обладают обязательной силой. В этих условиях ключевыми направлениями развития являются:

усиление координации между секторами права (интеллектуальная собственность, права человека, торговое право, кибербезопасность);

разработка гибридных стандартов, сочетающих обязательные минимумы и гибкие рекомендации по внедрению требований должной добросовестности;

создание международных механизмов мониторинга и отчётности за практиками платформ;

развитие стандартов прозрачности и соразмерности;

обеспечение участия развивающихся и малых государств в разработке стандартов путём реализации программ технической помощи.

В заключение всего вышесказанного, отметим, что для достижения необходимого уровня соответствия основным международным стандартам, многим национальным правовым системам, необходимо разработать гибкую, правозащитную модель, которая бы обеспечивала должную добросовестность, механизмы независимого пересмотра, которые бы могли учитывать международные обязательства по охране прав интеллектуальной собственности и требования международных стандартов прав человека.

Упомянутые выше международные организации и агентства предоставляют ценные ориентиры и техническую помощь для адаптации международных стандартов в национальные правовые системы, однако, основная правовая ответственность и формирование конкретных процедур остаются во внутригосударственной компетенции.

Ответственность онлайн платформ за нарушения авторских и смежных прав требует комплексной регуляторной модели, сочетающей обязанности обеспечения должной добросовестности с надёжными процессуальными гарантиями для пользователей. Системы защиты должны учитывать техническую природу современных платформ, обеспечить прозрачность модерации и предоставить пользователям эффективные средства защиты от необоснованного удаления контента. Необходимо развивать как международную правовую систему в целом, так и национальные регуляторные механизмы в частности, а именно стандартизировать подходы и внедрять лучшие мировые практики в национальное законодательство.

Список литературы:

[1] Капустинский А. А. Информационный посредник: понятие и правовое регулирование [Электронный ресурс] / А. А. Капустинский // Российский научный вестник. [Электронный ресурс]. - 2026. № 4. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-posrednik-ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 31.08.2026).

[2] Аюшеева И. З. Правовой режим цифровых платформ как объектов гражданских прав [Электронный ресурс] / И. З. Аюшеева // Lex Russica. [Электронный ресурс]. - 2025. № 11 (228). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-tsifrovyh-platform-kak-obektov-grazhdanskih-prav (дата обращения: 31.08.2026).

[3] Филиппова А. И., Герасимова В. С. Цифровые посредники и правовое регулирование: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] / А. И. Филиппова, В. С. Герасимова // Вестник экономической безопасности. [Электронный ресурс]. - 2026. № 1. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-posredniki-i-pravovoe-regulirovanie-vyzovy-i-perspektivy (дата обращения: 31.08.2026).

[4] Рожкова М. А., Корнеев В. А. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография. Вып. 19. / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова; вступ. ст.: В. А. Корнеев. – М.: ГАУГН Пресс, 2023. – 438 с. – (серия «Анализ современного права / IP & Digital Law»).

[5] Шугуров М. В. Европейский союз и защита прав интеллектуальной собственности в третьих странах [Электронный ресурс] / М. В. Шугуров // Современная Европа. [Электронный ресурс]. - 2022. № 1 (108). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-soyuz-i-zaschita-prav-intellektualnoy-obstvennosti-v-tretih-stranah (дата обращения: 31.08.2026).

[6] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин'т государства и права, Академ. правовой ун'т. — Изд.

3'е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 432 с. — (Серия «Библиотека студента»). — ISBN 5'466'00103'1 (в пер.).

[7] Michael Bothe (1980). Legal and Non-Legal Norms – a meaningful distinction in international relations?. Netherlands Yearbook of International Law, 11, pp 65-95 doi:10.1017/S0167676800002725.

[8] Шинкарецкая Г. Г. «Мягкое» право: настоящее и перспективы развития / Г. Г. Шинкарецкая // Современное право. – 2016. – № 2. – С. 110-114. – EDN VRDEMR.

[9] Подольский А. В., Ольшанский А. С. К вопросу о значении «мягкого права» в международно-правовом регулировании [Электронный ресурс] / А. В. Подольский, А. С. Ольшанский // Аграрное и земельное право. [Электронный ресурс]. - 2025. № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-myagkogo-prava-v-mezhdunarodno-pravovom-regulirovanii (дата обращения: 31.08.2026).

[10] Кардава Н. В. Политика обеспечения кибербезопасности в европейском союзе: национальный и наднациональный уровни [Электронный ресурс] / Н. В. Кардава // Каспийский регион: политика, экономика, культура. [Электронный ресурс]. - 2019. № 3 (60). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/politika-obespecheniya-kiberbezopasnosti-v-evropeyskom-soyuze-natsionalnyy-i-nadnatsionalnyy-urovni (дата обращения: 31.08.2026).

[11] Данилова А. К., Павленко К. И. Блокировка интернет-страниц: баланс между защитой общества и ограничением информационных свобод [Электронный ресурс] / А. К. Данилова, К. И. Павленко // Universum: экономика и юриспруденция. [Электронный ресурс]. - 2026. № 2 (136). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/blokirovka-internet-stranits-balans-mezhdu-zaschitoy-obschestva-i-ogranicheniem-informatsionnyh-svobod (дата обращения: 01.09.2026).

[12] Кошель А. С., Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Лесив Б. В. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) [Электронный ресурс] / А. С. Кошель, Я. И. Кузьминов, Е. В. Кручинская, Б. В. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. [Электронный ресурс]. - 2025. № 2. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-regulyatornogo-optimuma-deyatelnosti-tsifrovyh-platform-sravnitelnyy-analiz (дата обращения: 01.09.2026).

[13] Вишнивецкий Ю. В. Зарубежный опыт регулирования охраны и защиты прав авторов произведений, представленных в интернете // правовая парадигма. 2024. Т. 23 № 1. с. 112-119.

[14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) (с изменениями на 23 июля 2025 года) (редакция, действующая с 4 января 2026 года). Принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/902019731?marker=64U0IK (дата обращения: 09.09.26).

[15] Закон США «Об авторском праве», 17 U.S.C. §§ 1 et seq., Соединенные Штаты Америки. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3939 (дата обращения: 01.09.26).

[16] Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС, Европейский союз (ЕС). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18927 (дата обращения: 06.09.26).

[17] «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 04.09.26).

[18] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 09.09.26).

References:

[1] Kapustinsky A. A. Information intermediary: concept and legal regulation [Electronic resource] / A. A. Kapustinsky // Russian Scientific Bulletin. [Electronic resource]. - 2026. № 4. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-posrednik-ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 31.08.2026).

[2] Ayusheeva I.Z. The legal regime of digital platforms as objects of civil rights [Electronic resource] / I.Z. Ayusheeva // Lex Russica. [Electronic resource]. - 2025. № 11 (228). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-tsifrovyh-platform-kak-obektov-grazhdanskih-prav (дата обращения: 31.08.2026).

[3] Filippova A. I., Gerasimova V. S. Digital intermediaries and legal regulation: challenges and prospects [Electronic resource] / A. I. Filippova, V. S. Gerasimova // Bulletin of Economic Security. [Electronic resource]. - 2026. № 1. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-posredniki-i-pravovoe-regulirovanie-vyzovy-i-perspektivy (дата обращения: 31.08.2026).

[4] Rozhkova M.A., Korneev V.A. Intellectual rights in the digital age: selected aspects: collective

monograph. No. 19 / hands. and scientific. ed. D. yu. N. M. A. Rozhkova; entry. Art.: V. A. Korneev. - M.: GAUGN Press, 2023. - 438 p. - (series "Analysis of modern law/IP & Digital Law").

[5] Shugurov M.V. European Union and protection of intellectual property rights in third countries [Electronic resource] / M.V. Shugurov // Modern Europe. [Electronic resource]. - 2022. № 1 (108). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-soyuz-i-zaschita-prav-intellektualnoy-obstvennosti-v-tretih-stranah (дата обращения: 31.08.2026).

[6] Lukashuk I. I. International law. General part: students. for Juris students. fac. and universities I.I. Lukashuk; Grew. Acad. sciences, In't states and laws, Academ. legal un't. - Ed. 3 'e, revised. and add. - M.: Wolters Kluver, 2005. - 432 p. - (Series "Student Library"). - ISBN 5 '466' 00103 '1 (in trans.).

[7] Michael Bothe (1980). Legal and Non-Legal Norms – a meaningful distinction in international relations?. Netherlands Yearbook of International Law, 11, pp 65-95 doi:10.1017/S0167676800002725.

[8] Shinkaretskaya G. G. "Soft" law: present and development prospects/G. G. Shinkaretskaya // Modern law. – 2016. – № 2. - S. 110-114. – EDN VRDEMR.

[9] Podolsky A.V., Olshansky A.S. On the importance of "soft law" in international legal regulation [Electronic resource] / A.V. Podolsky, A.S. Olshansky // Agrarian and land law. [Electronic resource]. - 2025. № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-myagkogo-prava-v-mezhdunarodno-pravovom-regulirovanii (дата обращения: 31.08.2026).

[10] Kardava N.V. Cybersecurity policy in the European Union: national and supranational levels [Electronic resource] / N.V. Kardava // Caspian region: politics, economy, culture. [Electronic resource]. - 2019. № 3 (60). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/politika-obespecheniya-kiberbezopasnosti-v-evropeyskom-soyuze-natsionalnyy-i-nadnatsionalnyy-urovni (дата обращения: 31.08.2026).

[11] Danilova A.K., Pavlenko K.I. Blocking Internet pages: balance between protecting society and restricting information freedoms [Electronic resource] / A.K. Danilova, K.I. Pavlenko // Universum: economics and jurisprudence. [Electronic resource]. - 2026. № 2 (136). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/blokirovka-internet-stranits-balans-mezhdu-zaschitoy-obschestva-i-ogranicheniem-informatsionnyh-svobod (дата обращения: 01.09.2026).

[12] Koshel A. C., Kuzminov Ya. I., Kruchinskaya E. V., Lesiv B. V. Search for the regulatory optimum of digital platforms (comparative analysis) [Electronic resource] / A. C. Koshel, Ya. I. Kuzminov, E. V. Kruchinskaya, B. V. Lesiv // Law. Journal of the Higher School of Economics. [Electronic resource]. - 2025. № 2. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-regulyatornogo-optimuma-deyatelnosti-tsifrovyh-platform-sravnitelnyy-analiz (дата обращения: 01.09.2026).

[13] Vishnivetsky Yu. V. Foreign experience in regulating the protection and protection of the rights of authors of works presented on the Internet // legal paradigm. 2024. T. 23 NO. 1. c. 112-119.

[14] Civil Code of the Russian Federation (part four) (as amended on July 23, 2025) (as amended on January 4, 2026). Adopted by the State Duma on November 24, 2006. URL: https://docs.cntd.ru/document/902019731?marker=64U0IK (access date: 09.09.26).

[15] United States Copyright Act, 17 U.S.C. § § 1 et seq., United States of America. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3939 (дата обращения: 01.09.26).

[16] Directive (EC) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights within the digital single market, supplementing Directives 96/9/EC and 2001/29/EC, European Union (EU). URL: https://www.wipo.int/wipole.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-67-72

ДЖАПАРОВ Ильгиз Абылкасымович,
аспирант кафедры международного права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: ilgiz_djaparov@mail.ru

Научный руководитель:
ДЕМЕНТЬЕВ А.А.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТИЧНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ К ПРАВОВЫМ НОРМАМ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования международно-правовой модели обеспечения этичности искусственного интеллекта. Автор исходит из того, что стремительное развитие технологий ИИ опережает создание юридически обязывающих норм, что порождает разрыв между этическими ожиданиями и правовой реальностью. На основе анализа ключевых международных актов - Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 года, обновленных Принципов ОЭСР по ИИ 2024 года, Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте 2024 года и Регламента ЕС об искусственном интеллекте - автор прослеживает эволюцию от декларативных этических принципов к формированию гибридной модели регулирования, сочетающей инструменты мягкого и жесткого права. Особое внимание уделяется принципу предосторожности и механизмам «отвердевания» мягкого права. Автор приходит к выводу, что эффективная международно-правовая модель обеспечения этичности ИИ должна строиться на основе многоуровневой архитектуры, включающей рамочные конвенции, региональные регламенты и глобальные этические стандарты, а также на институциональных механизмах мониторинга и имплементации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, этика ИИ, международное публичное право, мягкое право, жесткое право, принцип предосторожности, регулирование технологий, Рамочная конвенция Совета Европы, Рекомендация ЮНЕСКО, Принципы ОЭСР.*

DZHAPAROV Ilgiz A.,
postgraduate student at the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Supervisor:
DEMENTIEV A.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of International Law

ABOUT THE PROSPECTS FOR THE FORMATION OF AN EFFECTIVE INTERNATIONAL LEGAL MODEL FOR ENSURING THE ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM ETHICAL PRINCIPLES TO LEGAL NORMS

Annotation. *The article addresses the problem of forming an international legal model for ensuring the ethics of artificial intelligence. The author proceeds from the fact that the rapid development of AI technologies outpaces the creation of legally binding norms, which generates a gap between ethical expectations and legal reality. Based on an analysis of key international instruments - the UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2021), the updated OECD AI Principles (2024), the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence (2024), and the EU Artificial Intelligence Act - the author traces the evolution from declarative ethical principles to the formation of a hybrid regulatory model combining soft law and*

hard law instruments. Particular attention is paid to the precautionary principle and the mechanisms of "hardening" of soft law. The author concludes that an effective international legal model for ensuring AI ethics should be built on a multi-level architecture, including framework conventions, regional regulations, and global ethical standards, as well as institutional mechanisms for monitoring and implementation.

Key words: *artificial intelligence, AI ethics, public international law, soft law, hard law, precautionary principle, technology regulation, Council of Europe Framework Convention, UNESCO Recommendation, OECD Principles.*

Введение

Одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкивается современное международное публичное право, является необходимость регулирования технологий, этические импликации которых значительно опережают возможности правового реагирования. Искусственный интеллект, ставший за последние два десятилетия неотъемлемой частью экономических, социальных и политических процессов, порождает фундаментальный вопрос: каким образом международное право может обеспечить этичность его разработки и применения, не препятствуя при этом технологическому прогрессу и не пытаясь дать окончательные ответы на вопросы, которые остаются предметом незавершённых научных дискуссий?

Сложность ситуации придаёт тот факт, что само понятие искусственного интеллекта не обрело общепризнанного научного наполнения. Инженерные дисциплины, когнитивная наука и философия сознания предлагают различные трактовки интеллектуального поведения - от оперирования абстрактными символами по строгим логическим правилам до незапрограммированных свойств, рождающихся внутри многослойных искусственных нейронов. Эта многозначность создаёт ситуацию, при которой объект регулирования ускользает от строгого определения именно в силу своей научной неопределённости. Как отмечается в доктрине, отсутствие единого понимания сущности искусственного интеллекта ставит перед правом задачу, которую невозможно решить традиционными средствами: регулировать необходимо, а опереться на готовое знание невозможно [1].

Вместе с тем этическая проблематика искусственного интеллекта не сводится к терминологическим спорам. Речь идёт о вполне конкретных рисках: алгоритмической дискриминации, непрозрачности решений, используемых в сферах здравоохранения, кредитования, правосудия и трудоустройства, манипуляции общественным мнением, распространении дезинформации, а также о более отдалённой перспективе утраты человеческого контроля над критически важными системами [2]. Именно эти риски, а не абстрактные философские разногласия, определяют повестку международного правотворчества.

Таким образом, международное право оказалось перед необходимостью выработать регуляторную стратегию, которая, с одной стороны, признавала бы границы доступного сегодня знания, а с другой - обеспечивала бы достаточный уровень защиты этических ценностей и прав человека. Настоящая статья ставит перед собой цель проанализировать формирующуюся международно-правовую модель обеспечения этичности искусственного интеллекта и оценить перспективы её дальнейшего развития.

Цель и задачи

Цель настоящей статьи - показать, что международно-правовое регулирование этичности искусственного интеллекта развивается в направлении гибридной модели, сочетающей инструменты мягкого и жёсткого права, и обосновать, что такая модель является не временным компромиссом, а закономерной и наиболее адаптивной формой регулирования в условиях научной и технологической неопределённости.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить три задачи. Во-первых, проследить эволюцию международных подходов к этическому регулированию ИИ - от первых декларативных принципов к формированию юридически обязывающих инструментов. Во-вторых, проанализировать ключевые международные акты - Рекомендацию ЮНЕСКО 2021 года, обновлённые Принципы ОЭСР 2024 года, Рамочную конвенцию Совета Европы 2024 года и Регламент ЕС об искусственном интеллекте - с точки зрения их вклада в формирование эффективной модели обеспечения этичности. В-третьих, обосновать, что дальнейшее развитие международно-правовой модели должно опираться на многоуровневую архитектуру, включающую рамочные конвенции, региональные регламенты, глобальные этические стандарты и институциональные механизмы мониторинга.

Методология

Методологический инструментарий настоящей статьи носит комплексный характер, что обусловлено междисциплинарным характером исследуемой проблематики, лежащей на стыке международного публичного права, философии права и исследований в области регулирования технологий. Центральное место занимает системно-структурный подход, позволивший рассмот-

реть формирующуюся международно-правовую модель обеспечения этичности ИИ не как совокупность разрозненных актов, а как целостную систему, элементы которой - мягкое право, жёсткое право и институциональные механизмы - находятся в отношениях взаимодополняемости.

Сравнительно-правовой метод применён при сопоставлении подходов к этическому регулированию ИИ, отражённых в документах различной юридической силы и географического охвата - от глобальных рекомендаций ЮНЕСКО до региональных регламентов ЕС. Формально-юридический метод использован при анализе текстов международных актов и определении их юридической природы. Элементы метода правового моделирования задействованы при обосновании перспектив формирования многоуровневой международно-правовой модели. Наконец, историко-правовой метод позволил проследить эволюцию от первых этических деклараций к юридически обязывающим инструментам.

Результаты

Первая волна международных инициатив в сфере этики искусственного интеллекта, приходящаяся на 2017–2021 годы, характеризовалась преобладанием декларативных документов, закреплявших общие ценностные ориентиры без создания механизмов их имплементации. Как отмечается в аналитических обзорах, этот период породил «пролиферацию принципов, но не институционализацию» [3]. Асиломарские принципы ИИ 2017 года, руководящие принципы G20 2019 года, Этические руководящие принципы для надёжного ИИ, разработанные экспертной группой высокого уровня Европейской комиссии в 2019 году, - все эти документы, при всей их значимости для формирования международного консенсуса относительно ценностей, не создавали юридических обязательств и не предусматривали механизмов мониторинга [4, с.49].

Ситуация принципиально изменилась в 2021 году с принятием Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта - первого глобального стандарта в этой сфере, одобренного всеми 194 государствами-членами организации. Рекомендация закрепила фундаментальные принципы - защиту прав человека и достоинства, прозрачность, справедливость, человеческий контроль над системами ИИ - и, что особенно важно, предложила развёрнутые направления политических действий, позволяющие государствам переводить эти принципы в конкретные меры в области управления данными, окружающей среды, гендерного равенства, образования и здравоохранения. Несмотря на то, что Рекомендация носит рекомендательный характер, её значение для формирования международно-правовой модели обеспечения этичности ИИ трудно переоценить: она создала нормативную рамку, на которую впоследствии стали опираться как региональные, так и национальные регуляторы.

Параллельно развивалась линия ОЭСР. Принципы ОЭСР по искусственному интеллекту, впервые принятые в 2019 году [5], были существенно обновлены в мае 2024 года [6]. Обновлённая версия, сохраняя приверженность ценностям инновационного и надёжного ИИ, уважающего права человека и демократические ценности, более прямо адресовала вызовы, связанные с приватностью, интеллектуальной собственностью, безопасностью и целостностью информации. Принципы ОЭСР, насчитывающие 47 приверженцев, включая ЕС, выполняют функцию глобального ориентира для политических рамок в сфере ИИ. Особенно важно, что определения системы ИИ и её жизненного цикла, закреплённые в Рекомендации ОЭСР, используются в качестве основы для нормативных актов Европейского союза, Японии и Соединённых Штатов, а также в работе Организации Объединённых Наций [7]. Тем самым мягкое право ОЭСР выполняет функцию нормативной гармонизации, создавая общий понятийный аппарат для последующего жёсткого регулирования.

Качественный сдвиг в формировании международно-правовой модели обеспечения этичности ИИ произошёл в 2024 году с принятием Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS № 225) [8]. Конвенция, открытая для подписания 5 сентября 2024 года, стала первым в мире юридически обязывающим международным договором, направленным на обеспечение соответствия деятельности в жизненном цикле систем ИИ общим стандартам в области прав человека, демократии и верховенства права.

Конвенция восприняла риск-ориентированный подход, предполагающий оценку серьёзности и вероятности негативного воздействия систем ИИ на права человека, демократию и верховенство права. Для этого разрабатывается специальная методология HUDERIA (Human Rights, Democracy and Rule of Law Impact Assessment), призванная обеспечить систематическую идентификацию, оценку и минимизацию рисков. Принципиально важно, что Конвенция не пытается дать содержательное определение искусственного интеллекта, а оперирует функциональными характеристиками систем ИИ, что позволяет избежать ловушки терминологических споров, о которой говорилось выше.

Вместе с тем, как отмечается в критической литературе, Рамочная конвенция остаётся региональным инструментом и не охватывает в

полной мере экологические аспекты регулирования ИИ. Кроме того, её эффективность будет зависеть от имплементации на национальном уровне, что создаёт риск фрагментации регулирования.

Регламент (ЕС) 2024/1689, вступивший в силу 2 августа 2024 года, представляет собой наиболее разработанный и всеобъемлющий пример жёсткого правового регулирования в сфере ИИ [9]. Регламент ставит целью обеспечение разработки и внедрения безопасных и надёжных систем ИИ на едином рынке ЕС при одновременном обеспечении здоровья и безопасности граждан и уважения основных прав.

Ключевой особенностью Регламента является риск-ориентированный подход: чем выше риск причинения вреда обществу, тем строже правила. Регламент определяет ряд практик ИИ как недопустимых, включая сублиминальные или обманные техники манипуляции поведением, эксплуатацию уязвимостей, обусловленных возрастом, инвалидностью или социально-экономическим положением, а также социальный скоринг. Высокорисковые системы ИИ, используемые в критической инфраструктуре, образовании, трудоустройстве, основных услугах, правоприменении, миграционном контроле и отправлении правосудия, подлежат строгим требованиям и обязательной оценке соответствия [10].

Этическая составляющая Регламента проявляется через закрепление семи принципов надёжного ИИ: человеческое агентство и надзор, техническая надёжность и безопасность, приватность и управление данными, прозрачность, разнообразие, недискриминация и справедливость, социальное и экологическое благополучие, подотчётность. Таким образом, Регламент ЕС представляет собой попытку перевести этические принципы, ранее закреплённые в мягко-правовых документах, в юридически обязывающие нормы с конкретными механизмами имплементации и санкциями за нарушение.

Анализ рассмотренных актов позволяет сделать вывод, что формирующаяся международно-правовая модель обеспечения этичности ИИ носит гибридный характер, сочетая инструменты мягкого и жёсткого права. Мягкое право - Рекомендация ЮНЕСКО, Принципы ОЭСР, руководящие принципы G7 - выполняет несколько критически важных функций. Оно обеспечивает гибкость и адаптивность регулирования в условиях стремительного технологического развития, позволяет достичь широкого международного консенсуса относительно ценностных ориентиров, а также создаёт понятийный аппарат и нормативную рамку для последующего жёсткого регулирования.

Вместе с тем мягкое право имеет очевидные ограничения. Как отмечается в исследованиях, необязательные меры ограничены в том, что могут достичь: в отсутствие механизмов принуждения они не способны предотвратить или устранить вред, связанный с ИИ, в критически важных сферах. Именно поэтому наблюдается тенденция к «отвердеванию» мягкого права - постепенному превращению рекомендательных норм в элементы жёсткого регулирования по мере накопления практики и формирования консенсуса. Рамочная конвенция Совета Европы и Регламент ЕС об ИИ являются примерами такого «отвердевания», поскольку они переводят принципы, ранее закреплённые в мягко-правовых документах, в юридически обязывающие нормы.

Методологическим фундаментом такого подхода выступает принцип предосторожности, реципированный международным правом из экологической сферы. В условиях, когда научное понимание рисков, связанных с ИИ, остаётся неполным, а потенциальный ущерб может быть серьёзным и необратимым, упреждающие запреты на определённые практики - такие как социальный скоринг или отдельные методы биометрической идентификации - представляют собой не чрезмерную осторожность, а осознанную стратегию управления неизвестностью. Как показывает опыт Регламента ЕС, логика предосторожности позволяет вводить запреты на потенциально вредоносные практики ещё до того, как их вредоносность будет исчерпывающе доказана.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов относительно перспектив формирования эффективной международно-правовой модели обеспечения этичности искусственного интеллекта.

Во-первых, такая модель должна носить многоуровневый характер. Глобальный уровень представлен этическими стандартами ЮНЕСКО и принципами ОЭСР, обеспечивающими универсальную ценностную рамку и понятийный аппарат. Региональный уровень - Рамочная конвенция Совета Европы, Регламент ЕС - обеспечивает юридически обязывающие механизмы с конкретными процедурами оценки рисков и имплементации. Национальный уровень, в свою очередь, адаптирует эти нормы к конкретным правовым системам и практикам.

Во-вторых, эффективная модель должна сочетать гибкость мягкого права с обязательностью жёсткого. Мягкое право обеспечивает адаптивность регулирования в условиях технологической неопределённости, тогда как жёсткое право создаёт механизмы принуждения и ответственности. Динамическое взаимодействие между этими уровнями - «отвердевание» мягкого права по мере формирования консенсуса и накопления практики - является ключевым механизмом эволюции

регулирования [11].

В-третьих, необходимо развитие институциональных механизмов мониторинга и имплементации. Создание Независимой международной научной группы по ИИ, обсуждаемое в рамках ООН [12], а также механизмов глобального диалога по управлению ИИ, может обеспечить постоянный мониторинг технологического развития и выработку научно обоснованных рекомендаций для политиков. Такие механизмы должны быть независимыми от политического влияния, включать экспертов из широкого спектра дисциплин и обеспечивать сбалансированное географическое и гендерное представительство.

В-четвёртых, особое внимание должно уделяться проблеме «этического отмывания» (ethics-washing) - использованию этической риторики для создания видимости ответственного поведения без реальных изменений в практике. Эффективная модель должна предусматривать механизмы верификации и аудита, позволяющие отличать подлинную приверженность этическим принципам от их имитации.

Заключение

Формирование международно-правовой модели обеспечения этичности искусственного интеллекта представляет собой сложный и многоаспектный процесс, отражающий фундаментальное противоречие между необходимостью регулирования и невозможностью опереться на окончательное научное знание о сущности регулируемого явления. Проведённый анализ показывает, что международное право отвечает на эту ситуацию не отказом от регулирования, а выработкой гибридных стратегий, сочетающих мягкое и жёсткое право, рамочные конвенции и региональные регламенты, ценностные ориентиры и процедурные механизмы.

Ключевые элементы формирующейся модели - Рекомендация ЮНЕСКО как глобальный этический стандарт, Принципы ОЭСР как инструмент нормативной гармонизации, Рамочная конвенция Совета Европы как первый юридически обязывающий международный договор в сфере ИИ и Регламент ЕС как наиболее разработанная система жёсткого регулирования - образуют многоуровневую архитектуру, способную адаптироваться к технологическим изменениям, не отказываясь при этом от защиты фундаментальных этических ценностей.

Перспективы дальнейшего развития этой модели связаны с укреплением институциональных механизмов мониторинга и имплементации, развитием методологий оценки рисков, обеспечением подлинной, а не декларативной приверженности этическим принципам, а также с расширением географического охвата юридически обязывающих инструментов за пределы европейского региона. В условиях, когда технологическое развитие продолжает опережать правовое регулирование, именно такая - гибкая, многоуровневая и адаптивная - модель представляется наиболее реалистичным и эффективным ответом на вызовы, порождаемые искусственным интеллектом.

Список литературы:

[1] Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта в практике отечественного правотворчества и правоприменения // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legitimatsiya-eticheskih-standartov-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 15.07.2026).

[2] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 23 нояб. 2021 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 41-й сессии. Париж : ЮНЕСКО, 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377897 (дата обращения: 15.07.2026).

[3] Bridging Soft and Hard Law in AI Governance. BIICL, 2025. URL: https://www.biicl.org/blog/121/upcoming-courses (дата обращения: 24.08.2026).

[4] Лисаченко А.В., Берг Л.Н. Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации: учебник для вузов, Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 48–50.

[5] Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту // Юридические инструменты ОЭСР. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 23.08.2026).

[6] OECD updates AI Principles to stay abreast of rapid technological developments. OECD, 03.05.2024. URL: https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/oecd-updates-ai-principles-to-stay-abreast-of-rapid-technological-developments.html (дата обращения: 26.08.2026).

[7] Enablers, guardrails and engagement for unlocking trustworthy AI: Governing with Artificial Intelligence. OECD, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/governing-with-artificial-intelligence_795de142-en.html (дата обращения: 01.09.2026).

[8] Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS № 225) // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://rm.coe.int/1680afae3c (дата обращения: 01.09.2026).

[9] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/

eng (дата обращения: 03.09.2026).

[10] Кашкин С. Ю. Право Европейского союза : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 54–55.

[11] Hybrid global governance for responsible and inclusive Artificial Intelligence: Proposing a new Sustainable Development Goal 18 // ScienceDirect. 2025. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X25003495 (дата обращения: 05.09.2026).

[12] EU Statement – UN General Assembly: Informal Consultations on Artificial Intelligence. EEAS, 17.01.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-statement-artificial-intelligence_en (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Legitimization of ethical standards for the legal regulation of artificial intelligence in the practice of domestic law-making and law enforcement // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legitimatsiya-eticheskih-standartov-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 15.07.2026).

[2] Recommendation on Ethical Aspects of Artificial Intelligence: Adopted Nov. 23 2021 by the UNESCO General Conference at the 41st session. Paris: UNESCO, 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377897 (accessed on: 15.07.2026).

[3] Bridging Soft and Hard Law in AI Governance. BIICL, 2025. URL: https://www.biicl.org/blog/121/upcoming-courses (access date: 24.08.2026).

[4] Lisachenko A.V., Berg L.N. Legal support for the safe use of genetic and genomic information: a textbook for universities, Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. S. 48-50.

[5] OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence // OECD Legal Instruments. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 23.08.2026).

[6] OECD updates AI Principles to stay abreast of rapid technological developments. OECD, 03.05.2024. URL: https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/oecd-updates-ai-principles-to-stay-abreast-of-rapid-technological-developments.html (дата обращения: 26.08.2026).

[7] Enablers, guardrails and engagement for unlocking trustworthy AI: Governing with Artificial Intelligence. OECD, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/governing-with-artificial-intelligence_795de142-en.html (дата обращения: 01.09.2026).

[8] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) // Official Website of the Council of Europe. URL: https://rm.coe.int/1680afae3c (access date: 01.09.2026).

[9] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules in the field of artificial intelligence // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (access date: 03.09.2026).

[10] Kashkin S. Yu. Law of the European Union: a textbook for universities. 4th ed., Revised and add. Moscow: Yuright Publishing House, 2026. S. 54-55.

[11] Hybrid global governance for responsible and inclusive Artificial Intelligence: Proposing a new Sustainable Development Goal 18 // ScienceDirect. 2025. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X25003495 (access date: 05.09.2026).

[12] EU Statement – UN General Assembly: Informal Consultations on Artificial Intelligence. EEAS, 17.01.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-statement-artificial-intelligence_en (дата обращения: 05.09.2026).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-73-76

ФЕДОРУК Лидия Владимировна,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, старший преподаватель кафедры международно-правовых дисциплин,
e-mail: advokat.lidiya@gmail.com

ЛЕБЕДЕВА Ольга Георгиевна,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, доцент кафедры международно-правовых, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

БОРЬБА ИСЛАМСКИХ ЖЕНЩИН ЗА РАВЕНСТВО В ПРАВАХ С МУЖЧИНАМИ

Аннотация. *Предметом рассмотрения в настоящей статье выступает борьба мусульманских женщин за признание принадлежащих им прав. Автором охарактеризованы позиции организаций и движений, взявших на себя миссию правовой защиты женщин исламского мира.*

Ключевые слова: *ислам, феминизм, права женщин, Всеобщая декларация прав человека, ООН-женщины, Сестры в Исламе, равенство мужчин и женщин, международно-правовые акты, международное право, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.*

FEDORUK Lidiya V.,
Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, Senior Lecturer of the Department of International Legal Disciplines

LEBEDEVA Olga G.,
Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, Associate Professor at the Department of International Law, Candidate of Legal Sciences

ISLAMIC WOMEN'S STRUGGLE FOR EQUAL RIGHTS WITH MEN

Annotation. *In the article, the author examines the issue of women's advocacy of their rights in Islam. The positions of movements and organizations advocating for women's rights in Islam are highlighted.*

Key words: *Islam, feminism, women's rights, Universal Declaration of Human Rights, UN Women, Sisters in Islam, equality of men and women, international legal instruments, international law, Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women.*

Феминистское движение переживает в новейший период очевидный подъем: женщины все активнее заявляют о себе, участвуя в уличных акциях и добиваясь признания своих прав. На этом фоне особое любопытство вызывает преломление феминистских идей в исламском мире – сюжет, которому научное сообщество сегодня уделяет сравнительно скромное внимание.

Настоящая статья ставит перед собой главную цель – исследовать феномен феминизма в исламской среде. Достижению цели служат три задачи: во-первых, раскрыть содержание самого понятия «феминизм»; во-вторых, проследить в исторической ретроспективе, каким образом ограничивалась правосубъектность мусульманских женщин; в-третьих, охарактеризовать исламские организации и движения, поставившие своей миссией отстаивание женских прав. Инструментарий исследования составили аналитический, исторический и сравнительно-правовой методы.

Под феминизмом принято понимать женское движение, добивающееся полного уравнивания женщин с мужчинами в правовом отношении [1]. Обращение к международным актам о

правах человека приводит к однозначному заключению: мировой правопорядок исходит из изначального равноправия полов, не ставя объем прав в зависимость ни от национальной принадлежности, ни от вероисповедания. Показательна в этом смысле Всеобщая декларация прав человека – документ, получивший признание множества государств: ни в ней, ни в иных правозащитных актах не проводится размежевание правомочий по гендерному критерию; речь идет о правах, принадлежащих всякому человеку безотносительно к его полу, – что само по себе и означает юридическое равенство мужчины и женщины. Зафиксированный Декларацией набор гарантий весьма обширен. Под защиту поставлены жизнь человека, его свобода и личная неприкосновенность; тому, чьи права попраны, обещано их восстановление; за каждым закреплено гражданство, частная и семейная жизнь ограждены от постороннего вторжения, передвижение объявлено свободным. Человеку открыты владение имуществом, объединение в мирные ассоциации, причастность к управлению собственным государством – как напрямую, так и через голоса избранных представителей. Замыкают перечень правомочия социально-трудового ряда: труд, социальное обеспечение, отдых, образование. Рабство и произвольные аресты объявлены недопустимыми [2].

Историческая практика, между тем, изобилует эпизодами попрания человеческих прав – и права мусульманских женщин страдали здесь едва ли не в первую очередь. Открывает ряд подобных иллюстраций афганский прецедент: женщинам страны было отказано в возможности трудиться в неправительственных организациях. В этом решении просматривается двойное нарушение: пострадало, с одной стороны, право на труд в его аспекте свободы выбора трудовой деятельности, с другой – право участвовать в управлении собственным государством лично либо через избранного представителя. Аналогичную оценку случившемуся дала исполнительный директор структуры «ООН-женщины» Сима Бахус, привлекшая внимание к этой ситуации.

Примечателен и другой факт: ислам, имея статус мировой религии, в ряде ключевых коранических положений отступает от принципа равноправия полов, закрепленного международными актами. Согласно коранической установлению, мужьям отведено положение над женами: мужчина наделяется правом кавама – опекунства и власти – в отношении женщины, что объясняется двумя основаниями: Аллах даровал одним преимущество перед другими, и, кроме того, именно мужчины несут расходы из своего имущества [3]. По всей видимости, отсюда и берет начало недопущение женщин к государственным должностям: занятие поста трактовалось бы как демонстрация женского превосходства над мужчиной. Наглядным свидетельством того, что названный запрет не абсолютен, служит судьба иранского адвоката Ширин Эбади: деятельное участие в борьбе за права мусульманок было отмечено в 2003 году присуждением ей Нобелевской премии мира. Адвокатской практике в ее биографии предшествовала еще одна веха: Эбади была первой женщиной-судьей в истории Ирана.

Второй показательный эпизод ущемления прав мусульманок относится к недавнему прошлому – лету 2022 года – и разворачивался в Иране. За «неправильно» надетый хиджаб (головной платок закрывал голову женщины не целиком) сотрудники полиции нравов подвергли иранку избиению, последствия которого оказались фатальными – пострадавшая скончалась. Коран действительно предписывает мусульманкам не выставлять красоту напоказ, однако, как разъясняет арабистка Параскева Новикова, конкретного требования носить именно хиджаб священный текст не содержит [4]. Гибель женщины всколыхнула страну: волна громких антиправительственных выступлений прокатилась по 31 иранской провинции. Резонансное продолжение история получила в октябре 2022 года на азиатском чемпионате по скалолазанию: спортсменка из Ирана Эльназ Рекаби вышла на старт с непокрытой головой, почтив тем самым память погибшей, – и это при том, что иранкам вменено в обязанность появляться в хиджабе в любых общественных местах, а уж тем более при представлении своей страны за рубежом.

Ранее, в 2010 году, женщины исламских государств влились в ряды участников антиправительственных протестов – событий, вошедших в историю под именем «арабской весны». Результат не заставил себя ждать: перемена в отношении мужчин к женщинам, рост уважения к ним стали заметны невооруженным глазом.

Было бы, впрочем, несправедливо рисовать положение женщины в исламе исключительно темными красками: отдельные установки этой религии перекликаются с феминистскими постулатами. Мусульманке дозволено выступать стороной в судебных разбирательствах, наследовать имущество, по собственному усмотрению выбирать спутника жизни, свободно распоряжаться принадлежащей ей собственностью и заработанными средствами, требовать расторжения брака при ущемлении своих прав, получать образование [5]. Для современника подобный правовой арсенал – очевидная данность; но стоит отступить в прошлое совсем ненамного, и выяснится: пользоваться такими возможностями доводилось ничтожно малому числу женщин.

Полного правового тождества полов ислам тем не менее не устанавливает. Достаточно взглянуть на наследственные правила: доля, причитающаяся женщине, уступает доле ее брата. Неравноценно и звучание голосов в судебном процессе – мужскому свидетельству придается больший вес, нежели женскому. На 1979 год пришлась ратификация Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – документа, углубившего принцип гендерного равенства, у истоков которого стояла Всеобщая декларация прав человека; именно тогда значительное число женщин отошло от веры: дистанция, отделяющая ислам от феминизма, виделась им непроходимой, а соединение в одном лице мусульманки и феминистки – делом неосуществимым [6]. Показательно при этом, что женское население исламских государств встретило названную Конвенцию с одобрением: документ породил надежду на то, что равноправие полов обретет наконец твердую международно-правовую опору, и вместе с тем открыл новую страницу в истории феминизма среди мусульманок. Чуда, однако, не случилось – констатировать состоявшееся равенство мужчин и женщин в странах ислама пока преждевременно.

Бытует мнение, будто нынешний ислам заметно смягчился в сравнении с исламом эпохи своего зарождения в VII веке: религия, дескать, ныне возбраняет умерщвление новорожденных девочек. Но уместно ли усматривать в этом либерализацию вероучения – не вернее ли говорить об элементарном здравом смысле? Едва ли требует доказательств та истина, что без женщин продолжение жизни на Земле попросту невозможно.

Отстаивая собственные права, женщины прибегают к организационному оформлению своих усилий – учреждают объединения и запускают движения. Наглядной иллюстрацией служит малайзийская неправительственная структура «Сестры в исламе». Еще в 2009 году под ее эгидой стартовало движение Musawah (арабское слово, переводимое как «равенство»), провозгласившее борьбу за равноправие и справедливость внутри мусульманской семьи. Начало же 2022 года ознаменовалось новой инициативой «Сестер» – кампанией противодействия изнасилованиям в браке, случаи которых нельзя назвать редкостью. Точнее говоря, нередки в мусульманских семьях проявления насилия как такового: сам Коран перечисляет несколько способов, которыми муж вправе образумить жену, и физическое воздействие – один из них. Отсюда, разумеется, не следует, что избиение женщин составляет исламскую норму: речь идет о крайней мере, – однако находятся мужчины, пускающие этот «воспитательный» инструмент в ход и тогда, когда ни о какой крайности говорить не приходится.

Своеобразной эстафетой, принятой от «Сестер в исламе», выглядит инициатива структуры «ООН-женщины» под названием «HeForShe». Замысел движения – воплощение и распространение солидарности во имя гендерного равенства: мужчин самых разных возрастов призывают встать в ряды защитников и приверженцев равноправия полов.

Итог сказанному таков: равенства мужчин и женщин в том виде, в каком его фиксируют декларации ООН, ислам не утвердил, – но мусульманки не расстаются с надеждой добиться осуществления международно признанных прав человека безотносительно к полу и продолжают за них бороться. Свидетельство тому – возникающие и набирающие силу организации и движения, чье предназначение состоит в защите прав женщин исламского мира.

Список литературы:

[1] Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov..

[2] Официальный сайт ООН // Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml..

[3] Алексеева Анастасия Мусульманские женщины и международные права человека // ZAKON.RU. 2023. 28 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/28/musulmanskie_zhenschiny_i_mezhdunarodnye_prava_cheloveka..

[4] Ислам и феминизм: как мусульманки отстаивают свои права // FORBES.RU: ежедн. интернет-изд. 2023. 06 фев. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/484534-islam-i-feminizm-kak-musul-manki-otstaivaut-svoi-prava..

[5] Ислам и феминизм: разногласия и точки соприкосновения // M.REALNOEVREMYA.RU: ежедн. интернет-изд. 2021. 24 янв. URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/200797-islam-i-feminizm--v-chem-raznoglasiya-i-edinstvo..

[6] Официальный сайт ООН // Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml..

References:

[1] Kuznetsov's explanatory dictionary [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov..

[2] UN Official Website // Universal Declaration of Human Rights [Electronic Resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml..

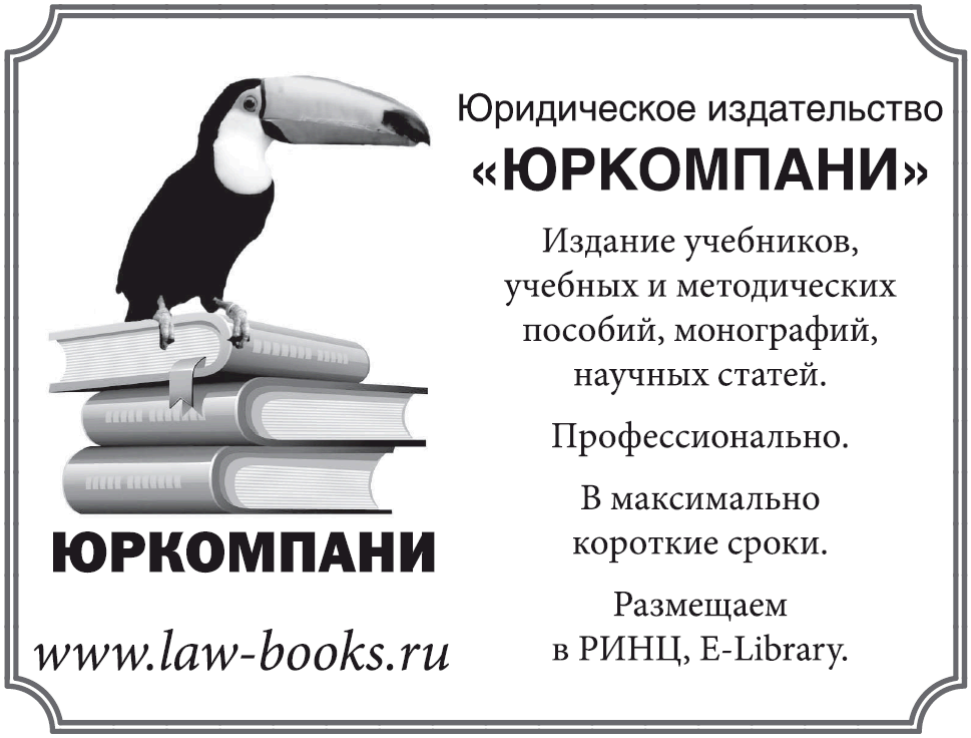
[3] Alekseeva Anastasia Muslim women

and international human rights // ZAKON.RU. 2023. 28 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/28/musulmanskie_zhenschiny_i_mezhdunarodnye_prava_cheloveka..

[4] Islam and feminism: how Muslim women defend their rights // FORBES.RU: every day. Internet ed. 2023. 06 фев. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/484534-islam-i-feminizm-kak-musulmanki-otstaivaut-svoi-prava..

[5] Islam and feminism: disagreements and common ground // M.REALNOEVREMYA.RU: every day. Internet ed. 2021. 24 янв. URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/200797-islam-i-feminizm---v-chem-raznoglasiya-i-edinstvo..

[6] UN Official Website // Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women [Electronic Resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml..



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-77-83

КАРКАЕВ Давид Зиядович,
аспирант Управления аспирантуры и докторантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: law@dkarkaev.ru

Научный руководитель:
ДЕДОВ Дмитрий Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЕКПЧ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Прекращение действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для Российской Федерации изменило международные условия защиты прав, но не создало правового вакуума и не лишило Россию собственной конституционной правозащитной основы. Проблема состоит в юридически необоснованном ожидании, что место Европейского Суда по правам человека должен занять иной внешний орган с сопоставимой юрисдикцией. Цель статьи заключается в разграничении сохраняющих значение международных механизмов по источнику компетенции, форме итогового акта и допустимому последствию в российском правопорядке. Использованы формально-юридический и системный методы, толкование международных договоров и функциональное сравнение контрольных процедур. Установлено, что Российское государство несет первичную ответственность за обеспечение прав и свобод. Ее институциональное ядро образуют национальные средства защиты и централизованный конституционный контроль. Добросовестное выполнение Россией сохраняющихся международных обязательств служит проявлением ответственного суверенитета. Международные процедуры имеют дополнительное экспертное, контрольное и координационное значение только в пределах добровольно признанной компетенции. Научная новизна состоит в трехуровневой модели восприятия международного материала, которая разграничивает обязательную договорную норму, акт компетентного договорного органа и сравнительный либо рекомендательный материал. Сделан вывод, что России не требуется новый наднациональный правозащитный орган взамен ЕСПЧ. Перспективным направлением является укрепление российских судов, Конституционного Суда Российской Федерации и равноправного консультативного сотрудничества в рамках СНГ.*

Ключевые слова: *права человека; международные договоры; договорные органы ООН; Конституционный Суд Российской Федерации; ЕКПЧ; СНГ; международный контроль; национальное применение; государственный суверенитет.*

KARKAEV David,
Postgraduate Student, Postgraduate and Doctoral Studies Directorate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Scientific supervisor:
DEDOV Dmitry Ivanovich,
Doctor of Law, Professor

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR HUMAN RIGHTS PROTECTION AFTER THE ECHR CEASED TO APPLY TO RUSSIA

Annotation. *The European Convention on Human Rights ceasing to apply to the Russian Federation changed the international conditions of human rights protection but did not create a legal vacuum or deprive Russia of its own constitutional foundations for protecting rights. The problem lies in the legally unfounded expectation that another external body with comparable jurisdiction should replace the European Court of Human Rights. This article distinguishes the international mechanisms*

that remain relevant by their source of competence, the legal form of their final acts, and their permissible effects in the Russian legal order. It employs formal legal and systemic methods, treaty interpretation, and functional comparison of monitoring procedures. The article establishes that the Russian State bears primary responsibility for securing rights and freedoms. Domestic remedies and centralized constitutional review form the institutional core of this responsibility. Russia's good-faith performance of its continuing international obligations is a manifestation of responsible sovereignty. International procedures have supplementary expert, monitoring, and coordinating significance only within voluntarily accepted competence. The novelty lies in a three-level model of domestic reception that distinguishes a binding treaty rule, an act of a competent treaty body, and comparative or recommendatory material. The article concludes that Russia does not need a new supranational human rights body to replace the ECtHR. The appropriate course is to strengthen Russian courts, the Constitutional Court of the Russian Federation, and intergovernmental consultative cooperation among equal CIS States.

Key words: *human rights; international treaties; United Nations treaty bodies; Constitutional Court of the Russian Federation; ECHR; CIS; international monitoring; domestic application; state sovereignty.*

Введение

Прекращение действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для Российской Федерации исключило применение ее контрольного механизма к новым действиям и бездействию после критической даты. Вместе с тем оно не прекратило действие Конституции Российской Федерации и универсальных договоров, участницей которых остается Россия. Статьи 17, 45 и 46 Конституции закрепляют национальную основу защиты прав. Часть 3 статьи 46 допускает обращение в межгосударственные органы только при наличии международного договора Российской Федерации и после исчерпания доступных внутригосударственных средств [1, ст. 17, 45, 46].

Компетенция международного органа должна иметь конкретное договорное основание. Международная процедура дополняет национальную защиту, но не освобождает российские органы от обязанности восстановить нарушенное право. Суверенитет означает способность России самостоятельно обеспечивать права и добросовестно выполнять принятые международные обязательства.

В российской доктрине исследованы возможности и пределы универсальных договоров о защите прав человека [14, с. 26–43]. Договорные органы ООН также получили системное описание [15, с. 198–254]. Однако перечисление процедур не отвечает на вопрос об их юридической взаимозаменяемости. Индивидуальное сообщение, периодический доклад и региональный консультативный диалог имеют разные основания и последствия. Цель статьи состоит в их разграничении по источнику компетенции, форме итогового акта и способу национального восприятия.

Методологическую основу образуют формально-юридический и системный методы. Толкование договоров осуществляется с учетом статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров [2, ст. 31, 32]. Функциональное сравнение применяется для установления задач каждого механизма, а не для признания различных процедур одинаковыми.

Суверенная основа защиты и роль Конституционного Суда Российской Федерации

Прекращение одного договора не прекращает самостоятельные обязательства государства по другим договорам. Статьи 26 и 27 Венской конвенции закрепляют принцип pacta sunt servanda и не допускают ссылку на внутреннее право как оправдание неисполнения действующего договора [2, ст. 26, 27]. М. Б. Лобов в кандидатской диссертации «Денонсация международных договоров: правовые последствия» обосновывает взаимодополняющий характер права государства на выход из договора и обязанности исполнять сохраняющий силу договор. Эти начала обеспечивают баланс договорной конструкции [19, с. 17, 24, 32]. Для России суверенитет проявляется и в правомерном прекращении договорной связи, и в добросовестном исполнении тех обязательств, которые продолжают действовать.

Верховенство Конституции институционально обеспечивается централизованным конституционным контролем. Статьи 79 и 125 Конституции относят к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации разрешение вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа, принятого в истолковании международного договора, которое противоречит Конституции [1, ст. 79, 125]. Конституционный Суд не подменяет все национальные средства защиты. Он определяет конституционные пределы и допустимый способ восприятия внешнего решения российским правопорядком.

Такое соотношение согласуется с функциональной логикой М. Л. Энтина. Он раскрывал европейскую систему через первичную ответственность национальных органов, субсидиарный международный механизм и отдельный контроль

исполнения [17, с. 101–105]. После прекращения действия ЕКПЧ эта институциональная конструкция не применяется к новым российским делам. Ее методологический смысл сохраняется: международный механизм дополняет национальную защиту и не заменяет ее. М. Л. Энтин и Е. Г. Энтина также показывают влияние правозащитного материала на развитие международного права, но такое влияние не устраняет различий между договорной нормой, актом контрольного органа и национальным решением [18, с. 31–49].

Следовательно, России не требуется новый наднациональный центр, которому была бы передана окончательная правовая власть. Основное направление развития состоит в повышении эффективности российских судов, внесудебных гарантий и конституционного контроля. Международное сотрудничество имеет ценность постольку, поскольку оно основано на согласии России и приносит практическую пользу национальной системе защиты.

Универсальные договорные механизмы и различие их функций

Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет договорные обязательства России. Его положения и первый Факультативный протокол образуют разные юридические основания. Пакт устанавливает права и отчетность, а Протокол учреждает процедуру индивидуальных сообщений для государств, признавших ее [3; 4]. Итогом рассмотрения сообщения Комитетом ООН по правам человека являются соображения. Общий комментарий № 33 связывает участие в процедуре с обязанностью добросовестно сотрудничать с Комитетом и рассмотреть его выводы [5, п. 11, 13, 15]. Это не превращает Комитет в международный суд и не наделяет его акт автоматическим отменительным действием в России.

Другие договоры используют собственные формулы компетенции. Комитет против пыток рассматривает сообщения при наличии декларации по статье 22 Конвенции [6]. Комитет по ликвидации расовой дискриминации действует на основании статьи 14 соответствующей Конвенции и декларации государства [7]. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин получает компетенцию из отдельного Факультативного протокола [8]. Сходство экспертных процедур не устраняет различий в договорном основании, предметной компетенции и форме итоговых документов.

Периодическая отчетность выполняет иную функцию. Договорный орган оценивает общие меры государства и принимает заключительные замечания. Универсальный периодический обзор в Совете ООН по правам человека является межгосударственной процедурой и завершается рекомендациями, которые государство принимает либо отмечает [10]. Ни отчетность, ни обзор не разрешают индивидуальный спор. Поэтому ими нельзя заменить доступ человека к национальному суду.

Функциональное разграничение препятствует игнорированию сохраняющихся договорных обязательств и перенесению на экспертный орган полномочий международного суда. Добросовестное участие России в признанной договорной процедуре совместимо с суверенитетом. Выход органа за пределы компетенции не должен порождать не предусмотренных договором последствий.

Международный материал в российском правопорядке

Для целей настоящей статьи под международным материалом понимается совокупность юридически неоднородных норм и документов, имеющих значение для защиты прав человека в российском правопорядке. К нему относятся обязательные для Российской Федерации нормы действующих международных договоров, акты международных договорных органов, принятые в пределах признанной Россией компетенции, а также сравнительные, экспертные и рекомендательные документы международных органов. Объединение этих элементов одним понятием не означает признания за ними одинаковой юридической силы или одинаковых национальных последствий.

Для национального применения международный материал целесообразно разделить на три уровня. Первый уровень образует обязательная договорная норма, действующая для России. Она применяется в соответствии с Конституцией и законодательством о международных договорах. Второй уровень составляет акт компетентного договорного органа. Он требует рассмотрения и мотивированной оценки, но его национальное последствие зависит от договора, юридической формы акта и компетенции российского органа. Третий уровень включает сравнительный, доктринальный и рекомендательный материал. Он может использоваться для аргументации и совершенствования права, но не создает обязанности сам по себе.

Такое различие соответствует международной дискуссии о национальном значении актов договорных органов. М. Канетаке показывает, что внутренние суды воспринимают их неодинаково. Значение определяется национальной правовой системой и конкретной процессуальной формой [16, p. 201–232]. Российский подход должен быть юридически последовательным. Он не предполагает ни автоматического отказа от международного материала, ни придания ему силы, которой договор и российский закон не преду-

сматривают.

Обзор практики межгосударственных органов Верховного Суда Российской Федерации подтверждает возможность профессионального учета соответствующего материала в национальной судебной деятельности [11]. Вместе с тем Пленум Верховного Суда в 2025 г. признал утратившим силу специальное постановление о применении ЕКПЧ [12]. Общие правила о применении международных договоров сохраняются в постановлении Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 в действующей редакции [13]. Эти акты показывают необходимость раздельной квалификации прекращенного европейского режима и продолжающих действовать договоров.

Практический алгоритм включает шесть вопросов: какой акт является источником компетенции; участвует ли Россия в соответствующем режиме; к какому виду относится процедура; какова юридическая форма итогового документа; какой российский орган компетентен его оценить; какое национальное последствие прямо допускает право России. Такой подход защищает правовую определенность и исключает создание внешним актом нового основания для пересмотра решения российского суда.

Консультативное сотрудничество в рамках СНГ

Региональный уровень следует оценивать без попытки механически воспроизвести модель Совета Европы. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, Протокол 2022 г. и обновленное Положение о Комиссии по правам человека СНГ образуют договорно-институциональную основу сотрудничества [9]. Современная деятельность Комиссии ориентирована на межгосударственный диалог, тематическое взаимодействие и обмен опытом. При отсутствии введенной индивидуальной процедуры Комиссия не может считаться заменой ЕСПЧ.

Для России перспективно развитие консультативной функции Комиссии. Она может содействовать сопоставлению законодательства, обмену лучшими национальными практиками и подготовке согласованных предложений государствам. Такая координация не требует полномочия отменять решения национальных органов. Ее устойчивость зависит от равноправия государств, ясной компетенции, недопустимости политизации и уважения конституционной идентичности участников.

Сотрудничество в СНГ имеет значение для евразийской правовой субъектности. Региональная координация должна помогать национальным органам и выполнению универсальных договоров ООН. Она не является вышестоящим уровнем по отношению к российским судам и Конституционному Суду. Россия может развивать такое взаимодействие, сохраняя собственную ответственность за защиту прав.

Функциональная модель суверенной правозащитной политики России

Проведенный анализ позволяет выделить четыре функции международной защиты. Нормативную функцию выполняют действующие договоры. Индивидуально-контрольная функция существует только в пределах факультативных протоколов и деклараций о признании компетенции. Мониторинговая функция реализуется посредством периодических докладов, заключительных замечаний и универсального периодического обзора. Регионально-координационная функция связана с равноправным сотрудничеством государств СНГ.

Ни одна из этих функций не требует учреждения нового наднационального суда для России. Международное измерение сохраняется в форме договорных обязательств, экспертного контроля и межгосударственной координации. Окончательное национальное решение принимает российский орган в пределах конституционной компетенции.

Суверенная правозащитная политика должна соединять развитие российских гарантий при централизованной роли Конституционного Суда, профессиональное использование договорных процедур и евразийскую координацию без наднационального правозащитного центра. Такое сочетание позволяет России исполнять договоры и сохранять самостоятельность правопорядка.

Заключение

Во-первых, прекращение действия ЕКПЧ не прекратило самостоятельные обязательства России по универсальным договорам о правах человека. Их юридическое основание устанавливается по каждому действующему договору. Добросовестное исполнение таких обязательств является проявлением ответственного суверенитета.

Во-вторых, первичная ответственность за обеспечение прав принадлежит Российскому государству. Международные механизмы имеют дополнительное значение и действуют в пределах признанной Россией компетенции. Центральное место в определении конституционной допустимости внешнего решения занимает Конституционный Суд Российской Федерации.

В-третьих, универсальные и региональные процедуры не являются взаимозаменяемыми. Сходство защищаемых прав не означает тождества компетенции, итогового акта и способа национального исполнения. Соображения договорного органа не тождественны постановлению международного суда и сами по себе не отменяют российский судебный акт.

В-четвертых, для российского правопорядка обоснована трехуровневая модель восприятия международного материала. Она различает обязательную договорную норму, акт компетентного договорного органа и сравнительный либо рекомендательный материал. Такая модель позволяет одновременно исполнять договоры и охранять конституционную правовую определенность.

В-пятых, Комиссия по правам человека СНГ представляет перспективную площадку консультативного сотрудничества. России целесообразно содействовать обмену правовыми подходами и национальными практиками. Это не требует создания наднационального суда или передачи Комиссии полномочий российских органов.

Таким образом, Россия располагает собственной конституционной и судебной системой защиты прав. Ее укрепление, добросовестное выполнение действующих договоров и равноправное международное сотрудничество образуют более обоснованную стратегию, чем поиск внешнего института, призванного заменить ЕСПЧ.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 06.08.2026).

[2] Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23 May 1969. United Nations Treaty Series. Vol. 1155. P. 331. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201155/volume-1155-I-18232-English.pdf (дата обращения: 06.08.2026).

[3] International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 06.08.2026).

[4] Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966; Russian Federation: accession by the Union of Soviet Socialist Republics, 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-5&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Human Rights Committee. General Comment No. 33. Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. CCPR/C/GC/33, 25 June 2009. URL: https://docs.un.org/en/CCPR/C/GC/33 (дата обращения: 06.08.2026).

[6] Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. New York, 10 December 1984. Art. 22; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=135 (дата обращения: 06.08.2026).

[7] International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. New York, 21 December 1965. Art. 14; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=330 (дата обращения: 06.08.2026).

[8] Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. New York, 6 October 1999. Russian Federation: ratification 28 July 2004. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-8-b&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[9] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.; Протокол о внесении изменений в Конвенцию от 14 октября 2022 г.; Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 290-ФЗ. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307100011; Комиссия по правам человека СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/4040/ (дата обращения: 06.08.2026).

[10] Basic Facts about the Universal Periodic Review // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/basic-facts (дата обращения: 06.08.2026).

[11] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2024) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870/ (дата обращения: 06.08.2026).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35196/ (дата обращения: 06.08.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» в ред. от 9 декабря 2025 г. URL: https://vsrf.ru/documents/own/8334/ (дата обращения: 06.08.2026).

[14] Исполинов А. С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 26–43.

[15] Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М. Договорные органы по правам человека системы ООН // Международная защита прав человека / под ред. А. Х. Абашидзе. 2-е изд. М.: РУДН, 2020. С. 198–254.

[16] Kanetake M. UN Human Rights Treaty Monitoring Bodies Before Domestic Courts // International and Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. No. 1. P. 201–232. DOI: 10.1017/S002058931700046X..

[17] Энтин М. Л. Главные отличительные особенности европейской системы защиты прав человека // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 101–115. DOI: 10.24833/0869-0049-2004-3-101-115..

[18] Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть II // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 31–49. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49..

[19] Лобов М. Б. Денонсация международных договоров: правовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.5. М., 2025. 253 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of appeal: 06.08.2026).

[2] Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23 May 1969. United Nations Treaty Series. Vol. 1155. P. 331. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201155/volume-1155-I-18232-English.pdf (access date: 06.08.2026).

[3] International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 06.08.2026).

[4] Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966; Russian Federation: accession by the Union of Soviet Socialist Republics, 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-5&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Human Rights Committee. General Comment No. 33. Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. CCPR/C/GC/33, 25 June 2009. URL: https://docs.un.org/en/CCPR/C/GC/33 (access date: 06.08.2026).

[6] Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. New York, 10 December 1984. Art. 22; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=135 (дата обращения: 06.08.2026).

[7] International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. New York, 21 December 1965. Art. 14; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=330 (дата обращения: 06.08.2026).

[8] Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. New York, 6 October 1999. Russian Federation: ratification 28 July 2004. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-8-b&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[9] Commonwealth of Independent States Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms of 26 May 1995; Protocol amending the Convention of 14 October 2022; Federal Law No. 290-FZ of July 10, 2023. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307100011; CIS Human Rights Commission. URL: https://e-cis.info/cooperation/4040/ (access date: 06.08.2026).

[10] Basic Facts about the Universal Periodic Review // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/basic-facts (access date: 06.08.2026).

[11] Review of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms No. 3 (2024) // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870/ (access date: 06.08.2026).

[12] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2025 No. 33 "On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and Invalidating the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 21." URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35196/ (access date: 06.08.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 No. 5 "On the Application by Courts of General

Jurisdiction of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation" as amended on December 9, 2025 URL: https://vsrf.ru/documents/own/8334/ (date of appeal: 06.08.2026).

[14] Ispolinov A. S. Strength and weakness of universal human rights treaties // Russian Law Journal. 2022. № 3. S. 26-43.

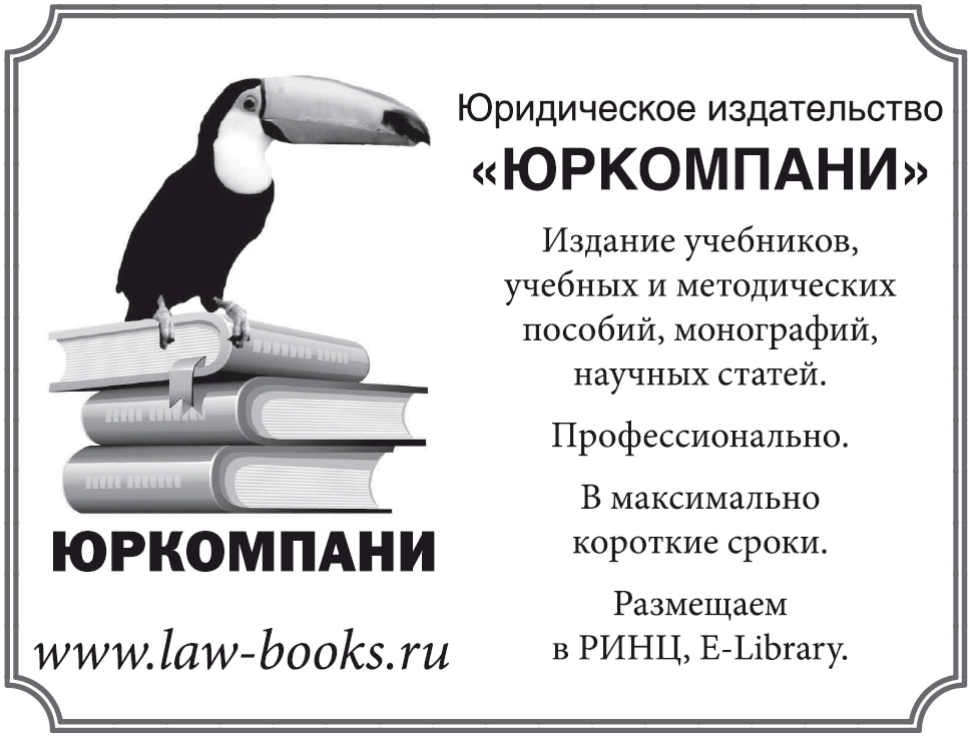
[15] Abashidze A. Kh., Koneva A. E., Solntsev A. M. Human rights treaty bodies of the UN system // International protection of human rights/ed. A. Kh. Abashidze. 2nd ed. M.: RUDN UNIVERSITY, 2020. S. 198-254.

[16] Kanetake M. UN Human Rights Treaty Monitoring Bodies Before Domestic Courts // International and Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. No. 1. P. 201–232. DOI: 10.1017/S002058931700046X..

[17] Entin M. L. The main distinguishing features of the European system of human rights protection // Moscow Journal of International Law. 2004. № 3. S. 101-115. DOI: 10.24833/0869-0049-2004-3-101-115..

[18] Entin M. L., Entina E. G. The impact of human rights law on the progressive development of modern international law. Part II // Moscow Journal of International Law. 2017. № 4. S. 31-49. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49..

[19] Lobov M. B. Denunciation of international treaties: legal consequences: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.5. M., 2025. 253 pp.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-84-88

МУЖУХОЕВА Эльза Джунидовна,
Профессор кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук ФГБОУ «Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНГУШЕТИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ

Аннотация. *Знание хода исторического развития и ретроспективный взгляд на прошлое всегда является необходимым и актуальным для понимания текущей ситуации. В связи с этим цель данной статьи заключается в кратком рассмотрении социально-экономического положения, характерного для Ингушетии конца XIX – начала XX века. Обращается внимание на то, что именно Ингушетия продемонстрировала готовность и желание стать частью Российской империи еще до заключения Кючук-Кайнарджийского мира, согласно которому в дальнейшем Россия приросла новыми территориями. Внимание автора сфокусировано на особенностях традиционного устройства ингушского общества, типичным для которого всегда являлась идея равенства, а также тех изменениях, которые оно претерпело в ходе имперских реформ. Дана характеристика экономической специфики региона. Подвергнуты анализу и дана авторская оценка факторам, определившим постепенный ход изменения экономической деятельности в сторону интеграции в общероссийскую экономику. В заключительной части статьи кратко подведены итоги социальной и экономической трансформации Ингушетии, сделанные автором в ходе изучения исторических материалов.*

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие; социальная структура; рельеф территории; уздени (вольные хлебопашцы и скотоводы); «земельный голод»; кустарное производство; расширение рынков сбыта.*

MUZHUKHOEVA Elsa Dzhunidovna,
Professor, Department of Russian History, PhD in History, Ingush State University

SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION OF INGUSHETIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Annotation. *Understanding the course of historical development and looking back on the past are always necessary and relevant for understanding the current situation. Therefore, the purpose of this article is to briefly examine the socioeconomic situation in Ingushetia in the late 19th and early 20th centuries. It is noted that Ingushetia demonstrated its readiness and desire to become part of the Russian Empire even before the Treaty of Küçük Kaynarca, which subsequently granted Russia new territories. The author focuses on the characteristics of the traditional structure of Ingush society, which has always been characterized by the idea of equality, as well as the changes it underwent during imperial reforms. The economic characteristics of the region are characterized. The factors that determined the gradual change in economic activity toward integration into the Russian economy are analyzed and assessed. The article concludes with a brief summary of the social and economic transformation of Ingushetia, based on the author's study of historical materials.*

Key words: *socio-economic development; social structure; terrain; uzdeni (free farmers and cattle breeders); "land-hunger"; handicraft production; expansion of sales markets.*

В первые годы прошлого века на сцену вышла пьеса американского писателя И. Зангвилла «Плавильный котел», идея которой заключалась в том, что иммигранты из разных стран, попав в Соединенные Штаты, ассимилируются в новой общей культуре единым языком, ценностями и законами. Идея собирания разных народов в единую общность не уникальна, разница в том, насколько представители каждой народности, влившись в общую культуру, с одной стороны встраиваются в нее, а с другой – сохраняют собственные корни. История нашей страны всегда имела несколько иной вектор, поскольку Россия прирастала территориями. Это давало не только увеличение площади и населения, но и культурное многообразие, которое сохранялось, в то время как в социально-экономическом плане новые территории, особенно имевшие изолиро-

ванный уклад, вступали на путь активной интеграции в экономику Российской империи. Учитывая то, что история Ингушетии, одной из первых территорий Северного Кавказа вошедшей в состав Российской империи, является одним из ярких примеров, иллюстрирующих такую смену парадигмы, данная статья имеет своей целью ретроспективное рассмотрение социально-экономического развития Ингушетии в конце XIX – начале XX вв.

Для начала приведем краткую историческую справку, позволяющую составить картину присоединения Ингушетии к Российской империи. Истоки современной Ингушетии лежат в III тысячелетии до н.э., к которому относятся памятники северокавказской культуры, последовательно сменявшиеся гинчинской, кобанской, скифо-сарматской культурой. В конце IV в. н.э. территория Ингушетии контролировалась гуннами, с конца VI в. – Тюркским, а затем Хазарским каганатом, в X в. стала частью государства Алания, на которой в силу влияния Грузии распространилось христианство. Столицей Ингушетии уже в средневековье стал Магас. После завоевания монголо-татарами в XIII в. Северный Кавказ, включая Ингушетию, стал относиться к Золотой Орде, а в XVI в. территория Ингушетии регулярно подвергалась набегам ногайцев. Наконец, победоносная русско-турецкая война 1768-1774 гг. завершилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, согласно которому в состав Российской империи вошли территории, на которых проживали ингушские общества [1].

Однако, следует отметить уникальность хода истории в случае Ингушетии, поскольку Кючук-Кайнарджийский мир фактически лишь закрепил тот факт, что частью Российской империи Ингушетия стала несколькими годами раньше, а именно в марте 1770 г., на основе подписания личного присяжного обязательства о вхождении в российское подданство представителями ингушских родов [2]. Далее с последней трети XVIII в. и до конца XIX в. (начало рассматриваемого в статье периода) Ингушетией были пройдены следующие шаги по объединению с Россией:

строительство Кавказской (Азово-Моздокской) укрепленной линии, которое началось в 1774 г. и позволило осуществить переселение в Терскую долину жителей центральных губерний;

подписание «Поручительного акта» в 1810 г., обеспечившего принятие российского подданства и обязанности охранять Военно-грузинскую дорогу еще некоторыми ингушскими родами, проживавшими в Терской долине;

вхождение территории современной республики в состав Кавказской области в 1822 г.;

создание Кубанской и Терской области в 1860 г., к последней из которых относились ингушские земли;

1871 г. – объединение Ингушского, Владикавказского и Осетинского округов;

перевод Ингушетии в подчинение Сунженскому казачьему отделу Терской области в 1888 г.;

образование Назрановского округа в 1905 г. на землях Сунженского отдела;

провозглашение уже в советский период сначала Горской ССР в 1920 г., а затем в 1921 г. Горской АССР, включавшей Ингушетию, выделение в 1924 г. Ингушетии в автономную область, затем образование Чечено-Ингушской автономной области в 1934 г. с последующим закреплением за ней в 1936 г. статуса автономной республики [1].

Учитывая данную предысторию и вектор дальнейшего развития, а также то, что пик переселения в долину Терека пришелся на 1880-1890-е гг., рассмотрим теперь непосредственно социально-экономическое положение, сложившееся в Ингушетии на рубеже XIX-XX вв.

На особенности социальной структуры ингушей обращали и обращают внимание многие исследователи (Г. Вертепов, И.А. Гильденштедт, Н. Грабовский, Н.Д. Кодзоев, Я. Рейнеггс и др.). Прежде всего, речь идет об обостренном восприятии равенства и бережном отношении к социальному статусу, что исключало эксплуатацию и крепостнические отношения. Тем не менее, это не означало отсутствие социальной стратификации, хотя она и не присутствовала в «классическом» сословном виде. Схематично деление выражалось в наличии следующих групп:

основу социальной структуры составляли тейпы (кланы или объединения по признаку кровного родства по мужской линии);

выборный старшина и судья (как правило, из представителей знаменитых древних родов, к которым относились Мацехи, Боза, Чев), управляющие обществом и от его имени;

уздени – основное сословие, к которому относились вольные хлебопашцы и скотоводы;

минимальное количество представителей других социальных слоев (духовенство, офицеры, чиновники) [3, с. 95].

Таким образом, можно говорить о демократических началах и социальной дифференциации, имеющих под собой выборный характер публичной власти.

В качестве другого фактора, привносящего специфику в общественное устройство, следует назвать рельеф территории (горы и равнины) и тип поселения (сельские и городские), которые обусловливали различия в образе жизни и роде занятий населения. М.М. Зязиков, анализируя особенности устройства ингушского общества на рубеже XIX-XX вв., отмечает, что для горных районов характерным было проживание родственны-

ми группами на хуторах, имевшее традиционный патриархальный уклад, мало отличавшийся от жизни прежних поколений. Это объясняется тем, что для горных районов типичным был «земельный голод», во-первых, в силу недостатка пахотных участков, сенокосов и пустошей, во-вторых, из-за их традиционного строгого межевания. Общественными являлись только леса, альпийские луга и дикие скалы, доступные для охоты (так называемые неугодья) [4, с. 31]. Очевидно, что в таком случае было нецелесообразным выделение каждому из членов семьи, состоящей из нескольких поколений, отдельного пахотного участка.

Такое устройство социума сохранялось и в течение первого столетия после вхождения Ингушетии в состав Российской империи, однако во второй половине XIX в. реформы царизма привели к неблагоприятным изменениям социального положения ингушей. Суть реформ заключалась в переходе территорий в предгорьях Кавказа, на которых располагались ингушские селения, в казенную собственность. Вследствие этого некоторые жители были изгнаны из своих селений, оставшиеся же платили в казну аренду за право обработки фактически своих же родовых земель. Также значительную часть и без того немногочисленных плодородных земель казна передавала казачьим полкам или землевладельцам с формулировкой «за особые заслуги перед государем». Остальная же земля делилась между поселениями ингушей с учетом их численности. Управление делами перешло от выборных старейшин и судей к чиновникам (старшинам), которые назначались царской администрацией. Возник и институт сельских сходов, который по требованию царской администрации вынужден был брать на себя решение задач, имеющий общественную важность (прокладка каналов, строительство дорог и мостов, размещение воинского контингента) [4, с. 33].

Постепенно равное распределение земли, социальная защита слабых хозяйств (что было принято у ингушей в форме помощи бедствующим семьям силами остальных жителей села) уходило в прошлое, появились крупные землевладельцы, использовавшие наемный труд. Это постепенно приводило к расслоению общества и обнищанию значительной его части, что усугублялось и низким конкурентным потенциалом изделий кустарных промыслов, и отсутствием в Ингушетии заводов и фабрик. В силу перечисленных причин, несмотря на то, что в конце XIX – начале XX вв. большинство ингушей продолжало крестьянствовать, стало развиваться так называемое отходничество. Данным термином обозначалось перемещение в города, где ингуши устраивались работать в другие регионы на фабрики, заводы, нефтяные промыслы.

Резюмируя особенности социального положения ингушей в рассматриваемый период, приведем точку зрения А.М. Аджиговой, которая отмечает, что «суть земельных преобразований сводилась к изъятию земли в собственность казны и последующему наделению ею местного населения на общинном праве» [5, с. 190]. Итогом этого закономерно стало расхищение горских земель, снижение экономической свободы и мобильности населения, уничижительное обращение с ним. Для иллюстрации этого достаточно привести требование начальника Терской области генерала Каханов, датированное 1894 г., о регистрации скота и лошадей «туземного населения», которое было отменено лишь в 1905 г. наместником И.И. Воронцовым-Дашковым [6].

Ожидаемо, что произошедшие изменения в распределении земель, отходничество ингушей, но одновременно и приток экономически активного населения из центральных районов империи, а также продиктованная природными условиями неравномерность развития природных зон и проживающих на разных территориях этнических и социальных общностей нашло свое отражение в экономическом положении Ингушетии в указанный период. Рассмотрим, что именно стало маркером развития экономики Ингушетии конца XIX – начала XX вв.

Следует понимать, что промышленная революция, начавшаяся даже в центральной России со значительным по сравнению с другими державами опозданием (1830-1840-е гг. против 1760-х гг. в Англии), в основном завершилась к 1880-м годам. Однако экономика Ингушетии в конце XIX в. сохраняла традиционный уклад и была преимущественно аграрной, а производства – кустарными. Соответственно, рынок сбыта был ориентирован сугубо на удовлетворение внутренних нужд, причем за счет собственных производительных сил (в том числе и в силу географической отрезанности от внешних рынков). Так, М.С.-М. Нальгиев указывает на наличие пищевых производств (мукомольни, сыроварни), производства изделий из шерсти, кожи, дерева, гончарное и кузнечное дело, для которых была характерна узкая специализация и практически полное отсутствие разделения труда [7]. Таким образом, о промышленности в привычном понимании слова речи не было.

Тем не менее, некоторые ремесленники и крестьяне постепенно превращали свои промыслы в мелкотоварное производство, расширяя рынок сбыта на область и в дальнейшем страну [7, с. 113]. Особенно заметный сдвиг экономическое развитие претерпело по двум причинам: во-первых, рост демографии привел к тому, что началась активная миграция из горных районов, а экстенсивные технологии себя исчерпали, не будучи в состоянии обеспечить растущее население

продукцией, а во-вторых, началось строительство и использование железных дорог для транспортировки сырья и продукции. А.М. Аджигова отмечает, что лимитирующим фактором развития аграрного сектора было малоземелье и скудость почв, позволявшие выращивать только неприхотливые районированные культуры, которые гарантированно давали отдачу. В силу этого 92 % имевшихся в Ингушетии конца XIX в. посевных площадей отводилось под кукурузу, тогда как на следующую по объему культуру – просо – приходилось лишь 5,6 %. Закономерно, что кукуруза превратилась в основной вид экспорта Ингушетии. Более того, со строительством Владикавказской железной дороги, ее продлением до Порт-Петровска (Махачкала) и открытием в 1893 г. железнодорожной станции Назрань экспорт кукурузы демонстрировал колоссальный прирост. Так, если в 1895 г. из Назрани было отправлено 543 тыс. пудов кукурузы, то в 1898 г. более чем в два раза больше (1256 тыс. пудов), к 1908 г. экспорт увеличился еще в полтора раза (1800 тыс. пудов), а в 1913 г. достиг 2844 тыс. пудов [8, с. 14].

Кроме того, Назрань приобрела большое значение в качестве центра торговли, составив конкуренцию Владикавказу, который традиционно являлся экономическим центром Ингушетии. Так, к окончанию XIX в. в Назрани действовало несколько десятков торгово-промышленных заведений, ссыпных амбаров, сушилок, складов керосина, мануфактурных лавок [8]. Важно и то, что развитие капиталистических отношений во всей России оказало положительное влияние на земледелие региона за счет того, что сельское хозяйство Ингушетии вступило на путь интенсивного развития, поскольку стали использоваться и более совершенные фабричные орудия производства, и современные технологии и методы ведения хозяйства [9, с. 37].

Однако рост производства не коррелировал с ростом торговли и развитием земледелия. Производство по-прежнему было кустарным и мелкотоварным, количество более крупных предприятий в Назрановском округе исчислялось единицами (например, в 1914 г. было лишь 7 кирпичных и черепичных, 1 известковое и 2 лесопильных предприятия) [8, с. 14]. Проблему представляло и то, что поскольку значительная часть земельных угодий была передана царским режимом в казенное управление, ингуши были вынуждены брать землю в аренду у казаков. Все это приводило к усилению отходничества ингушей на нефтепромыслы Грозного, Баку; совершалось и принудительное выселение местных жителей, провинившихся перед властью, в Сибирь и другие регионы Российской империи. Однако даже развитие такой перспективной и прибыльной отрасли как нефтедобыча носило экстенсивный характер, поскольку крайне ограниченно применялись достижения научно-технического прогресса [7, с. 114].

Нельзя не отметить и то, что экономическое положение Ингушетии на рубеже XIX-XX вв. носило амбивалентный характер: с одной стороны строительство железных дорог давало значительные плюсы за счет того, что происходило расширение товарного земледелия. С другой – это расширение неминуемо требовало распашки пастбищ, а значит и сокращения поголовья скота, т.е. фактически било по традиционным занятиям ингушей [5, с. 192]. Соответственно, можно говорить о том, что складывалось противоречие: экономический подъем VS кризис традиционной северокавказской экономики.

Подводя итог анализу социально-экономического положения Ингушетии, сложившегося в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX (фактически до начала I мировой войны) века, перечислим основные маркеры рассматриваемого процесса:

усиление социального напряжения, связанное с кардинальным изменением традиционного жизненного уклада ингушей (натуральное хозяйство, родовой быт);

увеличение численности населения за счет так называемой «русской колонизации», против которой предостерегал еще И.И. Воронцов-Дашков, поскольку она приводила к напряженности в отношениях из-за вводимых властями ограничений для коренного населения;

ограниченный характер сферы приложения труда и «земельный голод», приводивший к значительному распространению арендных отношений с землей и к отходничеству трудоспособного населения в города и на нефтяные промыслы;

постепенное превращение кустарных домашних промыслов в мелкотоварное производство и распространение их рынков сбыта не только на область, но и на страну, и даже за границу;

переход к возделыванию урожайных и неприхотливых зерновых (кукуруза) и повышение продуктивности сельского хозяйства за счет использования современной техники заводского производства и прогрессивных методов хозяйствования;

строительство железных дорог, обеспечившее колоссальное наращивание экспорта кукурузы через Назрань;

сохранявшаяся недостаточность развития промышленных предприятий в силу того слабого применения достижений научно-технического прогресса.

Тем не менее, даже кажущиеся на первый взгляд негативными факторы в значительной мере способствовали интеграции Ингушетии в состав Российской империи, обеспечивая посту-

пательное социально-экономическое развитие региона и его постепенное выравнивание с общероссийским.

Список литературы:

[1] Республика Ингушетия (справка по схеме) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1413421/ (дата обращения 05.08.2026).

[2] Предпосылки присоединения // В кн. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР [Электронный ресурс]. URL: https://ingushetia.info/2015/01/31/predposylki-prisoedineniya.html (дата обращения 08.08.2026).

[3] Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII-XIX веках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 4. С. 93-99.

[4] Зязиков М.М. На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2011. 280 с.

[5] Аджигова А.М. Развитие новых форм экономики и социальных отношений в период модернизации ингушского общества // Власть истории – История власти. 2024. С. 188-197.

[6] Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе // Проблемы социально-культурного синтеза. Нальчик, 2007. С. 43-60.

[7] Нальгиев М.С.-М. Развитие промышленности Ингушетии конца XIX – начала XX веков // Вестник Университета. 2014. № 5. С. 111-115.

[8] Аджигова А.М. Особенности социально-экономического положения Ингушетии в первые годы XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9(35): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-15.

[9] Цечоев А.Я. Интеграция ингушей в состав России в XIX – начале XX вв.: культурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: исторические и юридические науки. 2026. С. 36-39.

References:

[1] Republic of Ingushetia (help according to the scheme) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1413421/ (дата обращения 05.08.2026).

[2] Prerequisites for joining // Book B Essays on the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic [Electronic resource]. URL: https://ingushetia.info/2015/01/31/predposylki-prisoedineniya.html (дата обращения 08.08.2026).

[3] Tsechoev A.Ya. Economic differentiation and social stratification among the Ingush in the XVIII-XIX centuries // News of universities. North Caucasus region. Social sciences. 2024. № 4. S. 93-99.

[4] Zyazikov M.M. At the turn of the century. Ingushetia in the late XIX - early XX centuries. Rostov-on-Don: South Publishing House, 2011. 280 s.

[5] A.M. Ajigova. Development of new forms of economy and social relations during the modernization of Ingush society // Power of history - History of power. 2024. S. 188-197.

[6] Borov A.Kh. North Caucasus in the Russian civilization process // Problems of socio-cultural synthesis. Nalchik, 2007. S. 43-60.

[7] M.S.-M. Nalgiev. Development of the industry of Ingushetia in the late XIX - early XX centuries // Bulletin of the University. 2014. № 5. S. 111-115.

[8] Adzhigova A.M. Features of the socio-economic situation of Ingushetia in the first years of the twentieth century // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Letter, 2013. No. 9 (35): in 2 hours. Part I. S. 13-15.

[9] Tsechoev A.Ya. Integration of the Ingush into Russia in the 19th - early 20th centuries: cultural aspect // Bulletin of Volgograd State University. Series: Historical and Legal Sciences. 2026. S. 36-39.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-89-94

АЛЬ-ШАРИФИ Мохаммад Хайдер,
Студент, «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г.Казань,
e-mail: valiakhmetov.zufar@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННЫЕ ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ИРАКА)

Аннотация. *В рассматриваемой статье сделан акцент на вопросы применения норм международного гуманитарного права (далее по тексту МГП) в условиях современных вооруженных конфликтов на примере Ирака. Рассматриваются особенности трансформации характера вооружённых конфликтов в конце XX - начале XXI века, включая участие международных коалиций, негосударственных вооружённых формирований и транснациональных террористических организаций. Особое внимание уделяется реализации основных принципов международного гуманитарного права - разграничения, пропорциональности, предосторожности и гуманности - в ходе военных кампаний в Ираке, начиная с конфликта 1990 - 1991 годов, интервенции 2003 года и последующей борьбы с террористической организацией ИГИЛ [2]. Анализируется проблема правовой квалификации современных конфликтов, вопросы статуса участников вооружённых действий, а также выполнение норм оккупационного права и обязательств по защите гражданского населения. В работе выявляются ключевые проблемы практического применения норм международного гуманитарного права в условиях асимметричных и гибридных конфликтов [5]. Сделан вывод о необходимости адаптации существующих механизмов международного гуманитарного права к новым формам вооружённой борьбы при сохранении его фундаментальных принципов.*

Ключевые слова: *международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, защита гражданского населения, Ирак, право вооруженных конфликтов.*

AL-SHARIFI Mohammad Haider,
Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AND CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS (WITH A FOCUS ON IRAQ)

Annotation. *The article focuses on the application of international humanitarian law (IHL) in modern armed conflicts, using the example of Iraq. It examines the transformation of armed conflicts in the late 20th and early 21st centuries, including the involvement of international coalitions, non-state armed groups, and transnational terrorist organizations. Special attention is paid to the implementation of the basic principles of international humanitarian law - delineation, proportionality, precaution, and humanity - during the military campaigns in Iraq, starting with the 1990-1991 conflict, the 2003 intervention, and the subsequent fight against the terrorist organization ISIS. The paper analyzes the legal qualification of modern conflicts, the status of participants in armed actions, and the implementation of occupation law and obligations to protect civilians. The paper identifies key issues in the implementation of international humanitarian law.*

Key words: *international humanitarian law, armed conflict, protection of civilians, Iraq, law of armed conflicts.*

Введение

Международное гуманитарное право занимает важное место в системе международного публичного права и направлено на регулирование поведения сторон в условиях вооружённых конфликтов. Основной задачей данного правового института является ограничение средств и методов ведения войны, а также защита лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях, включая гражданское население, раненых, военнопленных и иных категорий лиц, находящихся вне боевых действий.

Современная международная обстановка характеризуется существенной трансформацией вооружённых конфликтов. Если ранее большинство войн носило классический межгосудар-

ственный характер, то в конце XX - начале XXI века наблюдается появление новых форм конфликтов, включая внутренние вооружённые противостояния, гибридные войны, борьбу с международным терроризмом и участие негосударственных акторов [6]. Важную роль также играют транснациональные военные коалиции, частные военные компании и различные вооружённые формирования, действующие вне рамок традиционных государственных структур.

В этих условиях применение норм международного гуманитарного права сталкивается с рядом серьёзных вызовов. Среди них - сложность разграничения комбатантов и гражданского населения, использование населённых пунктов в качестве зоны боевых действий, применение новых технологий ведения войны, включая беспилотные летательные аппараты, а также использование террористическими организациями тактики «живого щита» [4].

Одним из наиболее показательных примеров применения международного гуманитарного права в современных условиях является Ирак. На протяжении последних десятилетий данное государство стало ареной нескольких вооружённых конфликтов различного характера: международного вооружённого конфликта 1990 - 1991 годов, военной интервенции коалиционных сил в 2003 году, а также длительной борьбы против террористической организации ИГИЛ. Эти события продемонстрировали сложность реализации норм международного гуманитарного права на практике и выявили ряд противоречий между юридическими нормами и реальной военной практикой [1].

Анализ иракского опыта позволяет выявить основные проблемы применения международного гуманитарного права в современных вооружённых конфликтах, включая вопросы правовой квалификации конфликтов, соблюдения принципов пропорциональности и разграничения, а также выполнения обязательств оккупирующих держав по обеспечению безопасности и гуманитарной защиты гражданского населения.

Целью исследования является анализ особенностей применения норм международного гуманитарного права в современных вооружённых конфликтах на примере Ирака, а также выявление основных проблем их реализации в условиях трансформации характера вооружённой борьбы.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи исследования:

Рассмотреть теоретические основы и принципы международного гуманитарного права.

Проанализировать особенности трансформации вооружённых конфликтов в конце XX – начале XXI века.

Исследовать практику применения норм международного гуманитарного права в ходе вооружённых конфликтов в Ираке.

Оценить проблемы правовой квалификации конфликтов и статуса участников вооружённых действий.

Рассмотреть вопросы реализации норм оккупационного права и защиты гражданского населения в условиях военных действий.

Выявить основные проблемы применения международного гуманитарного права в условиях асимметричных конфликтов и борьбы с терроризмом.

Материалы и методы исследований

Материальной основой исследования послужили международно-правовые акты, регулирующие вопросы международного гуманитарного права, включая положения Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, нормы Гаагских конвенций 1907 года, а также другие документы международного права, регламентирующие правила ведения вооружённых конфликтов и защиту гражданского населения [10].

Также в работе использованы резолюции Совета Безопасности ООН, международные доклады правозащитных организаций, аналитические материалы международных институтов, а также научные публикации отечественных и зарубежных исследователей в области международного права и международных отношений.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. В частности, применялись:

системный метод, позволивший рассмотреть международное гуманитарное право как целостную систему правовых норм;

сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления международных правовых норм с практикой их применения в условиях вооружённых конфликтов;

метод правовой интерпретации, использованный для анализа содержания международных правовых норм и их практического применения.

Использование данных методов позволило комплексно исследовать особенности функционирования международного гуманитарного права в современных условиях и выявить основные проблемы его реализации на практике.

Результаты и обсуждения

В общем понимании, международное гуманитарное право (далее по тексту МГП) представляет собой совокупность норм международного права, ориентированных на ограничение средств и методов введение войны в условиях вооруженных конфликтов, которая также включает в себя защиту гражданского населения, не принимающая участие в боевых действиях, а также лиц, переставших принимать в них участие. Конец XX - начало XXI века стало переломным

моментом и настоящим вызовом для МГП: это развитие средств введения вооруженной борьбы, модернизация акторов и форм вооруженных конфликтов [2]. Участие в вооруженных конфликтах транснациональных коалиций, широкое применение БПЛА и кассетных бомб, неклассифицируемых с точки зрения юриспруденции формы насилия (к таковым относятся террористические организации и другие). Самым оптимальным решением проверки адаптивности МГП к современным реалиям можно рассмотреть на конкретном примере, и в данной статье таким примером выступает сам Ирак. Это государство за короткий промежуток времени перетерпело несколько вооруженных конфликтов, что только подчеркивает актуальность рассматриваемой нами проблемы [9]. Изучение взаимодействия практики и права на примере Ирака - вот одна из основных задач статьи.

Источниковой базой МГП выступают международные договора (Женевская конвенция 1949 гг. и дополнительных протоколов на ее базе), а также общепризнанные принципы обычного международного права, которые базируются на 4 базисных основах:

Принцип разграничения (разделение участников вооруженных конфликтов на комбатантов и некомбатантов, которые влияют на их положение в режиме военного плена. Комбатанты - это лица, входящие в состав вооруженных сил того или иного государства, принимающая активное участие в военных действиях. Правовой статус комбатанта включает в себя право применять силу, что, в конечном счете, при попадании в плен выражается в обращении с этим объектом как с военнопленным. Некомбатанты - это те же лица, принимающие участие в вооруженных конфликтах, но оказывающие лишь консультативную, медицинскую или информационную помощь, то есть активного прямого участия в боевых столкновениях такие лица не принимают. К таковым можно отнести медицинский и духовный персонал, юристы, корреспонденты и тд. Если же некомбатанты принимают активное участие на линии боевого соприкосновения, то они автоматически переходят в статус комбатанта и теряют свой прежний правовой статус [8].

Принцип пропорциональности - это запрет на атаки, чей побочный эффект может оказать губительное воздействие на окружающую среду.

Принцип предосторожности - использование обязательных мер для предотвращения гибели мирных жителей.

Запрет на применение средств и методов ведения войны, противоречащий гуманности человека.

В современных условиях, очень сложно отследить реальное положение дел при соблюдении данных правил и принципов (например, принцип разграничения осложняется в борьбе с негосударственными акторами, которые, в большинстве своем, маскируются под гражданских, или в худшем случае, используют население как «живой щит»).

Вообще конфликты подразделяется на международный и внутренний. Они различаются по своему характеру и применимым норм по отношению к себе. Женевские конвенции, ее протоколы содержат в себе разные наборы норм и правил дл урегулирования конфликта. Что касается Ирака, то в истории применялись оба варианта: международная война 1990-1991х годов и последующая международная интервенция в 2003 году, с другой стороны террористические операции против группировок «ИГИЛ», которые можно отнести к внутренним конфликтам [1].

Применение МГП в истории с Ираком осложняется присутствием иностранных коалиций, контингентов и использованием большого количества наемников из разных стран не только Европы, но и мира [3]. Все это в совокупности создает немало проблем в решении вопросов о статусе участников и применения тех или иных норм против них, что ведет к созданию неоднозначных юридических трактовок и их применению на практике.

В 1990-х годах Ирак начинает полномасштабное вторжение в Кувейт с целью исправления исторической несправедливости (как считал сам Саддам Хусейн) и попутно избавление от колоссального финансового долга перед Кувейтом. США оказали полную поддержку данной инициативе. Все это вызвало широкий международный резонанс под мандатом Совета Безопасности ООН. Данный пример продемонстрировал применение МГП в статусе международного конфликта, включая вопросы применения вооруженной силы и защиты гражданского населения. Однако возникали трудности в оценке последствий санкций и предпринятых гуманитарных мер, направленных на гражданское население [5].

Вторжение коалиционных сил в Ирак 20 марта 2003 года и дальнейший оккупационный режим породили массу проблем в использовании МГП в практической деятельности: применение силы против иного государства без четкого мандата Совета Безопасности ООН, статус партизанских и коллаборативных формирований, обязанности оккупационной администрации по отношению к гражданскому населению [4]. Оккупационное право (раздел МГП, регулирующий обязанности оккупирующей силы) вступило в полное противоречие с реальной практикой – это полное разрушение инфраструктуры, несвоевременная поставка гуманитарной помощи, нарушение пра-

вопорядка и условий безопасности гражданского населения.

Борьба с ИГИЛ, которая длится и в наши дни, в различных территориях Ирака, полностью изменила характер и трактовку вооруженной борьбы перед мировым сообществом, которая поставила задачу нейтрализации транснациональной террористической организации, действующую как на территории Ирака, так и за его пределами. Все это в совокупности поставило ряд глобальных задач и вызовов [3].

В первую очередь возникает следующий вопрос: «к какой классификации относится данные военные действия?». С одной стороны весь мир сплотился против террористической организации и после ряда успехов ИГИЛ, ряд государств вмешалось в конфликт, происходящей в Ираке. Однако с другой стороны, война также относилась к ряду «гражданской войны», тем самым возникло противоречие [7]. Использование против террористов специальных мер по уничтожению (включая операции с использованием специальных дронов и авиаударов), уничтожение через приемник персонального вызова и различных спецопераций иностранных сил также вызывает вопросы в применении к ним МГП.

Защита гражданского населения в условиях «нечестной борьбы», к которой очень часто прибегал ИГИЛ является еще одной насущной проблемой и вызовом [10]. В теории, противоборствующие стороны должны соблюдать нормы и правила по защите гражданского населения (в крайнем случае - нейтралитет по отношению к ним). В ситуации с ИГИЛ, которые использовали мирное население как «живой щит», тем самым защищая себя, или удары по мирному населению (детям, старикам, женщинам) с целью напугать мир и показать якобы свою «силу», использование гуманности по отношению к ИГИЛ сводился к нулю.

Все эти примеры показывают изменение характера актора, а именно появление негосударственного транснационального противника и использование механизмов сдерживания требуют гибкой, прагматичной интерпретации МГП, без ослабления ее основных принципов [2].

На примере Ирака можно выделить основные проблемы применения МГП в современных условиях:

Разграничение прямых участников конфликта и гражданских лиц;

Пропорциональность и оценка военной выгоды;

Стратегия «асимметричной» войны и терроризм;

Проблемы оккупационного характера;

Участие внешних акторов и правовой ответственности.

Разграничение прямых участников конфликта и гражданских лиц является одной из важнейших задач на этапе введения борьбы и не всегда это удается делать успешно. Особенно это очень сильно выражается в городских боевых столкновениях и в партизанских войнах. Партизанские отряды не имеют отличительных знаков и в основном действуют среди мирного гражданского населения, что вызывает затруднения в разграничении. В самом Ираке данная ситуация приводила к немалым спорам о недопустимости ударов по мирному населению, если даже партизанские отряды боевиков находятся среди них. Все это несет ответственность за преднамеренные жертвы.

Проблема пропорциональности и оценки военной выгоды кроется в дисбалансе соотношения ожидаемого военного преимущества и существующего вероятного вреда гражданским лицам, инфраструктуре. Для максимальной минимизации вреда требуется точная и детальная информация, но в условиях Ирака все это было затруднительно, так как боевые действия велись в густонаселенных районах, территориях - что априори создает массу проблем. Применение принципа пропорциональности часто разбивался на частые случаи разрушительного ущерба для гражданской инфраструктуры.

Применительно к проблеме «асимметричной» войны, которая основывается на дисбалансе противоборствующих сторон и применимых к ним кардинально различных тактик, стратегий также важно упомянуть Ирак. Применение противниками тактик основанных на терроризме и радикализме стирали грани «допустимого», что ставят стороны конфликта перед дилеммами относительно допустимости атак и мер по защите гражданского населения. В таких существующих условиях, государства – операторы нередко применяют расширенные толкования правил самообороны и использования мер пресечения угроз.

Проблема оккупационного управления и восстановления является одним из самых сложных и критикуемых институтов МГП. В соответствии с нормами Гаагских правил (1907 года) и Женевской конвенции (1949 года), оккупирующая страна должна и обязана обеспечить ряд обязательных для выполнения правил: общественный порядок, безопасность жизни населения, содействие удовлетворению его основных гуманитарных потребностей [6]. В условиях современных конфликтов, эти обязательства приобретают особое значение, поскольку именно они определяют легитимность действий и решений оккупирующей администрации и степень ее соответствия существующим нормам, а также перспективы последующего восстановления государственного суверенитета [9].

В случае Ирака (речь идет о военных конфликтах 2003-2011 годов), международное сообщество столкнулось с рядом острых проблем и дискуссий на тему реализаций норм МГП в период оккупации. После военной интервенции США и коалиционных сил в 2003 году, Ирак оказался в состоянии полной оккупации, хотя в мире юридическая трактовка этого статуса вызывало дискуссии [2]. Официально, действия США и коалиции оправдывались целями «восстановления порядка» или «демократизация страны», однако как показывает практика, выполнение обязательств оккупирующей державы часто носила непоследовательный характер.

В первую очередь, были слабо соблюдены меры по обеспечению защиты гражданского населения. Несмотря на создание временной администрации, Ирак оказался в состоянии внутреннего хаоса, которая сопровождалась массовыми нарушениями прав человека, большим всплеском этноконфессионального насилия и деятельностью вооруженных группировок. Вся это ситуация полностью противоречила статьи 43 к IV Гаагской конвенции, которая принуждала оккупирующую державу предпринять все меры по восстановлению общественного порядка и обеспечения безопасности». Ничего этого сделано не было.

Далее наблюдались серьезные нарушения в сфере защиты гражданской инфраструктуры и сохранность объектов культурного наследия. Разрушение объектов энергетики, водоснабжения, медицинских учреждений, а также грабежи и уничтожение культурных ценностей (можно привести пример разграбление Национального музея Ирака в Багдаде) свидетельствовали о неисполнении международных обязательств в части охраны объектов культурного наследия, закрепленных в статьях 53 и 56 Гаагских правил [3].

Гуманитарные обязательства также выполнялись лишь фрагментарно и в разовом режиме. После вторжения сил коалиции гуманитарная ситуация в стране ухудшилась – большая часть населения страны осталась без питьевой воды и продовольствия, начался процесс сокращения медицинского обслуживания. Все это ставит под сомнение эффективность коалиционного управления и вызывает вопросы о соответствии его действий принципам пропорциональности и гуманности, закрепленных в Женевской конвенции.

Ну и в конце важно отметить еще один момент. Согласно МГП, оккупированная власть не может диктовать свои условия и менять политическую, правовую систему оккупированной территории. Ее можно менять только при необходимости обеспечения безопасности и и поддержания правопорядка внутри страны [1]. В Ираке Временная коалиционная администрация пошла по другому пути – начиная от роспуска армии, силовых структур и заканчивая изменением структуры государственного управления, начала процесса приватизации государственной собственности. Все это вызвало массу критики среди представителей международной юриспруденции, потому что все это нарушало все нормы и правила МГП и принцип суверенитета.

Таким образом, опыт Ирака демонстрирует неэффективность существующих норм МГП реагировать и регулировать на отношения сторон в ходе военных конфликтов. Трансформация акторов, методов и средств борьбы требуют адаптации практики, усиление механизмов подотчетности и разработки конкретных мер для защиты гражданского населения. Только соблюдение принципов МГП, адаптивности военных доктрин и эффективность международной кооперации позволит если не укоренять, то минимизировать последствия вооруженных конфликтов в современном мире. Это серьезный вызов для современной мировой юриспруденции.

Список литературы:

[1] Барановский В. Г. Современные вооружённые конфликты и международное право. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 384 с.

[2] Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. – М.: Норма, 2016. – 752 с.

[3] Каламкарян Р. А. Международное право: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 560 с.

[4] Капустин А. Я. Международное право. Общая часть. – М.: Юрайт, 2020. – 512 с.

[5] Кешнер М. В. Международная ответственность государств: теория и практика. – М.: Норма, 2018. – 320 с.

[6] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

[7] Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2011. – 380 с.

[8] Скакун О. Ф. Международное гуманитарное право: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2017. – 256 с.

[9] Тиунов О. И. Международное гуманитарное право. – М.: Норма, 2015. – 304 с.

[10] Тункин Г. И. Теория международного права. – М.: Зерцало, 2000. – 416 с.

References:

[1] Baranovsky V. G. Modern armed conflicts and international law. - M.: Aspect Press, 2019. - 384 p.

[2] Ignatenko G.V., Tiunov O.I. International law. - M.: Norma, 2016. - 752 s.

[3] R. Kalamkaryan. International law: textbook. - M.: Prospect, 2019. - 560 s.

[4] Kapustin A. Ya. International law. General part. - M.: Yurayt, 2020. - 512 s.

[5] Keschner M.V. International responsibility of states: theory and practice. - M.: Norma, 2018. - 320 s.

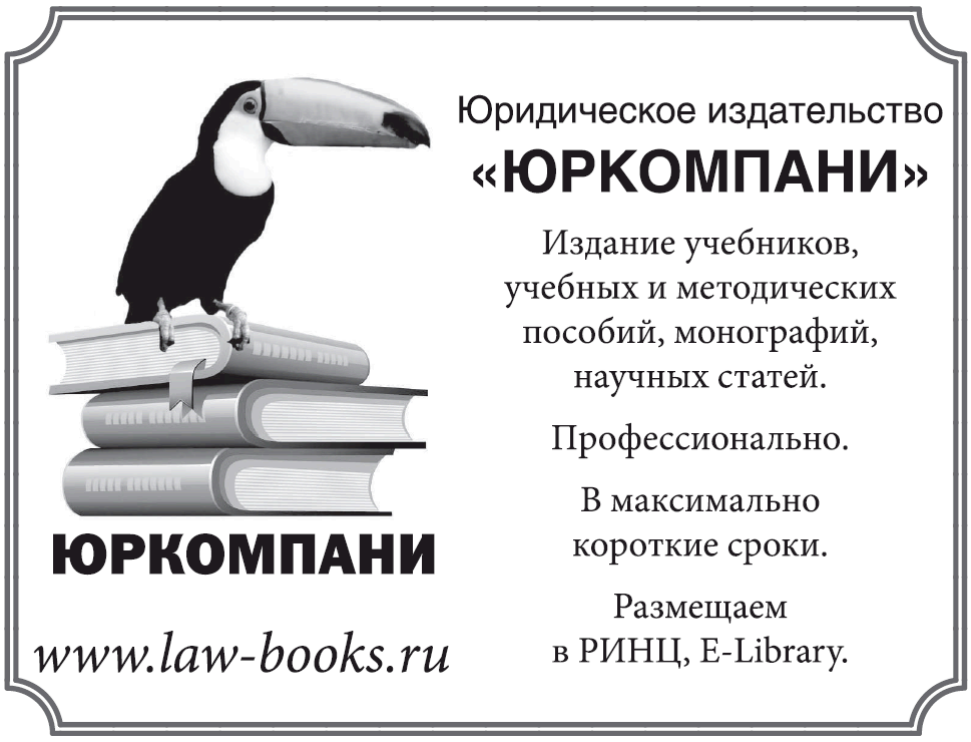
[6] Lukashuk I. I. International law. General part. - M.: Wolters Kluver, 2005. - 432 s.

[7] Marochkin S. Yu. Action and implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation. - Tyumen: Publishing House TSU, 2011. - 380 s.

[8] Skakun O. F. International Humanitarian Law: A Study Guide. - M.: Infra-M, 2017. - 256 s.

[9] O. Tiunov, International Humanitarian Law. - M.: Norma, 2015. - 304 s.

[10] Tunkin G.I. Theory of international law. - M.: Mirror, 2000. - 416 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-95-102

КАТУКОВА Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» SPIN-код: 8676-2387, Author ID: 768972,
e-mail: s.katukova@mail.ru

ПЕРЕГУДА Егор Сергеевич,
студент юридического факультета Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: egorpereguda@mail.ru

ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК КАК ОСНОВАНИЕ ОТКАЗА В ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования является оговорка о публичном порядке как применяемое в исключительных случаях основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Цель статьи состоит в систематизации основных доктринальных концепций публичного порядка и определении пределов их использования на стадии постарбитражного контроля. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Разграничены внутренний публичный порядок, международный публичный порядок государства, региональный и транснациональный публичный порядок, а также позитивная и негативная, материальная и процессуальная стороны рассматриваемой категории. Уточнено соотношение оговорки с неарбитрабельностью, исключительной компетенцией государственных судов и специальными процессуальными основаниями отказа. Обосновано, что статьи 1192 и 1193 ГК РФ и публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений имеют общий аксиологический источник, но являются самостоятельными правовыми механизмами, различающимися по стадии применения, непосредственному объекту проверки и последствиям. Предложен алгоритм судебной проверки, препятствующий подмене специальных оснований отказа и пересмотру спора по существу. Сделан вывод о невозможности исчерпывающего законодательного определения публичного порядка.*

Ключевые слова: *публичный порядок, оговорка о публичном порядке, международный публичный порядок, иностранное арбитражное решение, признание и исполнение, нормы непосредственного применения, неарбитрабельность, Нью-Йоркская конвенция.*

KATUKOVA Svetlana Yurievna,
PhD in Law, Associate Professor of Department of Civil Procedural Law North-West branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

PEREGUDA Egor Sergeevich,
Law Student, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PUBLIC POLICY AS A GROUND FOR REFUSAL TO RECOGNIZE AND ENFORCE FOREIGN ARBITRAL AWARDS: DOCTRINAL CONCEPTS AND LIMITS OF APPLICATION

Annotation. *The article examines the public policy exception as an exceptional ground for refusing recognition and enforcement of foreign arbitral awards. Its purpose is to systematize the principal doctrinal concepts of public policy and to define the limits of their use at the post-award control stage. The study relies on formal legal, systemic, comparative and functional methods. It*

distinguishes domestic public policy, the international public policy of a State, regional public policy and transnational public policy, as well as the positive and negative, substantive and procedural dimensions of the concept. The authors argue that Articles 1192 and 1193 of the Russian Civil Code and enforcement public policy share an axiological basis but operate as autonomous legal mechanisms, differing in their stage of application, immediate object of review and legal consequences. An arbitral tribunal's failure to apply a mandatory or overriding mandatory rule does not in itself justify refusal: a court must identify a violation of a fundamental principle and the concrete unacceptable effects of recognition or enforcement. A five-element judicial review framework is proposed to prevent substitution for specific refusal grounds and a disguised merits review. The article concludes that an exhaustive statutory definition of public policy is neither feasible nor desirable and that courts should apply the exception through reasoned, effects-oriented analysis.

Key words: *public policy, public policy exception, international public policy, foreign arbitral award, recognition and enforcement, overriding mandatory rules, non-arbitrability, New York Convention.*

Постановка проблемы.

Международный коммерческий арбитраж строится на автономии воли сторон и окончательности арбитражного решения, однако принудительное действие такого решения зависит от правопорядка государства, в котором испрашиваются признание и исполнение. При этом не каждое решение нуждается в судебной экзекватуре: должник может исполнить его добровольно, а обращение к государственному суду требуется прежде всего для признания юридического эффекта и применения мер принудительного исполнения. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. формирует происполнительный режим, но сохраняет за государством исполнения право не придавать силу решению, если результат признания или исполнения несовместим с публичным порядком этого государства [12].

Открытый характер понятия «публичный порядок» необходим для защиты фундаментальных ценностей, но создает риск непредсказуемого расширения судебного контроля. В отечественной и зарубежной доктрине необоснованно одним термином нередко обозначаются различные явления: охраняемые правопорядком ценности, коллизионная оговорка, нормы непосредственного применения, критерий допустимости признания иностранного решения и даже совокупность наднациональных принципов. В монографическом исследовании Ю.Г. Богатиной доказывается, что оговорка выполняет защитную функцию в отношении иностранных норм и актов, способных вызвать дестабилизирующий эффект в национальном правопорядке, но системное разграничения указанных категорий не приведено [1]. Цель настоящего исследования – дать обзор доктринальных концепций публичного порядка, разграничить соответствующую оговорку со статьями 1192 и 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ [13]) и иными смежными основаниями контроля. Научная новизна состоит в соединении многоуровневой классификации публичного порядка с алгоритмом судебной проверки, позволяющим сохранить и фундаментальные интересы государства, и запрет пересмотра арбитражного решения по существу.

1. Публичный порядок и оговорка о публичном порядке

Следует различать публичный порядок как нормативно-ценностный комплекс и оговорку о публичном порядке как юридический механизм. Термины ordre public и public policy в международно-частноправовом контексте выполняют сопоставимую защитную функцию, хотя их национальные доктринальные оттенки различаются. В первом значении речь идет о фундаментальных принципах, на которых основаны правовая система, общественное устройство и представления о справедливости. Во втором - об исключительном правовом предписании, позволяющем не допустить в национальный правопорядок результат применения иностранного права либо действие иностранного судебного или арбитражного акта. Такое разграничение исключает логическую ошибку, при которой основание отказа отождествляется со всем массивом охраняемых им ценностей.

По пространственному уровню выделяются внутренний публичный порядок, международный публичный порядок государства, региональный и транснациональный публичный порядок. Внутренний публичный порядок охватывает императивные начала, действующие во внутригосударственных отношениях. Международный публичный порядок государства представляет собой более узкий круг принципов, нарушение которых неприемлемо именно в трансграничной ситуации. Слово «международный» в данном выражении характеризует сферу применения, но не источник: содержание такого порядка по-прежнему определяется государством признания или исполнения. Региональный публичный порядок формируется в интеграционных объединениях; примером служит включение фундаментальных положений права Европейского союза в контроль арбитражных решений. Концепция автономного транснаци-

онального публичного порядка предполагает существование неких наднациональных принципов, обязательных независимо от национального права, однако ее легитимность и способы выявления остаются дискуссионными. Поэтому в судебной экзекватуре исходным остается публичный порядок конкретного государства форума.

Большое значение для понимания международного публичного порядка имеет Руководство Секретариата ЮНСИТРАЛ 2016 г. Оно является официальным информационно-аналитическим изданием Организации Объединённых Наций, подготовленным для содействия единообразному пониманию Конвенции [14]. При этом Руководство не заменяет текст международного договора и не обладает силой обязательного толкования, используется для систематизации travaux préparatoires, национальной практики и основных вопросов применения статьи V. Второе издание Руководства было опубликовано в 2024 г. и обновило практику и формулировки; русская версия вышла в 2025 г. [15]. Его нельзя характеризовать как комментарий, созданный участниками разработки Конвенции: оно подготовлено Комитетом ICCA по работе с судебной системой на основе опыта современных арбитров и исследователей.

В 2003 году был опубликован итоговый доклад ILA, в котором предложена условная структура международного публичного порядка: фундаментальные принципы; правила, защищающие существенные политические, социальные или экономические интересы государства («lois de police»); международные обязательства государства. Ценность этой рекомендации заключается в критериях непризнания и неисполнения иностранного арбитражного решения: отказ признания в исключительных случаях, ориентация на необходимость различать простое нарушение обязательной нормы и нарушение публичного порядка.

Наконец, публичный порядок имеет материальную и процессуальную стороны. Материальная сторона охватывает фундаментальные запреты и принципы, например недопустимость коррупции, мошеннического присвоения, легализации преступных доходов или грубого нарушения конституционных прав. Процессуальная сторона защищает базовые гарантии справедливого разбирательства: независимость и беспристрастность состава, равенство сторон, реальную возможность быть выслушанным, запрет получения решения путем обмана. Вместе с тем отдельное процессуальное нарушение не следует автоматически квалифицировать через публичный порядок, если оно охватывается специальным основанием статьи V Нью-Йоркской конвенции. Итак, предложенная Ассоциацией международного права трехчастная структура - фундаментальные принципы, нормы, охраняющие существенные публичные интересы (lois de police), и международные обязательства государства - полезна как ориентир, но не образует исчерпывающего перечня [2].

2. Публичный порядок: нормативные основы

Нормативную основу рассматриваемого механизма образуют подпункт «b» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции, положение о публичном порядке, содержащееся в подпункте 2 пункта 1 статьи 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» (далее - Закон РФ о МКА) [16] и часть 3 статьи 244 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) [17]. Пункт 7 части 1 статьи 244 АПК РФ относится к решениям иностранных государственных судов и не должен использоваться как самостоятельное основание отказа в отношении иностранного арбитражного решения. Корректная нормативная связка для последнего случая: часть 3 статьи 244 АПК РФ, статья 36 Закона РФ о международном коммерческом арбитраже и статья V Нью-Йоркской конвенции.

Признание и приведение в исполнение представляют связанные, но не тождественные эффекты. Признание означает допуск юридической силы арбитражного решения в национальном правопорядке, в том числе возможность учитывать окончательно разрешенный им спор; приведение в исполнение дополнительно предполагает использование государственного принуждения. Поэтому суду необходимо указать, какой именно эффект и почему является неприемлемым. Публичный порядок оценивается по праву государства, в котором испрашиваются признание или исполнение, на момент рассмотрения заявления. Нарушение публичного порядка в государстве места арбитража не влечет автоматически отказ в другом государстве, равно как отсутствие отмены решения в стране вынесения не лишает суд исполнения самостоятельной проверки.

Основание, закрепленное в пункте 2 статьи V Конвенции, проверяется судом независимо от ссылки стороны - ex officio. Однако применение ex officio не отменяет состязательности: предполагаемое противоречие должно быть вынесено на обсуждение, а участникам необходимо предоставить возможность представить объяснения и доказательства.

Объектом контроля являются не мотивы арбитров сами по себе, а последствия, которые признание или исполнение решения вызовет в государстве форума. Отсюда следуют четыре ограничения. Во-первых, оговорка применяется лишь в исключительных случаях и подлежит

ограничительному толкованию. Во-вторых, нарушение обычной императивной нормы или ошибка в толковании права недостаточны для отказа. В-третьих, государственный суд не вправе заново устанавливать факты, переоценивать доказательства и исправлять правовую квалификацию. В-четвертых, при отделимости соответствующей части решения должна обсуждаться возможность частичного отказа.

Верховный Суд РФ предписывает вынести вопрос о возможном нарушении публичного порядка на обсуждение участвующих в деле лиц, а стороны вправе приводить свои доводы и доказательства обратного [18]. Поэтому точнее говорить не о безусловном использовании «ex officio», а об обязанности суда проверить наличие соответствующего препятствия при соблюдении принципов состязательности и равноправия.

Б.Р. Карабельников справедливо отмечает: только вывод о том, что приведение иностранного решения в исполнение на подведомственной суду территории будет противоречить фундаментальным началам правопорядка и нравственности, может привести суд к отказу в признании арбитражного решения со ссылкой на публичный порядок [3, с.243].

Соотношение со статьями 1192 и 1193 ГК РФ.

Статьи 1192 и 1193 ГК РФ и публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений имеют общий аксиологический источник: все три механизма направлены на защиту особо значимых начал российского правопорядка в отношениях с иностранным элементом. Этим объясняется сходство используемой терминологии и возможность обращения к коллизионной доктрине при выявлении содержания публичного порядка. Однако общая защитная функция не превращает указанные нормы в единое основание и не позволяет механически переносить правила главы 66 ГК РФ в производство по делу о признании и исполнении арбитражного решения.

Статья 1192 ГК РФ регулирует нормы непосредственного применения. Они подлежат применению к спорному материальному отношению независимо от избранного или определенного коллизионной нормой права, поскольку сам законодатель придал им особую пространственную и функциональную направленность. Этот механизм действует на стадии разрешения спора по существу; вопрос об учёте таких норм может возникнуть и перед арбитрами в зависимости от применимых коллизионных и арбитражных правил. Правовое последствие состоит в непосредственном применении соответствующей нормы, а не в отказе признать уже вынесенное решение. В доктрине этот механизм допустимо характеризовать как проявление позитивного публичного порядка: статья 1192 не содержит общего определения публичного порядка и не устанавливает постарбитражное основание отказа.

Статья 1193 ГК РФ закрепляет так называемую негативную коллизионную оговорку. Если последствия применения иностранной нормы явно противоречат основам правопорядка Российской Федерации с учетом характера отношений, такая норма в исключительных случаях не применяется; при необходимости используется соответствующая норма российского права. Здесь объектом проверки арбитров должно являться последствие применения конкретной иностранной нормы при разрешении материально-правового спора, отказ от применения конкретной иностранной нормы и при необходимости применение соответствующей нормы российского права. На стадии признания иностранного арбитражного решения государственный суд не выбирает применимое к спору право, не заменяет примененную арбитрами норму и не разрешает спор повторно. Поэтому статья 1193 ГК РФ не является непосредственным процессуальным основанием отказа.

Связь между нормами ГК РФ и процессуальным механизмом экзекватуры проявляется следующим образом: нарушение нормы непосредственного применения либо применение иностранной нормы, потенциально подпадающей под статью 1193 ГК РФ, может служить фактическим и ценностным материалом для проверки по статье V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции. Но переход к отказу возможен лишь после дополнительного вывода, что защищаемый принцип имеет фундаментальный характер, нарушение существенно, и именно признание или исполнение решения породит конкретные неприемлемые последствия. Таким образом, соотношение является не отношением тождества или субординации, а отношением функциональной связи самостоятельных механизмов.

Разграничение со специальными основаниями отказа.

Публичный порядок не должен поглощать неарбитрабельность. Подпункт «a» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции отвечает на вопрос, может ли предмет соответствующей категории споров разрешаться арбитражем по праву государства исполнения. Подпункт «b» направлен на оценку последствий конкретного решения. Эти основания могут пересекаться по охраняемым интересам, но сохраняют самостоятельные условия применения.

Неарбитрабельность также не тождественна исключительной компетенции российских государственных судов. Исключительная компетенция распределяет трансграничные дела

между государственными судами и имеет непосредственное значение для признания иностранных судебных решений. Вывод о невозможности арбитража требует отдельного нормативного основания; одно лишь отнесение спора к исключительной компетенции государственного суда такого вывода не заменяет.

Аналогично процессуальный публичный порядок нельзя использовать для обхода специальных оснований пункта 1 статьи V Конвенции. Например, отсутствие надлежащего извещения и невозможность представить свою позицию прямо охватываются подпунктом «b» пункта 1. Ссылка на публичный порядок оправданна, когда нарушение затрагивает более фундаментальный уровень справедливости либо его последствия не исчерпываются специальной конструкцией, однако и тогда суд обязан объяснить, почему применяется именно исключительная оговорка.

Заметим, что российская судебная практика, к сожалению, ссылается на отказ в признании /исполнении иностранного арбитражного решения ввиду нарушения публичного порядка достаточно часто, между тем как за многолетнюю историю применения Нью-Йоркской конвенции в иностранных юрисдикциях авторитетный профессор А.-Я. ван ден Берг обнаружил лишь восемь таких случаев[4,с.37]. О сложном понимании «противоречия публичному порядку Российской Федерации» пишут ведущие российские правоведы[5, с.398]. Это, безусловно, свидетельствует об отсутствии устоявшихся теоретических представлений о понятии «публичный порядок».

3. Доктринальные разногласия о сущности публичного порядка

Полного научного консенсуса относительно содержания публичного порядка не существует. Категория «международный публичный порядок» используется как минимум в двух разных значениях. В первом оно обозначает предполагаемую совокупности принципов, обязательных вне зависимости от права конкретного государства (наднациональное автономное существование). К таким принципам обычно относят запрет коррупции, торговли людьми, отмывания доходов, грубых нарушений прав человека. Однако существование и легитимность автономного транснационального порядка остаются предметом спора. Я. Кляйнхайстеркамп показывает, что представление о наднациональном публичном порядке нередко маскирует мнение самих арбитров и не имеет ясного демократического источника [6].

Во втором значении речь идёт о более узкой части публичного порядка конкретного государства, применяемой к отношениям с иностранным элементом и к иностранным решениям. Несмотря на слово «международный», источник и содержание такого порядка остаются национальными: каждый правопорядок определяет собственные фундаментальные начала и порог вмешательства. Именно это понимание отражено в материалах ILA и в большинстве национальных подходов.

Исследователи на примере дела Eco Swiss [19] обсуждают вопрос: является ли международное обязательство государства частью публичного порядка. Суд ЕС признал статью 85 Договора ЕС (ныне статья 101 ДФЕС) фундаментальным положением правопорядка Союза и указал, что национальный суд должен удовлетворить требование об отмене арбитражного решения ввиду нарушения публичного порядка, тем самым Суд подтверждает, что норма конкурентного права ЕС может входить в публичный порядок государства – члена ЕС. Однако из Решения по Eco Swiss не следует безусловная обязанность всех судов государств – членов ЕС отказывать в признании каждого решения, которое в какой-либо мере «противоречит» статье 101 ДФЕС. Необходимо учитывать предмет национальной процедуры, пределы контроля, существенность нарушения, действие принципов эквивалентности и эффективности.

Пример Швейцарии также нельзя свести к простому тезису: государство не является членом ЕС, поэтому статья 101 ДФЕС не имеет значения. Нормы ЕС могут входить в избранное сторонами право государства – члена ЕС, претендовать на применение как публично значимые нормы, а решение может исполняться на территории Союза. Ф. Ландольт показывает, что влияние права ЕС на швейцарский арбитраж зависит от стадии, применимого права, связи нормы со спором и требований будущего исполнения [7, с.510-511]. Следовательно, отсутствие членства исключает прямые обязанности суда как суда государства-члена, но не устраняет всю проблематику.

В российской доктрине значима классификация на позитивный и негативный публичный порядок. Позитивная концепция связывает защиту фундаментальных интересов с непосредственным применением особо значимых национальных норм; негативная - с устранением иностранного правового результата, явно несовместимого с основами правопорядка. Ю.Г. Богатина обоснованно рассматривает эти направления как функционально связанные, но не тождественные: позитивный способ заранее обеспечивает действие охранительной нормы, тогда как негативная оговорка реагирует на последствия иностранного права или акта [1]. Историческое развитие данной дихотомии отражено также в работах М.И. Бруна [8] и современных исследованиях А.А. Шулакова [9].

Индийский правовед Н. Дсоуза рассматривает другой спорный вопрос — нужно ли зако-

нодательно определять содержание «публичного порядка» или предпочтительнее оставить это судебной практике. Угроза расширительного толкования судами понятия «публичный порядок» дала основание индийской правительственной комиссии дать официальное толкование. Однако, предложенное толкование не обошлось без ссылок на «мораль и справедливость», «основополагающие принципы индийского законодательства» и прочие абстрактные термины. В конечном итоге, по мнению автора, именно суд определяет и аргументирует позицию об отказе в признании и исполнении арбитражного решения [10].

Новейшие технологические вопросы также подтверждают динамичность категории. Развитие искусственного интеллекта стало поводом для А. Аль Махдури сделать вывод о том, что нарушение публичного порядка возможно, если текст решения подготовлен с использованием ИИ. Автор иметь говорит об утрате человеком реального контроля над выводами, нарушение конфиденциальности, необъяснимой предвзятости алгоритма (воспроизведение системных предубеждений, на которых ИИ обучался), невозможности проверить, было ли решение принято надлежащим составом арбитров. Следовательно, новая технология не создает автоматического основания отказа, а должна оцениваться через уже существующие фундаментальные принципы [11,с.787-788].

Заключение

Публичный порядок как основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения представляет собой самостоятельный постарбитражный механизм, а не общее обозначение любого публичного интереса или любого нарушения императивной нормы.

Доктринальные классификации публичного порядка имеют практическое значение при условии их корректного использования. Для экзекватуры определяющим является международный публичный порядок государства форума, более узкий по сравнению с внутренним; транснациональные и региональные принципы могут учитываться лишь постольку, поскольку правопорядок признает их фундаментальное значение.

Статья 1192 ГК РФ обеспечивает непосредственное применение особо значимых норм на стадии разрешения материально-правового спора, а статья 1193 ГК РФ исключает применение иностранной нормы при явно неприемлемых последствиях. Оговорка статьи V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции действует после вынесения решения и оценивает последствия предоставления ему юридической силы. Между механизмами существует функциональная и аксиологическая связь, но отсутствует нормативное тождество.

Неприменение нормы непосредственного применения, коллизионная ошибка либо иное нарушение национального права могут быть значимыми обстоятельствами, однако отказ признания/исполнения допустим только при доказанном столкновении с фундаментальным принципом и наличии конкретных тяжелых последствий признания или исполнения. Иной подход означает запрещенный пересмотр арбитражного решения по существу.

Предлагается следующий алгоритм применения оговорки об отказе: во-первых, суд должен выявить фундаментальный принцип, который применен арбитрами; затем необходимо установить юридический результат признания или исполнения решения в государстве форума, а не ограничиваться констатацией ошибки арбитров; на третьем этапе оцениваются существенность нарушения, причинная связь и доказанность неприемлемых последствий; на четвертом проверяется, не подменяет ли ссылка на публичный порядок специальное основание отказа и не ведет ли анализ к пересмотру спора по существу. Наконец, суд обязан рассмотреть пропорциональность реакции, включая возможность признания или исполнения отделимой части решения.

Данный алгоритм сохраняет актуальность и в условиях расширения судебного внимания к специальным экономическим мерам и санкционным ограничениям, отраженного, в частности, в тематическом обзоре «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» [20]. Динамика национального публичного порядка позволяет учитывать новые угрозы, однако принадлежность стороны к определенной юрисдикции или наличие императивного запрета не должны заменять мотивированное установление фундаментального принципа и конкретных последствий исполнения.

Список литературы:

[1] Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с.

[2] Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19. No. 2. P. 249-263. DOI: 10.1093/arbitration/19.2. 249..

[3] Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. Издание третье, переработанное и дополненное.

М.: Статут, 2008.-604с.

[4] Ван ден Берг А.-Я. Почему некоторые арбитражные решения не могут быть принудительно исполнены: Доклад на 17-й конференции Международного совета по коммерческому арбитражу (ICCA). Пекин. Май 2004 // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 1. С. 38 – 62.

[5] Муранов А.И. Некоторые аспекты понятия «публичный порядок» применительно к международному коммерческому арбитражу в России. Международное право. 2001. № 5. С. 396–425.

[6] Kleinheisterkamp J. The Myth of Transnational Public Policy in International Arbitration // The American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 71, No. 1. P. 98–141. URL: DOI: 10.1093/ajcl/avad021 (дата обращения: 25.07.2026).

[7] Landolt P. The Application of Public Interest Norms in International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2023. Vol. 39, No. 4. P. 469–514. URL: DOI: 10.1093/arbint/aiad047 (дата обращения: 25.07.2026).

[8] Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 53-103.

[9] Шулаков А.А. Становление концепции публичного порядка в современном международном частном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10 (62). С. 88-100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.088-100..

[10] Dsouza N.B. Should the Public Policy Exception Be Statutorily Defined? The Example of Indian Arbitration Law. Berlin: Peter Lang, 2023. 330 p. URL: DOI: 10.3726/b21193 (дата обращения: 25.07.2026).

[11] Al Mahdouri A. Public Policy and the Enforcement of AI-Generated Arbitral Awards // Journal of International Arbitration. 2025. Vol. 42, No. 6. P. 759–790. URL: DOI: 10.54648/JOIA2025047 (дата обращения: 25.07.2026).

[12] Конвенция Организации Объединённых Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). Официальный ресурс ЮНСИТРАЛ. URL: Официальный текст и статус (дата обращения: 25.07.2026).

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // http://pravo.gov.ru (дата обращения:28.07.2026).

[14] Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958 г.). Нью-Йорк: ООН, 2016. URL: Официальный PDF (дата обращения: 25.07.2026).

[15] International Council for Commercial Arbitration. ICCA's Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: A Handbook for Judges. 2nd ed. 2024; рус. перевод 2025. URL: Официальная страница ICCA (дата обращения: 25.07.2026).

[16] Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже». Статья 36. URL: Действующая редакция (дата обращения: 25.07.2026).

[17] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // URL: Действующая редакция (дата обращения: 25.07.2026).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». URL: Официальная публикация (дата обращения: 25.07.2026).

[19] Court of Justice of the European Union. Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV, Case C-126/97, Judgment of 1 June 1999, ECLI:EU:C:1999:269. URL: Официальная карточка дела (дата обращения: 25.07.2026).

[20] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026. О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации. Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 года № 11А/2026 // https://www.vsrf.ru/documents/all/36053(дата обращения: 22.08.2026).

References:

[1] Bogatina Yu.G. Public policy clause in private international law: theoretical problems and modern practice. M.: Statute, 2010. 408 pp.

[2] Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19. No. 2. P. 249-263. DOI: 10.1093/arbitration/19.2.249..

[3] Karabelnikov B.R. Enforcement and Challenge of International Commercial Arbitration Awards. Commentary on the New York Convention of 1958 and chapters 30 and 31 of the APK RF 2002. Third edition, revised and supplemented. M.: Statute, 2008.-604s.

[4] Van den Berg A.-Y. Why some arbitral awards cannot be enforced: Report at the 17th Conference of the International Council for Commercial Arbitration (ICCA). Beijing. May 2004 // International Commercial Arbitration. 2005. № 1. S. 38-62.

[5] Muranov A.I. Some aspects of the concept of "public order" in relation to international commercial arbitration in Russia. International law. 2001. № 5. S. 396-425.

[6] Kleinheisterkamp J. The Myth of Transnational Public Policy in International Arbitration // The American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 71, No. 1. P. 98–141. URL: DOI: 10.1093/ajcl/avad021 (accessed on: 25.07.2026).

[7] Landolt P. The Application of Public Interest Norms in International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2023. Vol. 39, No. 4. P. 469–514. URL: DOI: 10.1093/arbint/aiad047 (accessed on: 25.07.2026).

[8] Brun M.I. Public Order in Private International Law // Journal of the Ministry of Justice. 1916. № 1. S. 53-103.

[9] Shulakov A.A. The formation of the concept of public order in modern international private law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2019. № 10 (62). S. 88-100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.088-100..

[10] Dsouza N.B. Should the Public Policy Exception Be Statutorily Defined? The Example of Indian Arbitration Law. Berlin: Peter Lang, 2023. 330 p. URL: DOI: 10.3726/b21193 (accessed on: 25.07.2026).

[11] Al Mahdouri A. Public Policy and the Enforcement of AI-Generated Arbitral Awards // Journal of International Arbitration. 2025. Vol. 42, No. 6. P. 759–790. URL: DOI: 10.54648/JOIA2025047 (accessed on: 25.07.2026).

[12] United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958). UNCITRAL official resource. URL: Official text and status (accessed on: 25.07.2026).

[13] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // http://pravo.gov.ru (date of appeal: 28.07.2026).

[14] UNCITRAL Secretariat. Guide to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958). New York: UN, 2016. URL: Official PDF (accessed on: 25.07.2026).

[15] International Council for Commercial Arbitration. ICCA's Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: A Handbook for Judges. 2nd ed. 2024; Russian translation 2025. URL: ICCA official page (accessed on: 25.07.2026).

[16] Law of the Russian Federation of July 7, 1993 No. 5338-I "On International Commercial Arbitration." Article 36. URL: Current edition (accessed on: 25.07.2026).

[17] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) (amended and supplemented, entry effective from 01.01.2026) // URL: Current revision (accessed on: 25.07.2026).

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 10, 2019 No. 53 "On the fulfillment by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration, international commercial arbitration." URL: Official publication (accessed on: 25.07.2026).

[19] Court of Justice of the European Union. Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV, Case C-126/97, Judgment of 1 June 1999, ECLI:EU:C:1999:269. URL: Official file card (date of appeal: 25.07.2026).

[20] Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026. On the application by arbitration courts of legislation on special economic measures provided for in order to protect the national interests of the Russian Federation. Approved by Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2026 No. 11A/2026 // https://www.vsrf.ru/documents/all/36053 (date of appeal: 22.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-103-110

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: sko.05@mail.ru

‘СЛУЧАЙ’ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ‘СУДЕЙСКОГО ПРАВА’

Аннотация. *Вероятно, единственной «визитной карточкой» того, что можно назвать международное «судейское право», является неизбежное взаимодействие разных национальных традиций юриспруденции, включая не всегда гладкое «сожительство» национальных языков, определяющих специфику и объём профессионального имиджа каждого международноготсудьи. Если родной язык судьи не совпадает с главным официальным языком международного судопроизводства, то это не означает, что родной язык просто «отключается» и никак не проявляет себя в герменевтической технике данного судьи. Как ни парадоксально, искусственная профессиональная моноязычность крайне опасна именно для профессиональной деятельности международных судей. Их профессиональная коммуникация презюмирует свободный переход с одного языка на другой, если для этого существует «Sachzwang». Кстати, Яндекс-переводчик вообще не умеет перевести это немецкое слово на русский язык, а в качестве английского и французского эквивалентов предлагает слово «принуждение» (англ. «compulsion» фр. «contrainte», соответственно), но это весьма приблизительный перевод (см. подробнее ниже). Автор статьи убежден, что лингвистическая полифония международного ‘судейского права’ объективно вовлекает международных судей в практику того, что можно назвать «расширение семантических горизонтов» профессиональной деятельности. В качестве примера я взял термин «случай» и посредством систематического применения этимологического, семиотического и герменевтического подходов постарался показать, как всё это работает.*

Ключевые слова: *международное публичное право, международное ‘судейское право’, сравнительное языкознание, герменевтика, семантика, семиотика, теория аргументации.*

KOROLEV Sergey V.,
Chief scientific researcher of the International Law Department at the State and Law Institute (the Russian Academy of Sciences), doctor juris habil., full professor

‘CASE’ AS A LINGUISTIC PROBLEM OF THE INTERNATIONAL ‘JUDGES’ LAW’

Annotation. *Possibly the only ‘visiting card’ of what may be called the international ‘judges’ law’ turns out to be the inevitable coexistence of different national traditions of jurisprudence, including the often uneasy ‘cohabitation’ of national languages, which molded the professional image of any individual international judge. If the native language of an international judge does not coincide with the main language of professional discourse, it doesn’t mean that the native language is simply ‘switched off’ and plays no role in the process of professional hermeneutics. May it seem paradoxical, but the artificial professional ‘monolingualism’ is very dangerous precisely for professional activities of international judges. The professional communication of international judges presupposes free shift from one language to another, if there is a ‘Sachzwang’ to do so. By the way, the Yandex-translator refuses to translate this German word into Russian, as for translations into English and French they are ‘compulsion’ and ‘contrainte’, accordingly. But these translations do not cover the whole meaning of the word ‘Sachzwang’. The author holds that linguistic polyphony of the international ‘judges’ law’ objectively engages international judges into a special kind of activity which may be called ‘extension of semantic horizons’ of their professional hermeneutics. I have chosen a word ‘case’ for my research. I hope that my triple methodology (etymology + semiotics + hermeneutics) has yielded some modest results, which may be of interest for readers of this article.*

Key words: *international public law, international ‘judges’ law’, comparative linguistics, hermeneutics, semantics, semiotic, argumentation theory.*

На примере терминов «случай», «случайность», а также их иностранных «аналогов» я постараюсь выявить «лингвистические засады» для разноязычных судей международных судов, когда они прибегают к помощи герменевтики [10]. Начну с русского слова «случай». Не только у русскоязычного иностранца, но и у носителя русского языка это слово вызывает легкую настороженность. Как таковой «случай» малоинформативен: сразу возникает вопрос о квалификации конкретного случая, например, «счастливый случай», «несчастный случай», «дурацкий случай» и т.п.

Нередко слово «случай» имеет привкус «случайности». В книге «Случай» Эмиль Борель отмечает: «В сложных вопросах (например, разумна ли для игрока стратегия «ва-банк» – С.К.) здравый смысл должен руководиться результатами вычислений; формулы не создают духа тонкости, но облегчают его применение» [1]. Строго говоря, для математиков, а также физиков, химиков и других представителей естествознания «случайность» представляет собой невыявленную необходимость: «Сущность явлений, называемых нами случайными, заключается в их зависимости от причин слишком сложных для того, чтобы мы могли их все выявить и изучить» [1].

Следует согласиться с Борелем, что статистический метод, помогающий здравомыслящему человеку принимать решения в «серой зоне» между необходимостью и «разумной вероятностью», гораздо предпочтительнее, чем действия наугад. Однако, статистика эффективна лишь (1) в результате обработки достаточно большого массива накопленных данных и (2) при удачном решении заранее и корректно сформулированных задач.

С учётом сказанного, предложенная Борелем техника редукции «случайных событий» до рационально прогнозируемой «вероятности» вряд ли пригодна посетителей казино. Ещё менее она подходит для тестирования международного «случайного события» на предмет наличия в нём элементов «предсказуемости» в том смысле, что данное «случайное событие» в чём-то может оказаться «неслучайным» и тем самым, сгенерировать вопрос о его возможной «юридизации». Таким образом, статистические выкладки Бореля (1) недостаточно убедительны и (2) плохо согласуются с герменевтическими проблемами международного судопроизводства, поэтому от статистики переходим к семиотике.

«В начале было слово». Дерзну добавить, что «этим словом был глагол». В контексте этимологии, а также семиотики [7] праформой примитивной коммуникации между людьми можно считать повелительное наклонение глаголов. В принципе и теперь некое человеческое сообщество может иметь внутри себя примитивные микроструктуры, интерактивный режим которых держится по преимуществу на приказах, подкрепленных невербальными «ориентировками», вроде: «Иди! Возьми! Принеси! Подай! Уходи!»

Если это так, то нам не обойтись без помощи Владимира Ивановича Даля. В его словаре под рубрикой «Случай» находим соответствующий переходный глагол «со-лучать» [3]. Что именно означает это переходное действо, Даль поясняет ссылкой на слово «слуцый» из лексики уральских казаков (помолвка, обручение) [3]. Отсюда, можно сказать, что «со-лучай» это - номинативный «сгусток» совершенного переходного глагола «с(о)лучить» в смысле «со-обручить, сопрячь, соединить» и т.п.

Объём значения слова «случай» достаточно широк, чтобы включать в себя также значения слов «событие, соприсутствие и совпадение». Давайте рассмотрим три эти семантические взаимосвязи. Во-первых, каждый случай (в строгом этимологическом смысле) носит событийный характер. Другими словами, он буквально случается (объединяется) с «внешним» бытием другого (кого-то или чего-то). Случай в качестве события содержит в себе коннотацию некоей социальной связи внутри каждого события.

К примеру, я могу принципиально игнорировать мой день рождения. Но я не могу воспрепятствовать тому, чтобы он стал событием, независимым от моего субъективного отношения к нему. Таковым мой день рождения становится, когда меня - пусть даже чисто формально - начинают поздравлять люди. Тем самым, они со-бытийствуют в событии под названием «мой день рождения», как бы я сам к нему ни относился. Такую активность по поводу моего дня рождения уже нельзя рассматривать в контексте случайности, а, скорее, в контексте необходимости [12].

Во-вторых, случай может иметь специальную форму соприсутствия. Случай как событие всегда сфокусирован на содержательном аспекте, т.е. на важности, знаковости, символичности, статусности события для всех со-бытийствующих. Напротив, случай как соприсутствие фиксирует «релятивистскую формальность», например, в духе общей теории относительности А. Эйнштейна [11]. Другими словами, соприсутствие случилось, когда некие персонажи, а вместе с ними, быть может, и некоторые вещи просто оказались в одном и том же месте в одно и то же время. Ясно, что соприсутствие имеет особое значение для органов дознания во всех уголовных делах. Принцип соприсутствия как ориентир дознания помогает определить круг подозреваемых и возможных свидетелей.

В-третьих, случай нередко имеет интересный аспект совпадения. Так, в качестве маркеров

случая-совпадения В.И. Даль отмечает удобное время или удачное обстоятельство для чего-либо: «Купил коня по случаю». В любом случае, от «случая» уже невозможно отлучиться тому, с кем этот случай «совпал». Таким образом, всякий «случай» это - безвозвратное совпадение, избыть которое «соучастнику» этого «случая» невозможно. Итак, этимологически «случай случает» в одно время и в одном месте акторов, различные «вещи» и события, которые до этого (в такой уникальной констелляции) вместе не «случались».

В контексте сравнительного языкознания слово «совпадение» получает «неожиданное» расширение благодаря латыни. Правда, в латыни нет существительного, полностью аналогичного русскому термину «случай». Иначе говоря, там нет номинатива, который бы запечатлел собою действие, обозначенное глаголами «со-лучать, сопрягать, со-обручать» и т.п. Этимологически первичный для «случая» смысл («быль, факт, событие») передает латинский термин «casus». Он дословно означает «падение» (от глагола «cadere» - «падать»).

Для целей заявленного исследования интересны такие производные значения термина «casus», как «обстоятельства», «случайность», «превратность», «происшествие», «событие», «несчастье» [4]. Принцип этимологической чистоты, которого я стараюсь придерживаться, всё сразу ставит на свои места: итак, русское слово «со-лучай» открыто для толкования в смысле интерактивного режима, например, со-лучай» в смысле «помолвки»; латинское же слово «казус» (далее, везде в кириллице) везде в своих переносных смыслах сохраняет коннотацию «падения на..».

Другими словами, обстоятельства, случайности, превратности (судьбы), происшествия, события (благоприятные или нет) и, наконец, несчастья «падают» на человека с небес, вероятно, по воле богов или по их допущению. Можно сделать вывод, что термину «казус» присущ некий фатализм и соответствующий вектор воздействия - всегда «сверху вниз» без всякого намека на возможность социального взаимодействия, т.е. горизонтального «со-обручения» тех, кто вовлечен в данный «со-лучай».

Однако, термин «казус» весьма продуктивен как раз в контексте семиотики. Он позволяет расширить смысл термина «случай как совпадение». В самом деле, термин «случай» может означать «совпадение» двух (или более) казусов в одном и том же месте в одно и то же время. Скажем, два именитых ученых по официальному приглашению приехали на одну и ту же конференцию в один и тот же университет. Они как бы в тайне друг от друга всегда хотели встретиться. И вот приезд одного (казус № 1) точно совпал с приездом другого (казус № 2). В итоге два намеренных казуса реализовали совокупную случайность, которую, впрочем, можно трактовать и самостоятельный случай, т .е. казус № 3.

Не секрет, что в обыденном сознании русскоязычного человека существует глубинная ассоциативная связь между «случаем» и «случайностью». Эта связь носит асимметричный характер в том смысле, что объём термина «случай» в принципе открыт для специфического значения термина «случайность». Так, выражение «случайный случай» не следует «клеймить» как абсурдную тавтологию. Спору нет: в жизни людей преобладают как раз «неслучайные случаи» без эффекта удивления, испуга, растерянности, неожиданности, ступора, чувства досады или, наоборот, внезапного восторга. Однако, это не означает, что выражение «случайный случай» это – просто нелепость.

Собственный смысл выражения «случайный случай» сокрыт в его коннотации, а именно в том, что данный случай не дотягивает до стандарта нормального (неслучайного) случая. Возьмём пример из словаря В.И. Даля, где «случайный случай» чётко подпадает под понятие «ненормальный случай» но при этом сфокусирован на объективной стороне события, а не его субъективной оценке: «У нас был неслыханный случай: мужик в ведре утонул; стал пить в наклон, а перевясло закинулось на затылок, и захлебнулся! [3]»

Юридически - несмотря на неслыханность ситуации - речь идет о классическом несчастном случае. Любая смерь – это факт, т.е. случай-событие в первичном этимологическом смысле. Элементы неожиданности и непредвиденности юристов не интересуют. Во всяком случае, юристы легко могут переквалифицировать подобный факт в «неудачное стечение обстоятельств» или в «невезение».

Переходим к анализу английской версии «случайных» семантических игр. Выше было указано, что почти все значения русского термина «случай», за исключением идеи «со-лучения, сопряжения, со-обручения» входят в объём латинского термина «казус». В современном английском и французском языках он приобрел отчетливый юридический и – шире – бюрократический привкус. Английское слово «case» имеет две основные группы значений: в первую входят значения «дело», «случай», «обстоятельство», а также «пример», во вторую – «футляр», «чехол», «ящик» и «кейс» (= чемоданчик).

Сразу сделаю оговорку: русское слово «случай» применяется для перевода английского «case», похоже, лишь во вводных выражениях, типа «в этом случае…», «в таком случае…» и т.п. Интересно, что перевода на английский язык русских выражений «не наш случай» и «не наше

дело» так же, как и в русском языке, требуются разные существительные: «case» и «affair», соответственно. Таким образом, «affair», как и «business» (= дело предпринимателя) указывают на реальную активность, вовлеченность человека в гущу событий, а формалистское слово «case» указывает на шаблон, схему, и, в конечном итоге, на «ящик данных» или же «папку документов».

Носитель английского языка, скорее всего, будет толковать термин «case» в юридико-бюрократическом смысле, т.е. как «папку соответствующих материалов» под названием «дело Имярек». По контрасту, далевский «со-лучай» как (1) то, что сбылось и (2) то, что со-лучило кого-то с кем-то или с чем-то, вообще не входит в понятийный объём английского термина «case». Более того, для носителя английского языка «case» как «дело», т.е. как «папка документов» не имеет прямой ассоциативной связи с реальными делами в смысле «affair» или «business».

Французское слово «cas» как (псевдо-) аналог русского термина «случай» представлено в трехчастном синонимическом ряду и входит в первую его часть, наряду со словами «circonstance» (обстоятельства) и «affaire» (дело, в т.ч. любовная связь). Во вторую часть входят однокоренные слова «accident» (происшествие) и «incident» (инцидент, межличностная «склока»). Третья часть состоит из одного слова «fait» (факт, т.е. то, что свершилось). Удивительно, что яндекс-переводчик так далеко разводит русское понятие «случай» и французское понятие «fait». Напротив, Владимир Иванович Даль как раз и начинает с того, что «со-лучай» это, - прежде всего, «быль» или то, «что сталось, случилось, сбылось» [3].

Кака видим, базовый, а именно событийный аспект русскоязычного «случая» затёрт на задворки французского менталитета. Другими словами, международного судью-француза, быть может, придётся подвигать к мысли о том, что «le cas», который он рассматривает, это – прежде всего, некая совокупность соответствующих «les faits». Смею предположить, что, и для английского, и для французского менталитета «case» или «cas» означают примерно одно и то же, а именно «оформленный пакет документов», подготовленный для бюрократического оборота.

Правда, у французов для этого есть также специальное слово - «dossier», которое в русском языке известно под транслитерацией «досье», но это не имеет принципиального значения для нашего вывода о близости английского и французского менталитетов в рассматриваемом случае. Тем не менее, с точки зрения французского менталитета слово «le cas» несёт в себе коннотацию некоей незавершенности: лишь в тот момент, когда «le cas» («les faits») приобретает форму «dossier», т.е. именной папки документов, можно говорить о юридическом статусе данного «le cas».

Наконец, переходим к анализу заявленной темы на структурных примерах [9] немецкого языка. С одной стороны, немецкий термин «der Fall» дословно означает «падение», т.е., на первый взгляд, представляет собой лишь немецкую кальку латинского слова «casus», производного от глагола «cadere» («падать»). Но, с другой стороны, немецкий термин «der Fall» породил большую семью производных терминов. Вот наиболее известные среди них - Abfall (обвал), Anfall (припадок), Ausfall (сбой, авария), Durchfall (понос, провал на экзамене), Überfall (нападение), Unfall (несчастный случай), Unterfall (подвид), Verfall (упадок), Vorfall (происшествие), Zufall (случайность), Zwischenfall (инцидент или что не к месту вклинилось и нарушило обычный «порядок»).

Для целей нашего исследования следует особо остановиться на терминах Unfall (несчастный случай), Vorfall (происшествие), Zufall (случайность) и Zwischenfall (межличностная стычка, инцидент). Благодаря приставке «Un-» термин «Unfall» разделяет одну и ту же коннотацию беспорядка с такими словами, как «Unding» (нелепость), «Unfug» (неприличие), «Unsinn» (вздор), «Unrecht» (правонарушение). Таким образом, «Unfall» есть не что иное, как нелепый, дегенеративный «Fall».

Благодаря приставке «Vor-» слово «Vorfall» (происшествие) имеет коннотацию «переднего плана», предварительности, как и слова «Vorschrift» (предписание), «Vorschub» (продвижение), «Vorsitz» (председательство). Слову «Vorfall» можно дать развернутое описательное определение как «нечто неожиданно выпавшее наружу и вперед и каким-то образом нас задевшее».

Немецкий предлог «zu», как и его английский аналог «to», имеет в виду некое движение по направлению к говорящему: «Komm zu mir!» («Подойди ко мне!»). «Zufall» (случайность) это – нечто «упавшее» на нас нежданно-негаданно. Другими словами, «Zufall» это - прибыток проблем, как в позитивном, так и негативном смысле. Вариант № 1: кто-то случайно нашёл лотерейный билет, который выиграл миллион долларов. Вопрос: «что теперь делать с выигрышем»? Вариант № 2: при парковке водитель случайно отвлекся и слегка притерся к бамперу впереди стоящей машины. Вопрос: «как искать пострадавшего автовладельца и надо ли?».

За рамками моего исследования я намеренно оставил модную нынче тему соотношения «космического порядка» и «космического хаоса». Во-первых, эту тему прочно «оседлали» сторонники теории хаоса, вроде микробиолога Жака Моно [13]. Для них «порядок», о котором, например, печётся юриспруденция, всего лишь «человеческий артефакт». Однако, всякое человеческое дело «распадчиво» [5]. Во-вторых, логически

невозможно рассуждать о «хаосе» в «терминах хаоса»: любой термин представляет собой – так или иначе – упорядоченную категорию. Соответственно, «теория хаоса» на собственной «основе» невозможна. Возможна лишь теория «упорядоченного хаоса».

Как бы то ни было, «mainstream» среди математиков и естествоиспытателей не признаёт за «случайностью» собственного (метафизического) бытия, автономного по отношению к «необходимости». Что касается гуманитариев, то они гораздо более благосклонны к «случайным событиям, недоразумениям, глупостям» и т.п [12].

Рюдигер Бубнер вслед за Аристотелем утверждает, случайно то, что не имеет причины. В свою очередь, причина это - то, что «делает» так, чтобы нечто вообще было и было именно таким, каким оно есть, т.е. как оно нам является [6]. Ключевое слово здесь глагол «делает». Он не только обеспечивает прочную связь феномена с его причиной, но также много чего «делает» в сфере случайного. Любой человек формирует («делает») свой опыт случайно, причем в двойном смысле: накопленный им опыт является суммой случайностей, с другой стороны, отдельные испытания, которые «случаются» с данным человеком, всегда случайны в том, по какому поводу они человека «настигают» и как именно он их «встречает» [6].

Переходим к анализу немецких слов, которые начинаются с предлога «zwischen» («между»): Zwischenbericht (промежуточный доклад), Zwischenbilanz (промежуточный баланс), Zwischenlager (промежуточный лагерь). Этимологически предлог «zwischen» восходит к числительному «zwei» («два») и символизирует промежуточное состояние, итог, результат между каким-то началом и (прогнозируемым) завершением. Я бы предпочёл трактовать слово «zwischen» в смысле общей теории относительности А. Эйнштейна [11], а именно как «нечто» меж-пространственное и одновременно меж-временное.

Слово «Zwischenfall», скажем, в перспективе офисного начальника может означать некую «загвоздку». Она может иметь место либо в пространстве, например, «стычка» босса с одной из дерзких сотрудниц между его кабинетом и корпоративной столовой, либо она может «растекаться» во времени, например, между внезапным распоряжением босса в адрес подчиненного что-то немедленно сделать и приступом ярости со стороны подчиненного, когда, вернувшись на рабочее место, он начинает громить свой офисный компьютер. Итак, «Zwischenfall» есть нечто неприятное или даже шокирующее, что «упало» к нам от кого-то совсем некстати и как-то нас озаботило в тот период, когда мы беззаботно перемещались в пространстве и, соответственно, во времени.

От анализа немецкой лексики вокруг слова «der Fall» переходим к анализу немецкого менталитета. Следует сразу отметить, что «der Fall» - в отличие от английского «case» и французского «cas» - имеет четкую смысловую связь с первичным значением слова «случай» в контексте словаря В.И. Даля. Иначе говоря, «der Fall» - не просто «падение», а «падение как со-бытие». Согласно немецкому менталитету, дело не в «падении» как таковом, а в том, что нечто «упало» (к нам или на нас) и теперь «оно» с нами и нам с этим надо что-то делать.

Благодаря Людвигу Витгенштейну, «der Fall» приобрел статус философского термина. Знаменитый «Логико-философский трактат» Витгенштейна фактически содержит в себе вопрос: «Was ist der Fall?» [2]. Но было бы опрометчиво переводить этот лингвистически беспроблемный вопрос дословно, а именно как «Что есть случай?». В русском переводе этот вопрос требует лексической трансформации и, соответственно, семантического расширения. Фактически вопрос Витгенштейна сводится к философской проблеме: «Что есть нечто «упавшее» (сюда к нам), а мы это «нечто» никак не можем игнорировать?». Итак, вопрос Витгенштейна «Was ist der Fall?» по-русски сводится к вопросу: «Что имеет место?». Лишь то, что имеет место в нашем мире, нам является в качестве феномена, а не просто как иллюзия, кажимость, фантом и т.п.

Позднее выдающийся немецкий социолог Никлас Луман дополнил вопрос «Was ist der Fall?» («что именно имеет место?») вопросом «Was steckt dahinter?» («что за этим кроется?»). По мнению Лумана, простая констатация присутствия чего-то в нашем мире помимо нас самих (некоего явления, или феномена) неизбежно подводит нас к оценке нашего соприсутствия с этим феноменом, т.е. к поиску ответа на вопрос: «Was steckt dahinter?» («что за этим кроется?»). Другими словами, любая наша констатация в тенденции порождает нашу интерпретацию, а если второе отсутствует, то и первое само по себе бессмысленно [14].

Возвращаемся к первому тезису Логико-философского Трактата Витгенштейна: «Die Welt ist alles, was der Fall ist» [15] («мир есть всё, что имеет место»). В рамках заявленной темы мы можем сократить его и переформулировать: «Was ist der Rechtsfall»? В русском переводе вопрос будет звучать так: «Что юридически имеет место (в этом мире)»? Обычно термин «Rechtsfall» немецко-русские словари переводят как «судебное дело». Но по смыслу гораздо ближе к этимологии оригинала будет русское слово «правовой случай». Во-первых, не каждый такой случай доходит «до суда». Во-вторых, не для всякого такого случая удаётся найти соответствующего причинителя, т.е. «делателя» этого случая.

Выводы:

Если применить метод структурной семантики Грейма [9], то нет препятствий для семантического расширения термина «Rechtsfall», поместив его в структурную цепочку понятий «Tatsache» и «Sachverhalt». Слово «Tatsache» принято считать немецким аналогом латинского «Factum» (досл. «сделанное»). В самом деле, гениальное двусложное слово «Tat – Sache» символизирует единство слов «die Tat» (дело) и «die Sache» (вещь). Фактически речь идёт о ёмкой и красивой метафоре «дело, ставшее вещью».

Надо, впрочем, иметь в виду, что существительное «Sache» можно рассматривать как номинативный аналог старонемецкого глагола «sahhan» («спорить, ругаться, искать»). Соответственно, «Rechtsfall» (правовой случай) в процессуальном плане принимает форму «Rechtssache» (юридический спор). Однако, в современном немецком языке слово «Sache» стало означать некий материальный объект, т.е. «вещь, предмет» [8].

В немецком языке сосуществуют два глагола со значением «делать что-либо», а именно «tun» и «machen». Первый подчеркивает чисто процессуальный аспект «делания» как такового. Второй же нацелен на некую результативность «делания». Например, похвала «хорошо сделано»! по-немецки будет звучать не «gut getan», а «gut gemacht»! Тем не менее, слово «Tat – Sache» содержит коннотацию того, что однажды начатое «делание» - даже бесцельное, даже вроде безобидное – может «отделиться» от своего делателя, приняв некую форму «внешней вещи». Более того, внешние наблюдатели при этом получают возможность противопоставить эту «вещь» её же «делателю» (см. ниже).

Совместив этимологии немецкого слова «der Fall» («падение») и русского слова «случай» («совмещение, совпадение»), русскоязычный международный судья получает возможность протестировать тот или иной факт, зафиксированный в «судебном деле». Иначе говоря, он может попробовать применить к такому факту формат под названием «der Fall als Tat-Sache». При таком ракурсе тестируемый факт рассматривается как «случай, объективно отчужденный от своего «делателя» и, вероятно, юридически упавший ему же на голову».

Таким образом, факт, подпадающий под формат «der Fall als Tat-Sache», становится доступным для «со-лучения» с идеей юридической ответственности «делателя». Последний в Juristendeutsch известен под техническим термином «der Täter». Для обоснования возможного привлечения «делателя» к юридической ответственности судья должен найти для себя ответ на гипотетическую тавтологию «а могло ли всё быть иначе, если бы делатель не стал делать своё делание?»

Совсем иначе обстоит дело с герменевтическим форматом под названием «der Fall als Sach-Verhalt». К этимологии слова «Sache» мы ещё вернёмся в другом контексте, но в общих чертах смысл этого слова мы уже выяснили. Что касается, слова «Verhalt», то оно этимологически связано со старонемецким глаголом «farhaltan», что означает «сдерживать, стеснять» [8]. Таким образом, в значение термина «Sach-Verhalt» входит идея о том, что вещи суть объективно сдерживающий фактор. В определенной констелляции «вещи» могут «вести себя» (sich verhalten) так, что фактически «не позволяют» интерпретатору ставить гипотетические вопросы: «А что если…». Приходит на ум устойчивое выражение: «Факт – упрямая вещь».

Важно отметить, что оценку фактов судебного дела в формате «der Fall als Sach-Verhalt» трудно назвать герменевтикой в строгом смысле. Этот формат как бы сам себя навязывает судье, если вопрос о «делателе» данного Sach-Verhalt'a не возникает. Иначе говоря, «делатель» (der Täter в широком смысле) либо неизвестен, либо в констелляции данного Sach-Verhalt'a избыточен или вообще невероятен. Соответственно, «der Fall als Sach-Verhalt» не имеет коннотации юридической ответственности лица. Обычно случай как Sach-Verhalt толкуется в терминах «стечения обстоятельств», поэтому гипотетическая тавтология «а могло ли всё быть иначе, если бы некто не стал что-то делать?» здесь «не работает».

Следует также отметить, что немецкий язык располагает и другими двусложными словами, первый элемент которых образует слово «Sache», например, «Sachlage» и, особенно, «Sachzwang». Слово «Sach-Lage» удачно переводится на русский язык как «положение (Lage) вещей (Sachen)». Казалось бы, этот же путь перевода открыт и для термина «Sachzwang», а именно как «принуждение (Zwang) вещей (Sachen)».

Однако, такая версия перевода чужда русскоязычному менталитету, поскольку она «контрабандой» продавливает две экзотические мысли, а именно, во-первых, мысль о том, что «вещи квази-волеспособны и поэтому могут принуждать людей к чему-то» и, во-вторых, «вещи могут сопротивляться, как и люди, и тогда их надо принуждать». Таким образом, указанный перевод («принуждение вещей») провоцирует у русскоязычного менталитета двойной когнитивный ступор: (1) обе интерпретации одинаково абсурдны и (2) формальный выбор в пользу одной из них сам будет абсурдным, так как отсутствует рациональный критерий выбора.

Однако, не следует отсюда делать скороспелые выводы и подозревать немецкоязычный

менталитет в имманентной абсурдности «по поводу вещей». Дело в том, что русское слово «вещь» по смыслу и своей функции тяготеет к миру «внешних объектов». В словаре Владимира Ивановича Даля в качестве ближайшего синонима для «вещей» упоминается пренебрежительное слово «пожитки» [3]. Русский менталитет никогда не отождествляет себя с «вещным миром» вообще и отдельными «вещами», в частности.

Напротив, немецкое слово «Sache» тяготеет к «внутреннему (антропологическому) миру». Так, «пожитки» и всякие «шмотки» немец называет пренебрежительным словом «Klamotten», но никогда словом «Sachen». Немцу комфортно позиционировать себя и даже отождествлять себя как личность через понятие «Sache». Русский скажет: «Это не моё дело», но немец в аналогичной ситуации скажет: «Das ist nicht meine Sache» (досл. «это не моя вещь»). Разгадка такой «вещественности» немецкой души совсем рядом: дело в том, что слово «Sache» и слово «Suche» (поиск) [8] семантически «произрастают» из одного и того же старонемецкого «корневища». Слово «Sache» означает для немца вовсе не любую «вещь» (в русскоязычном смысле), а только такую, в которую он вложился душой, по которой он будет тосковать в случае пропажи и поэтому будет её искать.

В итоге можно сказать: для русского менталитета любые «пожитки», даже материальный хлам легко подпадают под категорию «вещи»; для немецкого менталитета слово «Sache» - так или иначе – имеет коннотацию субъективной и даже душевной связи «вещи» с конкретным человеком. Другими словами, когда немец говорит: «Das ist meine Sache!», он имеет в виду некую «вещь» как свое «личное дело», за которое он несёт ответственность. Слово «Sachzwang» следует понимать в том смысле, что «моя вещь, она же моё дело, заставляют меня принять такое-то решение, совершить такой-то поступок».

Список литературы:

[1] Борель Э. Случай. – М.: ГИЗ. – 1923.

[2] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: Издательство АСТ. – 2018.

[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4 – М.: Рипол Классик. – 2006.

[4] Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык. – 1976. – сс. 162-163.

[5] Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. – М.: Русский путь. – 2000.

[6] Bubner R. Die Aristotelische Lehre vom Zufall // Kontingenz (herausgegeben von G. von Graevenitz und Odo Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[7] Chandler D. Semiotics: the Basics. 2nd Edition. – London, N.Y.: Routledge. – 2002.

[8] Duden. 5-te Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag – 2003.

[9] Greimas A.J. Strukturale Semantik [1966]. Übersetzung aus dem Französischen von J. Ihwe. – Brauschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1971.

[10] Grondin J. Einführung in die philosophische Hermeneutik. 2-te Aufl. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 2001.

[11] Laue M. Die Relativitätstheorie. – Braunschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1921.

[12] Makropoulos M. Kontingenz und Handlungsraum // Kontingenz (Hrsg. von G. von Graevenitz u Marquard O. Apologie des Zufälligen. – Stuttgart: Philipp Reklam jun.- 1986.nd O. Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[13] Monod J. Zufall und Notwendigkeit (verdeutscht von Fr. Griese). – München: DTV. – 1975.

[14] Luhmann N. „Was ist der Fall?“ und „Was steckt dahinter?“ - Bielefeld: Stadt-Blatt Verlag. – 1993.

[15] Wittgenstein L. - Tractatus logico-philosophicus. - http://www.geocities.jp/red_mad_hatter/Tractatus/jonathan/D.html.

References:

[1] Borel E. Case. - M.: GIZ. – 1923.

[2] Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. Per. from the German L. Dobroselsky. - M.: AST Publishing House. – 2018.

[3] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. T.4 - M.: Ripol Classic. – 2006.

[4] Butler I.Kh. Latin-Russian dictionary. - M.: Russian language. – 1976. - ss. 162-163.

[5] Solzhenitsyn A.I. Russian dictionary of language extension. 3rd ed. - M.: Russian way. – 2000.

[6] Bubner R. Die Aristotelische Lehre vom Zufall // Kontingenz (herausgegeben von G. von Graevenitz und Odo Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[7] Chandler D. Semiotics: the Basics. 2nd Edition. – London, N.Y.: Routledge. – 2002.

[8] Duden. 5-te Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag – 2003.

[9] Greimas A.J. Strukturale Semantik [1966]. Übersetzung aus dem Französischen von J. Ihwe. – Brauschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1971.

[10] Grondin J. Einführung in die philosophische Hermeneutik. 2-te Aufl. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 2001.

[11] Laue M. Die Relativitätstheorie. – Braunschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1921.

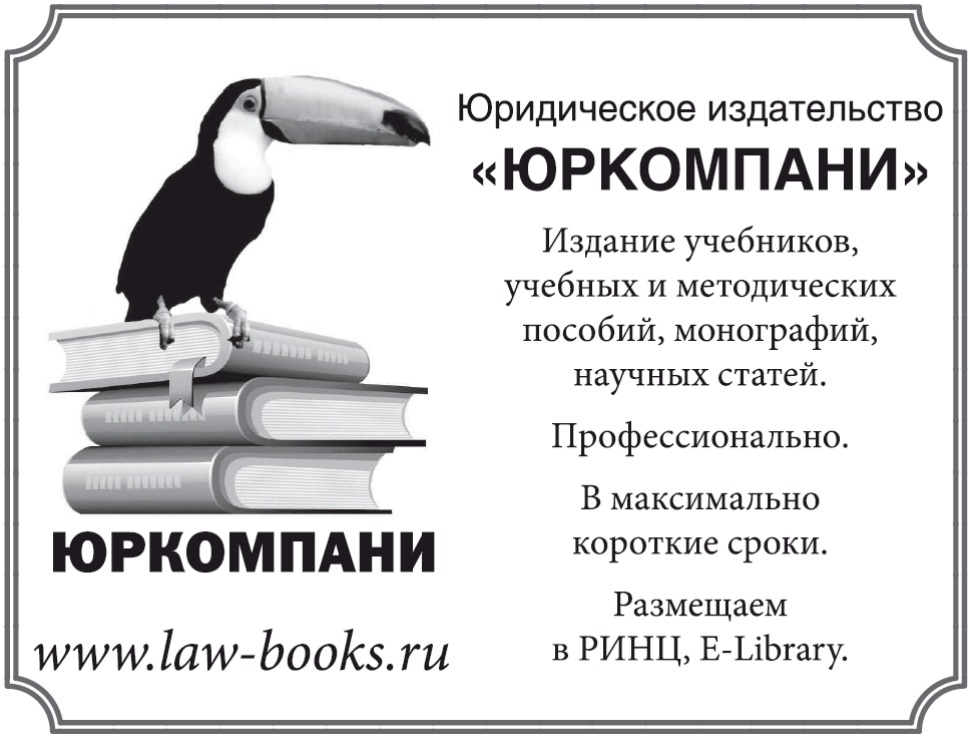
[12] Makropoulos M. Kontingenz und Handlungsraum // Kontingenz (Hrsg. von G. von Graevenitz u Marquard O. Apologie des Zufälligen. –

Stuttgart: Philipp Reklam jun.- 1986.nd O. Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[13] Monod J. Zufall und Notwendigkeit (verdeutscht von Fr. Griese). – München: DTV. – 1975.

[14] Luhmann N. "Was ist der Fall?“ und "Was steckt dahinter?“ - Bielefeld: Stadt-Blatt Verlag. – 1993.

[15] Wittgenstein L. - Tractatus logico-philosophicus. - http://www.geocities.jp/red_mad_hatter/Tractatus/jonathan/D.html.



Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-111-117

МИРЗАЕВ Фархад Сабир Оглы,
Кандидат юридических наук, PhD (Университет Лестера, Великобритания). Старший партнер международной юридической фирмы BM Morrison Partners, Дубай, ОАЭ,
ORCID 0000-0001-8219-3448,
e-mail fmirzayev@gmail.com

ГРАНИЦА МЕЖДУ США И КАНАДОЙ. ПОЧЕМУ «ИСКУССТВЕННАЯ ЛИНИЯ» ОСТАЕТСЯ ЮРИДИЧЕСКИ НЕПРИКОСНОВЕННОЙ

Аннотация. *Отправной точкой исследования стало резкое ухудшение отношений между США и Канадой в 2025-2026 гг. Дональд Трамп называл общую границу искусственной, предлагал Канаде войти в состав США в качестве 51-го штата, а также подкреплял эти заявления тарифным давлением. В связи с этим возникает вопрос о том, какую роль в правовом основании границы играет принцип uti possidetis juris и способна ли нынешняя политико-экономическая конфронтация поколебать уже установленную линию. При подготовке статьи сопоставлены договоры 1783-1925 гг., решения международных судебных и арбитражных органов, материалы Международной пограничной комиссии, акты США и Канады, а также российские и западные исследования. Применены формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Проведенный анализ показывает то, что сухопутная граница США и Канады не сводится к классической модели uti possidetis. Ее отдельные участки последовательно устанавливались договорами, арбитражем, комиссиями и съемкой на местности. Принцип сохраняет дополнительное значение т.к. не допускает территориального вакуума при смене суверена, однако после договорного определения линии решающими становятся стабильность границ и правопреемство в отношении пограничных договоров. Тарифы, политическая риторика и экономическая зависимость не создают территориальных прав. Даже выраженная на референдуме воля населения Канады не изменила бы границу автоматически. Для этого потребовались бы конституционные процедуры Канады, согласие ее провинций, международный договор и самостоятельное волеизъявление государства. Оставшиеся морские разногласия не опровергают устойчивость сухопутной границы и должны решаться отдельно.*

Ключевые слова: *uti possidetis juris, США, Канада, государственная граница, правопреемство государств, пограничные договоры, территориальная целостность, экономическое давление, 51-й штат, Дональд Трамп.*

MIRZAYEV Farhad Sabir Oglu,
andidate of Legal Sciences, PhD in Law, University of Leicester, United Kingdom. Senior Partner, BM Morrison Partners international law firm, Dubai, UAE

THE US-CANADA BORDER. WHY THE “ARTIFICIAL LINE” REMAINS LEGALLY INVIOLABLE

Annotation. *The article examines the legal character of the United States-Canada border against the sharp deterioration of bilateral relations in 2025-2026. President Donald Trump repeatedly described the border as an artificial line, proposed that Canada become the 51st state, and linked tariff pressure with questions of Canadian sovereignty. The study seeks to determine the role of uti possidetis juris in the legal foundation of the border and whether present political and economic pressure can affect its stability. It considers the treaties concluded between 1783 and 1925, decisions of international courts and tribunals, documents of the International Boundary Commission, official acts of the United States and Canada, and Russian and Western scholarship. Formal legal, historical legal and comparative legal methods are used. The article argues that the land border is not a classic product of uti possidetis. Its sectors were successively established by treaties, arbitration, joint commissions and surveys. The principle retains a subsidiary function because it prevents a territorial vacuum when sovereignty changes, but once a line has been agreed, boundary stability and succession to boundary treaties become decisive. Tariffs, political rhetoric and economic dependence do not create territorial rights. Even a clear referendum vote in Canada*

would not alter the border automatically. Canadian constitutional procedures, provincial consent, an international agreement and the state's independent expression of will would still be required. The remaining maritime disagreements do not undermine the stability of the land border and must be addressed separately.

Key words: *uti possidetis juris, United States, Canada, state boundary, state succession, boundary treaties, territorial integrity, economic pressure, 51st state, Donald Trump.*

Введение

Еще недавно границу между США и Канадой приводили как пример того, что точно установленная линия может почти исчезнуть из повседневного восприятия. На ней нет военной стены, а значительная часть хозяйственной жизни по обе стороны строилась на открытом рынке и устойчивых связях. Ее юридическое значение стало заметнее именно тогда, когда политическая риторика перестала быть привычно добрососедской.

В 2025 г. президент США Дональд Трамп назвал линию между двумя странами искусственной, говорил о Канаде как о возможном 51-м штате и утверждал то, что канадская экономика не способна нормально существовать вне США [21]. Одновременно администрация США использовала тарифы под предлогом угроз, связанных с миграцией и незаконным оборотом наркотиков через северную границу [20]. В 2026 г. спор вышел на новый уровень. США ввели дополнительные 50-процентные тарифы на ряд канадских товаров, а Канада приостановила переговоры и объявила зеркальные меры, отдельно подчеркнув защиту своего суверенитета [22], а также [23].

Формула об «искусственной линии» ставит вполне юридический вопрос. Если граница проведена по параллели, реке или между геодезическими знаками, становится ли она менее обязательной, чем линия, совпадающая с горами или расселением народов. История территориальных споров дает отрицательный ответ. Практически всякая граница в определенной мере искусственна т.к. природный объект сам не решает пределы государственной власти. Это делает договор, решение суда либо унаследованная административная линия [5], а также [6, с. 88-104].

Цель статьи состоит в определении места uti possidetis juris в правовом основании американско-канадской границы. Для этого необходимо отделить возникновение США от последующего формирования Канады, установить соотношение принципа с пограничными договорами, а также проверить, имеет ли нынешнее экономическое давление территориально-правовое последствие. Исторический материал используется там, где он объясняет действующую линию. Uti possidetis не возвращает стороны к удобной эпохе, а фиксирует исходное положение на критическую дату [1, с. 43-53], а также [2, с. 56-77].

1. Почему эта граница не является обычным случаем uti possidetis

Классическая конструкция uti possidetis juris предполагает превращение внутренней административной линии в международную границу при появлении новых государств. Международный суд ООН в деле Буркина-Фасо и Мали связал принцип с сохранением пределов, существовавших в момент независимости, а также с недопущением территориальной неопределенности [17, п. 20-26]. В литературе спорят о широте этой формулы, но ее практическая задача остается ясной. Новое государство получает территорию в тех юридических пределах, в которых оно возникло [3, с. 24-29], а также [7, p. 97-103] и [8, p. 590-597].

Северный предел США формировался иначе. Парижский договор 1783 г. одновременно признал новое государство и описал линию, отделявшую его от британских владений в Северной Америке. Поэтому в момент появления США действовали сразу две правовые идеи. Первая сохраняла пространственные пределы освободившейся территории, а вторая прямо закрепляла согласованную международную линию. Там, где договор давал ответ, не было необходимости выводить ту же границу исключительно из uti possidetis.

Это различие не является спором о названиях. Принцип помогает установить исходную территорию, когда новый суверен унаследовал старые административные пределы. Договор может выбрать иную линию, уточнить ее или обменять участки. В таком случае воля сторон имеет самостоятельное значение [9, p. 173-181], а также [10, p. 61-87]. Американско-канадская граница складывалась именно таким путем.

Постепенное становление Канады не дает простой критической даты. Статус доминиона относится к 1867 г., Вестминстерский статут к 1931 г., а завершение конституционного разрыва с британским парламентом к 1982 г. К этому времени северная граница США давно была международной. Канада унаследовала действовавший пограничный режим. Поэтому uti possidetis подтверждает непрерывность, но не заменяет договорную основу.

2. Граница, которую не провели одним движением линейки

Слова об искусственно проведенной прямой линии дают неверное представление о происхождении границы. Ее длина составляет 8891 км, а современная линия основана примерно на двадцати договорах, соглашениях и решениях [12].

Даже участок по 49-й параллели появился не сразу и не охватывает всю границу.

Парижский договор 1783 г. использовал названия рек, озер и пунктов, география которых была известна неточно. Один из изъянов описания был связан с Лесным озером. От его северо-западной точки линию предполагалось вести на запад к Миссисипи, но река не достигала указанной широты. По Договору Джея 1794 г. вопрос о том, какая именно река является Сент-Круа, должна была решить комиссия. Гентский договор 1814 г. передал комиссиям вопросы островов и участков через Великие озера. Конвенция 1818 г. провела линию по 49-й параллели от Лесного озера до Скалистых гор. Договор Уэбстера-Ашбертона 1842 г. урегулировал северо-восточный участок, а Орегонский договор 1846 г. продолжил линию до Тихого океана с отступлением, которое сохранило остров Ванкувер за британской стороной [12].

Аляскинский участок имеет еще более сложное происхождение. Его отправной основой была англо-русская конвенция 1825 г. После покупки Аляски США унаследовали российские права, а спор о толковании линии с британскими владениями был передан трибуналу. Решение 1903 г. определило прохождение значительной части границы [13]. Здесь видно то, что правопреемство и договорное толкование способны действовать вместе. США не получили возможность заново выбрать удобную линию после приобретения Аляски. Они вступили в прежнее территориальное положение России, а не создали его с нуля.

Договор 1908 г. поручил совместной комиссии обследовать и нанести линию от Атлантического до Тихого океана. Договор 1925 г. сделал комиссию постоянной и обязал ее поддерживать эффективную пограничную линию [14]. Геодезическая съемка показывала, где находится уже согласованная граница. При расхождении абстрактной параллели и принятой демаркации значение имеет совокупность договора, работы совместных органов и поведения сторон [11, p. 9-33].

3. Где заканчивается uti possidetis и начинается стабильность договорной границы

После согласования линии принцип выполняет более узкую работу. Он не позволяет утверждать то, что при каждой смене международного статуса территории прежняя граница исчезает и должна создаваться заново. Однако непосредственное основание конкретных координат уже следует искать в договоре и связанных с ним материалах.

Международный суд ООН четко разграничил эти ситуации в деле Ливии и Чада. Суд не стал исследовать древние права, осуществление власти и uti possidetis, т.к. договор 1955 г. полностью определял границу. Согласованная линия приобретает самостоятельную юридическую жизнь и сохраняется независимо от дальнейшей судьбы договора [18, п. 72-75]. Эта логика точно подходит к отношениям США и Канады. Изменение торгового режима, состава правительства или уровня политического доверия не возвращает стороны к картам XVIII в.

Обе Венские конвенции оставляют пограничные соглашения за пределами обычной логики прекращения договоров. Статья 62 Конвенции 1969 г. исключает ссылку на коренное изменение обстоятельств, если договор устанавливает границу [15]. По ст. 11 Конвенции 1978 г. правопреемство государств само по себе не затрагивает границу и ее режим [16]. У второй Конвенции нет всеобщего круга участников, однако выраженное в ней правило опирается на более широкую практику.

В этом состоит ограниченная, но реальная роль uti possidetis для Канады. Принцип закрывает предполагаемый разрыв между британским и канадским суверенитетом. Он не дает считать то, что после получения Канадой полной самостоятельности пограничные договоры остались в прошлом вместе с полномочиями Лондона. Но содержание линии определяется не принципом в отвлеченном виде, а договорами, решениями и официальной демаркацией.

Такой вывод отличается и от чрезмерно широкой, и от чрезмерно узкой трактовки uti possidetis. Если объявить принцип единственным источником границы, будут потеряны договорные изменения. Если полностью исключить его, останется необъясненным то, почему смена суверена не создала территориального вакуума. Сначала принцип обеспечивает непрерывность, затем договор устанавливает линию, а стабильность границ защищает результат [4, с. 12-23], а также [7, p. 122-129].

4. Риторика 51-го штата и пределы экономического давления

Весной 2025 г. Дональд Трамп повторил то, что Канада могла бы стать штатом США, а прямую линию на карте назвал лишенной смысла [21]. В 2025-2026 гг. к этой риторике добавились тарифы. Белый дом связал первые меры с чрезвычайной ситуацией на северной границе [20]. В июле 2026 г. торговое представительство США объявило новые 50-процентные тарифы по разделу 338 Закона о тарифах 1930 г. [22]. Канада ответила прекращением переговоров, зеркальными тарифами и заявлением о том, что не поступится самостоятельностью [23].

Эти события не открывают территориальный спор. Тариф может нарушать торговое соглашение, быть ответной мерой либо инструментом переговоров. Ни одна из этих квалификаций не

переносит границу и не создает у США прав на канадскую территорию.

Запрет угрозы силой в статье 2 Устава ООН прежде всего относится к вооруженной силе. Нельзя без обоснования приравнять высокий тариф к нарушению этого запрета. Вопрос о пределах запрещенного экономического принуждения остается дискуссионным. Для границы это не меняет исхода. Нет договора о передаче территории, согласия Канады на присоединение, а также признания американского суверенитета.

Канадские ответы имеют противоположный смысл. Оттава отвергает возможность присоединения и рассматривает экономические меры как угрозу самостоятельности [23]. Поэтому нельзя говорить ни о молчаливом согласии, ни о практике, меняющей пограничные договоры. Повторение формулы о 51-м штате не накапливает юридическую силу.

Экономическая зависимость не является формой территориального верховенства. Общая инфраструктура, торговля и оборонная кооперация относятся к межгосударственным отношениям. Неравенство возможностей не отменяет суверенного равенства. Иначе любая страна с одним главным рынком сбыта могла бы считаться частью более сильного соседа.

5. Почему даже референдума было бы недостаточно

Предположение о добровольном превращении Канады в штат США также не снимает юридических препятствий. Международное право допускает изменение границы по согласию государств. Международный суд ООН прямо указывал то, что стороны могут изменить ранее установленную линию взаимным соглашением [18, п. 72-73]. Однако согласие должно исходить от компетентных органов и быть выражено свободно.

В Канаде общенациональный референдум сам по себе не создал бы нового государства и не прекратил бы существование прежнего. Верховный суд Канады в заключении по вопросу отделения Квебека установил то, что ясное большинство, ответившее на ясный вопрос, порождает обязанность начать переговоры, но результат голосования не имеет автоматического юридического действия [19, п. 87-92]. Присоединение всей Канады к США потребовало бы еще более глубокого изменения конституционного строя.

Такое решение затронуло бы монархию, федеральные органы, провинции, права коренных народов и канадскую Хартию прав и свобод. Изменение должности монарха, генерал-губернатора и лейтенант-губернаторов требует согласия Сената, Палаты общин, а также всех провинций [26, ст. 41]. Поэтому договор двух правительств или простое большинство голосов не могли бы законно упразднить Канаду.

На американской стороне также потребовались бы конституционные решения. Конгресс вправе принимать новые штаты, но эта норма не позволяет президенту присоединить иностранное государство заявлением. Сторонам пришлось бы договориться о территории, долгах, гражданстве, международных обязательствах, правах провинций и коренных народов. Uti possidetis не запрещает добровольное объединение, но исключает презумпцию того, что более сильный сосед уже приобрел территорию из-за географии или торговли.

6. Неурегулированные морские участки не делают сухопутную границу временной

Между США и Канадой остаются разногласия в заливе Мэн у острова Макиас-Сил, у входа Хуан-де-Фука, в районе Диксон-Энтранс, а также в море Бофорта. Их часто соединяют с сухопутной границей, хотя правовые вопросы различаются. В 1984 г. камера Международного суда ООН провела единую морскую границу в заливе Мэн, но вопрос о суверенитете над Макиас-Сил не входил в переданный спор [25]. В 2024 г. США и Канада создали совместную группу для переговоров по морю Бофорта, где стороны по-разному толкуют англо-русскую конвенцию 1825 г. [24].

В море Бофорта канадская позиция продолжает линию сухопутной границы по 141-му меридиану, тогда как США исходят из морской делимитации по равноудаленной линии. Это хороший пример предела uti possidetis. Принцип может объяснить наследование исходной сухопутной конечной точки и прежних договорных прав России и Великобритании. Он не дает автоматического ответа на проведение современной границы континентального шельфа и исключительных экономических зон. Здесь применяются специальные правила морского права, договорное толкование и требования справедливого результата.

Такие разногласия не превращают 8891 км установленной линии в спорную территорию. Стороны отделяют согласованные участки от несогласованных, поддерживают знаки через постоянную комиссию, передают вопросы суду или ведут переговоры. Даже тарифная конфронтация не отменила пограничные договоры.

Заключение

Американско-канадская граница возникла не из одного принципа. Парижский договор 1783 г. соединил признание нового государства с описанием его северных пределов. Последующие договоры, комиссии, арбитраж 1903 г. и съемка устранили основную неопределенность.

Принцип uti possidetis juris сохраняет значение в двух пределах. Он подтверждает территориальную непрерывность при появлении США

и последующем становлении полностью суверенной Канады, а также не допускает то, чтобы смена суверена открывала прежние пределы для нового раздела. Но конкретное прохождение границы определяется договорами. После их заключения главной становится самостоятельная устойчивость согласованной линии.

Нынешнее обострение делает этот вывод практически важным. Слова об искусственной границе, предложение стать 51-м штатом, тарифы и экономическая асимметрия не создают территориальных прав США. Они также не образуют согласия Канады. Возможное объединение двух государств потребовало бы свободного волеизъявления Канады, сложной конституционной процедуры, согласия провинций, решения американского Конгресса и международного договора. До этого момента линия остается границей независимо от того, насколько убедительной она кажется президенту одной из сторон на карте.

Оставшиеся морские споры требуют отдельного урегулирования. Они подтверждают не слабость сухопутной границы, а способность сторон выделять нерешенный вопрос и не переносить его на уже согласованные участки. В этом и состоит главный урок североамериканского опыта. Uti possidetis не обязан объяснять всю границу, чтобы защищать ее непрерывность. Там, где государства уже договорились, право требует не новой исторической географии, а исполнения достигнутого соглашения.

Список литературы:

[1] Мирзаев Ф. С. Принцип uti possidetis в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве. Теория и практика // Право и политика. 2004. № 6. С. 43-53.

[2] Мирзаев Ф. С. Принцип uti possidetis. История зарождения // Московский журнал международного права. 2014. № 4. С. 56-77. DOI 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77..

[3] Мирзаев Ф. С. Практика применения принципа uti possidetis со стороны международных судебных органов, арбитражных трибуналов и международных организаций // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10. С. 24-29. DOI 10.46320/2073-4506-2020-10-149-24-29..

[4] Мирзаев Ф. С. Применение принципа uti possidetis при дезинтеграции СССР // Право и политика. 2017. № 8. С. 12-23. DOI 10.7256/2454-0706.2017.8.23801..

[5] Международное право. Учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. А. Н. Вылегжанина. 3-е изд. М. Юрайт, 2016. 603 с.

[6] Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М. Международные отношения, 1974. 168 с.

[7] Shaw M. N. The Heritage of States. The Principle of Uti Possidetis Juris Today // British Yearbook of International Law. 1996. Vol. 67. P. 75-154. DOI 10.1093/bybil/67.1.75.

[8] Ratner S. R. Drawing a Better Line. Uti Possidetis and the Borders of New States // American Journal of International Law. 1996. Vol. 90. No. 4. P. 590-624. DOI 10.2307/2203988.

[9] Lalonde S. N. Determining Boundaries in a Conflicted World. The Role of Uti Possidetis. Montreal. McGill-Queen's University Press, 2002. 353 p.

[10] Prescott V., Triggs G. D. International Frontiers and Boundaries. Law, Politics and Geography. Leiden. Martinus Nijhoff, 2008. 504 p.

[11] Jones S. B. Boundary-Making. A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington. Carnegie Endowment for International Peace, 1945. 268 p.

[12] International Boundary Commission. History. URL https://www.internationalboundarycommission.org/en/about/history.php. Дата обращения 30.08.2026.

[13] The Alaska Boundary Case, Great Britain and United States. Award of 20 October 1903 // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XV. P. 481-540.

[14] Treaty between Canada and the United States of America to Define More Accurately and to Complete the International Boundary, 24 February 1925.

[15] Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

[16] Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г.

[17] Frontier Dispute, Burkina Faso v. Mali. Judgment of 22 December 1986 // ICJ Reports. 1986. P. 554.

[18] Territorial Dispute, Libyan Arab Jamahiriya v. Chad. Judgment of 3 February 1994 // ICJ Reports. 1994. P. 6.

[19] Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 SCR 217.

[20] The White House. Progress on the Situation at Our Northern Border, 3 February 2025. URL https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/progress-on-the-situation-at-our-northern-border/. Дата обращения 30.08.2026.

[21] Trump D. J. Remarks Prior to a Meeting with NATO Secretary General Mark Rutte and an Exchange with Reporters, 13 March 2025 // The American Presidency Project. URL https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-secretary-general-mark-rutte-the-north-atlantic-treaty. Дата обращения 30.08.2026.

[22] Office of the United States Trade

Representative. Ambassador Greer Issues Statement on President Trump Imposing Section 338 Tariffs on Canada, 20 July 2026. URL https://ustr.gov/about/policy-offices/press-office/press-releases/2026/july/ambassador-greer-issues-statement-president-trump-imposing-section-338-tariffs-canada. Дата обращения 30.08.2026.

[23] Prime Minister of Canada. Statement by Prime Minister Carney on Canada-U.S. Trade Negotiations, 21 August 2026. URL https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2026/08/21/statement-prime-minister-carney-canada-us-trade-negotiations. Дата обращения 30.08.2026.

[24] Global Affairs Canada. Canada's Arctic Foreign Policy, 2024. URL https://international.canada.ca/en/global-affairs/corporate/reports/arctic-policy-2024. Дата обращения 30.08.2026.

[25] Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Canada v. United States. Judgment of 12 October 1984 // ICJ Reports. 1984. P. 246.

[26] Constitution Act, 1982, being Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.). at https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2026/08/21/statement-prime-minister-carney-canada-us-trade-negotiations. Accessed 30 August 2026.

[27] Global Affairs Canada. Canada's Arctic Foreign Policy, 2024. Available at https://international.canada.ca/en/global-affairs/corporate/reports/arctic-policy-2024. Accessed 30 August 2026.

[28] Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Canada v. United States. Judgment of 12 October 1984 // ICJ Reports. 1984. P. 246.

[29] Constitution Act, 1982, being Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.).

References:

[1] Mirzaev F.S. The principle of uti possidetis in modern international law and its application in the post-Soviet space. Theory and practice // Law and politics. 2004. № 6. S. 43-53.

[2] Mirzaev F.S. The principle of uti possidetis. History of origin // Moscow Journal of International Law. 2014. № 4. S. 56-77. DOI 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77..

[3] Mirzaev F.S. Practice of applying the principle of uti possidetis by international judicial bodies, arbitration tribunals and international organizations // Eurasian Law Journal. 2020. № 10. S. 24-29. DOI 10.46320/2073-4506-2020-10-149-24-29..

[4] Mirzaev F.S. Application of the principle of uti possidetis in the disintegration of the USSR // Law and politics. 2017. № 8. S. 12-23. DOI 10.7256/2454-0706.2017.8.23801..

[5] International law. Textbook for Academic Baccalaureate. In 2 volumes/ed. A.N. Vylegzhanina. 3rd ed. M. Yurayt, 2016. 603 p.

[6] Klimenko B. M. State territory. Questions of theory and practice of international law. M. International relations, 1974. 168 pp.

[7] Shaw M. N. The Heritage of States. The Principle of Uti Possidetis Juris Today // British Yearbook of International Law. 1996. Vol. 67. P. 75-154. DOI 10.1093/bybil/67.1.75.

[8] Ratner S. R. Drawing a Better Line. Uti Possidetis and the Borders of New States // American Journal of International Law. 1996. Vol. 90. No. 4. P. 590-624. DOI 10.2307/2203988.

[9] Lalonde S. N. Determining Boundaries in a Conflicted World. The Role of Uti Possidetis. Montreal. McGill-Queen's University Press, 2002. 353 p.

[10] Prescott V., Triggs G. D. International Frontiers and Boundaries. Law, Politics and Geography. Leiden. Martinus Nijhoff, 2008. 504 p.

[11] Jones S. B. Boundary-Making. A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington. Carnegie Endowment for International Peace, 1945. 268 p.

[12] International Boundary Commission. History. URL https://www.internationalboundarycommission.org/en/about/history.php. Date of 30.08.2026 appeal.

[13] The Alaska Boundary Case, Great Britain and United States. Award of 20 October 1903 // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XV. P. 481-540.

[14] Treaty between Canada and the United States of America to Define More Accurately and to Complete the International Boundary, 24 February 1925.

[15] Vienna Convention on the Law of Treaties of 23 May 1969.

[16] Vienna Convention on Succession of States in Respect of Treaties of 23 August 1978.

[17] Frontier Dispute, Burkina Faso v. Mali. Judgment of 22 December 1986 // ICJ Reports. 1986. P. 554.

[18] Territorial Dispute, Libyan Arab Jamahiriya v. Chad. Judgment of 3 February 1994 // ICJ Reports. 1994. P. 6.

[19] Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 SCR 217.

[20] The White House. Progress on the Situation at Our Northern Border, 3 February 2025. URL https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/progress-on-the-situation-at-our-northern-border/. Date of 30.08.2026 appeal.

[21] Trump D. J. Remarks Prior to a Meeting with NATO Secretary General Mark Rutte and an Exchange with Reporters, 13 March 2025 // The American Presidency

Project. URL https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-secretary-general-mark-rutte-the-north-atlantic-treaty. Date of 30.08.2026 appeal.

[22] Office of the United States Trade Representative. Ambassador Greer Issues Statement on President Trump Imposing Section 338 Tariffs on Canada, 20 July 2026. URL https://ustr.gov/about/policy-offices/press-office/press-releases/2026/july/ambassador-greer-issues-statement-president-trump-imposing-section-338-tariffs-canada. Date of 30.08.2026 appeal.

[23] Prime Minister of Canada. Statement by Prime Minister Carney on Canada-U.S. Trade Negotiations, 21 August 2026. URL https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2026/08/21/statement-prime-minister-carney-canada-us-trade-negotiations. Date of 30.08.2026 appeal.

[24] Global Affairs Canada. Canada's Arctic Foreign Policy, 2024. URL https://international.canada.ca/en/global-affairs/corporate/reports/arctic-policy-2024. Date of 30.08.2026 appeal.

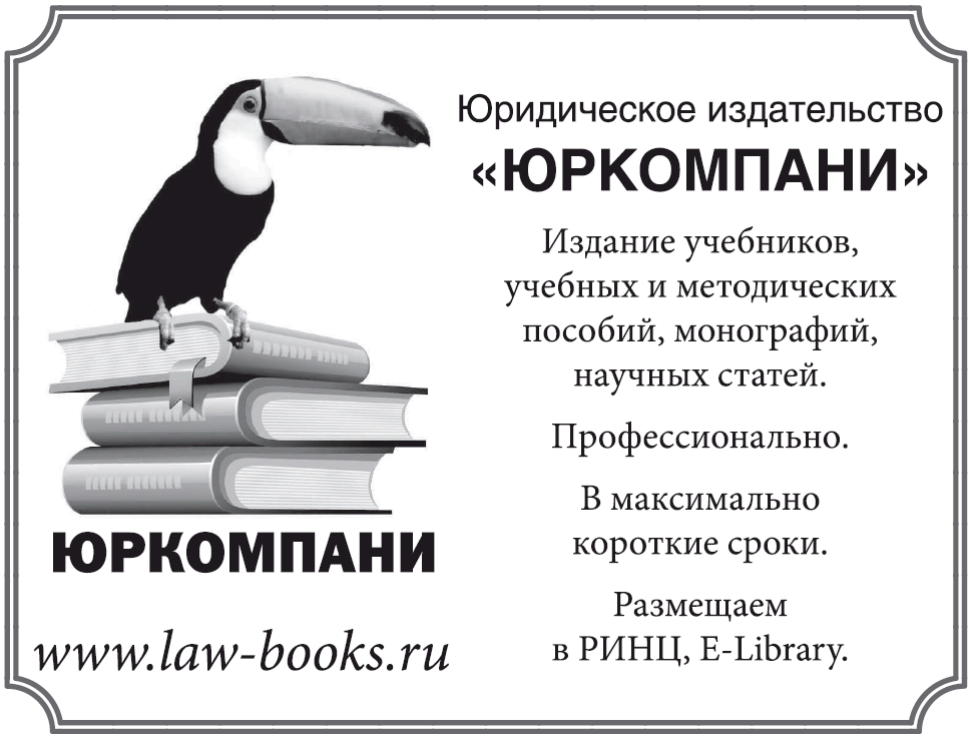
[25] Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Canada v. United States. Judgment of 12 October 1984 // ICJ Reports. 1984. P. 246.

[26] Constitution Act, 1982, being Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.). at https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2026/08/21/statement-prime-minister-carney-canada-us-trade-negotiations. Accessed 30 August 2026.

[27] Global Affairs Canada. Canada's Arctic Foreign Policy, 2024. Available at https://international.canada.ca/en/global-affairs/corporate/reports/arctic-policy-2024. Accessed 30 August 2026.

[28] Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Canada v. United States. Judgment of 12 October 1984 // ICJ Reports. 1984. P. 246.

[29] Constitution Act, 1982, being Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.).



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-118-127

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023, Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В РАМКАХ СТРАН БРИКС

Аннотация. *В статье проанализированы законодательные противоречия государств-членов БРИКС. Сделан вывод о том, что несогласованность правовых подходов в национальных законодательствах стран-участниц позволяет радикальным группам применять цифровые инструменты и традиционные неформальные системы расчетов для обеспечения финансирования террористических актов.*

В рамках проведенного сравнительно-правового анализа систем финансового контроля государств-участниц БРИКС автор выявляет уязвимости действующих механизмов противодействия легализации преступных доходов. Особое внимание уделяет инструментам отслеживания сомнительных транзакций в цифровой среде.

Внедрение единых стандартов финансового мониторинга и синхронизация уголовной ответственности способствуют устранению правовых пробелов. Позволяют усовершенствовать межведомственный обмен данными и оперативно блокировать трансграничные каналы финансирования терроризма. В рамках исследования выявлены уязвимые места в механизмах противодействию финансированию терроризма и предложены меры по унификации уголовного законодательства стран объединения.

Ключевые слова: *БРИКС, финансирование терроризма, криптовалюта, рекомендации ФАТФ, сравнительное правоведение, уголовная ответственность, гармонизация законодательства, правоприменительная практика.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF COUNTERING THE FINANCING OF TERRORISM WITHIN THE BRICS COUNTRIES

Annotation. *Legislative discrepancies among the BRICS member states create significant security risks. Divergent legal approaches within national frameworks enable radical groups to exploit digital tools and informal value transfer networks to sustain terrorist financing.*

A comparative analysis of financial control mechanisms across the BRICS bloc reveals key vulnerabilities in current anti-money laundering regimes, particularly regarding the tracking of suspicious transactions in the digital domain.

Implementing unified financial monitoring standards and aligning criminal liability will close existing legal loopholes, enhance cross-border interagency data sharing, and facilitate the swift freezing of illicit funds. Ultimately, this research identifies systemic gaps in countering terrorist financing and outlines concrete steps to unify criminal legislation across the association.

Key words: *BRICS, terrorist financing, cryptocurrency, FATF recommendations, comparative law, criminal liability, legislative harmonization, law enforcement.*

Современная цифровая трансформация применения транснациональным терроризмом сетевых коммуникаций требует от межгосударственных альянсов скоординированных правовых шагов. БРИКС, который объединяет 9 государств и охватывает 37% глобального ВВП и 46% населения мира, занимает центральное место в архитектуре международной безопасности. Следует отметить, что существующая разрозненность национальных законов заметно снижает общую результативность противодействия финансированию терроризма. Даже когда формально законодательство соответствует международным стандартам, на практике правоприменение остается фрагментированным. Юрисдикционные разрывы и отличия в определении терроризма дают радикальным структурам возможность переводить капиталы через криптовалюты и неформальные расчетные системы. Чтобы пройти через эти барьеры, мало просто привести термины к общему виду, нужен еще и общий механизм сквозного мониторинга транзакций. Именно этот переход от формального комплаенса к реальному усилению межведомственного взаимодействия сегодня и задает направление международно-правового сотрудничества [1].

Цель статьи состоит в том, чтобы разработать научно обоснованные решения для сближения правовых систем БРИКС и тем самым ускорить обмен данными и оперативную блокировку каналов снабжения терроризма. Методологическую основу работы составляет сравнительно-правовой анализ национальных законодательств, а также оценка того, как на практике внедряются Рекомендации ФАТФ и резолюции СБ ООН. Данный подход позволяет перевести фокус внимания на системные структурные проблемы осуществляемого странами БРИКС финансового контроля, найти пробелы в регулировании цифровых финансовых экосистем и понять, почему механизмы противодействия финансированию терроризма малоэффективны и не имеют общего синергетического эффекта [2].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что ключевые определения и правовые основы механизмов, применяемых для перекрытия каналов финансирования терроризма, в национальных законодательствах России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР имеют существенные расхождения. Оценка имплементации Рекомендаций ФАТФ демонстрирует, что на фоне формального введения в национальные системы международных стандартов не произошло снятие барьеров в межведомственном взаимодействии. В этой связи автором разработаны рекомендации по сближению нормативной базы БРИКС. Предлагается ввести сквозные и общие для стран-участниц альянса подходы к мониторингу сомнительных транзакций, включая операции с виртуальными активами, и синхронизировать меры уголовной ответственности. Реализации данной меры приведет к формированию более прочной правовой основы для совместного своевременного оперативного реагирования и участия в трансграничных расследованиях.

Такая унификация нужна еще и потому, что БРИКС объединяет очень разные правовые системы и социально-политические модели. Это крупные развивающиеся экономики, у каждой свои институциональные возможности, и все они сталкиваются с общими угрозами отмывания доходов и транснациональной организованной преступности, но реагируют на них через собственные правовые традиции [4]. Эта институциональная автономия напрямую влияет на то, как в каждой стране формулируют понятие терроризма, а круг противоправных деяний там сегодня охватывается совершенно по-разному.

В Российской Федерации базовое понятие терроризма закреплено в Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Законодатель определяет его как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, связанную с устрашением населения» [5], т.е. в отечественной доктрине основной упор традиционно делают на публичный характер угрозы.

В Китайской Народной Республике нормативный подход долгое время был довольно узким и сосредотачивался на конкретных актах физического насилия. Под давлением современных геополитических вызовов, дефиниция расширилась и стала жестко связываться с противодействием сепаратизму и религиозному экстремизму.

У Индии, Бразилии и ЮАР тоже есть свои особенности в нормативно-правовой базе. Индийская модель криминализации терроризма отличается высокой детализацией и широким охватом составов преступлений, и это явно связано с многолетним опытом борьбы с трансграничной и внутренней агрессией. Вместо коротких определений индийский законодатель перечисляет максимально подробно материальные, организационные и финансовые деяния, которые признаются террористическими актами. Внутриструктурные проявления терроризма в Индии делят по идеологическим основаниям: религиозно-экстремистский, сепаратистский и леворадикальный. Кроме того, в отличие от российского уголовного права в индийской доктрине наркотерроризм выделяется как отдельная форма террористической деятельности.

В Бразилии базовое понятие терроризма появилось в Федеральном законе № 13.260 от

16 марта 2016 года. В частности, юридически он определяется как умышленное действие, совершенное по мотивам ксенофобии, расовой, национальной, этнической или религиозной дискриминации, если цель указанных действий состоит в социальном или общем терроре, угрожающем личности, имуществу или общественной безопасности. До 2016 года в бразильском законодательстве не было единой формулировки "терроризма", хотя Конституция 1988 года [9] с самого начала относила террористическую деятельность к числу особо тяжких деяний, которые не подлежат амнистии. Толчком к принятию специального закона стала необходимость обеспечить безопасность перед Олимпийскими играми в Рио-де -Жанейро [10].

Южноафриканский подход, закрепленный в Законе № 33 от 2004 года «О защите конституционной демократии от террористической и связанной с ней деятельности», также имеет свою специфику. Модель ЮАР необычна тем, что она соединяет строгие международные стандарты безопасности с чувствительными механизмами защиты прав человека, что объясняется историей прошедшей через апартеид страны.

Таким образом, имеющийся в национальных законодательствах стран БРИКС нормативный дуализм создает почву для правовой неопределенности и тормозит оперативное взаимодействие правоохранительных органов между странами.

Аналогичный правовой диссонанс у участников БРИКС состоит и в понимании "финансирования терроризма". Российский законодатель идет по сравнительно узкому пути и связывает объективную сторону преступления с умышленным предоставлением или сбором средств для конкретных террористических актов либо для деятельности радикальных организаций. В КНР, наоборот, подход максимально широкий: туда попадает любая материальная поддержка террористических структур, даже если она не привязана к конкретному преступлению. В Бразилии же отдельного состава финансирования терроризма долгое время вообще не было, и из-за этого в правоприменении возникали серьезные пробелы.

Следует отметить, что внедрение международных стандартов ПОД/ФТ не стерло указанных различий. История развития антитеррористического законодательства в Индии и ЮАР показывает, что зачастую страны смешивают узкий и широкий подходы при конструировании составов преступлений лишь для формального соответствия требованиям ФАТФ. Особенно это заметно, когда речь заходит о цифровых валютах. Разные взгляды на сущность финансирования терроризма усложняют трансграничный мониторинг транзакций и межгосударственное взаимодействие.

Разнородность антитеррористического законодательства стран БРИКС снижает эффективность международной правовой помощи, потому что мешает реализации фундаментального принципа двойной криминализации. По этому правилу экстрадиция или исполнение запроса о правовой помощи возможны только тогда, когда инкриминируемое деяние считается преступлением в обеих юрисдикциях. На практике, если в России финансовая поддержка определенной структуры признается преступлением, а в Бразилии состав преступления не образуется, то межведомственное сотрудничество становится невозможным. Бразильская сторона в таком случае будет обязана отказать в официальном запросе, потому что для ее правового поля это действие формально законно. В результате юрисдикционные коллизии блокируют выдачу обвиняемых и останавливают обмен доказательствами.

Реализация процедур идентификации клиентов в странах БРИКС также демонстрирует применения различных подходов. Требования к алгоритмам установления конечных бенефициарных владельцев в Бразилии и России детально и четко регламентированы, а в Индии и КНР этот процесс менее формализован. Из-за различий в правовом регулировании транснациональным финансовым институтам приходится повторять комплаенс-проверки по несколько раз, что приводит к росту операционных издержек и ослабляет контроль. Разница хорошо видна при работе с клиентами из зон повышенной террористической активности. ЮАР и Китай применяют к ним обязательные процедуры усиленной проверки, тогда как в Индии и России такие механизмы выстроены менее системно. Наряду с этим, отсутствует общий для стран БРИКС список террористических организаций, что создает для банков непреодолимые процедурные барьеры, а радикальным структурам помогает скрывать настоящих владельцев преступных активов.

С мониторингом подозрительных транзакций ситуация тоже заметно разнится. Бразилия и Россия установили низкие пороговые значения для обязательного контроля операций, что помогает выявлять скрытые финансовые потоки, несмотря на большое количество ложных срабатываний. Индия и Китай, наоборот, держат пороги высокими. Для комплаенс-служб это снижает административную нагрузку, но у преступников появляется возможность безопасно осуществлять дробные регулярные переводы.

Исследователи считают, что эффективность и результативность мониторинга напрямую зависит от применяемого уровня автоматизации. При современных колоссальных темпах увеличении объема транзакций странам БРИКС необходима интеграция искусственного интеллекта и

машинного обучения в национальные системы финансовой безопасности [11]. В тоже время на практике цифровая трансформация буксует из-за различий в правовых традициях, регуляторных ограничений в сфере оборота данных и нехватки технологических ресурсов. В результате между формальным комплаенсом и реальной работой контроля происходит существенный разрыв.

Значительную долю проблем добавляют и виртуальные активы вместе с неформальными расчетными системами. Криптовалюты позволяют полностью обходить традиционный банковский сектор и дают прямой канал для трансграничной подпитки терроризма. Быстрое расширение этих теневых цифровых маршрутов создает правовые уязвимости в развивающихся экономиках БРИКС. Асимметрия регуляторных подходов в странах альянса дает спонсорам терроризма возможность использовать коллизии между юрисдикциями, обходить запреты и легализовать преступные доходы. Так, КНР держится линии абсолютного запрета на майнинг и коммерческий оборот частных токенов, а Россия перешла к модели жестко контролируемого допуска. Масштабная реформа российского рынка цифровых валют нацелена на то, чтобы вывести цифровые активы из серой зоны и снизить риски ПОД/ФТ [12].

Принятие Федерального закона № 282-ФЗ от 4 августа 2026 года «О цифровых валютах и цифровых правах» перевело оборот криптоактивов в РФ на регулируемую модель, близкую к фондовому рынку. Новые правила требуют обязательного лицензирования Банком России пяти категорий профессиональных участников: бирж, цифровых депозитариев, брокеров, управляющих и крупных обменников. Закон окончательно закрепил за цифровой валютой статус имущества и запретил использовать ее как внутреннее платежное средство. При этом расчеты криптовалютой по внешнеторговым контрактам, то есть в ВЭД, и сделки с российскими ценными бумагами были легализованы. Чтобы защитить розничных инвесторов и сделать рынок менее анонимным, регулятор ввел обязательное тестирование и защитный 48-часовой период охлаждения при крупных транзакциях [13].

Особый нормативный разнобой внутри объединения хорошо видно по стратегиям других участников. Бразилия развивает либеральную, но при этом структурированную правовую модель в рамках специального законодательства, а Индия и ЮАР довольно долго сочетали высокое фискальное давление с медленным формированием базовых правил для бизнеса [14]. Поскольку быстро унифицировать частные криптовалюты не получается, государства БРИКС смещают акцент в сторону интеграции цифровых валют центральных банков. Проекты по технологическому сопряжению цифрового рубля, цифрового юаня и цифровой рупии в единую платежную экосистему рассматриваются как легальная альтернатива традиционным межбанковским сетям и SWIFT, которая может убрать неконтролируемые трансграничные каналы перемещения ценностей [15].

Регуляторный дисбаланс преступные сообщества используют для того, чтобы без особых препятствий выводить капиталы в юрисдикции с мягким режимом комплаенса. Закрыть такие пробелы может только сквозная гармонизация правил обращения цифровых валют, подкрепленная скоординированными действиями государств на пространстве БРИКС. Даже когда национальные законы формально совпадают с глобальными стандартами, правоприменительная практика все равно упирается в системный кризис, а контроль слабеет из-за раздробленности норм. В таких условиях простое декларативное выполнение наднациональных регламентов практически теряет смысл, потому что для реального блокирования финансовых каналов терроризма нужны жесткое укрепление институтов контроля и прямой межведомственный обмен данными.

Рекомендации ФАТФ и резолюции Совета Безопасности ООН, в частности № 1373 и № 2462, задают нормативную основу глобального режима ПОД/ФТ. В основе этой системы лежит риск-ориентированный подход, который требует от государств оценивать внутренние угрозы и заранее направлять ресурсы туда, где риски самые острые [16]. Рекомендации 24 и 25, если говорить проще, требуют обязательно устанавливать конечных бенефициарных владельцев юридических лиц и трастов. Это нужно, чтобы трансграничные транзакции были хоть сколько-то прозрачными [17].

Сравнительно-правовой анализ показывал, что все страны БРИКС формально внедрили указанные международные стандарты в национальное право. В тоже время глубина встроенности в систему и механизмы правоприменения имеют существенные отличия [18]. Так, в рамках исследования автором выявлен разрыв между институциональным комплаенсом и реальной эффективностью правоприменения. Происходит утрата силы национальных законов из-за внутренней несогласованности норм, нехватки ресурсов у контролирующих и правоохранительных ведомств стран БРИКС, слабого технического оснащения и плохого взаимодействия между компетентными органами на международном уровне.

Практика правоприменения демонстрирует, что в случаях, если национальные нормативные базы концептуально расходятся, межведомственное взаимодействие в рамках БРИКС не осуществляется. Такой подход, в частности, при-

меняется при уголовном преследовании группировок, действующих на Ближнем Востоке или в Африке, в том числе филиалов ИГИЛ. Так, в России и Индии сбор денежных средств для таких структур безоговорочно квалифицируется как финансирование терроризма. При этом в Бразилии долгое время не существовало юридических оснований, позволяющих блокировать такие транзакции. Причина в том, что статья 2 бразильского Закона № 13.260 [8] требует обязательного наличия мотива ксенофобии либо расовой дискриминации и полностью исключает из состава преступления политические и идеологические цели. Такой терминологический вакуум создает почву для правового арбитража и позволяет преступным сетям вполне легально накапливать активы в «мягких» юрисдикциях.

Для решения выявленной проблемы, странам БРИКС необходимо выйти за рамки декларативного комплаенса. Единая дефиниция терроризма должна охватывать и насильственные действия, направленные на дестабилизацию власти, и их идеологическое обоснование. При этом следует держать баланс и учитывать национальную специфику, чтобы не спровоцировать конфликт с внутренним правопорядком государств. Согласованное определение финансирования терроризма должно включать и прямые, и косвенные способы передачи активов. Под жесткий контроль должны попадать транзакции через посредников, краудфандинговые платформы и благотворительные организации. Отдельного внимания требуют криптовалюты и неформальные платежные системы вроде "хавалы", которые используют для обхода банковского мониторинга. Если такие каналы будут квалифицированы единообразно, страны БРИКС смогут эффективнее блокировать теневые потоки, снизят уязвимость своих финансовых рынков и создадут прочную нормативную основу для совместной работы правоохранителей.

На практике отсутствие единых стандартов контроля над деятельностью некоммерческих организаций приводит к серьезным регуляторным сбоям. Например, индийское Агентство национальных расследований заблокировало функционирование НКО «Популярный фронт Индии», которая годами собирала средства под видом исламских благотворительных фондов. Указанная структура принимала пожертвования как наличными, так и в криптовалюте. В дальнейшем распределяла средства через сеть посредников для финансирования радикальных ячеек. Индийское законодательство [6] позволило жестко остановить схему внутри страны.

В то же время ЮАР долго находилась под критикой со стороны ФАТФ и была в «сером списке» именно из-за слабого контроля над некоммерческими организациями и цифровыми активами. Посредники использовали южноафриканские криптобиржи, чтобы пропускать средства террористическим группам, действующим в Мозамбике и Центральной Африке. Суды ЮАР не имели оперативного юридического инструмента, чтобы мгновенно арестовывать такие кошельки по запросу зарубежных партнеров, потому что не было синхронизированных дефиниций косвенного финансирования [19].

Для нейтрализации указанных угроз странам БРИКС также необходимы единые критерии подозрительных операций, выстроенные на стандартах ФАТФ. На их основе следует осуществлять автоматизированный мониторинг трансграничных переводов, поскольку при усложнении финансовых инструментов происходит некоторое отставание финансовых регуляторов и на первый план выходят сквозные автоматизированные комплексы, которые в реальном времени выявляют аномальные транзакции [3]. Таким образом, если цифровые индикаторы риска будут унифицированы, то национальные подходы к ПОД/ФТ можно будет согласовать, а превентивные межведомственные меры станут результативнее на всей территории стран БРИКС.

На практике автоматизация мониторинга и выравнивание индикаторов уже приступила к локальной работе в региональных форматах. В рамках Евразийской группы по противодействию отмыванию доходов и финансированию терроризма, куда входят Россия, Китай и Индия, уже разработана единая система криптоанализа. Росфинмониторинг активно использует программный комплекс «Прозрачный блокчейн» [20]. Этот инструмент в реальном времени отслеживает цепочки транзакций в биткоинах и стейблкоинах и маркирует кошельки, связанные с финансированием радикальных ячеек.

Структуры финансового мониторинга Индии внедрили платформу FINnet 2.0. Этот модернизированный комплекс использует искусственный интеллект и машинное обучение, чтобы автоматически собирать данные через субсистему FINGate и глубоко анализировать транзакции через FINCore. Система в реальном времени считает индексы рисков для физических и юридических лиц, сверяя банковские отчеты и данные криптобирж с внешними государственными базами [21].

Синхронизация процедур обмена данными между подразделениями финансовой разведки стран БРИКС требует унификации каналов связи и форматов отчетности. Необходима стандартизация отчетности, создание защищенных каналов связи и расширение прямых межведомственных соглашений. Если внедрить аналитические платформы на базе искусственного интел-

лекта, они смогут обрабатывать массивы разнородных данных из смежных юрисдикций и быстрее выявлять трансграничные цепочки подозрительных операций. При этом нехватка ресурсов у ведомств требует серьезной модернизации институциональной базы и перехода подразделений финансовой разведки стран БРИКС на единые цифровые стандарты.

Международные расследования показывают, что сквозной обмен информацией позволяет разрывать сложные теневые схемы. Так, результаты бразильской операции «Автомойка» это хорошо показали. Во время расследования масштабной коррупционной сети вокруг государственной нефтегазовой компании Petrobras правоохранительные органы столкнулись с запутанной цепочкой вывода активов через офшорные зоны. Положительный результат стал возможен лишь после того, как Федеральная полиция Бразилии и национальный Совет по контролю за финансовой деятельностью наладили прямую связь с финансовыми разведками других стран. Так удалось без лишней бюрократии отследить движение цифровых денежных средств и арестовать счета посредников за рубежом [22].

Массовое изъятие криптовалютных активов правоохранительными органами Сингапура в деле об отмывании доходов на сумму более 2,8 млрд долларов США тоже показало, насколько нужна технологическая унификация [23]. Преступная сеть скрывала конечных бенефициаров, используя децентрализованные платформы, но полиция Сингапура раскрыла схему благодаря мгновенному обмену цифровыми индикаторами и блокчейн-адресами с международными партнерами. Для стран БРИКС этот пример прямо говорит, что без единых форматов кодирования криптотранзакций невозможно эффективно преследовать технологически развитый криминалитет.

Установление согласованных правовых оснований для замораживания счетов требует баланса между суверенитетом национальных юрисдикций и международными обязательствами стран объединения. В основе указанных обеспечительных мер должны быть надежные механизмы, которые не только криминализируют финансовые преступления, но и обеспечивают оперативное отслеживание, арест и конфискацию теневых доходов. Отдельно необходимо регулировать виртуальные активы, потому что их трансграничное использование создает скрытые каналы для подпитки радикальных ячеек, пока правовая база в БРИКС остается фрагментированной. Если национальные процедуры блокирования активов будут синхронизированы, совместные расследования станут результативнее, каналы вывода капитала сузятся, а риски правового арбитража в слабоконтролируемых юрисдикциях снизятся.

На практике такие механизмы работают нормально только тогда, когда в законе есть четкие алгоритмы мгновенного действия. В Российской Федерации ключевым инструментом здесь выступает Федеральный закон № 115-ФЗ [24]. По его нормам Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма может мгновенно замораживать счета и блокировать любое имущество лиц, причастных к радикальной деятельности, во внесудебном порядке. Росфинмониторинг за считаные минуты доводит обновленные перечни до банков и криптобирж, и это фактически перекрывает вывод средств со счетов.

Международный стандарт, в частности Резолюция СБ ООН 1373, требует от государств замораживать средства террористов «без промедления», то есть в течение нескольких часов после запроса или обновления санкционного перечня. Но в таких странах БРИКС, как ЮАР или Бразилия, судебная процедура наложения ареста исторически требовала долгих межведомственных согласований. Из-за этого преступники успевали конвертировать фиатные деньги в анонимные криптовалюты и уводить их из-под удара [19]. Если внутри БРИКС синхронизировать внесудебные регламенты экстренной блокировки, ведомства смогут действовать зеркально и убрать этот временной лаг. Необходимо сблизить подходы к уголовной и административной ответственности за финансирование терроризма через унификацию составов преступлений, размеров санкций и процедур конфискации теневых доходов.

Различия в правоприменении и строгости наказания сильно мешают трансграничному возврату активов. Отслеживание преступных капиталов усложняется многослойными транзакциями, фирмами-однодневками и несовпадением юридических дефиниций, так что здесь нужно серьезно усиливать судебный и правоохранительный потенциал, в том числе через расширение соглашений о полицейском сотрудничестве. Этот межсистемный дисбаланс хорошо виден на примере привлечения к ответственности юридических лиц. Так, в России за финансирование терроризма предусмотрена строгая уголовная ответственность физических лиц (ст. 205.1 УК РФ), а к корпоративным структурам применяются жесткие административные санкции (ст. 15.27.1 КоАП РФ) вплоть до конфискации всего имущества.

В Бразилии же уголовная ответственность юридических лиц ограничена лишь экологическими преступлениями. Причастность к финансовым махинациям и террористическим сетям регулируется административным и гражданским правом в рамках Закона о чистой компании [22]. Из-за отсутствия уголовно-правового статуса у таких правонарушений бразильские ведомства долго

сталкивались с процедурными уязвимостями при трансграничном взыскании активов. Это осложняет исполнение международных следственных запросов и мешает арестовывать имущество подставных фирм за рубежом.

В индийском антитеррористическом праве, которое регулируется Законом о предотвращении отмывания денег [26], по ряду тяжких составов почти нет классических сроков давности для привлечения к ответственности. Это дает индийским правоохранительным органам возможность начинать конфискацию активов даже спустя много лет после совершения преступления. В других же юрисдикциях БРИКС строго регламентируемые процессуальные сроки давности позволяют блокировать исполнение старых индийских запросов, что также демонстрирует необходимость выравнивания материальных норм уголовного права.

Для устранения недостатков трансграничного сотрудничества, необходимо модернизировать механизмы взаимной правовой помощи и экстрадиции. Внутренняя фрагментация норм и коррупционные риски снижают результативность расследований, даже если национальные законы формально соответствуют стандартам ФАТФ. Совершенствование соглашений о правовой помощи ускорит уголовное преследование транснациональных преступных сетей. Для устранения пробелов необходима конвергенция законодательных систем, прозрачность, рост оперативных возможностей ведомств и укрепление взаимного доверия через прямые договоры о полицейском сотрудничестве. Результативность взаимодействия прямо зависит от того, готовы ли государства быстро реагировать на запросы коллег. Отдельное значение имеет расширение сети многосторонних соглашений с учетом специфики финансирования терроризма. Для лиц, которые подозреваются в финансировании радикальных структур, стоит предусмотреть упрощенные процедуры экстрадиции.

Страны БРИКС также сталкиваются с проблемой суверенного контроля над данными. По исследованию профессора Л. Белли, различие подходов к трансграничной передаче информации замедляет следствие. Оперативный обмен цифровыми уликами, такими как IP-адреса, логи блокчейн-транзакций и метаданные, требует выделенной защищенной сети [27]. Успешным примером преодоления такого рода барьеров является взаимодействие между Россией и Китаем, а также Индией и ЮАР. Прямые соглашения между Следственным комитетом РФ, МВД РФ и Министерством общественной безопасности КНР позволяют передавать данные о транзитных счетах хакеров и спонсоров экстремизма в течение нескольких часов, минуя громоздкие судебные процедуры [28]. Внедрение таких регламентов экспресс-экстрадиции и экспресс-выемки данных на уровне всей стран-участниц БРИКС критически важно для противодействия сетевому криминалитету.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ национальных законодательств стран БРИКС выявил существенные расхождения в базовых дефинициях терроризма и механизмах финансового мониторинга. По мнению автора, именно терминологическая рассинхронизация порождает критические юрисдикционные разрывы. Из-за этого общая эффективность взаимодействия государств в рамках БРИКС заметно снижается. Когда квалификация преступлений расходится, базовое уголовно-процессуальное условие двойной криминализации деяния просто не выполняется. Это делает невозможной экстрадицию обвиняемых и блокирует передачу материалов уголовных дел между ведомствами. В частности, статья 2 бразильского Закона № 13.260 требует обязательного наличия мотива ксенофобии или расовой дискриминации и полностью исключает политические цели. Из-за этого суды Бразилии долго не могли блокировать счета лиц, связанных с ближневосточными террористическими структурами. Такой правовой вакуум позволяет преступным сетям использовать юрисдикционные разрывы для обхода регуляторных запретов, просто переводя деньги в страны со слабым или специфическим антитеррористическим законодательством.

Анализ имплементации международных стандартов показал, что формальное соответствие законов требованиям ФАТФ и резолюциям Совбеза ООН еще не означает реальной безопасности. Между декларативными нормами и практикой по-прежнему остается устойчивый разрыв. На практике внешняя легитимация национальных законов под международные стандарты часто носит декларативный характер, а децентрализация нормативного поля разрушает систему контроля финансовых транзакций.

Странам БРИКС уже пора переходить к тому, чтобы укреплять свои контролирующие структуры не на бумаге, а по-настоящему, и налаживать прямое трансграничное сотрудничество между ведомствами.

С учётом изложенного, автором сформулированы предложения по созданию общей правовой платформы для объединения.

Во-первых, необходима единая для стран БРИКС дефиниция терроризма и его косвенного финансирования. Такое согласованное определение должно охватывать и прямую, и косвенную передачу активов, в том числе через краудфандинговые платформы и благотворительные организации. Опыт Индии, где скрытое финан-

сирование радикальных ячеек через исламские фонды «Популярного фронта Индии» удалось пресечь, показывает, что за некоммерческим сектором нужен жесткий контроль.

Во-вторых, во всех юрисдикциях БРИКС следует ввести зеркальные механизмы мгновенной внесудебной блокировки счетов и ареста имущества. Если смотреть на российский опыт внесудебных решений по линии Росфинмониторинга, предусмотренный ФЗ № 115-ФЗ, то в ЮАР длительные судебные процедуры согласования исторически приводили к тому, что средства уходили в адрес террористических групп, действующих в Мозамбике. Если выровнять эти регламенты, ведомства БРИКС смогут работать без бюрократических проволочек.

В-третьих, разный подход стран БРИКС к цифровым валютам создает почву для правового арбитража. Китай придерживается жесткой запретительной политики, а Россия законом № 282-ФЗ перешла к модели контролируемого допуска с 48-часовым «периодом охлаждения» для крупных транзакций. Чтобы противостоять технологически развитому криминалитету, нужны единые цифровые стандарты контроля.

В-четвертых, обычный контроль должен уступать место автоматизированным аналитическим системам с искусственным интеллектом, которые обрабатывают трансграничные потоки данных в реальном времени. Внедрение сквозных цифровых индикаторов, по примеру российской системы «Прозрачный блокчейн» или индийской платформы «ФинНет», значительно повысят эффективность и результативность противодействия финансированию терроризма.

Список литературы:

[1] Ангриаван Р. Режимы противодействия отмыванию денег и мера возврата активов в борьбе с транснациональной организованной преступностью в контексте БРИКС-АСЕАН // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19, № 2. С. 273–297. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.273.297..

[2] Lee B., Sims J., Lee Y.-T. BRICS expansion: threat or opportunity for ASEAN? // India Quarterly. 2025. Vol. 81, no. 2. Pp. 130–157. DOI: 10.1177/09749284251328226..

[3] Aksenova M. Legal Support of Artificial Intelligence in Countering Anti-Money Laundering and Terrorism Financing Regimes in the BRICS Plus Countries // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11, no. 3. Pp. 92–116. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-3-92-116..

[4] Arnone G. Regulating the crypto-laundering chain: a comparative study of scam compounds and money mule mechanisms within criminal networks // Risks. 2026. Vol. 14, no. 4. Art. 96. Pp. 1–21. DOI: 10.3390/risks14040096.

[5] Российская Федерация. Законы. О противодействии терроризму : Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

[6] Индия. Законы. О предотвращении противоправной деятельности : Федеральный закон № 37 от 30 декабря 1967 г. (с изм. и доп.) : [ориг. текст: The Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967]. Section 15. URL: indiacode.nic.in (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[7] Hoffman B. Inside terrorism. New York : Columbia University Press, 2006. 432 p. ISBN 978-0231126984.

[8] Бразилия. Законы. О противодействии терроризму : Федеральный закон № 13.260 от 16 марта 2016 г. : [ориг. текст: Lei № 13.260, de 16 de março de 2016] // Diário Oficial da União. 2016. 17 março (№ 52). Seção 1. P. 1.

[9] Бразилия. Конституция (1988). Конституция Федеративной Республики Бразилия : принята 5 октября 1988 г. : [ориг. текст: Constituição da República Federativa do Brasil de 1988] // Diário Oficial da União. 1988. 5 outubro (№ 191-A). Seção 1. P. 1–32.

[10] Protection of Constitutional Democracy against Terrorist and Related Activities Act, 2004 : Act № 33 of 2004 // Government Gazette. 2005. 11 February (Vol. 476, № 27266). P. 1–58. URL: www.gov.za (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[11] Belli L., Gaspar W. B., Jaswant S. S. Data sovereignty and data transfers as fundamental elements of digital transformation: lessons from the BRICS countries // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 54. Art. 106017. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106017..

[12] Jangirala S., Verma D. C., Yadav J. K., Srivastava S. K., Mandal A. Cryptocurrency Policy Stance of BRICS Countries // ICT Systems and Sustainability. Springer, 2025. Pp. 225–236. DOI: 10.1007/978-981-97-8591-9_20..

[13] Russia Is Launching a Legal Crypto Market: What Investors Need to Know / S. why NOT // Binance Square. 2026. 25 August. URL: binance.com (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[14] Chudinovskikh M., Sevryugin V. Cryptocurrency regulation in the BRICS Countries and the Eurasian Economic Union // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6, iss. 1. Pp. 63–81. DOI: 10.21684/2412-2343-2019-6-1-63-81..

[15] Dulatova N., Abd Razak A. The Ecosystem of Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2020. Vol. 7, iss. 2. Pp. 37–65. DOI: 10.21684/2412-2343-2020-7-2-37-65..

[16] The FATF Recommendations: International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation / Financial Action Task Force. Paris : FATF, 2012–2025. 140 p. URL: fatf-gafi.org (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[17] Stankevičiūtė G. 40 Recommendations of the FATF — Overview // iDenfy. 2026. 20 August. URL: idenfy.com (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[18] Staying Ahead of Financial Crime: Adhering to FATF Recommendations for Financial Institutions // Financial Crime Academy. 2026. 17 July. URL: financialcrimeacademy.org (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[19] Mavhuru L., Chitimira H. An analysis of impact of the risk-based approach to combat money laundering and the financing of terrorism on financial inclusion in South Africa // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2025. Vol. 28, no. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.17159/1727-3781/2025/v28i0a21305..

[20] Резник О. Финансовая разведка (мониторинг) как эффективный способ в сфере борьбы с отмыванием денег / О. Резник [и др.] // Journal of Money Laundering Control. 2023. Т. 26, № 1. С. 94–105. DOI: 10.1108/JMLC-09-2021-0102..

[21] Financial Intelligence Unit arms itself with AI, ML tools to check money laundering // The Times of India. 2024. 5 May. URL: indiatimes.com (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[22] Binotto A. Corporate liability after Car Wash: spillovers to Brazilian corporate law on liability // Oñati Socio-Legal Series. 2025. Vol. 15, no. 3. Pp. 85–94. DOI: 10.35295/osls.iisl.2292.

[23] Zhou H. Y. Regulating crypto money laundering: an assessment of current regulatory responses and potentials for technology-based solutions // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. 2025. Vol. 8, no. 1. Pp. 142–176. URL: stanford.edu (дата обращения: 25.08.2026). Режим доступа: электронный.

[24] Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3418.

[25] Бинотто А. Корпоративная ответственность после операции «Автомойка»: влияние на бразильское корпоративное право в сфере деликтной ответственности // Oñati Socio-Legal Series. 2025. Т. 15, № 3. С. 85–94. DOI: 10.35295/osls.iisl.2292.

[26] Баджпаи Г. С., Пал Г. Отсутствие срока давности в Законе Индии о предотвращении отмывания денег 2002 года: анализ влияния на правовую определенность и фундаментальные права // Journal of Illicit Trade, Financial Crime, and Compliance. 2025. Т. 1, № 1. С. 27–36. DOI: 10.65879/3070-6122.2025.1.04..

[27] Белли Л., Гаспар В. Б., Джасвант С. С. Цифровой суверенитет и трансграничная передача данных как фундаментальные элементы цифровой трансформации: опыт стран БРИКС // Computer Law & Security Review. 2024. Т. 54. Ст. 106017. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106017..

[28] Тьебо Р. Роль транснационального правового процесса в продвижении повестки устойчивого развития в рамках БРИКС // Journal of Law and Sustainable Development. 2024. Т. 12, № 10. С. e3997. DOI: 10.55908/sdgs.v12i10.3997..

References:

[1] Angriawan R. Anti-money laundering regimes and asset recovery measures in the fight against transnational organized crime in the context of BRICS-ASEAN // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. VOL. 19, NO. 2. S. 273-297. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.273.297. .

[2] Lee B., Sims J., Lee Y.-T. BRICS expansion: threat or opportunity for ASEAN? // India Quarterly. 2025. Vol. 81, no. 2. Pp. 130–157. DOI: 10.1177/09749284251328226..

[3] Aksenova M. Legal Support of Artificial Intelligence in Countering Anti-Money Laundering and Terrorism Financing Regimes in the BRICS Plus Countries // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11, no. 3. Pp. 92–116. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-3-92-116..

[4] Arnone G. Regulating the crypto-laundering chain: a comparative study of scam compounds and money mule mechanisms within criminal networks // Risks. 2026. Vol. 14, no. 4. Art. 96. Pp. 1–21. DOI: 10.3390/risks14040096.

[5] Russian Federation. Laws. On countering terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

[6] India. Laws. On the prevention of illegal activities: Federal Law No. 37 of December 30, 1967 (amended and supplemented): [orig. текст: The Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967]. Section 15. URL: indiacode.nic.in (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[7] Hoffman B. Inside terrorism. New York : Columbia University Press, 2006. 432 p. ISBN 978-0231126984.

[8] Brazil. Laws. On countering terrorism: Federal Law No. 13.260 of March 16, 2016: [orig. текст: Lei № 13.260, de 16 de março de 2016] // Diário Oficial da União. 2016. 17 março (№ 52). Seção 1. P. 1.

[9] Brazil. Constitution (1988). Constitution of the Federative Republic of Brazil: Adopted on

October 5, 1988: [orig. текст: Constituição da República Federativa do Brasil de 1988] // Diário Oficial da União. 1988. 5 outubro (№ 191-A). Seção 1. P. 1–32.

[10] Protection of Constitutional Democracy against Terrorist and Related Activities Act, 2004 : Act № 33 of 2004 // Government Gazette. 2005. 11 February (Vol. 476, № 27266). P. 1–58. URL: www.gov.za (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[11] Belli L., Gaspar W. B., Jaswant S. S. Data sovereignty and data transfers as fundamental elements of digital transformation: lessons from the BRICS countries // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 54. Art. 106017. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106017..

[12] Jangirala S., Verma D. C., Yadav J. K., Srivastava S. K., Mandal A. Cryptocurrency Policy Stance of BRICS Countries // ICT Systems and Sustainability. Springer, 2025. Pp. 225–236. DOI: 10.1007/978-981-97-8591-9_20..

[13] Russia Is Launching a Legal Crypto Market: What Investors Need to Know / S. why NOT // Binance Square. 2026. 25 August. URL: binance.com (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[14] Chudinovskikh M., Sevryugin V. Cryptocurrency regulation in the BRICS Countries and the Eurasian Economic Union // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6, iss. 1. Pp. 63–81. DOI: 10.21684/2412-2343-2019-6-1-63-81..

[15] Dulatova N., Abd Razak A. The Ecosystem of Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2020. Vol. 7, iss. 2. Pp. 37–65. DOI: 10.21684/2412-2343-2020-7-2-37-65..

[16] The FATF Recommendations: International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation / Financial Action Task Force. Paris : FATF, 2012–2025. 140 p. URL: fatf-gafi.org (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[17] Stankevičiūtė G. 40 Recommendations of the FATF — Overview // iDenfy. 2026. 20 August. URL: idenfy.com (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[18] Staying Ahead of Financial Crime: Adhering to FATF Recommendations for Financial Institutions // Financial Crime Academy. 2026. 17 July. URL: financialcrimeacademy.org (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[19] Mavhuru L., Chitimira H. An analysis of impact of the risk-based approach to combat money laundering and the financing of terrorism on financial inclusion in South Africa // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2025. Vol. 28, no. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.17159/1727-3781/2025/v28i0a21305..

[20] Reznik O. Financial intelligence (monitoring) as an effective way to combat money laundering/O. Reznik [et al.] // Journal of Money Laundering Control. 2023. T. 26, NO. 1. S. 94-105. DOI: 10.1108/JMLC-09-2021-0102..

[21] Financial Intelligence Unit arms itself with AI, ML tools to check money laundering // The Times of India. 2024. 5 May. URL: indiatimes.com (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[22] Binotto A. Corporate liability after Car Wash: spillovers to Brazilian corporate law on liability // Oñati Socio-Legal Series. 2025. Vol. 15, no. 3. Pp. 85–94. DOI: 10.35295/osls.iisl.2292.

[23] Zhou H. Y. Regulating crypto money laundering: an assessment of current regulatory responses and potentials for technology-based solutions // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. 2025. Vol. 8, no. 1. Pp. 142–176. URL: stanford.edu (access date: 25.08.2026). Access mode: electronic.

[24] Russian Federation. Laws. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33. Art. 3418.

[25] Binotto A. Corporate Responsibility after Operation Car Wash: Impact on Brazilian Corporate Law in the Area of Tort Liability // Oñati Socio-Legal Series. 2025. VOL. 15, NO. 3. S. 85-94. DOI: 10.35295/osls.iisl.2292.

[26] Bajpayee GS, Pal G. No Statute of Limitations in the Indian Money Laundering Prevention Act, 2002: An Analysis of the Impact on Legal Certainty and Fundamental Rights // Journal of Illicit Trade, Financial Crime, and Compliance. 2025. T. 1, NO. 1. S. 27-36. DOI: 10.65879/3070-6122.2025.1.04..

[27] Belli L, Gaspar WB, Jaswant S. S. Digital sovereignty and cross-border data transfer as fundamental elements of digital transformation: the experience of the BRICS countries // Computer Law & Security Review. 2024. T. 54. Art. 106017. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106017..

[28] Tjebo R. The role of the transnational legal process in advancing the BRICS sustainable development agenda // Journal of Law and Sustainable Development. 2024. T. 12, NO. 10. C. e3997. DOI: 10.55908/sdgs.v12i10.3997..

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-128-136

АЛИКБЕРОВ Султан Абдулхаликович,
преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: advocatesultan@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. *В статье исследуется формирующийся в доктрине и правоприменительной практике институт дистанционного соучастия в преступлении. Цель исследования – сформулировать понятие дистанционного соучастия, определить его признаки и выработать критерии отграничения от смежных уголовно-правовых институтов. Материалами исследования выступили нормы Уголовного кодекса Российской Федерации о соучастии, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, а также труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам соучастия и киберпреступности. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и логический методы научного познания, а также метод анализа судебной практики. В результате исследования установлено, что дистанционное соучастие представляет собой умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором взаимодействие соучастников – сговор, координация, распределение ролей – осуществляется с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при территориальной разобщенности участников. Выделены объективные и субъективные признаки дистанционного соучастия, предложены критерии его отграничения от посредственного исполнения преступления, прикосновенности к преступлению, неосторожного сопричинения вреда, мнимого (неудавшегося) соучастия и эксцесса исполнителя. На основе анализа судебной практики выявлены основные проблемы квалификации дистанционного соучастия и предложены пути их решения. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции. Полученные результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности, в практике квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также в образовательном процессе.*

Ключевые слова: *дистанционное соучастие; соучастие в преступлении; информационно-телекоммуникационные сети; сеть «Интернет»; организатор преступления; пособник; подстрекатель; посредственное исполнение; прикосновенность к преступлению; эксцесс исполнителя; квалификация преступлений.*

ALIKBEROV Sultan A.,
Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

REMOTE COMPLICITY IN CRIME: CONCEPT, FEATURES AND CRITERIA FOR DISTINGUISHING FROM RELATED INSTITUTIONS

Annotation. *The article examines the institution of remote complicity in crime that is being formed in doctrine and law enforcement practice. The purpose of the study is to formulate the concept of remote complicity, determine its features and develop criteria for distinguishing it from related criminal law institutions. The materials of the study were the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on complicity, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, reviews of judicial practice, as well as works of Russian and foreign scientists on the problems of complicity and cybercrime. The methodological basis was formed by formal-legal, comparative-legal, system-structural and logical methods of scientific cognition, as well as the method of judicial practice analysis. As a result of the study, it was established that remote complicity*

is a deliberate joint participation of two or more persons in the commission of a deliberate crime, in which the interaction of accomplices – conspiracy, coordination, distribution of roles – is carried out using electronic or information and telecommunication networks with territorial separation of participants. Objective and subjective features of remote complicity are highlighted, criteria for its distinction from mediate perpetration of a crime, involvement in a crime, negligent joint causation of harm, imaginary (failed) complicity and excess of the perpetrator are proposed. Based on the analysis of judicial practice, the main problems of qualifying remote complicity are identified and ways to solve them are proposed. Proposals for improving criminal legislation and clarifications of the highest judicial instance are formulated. The results obtained can be used in law-making activities, in the practice of qualifying crimes committed using information and telecommunication networks, as well as in the educational process.

Key words: *remote complicity; complicity in crime; information and telecommunication networks; the Internet; crime organizer; aider; instigator; mediate perpetration; involvement in crime; excess of the perpetrator; qualification of crimes.*

Стремительная цифровизация общественных отношений сопровождается качественными изменениями способов совершения преступлений. Использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», позволило участникам преступной деятельности взаимодействовать без непосредственного физического контакта: организатор и исполнитель, подстрекатель и пособник могут находиться в разных регионах и даже государствах, а координация их действий обеспечивается мессенджерами, электронной почтой, анонимными площадками в даркнете. Наибольшее распространение дистанционная модель соучастия получила в сфере незаконного оборота наркотических средств, мошенничества с использованием методов социальной инженерии, незаконного распространения вредоносных компьютерных программ и деструктивного контента.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерации легального понятия дистанционного соучастия и, как следствие, неоднородностью доктринальных подходов к его определению; во-вторых, наличием устойчивых ошибок в квалификации действий соучастников, взаимодействовавших дистанционно; в-третьих, потребностью правоприменителя в четких критериях отграничения дистанционного соучастия от смежных уголовно-правовых институтов – посредственного исполнения преступления, прикосновенности к преступлению, неосторожного сопричинения вреда, мнимого соучастия и эксцесса исполнителя. Значимость темы подтверждается формированием официальной правовой позиции высшей судебной инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 прямо указано, что преступление, совершенное в соучастии, квалифицируется по признаку совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей [2, с. 3]. Тем не менее данное разъяснение касается преимущественно квалифицирующего признака, оставляя за рамками содержательную характеристику самого института дистанционного соучастия, его признаков и пределов.

Цель настоящего исследования – на основе анализа доктрины, законодательства и судебной практики сформулировать понятие дистанционного соучастия в преступлении, определить его признаки и предложить критерии отграничения от смежных институтов уголовного права, а также сформулировать пути совершенствования правового регулирования. Методологическую основу исследования составили: всеобщий диалектический метод познания; общенаучные методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение; частнонаучные методы – формально-юридический (толкование норм о соучастии), сравнительно-правовой (сопоставление подходов к пониманию дистанционного соучастия и смежных институтов), системно-структурный (выявление места дистанционного соучастия в системе институтов Общей части уголовного права), метод анализа судебной практики. Ограничением исследования является отсутствие официальной статистической информации о распространенности именно дистанционной формы соучастия, что компенсируется анализом опубликованных судебных решений и обобщений практики.

Легальное определение соучастия закреплено в статье 32 УК РФ: соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1, ст. 32]. Традиционно в доктрине выделяются объективные признаки соучастия – количественный (участие двух и более лиц) и качественный (совместность деятельности), а также субъективные признаки – умышленный характер участия и участие в умышленном преступлении [3, с. 47; 4, с. 112; 5, с. 33]. Как справедливо отмечает М.И. Ковалев, совмест-

ность предполагает взаимную обусловленность действий соучастников, наличие причинной связи между действиями каждого из них и общим преступным результатом, а также внутреннюю (субъективную) связь – осведомленность о совместном характере деятельности и согласованность умыслов [3, с. 58]. Н.А. Бабий, в свою очередь, подчеркивает, что соучастие представляет собой особую форму преступной деятельности, при которой общественно опасное поведение каждого из соучастников является необходимым элементом единого преступного деяния [4, с. 134]. П.Ф. Тельнов обращает внимание на то, что субъективная связь между соучастниками является обязательным условием соучастия, поскольку только при наличии общего умысла действия нескольких лиц могут быть признаны совместными [5, с. 41]. С.А. Шатов дополняет, что совместность в соучастии имеет как объективный, так и субъективный аспекты, причем субъективный аспект заключается в осознании каждым участником того, что он действует не единолично, а совместно с другими лицами [6, с. 62].

Дистанционное соучастие не образует самостоятельной формы соучастия в смысле статьи 35 УК РФ, а характеризует особый способ взаимодействия соучастников. В научной литературе под дистанционным преступлением понимается общественно опасное деяние, совершаемое в условиях территориальной разобщенности между субъектом преступления и потерпевшим (объектом), при отсутствии между ними прямого физического контакта и при полной или частичной опосредованности преступных действий [22]. Применительно к соучастию дистанционный характер приобретает не столько способ выполнения объективной стороны, сколько механизм установления и поддержания связи между соучастниками. С учетом изложенного предлагается следующее авторское определение: дистанционное соучастие в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором сговор, координация действий, распределение ролей, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществляются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в условиях территориальной разобщенности соучастников. Важно подчеркнуть, что дистанционный характер взаимодействия не изменяет юридическую природу соучастия: оно остается умышленным совместным участием в умышленном преступлении. Дистанционность влияет на квалификацию в двух аспектах: во-первых, при наличии соответствующего квалифицирующего признака (совершение преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»); во-вторых, на установление субъективной связи и объема умысла каждого соучастника, что порождает специфические доказательственные проблемы.

Дистанционное соучастие характеризуется совокупностью общих признаков соучастия и специальных признаков, отражающих дистанционный способ взаимодействия. Общие признаки соучастия включают: количественный признак – участие двух и более лиц, каждое из которых является субъектом преступления (достигло возраста уголовной ответственности и вменяемо) [1, ст. 32]; качественный (объективный) признак – совместность деятельности: действия соучастников взаимно обусловлены, дополняют друг друга и направлены на достижение единого преступного результата; между действиями каждого соучастника и этим результатом существует причинная связь [3, с. 62]; субъективный признак – умышленное участие: соучастник осознает общественную опасность своих действий и действий других участников, предвидит общий преступный результат и желает либо сознательно допускает его наступление [4, с. 134]; признак участия в умышленном преступлении – соучастие невозможно в неосторожных преступлениях и в преступлениях, совершенных по неосторожности [5, с. 41]. Специальные признаки дистанционного соучастия: территориальная разобщенность соучастников – исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник находятся в различных местах, нередко на территориях разных субъектов Российской Федерации или государств; опосредованность взаимодействия – связь между соучастниками обеспечивается исключительно (или преимущественно) через электронные или информационно-телекоммуникационные сети: мессенджеры, электронную почту, анонимные форумы, площадки даркнета [2, с. 3; 18, с. 44]; анонимизация участников – соучастники могут не знать друг друга лично, общаться под псевдонимами, использовать технические средства сокрытия личности, что затрудняет установление субъективной связи [8, с. 20]; сохранение двусторонней субъективной связи – несмотря на отсутствие личного контакта, соучастники осознают совместный характер деятельности; осведомленность о личности другого соучастника не является обязательным условием, однако осведомленность о совместности – обязательна [15, с. 5]; распределение ролей, зачастую специализированное – в дистанционных преступлениях формируются устойчивые ролевые модели: организатор (администратор интернет-магазина), оператор, «закладчик», «курьер», «дроппер», лицо, обеспечивающее информационное прикрытие [9, с. 22]. Как справедливо отмечает А.М. Ахатова, в условиях дистанционного взаимодействия особое значение приобретает уста-

новление факта осознания каждым участником совместного характера деятельности, поскольку анонимность и территориальная разобщенность создают иллюзию самостоятельности действий [7, с. 1086]. Особое значение для квалификации имеет признак осознания совместности. Как следует из обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, действия соучастников, направленные на сбыт наркотических средств, квалифицируются по признаку совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, если связь между ними в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей, при условии осознания каждым из них совместного характера деятельности [15, с. 4].

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные модели дистанционного соучастия и подходы судов к их квалификации. Наиболее распространенной сферой применения дистанционной модели соучастия является незаконный оборот наркотических средств. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 декабря 2022 г. № 37, по признаку совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей (например, при незаконном сбыте наркотических средств обеспечивалась связь между лицом, осуществляющим закладку наркотических средств в тайники, и лицом, передавшим ему в этих целях наркотические средства) [2, с. 3].

Дистанционное соучастие активно проявляется и в сфере мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В ряде дел суды устанавливают, что соучастники, действуя дистанционно, распределяют роли: один приискивает банковские счета, другой переводит похищенные средства, третий обеспечивает их обналичивание. Важным аспектом таких дел является установление пределов ответственности соучастников при дистанционном взаимодействии. Суды нередко приходят к выводу, что в части сумм, превышающих согласованный объем, в действиях исполнителя имеет место эксцесс, за который другие соучастники уголовной ответственности не подлежат. Данный пример наглядно иллюстрирует проблему определения объема умысла соучастников при дистанционном взаимодействии, когда отсутствие личного контакта и ограниченность коммуникации повышают риск выхода исполнителя за пределы согласованного.

При дистанционном соучастии соучастники зачастую не знают друг друга лично, что создает дополнительные сложности для доказывания субъективной связи. Вместе с тем судебная практика демонстрирует и случаи, когда квалифицирующий признак использования электронных сетей не находит подтверждения. Суды исключают из квалификации действий подсудимых признак «с использованием электронных сетей», если фактически он не был установлен. Это указывает на необходимость тщательного доказывания каждого элемента дистанционного взаимодействия.

Проблема отграничения соучастия от смежных институтов традиционно относится к числу наиболее сложных в теории и практике уголовного права [6, с. 141]. Дистанционный характер взаимодействия создает дополнительные сложности в разграничении, поскольку внешние признаки отдельных деяний могут совпадать. В соответствии с частью 2 статьи 33 УК РФ исполнителем признается, в том числе, лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом [1, ст. 33]. Посредственное исполнение не является соучастием, поскольку отсутствует количественный признак – участие двух и более субъектов преступления [10, с. 152; 17, с. 121]. Как отмечает Н.В. Баранков, посредственное исполнение представляет собой такую конструкцию, при которой лицо, обладающее признаками субъекта преступления, использует для совершения преступления другое лицо, которое в силу закона не может быть признано субъектом преступления, и поэтому ответственность за содеянное несет только одно лицо [10, с. 152]. В дистанционных преступлениях грань между посредственным исполнением и соучастием приобретает особую остроту. Типичной является ситуация, когда организатор дистанционного мошенничества использует в качестве «дропперов» лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, либо невменяемых лиц. В этом случае организатор признается посредственным исполнителем, а его действия квалифицируются без ссылки на статью 33 УК РФ [8, с. 21]. Напротив, если «дроппер» или «закладчик» является вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, осознающим совместный характер деятельности, налицо соучастие: исполнитель выполняет объективную сторону, а организатор подлежит ответственности по части 3 статьи 33 УК РФ со ссылкой на статью Особенной части. Ключевым критерием отграничения выступает субъективный признак: осознавал ли используемый участник общественную опасность своих действий и совместный характер деятельности. Если такое осознание отсутствовало – имеет место посредственное исполнение; если присутствовало – со-

участие [10, с. 155].

Прикосновенность к преступлению – деятельность, связанная с преступлением, но не являющаяся соучастием: заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (статья 316 УК РФ), несообщение о преступлении, попустительство [11, с. 2]. Наиболее близко к соучастию примыкает укрывательство, которое в случае заранее данного обещания приобретает характер интеллектуального пособничества (часть 5 статьи 33 УК РФ) [11, с. 3]. Л.А. Рудой выделяет следующие критерии отграничения соучастия (пособничества) от прикосновенности: временной критерий – обещание укрыть преступника, орудия, следы или предметы, добытые преступным путем, данное до или во время совершения преступления, образует пособничество; деятельность, начавшаяся после окончания преступления, при отсутствии предварительного обещания – прикосновенность [11, с. 4]; причинно-следственный критерий – при соучастии действия пособника находятся в причинной связи с действиями исполнителя и преступным результатом; при прикосновенности такая связь отсутствует [11, с. 5]; субъективный критерий – соучастник осознает, что его содействие направлено на достижение общего преступного результата; прикосновенное лицо действует после завершения преступления и не разделяет умысел исполнителя [11, с. 6]. В дистанционных преступлениях особое значение приобретает установление момента обещания. Например, лицо, предоставившее после совершения дистанционного хищения криптовалютный кошелек для вывода похищенных средств, подлежит ответственности по статье 316 УК РФ, если обещание не было дано заранее. Если же такое обещание было дано до или во время совершения преступления, содеянное образует пособничество.

Неосторожное сопричинение вреда – совместное причинение вреда несколькими лицами по неосторожности – не является соучастием, поскольку соучастие возможно только в умышленном преступлении [5, с. 41]. Каждый из причинителей вреда несет самостоятельную ответственность за последствия своих действий. В дистанционных преступлениях проблема неосторожного сопричинения возникает, в частности, при использовании лиц, совершающих деяние по неосторожности. В доктрине обоснованно отмечается, что умышленное использование для совершения умышленного преступления лиц, причиняющих вред по неосторожности, должно квалифицироваться как посредственное исполнение [10, с. 151]. Критерием отграничения от соучастия выступает субъективное отношение используемого лица: соучастник действует умышленно и осознает совместность; лицо, причинившее вред по неосторожности, такого осознания не имеет.

Мнимое (неудавшееся) соучастие имеет место, когда деятельность лица, направленная на склонение другого лица к совершению преступления или на содействие ему, не достигает цели: склоняемое лицо отказывается от совершения преступления, либо подстрекатель или пособник ошибается относительно свойств субъекта, которым фактически совершается деяние [10, с. 155; 17, с. 123]. В соответствии с частью 5 статьи 34 УК РФ лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет ответственность за приготовление к преступлению [1, ст. 34]. В дистанционных преступлениях неудавшееся соучастие встречается достаточно часто: направленное через мессенджер предложение совершить преступление может быть отклонено адресатом; лицо, привлеченное в качестве «закладчика», может оказаться сотрудником правоохранительных органов, действующим в рамках оперативно-розыскного мероприятия. Критерием отграничения от оконченного соучастия выступает фактическое присоединение исполнителя к совместной деятельности. Если склоняемое лицо не совершило действий, образующих объективную сторону, либо не восприняло склонение, соучастие отсутствует, а действия склонявшего квалифицируются как приготовление к преступлению [13, с. 218]. В литературе отмечается отсутствие легального определения неудавшегося соучастия, при этом под ним понимается не только собственно неудавшееся соучастие, но и случаи, когда исполнитель дал согласие на совершение преступления, но не совершает его [13, с. 219].

В соответствии со статьей 36 УК РФ эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников; за эксцесс другие соучастники уголовной ответственности не подлежат [1, ст. 36]. Дистанционный характер взаимодействия затрудняет установление объема умысла соучастников: отсутствие личного контакта и ограниченность коммуникации повышают риск выхода исполнителя за пределы согласованного. Как показывает судебная практика, при дистанционном взаимодействии эксцесс исполнителя может заключаться в совершении действий, выходящих за пределы достигнутой дистанционной договоренности. Критерием отграничения выступает содержание достигнутой договоренности: если действия исполнителя выходят за пределы согласованного, налицо эксцесс; если дистанционная договоренность охватывала совершенные действия, соучастники отвечают в пределах общего умысла [14, с. 89].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие проблемы квалификации дистанцион-

ного соучастия. Проблема установления субъективной связи при анонимном взаимодействии: отсутствие личного контакта между соучастниками, использование псевдонимов и средств шифрования затрудняет доказывание осведомленности о совместном характере деятельности [8, с. 20]. Верховный Суд Российской Федерации ориентирует суды на необходимость установления умысла, содержания и общественной опасности соответствующих действий [2, с. 5], однако критерии такого установления применительно к дистанционному взаимодействию нуждаются в дальнейшей конкретизации. Как следует из судебной практики, наличие субъективной связи может устанавливаться через совокупность косвенных доказательств: согласованность действий, распределение ролей, использование единых каналов связи, обмен информацией, необходимой для совершения преступления. Проблема квалификации действий соучастников по признаку «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей»: согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, по указанному признаку квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей [2, с. 3]. При этом возникает вопрос о распространении данного признака на всех соучастников независимо от их роли. Представляется обоснованным подход, при котором признак вменяется каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия [15, с. 4]. Вместе с тем судебная практика демонстрирует необходимость индивидуализированного подхода: квалифицирующий признак вменяется только тем соучастникам, которые осознавали использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей как способа взаимодействия. Проблема установления организатора дистанционного преступления: организатор, действующий дистанционно, может оставаться неизвестным иным соучастникам, что затрудняет его идентификацию и доказывание организаторской роли [7, с. 1088]. Практика выработала подход, согласно которому действия организатора квалифицируются по части 3 статьи 33 УК РФ без дополнительной квалификации как подстрекательство или пособничество, поскольку организация преступления охватывает эти функции [12, с. 2]. В судебной практике нередки случаи, когда уголовное дело в отношении неустановленного соучастника выделяется в отдельное производство. Это создает дополнительные сложности для полного и всестороннего расследования и квалификации действий всех участников преступления. Проблема территориальной подсудности: при дистанционном соучастии действия соучастников могут совершаться на территориях разных субъектов Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что местом совершения преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава [2, с. 4]. Данный подход, однако, не в полной мере учитывает специфику дистанционных преступлений, где действия соучастников могут быть территориально разобщены и совершаться в разных юрисдикциях. Это порождает проблемы определения подсудности и координации деятельности правоохранительных органов различных субъектов. Проблема квалификации действий посредников (курьеров, дропперов): особую сложность представляет квалификация действий лиц, выполняющих вспомогательные функции в дистанционных преступлениях – курьеров, дропперов, закладчиков. В литературе справедливо отмечается, что спорным является признание пособничеством сбыта наркотических средств создание сетевых платформ теневого интернета [18, с. 56]. Судебная практика исходит из того, что лицо, осуществляющее закладку наркотических средств в тайники по указанию организатора, действующего дистанционно, признается соисполнителем преступления, поскольку его действия непосредственно входят в объективную сторону состава. При этом не имеет значения, знает ли закладчик личность организатора – достаточно осознания совместного характера деятельности.

В качестве путей решения выявленных проблем предлагается: законодательно закрепить в главе 7 УК РФ понятие дистанционного соучастия, дополнив статью 32 УК РФ частью второй следующего содержания: «Соучастие признается дистанционным, если сговор, координация действий, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществлялись с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при территориальной разобщенности соучастников». Такое закрепление позволит унифицировать подходы к квалификации дистанционного соучастия и устранить существующие доктринальные разногласия. Предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 разъяснениями: о критериях установления субъективной связи соучастников при дистанционном взаимодействии, в том числе при использовании анонимных каналов связи; о критериях отграничения дистанционного соучастия от посредственного исполнения преступления и прикосновенности к преступлению применительно к типичным ролевым моделям («организатор – оператор – закладчик – дроппер»); о том, что квалифицирующий признак «с использованием электронных или информационно-телекоммуникаци-

онных сетей» вменяется каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия, независимо от выполняемой роли; о порядке определения территориальной подсудности при дистанционном соучастии, когда действия соучастников совершаются на территориях разных субъектов Российской Федерации. Предлагается использовать положительный зарубежный опыт противодействия организованной киберпреступности, включая механизмы международного сотрудничества и технического сопровождения расследования [19; 20; 21]. В частности, заслуживает внимания опыт стран Европейского союза по созданию специализированных подразделений по расследованию киберпреступлений и механизмов оперативного обмена информацией между правоохранительными органами различных государств. Предлагается разработать и внедрить специализированные методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, учитывающие специфику дистанционного соучастия: анонимность участников, использование шифрованных каналов связи, территориальную разобщенность.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дистанционное соучастие в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором сговор, координация действий, распределение ролей, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществляются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в условиях территориальной разобщенности соучастников. Дистанционное соучастие не является самостоятельной формой соучастия, а характеризует способ взаимодействия соучастников. Дистанционное соучастие обладает совокупностью общих признаков соучастия (количественный, качественный, субъективный, участие в умышленном преступлении) и специальных признаков: территориальная разобщенность соучастников; опосредованность взаимодействия через электронные или информационно-телекоммуникационные сети; анонимизация участников; сохранение двусторонней субъективной связи; специализированное распределение ролей. Критериями отграничения дистанционного соучастия от смежных институтов выступают: от посредственного исполнения – субъективный критерий осознания используемым лицом совместного характера деятельности и наличия у него признаков субъекта преступления; от прикосновенности – временной, причинно-следственный и субъективный критерии (момент обещания, наличие причинной связи, осознание общего умысла); от неосторожного сопричинения – умышленный характер участия; от мнимого (неудавшегося) соучастия – фактическое присоединение исполнителя к совместной деятельности; от эксцесса исполнителя – содержание достигнутой дистанционной договоренности. Анализ судебной практики показывает, что дистанционное соучастие наиболее распространено в сфере незаконного оборота наркотических средств, где формируются устойчивые ролевые модели дистанционного взаимодействия. Суды при квалификации дистанционного соучастия исходят из необходимости установления осознания каждым участником совместного характера деятельности, что может доказываться через совокупность косвенных доказательств: согласованность действий, распределение ролей, использование единых каналов связи. Проблемы квалификации дистанционного соучастия обусловлены анонимностью взаимодействия, сложностью установления субъективной связи, трудностью идентификации организатора и определения территориальной подсудности. Путями их решения являются законодательное закрепление понятия дистанционного соучастия, конкретизация разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, использование положительного зарубежного опыта и совершенствование методики расследования дистанционных преступлений. Правоприменителю при квалификации дистанционного соучастия следует исходить из того, что дистанционный характер взаимодействия не изменяет юридическую природу соучастия и не освобождает от необходимости установления всех его признаков, прежде всего осознания совместного характера деятельности каждым участником. Квалифицирующий признак совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей подлежит вменению каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. 2022. 27 декабря.

[3] Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.

[4] Бабий Н. А. Соучастие в преступле-

нии: формы, виды, ответственность. М.: Юрлитинформ, 2015. 744 с.

[5] Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.

[6] Шатов С. А. Соучастие в преступлении : учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2024. 224 с.

[7] Ахатова А. М. Проблемы определения и законодательной регламентации «других обстоятельств», предусмотренных в ч. 2 ст. 33 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, № 6. С. 1084–1091.

[8] Ахатова А. М. Спорные проблемы теории и практики соучастия в преступлении // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 18–23.

[9] Марченко О. В. О дистанционном похищении людей // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11. С. 19–28.

[10] Баранков Н. В. Посредственное исполнение преступления // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 146–157.

[11] Рудой Л. А. Отграничение прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 118–123.

[12] Савельев Д. В. Соучастие в преступлении. Преступная группа : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022. 138 с.

[13] Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2006. 364 с.

[14] Субачев А. К. Соучастие в преступлении в Особенной части УК РФ. М. : Юрлитинформ, 2021. 256 с.

[15] Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 10.

[16] Унукович А. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 278–280.

[17] Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.

[18] Бубнова С. А. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : магистерская диссертация. Тамбов, 2025. 98 с.

[19] Clough J. Principles of Cybercrime. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 449 p.

[20] Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007. 276 p.

[21] Kadish S. H. Complicity, Cause and Blame: A Study in the Interpretation of Doctrine // California Law Review. 1985. Vol. 73, No. 2. P. 323–410.

[22] Понятие и признаки дистанционных преступлений // Научная сеть. 2024. URL: https://scinetwork.ru/articles/32919 (дата обращения: 31.08.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. December 27.

[3] Kovalev M.I. Complicity in a crime. Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 1999. 204 pp.

[4] Babiy N. A. Complicity in a crime: forms, types, responsibility. M.: Yurlitinform, 2015. 744 p.

[5] Telnov P.F. Responsibility for complicity in a crime. M.: Legal literature, 1974. 208 pp.

[6] Shatov S. A. Complicity in a crime: a textbook. 2nd ed. St. Petersburg: Legal Center Press, 2024. 224 pp.

[7] Akhatova A. M. Problems of determining and legislative regulation of "other circumstances" provided for in Part 2 of Art. 33 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2025. VOL. 35, NO. 6. S. 1084-1091.

[8] Akhatova A.M. Controversial problems of the theory and practice of complicity in a crime // Novels of the legislation of the criminal cycle and their reflection in the criminal law sciences: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 18-23.

[9] Marchenko O. V. On remote kidnapping // Actual problems of Russian law. 2024. № 11. S. 19-28.

[10] Barankov N.V. Mediocre execution of a crime // Leningrad Law Journal. 2005. № 3. S. 146-157.

[11] Rudoy L. A. Delimiting touch to a crime from complicity in a crime in Russian criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of

Internal Affairs of Russia. 2011. № 6. S. 118-123.

[12] D.V. Savelyev. Complicity in a crime. Criminal group: a textbook for universities. 2nd ed. M.: Yurayt, 2022. 138 pp.

[13] A. A. Arutyunov. Complicity in a crime under the criminal law of the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. M., 2006. 364 pp.

[14] Subachev A.K. Complicity in a crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. M.: Yurlitinform, 2021. 256 s.

[15] Review of judicial practice in cases of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.06.2024 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. № 10.

[16] A. S. Unukovich. The concept of crimes committed using information and telecommunication technologies // Public Service and Personnel. 2021. № 4. S. 278-280.

[17] Trainin A.N. Corpus delicti under Soviet criminal law. M.: Gosyurizdat, 1951. 388 pp.

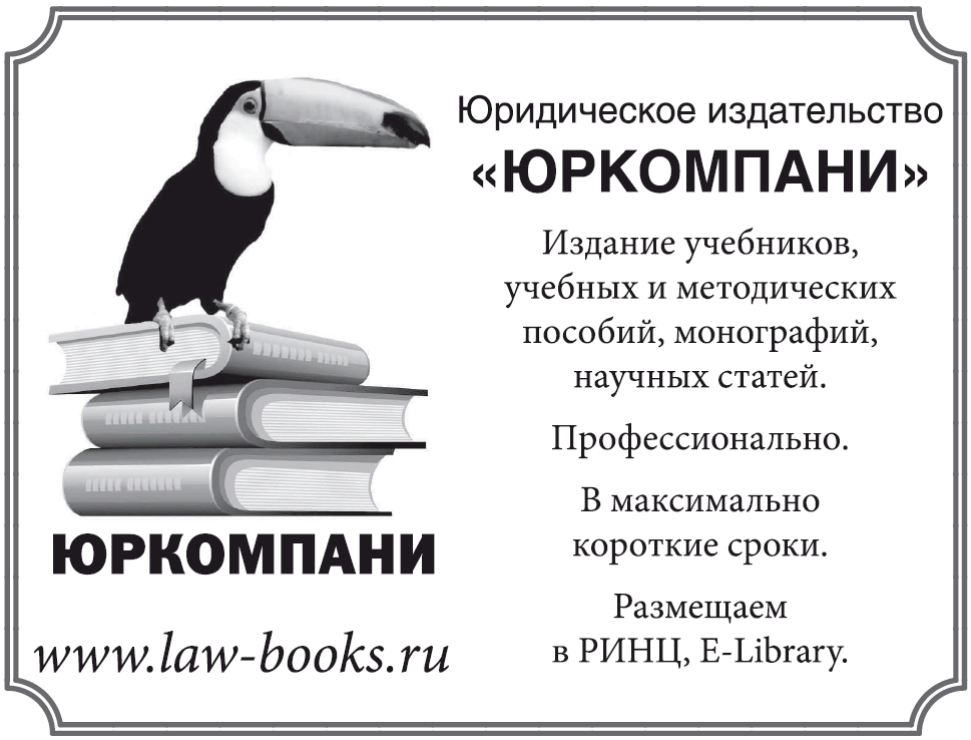
[18] Bubnova S. A. Complicity in crimes committed in the field of information and telecommunication technologies: master's thesis. Tambov, 2025. 98 pp.

[19] Clough J. Principles of Cybercrime. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 449 p.

[20] Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007. 276 p.

[21] Kadish S. H. Complicity, Cause and Blame: A Study in the Interpretation of Doctrine // California Law Review. 1985. Vol. 73, No. 2. P. 323–410.

[22] Concept and signs of remote crimes // Scientific network. 2024. URL: https://scinetwork.ru/articles/32919 (access date: 31.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-137-144

СЛЮСАРЕВА Евгения Александровна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: nnprn@yandex.ru

Научный руководитель:
ВЕКЛЕНКО С.В.,
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

УЧЕТ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ ПРЕЗЮМИРУЕМОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Аннотация. *Предмет исследования составляют уголовно-правовые нормы отечественного законодательства, закрепляющие способы совершения хищения чужого имущества; научная литература по исследуемой теме. Цель работы – раскрыть содержание понятия «способ совершения хищения» и установить, каким образом указанный признак объективной стороны состава преступления учитывается законодателем при оценке общественной опасности на этапе формулирования уголовно-правового запрета хищения. Методологическую основу исследования наряду со всеобщим диалектическим методом познания составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, описание, наблюдение, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический и логико-юридический) методы. В результате проведенного исследования сформулировано авторское определение способа совершения хищения; установлено, что способ совершения хищения оказывает непосредственное влияние на потенциал причинения преступным деянием вреда объекту уголовно-правовой охраны, в связи с чем учитывается законодателем при оценке общественной опасности; выявлено, что сходными по характеру общественной опасности являются хищения, совершенные тайно, путем обмана или злоупотребления доверием, открыто, а повышенным характером обладает хищение, совершенное насильственным способом; предложена иерархия конструктивных способов совершения хищения по степени общественной опасности; проанализирован механизм дифференциации уголовной ответственности за указанный вид преступления с учетом повышенной степени общественной опасности хищения. Полученные результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за хищение чужого имущества с учетом конструктивных способов его совершения, в дальнейших научных исследованиях в рамках обозначенной темы.*

Ключевые слова: *преступление, общественно опасное деяние, хищение, чужое имущество, состав преступления, объективная сторона, способ совершения преступления, общественная опасность.*

SLUSAREVA Evgeniya A.,
St. Petersburg University of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:
VEKLENKO S.V.,
professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

TAKING INTO ACCOUNT THE METHODS OF COMMITTING THEFT WHEN ASSESSING THE PRESUMED PUBLIC DANGER

Annotation. *The subject of the research is the criminal law norms of the domestic legislation, enshrining the methods of committing theft of someone else's property; scientific literature on the*

topic under study. The objective of the work is to reveal the content of the concept «method of committing theft» and to establish how the specified feature of the objective side of the crime is taken into account by the legislator when assessing the social danger at the stage of formulating the criminal law prohibition of theft. The methodological basis of the research, along with the general dialectical method of cognition, consists of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, description, observation, comparison) and specific scientific (formal-legal and logical-legal) methods. As a result of the conducted research, the author's definition of the method of committing theft was formulated; it was established that the method of committing theft has a direct impact on the potential for causing harm to the object of criminal law protection by a criminal act, and therefore is taken into account by the legislator when assessing the social danger; It was found that thefts committed secretly, through deception or abuse of trust, and openly are similar in their social danger, while theft committed by force is of a heightened nature. A hierarchy of constructive methods of committing theft based on the degree of social danger is proposed. A mechanism for differentiating criminal liability for this type of crime, taking into account the increased degree of social danger of theft, is analyzed. The obtained results can be used in legislative activity to improve criminal law norms on liability for theft of another person's property, taking into account constructive methods of committing it, in further scientific research within the framework of the designated topic.

Key words: *crime, socially dangerous act, theft, someone else's property, elements of a crime, objective aspect, method of committing a crime, social danger.*

Введение

Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, что предполагает необходимость защиты института собственности от противоправных посягательств, в том числе и от тех, которые совершаются способами, имеющими уголовно-правовое значение.

Анализ состояния преступности за последние пять лет свидетельствует о значительном удельном весе хищения чужого имущества в структуре всей зарегистрированной преступности на территории России (за 2025 год – 49,61 %, за 2024 год – 50,33 %, за 2023 год – 53,12 %, за 2022 год – 54,02 %, за 2021 год – 54,52 % [1]). Будучи наиболее разработанной уголовно-правовой категорией в доктрине и судебно-следственной практике, хищение традиционно делится на формы в зависимости от способа его совершения. Поддерживая позицию ведущих исследователей в обозначенной области (А.В. Архипов [2, с. 13], В.В. Векленко [3, с. 62-63, 130], Н.А. Лопашенко [4, с. 78], В.В. Хилюта [5, с. 9] и др.), следует заключить, что указанный признак объективной стороны состава преступления выступает наиболее приемлемым основанием дифференциации уголовной ответственности за обозначенный вид преступления против собственности.

Методы

Методологическую основу исследования наряду со всеобщим диалектическим методом познания составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, описание, наблюдение, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический и логико-юридический) методы.

Результаты

Способ совершения хищения как признак объективной стороны состава преступления имеет существенное уголовно-правовое значение. Являясь «важнейшим основанием дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества» [2, с. 8], он не только выступает конструктивным (обязательным) признаком состава преступления, но и может включаться законодателем в конструкцию уголовно-правового запрета хищения в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака. Прежде, чем установить, каким образом учитывается обозначенная уголовно-правовая категория при оценке презюмируемой общественной опасности на законодательном уровне, необходимо дать определение способа совершения хищения.

В уголовно-правовой доктрине одни ученые определяют способ совершения преступления через указание на «прием» [6, с. 20; 7, с. 21]; другие – через его одновременное отождествление с «приемом» и «методом» [8, с. 71-72; 9, с. 20]; некоторые, наряду с «приемами» и «методами», в содержание способа совершения преступления включают «средства совершения преступления» [10, с. 115-116]. При анализе «метода» как философской категории в широком смысле («сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач» [11, с. 551]), а также с учетом его общеупотребительного значения («определенный способ делать что-либо» [12, с. 583]), было установлено, что «способ» и «метод» находятся на одном уровне логического обобщения, в силу чего, на наш взгляд, методологически неверно раскрывать содержание дефиниции спо-

соба совершения преступления через его отождествление с «методом». Не может быть признана обоснованной и третья позиция, поскольку такие факультативные признаки как способ и средства выполняют разные функции в конструкции объективной стороны состава преступления: способ совершения преступления характеризует то, каким образом совершается преступление (это акт поведения), а средства – с помощью чего оно совершается (это предметы материального мира либо процессы внешнего мира). Вместе с тем, при определении понятия способа считаем допустимым указание на прием (приемы) использования тех или иных средств совершения преступления. Таким образом, под способом совершения хищения следует понимать акт поведения, включающий в себя прием или совокупность приемов, а также связанное с такими приемами использование средств совершения преступления, применяемых виновным лицом с целью изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Законодатель, на этапе формулирования уголовно-правовых запретов хищения и определения для них соразмерной санкции, руководствуясь «возможными, еще не наступившими, потенциальными угрозами причинения вреда интересам личности, общества или государства, т. е. презюмируемой … общественной опасностью действия или бездействия» [13, с. 99], справедливо учитывает способ при оценке «презюмируемой общественной опасности» [13].

Содержание общественной опасности традиционно раскрывается через такие ее показатели как характер и степень. Анализируя характер общественной опасности, А.Г. Антонов пришел к выводу о том, что его содержание не только «включает в себя систему, состоящую из определенных общественных отношений, охраняемых уголовным законом, дополнительного объекта, предмета и потерпевшего от преступного посягательства» [14, с. 154], но и может уточнятся «факультативными признаками других элементов состава преступления, такими как <…>, способ совершения преступления» [14, с. 159]. Мы также являемся сторонниками обозначенной позиции, поскольку законодатель должен не только оценить, какой вред может быть причинен объекту уголовно-правовой охраны в результате совершения общественно опасного деяния, но и учесть, что может повлиять на потенциал его вредоносности. Способ совершения хищения, непосредственно оказывающий такое влияние, различным образом включается в перечень признаков того или иного состава хищения чужого имущества.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) такие способы изъятия и (или) обращения чужого имущества как тайность, обман, злоупотребление доверием, открытость, а также насилие, опасное для жизни или здоровья, являются конструктивными признаками, определяющими типовой характер вредоносности деяний, предусмотренных первыми частями ст.ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ, а потому они необходимы для наличия основания уголовной ответственности. Вместе с тем, характер общественной опасности у хищений не одинаковый, так как некоторые из обозначенных способов усиливают вредоносный потенциал преступного деяния за счет возможного поражения дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, расширяет характер общественной опасности.

Таким образом, сходными по характеру общественной опасности являются хищения, совершенные тайно, путем обмана или злоупотребления доверием, открыто (конструктивные способы), так как основным объектом указанных преступных посягательств являются только общественные отношения, обеспечивающие охрану собственности. Повышенным характером общественной опасности обладает хищение, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, поскольку применение такого конструктивного способа влияет на вредоносный потенциал деяния, а именно на его способность причинять вред не только основному, но и дополнительному объекту (общественным отношениям, обеспечивающим безопасность жизни и здоровья), что находит свое отражение в санкции уголовно-правовой нормы. По той же причине повышенным характером общественной опасности обладает и хищение, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, однако законодатель включает указанный способ в конструкцию состава преступления только лишь в качестве квалифицирующего признака (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), а не конструктивного, что, на наш взгляд, является не совсем удачным. Во-первых, хищения, совершенные указанными способами, относятся к категории тяжких преступлений. Во-вторых, насильственный способ посягательства при хищении (вне зависимости от его опасности для жизни или здоровья) отличается от других ненасильственных способов не только по степени общественной опасности, но и по своему характеру, так как он всегда сопряжен с посягательством на дополнительный объект. В-третьих, дифференциация насильственного хищения на виды фактически состоит в оценке интенсивности примененного насилия, в связи с чем насильственные способы посягательства при хищении отличаются друг от друга по степени их общественной опасности. С учетом изложенного, на наш взгляд, насильственный способ хищения должен быть конструктивным способом только

для состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за разбой, а интенсивность его применения необходимо учитывать в рамках дифференциации уголовной ответственности за указанное преступление. При таком подходе только насильственному хищению будет свойственен повышенный характер общественной опасности ввиду специфики его конструктивного способа.

В указанном контексте О.А. Буркина пришла к выводу о том, что «Насилие как способ завладения имуществом должно определять отдельную самостоятельную форму хищения – разбой. В связи с этим предлагаются следующие законодательные изменения: исключить из ч. 2 ст. 161 УК РФ отягчающее обстоятельство "с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия"» [15, с. 5]; по мнению Е.О. Щербаковой, «Представляется целесообразным несколько изменить основные признаки грабежа, сохранив важнейший из них – открытость хищения, но скорректировав признак, связанный с применением насилия, т.е. исключить понятие "насильственный грабеж". В этом случае любое насилие (не опасное и опасное для жизни и/или здоровья потерпевшего) будет являться признаком разбоя» [16, с. 7]; Р.Д. Шарапов отметил, что «Впрочем, такая квалификация вряд ли согласуется с социально-правовой природой и степенью общественной опасности действий виновного, которые, по существу, представляют собой насильственное хищение, нуждающееся в уголовно-правовой оценке как единое преступление. Поэтому небезосновательно мнение о необходимости унификации насильственных форм хищения чужого имущества с учетом опыта Уголовного уложения 1903 г., в котором разбой был единственной насильственной формой хищения» [17, с. 22] и т. д.

Помимо этого, анализ Уголовного кодекса Китая в части законодательного закрепления насильственного способа совершения хищения позволил сделать вывод о том, что «насильственный способ совершения хищения (без указания на нападение) является конструктивным признаком объективной стороны состава разбоя, где интенсивность применяемого насилия учитывается в качестве квалифицирующего признака; конструктивным признаком состава грабежа является открытый способ завладения чужим имуществом» [18, с. 20]. По нашему мнению, указанный зарубежный опыт законодательного закрепления насильственного способа совершения хищения может быть применим и в уголовном законодательстве России.

Второй показатель оценки общественной опасности – степень – отражает, «насколько велика общественная опасность и свое окончательное выражение находит в санкции» [19, с. 71-72]. В рамках традиционного понимания степени как количественного показателя А.Ю. Кузнецов отметил, что такой оценке «поддаются величина причиненного преступлением вреда, <…> и некоторые другие из них, в то время как <…> способ совершения преступления и т. п. оценить в этом аспекте либо практически затруднительно, либо в принципе невозможно» [20, с. 237], с чем мы, безусловно, согласны, поскольку способ как признак объективной стороны состава преступления математически не измеряется. Однако он свидетельствует об операционном своеобразии исполнения общественно опасного деяния и характеризует его направленность, в связи с чем справедливо учитывается законодателем и при оценке интенсивности (то есть, степени) возможного вредоносного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения для дифференциации уголовной ответственности.

В основных составах кражи, грабежа и разбоя в санкциях статей прослеживается законодательная тенденция такого учета, так как наказание последовательно усиливается в зависимости от их конструктивного способа: максимальное наказание составляет соответственно до двух, четырех и восьми лет лишения свободы. Законодатель, противопоставляя тайный, открытый и насильственный способы изъятия и (или) обращения чужого имущества, исходит из того, что 1) при тайном завладении чужим имуществом преступник избегает контакта с собственником или иными лицами, 2) при открытом виновное лицо осознано игнорирует присутствие собственника или иных лиц, проявляет пренебрежительное отношение к ним, а также демонстрирует безразличие к оценке своего преступного поведения последними, 3) насильственный способ сопряжен с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо угрозой такого насилия, что обусловливает посягательство на дополнительный объект уголовно-правовой охраны – жизнь и здоровье человека, а также свидетельствует о максимальной интенсивности противоправного воздействия.

Однако применительно к основным составам кражи, мошенничества, присвоения или растраты подобный подход не прослеживается: указанные преступления одинаково наказываются лишением свободы на срок до двух лет, хотя фактически для состава присвоения или растраты вообще не предусмотрен конструктивный способ завладения вверенным имуществом, а тайность (в ч. 1 ст. 158 УК РФ), злоупотребление доверием и обман (в ч. 1 ст. 159 УК РФ) обладают разной степенью общественной опасности.

Возможно, отсутствие такого учета обусловлено тем, что специфика таких способов

совершения хищения как обман и злоупотребление доверием не позволяет однозначно даже на обыденном уровне сознания оценить, какой из указанных способов по степени более или менее общественно опасен. В указанном контексте стоит также отметить, что в целом активную научную дискуссию в уголовно-правовой доктрине вызывает решение законодателя в части закрепления злоупотребления доверием в качестве альтернативного способа совершения мошенничества. Так, одни авторы считают, что злоупотребление доверием является разновидностью обмана, в связи с чем указание на него в качестве альтернативного способа совершения мошенничества признают нецелесообразным [21, с. 10; 22, с. 61-63]; вторая группа авторов считает, что злоупотребление доверием является отличным от обмана способом совершения мошенничества, в связи с чем поддерживают законодательную позицию по данному вопросу [23, с. 929]; третья группа авторов считает, что способом совершения мошенничества выступает только обман, а злоупотребление доверием является самостоятельным преступным деянием, совершаемым своими специфичными способами [24, с. 276; 25, с. 7]; четвертая группа авторов сформировала позицию, согласно которой злоупотребление доверием – это самостоятельный, конструктивный способ совершения иной формы хищения (не мошенничества) [5, с. 377].

Являясь сторонниками четвертой позиции, необходимо отметить следующее. При обманном способе совершения хищения чужого имущества виновное лицо не ждет какого-либо благоприятного стечения обстоятельств, а активно создает их сам для введения потерпевшего в состояние заблуждения. Законодатель при этом учитывает, что он, в первую очередь, будет воздействовать на психику потерпевшего, убеждать в правомерности передачи имущества, хотя фактически такая передача – результат заблуждения потерпевшего. При этом, в целях хищения чужого имущества виновное лицо может распространять обманные схемы воздействия на неопределенно широкий круг потерпевших (например, используя информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»), что существенным образом может усилить потенциал причинения возможного вреда объекту уголовно-правовой охраны. В свою очередь, злоупотребление доверием как способ совершения хищения является менее трудоемким и не требует от виновного лица такой изобретательности, которая наличествует при обмане. Это обусловлено тем, что до выполнения объективной стороны состава преступления между потерпевшим и виновным лицом уже должны быть сформированы устойчивые доверительные отношения, благодаря которым потерпевший в большей степени проявит свою волю при передаче имущества виновному, в связи с чем и величина возможного вреда другим охраняемым уголовным законом общественным отношениям минимизируется. При этом, хищение чужого имущества путем злоупотребления доверием всегда ограничено рамками конкретных правоотношений и, как правило, не связано с активным либо пассивным искажением каких-либо фактов (прошлого, настоящего или будущего).

Таким образом, на наш взгляд, обман является более общественно опасным способом, нежели чем злоупотребление доверием, ввиду чего недопустимо закреплять указанные способы в качестве альтернативных в рамках диспозиции одной статьи Особенной части УК РФ, так как хищение чужого имущества, совершенное такими способами без отягчающих обстоятельств, признается в равной степени преступлениями небольшой тяжести, за совершение которых назначается одинаковое наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Помимо этого, ввиду повышенной степени общественной опасности законодатель включает способ совершения преступления и в признаки квалифицированного и особо квалифицированного состава хищения. В данном случае речь идет о конкретизации конструктивных способов на более детализированные прием или совокупность приемов, которые может использовать виновное лицо для достижения преступной цели. Так, например, преодоление препятствия является специфичным приемом любого незаконного проникновения (будь то проникновение в жилище, помещение или иное хранилище), и учет такого приема важно для формулирования уголовно-правового запрета, поскольку изъятие и (или) обращение чужого имущества, совершенное не только конструктивным способом, но и дополнительным, характеризуется повышенной степенью общественной опасности. Именно поэтому санкции квалифицированных и особо квалифицированных составов хищения содержат более строгие виды и размеры наказания.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, необходимо сделать следующие выводы:

Сходными по характеру презюмируемой общественной опасности являются хищения, совершенные тайно, путем обмана или злоупотребления доверием, открыто. Повышенным характером общественной опасности обладает хищение, совершенное насильственным способом, в связи с чем интенсивность применения такого способа, на наш взгляд, должна быть учтена в рамках дальнейшей дифференциации уголовной ответственности по степени общественной опасности.

По степени презюмируемой обществен-

ной опасности можно расположить конструктивные способы совершения хищения в порядке возрастания следующим образом: тайность (менее общественно опасный) – злоупотребление доверием – обман – открытость – насилие (более общественно опасный).

Ввиду повышенной степени презюмируемой общественной опасности законодатель справедливо включает способ совершения преступления и в признаки квалифицированного и особо квалифицированного состава хищения путем конкретизации конструктивных способов на более детализированные прием или совокупность приемов, тем самым дифференцируя уголовную ответственность за указанный вид преступления.

Список литературы:

[1] Состояние преступности в России в 2021-2025 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: сайт. – URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Архипов А.В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. / Архипов Андрей Валерьевич. – Екатеринбург, 2026. – 424 с.

[3] Векленко В.В. Квалификация хищений чужого имущества: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. / Векленко Василий Владимирович. – Омск, 2001. – 375 с.

[4] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. II. Общая теория хищения. Виды хищения: монография / Н.А. Лопашенко. – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2019. – 192 с.

[5] Хилюта В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография / В.В. Хилюта. – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. – 527 с.

[6] Галаганов А.А. Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. / Галаганов Алексей Анатольевич. – Омск, 2011. – 209 с.

[7] Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления: монография / И.Ш. Жордания. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. – 233 с.

[8] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления: монография / В.Н. Кудрявцев. – Москва: Изд-во «Госюриздат», 1960. – 244 с.

[9] Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность: монография / Н.И. Панов. – Харьков: Изд-во при Харьковском государственном университете издательного объединения «Вища школа», 1982. – 161 с.

[10] Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления / В.П. Коняхин // Уголовное право в борьбе с преступностью. – Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. – С. 115-121.

[11] Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Под ред. М.С. Ковалевой, Е.И. Лакиревой, Л.В. Литвиновой, М.М. Новоселова, А.П. Полякова, Ю.Н. Попова, А.К. Рябова, В.М. Смолкина; Том 2. – Москва: Изд-во «Мысль», 2010. – 639 с.

[12] Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – Москва: Изд-во «Астрель», 2003. – 1582 с.

[13] Векленко С.В. О неоднозначном понимании общественной опасности преступного посягательства / С.В. Векленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2026. – № 2 (110). – С. 95-101.

[14] Антонов А.Г. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / А.Г. Антонов, В.В. Агильдин, Е.С. Витовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 154-161.

[15] Буркина О.А. Уголовная ответственность за посягательства на собственность с применением насилия: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. / Буркина Ольга Александровна. – Омск, 2008. – 23 с.

[16] Щербакова Е.О. Грабеж чужого имущества: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия: на материалах Южного федерального округа: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. / Щербакова Екатерина Олеговна. – Краснодар, 2008. – 26 с.

[17] Шарапов Р.Д. Старые и новые проблемы квалификации хищений / Р.Д. Шарапов // Третьи Волженкинские чтения: Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против собственности): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. – С. 15-22.

[18] Сорокин И.С. Законодательное закрепление способов совершения хищения в Индии и Китае / И.С. Сорокин, Е.А. Слюсарева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2 (80). – С. 15-22. – EDN JVRVBQ.

[19] Уголовное право. Общая часть: учебник / А.В. Никуленко, С.А. Денисов, М.В. Баранчикова и др.; – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – 424 с.

[20] Кузнецов А.Ю. Методологические проблемы толкования уголовного закона и су-

дейского усмотрения при его применении: монография / А.Ю. Кузнецов. – Москва: Изд-во «Проспект», 2025. – 288 с.

[21] Малышева Ю.Ю. Ответственность за преступления в сфере экономики, совершаемые путём обмана, по уголовному праву России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. / Малышева Юлия Юрьевна. – Казань, 2004. – 25 с.

[22] Кибальник А.Г. Квалификация мошенничества в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 62-67.

[23] Красноперов Е.В. Разграничение обмана и злоупотребления доверием в составах преступлений против собственности / Е.В. Красноперов // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 84 (10). – С. 920-929.

[24] Безверхов А.Г. Имущественные преступления : монография / А.Г. Безверхов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 359 с.

[25] Борзенков Г.Н. Разграничение обмана и злоупотребления доверием / Г.Н. Борзенков // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 1-8.

References:

[1] The state of crime in Russia in 2021-2025. [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website. - URL: https://мвд.рф/reports/1/ (access date: 01.02.2026).

[2] Arkhipov A.V. System of composition of embezzlement under the criminal legislation of Russia: problems and prospects: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.4. / Andrey Valerievich Arkhipov. - Yekaterinburg, 2026. - 424 s.

[3] Veklenko V.V. Qualification of theft of someone else's property: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. / Veklenko Vasily Vladimirovich. - Omsk, 2001. - 375 s.

[4] Lopashenko N.A. Crimes against property. Author's course. In 4 books Kn. II. General theft theory. Types of theft: monograph / N.A. Lopashenko. - Moscow: Publishing house "Yurlitinform," 2019. - 192 s.

[5] Hilyuta V.V. Forms of theft in the doctrine of criminal law: monograph/V.V. Hilyuta. - Moscow: Publishing house "Yurlitinform," 2014. - 527 s.

[6] A.A. Galaganov. Criminal law characteristics of methods of embezzlement: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. / Galaganov Alexey Anatolyevich. - Omsk, 2011. - 209 s.

[7] Zhordania I.Sh. Structure and legal significance of the method of committing a crime: monograph / I.Sh. Zhordania. - Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1977. - 233 s.

[8] Kudryavtsev V.N. The objective side of the crime: monograph/V.N. Kudryavtsev. - Moscow: Publishing house "Gosyurizdat," 1960. - 244 s.

[9] Panov N.I. Method of committing a crime and criminal liability: monograph / N.I. Panov. - Kharkov: Publishing house at Kharkov State University of the publishing association "Vischa Shkola," 1982. - 161 s.

[10] Konyakhin V.P. Criminal law significance of the method of committing a crime / V.P. Konyakhin // Criminal law in the fight against crime. - Moscow: Publishing House of the IGiP of the USSR Academy of Sciences, 1981. - S. 115-121.

[11] New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / Ed. M.S. Kovaleva, E.I. Lakireva, L.V. Litvinova, M.M. Novoselova, A.P. Polyakova, Yu.N. Popova, A.K. Ryabova, V.M. Smolkina; Volume 2. - Moscow: Publishing House "Thought," 2010. - 639 p.

[12] Dmitriev D.V. Explanatory Dictionary of the Russian Language/Ed. D.V. Dmitrieva. - Moscow: Astrel Publishing House, 2003. - 1582 p.

[13] Veklenko S.V. On the ambiguous understanding of the public danger of criminal encroachment / S.V. Veklenko // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2026. – № 2 (110). - S. 95-101.

[14] Antonov A.G. On the nature of the public danger of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues / A.G. Antonov, V.V. Agildin, E.S. Vitovskaya // All-Russian Criminological Journal. – 2017. - T. 11, NO. 1. - S. 154-161.

[15] Burkina O.A. Criminal Liability for Violent Attacks on Property: Abstract. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. Burkina Olga Alexandrovna. - Omsk, 2008. - 23 s.

[16] Shcherbakova E.O. Robbery of someone else's property: problems of criminal law regulation and counteraction: on the materials of the Southern Federal District: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08 Shcherbakova Ekaterina Olegovna. - Krasnodar, 2008. - 26 s.

[17] Sharapov R.D. Old and new problems of theft qualification/R.D. Sharapov // Third Volzhenkinsky readings: Criminal law of Russia: state and prospects (crimes against property): materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 23, 2017. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. - S. 15-22.

[18] I.S. Sorokin. Legislative consolidation of methods of embezzlement in India and China I.S. Sorokin, E.A. Slyusareva // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 2 (80). - S. 15-22. – EDN JVRVBQ.

[19] Criminal law. General part: textbook / A.V. Nikulenko, S.A. Denisov, M.V. Baranchikova and

others; - 2nd ed., Revised. and add. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. - 424 s.

[20] Kuznetsov A.Yu. Methodological problems of interpretation of the criminal law and judicial discretion in its application: monograph / A.Yu. Kuznetsov. - Moscow: Prospekt Publishing House, 2025. - 288 p.

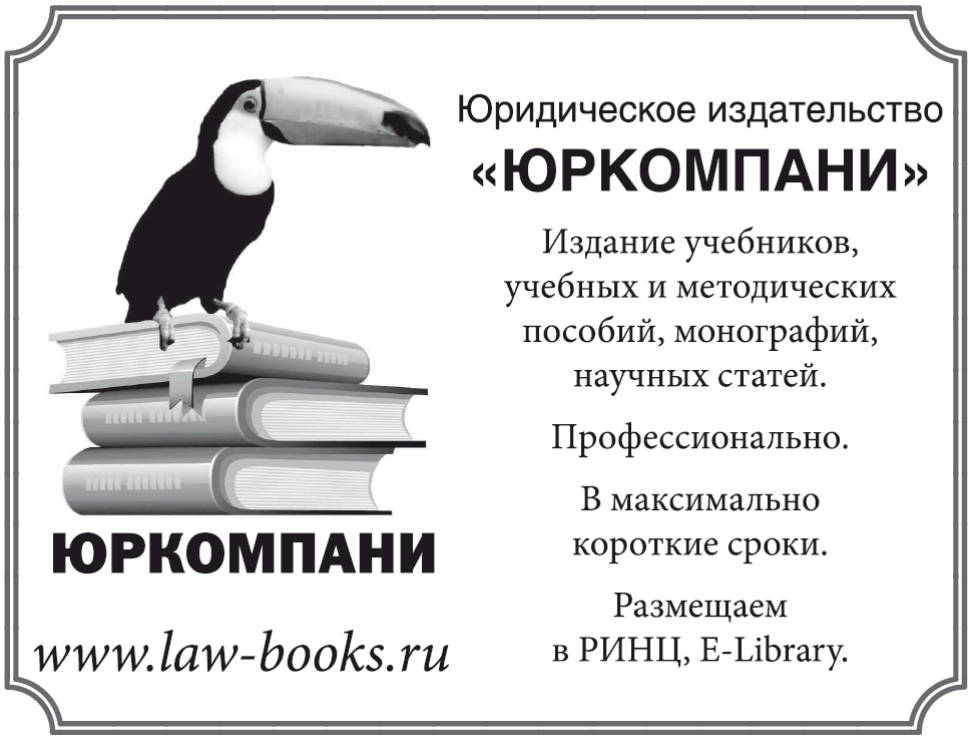
[21] Malysheva Yu. Yu. Responsibility for crimes in the field of economics committed by deception under the criminal law of Russia: author. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. / Malysheva Julia Yurievna. - Kazan, 2004. - 25 s.

[22] Kibalnik A.G. Qualification of fraud in the new Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation / A.G. Kibalnik // Criminal Law. – 2018. – № 1. - S. 62-67.

[23] Krasnoperov E.V. Delimitation of deception and breach of trust in the composition of crimes against property / E.V. Krasnoperov // Scientific journal KubSAU. – 2012. – № 84 (10). - S. 920-929.

[24] Bezverkhov A.G. Property crimes: monograph A.G. Bezverkhov. - Samara: Publishing House "Samara University," 2002. - 359 p.

[25] Borzenkov G.N. Delimitation of deception and breach of trust/G.N. Borzenkov // Criminal law. – 2008. – № 5. - S. 1-8.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-145-150

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России,
e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: morozur@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье освещаются вопросы, касающиеся современных методов расследования должностных преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, использования цифровых технологий и специальных знаний в процессе расследования, роли различных видов судебных экспертиз (почерковедческой, компьютерно-технической, химической, фоноскопической и др.).*

Особое внимание уделяется анализу эффективности использования современных инструментов технического обеспечения и цифровизации процесса расследования, включая возможности искусственного интеллекта и нейросетевых технологий.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, расследование преступлений, должностные лица, уголовно-исполнительная система, фоноскопическая экспертиза, программное обеспечение.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL)

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY OFFICIALS OF THE PENAL SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article addresses issues related to modern methods of investigating official crimes committed within the penal system of the Russian Federation, the use of digital technologies and specialized knowledge in the investigation process, and the role of various types of forensic examinations (handwriting, computer-technical, chemical, phonoscopic, etc.).*

Special attention is paid to analyzing the effectiveness of using modern technical tools and digitalizing the investigation process, including the capabilities of artificial intelligence and neural network technologies.

Key words: *artificial intelligence, crime investigation, officials, penal system, phonoscopic examination, software.*

Особенности выявления и расследования преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных ведомств являются предметом междисциплинарных исследований ученых в области криминологии, криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального права, судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности. Актуальность и значимость выработки комплексного механизма борьбы с должностной и сопряженной с ней коррупционной преступностью, подтверждается количеством диссертационных исследований, частными задачами которых за последний десятилетний период [9] выступал анализ вопросов по выработке мер и тактических приемов преодоления противодействия расследованию преступлений, совершаемых должностными лицами (Головина Е.В.) [10], разработка и освещение элементов частной криминалистической методики расследования должностных насильственных преступлений (Галяутдинов Р.Р.) [11], а также раскрытия участия должностных лиц в незаконной предпринимательской деятельности (Усенко А.С.) [12], алгоритмизация и повышение эффективности криминалистического обеспечения процесса выявления и расследования коррупционных преступлений среди сотрудников ГИБДД (Цыбульский В.В.) [13], обоснование уголовно-правовых мер по предупреждению взяточничества среди сотрудников МВД России (Ширшанова Е.А.) [14], совершенствование практики правоприменения при раскрытии преступлений, связанных с исполнением служебных обязанностей сотрудниками органов принудительного исполнения (Колотилина А.А.) [15]. При этом повышение эффективности действий следственно-оперативных органов и внедрение в их деятельность современных инструментов и средств научно-технического обеспечения расследования преступлений, совершаемых должностными лицами пенитенциарного ведомства, исследовано недостаточно и также заслуживает освещения. Указанная авторская позиция связана прежде всего с особенностями пенитенциарной преступности в целом и спецификой способов совершения должностных преступлений в частности, их резонансностью в обществе, подрывающими авторитет и имидж государственной правоохранительной структуры. Так, в феврале 2026 года, сотрудниками СУ СК РФ по Омской области было окончено предварительной расследование уголовного дела, возбужденного в отношении бывшего начальника территориального органа ФСИН России – К. Книсса, по факту совершения должностных и коррупционных преступлений [16]. В рамках предварительного следствия установлено, что в период с мая 2019 по декабрь 2023 года обвиняемый, являясь должностным лицом, наделенным властно-распорядительными полномочиями, использовал вверенное служебное имущество, а именно катер, в личных целях для осуществления прогулок по р. Иртыш, в результате чего, государству был причинен материальный ущерб на общую сумму 2,5 млн. руб. [17]. Основой доказательственной базы совершения преступлений послужил не только комплекс вербальных доказательств (показаний свидетелей), но и цифровых следов совершения преступлений (электронной коммуникации в мессенджерах, содержащих операционные указания по схеме получения материальных ценностей, иных средств).

Согласимся с мнением Кузьминой О.А., что особенности совершения должностных преступлений в правоохранительных органах существенным образом влияют и на выбор криминалистических способов выявления и раскрытия таких преступлений [Кузьмина, с. 91], которые на современном этапе требуют внедрения новых методов, инструментов, обеспечения деятельности субъекта расследования, позволяющих достичь быстрых результатов, установить отдельные обстоятельства преступного события при наименьших затратах сил и средств.

Среди основных информационно-технологических ресурсов, используемых в процессе криминалистического обеспечения расследования преступлений выделяют: специальное программное обеспечение, автоматизирующее процесс сбора информации при помощи камер видеонаблюдения; автоматизированные системы государственной регистрации, мобильные справочные системы [Бахтеев, с.141-142], транскрайберы, используемые при формировании протоколов следственных действий путем перевода устной речи в письменную; программное обеспечение и программно-аппаратные модули, предназначенные для получения доступа к электронной (цифровой) информации [Воронков, с. 110, 113]. Отметим, что востребованность и перспективы использования указанных инструментов технического обеспечения и цифровизации процесса установления обстоятельств преступного события, не вызывает сомнения, но и не исключает перспективы использования инструментов искусственного интеллекта, программных модулей с элементами нейросетей, ИИ-ассистентов на этапе предварительного расследования преступления и в сопряженном с ним процессе производства судебных экспертиз.

Заметим, что анализ правоприменительной практики, показал, что использование специальных знаний в процессе расследования должностных преступлений, совершаемых сотрудниками УИС РФ, связано с назначением следующих судебных экспертиз:

почерковедческой экспертизы при необходимости установления автора текста, содержа-

щего обстоятельства совершения преступления (например подписи на акте о приемке выполненных работ);

компьютерно-технической экспертизы при необходимости установления документов (рапортов, докладных записок), иных страниц текстовых электронных блокнотов, приложений, содержащих ключ-доступ к онлайн-кошелькам, файлов на жестком диске, иных накопителях, принадлежащих подозреваемому (обвиняемому);

судебной химической экспертизы при необходимости установления наличия криминалистического порошка (криминалистического идентификационного препарата, криминалистического маркера), на предметах, используемых для смывов (изъятия проб) с поверхности рук подозреваемого, и последующего отождествления химического состава криминалистического средства с порошком, которым в рамках оперативно-тактической комбинации «задержание с поличным» был обработан предмет взяточничества;

технико-криминалистической судебной экспертизы документов в целях установления способа подлога (подделки) документа;

судебной лингвистической экспертизы при необходимости смысловой оценки вербальной коммуникации между подозреваемым и свидетелем, например с целью установления преимущества в «движении» разговора, категоричностью волеизъявления, определения структурного содержания и механизма построения высказываний;

судебной фоноскопической экспертизы при необходимости исследования аудиозаписи разговора подозреваемого с целью его идентификации.

Останавливаясь на последней форме использования специальных знаний, отметим, что системы биометрической идентификации на основе голоса человека применяются во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и криминалистике [Юдаков, с. 248], а фоноскопическая экспертиза является одним их главных средств исследования следов вербальной природы, играя важную роль в процессе идентификации личности по голосу, обстоятельств расследуемого события [Кубанов, с. 124].

Например, Ворошиловским районным судом г. Волгограда в рамках судебного разбирательства по факту обвинения Кочубеева А.Ю., в совершении преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290, ч. 1 ст. 292 УК РФ, было установлено, что подсудимый являясь первым заместителем директора предприятия ФГУП УС-34 ФСИН России, за способствование и обеспечение заключению новых договоров строительного субподряда в целях выполнения общестроительных и строительно-монтажных работ на курируемых объектах ФСИН России с определенной организацией, получил взятку в размере 1, 845 млн. руб. и совершил служебный подлог, выразившийся во внесении в официальные правоустанавливающие документы заведомо ложных сведений об освоении денежных средств, выделенных заказчиком в лице унитарного государственного предприятия пенитенциарного ведомства [18]. В подтверждение предъявленного обвинения судом были исследованы результаты проведения фоноскопической экспертизы аудиозаписи телефонных переговоров (звукового файла), идентифицирующие Кочубеева А.Ю. как одного из участников диалога о договоренности по схеме получения денежных средств незаконным путем, что подтвердило причастность последнего к инкриминируемому событию преступления.

Таким образом, назначение и производство судебной фоноскопической экспертизы, представляя собой источник неопровержимых доказательств по уголовным делам, связанным с совершением должностных преступлений сотрудниками пенитенциарного ведомства, позволяет обеспечить полноту сбора доказательственной базы. При этом развитие судебной фоноскопической экспертизы в условиях цифровизации сопровождается совершенствованием автоматизированного рабочего места эксперта-фоноскописта посредством интеграции в него специализированного программного обеспечения, аппаратно-программных комплексов [Коринь, с. 150-151]. По нашему мнению, решение идентификационных задач экспертного исследования цифровых аудиофайлов может быть оптимизировано не только за счет использования программных продуктов «OT-Expert» [19], но и путем внедрения программ с элементами искусственного интеллекта, нейросетевых технологий, позволяющих:

анализировать большие объемы аудиофайлов с диологом в условиях шума (например, многочасовые аудиозаписи по итогам ОРМ «Наблюдение» из служебного кабинета подозреваемого);

осуществлять поиск необходимых вербальных единиц (например, суммы предполагаемого предмета преступления: «миллион», «сто пятьдесят тысяч рублей»);

распознать речь идентифицируемого лица, если она искажена помехами;

произвести транскрибацию текста, включая слова на иностранном языке («юзать», «получить гифт», «вишлист»);

определять эмоциональный окрас разговора, вопросительные и повелительные интонации в диалоге;

исключить монтаж («склейку») аудиофайла.

Последняя из задач, является особенно актуальной в условиях заявления подозреваемым о предполагаемой генерации, синтезировании, клонировании голоса («дипфейк»), т.е. создании новой фонограммы с голосом идентифицируемого лиц, отражающим речевое событие, которой никогда не существовало [Бодров, с. 12]. Но, учитывая специфику объекта исследования, отметим, что нейросеть и искусственный интеллект служат лишь дополнительным инструментом экспертного исследования, обеспечивая распознавание текста свыше 90-93%, но при этом исключая любой вид субъективности в результатах экспертного исследования. Также существенным плюсом является возможность конвертации аудиозаписи из файлов формата AVI (Audio Video Interleave), WAV (Waveform Audio File Format) и, в частности, MOV (QuickTime Movie), являющийся форматом мультимедийных файлов, используемых в устройствах, разработанных компанией Apple (iPhone, iPad, компьютеры Mac, смарт-часы Apple Watch, беспроводные наушники с микрофоном AirPods).

Поэтому, использование современных технологий в экспертном обеспечении расследования должностных преступлений в УИС РФ должно сочетать профессионализм, опыт экспертов и инструментую поддержку по использованию программ с элементами нейросети и искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Бахтеев Д.В., Шевырталов Е.П. Информационное обеспечение криминалистической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 4. С. 132–145.

[2] Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Анализ судебной практики установления обстоятельств в случаях противоправного распространения генеративного контента, созданного с помощью технологий искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2024. № 11. С. 1-25.

[3] Воронков Д.В., Сосновикова А.М. Модели использования следователем современных информационных источников ориентирующего и доказательственного значения // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 4. С. 109-118.

[4] Коринь А.В. Комплексные исследования в рамках моноэкспертизы в условиях цифровизации (на примере судебной фоноскопической экспертизы) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 146-153.

[5] Кубанов В.В., Дериглазова О.А. Об использовании фоноскопической экспертизы в раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 3 (59). С. 123-127.

[6] Кузьмина О.А. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы выявления должностных преступлений в правоохранительных органах // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2017. Т. 2. № 2 (30). С. 89-92.

[7] Юдаков Д.С., Чернышов А.П., Юдин А.А. История развития и актуальность применения систем биометрической идентификации по голосу в настоящее время // Охрана, безопасность, связь. 2022. № 7-1. С. 246-252.

[8] Бодяков, В. Н. Тактико-криминалистические аспекты взаимодействия следователя и специалиста при производстве следственных действий в ходе расследования дистанционного мошенничества с использованием маркетплейсов / В. Н. Бодяков, Р. М. Морозов // Международный научный вестник. – 2026. – № 4. – С. 149-153.

[9] Автором был проанализирован каталог авторефератов диссертационных исследований (2016-2026 гг.), размещенный на открытой платформе «Фонд диссертаций» сетевого ресурса «Российская государственная библиотека». URL: https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser..

[10] Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию должностных преступлений и криминалистические особенности его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019. - 24 с.

[11] Галяутдинов Р.Р. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о должностных насильственных преступлениях, совершенных работниками правоохранительных органов преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022. - 29 с.

[12] Усенко А.С. Методика расследования незаконного участия должностных лиц в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. - 31 с.

[13] Цыбульский В.В. Методика расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022. - 25 с.

[14] Ширшанова Е.А. Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. - 22 с.

[15] Колотилина А.А. Преступления, совершенные судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. - 25 с.

[16] Интервью заместителя руководителя следственного управления Михаила Зайцева изданию «ОмскИнформ». Официальный сайт

СУ СК РФ по Омской области. URL: https://omsk.sledcom.ru/news/item/2054934..

[17] Экс-начальника УФСИН России по Омской области будут судить за взятку забором // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/02/04/reg-sibfo/eks-nachalnika-ufsin-rossii-po-omskoj-oblasti-budut-sudit-za-vziatku-zaborom.html..

[18] Приговор Ворошиловского районного суда г. Волгограда № 1-2/2019 от 21.02.2019. Официальный сайт Ворошиловского районного суда г. Волгограда. URL: https://vor--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo& srv_num=1&name_op=doc&number=569522040&delo_id=1540006&new=0&text_number=1..

[19] Специальное программное обеспечение «OT-Expert» предназначено для автоматизации труда эксперта при проведении криминалистических исследований звукозаписей (Свидетельство о государственной регистрации программного продукта ФГУ ФИПС № 2008615280 от 01.11.2008).

References:

[1] Bakhteev D.V., Shevyrtalov E.P. Information support of forensic activities // Actual problems of Russian law. 2025. T. 20. № 4. S. 132-145.

[2] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Analysis of judicial practice of establishing circumstances in cases of illegal distribution of generative content created using artificial intelligence technologies // Legal research. 2024. № 11. S. 1-25.

[3] Voronkov D.V., Sosnovikova A.M. Models of the investigator's use of modern information sources of orienting and evidentiary significance // Law enforcement. 2025. VOL. 9. № 4. S. 109-118.

[4] Korin A.V. Comprehensive research within the framework of mono-examination in the context of digitalization (on the example of forensic phonoscopic examination) // Actual problems of Russian law. 2023. T. 18. № 4. S. 146-153.

[5] Kubanov V.V., Deriglazova O.A. On the use of phonoscopic expertise in the disclosure and investigation of penitentiary crimes committed using mobile communications // Bulletin of the Samara Law Institute. 2024. № 3 (59). S. 123-127.

[6] Kuzmina O.A. Criminal law and forensic problems of detecting malfeasance in law enforcement agencies // Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2017. VOL. 2. № 2 (30). S. 89-92.

[7] Yudakov D.S., Chernyshov A.P., Yudin A.A. The history of the development and relevance of the use of biometric voice identification systems at the present time // Security, security, communication. 2022. № 7-1. S. 246-252.

[8] Bodyakov, V. N. Tactical and forensic aspects of interaction between an investigator and a specialist in the course of investigative actions during the investigation of remote fraud using marketplaces/ V. N. Bodyakov, R. M. Morozov // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 4. - S. 149-153.

[9] The author analyzed the catalog of abstracts of dissertation research (2016-2026), posted on the open platform "Dissertation Fund" of the network resource "Russian State Library." URL: https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser..

[10] Golovina E.V. Opposition to the preliminary investigation of official crimes and the forensic features of overcoming it: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2019. - 24 s.

[11] Galyautdinov R.R. Forensic aspects of the preliminary investigation and judicial consideration of criminal cases of official violent crimes committed by law enforcement officers overcoming: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2022. - 29 s.

[12] Usenko A.S. Methodology of Investigation of Illegal Participation of Officials in Entrepreneurial Activity: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2023. - 31 s.

[13] Tsybulsky V.V. Methodology for investigating corruption crimes committed by traffic police officers: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2022. - 25 s.

[14] Shirshanova E.A. Bribery in the internal affairs bodies: criminological analysis: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2024. - 22 s.

[15] Kolotilina A.A. Crimes committed by bailiffs in connection with the performance of official duties: author. dis.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2025. - 25 s.

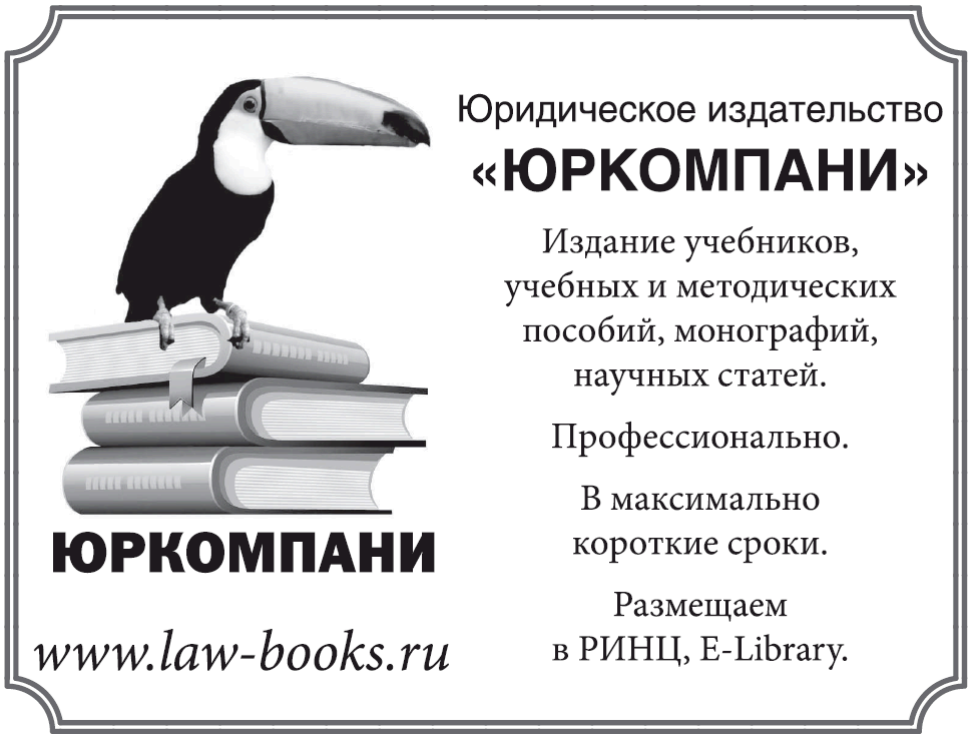
[16] Interview of the Deputy Head of the Investigation Department Mikhail Zaitsev to OmskInform. The official website of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Omsk Region. URL: https://omsk.sledcom.ru/news/item/2054934..

[17] The ex-head of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Omsk region will be tried for a bribe with a fence // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2026/02/04/reg-sibfo/eks-nachalnika-ufsin-rossii-po-omskoj-oblasti-budut-sudit-za-vziatku-zaborom.html..

[18] Verdict of the Voroshilovsky District Court of Volgograd No. 1-2/2019 dated 21.02.2019. Official website of the Voroshilovsky District Court of Volgograd. URL: https://vor--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo& srv_num=1&name_op=doc&number=569522040&delo_id=1540006&new=0&text_number=1..

[19] Special software "OT-Expert" is designed to automate the work of an expert in conducting forensic studies of sound recordings (Certificate of

state registration of the FGU FIPS software product No. 2008615280 dated 01.11.2008).c.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-151-155

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Федерального Государственного Казенного Образовательного Учреждения Высшего Образования Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРУСОВ Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Федерального Государственного Казенного Учреждения Дополнительного Профессионального Образования Тюменского института повышения квалификации МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. *Актуальность данного исследования связана с тем, что за последние годы терроризм стал одной из глобальных проблем нашего времени, которая дестабилизирует мировую обстановку. Современный терроризм выходит на новый уровень, участники террористических организаций все более тщательно планируют и осуществляют свои действия, используя передовые технологии, оружие и коммуникационные средства. Высокая социальная опасность террористических преступлений, их широкое распространение в России, а также интеграция в систему международного терроризма, создают сложности в раскрытии и расследовании таких преступлений. Анализ современной обстановки позволяет выявить ряд актуальных трудностей в правоприменительной практике, а также стратегических угроз, требующих адекватного ответа со стороны государства и общества.*

Ключевые слова: *терроризм; преступление; правовые меры, предупреждение, государство, безопасность, террористическая деятельность, экстремизм.*

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TRUSOV Sergey Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Physical Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Federal State Treasury Institution of Additional Professional Education of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KEY AREAS OF ACTIVITY FOR ENTITIES COMBATING TERRORIST AND EXTREMIST CRIME IN RUSSIA

Annotation. *The relevance of this study stems from the fact that, in recent years, terrorism has emerged as a global issue of our time, destabilizing the international situation. Modern terrorism is evolving; members of terrorist organizations are planning and executing their actions with increasing sophistication, utilizing advanced technologies, weaponry, and communication tools. The high level of social danger posed by terrorist crimes, their prevalence in Russia, and their integration into the global terrorism network create significant challenges for the detection and investigation of such offenses. An analysis of the current situation reveals a number of pressing difficulties in law enforcement practice, as well as strategic threats that require an appropriate response from the state and society.*

Key words: *terrorism; crime; legal measures; prevention; state; security; terrorist activity; extremism.*

Целью обеспечения национальной безопасности, исходя из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является защита личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Это необходимо для реализации национальных, общенародных, интересов и стратегических национальных приоритетов [1].

Необходимость учета в государственной политике критического, осознаваемого обществом и государством внутреннего положения России, а также ее места на международной арене вызвана изменением геополитических реалий современного мира [2]. Эффективное противодействие террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации обеспечивается за счет сложной, многоуровневой системы государственных органов, действующих на основе четкого разграничения полномочий и тесного взаимодействия.

Организационный фундамент этой системы составляет принцип централизованного руководства, который позволяет консолидировать усилия и ресурсы всех вовлеченных субъектов для достижения общей цели – нейтрализации угроз национальной безопасности. Ключевую координирующую роль в данной сфере играет Национальный антитеррористический комитет (НАК), образованный Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116. НАК, возглавляемый директором Федеральной службы безопасности России, представляет собой коллегиальный орган, в состав которого входят руководители федеральных органов государственной власти, наделенные необходимыми полномочиями для принятия стратегических решений в области противодействия терроризму [3]. Именно Комитет разрабатывает и реализует государственную политику в этой области, координирует деятельность всех правоохранительных и силовых структур, организует профилактику терроризма, участвует в международном сотрудничестве и формирует единые подходы к информационному противодействию идеологии терроризма. На региональном уровне функционируют антитеррористические комиссии, которые обеспечивают реализацию решений НАК и координацию органов государственной власти субъектов РФ, территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Оперативное управление контртеррористическими операциями на местах осуществляется Федеральным оперативным штабом, создаваемым НАК, и региональными оперативными штабами. Такая двухзвенная структура – комитет (коллегиальный орган стратегического планирования) и штаб (орган оперативного управления) – позволяет гибко и адекватно реагировать на возникающие угрозы, сочетая стратегический подход с быстрым и эффективным практическим реагированием.

Центральное место в системе субъектов противодействия занимают Федеральная служба безопасности (ФСБ России) и Министерство внутренних дел (МВД России), чьи полномочия и направления деятельности тесно переплетены, но имеют определенную специфику. ФСБ России, в соответствии с Федеральным законом «О Федеральной службе безопасности» и Положением о ФСБ, является основным субъектом борьбы с терроризмом. На нее возложены функции по выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности, включая проведение контртеррористических операций, розыск лиц, причастных к терроризму, и борьбу с международными террористическими организациями [4]. Аналитическая и оперативная работа ФСБ сфокусирована на пресечении деятельности организованных террористических сетей, нейтрализации иностранных боевиков и вербовщиков, а также на противодействии кибертерроризму. МВД России, и в первую очередь его центральный аппарат и территориальные органы, осуществляет борьбу с преступлениями террористической и экстремистской направленности в рамках своей компетенции, определенной Федеральным законом «О полиции». Деятельность МВД в большей степени ориентирована на профилактику терроризма и экстремизма на уровне местных сообществ, выявление и пресечение преступлений, носящих признаки экстремизма, борьбу с незаконным оборотом оружия, который может быть использован для террористических целей, а также на охрану общественного порядка и обеспечение безопасности в местах массового пребывания людей [5]. Существенную роль в системе МВД играют подразделения по противодействию экстремизму (Центр «Э» и его территориальные отделы), которые специализируются на документальной фиксации и расследовании преступлений, связанных с возбуждением ненависти или вражды, организацией экстремистских сообществ и публичными призывами к экстремистской деятельности. Как подчеркивает исследователь А.В. Колесников, «несмотря на существующее разграничение функций, именно на стыке компетенций ФСБ и МВД – в области выявления «спящих» ячеек и «террористов-одиночек» – достигается наибольший синергетический эффект, что требует отлаженной системы информацион-

ного обмена» [6].

Важнейшим элементом системы является Следственный комитет Российской Федерации (СК России). Его роль заключается в осуществлении досудебного производства по уголовным делам о терроризме и экстремизме. Следователи СК России проводят все необходимые следственные действия, формируют доказательственную базу, обеспечивая тем самым неотвратимость наказания для виновных лиц. Взаимодействие СК с оперативными подразделениями ФСБ и МВД строится на основе законодательства об оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве: оперативные сотрудники передают в СК материалы, содержащие признаки состава преступления, а следователи, в свою очередь, могут давать оперативным подразделениям поручения о проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов всеми субъектами противодействия терроризму и экстремизму, координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участвует в правотворческой деятельности и поддерживает государственное обвинение в судах по соответствующим уголовным делам. Помимо этого, в противодействии экстремизму и терроризму задействованы и другие органы, такие как Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия), обеспечивающая силовую поддержку при проведении контртеррористических операций и охрану общественного порядка, Федеральная таможенная служба, пресекающая незаконный трансграничный оборот оружия и боеприпасов, а также Роскомнадзор, осуществляющий мониторинг информационного пространства и блокировку интернет-ресурсов, распространяющих материалы экстремистского и террористического содержания.

Координация деятельности этого многочисленного и разнопланового аппарата является критически важным условием его успешного функционирования. Механизмы координации, заложенные в основу системы, предусматривают несколько уровней. Высшим уровнем является координация, осуществляемая НАК, который утверждает межведомственные планы, организует проверки готовности территориальных органов, анализирует информацию о состоянии террористической угрозы и вырабатывает единые подходы. На оперативном уровне координация осуществляется в рамках единой межведомственной информационной системы, позволяющей в режиме, близком к реальному времени, обмениваться данными о подозрительных лицах, готовящихся или совершенных преступлениях, а также о новых методах и формах деятельности террористических и экстремистских структур. На практике это выражается в создании совместных следственно-оперативных групп для расследования наиболее резонансных дел, проведении скоординированных операций и рейдов. Правовой основой такого взаимодействия служат ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок информационного обмена, а также соглашения о сотрудничестве между конкретными службами. Однако, как отмечают эксперты, несмотря на формально отлаженную систему, на пути эффективной координации иногда встают ведомственные барьеры и стремление к сохранению информационной монополии, что требует постоянного внимания со стороны руководства НАК и высшего политического руководства страны для преодоления этих негативных тенденций [7].

Основные методы и стратегии противодействия террористической и экстремистской деятельности можно условно разделить на две крупные группы: оперативно-розыскные и профилактические. Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) составляет ядро силовой составляющей борьбы с данными угрозами. Она регламентируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и включает в себя широкий спектр гласных и негласных методов. К ним относятся проведение опросов, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, а также контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и ряд других мероприятий [8]. В современных условиях особое значение приобретают методы, связанные с мониторингом информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Создание специализированных подразделений киберпатруля и применение технологий big data для анализа цифровых следов позволяют выявлять вербовщиков, распространителей запрещенной идеологии и планируемые акты насилия на ранних стадиях. Стратегия ОРД в данной сфере эволюционировала от реагирования на уже совершенные преступления к упреждающему выявлению и пресечению. Это предполагает активное внедрение агентурной работы, проведение оперативных комбинаций по внедрению в террористические и экстремистские сообщества и разработку лиц, подозреваемых в причастности к их деятельности. Стратегической целью является недопущение совершения террористического акта или иного резонансного преступления, что требует от оперативных сотрудников высокой квалификации и способности к прогнозированию развития криминальных ситуаций.

Профилактическое направление деятельности является не менее, а в долгосрочной пер-

спективе даже более важным, чем силовое. Оно базируется на понимании того, что искоренить терроризм и экстремизм невозможно исключительно репрессивными мерами, необходимо работать с причинами и условиями, порождающими эти явления. Профилактика подразделяется на общую и индивидуальную. Общая профилактика включает в себя комплекс социальных, воспитательных, правовых и информационных мер, направленных на все общество или отдельные его группы. К ним относится реализация государственных программ в сфере патриотического воспитания, поддержка межнационального и межрелигиозного диалога, развитие физической культуры и спорта, особенно среди молодежи, повышение уровня правовой грамотности и медиабезопасности населения. Важнейшим компонентом общей профилактики является информационно-пропагандистское противодействие идеологии терроризма и экстремизма, которое заключается в разоблачении ложных постулатов радикальных идеологий, популяризации традиционных российских духовно-нравственных ценностей и создании позитивного информационного фона, альтернативного пропаганде насилия. Индивидуальная профилактика направлена на конкретных лиц, входящих в так называемую «группу риска» – тех, кто демонстрирует склонность к радикальным взглядам и поведению. Эта работа ведется, прежде всего, участковыми уполномоченными полиции, подразделениями по делам несовершеннолетних, сотрудниками центров по противодействию экстремизму при тесном взаимодействии с органами образования, социальной защиты, психологами и представителями традиционных религиозных конфессий. В рамках индивидуальной профилактики проводятся беседы, профилактические учеты, оказывается помощь в социальной адаптации и трудоустройстве. Особое направление представляет собой работа по реабилитации лиц, отбывших наказание за преступления террористической и экстремистской направленности, с целью недопущения их возврата в преступную среду. Как отмечает С.И. Марченко, «эффективность профилактики напрямую зависит от межведомственной согласованности, поскольку ни один, даже самый мощный правоохранительный орган, не в состоянии самостоятельно решить сложный комплекс социальных и психологических проблем, лежащих в основе радикализации личности» [9].

Таким образом, организация деятельности субъектов противодействия террористической и экстремистской преступности в России представляет собой целостную, иерархически выстроенную систему, ядро которой образуют ФСБ, МВД, СК России и НАК как центральный координирующий орган. Их взаимодействие строится на принципах централизованного руководства, разграничения полномочий и постоянного информационного обмена. Основные направления этой деятельности включают в себя сочетание силовых, оперативно-розыскных методов, нацеленных на выявление и пресечение конкретных преступлений, и масштабной профилактической работы, призванной устранить глубинные социальные и идеологические причины распространения радикализма. Современная стратегия носит упреждающий, проактивный характер, что в условиях гибридных угроз и активного использования террористами и экстремистами цифровых технологий является единственно возможным путем для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Дальнейшее совершенствование этой системы видится в углублении интеграции информационных ресурсов, развитии международного сотрудничества и повышении эффективности социально-восстановительных мер в рамках индивидуальной профилактики.

Список литературы:

[1] Аминов, И. Р. О совершенствовании борьбы с преступлениями террористической и экстремистской направленности / И. Р. Аминов, С. В. Трусов // Право и управление. – 2026. – № 5. – С. 318-321. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-5-318-321. – EDN WZAENQ.

[2] Аминов, И. Р. Правовые меры и пути совершенствования правовой политики по предупреждению преступлений террористической направленности / И. Р. Аминов, С. В. Трусов // Международный научный вестник. – 2025. – № 2. – С. 31-35. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-2-31-35. – EDN RQLATX.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»: в ред. от 25.07.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[4] Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 февраля 1995 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 марта 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[5] Аминов И. Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов / И. Р. Аминов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 7(73). – С. 122. – EDN SYEULH.

[6] Колесников А.В. Координация и взаимодействие правоохранительных органов в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 34.

[7] Новиков Д.С. Современные вызовы и угрозы терроризма в контексте национальной

безопасности России // Наука. Общество. Государство. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 78.

[8] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.

[9] Марченко С.И. Профилактика экстремистской деятельности в молодежной среде: административно-правовые аспекты // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 112.

References:

[1] Aminov, I. R. On improving the fight against crimes of a terrorist and extremist orientation I. R. Aminov, S. V. Trusov // Law and management. – 2026. – № 5. - S. 318-321. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-5-318-321. – EDN WZAENQ.

[2] Aminov, I. R. Legal measures and ways to improve legal policy to prevent terrorist crimes / I. R. Aminov, S. V. Trusov // International Scientific Bulletin. – 2025. – № 2. - S. 31-35. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-2-31-35. – EDN RQLATX.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006 No. 116 "On measures to counter terrorism": as amended by 25.07.2023 // Sobr. legislation Ros. Federations.

[4] Federal Law of April 3, 1995 No. 40-FZ "On the Federal Security Service": adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Grew. Federation February 22, 1995: Approver Feder Federation Council. Sobr. Grew. Federation March 15, 1995 // Sobr. legislation Ros. Federations.

[5] Aminov I.R. Criticism of structural functionalism in the settlement of ethno-political conflicts I.R. Aminov // Ethnosocium and interethnic culture. – 2014. – № 7(73). - S. 122. – EDN SYEULH.

[6] Kolesnikov A.V. Coordination and interaction of law enforcement agencies in the field of countering the ideology of terrorism and extremism // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4. - S. 34.

[7] D.S. Novikov. Modern challenges and threats of terrorism in the context of Russian national security // Science. Society. State. – 2021. - T. 9, NO. 2. - S. 78.

[8] Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On Operational-Search Activities": adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Grew. Federation July 5, 1995 // Sobr. legislation Ros. Federations.

[9] Marchenko S.I. Prevention of extremist activities among young people: administrative and legal aspects // Administrative and municipal law. – 2023. – № 1. - S. 112.



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-156-160

ШЕЛЬСКАЯ Светлана Николаевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ORCID ID: 0009-0003-1965-1487, e-mail: sveta.mila2@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПОДЛОГ ДОКУМЕНТОВ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. *В связи с постепенным переходом делопроизводства на электронную форму передачи данных, участились случаи подделки электронных документов. В ходе изучения правоприменительной практики и научной литературы выявлена необходимость рассматривать электронный подлог документов отдельно от материального и интеллектуального подлогов в связи с различием в способах подделки и методах их исследования. Электронный подлог документов опрелеляется как фиктивное изготовление или внесение искаженных данных в файл электронного документа с использованием программного обеспечения. В ходе исследования и анализа подложной документации выделены следующие способы подделки электронных документов: 1) изготовление электронного документа с использованием неоригинального программного обеспечения; 2) изготовление электронного документа с поддельной электронной подписью; 3) создание электронного образа документа с изготовлением оттиска печати путем использования компьютерных программ, являющихся конструкторами печатей и штампов; 4) генерация электронного документов с помощью искусственного интеллекта; 5) внесение частичных изменений в электронный образ документа способом монтажа с использованием компьютерных программ-редакторов; 6) внесение изменений в электронный документ, подписанный простой электронной подписью. Настоящее исследование призвано систематизировать научные знания о способах подделки электронных документов и адресовано ученым-криминалистам и работникам органов расследования в целях их понимания возможностей исследования подложных файлов.*

Ключевые слова: *цифровая криминалистика; криминалистическая техника; криминалистическая документология; подлог документов; электронный документ; электронная подпись; электронный образ документа; электронный подлог; компьютерный монтаж.*

SHELSKAYA Svetlana Nikolaevna,
Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Criminalistics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

ELECTRONIC FORGERY OF DOCUMENTS: THE CONCEPT AND TYPES

Annotation. *Due to the gradual transition of record-keeping to electronic data transmission, cases of electronic document forgery have become more frequent. A study of law enforcement practice and academic literature has revealed the need to consider electronic document forgery separately from material and intellectual forgeries, due to differences in forgery methods and investigation techniques. Electronic forgery of documents is defined as the fictitious generation or insertion of distorted data into an electronic document file using software. Through the study and analysis of counterfeit documentation, the following methods of electronic document forgery have been identified: 1) generation of an electronic document using non-genuine software; 2) generation of an electronic document with a forged electronic signature; 3) generation of an electronic image of a document with the production of a stamp impression using computer programs that function as stamp and seal designers; 4) generation of electronic documents using artificial intelligence; 5) making partial alterations to an electronic document image through editing using computer-based editing software; 6) modification of an electronic document signed with a simple electronic signature. This study aims to systematize scientific knowledge about methods of forging electronic documents and is addressed to forensic scientists and investigators in order to help them understand the possibilities of examining forged files.*

Key words: *digital forensics; forensic technology; forensic document examination; document forgery; electronic document; electronic signature; electronic document image; electronic forgery; computer-based editing.*

В традиционной Криминалистике различают материальный и интеллектуальный разновидности подлога документов. Эти способы подделки хорошо изучены и без проблем распознаются при исследовании материальных носителей информации [1]. Однако в повседневной деятельности мы все чаще имеем дело с электронной формой передачи данных. Многие организации и даже государственные учреждения переходят на электронный документооборот. Однако электронные документы и электронные образы документов часто подвергаются различного рода фальсификациям в целях совершения преступлений.

Например, злоумышленники, будучи сотрудниками организации, могут создавать электронные финансовые документы с интеллектуальным подлогом, то есть содержащие в себе заведомо ложные данные, в целях дальнейшего присвоения имущественных средств. Это особенно возможно в случаях наличия программы электронной подписи (далее ЭП) на компьютерном устройстве с широким доступом для большого круга лиц, передачи ЭП недобросовестным сотрудникам, похищения носителя ЭП или копирования закрытого ключа и др. [2]. В подобных случаях форма электронного документа является оригинальной, но в самом содержании имеется интеллектуальный подлог. Этот вид подлога может быть выявлен, в том числе, в ходе судебно-экономических исследований, в частности, бухгалтерской экспертизы, при несоответствии данных одних первичных финансовых документов другим.

Однако электронные документы могут содержать не только интеллектуальный подлог, но и сами их форма, отдельные элементы и даже электронная подпись могут быть поддельными. Подобный подлог нельзя рассматривать в качестве материального, поскольку материальные изменения документа на его носителе являются предметом исследования технико-криминалистических экспертиз [3]. Документы, содержащиеся на электронных носителях, исследуются в рамках компьютерных экспертиз [4]. Полагаем, что подобный вид подлога документов более уместно называть электронным. В связи с вышеизложенным, фиктивное изготовление или внесение искаженных данных в файл электронного документа с использованием программного обеспечения следует признавать электронным подлогом.

Для электронного подлога документов, как и для материального подлога, характерны способы полной и частичной подделки документов. Рассмотрим более подробно полные способы подделки, при которых электронные документы или электронные образы документов изготавливаются полностью.

В организациях или учреждениях для создания электронных документов может использоваться специфическое, специально разработанное или даже секретное (государственная, коммерческая и иные виды тайн) программное обеспечение. Разумеется, далеко не у всех злоумышленников будет иметься доступ к подобным компьютерным программам, поэтому в случаях подделки электронных документов от имени таких организаций или учреждений, формат поддельных документов будет существенно отличаться от оригинальных. В ходе судебной компьютерной экспертизы может быть установлено, какое именно программное обеспечение использовалось при изготовлении электронного документа и имеет ли оно отличие от оригинального, используемого в конкретной организации. Даже факт использования злоумышленником такой же программы, что и в учреждении, но другой модификации, может иметь существенное значение по уголовному делу.

В целях совершения преступлений также могут применяться различные способы подлога электронной подписи: создание поддельного цифрового сертификата посредством специализированных программ; создание графических изображений электронной подписи с применением технологий искусственного интеллекта [5]. В подобных случаях электронные документы должны направляться для исследования в рамках компьютерно-технической экспертизы.

Распространенным способом электронного подлога является изготовление документа путем монтажа с использованием программного обеспечения. Например, мошенники, выдавая себя за представителей коммерческой фирмы, могут заключать фиктивные сделки с потерпевшими.

Так, на некоторых коммерческих торговых сайтах участники не проходят надежной аутентификации и не применяется принцип безопасности заключаемой сделки, например, портал оптовых закупок на сайте https://yopt.org. Также злоумышленники могут создать фишинговый сайт реально существующей организации и якобы от ее имени осуществлять поставку товаров, предоставлять услуги.

Используя подобные сайты, мошенники при переписке с потерпевшими отправляют им поддельные электронные договоры и иные документы в целях совершения хищений. Как правило,

подобные документы существуют только в электронном виде, создаются способом монтажа путем вставки в документ с расширением doc/docx изображения рукописной подписи руководителя организации и оттиска печати этого предприятия с последующим сохранением в файле с расширением pdf [6]. В подобных случаях электронные документы отправляются на исследование судебной компьютерно-технической экспертизы.

В целях предупреждения совершения мошенничества путем электронного подлога документов в торговых интернет-площадках должны быть предусмотрены меры по установлению личности клиента, представителя организации, а также подтверждения подлинности передаваемой информации электронной подписью либо должен соблюдаться принцип безопасности сделки.

При совершении мошенничества с использованием поддельных электронных образов документов, бланки которых не имеют степеней защиты, как правило, электронные документы изготавливаются полностью. При этом оттиски печатей могут быть изготовлены с использованием различных компьютерных программ, являющихся конструкторами печатей и штампов. В этих случаях поддельные электронные документы также являются объектами исследования компьютерно-технической экспертизы.

Если созданные в ходе электронного подлога рукописные подписи и оттиски печати переносятся с помощью печатающего устройства, например, цветного принтера, на бумажный носитель, который в дальнейшем выдается за оригинальный документ, то подлежат исследованию признаки материального подлога. Документы на материальных носителях отправляются на технико-криминалистическую экспертизу.

Часто при подделке государственных документов на материальных носителях для имитации подписей и записей используются планшетные плоттеры и иные графопостроители. В таких случаях при изображении графических объектов пишущий узел перемещается по неподвижному материальному носителю. Однако воспроизведение таких важных признаков, как направление движений и дифференциация нажима, вряд ли возможно [7]. Соответственно подобные графические элементы являются предметами исследования судебной почерковедческой экспертизы. Материалы документа и способ его изготовления могут быть исследованы в ходе судебной технико-криминалистической экспертизы документов. А сами графопостроители могут быть объектами исследования компьютерно-аппаратной экспертизы.

В настоящее время набирает обороты новый способ изготовления подложных файлов – генерация электронных документов с помощью искусственного интеллекта. Например, бухгалтерские, финансовые и даже юридические документы генерируются с использованием программных средств ИИ в целях сокрытия истинного их экономического смысла, ухода от налогов или для иного противоправного обоснования вычетов и расходов. Преступники с помощью нейросетей, языковых моделей и пр. могут сконструировать фиктивные документы в условиях отсутствия реальной хозяйственной активности и взаимодействия с контрагентами. Также с помощью ИИ может быть осуществлена подмена уже существующих документов, включая тонкое копирование стиля, подписи, печати, формулировок и реквизитов. Но также с помощью искусственного интеллекта можно выявить признаки сгенерированности электронного документа в ходе анализа: данных о времени отправки/получения документа, IP-адреса, структуры xml. Подделанные ИИ документы по сравнению с однотипными документами в хозяйствующем субъекте часто имеют несоответствующий шрифт, иное расположение реквизитов, однотипность лексики, особенности стилистики, шаблонность фраз, скопированных с документов других организаций. ИИ может также выявлять связи между организациями: перекрёстные сделки, совпадение контактных лиц, адресов, IP, нерегулярные расчетные счета и другие признаки серых схем [8].

Что касается частичного электронного подлога документов, то одним из распространенных способов является внесение в электронный образ документа частичных изменений с использованием различного программного обеспечения. Например, Единый портал государственных услуг стал излюбленной площадкой для совершения мошенничества при получении выплат. Поскольку сотрудники МФЦ практически больше не привлекаются для проверки подлинности документов, предъявляемых заявителями. Преступники в своем аккаунте указанного портала загружают поддельные отсканированные образы документов, которые якобы подтверждают их право получать социальные выплаты. Фальсификация отсканированных документов осуществляется посредством различных компьютерных программ, в том числе, графических и PDF-редакторов. При этом за основу, как правило, берутся отсканированные образы подлинных документов, в которые вносятся частичные изменения путем компьютерного монтажа. Например, может быть осуществлена замена фотографии с использованием фоторедактора. В этих случаях поддельные электронные образы документов являются объектами исследования компьютерно-технической экспертизы.

Возможны случаи внесения частичных изменений и в электронный документ. Если такой

документ заверен электронной подписью, то он перестает быть действительным. При создании ключа электронной подписи и ключа проверки электронной подписи используются средства, которые устанавливают факт изменения содержания электронного документа после момента его подписания. Однако простая электронная подпись не гарантирует, что в файл не были внесены изменения. Поэтому простая электронная подпись не используется для заверения юридически значимых документов.

Для создания усиленной неквалифицированной подписи используют криптографические алгоритмы, которые создают индивидуальный цифровой отпечаток документа, поэтому часто используется для подписания документа от имени, например, коммерческой организации. А для усиленной квалифицированной подписи применяют надежные сертифицированные криптографические алгоритмы, поэтому она приравнивается к собственноручной подписи [9]. Однако информационные технологии развиваются стремительно, поэтому можем предположить, что существуют попытки разработать компьютерные, скорее всего, вредоносные программы, позволяющие обойти электронную подпись, при внесении частичных изменений в подлинный документ.

Таким образом, приходим к выводу, что электронный подлог документа – это фиктивное изготовление или внесение искаженных данных в файл электронного документа с использованием программного обеспечения. Способы полной подделки электронных документов: изготовление электронного документа с использованием неоригинального программного обеспечения; изготовление электронного документа с поддельной электронной подписью; создание электронного образа документа с изготовлением оттиска печати путем использования компьютерных программ, являющихся конструкторами печатей и штампов; генерация электронного документа с помощью искусственного интеллекта. Способы частичной подделки электронных документов: внесение частичных изменений в электронный образ документа способом монтажа с использованием компьютерных программ-редакторов; внесение изменений в электронный документ, подписанный электронной подписью.

Список литературы:

[1] Поборцев Е.И. Материальный и интеллектуальный подлог в документах и способы их обнаружения. // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-6. С. 89-92.

[2] Нуриманова Э.Р., Печерица Е.В. Способы подлогов электронных финансовых документов и методы их выявления. // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. Т. 15. № 3. С. 1422-1427.

[3] Бочарова О.С. Персонализация идентификационных документов: анализ технологий и методы выявления материального и интеллектуального подлога. // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2 (52). С. 87-93.

[4] Арутюнов А.С., Фаниев П.А. Классификация файлов и метаданных как объектов компьютерной экспертизы. // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 79-82.

[5] Когут В.А. Цифровой анализ при производстве экспертизы электронных документов по экономическим преступлениям. В сборнике: Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 867-875.

[6] Изюмов Р.Н., Диянова А.А. Особенности фиксации и исследования документов в делах, связанных с подлогом документов в электронном формате на сайтах по поиску и предоставлению услуг в сети Интернет. В сборнике: Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 158-164.

[7] Серго С.В., Снежкова Ж.Ю. К вопросу об имитации подписей и записей с помощью цветных печатающих устройств при расследовании преступлений в сфере оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 111-117.

[8] Васенкова Е. Как налоговая выявляет поддельные ИИ-документы, зачем это главбухам и какие риски. // Аутсорсинг учетных функций. – URL: https://bridge-group.ru/articles/nalogi/kak-nalogovaya-vyyavlyaet-poddelnye-ii-dokumenty-zachem-eto-glavbukham-i-kakie-riski/.

[9] Сапаров Д.К. Правовое регулирование электронного документооборота и цифровых подписей. // Холодная наука. 2025. № 14. С. 86-107.

References:

[1] Exodus E.I. Material and intellectual forgery in documents and methods of their detection . // Trends in the development of science and education. 2024. № 108-6. S. 89-92.

[2] Nurimanova E.R., Pecheritsa E.V. Methods of forgery of electronic financial documents and methods of their identification . // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2020. VOL. 15. № 3. S. 1422-1427.

[3] O.S. Bocharova. Personalization of identification documents: analysis of technologies and methods for identifying material and intellectual forgery . // Issues of criminology, forensic science and forensic expertise. 2022. № 2 (52). S. 87-93.

[4] Arutyunov A.S., Faniev P.A. Classification of files and metadata as objects of computer expertise . // Society and law. 2022. № 4 (82). S. 79-82.

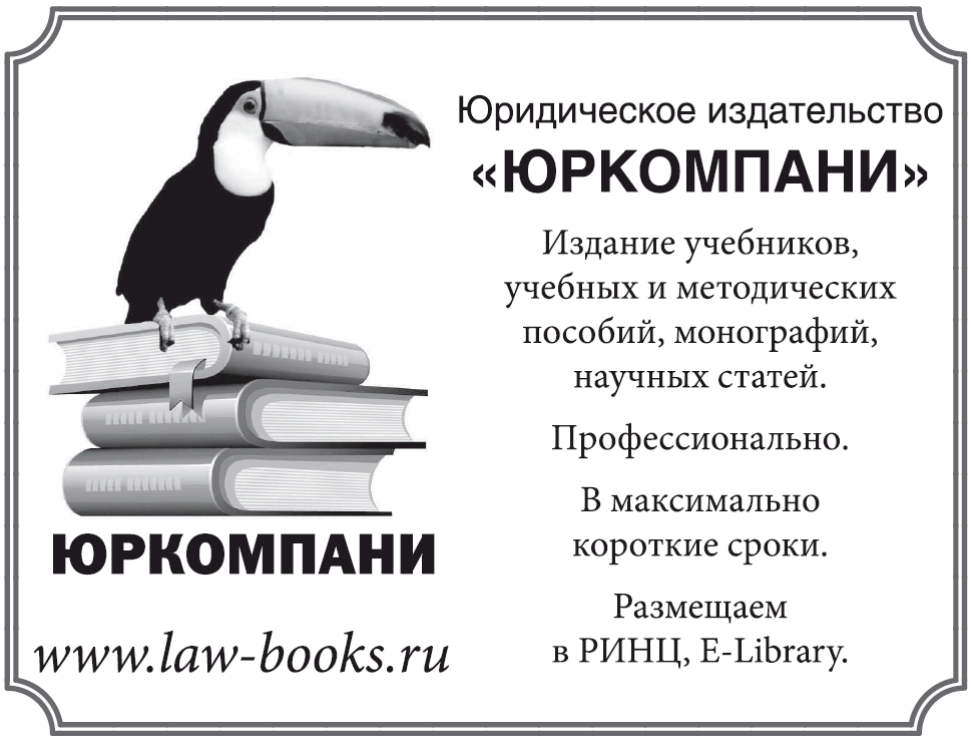
[5] Kogut V.A. Digital analysis in the examination of electronic documents on economic crimes. In the collection: St. Petersburg International Forensic Forum. Materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg, 2024. S. 867-875.

[6] Izyumov R.N., Diyanova A.A. Features of fixation and research of documents in cases related to forgery of documents in electronic format on sites for search and provision of services on the Internet. In the collection: Development of the doctrine of countering the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2021. S. 158-164.

[7] Sergo S.V., Snezhkova J.Yu. On the issue of imitation of signatures and records using color printing devices when investigating crimes in the field of circulation of fake documents, state awards, stamps, seals or forms . // Lawyer-Pravoveda. 2023. № 1 (104). S. 111-117.

[8] Vasenkova E. How the tax authorities identify fake AI documents, why do the chief accountants need it and what risks . // Outsourcing of accounting functions. – URL: https://bridge-group.ru/articles/nalogi/kak-nalogovaya-vyyavlyaet-poddelnye-ii-dokumenty-zachem-eto-glavbukham-i-kakie-riski/.

[9] Saparov D.K. Legal regulation of electronic document management and digital signatures . // Cold science. 2025. № 14. S. 86-107.



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-161-166

ХИМЕДЕНОВА Дина Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета,
e-mail: dina.0206@mail.ru

ТАРЫКИН Владимир Константинович,
доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета,
e-mail: tarykin.vladimir@yandex.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема применения принудительных работ как уголовного наказания, способного снижать избыточное использование лишения свободы и одновременно сохранять исправительное воздействие на осужденного. Предметом исследования является уголовно-исполнительное значение принудительных работ в условиях реформирования законодательства России. В исследовании применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и аналитический методы. Раскрываются правовая природа принудительных работ, их отличие от лишения свободы и исправительных работ, а также основные организационные проблемы исполнения наказания. Автор приходит к выводу, что гуманизирующий потенциал данного института зависит от развития исправительных центров, трудовой занятости и индивидуальной ресоциализационной работы.*

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Ключевые слова: *принудительные работы, лишение свободы, исправительные центры, ресоциализация, гуманизация, уголовно-исполнительная политика, наказание, труд.*

KHIMEDENOVA Dina Nikolaevna,
PhD in Law, Associate Professor of the Criminal Law Department Southwestern State University

TARIKIN Vladimir Konstantinovich,
Associate Professor of the Criminal Law Department Southwestern State University

COMPULSORY LABOR AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT: ITS SIGNIFICANCE FOR THE HUMANIZATION OF RUSSIA'S CRIMINAL AND EXECUTIVE POLICY

Annotation. *This article examines the problem of using forced labor as a criminal punishment that can reduce the excessive use of imprisonment while still maintaining a corrective effect on the convicted person. The subject of the study is the penal significance of forced labor in the context of the reform of Russian legislation. The study employed formal-legal, comparative-legal, and analytical methods. The legal nature of forced labor, its difference from imprisonment and corrective labor, as well as the main organizational problems in the execution of punishment are revealed. The author concludes that the humanizing potential of this institution depends on the development of correctional centers, employment, and individual re-socialization efforts.*

Key words: *compulsory labor, imprisonment, correctional centers, resocialization, humanization, penal policy, punishment, labor.*

The article was prepared within the framework of the state assignment for 2026, No. 075-03-2026-489.

Вопрос о поиске эффективных альтернатив лишению свободы занимает одно из центральных мест в современной уголовно-исполнительной политике России. Традиционная ориентация на изоляцию виновного лица от общества не всегда обеспечивает достижение целей наказания, поскольку длительное пребывание в местах лишения свободы нередко приводит к разрушению социальных связей, утрате профессиональных навыков, формированию устойчивой зависимости от тюремной среды и последующим труд-

ностям возвращения к законопослушной жизни. В этих условиях особое значение приобретают наказания, не связанные с полным разрывом осужденного с обществом, но сохраняющие реальное принудительное и воспитательное содержание. К таким наказаниям относятся принудительные работы, которые в российской правовой системе долгое время воспринимались как альтернатива лишению свободы, а к 2026 году получили новое значение в связи с изменением порядка их назначения и исполнения.

Актуальность темы обусловлена тем, что институт принудительных работ находится на стыке уголовного, уголовно-исполнительного и трудового воздействия. С одной стороны, он выражает государственное осуждение преступного поведения и предусматривает ограничения для виновного лица. С другой стороны, он не сводится к изоляции и ориентирован на сохранение трудовой активности, бытовой самостоятельности, частичных социальных контактов и возможности постепенной ресоциализации. В научной литературе справедливо отмечается, что расширение применения принудительных работ связано с общим направлением гуманизации наказания и поиском более гибких средств исправления осужденных [1, с. 44].

Правовая природа принудительных работ раскрывается через их двойственный характер. Они выступают мерой государственного принуждения, поскольку назначаются судом, исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы и влекут установленные законом ограничения. Одновременно данное наказание имеет социально-восстановительный потенциал: осужденный привлекается к оплачиваемому труду, из его заработной платы производятся удержания в доход государства, а режим исполнения строится не только на контроле, но и на организации занятости. По действующей редакции ст. 53.1 УК РФ принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых данным учреждением. Срок наказания составляет от двух месяцев до пяти лет за преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, за исключением специальных случаев замены лишения свободы более мягким видом наказания.

Особое значение для 2026 года имеет то, что Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ был скорректирован порядок назначения исправительных и принудительных работ. Принудительные работы были определены как самостоятельный вид наказания, не требующий предварительного назначения лишения свободы, а санкции ряда статей Особенной части УК РФ были дополнены этим видом наказания. Тем самым законодатель сделал шаг от модели «замены» к модели самостоятельного выбора судом более мягкой, но реальной меры уголовно-правового воздействия. Однако даже при формальном изменении статуса принудительные работы сохраняют свое значение именно как альтернатива лишению свободы в широком уголовно-политическом смысле: они позволяют не направлять лицо в исправительную колонию в тех случаях, когда цели наказания могут быть достигнуты без полной изоляции.

Гуманизация уголовно-исполнительной политики не означает отказа государства от наказания или снижение уровня защиты общества. Ее содержание заключается в соразмерности уголовно-правовой реакции, отказе от неоправданно жестких мер там, где они не являются необходимыми, и создании условий для исправления осужденного. Принудительные работы отвечают этой логике, поскольку соединяют карательное воздействие, контроль, трудовую обязанность и элементы социальной адаптации. В отличие от лишения свободы, они в меньшей степени разрушают жизненную траекторию лица, позволяют сохранить профессиональные и бытовые навыки, а также формируют более практическую основу для последующего возвращения в общество [2, с. 3].

Сравнение принудительных работ с лишением свободы показывает несколько принципиальных различий. Лишение свободы основано на изоляции, помещении лица в исправительное учреждение закрытого или полузакрытого типа и существенном ограничении большинства сфер жизнедеятельности. Принудительные работы также связаны с пребыванием в учреждении уголовно-исполнительной системы и режимными требованиями, но их центральным элементом выступает трудовая занятость. Осужденный не просто отбывает срок, а включается в трудовой процесс, получает заработную плату, из которой производятся удержания, и несет ответственность за соблюдение порядка отбывания наказания. Именно трудовая составляющая делает данный институт более близким к задачам исправления и предупреждения рецидива.

Вместе с тем принудительные работы нельзя идеализировать. В научной дискуссии подчеркивается, что этот вид наказания имеет пределы применения и не должен рассматриваться как универсальное средство решения всех проблем уголовно-исполнительной системы [1, с. 47]. Он эффективен прежде всего в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, а также лиц, впервые совершивших тяжкое преступление при наличии оснований полагать, что их исправление возможно без

помещения в исправительную колонию. Если же осужденный демонстрирует устойчивую криминальную установку, не готов соблюдать трудовую дисциплину или уклоняется от отбывания наказания, закон предусматривает замену неотбытой части принудительных работ лишением свободы.

Значение принудительных работ для гуманизации проявляется также в снижении негативного влияния тюремной субкультуры. Лишение свободы, особенно при длительном сроке, может усиливать криминальные связи и закреплять асоциальные модели поведения. Исправительный центр, напротив, должен быть ориентирован на контролируемую, но более открытую модель воздействия, в которой осужденный включен в трудовую деятельность и находится в менее изолированной социальной среде. Исследователи указывают, что исправительные центры могут стать промежуточным звеном между изоляционными наказаниями и мерами, полностью исполняемыми без помещения в учреждение УИС [3, с. 62].

Важным преимуществом принудительных работ является сохранение экономической полезности труда осужденного. В условиях, когда государство и общество заинтересованы не только в наказании, но и в возмещении социального вреда, трудовая занятость приобретает самостоятельное значение. Осужденный получает возможность участвовать в производственной деятельности, частично обеспечивать себя, выполнять обязанности по возмещению ущерба, выплачивать алименты и иные платежи. Удержание части заработной платы в доход государства подчеркивает принудительный характер наказания, но при этом не лишает трудовую деятельность ее исправительного смысла. В литературе отмечается, что при надлежащей организации труда принудительные работы способны выполнять не только карательную, но и профилактическую функцию [4, с. 158].

При этом труд в исправительном центре должен восприниматься не как формальное занятие, а как средство формирования устойчивых правомерных привычек. Для многих осужденных именно регулярная занятость, соблюдение трудового распорядка, ответственность перед работодателем и коллективом становятся факторами дисциплинирования. В этом проявляется связь принудительных работ с классическими средствами исправления, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством: установленным порядком исполнения наказания, воспитательной работой, общественно полезным трудом, получением общего образования и профессиональным обучением. Применение данных средств в отношении осужденных к принудительным работам требует не механического контроля, а индивидуального подхода [5, с. 94].

В 2026 году одним из ключевых вопросов остается развитие сети исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры. Без достаточного количества мест, рабочих вакансий и подготовленного персонала гуманистический потенциал принудительных работ не может быть реализован полностью. Наличие законодательной возможности назначить наказание еще не означает его практической доступности для суда и органов исполнения наказаний. Если в конкретном регионе отсутствуют исправительные центры или возможности трудоустройства, применение принудительных работ осложняется, а суды могут продолжать выбирать лишение свободы либо условное осуждение, что не всегда соответствует целям индивидуализации наказания.

Организационная проблема тесно связана с вопросом территориальной доступности. Осужденный может быть направлен для отбывания принудительных работ не по месту постоянного проживания, если в соответствующем субъекте отсутствует возможность размещения или трудоустройства. С точки зрения исполнения наказания это допустимо, однако с точки зрения ресоциализации такая ситуация снижает преимущества принудительных работ перед лишением свободы. Чем дальше лицо находится от семьи, постоянного места жительства и потенциальной будущей занятости, тем слабее эффект сохранения социальных связей. Поэтому развитие исправительных центров должно учитывать не только количество мест, но и их распределение по регионам.

Еще одна проблема состоит в обеспечении баланса между контролем и ресоциализацией. Если исправительный центр фактически будет воспроизводить логику исправительной колонии, то гуманизирующее значение принудительных работ снизится. С другой стороны, чрезмерное ослабление контроля может привести к уклонениям, нарушениям режима и снижению доверия судов к этому наказанию. Следовательно, оптимальная модель исполнения должна сочетать надзор, понятные правила внутреннего распорядка, дисциплинарную ответственность, воспитательную работу и реальные механизмы социальной поддержки. В научных работах справедливо указывается на необходимость совершенствования надзора, организации досуга и профилактической работы с осужденными в исправительных центрах [6, с. 28].

Существенное значение имеет и правовой статус осужденного к принудительным работам. Он не является свободным работником в обычном смысле, поскольку его трудовая деятельность организуется в рамках исполнения приговора суда. Однако он также не должен рассматриваться

исключительно как изолированный заключенный. Его положение является смешанным: уголовно-исполнительные ограничения сочетаются с элементами трудовых прав, бытовой самостоятельности и социальной ответственности. В связи с этим требуется четкое регулирование условий труда, оплаты, охраны здоровья, медицинского обеспечения, режима проживания, порядка увольнения, перевода и применения мер взыскания. Недостаточная определенность этих вопросов способна вызвать конфликты между задачами исполнения наказания и правами осужденных.

Проблема медицинского и социального обеспечения лиц, отбывающих принудительные работы, также имеет прямое отношение к гуманизации. Если государство использует труд как средство исправления, оно должно обеспечивать безопасность труда, доступ к медицинской помощи и защиту от произвольного ухудшения условий отбывания наказания. В противном случае принудительные работы могут восприниматься не как современная альтернатива лишению свободы, а как форма эксплуатации. Поэтому гуманистический смысл наказания состоит не только в том, что осужденный не направляется в колонию, но и в том, что исполнение наказания осуществляется в правовых, контролируемых и социально оправданных условиях.

Следует учитывать и профилактическое значение принудительных работ. Предупреждение рецидива достигается не самим фактом пребывания в исправительном центре, а совокупностью факторов: трудовой дисциплиной, контролем, возможностью заработать, сохранением социальных связей, участием в воспитательных мероприятиях и подготовкой к жизни после освобождения от наказания. Если эти элементы действуют разрозненно, результат будет ограниченным. Если же они выстроены как единая ресоциализационная система, принудительные работы могут стать эффективным инструментом снижения повторной преступности [7, с. 2].

Вопрос о соотношении принудительных и исправительных работ после изменений 2025 года также приобретает особую актуальность. Исправительные работы теперь ориентированы на осужденных, имеющих основное место работы. Принудительные работы, напротив, могут применяться как самостоятельное наказание с направлением лица в учреждение УИС и привлечением к труду в определяемых местах. Такое разграничение делает систему наказаний более логичной: если лицо имеет стабильную занятость, целесообразно сохранять ее посредством исправительных работ; если же такой занятости нет или требуется более высокий уровень контроля, могут применяться принудительные работы.

Гуманизация наказания невозможна без индивидуализации судебного решения. Суду необходимо оценивать не только категорию преступления и формальные пределы санкции, но и личность виновного, его трудовые навыки, семейное положение, отношение к содеянному, возможность возмещения вреда и вероятность исправления без изоляции. Принудительные работы должны назначаться не автоматически, а тогда, когда они действительно способны заменить лишение свободы без ущерба для безопасности общества. В противном случае расширение сферы их применения может привести к формализму и снижению эффективности наказания.

Отдельного внимания заслуживает вопрос общественного восприятия. Для части общества любое наказание, не связанное с колонией, может казаться чрезмерно мягким. Однако такой подход не учитывает, что эффективность наказания определяется не только его жесткостью, но и способностью предотвращать новые преступления. Если принудительные работы позволяют сохранить социальные связи, обеспечить трудовую занятость, компенсировать вред и контролировать поведение осужденного, то они могут быть более полезными для общества, чем краткосрочное лишение свободы, после которого человек выходит без работы, поддержки и законных средств существования.

Вместе с тем расширение применения принудительных работ должно сопровождаться научным и ведомственным мониторингом. Необходимо оценивать уровень повторной преступности среди лиц, отбывших это наказание, качество трудоустройства, количество нарушений режима, эффективность воспитательной работы, региональные различия в доступности исправительных центров. Без такой оценки невозможно понять, выполняет ли институт заявленные задачи или лишь формально разгружает систему лишения свободы. Научные исследования последних лет показывают, что принудительные работы остаются дискуссионным институтом, требующим постоянной корректировки и организационного сопровождения [8, с. 189].

Перспективным направлением является развитие взаимодействия УИС с работодателями. Исправительный центр не сможет выполнять свои задачи без устойчивой системы рабочих мест. Работодатель, в свою очередь, должен понимать правовой режим труда осужденных, гарантии безопасности, порядок взаимодействия с администрацией учреждения и возможные экономические стимулы. Важно, чтобы трудоустройство не сводилось к низкоквалифицированным и случайным работам. Чем больше осужденный получает реальных профессиональных навыков, тем выше вероятность его законопослушного поведения после окончания срока наказания.

Не менее важна воспитательная и профилактическая работа. Сам по себе труд не всегда исправляет человека, если он не сопровождается правовым воспитанием, психологической поддержкой, профилактикой зависимостей, восстановлением документов, работой с семьей и подготовкой к освобождению. Поэтому принудительные работы должны рассматриваться как комплексный институт, в котором трудовая обязанность является центральным, но не единственным элементом. Иначе исправительный центр рискует превратиться лишь в место организованного труда под надзором, что существенно сузит гуманистическое содержание наказания.

Таким образом, принудительные работы занимают особое место в современной уголовно-исполнительной политике России. Их значение заключается в том, что они позволяют заменить наиболее жесткую форму уголовного наказания более гибким средством воздействия, не исключающим контроля, дисциплины и ответственности. В условиях 2026 года данный институт приобретает дополнительную значимость вследствие законодательного перехода к самостоятельному назначению принудительных работ. Это открывает возможности для более широкого применения наказания, но одновременно повышает требования к качеству его исполнения.

Основными условиями реализации гуманизирующего потенциала принудительных работ являются: развитие сети исправительных центров, обеспечение реальной трудовой занятости, соблюдение прав осужденных, индивидуализация исполнения наказания, эффективный надзор, профилактическая работа и взаимодействие с работодателями. Только при наличии этих условий принудительные работы могут стать не формальной альтернативой лишению свободы, а полноценным инструментом ресоциализации и предупреждения рецидива.

В заключение следует отметить, что принудительные работы отражают общий поворот уголовно-исполнительной политики от исключительно изоляционной модели к более дифференцированной системе наказаний. Их гуманистическое значение состоит не в смягчении ответственности как таковой, а в более разумном соотношении кары, контроля, труда и исправления. Для России 2026 года данный институт является одним из наиболее перспективных направлений совершенствования уголовно-исполнительной системы, поскольку позволяет одновременно учитывать интересы государства, общества, потерпевших и самого осужденного. Однако эффективность принудительных работ будет зависеть не столько от расширения их законодательного применения, сколько от того, насколько качественно государство сможет организовать их исполнение на практике.

Список литературы:

[1] Селиверстов В.И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 1 (65). С. 43–50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-perspektivy-predely-i-riski-razvitiya (дата обращения: 18.05.2026).

[2] Афанасьев С.А. Актуальность применения принудительных работ и развитие системы исправительных центров в процессе гуманизации уголовного наказания // Научный компонент. 2023. № 2. С. 1–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-primeneniya-prinuditelnyh-rabot-i-razvitie-sistemy-ispravitelnyh-tsentrov-v-protsesse-gumanizatsii-ugolovnogo (дата обращения: 18.05.2026).

[3] Саутина С.А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 3. С. 60–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispravitelnye-tsentry-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 18.05.2026).

[4] Клещина Е.Н. О некоторых проблемах применения наказания в виде принудительных работ и его профилактическом значении // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 156–160. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-primeneniya-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot-i-ego-profilakticheskom-znachenii (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Рахимджанова Д.С., Скиба А.П. Применение основных средств исправления в отношении осужденных к принудительным работам // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1 (58). С. 91–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-osnovnyh-sredstv-ispravleniya-v-otnoshenii-osuzhdennyh-k-prinuditelnym-rabotam (дата обращения: 18.05.2026).

[6] Вафина Р.Р. Актуальные проблемы, возникающие при исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 2. С. 26–32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-voznikayuschie-pri-ispolnenii-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot (дата обращения: 18.05.2026).

[7] Радченко М.Э. Принудительные работы на современном этапе // Молодой ученый. 2025. № 6. С. 1–4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-na-sovremennom-etape (дата обращения: 18.05.2026).

[8] Геранин В.В., Мальцева С.Н. Принудительные работы: неиспользованные резервы // Известия высших учебных заведе-

ний. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 187–198. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-neispolzovannye-rezervy (дата обращения: 18.05.2026).

References:

[1] Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development // Penitentiary science. 2024. T. 18. № 1 (65). S. 43-50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-perspektivy-predely-i-riski-razvitiya (дата обращения: 18.05.2026).

[2] Afanasyev S.A. Relevance of the use of forced labor and the development of the system of correctional centers in the process of humanization of criminal punishment // Scientific component. 2023. № 2. S. 1-6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-primeneniya-prinuditelnyh-rabot-i-razvitie-sistemy-ispravitelnyh-tsentrov-v-protsesse-gumanizatsii-ugolovnogo (дата обращения: 18.05.2026).

[3] Sautina S.A. Correctional centers in the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. № 3. S. 60-64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispravitelnye-tsentry-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 18.05.2026).

[4] E.N. Kleshchina. On some problems of punishment in the form of forced labor and its preventive significance // Bulletin of Economic Security. 2024. № 2. S. 156-160. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-primeneniya-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot-i-ego-profilakticheskom-znachenii (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Rakhimdzhanova D.S., Skiba A.P. The use of basic means of correction in relation to convicts to forced labor // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2024. № 1 (58). S. 91-102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-osnovnyh-sredstv-ispravleniya-v-otnoshenii-osuzhdennyh-k-prinuditelnym-rabotam (дата обращения: 18.05.2026).

[6] Vafina R.R. Actual problems arising in the execution of criminal punishment in the form of forced labor // Vedomosti of the penal system. 2026. № 2. S. 26-32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-voznikayuschie-pri-ispolnenii-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot (дата обращения: 18.05.2026).

[7] Radchenko M.E. Forced labor at the present stage // Young scientist. 2025. № 6. S. 1-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-na-sovremennom-etape (дата обращения: 18.05.2026).

[8] Geranin V.V., Maltseva S.N. Forced labor: unused reserves // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2025. № 1. S. 187-198. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-neispolzovannye-rezervy (дата обращения: 18.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-167-171

САХНО Оксана Олеговна,
подполковник полиции, старший преподаватель кафедры криминалистики Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
e-mail: sahno_oksana@inbox.ru

ЧЕРЕПКОВ Роман Анатольевич,
старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж),
e-mail: romach197978@yandex.ru

ЧЕРНОЖУКОВА Карина Руслановна,
рядовой полиции, курсант юридического факультета Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
e-mail: karina16042005@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, КЛАССИФИКАЦИИ И ЗНАЧЕНИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследуется вопрос трансформации учения о следах под влиянием процессов цифровизации. Авторами проводится комплексный анализ цифровых следов как относительно новой категории объектов криминалистического исследования, формулируются ключевые признаки цифрового следа, уделено внимание вопросу классификации следов, содержащихся в цифровом пространстве. Раскрывается содержательная характеристика криминалистически значимой информации, извлекаемой из цифровых следов. Обосновывается необходимость актуализации криминалистических методик и алгоритмов работы с цифровыми следами с учетом современного уровня развитиях цифровых технологий.*

Ключевые слова: *цифровой след, цифровое пространство, доказательство, раскрытие преступления, расследование преступления, следственное действие.*

SAKHNO Oksana Olegovna,
police lieutenant colonel, senior lecturer at the Department of Criminalistics of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

CHEREPKOV Roman Anatolyevich,
Senior Lecturer, Department of Forensic Science and Forensics, Central Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V.M. Lebedev Russian State University of Justice" (Voronezh)

CHERNOZHUKOVA Karina Ruslanovna,
ordinary police officer, cadet of the law faculty of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT, CLASSIFICATION AND SIGNIFICANCE OF DIGITAL TRACES IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION ACTIVITIES

Annotation. *The article explores the transformation of the doctrine of traces under the influence of digitalization processes. The authors conduct a comprehensive analysis of digital traces as a relatively new category of objects of forensic research, formulate the key features of a digital trace, and pay attention to the classification of traces contained in the digital space. The article reveals the content characteristics of criminologically significant information extracted from digital traces. The authors substantiate the need to update forensic methods and algorithms for working with digital traces, taking into account the current level of development of digital technologies.*

Key words: *digital footprint, digital space, evidence, solving a crime, investigating a crime, investigative action.*

Цифровая трансформация, затрагивающая все сферы общественных отношений, привела к проникновению цифровых устройств и информационных технологий в повседневную жизнь современного человека. Эти процессы обуславливают неизбежную трансформацию механизмов преступной деятельности с формированием цифровых следов, имеющих принципиальное отличие от классических материальных и идеальных отображений.

К цифровым следам необходимо относить регистрационные записи автоматизированных систем, метаданные файлов, сведения о сетевых соединениях, переписки в мессенджерах и транзакционные данные платежных сервисов. Безусловно, приведенный перечень не является исчерпывающим, но дает общее представление о специфике формируемых цифровых следов, а также разнообразных их формах представления.

Анализ практики раскрытия и расследования современных преступлений, показывает, что уровень эффективности в работе с цифровыми следами, а также объектами, их содержащими, требует своего повышения. Разработанные ранее алгоритмы поиска, процессуальной фиксации, изъятия и последующей интерпретации следов нуждаются в своей актуализации. На сегодняшний день актуальна разработка и внедрение методически выверенных криминалистических рекомендаций по вовлечению в процесс расследования информации, содержащейся в цифровых следах и имеющей потенциальное доказательственное значение.

Цифровые следы являются относительно новым типом объектов криминалистического исследования. Само понятие следа в криминалистике имеет длительную историю и разработано в рамках трасологии, как одного из разделов криминалистической техники. Следует отметить, что в рамках указанного раздела преимущественно рассматриваются материально-фиксированные отображения, например, следы рук, обуви или орудий взлома. Распространение цифровых устройств потребовало переосмысления категории следа и расширения его содержания за счет информационных объектов, существующих в электронной форме.

Исследование понятия цифрового следа показывает, что авторы едины в понимании цифрового следа как информационного отображения активности субъекта, однако расходятся в степени детализации среды, в которой такое отображение формируется. Так, например, Л.М. Тайтубаева предлагает определять цифровой след как результат деятельности субъекта, осуществляемой в цифровом пространстве с использованием каких-либо устройств [1, с. 530]. Это определение делает акцент на субъектно-деятельностной природе рассматриваемого явления – след возникает вследствие целенаправленного или сопутствующего взаимодействия лица с программно-аппаратной средой.

По мнению Хомякова Э.Г., к цифровым следам следует относить всю совокупность данных, которые остаются в результате активности пользователя в цифровой среде и формируются как в сети Интернет, так и в мобильных устройствах, а также в системах связи и иных информационных технологических средствах. При этом, образованные цифровые следы, как отмечает автор, могут быть использованы для идентификации поведения, действий или взаимодействий субъекта [2, с. 73]. Сформулированное Хомяковым Э.Г. определение охватывает максимально широкий круг источников обнаружения цифровых следов и особо подчеркивает идентификационную функцию цифрового следа, имеющую важное значение для осуществления раскрытия и расследования преступления.

Формулировка дефиниции «цифровой след» позволяет отграничить данную группу от иных следов преступной деятельности, а также показывает их сущность и многообразие форм выражения. Не менее важно также решение классификационных задач в отношении цифровых следов, которое способствует организации качественной и эффективной работы с тем или иным видом указанных следов на всех этапах расследования.

Используя традиционный трасологический подход, следует сделать вывод, что следообразующим объектом в цифровом пространстве является пользователь, либо программный агент, действующий по его инициативе, а следовоспринимающим объектом выступает аппаратно-программный комплекс, фиксирующий соответству-

ющую активность. При этом, механизм формирования цифрового следа определяется характером взаимодействия, так, например, авторизация на сервисе порождает одну разновидность записей, автоматическая фоновая передача геолокационных данных – другую.

Наиболее распространенным основанием классификации цифровых следов в современной литературе является степень осведомленности и волевого участия субъекта в процессе их образования. По названному критерию выделяют активные и пассивные цифровые следы. Активный цифровой след возникает в результате осознанного действия пользователя, направленного на создание информационного объекта или на передачу сведений. В качестве примером таких действий можно выделить публикацию сообщения в социальной сети, отправку электронного письма, заполнение регистрационной формы или загрузку файлов на облачное хранилище. Осуществляя указанные действия, субъект понимает, что действие происходит с его участием в цифровом пространстве, и, как правило, контролирует содержание передаваемой информации.

Пассивный цифровой след формируется иначе. Как отмечает,

М.В. Ганжа, данный вид следа может быть представлен как совокупность данных о пользователе, при этом указанные следы могут быть образованы с его активным участием, но без его ведома. Примером пассивных следов может выступать формирование цифровых следов в сети Интернет, так, с момента открытия сайта будет сохранено каждое действие пользователя на выбранном им ресурсе [3, с. 58]. При пассивном следообразовании субъект может не осознавать, что определенные сведения о нем сохраняются. Как правило, к этой категории относятся файлы cookie, записи IP-адресов в журналах веб-серверов, данные телеметрии операционных систем, сведения о геопозиции, автоматически передаваемые приложениями. Разграничение активных и пассивных следов значимо в криминалистическом отношении, поскольку пассивные следы в виду своей специфики образования, в меньшей степени подвержены намеренному уничтожению или фальсификации со стороны преступника.

Помимо критерия осведомленности субъекта, в доктрине используются и иные основания деления. По месту локализации цифровые следы разграничиваются на следы, хранящиеся непосредственно на устройстве пользователя (локальные), и следы, зафиксированные на удаленных серверах (сетевые). Локальные следы включают историю браузера, кэшированные файлы, журналы событий операционной системы, метаданные документов, временные файлы приложений. Сетевые следы сохраняются провайдерами услуг связи, администраторами интернет-ресурсов, операторами облачных платформ. Практическое значение этого деления определяется различием процессуальных процедур получения доступа к соответствующим данным, тактическими особенностями и организационной формой их обнаружения и фиксации.

Следующим основанием классификации выступает содержание информации. Так, цифровые следы могут быть разделены на идентификационные, коммуникационные, навигационные и транзакционные. Идентификационные следы позволяют установить личность пользователя или индивидуализировать устройство: учетные записи, цифровые сертификаты, MAC-адреса сетевых интерфейсов, IMEI мобильных терминалов. Коммуникационные следы отражают факт и содержание обмена информацией между субъектами – переписку в мессенджерах, записи телефонных соединений, электронную корреспонденцию. Навигационные следы фиксируют перемещение пользователя в физическом пространстве (данные GPS, информация о подключении к базовым станциям сотовой связи) и в виртуальной среде (история посещенных веб-страниц, журналы DNS-запросов). Транзакционные следы отображают совершение финансовых или юридически значимых операций: платежи через электронные системы, переводы криптовалюты, действия в информационных системах государственных органов. Учет содержащейся в цифровых следах информации поможет верно определить источник и порядок работы с ним, для успешного извлечения и последующей интерпретации цифровых следов.

Дополнительным классификационным признаком служит характер носителя. Цифровые следы обнаруживаются в энергозависимой (оперативная память, кэш процессора) и энергонезависимой (жесткие диски, твердотельные накопители, флеш-карты) памяти. Криминалистическое значение классификации по данному основанию состоит в том, что следы в энергозависимой памяти могут быть утрачены при отключении питания устройства. Понимание специфики и характера носителя цифровых следов требует от субъектов расследования принятия взвешенного и обоснованного решения о необходимости применения специализированных средств их извлечения и алгоритмах действий с цифровыми следами на определенном устройстве.

Криминалистическая значимость информации, извлекаемой из цифровых следов, определяется ее способностью устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Цифровые следы содержат сведения о действиях лица, времени и месте их соверше-

ния, используемых средствах, контактах с иными субъектами. Эти сведения приобретают процессуальное значение при условии их надлежащего обнаружения, закрепления и оценки в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Отметим, что понятие криминалистически значимой информации, содержащейся в цифровой среде, требует своего уточнения. В.А. Скрипко определяет ее как закодированную информацию, представленную в цифровом виде и находящуюся в компьютерной среде, а также относящуюся к расследуемому событию [4, с. 194]. Приведенное определение указывает на два важных признака: форму существования (цифровой код в компьютерной среде) и относимость к расследуемому событию. Второй признак особенно важен, поскольку объем информации, хранимой на современных устройствах, исчисляется гигабайтами и терабайтами, и лишь незначительная часть этих сведений имеет отношение к предмету доказывания. Отбор релевантных данных составляет самостоятельную криминалистическую задачу, решение которой зависит от квалификации субъекта расследования, привлеченного специалиста и корректности постановки вопросов при назначении экспертизы.

Содержательную характеристику такой информации А.В. Ким раскрывает следующим образом – эта информация, являясь носителем следов преступления, содержит криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступной деятельности. (например, логи систем, метаданные файлов, сетевые журналы, видеозаписи) [5, с. 82]. Вышеуказанная формулировки подчеркивает, что криминалистически значимая информация неоднородна по своему составу и позволяют охарактеризовать механизм произошедшего преступления по различным параметрам. Так, логи систем фиксируют хронологию событий в программной среде и позволяют восстановить последовательность действий пользователя. Метаданные файлов содержат сведения о дате создания, модификации, авторстве документа, использованном программном обеспечении. Сетевые журналы отражают параметры соединений, IP-адреса, объем переданных данных, протоколы взаимодействия. Видеозаписи, сохраненные в цифровом формате, позволяют идентифицировать лиц и фиксировать обстоятельства произошедшего события в их динамике.

Роль цифровых следов в доказывании определяется прежде всего их информативностью. Один изъятый смартфон может содержать переписку, подтверждающую наличие предварительного сговора, геолокационные данные, фиксирующие присутствие лица на месте преступления в определенный момент, фотографии и видеозаписи, отображающие обстановку и участников события, финансовые транзакции, свидетельствующие о корыстном мотиве. Столь высокая концентрация разнородных сведений в пределах одного носителя объясняет возрастающее внимание правоприменителей к цифровым источникам доказательственной информации.

С процессуальной точки зрения информация из цифровых следов может быть вовлечена в доказывание в различных формах. Электронный носитель, содержащий криминалистически значимую информацию, может быть признан вещественным доказательством в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и в последующем приобщен к материалам дела. Извлеченные из устройства сведения, зафиксированные в протоколе осмотра или в заключении эксперта, также могут быть источником доказательственной информации и приобретают такой статус, являясь составными частями протоколов следственных действий, а также заключений и показаний эксперта. Выбор той или иной формы представления зависит от характера носителя информации, способа извлечения информации и ее значения в каждом конкретном случае.

Рассмотрим значение информации, источниками которой выступают цифровые следы на различных этапах расследования. Так, анализ цифровых следов, обнаруженных на этапе возбуждения уголовного дела, позволит оперативно установить наличие признаков состава преступления и принять обоснованное процессуальное решение по итогам проверки поступившего заявления или сообщения. В ходе предварительного расследования такая информация способствует выдвижению и проверке следственных версий, установлению личности подозреваемого, определению круга соучастников, выявлению способа совершения преступления, мотивов действий преступника и наступивших последствий. При формировании обвинительного заключения цифровые доказательства подкрепляют совокупность всех собранных по делу доказательств, а в ряде случаев составляют основу обвинения – прежде всего по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, мошенничестве с использованием электронных средств платежа, незаконном обороте информации ограниченного доступа.

Следует отметить, что оценка криминалистического значения цифровых следов сопряжена с рядом сложностей. Специфика получаемой информации, а также значительный объем извлекаемых данных требуют обязательного участия лиц, обладающих специальными знаниями и применения ими специализированного программного обеспечения для интерпретации и анализа цифровых следов. Трансграничный характер

цифровой среды, а также возможность хранения интересующей информации на серверах за пределами юрисдикции Российской Федерации, существенно осложняют получение доказательственной информации субъектом расследования. Стремительное развитие цифровых технологий, быстрое устаревание технических средств и разнообразие форматов хранения информации в цифровой среде, могут создать риск утраты доступа к ранее зафиксированным сведениям или невозможность их изъятия по прошествии времени. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что с учетом современного состояния информационных технологий немаловажное значение имеет качественное и своевременное повышение уровня владения навыками работы с цифровыми следами, образованными в цифровом пространстве каждого сотрудника правоохранительных органов.

Классические принципы работы с материально-фиксированными отражениями, разработанные ранее, требует адаптации применительно к условиям цифровой реальности, где след формируется в виде последовательностей двоичного кода и характеризуется чрезвычайной уязвимостью и возможностью модификации. Конечной целью изучения цифровых следов и их криминалистического значения является активное совершенствование криминалистических рекомендаций, направленных на повышение качества предварительного расследования преступлений, на этапах подготовки, совершения и сокрытия которых могут быть обнаружены цифровые следы.

Список литературы:

[1] Тайтубаева Л. М. Механизм образования цифровых следов и способы их обнаружения // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12 (228). – С. 530–532.

[2] Хомяков Э.Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1 (21). – С. 71–82.

[3] Ганжа М.В. Проблемы унификации и использования понятия «электронно-цифровой след» с учетом специфики реализации на практике // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (42). – С. 55–60.

[4] Скрипко В.А. О классификации криминалистически значимой компьютерной информации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – Т. 8. – № 2 (26). – С. 187–197.

[5] Ким А. В. Компьютерная информация: понятие, содержание, форма // Судебная экспертиза и исследования. – 2026. – № 1. – С. 79–86.

References:

[1] Titubaeva L. M. Mechanism of formation of digital traces and methods of their detection // Law and state: theory and practice. – 2023. – № 12 (228). - S. 530-532.

[2] Khomyakov E.G. On the essence of digital traces in forensics and their fixation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. – 2025. – № 1 (21). - S. 71-82.

[3] Ganzha M.V. Problems of unification and use of the concept of "electronic-digital footprint," taking into account the specifics of implementation in practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (42). - S. 55-60.

[4] Skripko V.A. On the classification of criminally significant computer information // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. – 2025. - VOL. 8. – № 2 (26). - S. 187-197.

[5] Kim A. V. Computer information: concept, content, form // Forensic examination and research. – 2026. – № 1. - S. 79-86.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-172-175

ШИГОНИН Александр Борисович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Симферополь, Россия,
e-mail: shigonin.ab@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НОРМАЛЬНОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ, НРАВСТВЕННОЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (СТ. СТ. 150–151.2 УК РФ)

Аннотация. *В статье исследуются вопросы, связанные с квалификаций преступлений, предусмотренных ст. ст. 150 - 151.2 УК РФ. Сделан акцент на то, что вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную асоциальную деятельность представляет собой одну из наиболее опасных форм негативного воздействия взрослых лиц на формирующуюся личность ребёнка. Автор указывает, что при применении ст. 150 УК РФ возникает целый ряд серьёзных квалификационных трудностей – от истолкования самого понятия вовлечения до установления пределов соучастия взрослого в преступлении, фактически совершённом подростком. Отмечено, что вопросы, связанные с определением круга лиц, обладающих признаком специального субъекта, относящегося к субъективным признакам квалифицированных составов, предусмотренных соответствующими пунктами частей 2 ст. ст. 150 и 151 УК РФ, соотношением норм общей и особенной частей УК РФ, квалификационными проблемами применительно к ст. 151.2 УК РФ являются дискуссионными.*

Ключевые слова: *квалификация преступлений, вовлечение несовершеннолетних, специальный субъект, сравнительный анализ, противоправные действия.*

SHIGONIN Alexander Borisovich,
Candidate of Law Sciences Associate Professor of the Department of Criminal Law Crimean branch of FGBOUVO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» Simferopol, Russia

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES THAT ENCROACH ON THE NORMAL PHYSICAL, MENTAL, MORAL, AND INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF MINORS (ARTICLES 150–151.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. *The article examines issues related to the qualifications of crimes provided for in Articles 150-151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The emphasis is placed on the fact that the involvement of minors in criminal and other antisocial activities is one of the most dangerous forms of negative impact of adults on the emerging personality of a child. The author points out that when applying Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, a number of serious qualification difficulties arise – from interpreting the very concept of involvement to setting the limits of an adult's complicity in a crime actually committed by a teenager. It is noted that issues related to the definition of the circle of persons with the sign of a special entity, referring to the subjective signs of qualified personnel provided for in the relevant paragraphs of parts 2 of Articles 150 and 151 of the Criminal Code, the ratio of norms of the general and special parts of the Criminal Code, qualification problems in relation to art. 151.2 of the Criminal Code are debatable.*

Key words: *crime classification, involvement of minors, special subject, comparative analysis, unlawful actions.*

Законодатель объединил преступления, предусмотренные ст. ст. 150–151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в одну группу поскольку они занимают центральное положение в системе уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. Вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную асоциальную деятельность представляет собой одну из наиболее опасных форм негативного воздействия взрослых лиц на формирующуюся личность ребёнка, поскольку результатом подобного воздействия становится не только разовое отклонение от правомерного поведения, но и постепенное усвоение подростком криминальных ценностей, привычек и установок, формирующих у него устойчивую склонность к противоправному образу жизни в

будущем.

Ст. 150 УК РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обещаний, обмана, угроз или иным способом, осуществлённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В тоже время при практическом применении этой нормы возникает целый ряд серьёзных квалификационных трудностей – от истолкования самого понятия вовлечения до установления пределов соучастия взрослого в преступлении, фактически совершённом подростком. Высшая судебная инстанция разъясняет, что под вовлечением надлежит понимать действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление; такие действия могут выражаться в форме обещаний, обмана, угроз, а равно в виде предложений совершить общественно опасное деяние [1]. Оконченным это деяние признаётся в момент, когда несовершеннолетний приступает к соответствующим действиям, то есть фактически принимает участие в реализации преступного умысла взрослого.

Существенным дискуссионным вопросом остаётся квалификация содеянного в ситуациях, когда вовлечённое лицо не достигло возраста уголовной ответственности либо не подлежит привлечению по иным основаниям. Анализ судебной практики показывает, что в подобных случаях действия лица совершившего такие деяния необходимо квалифицировать по правилам совокупности.

Статьи 150–151.2 Уголовного кодекса РФ образуют единый блок, направленный на ограждение несовершеннолетних от криминализации. Вовлечение подростка в противоправную деятельность опасно тем, что формирует у него устойчивые девиантные установки, повышая вероятность выбора преступного пути в будущем.

Примечательно, что статья 150 УК РФ устанавливает ответственность для совершеннолетних лиц, склоняющих подростков к совершению преступлений любыми способами: от уговоров и обмана до угроз. Согласно судебной практике, состав преступления считается оконченным в момент реального участия несовершеннолетнего в противоправном деянии. Особую сложность в правоприменении вызывают случаи, когда подросток не подлежит уголовной ответственности. В такой ситуации суды часто применяют совокупность преступлений, что до сих пор вызывает дискуссии в юридическом сообществе. То есть, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления квалификация осуществляется по ст. 150 УК РФ. За совершение иного преступления квалификация должна осуществляться в порядке посредственного причинения вреда в силу положений ч. 2 ст. 33 УК РФ. Подобный подход получил научное подтверждение в работах исследователей, отмечающих, что взрослый в такой ситуации должен нести ответственность и как подстрекатель, и как соисполнитель, если он сам принимал непосредственное участие в совершении противоправного деяния [2, с.45].

Самостоятельные квалификационные сложности возникают при оценке ситуаций, когда в одно преступление вовлекается одновременно несколько несовершеннолетних либо когда один и тот же подросток вовлекается в совершение нескольких противоправных деяний. Учитывая повышенную общественную опасность системного преступного воздействия на подрастающее поколение, законодатель предусмотрел в уголовном законе, в частности в ч. 4 ст. 150 УК РФ новый квалифицирующий признак – вовлечение несовершеннолетнего в совершение трёх и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести. Эта новелла стала ответом на устойчивую практику использования подростков профессиональными преступниками для систематического совершения корыстных посягательств – преимущественно краж и сходных с ними деяний [3, с.99].

Дискуссионный характер также имеет вопрос связанный с определением круга лиц, обладающих признаком специального субъекта, относящегося к субъективным признакам квалифицированных составов, предусмотренных соответствующими пунктами частей 2 ст. ст. 150 и 151 УК РФ. Здесь обращает на себя внимание формулировка «иные лица», которая в определенной степени вызывает трудности у правоприменителя в процессе квалификации. Учитывая нормы законодательства, регулирующего семейные отношения к иным лицам следует относить не только биологических родителей [4, с.37].

В качестве примера уместно обратить внимание на приговор Никифоровского районного суда Тамбовской области. Подсудимая, выступая мачехой несовершеннолетнего и проживая совместно с ним, вовлекла пасынка в попрошайничество, обучив его приёмам выпрашивания у посторонних лиц денежных средств и продуктов питания. Суд квалифицировал её действия по ч. 1 ст. 151 УК РФ без вменения квалифицирующего признака специального субъекта, несмотря на то что воспитательные функции в отношении ребёнка она фактически выполняла. По аналогичному пути пошёл и другой суд, привлекая по ч. 1 ст. 150 УК РФ бабушку, воспитывавшую несовершеннолетнего внука на основании нотариально заверенного согласия его матери [5, с.268].

Подобная категоричность формализованных в уголовном кодексе условий о возложении законом на иное лицо обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего представляется избыточной и не учитывающей современную транс-

формацию института семьи. Социологические исследования констатируют широкое распространение различных моделей семейных отношений, отличающихся от традиционной нуклеарной семьи. В настоящее время распространены такие явления как неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети одного из партнёров [6, с.215]. В этих условиях игнорирование законодателем фактически сложившихся отношений по воспитанию ребёнка приводит к ситуации, когда наиболее криминогенно опасные для несовершеннолетнего лица оказываются вне сферы повышенной уголовно-правовой ответственности.

Сравнительный анализ диспозиций ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 и п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ обнаруживает любопытную законодательную непоследовательность. Если в норме общей части УК РФ в том числе упоминается и лицо которое проживает совместно с несовершеннолетним или несовершеннолетней, то в соответствующих статьях особенной части УК РФ указание на это обстоятельство отсутствует. Такое расхождение создаёт парадоксальную ситуацию: один и тот же фактический субъект – мачеха, отчим, сожитель родителя – может быть учтён судом при индивидуализации ответственности через ст. 63 УК РФ, но не может быть привлечён по квалифицированному составу соответствующей статьи Особенной части.

В доктрине уголовного права предлагаются различные пути разрешения обозначенной проблемы. Одни авторы настаивают на ограничении круга лиц указанных в ч. 2 ст. 150 УК РФ, ограничиваясь теми, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Другие, напротив, обосновывают необходимость расширения данного круга либо путём использования приведённой в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ формулировки, либо посредством простого перечисления соответствующих лиц. Представляется, что наиболее перспективным является вариант, основанный на концепте фактического воспитания, получившем развитие в современной семейно-правовой доктрине.

С учётом достижений социологической теории статусов и ролей личности, а также результатов межотраслевого анализа отношений по фактическому воспитанию, диспозиции ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ целесообразно было бы дополнить формулировкой «тоже деяние, совершённое родителем, педагогическим работником либо иным лицом, которое фактически исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего». Подобная конструкция, с одной стороны, сохраняла бы необходимую определённость закона, а с другой – позволяла бы учитывать реальные возможности криминогенного влияния со стороны периферийных членов семьи на несовершеннолетнего.

Не менее сложные квалификационные проблемы возникают применительно к ст. 151.2 УК РФ. Эта статья в Уголовном кодексе появилась как прямой ответ на угрозу, которую несли в себе так называемые «группы смерти» в социальных сетях и распространение опасных подростковых увлечений – руфинга, зацепинга, сталкерства, диггерства, различных экстремальных забегов перед транспортом и прочих форм рискованного поведения.

Объективные признаки этого деяния проявляются через вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Таким образом, чтобы наказать взрослого по ст. 151.2 УК РФ, следствию нужно доказать, что он не просто подбил подростка на риск, а склонил его к нарушению закона, которое к тому же опасно для жизни. Здесь кроется главная проблема: многие опасные хобби (например, «зацепинг» или руфинг) формально не запрещены, поэтому привлечь за них сложно. Статья работает только тогда, когда есть четкое нарушение конкретных правил. При этом важно, чтобы подросток действительно совершил опасный поступок — если он отказался, это считается лишь покушением.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. и дополн) // Российская газета. N 29. 11.02.2011.

[2] Кипман Е.М., Василенко Л.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2023. Т. 1. № 3(42). С. 42-47.

[3] Зарубина К.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений: вопросы квалификации в свете Федерального закона от 29 мая 2024 года № 111-ФЗ // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2(46). С. 97-104.

[4] Забродина В.В. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 150 и частью 2 статьи 151 УК РФ, по признакам специального субъекта // Защита семьи и несовершеннолетних: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы Межвузовского круглого стола. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 34-40.

[5] Осмоловская С.И. К вопросу о видах

специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266-270.

[6] Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного фактического родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208-238.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" (amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. N 29. 11.02.2011.

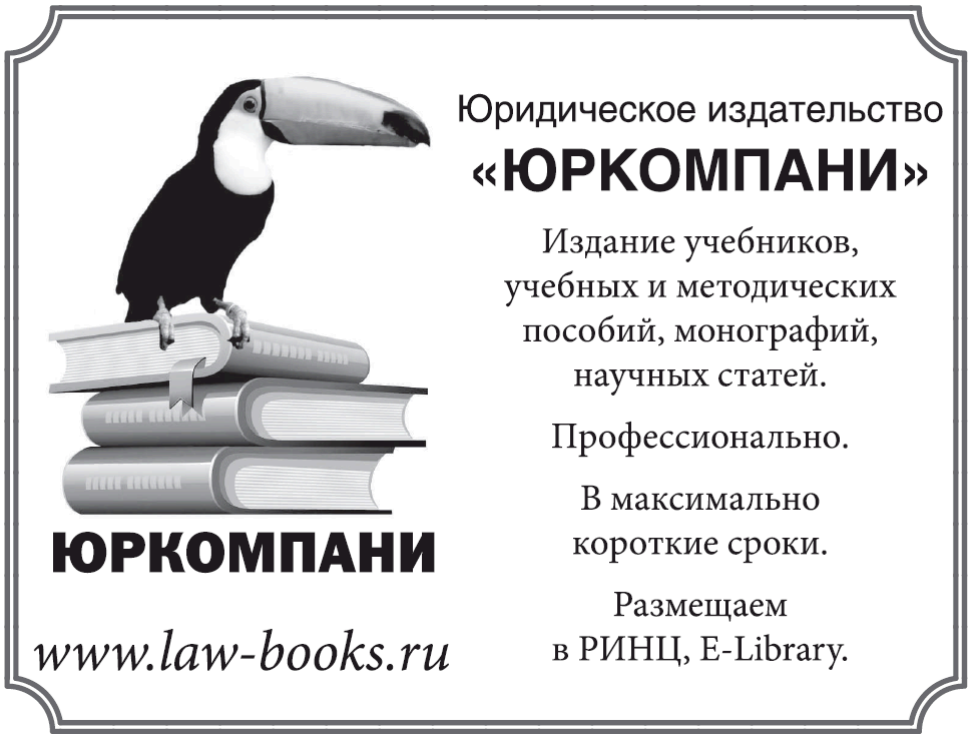
[2] Kipman E.M., Vasilenko L.A. Criminal law characteristics of crimes under Art. 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2023. VOL. 1. № 3(42). S. 42-47.

[3] Zarubina K.A. Involvement of minors in the commission of several crimes: qualification issues in the light of the Federal Law of May 29, 2024 No. 111-FZ // Prologue: Law Journal. 2025. № 2(46). S. 97-104.

[4] Zabrodina V.V. Issues of qualification of crimes provided for by part 2 of Article 150 and part 2 of Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the grounds of a special subject // Protection of families and minors: criminal legal, criminological and penal aspects: Materials of the Interuniversity Round Table. Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2024. S. 34-40.

[5] Osmolovskaya S.I. On the question of the types of special subject involving a minor in the commission of a crime // Problems of economics and legal practice. 2022. T. 18. № 3. S. 266-270.

[6] Komissarova E.G. The doctrine of direct actual parenthood in Russian and foreign family law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 56. S. 208-238.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-176-179

САВИН Андрей Александрович,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aasavin33@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые, организационные и социально-педагогические особенности привлечения к труду осужденных несовершеннолетних. Анализируется значение труда как средства исправления, профессиональной ориентации и социальной адаптации несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Особое внимание уделяется ограничениям, связанным с возрастом, состоянием здоровья, необходимостью получения образования, соблюдением трудовых гарантий.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, труд, воспитательная колония, исправление, ресоциализация, трудовое воспитание, уголовно-исполнительное право.*

SAVIN Andrey Alexandrovich,
Leading Researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

FEATURES OF ENLISTING MINORS TO LABOR

Annotation. *The article examines the legal, organizational, and socio-pedagogical features of engaging convicted minors in labour. The significance of labour as a means of correction, vocational guidance, and social adaptation of minors serving sentences in educational colonies is analysed. Special attention is paid to the restrictions related to age, health status, the need to receive an education, and compliance with labour guarantees.*

Key words: *convicted minors, labour, educational colony, correction, resocialisation, vocational education, penal law.*

Привлечение осужденных к труду традиционно рассматривается в уголовно-исполнительной системе как одно из основных средств исправления. В соответствии со ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) труд относится к числу основных средств исправления осужденных наряду с установленным порядком исполнения и отбывания наказания, воспитательной работой, общественно полезным трудом, получением общего образования, профессиональным обучением и общественным воздействием [1].

Однако применительно к несовершеннолетним осужденным данный институт обладает особой спецификой. Она обусловлена возрастными, психологическими, образовательными и социальными характеристиками подростков, а также необходимостью соблюдения повышенных гарантий охраны их прав и законных интересов. Как отмечается в научной литературе, несовершеннолетние осужденные являются наиболее восприимчивой к воспитательному воздействию категорией лиц, поэтому меры исправительного характера должны быть ориентированы не только на обеспечение режима, но и на последующую социальную адаптацию личности [3, с. 112].

Труд осужденных в уголовно-исполнительном праве выступает одним из средств их исправления. Его правовая природа раскрывается через сочетание публично-правовых и социально-воспитательных начал. С одной стороны, трудовая деятельность осужденных организуется в рамках исполнения уголовного наказания, с другой — она направлена на формирование социально полезных навыков и подготовку лица к жизни после освобождения [4, с. 74].

Относительно несовершеннолетних осужденных труд имеет двойственную природу. Он является элементом исполнения наказания, но одновременно выполняет воспитательную, образовательную и социализирующую функции. Такая двойственность требует особого подхода к правовому регулированию и практике организации трудовой деятельности.

Основная цель труда несовершеннолетних осужденных заключается не в получении экономического результата, а в их исправлении и подготовке к самостоятельной жизни после освобождения. В научных источниках справедливо подчеркивается, что трудовая занятость несовер-

шеннолетних в местах лишения свободы должна оцениваться прежде всего через ее воспитательный и ресоциализационный потенциал [5, с. 58].

Трудовая деятельность позволяет решать несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, она способствует формированию дисциплины, ответственности, уважения к результатам собственного и чужого труда. Во-вторых, труд помогает несовершеннолетнему приобрести первичные профессиональные навыки. В-третьих, организованная занятость снижает риск конфликтов, нарушений режима и деструктивного поведения в среде осужденных. В-четвертых, труд может стать элементом позитивной самооценки подростка, особенно если он видит практическую значимость своей деятельности.

Для несовершеннолетнего осужденного труд должен иметь не карательный, а развивающий характер. Именно поэтому трудовое воспитание должно сочетаться с обучением, психологической поддержкой и индивидуальной профилактической работой [6, с. 91]. В воспитательных колониях трудовая деятельность обычно сочетается с получением общего образования и профессиональным обучением. Это означает, что рабочий день несовершеннолетнего организован так, чтобы труд не подменял собой обучение и не препятствовал реализации права на образование.

Важной особенностью является необходимость профессиональной ориентации. Подросток должен не просто выполнять отдельные производственные операции, а понимать, какие трудовые и профессиональные навыки он приобретает. Наиболее эффективной является такая организация труда, при которой подросток осваивает востребованную специальность или практические навыки, применимые после освобождения [7, с. 143]. Необходимо помнить, что труд несовершеннолетних осужденных должен быть безопасным. Администрация учреждения обязана обеспечивать инструктаж, контроль условий труда, медицинское наблюдение, соблюдение санитарно-гигиенических требований и недопущение работ, противопоказанных по возрасту или состоянию здоровья.

Привлечение несовершеннолетних к труду не может осуществляться на тех же условиях, что и труд взрослых осужденных. Законодательство устанавливает специальные ограничения, направленные на охрану здоровья и развитие подростков.

Прежде всего, несовершеннолетние не должны привлекаться к работам, которые могут причинить вред их физическому, нравственному или психическому развитию. Отечественное трудовое законодательство запрещает применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах, выполнение которых может причинить вред здоровью и нравственному развитию [2].

При этом необходимо учитывать, что подростки в воспитательных учреждениях продолжают обучение, поэтому трудовая нагрузка должна быть соразмерной и не должна приводить к переутомлению. В научных исследованиях отмечается, что труд несовершеннолетних осужденных не должен превращаться в форму экономической эксплуатации либо средство дисциплинарного давления [8, с. 37].

Одной из ключевых особенностей правового положения несовершеннолетних осужденных является необходимость обеспечения их права на образование. Обучение является самостоятельным и значимым средством исправления, поэтому трудовая занятость не должна вытеснять образовательный процесс. На практике наиболее эффективной является модель, при которой труд и образование взаимно дополняют друг друга. Например, профессиональное обучение может быть связано с последующей практической деятельностью в мастерских или производственных участках учреждения. Такой подход позволяет подростку не только получить теоретические знания, но и закрепить их на практике.

При этом важно избегать формального характера профессиональной подготовки, когда профессиональная подготовка осужденных несовершеннолетних должна быть ориентирована на реальные возможности последующего трудоустройства и социального сопровождения после освобождения [9, с. 205].

Для подростков, имеющих опыт социальной дезадаптации, неблагополучной семейной среды, школьной неуспешности или асоциального поведения, труд может стать способом формирования новой модели поведения. Через участие в совместной деятельности несовершеннолетний учится взаимодействовать с другими людьми, соблюдать правила, принимать замечания, оценивать последствия своих действий.

Большое значение имеет система поощрений. Добросовестное отношение к труду может учитываться при оценке поведения осужденного, применении мер поощрения, решении вопросов изменения условий отбывания наказания. Как отмечает В.И. Селиверстов, исправительное воздействие труда проявляется только при условии его правильной организации, справедливой оценки результатов и связи с иными средствами исправления [4, с. 76].

Совершенствование привлечения несовершеннолетних осужденных к труду должно осуществляться с учетом приоритета их ресоциализации. Перспективным направлением является развитие профессионального обучения по востребованным специальностям. Подростки должны получать навыки, которые реально могут

быть использованы после освобождения: в сфере ремонта, обслуживания, цифровых технологий, сельского хозяйства, производства, бытовых услуг и иных социально значимых направлений.

Важным является взаимодействие воспитательных учреждений с образовательными организациями, центрами занятости, органами опеки, социальными службами и работодателями. Такое взаимодействие может обеспечить сопровождение несовершеннолетнего не только в период отбывания наказания, но и после освобождения.

Привлечение к труду осужденных несовершеннолетних имеет существенные особенности, обусловленные их возрастом, правовым статусом, необходимостью получения образования и повышенной потребностью в воспитательном воздействии. Труд в отношении данной категории осужденных не должен рассматриваться как исключительно производственная или режимная обязанность. Его основное назначение состоит в исправлении, профессиональной ориентации и подготовке подростка к возвращению в общество.

Эффективная организация труда несовершеннолетних осужденных возможна только при соблюдении специальных гарантий охраны труда, учета состояния здоровья, обеспечения права на образование и индивидуального подхода. Наиболее значимым результатом трудовой деятельности должно стать не выполнение производственного плана, а формирование у несовершеннолетнего устойчивых социальных и профессиональных навыков, необходимых для самостоятельной законопослушной жизни.

Таким образом, труд несовершеннолетних осужденных представляет собой комплексный правовой и педагогический институт, эффективность которого зависит от согласованного применения норм уголовно-исполнительного, трудового, образовательного и социального законодательства.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

[3] Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник. М.: Юстицинформ, 2020. 432 с.

[4] Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. М.: Проспект, 2021. 448 с.

[5] Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2019. 496 с.

[6] Антонян Ю. М. Личность преступника и исправительное воздействие. М.: Норма, 2018. 256 с.

[7] Долгова А. И. Криминология: учебник. М.: Норма, 2020. 368 с.

[8] Кашуба Ю. А. Исполнение уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: теоретические и практические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2019. 304 с.

[9] Чорный В. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 201–207.

[10] Ткачевский Ю. М. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 4. С. 115–123.

[11] Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2021. 992 с.

[12] Бриллиантов А. В. Проблемы правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Уголовное право. 2020. № 3. С. 89–94.

[13] Справочно-правовая система Консультант Плюс http://www.consultant.ru/..

References:

[1] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.

[2] Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, part 1. Art. 3.

[3] Malinin V. B., Smirnov L. B. Criminal executive law: textbook. M.: Justicinform, 2020. 432 p.

[4] Seliverstov V.I. Criminal executive law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2021. 448 p.

[5] Zubkov A. I. Criminal executive law of the Russian Federation: textbook. M.: Norma, 2019. 496 pp.

[6] Antonyan Yu. M. The identity of the criminal and correctional impact. M.: Norma, 2018. 256 s.

[7] Dolgova A. I. Criminology: textbook. M.: Norma, 2020. 368 pp.

[8] Kashuba Yu. A. Execution of criminal penalties against minors: theoretical and practical problems. M.: Yurlitinform, 2019. 304 pp.

[9] Chorny V.N. Resocialization of juvenile convicts in educational colonies // Penal law. 2021. № 2. S. 201-207.

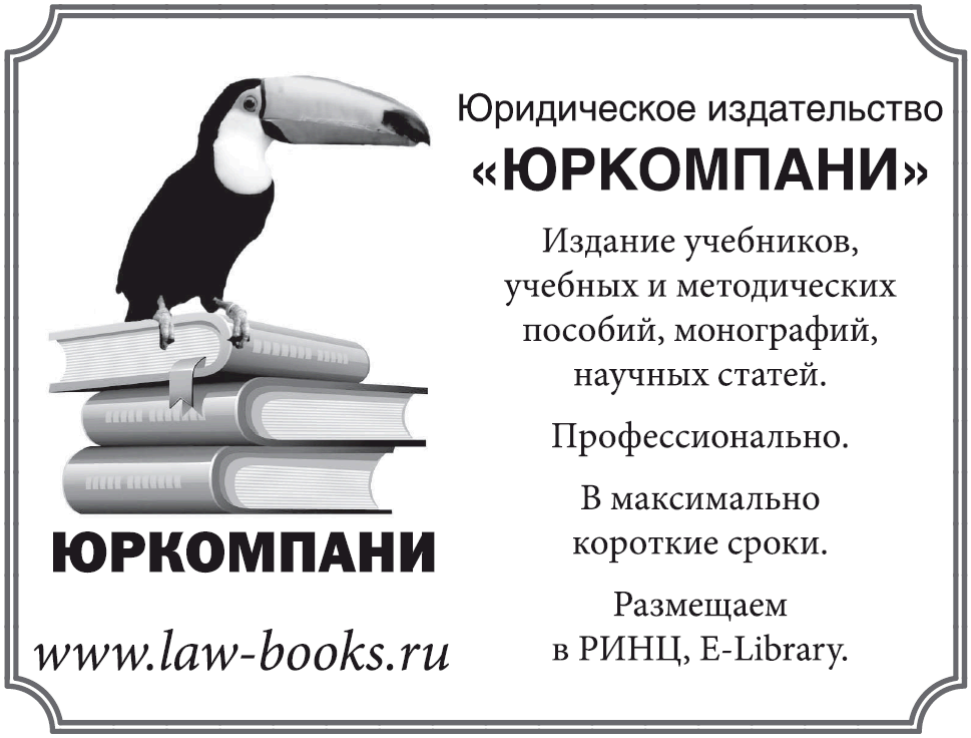
[10] Tkachevsky Yu. M. Problems of the execution of punishment in the form of imprisonment

for minors // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. 2020. № 4. S. 115-123.

[11] Commentary on the Labor Code of the Russian Federation/ed. K. N. Gusov. M.: Prospect, 2021. 992 pp.

[12] Diamonds A.V. Problems of legal regulation of the labor of those sentenced to imprisonment // Criminal law. 2020. № 3. S. 89-94.

[13] Consultant Plus http://www.consultant.ru/..



ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-180-187

ФИЛИПЦОВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Россия, г. Воронеж, e-mail: mail@law-books.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТРУДОВЫХ СПОРАХ

Аннотация. *Целью исследования явилось определение правовой природы электронных доказательств в трудовых спорах, выявить особенности их исследования и оценки судом, а также сформулировать авторское определение электронного доказательства. Использованы формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Обосновано, что электронное доказательство не тождественно электронному документу и представляет собой особую форму существования доказательственной информации, которая может проявляться через различные предусмотренные процессуальными нормами средства доказывания. Предложены критерии оценки таких доказательств: идентифицируемость источника, целостность, содержание, законность получения и доказательственное значение. Отсутствие нотариального удостоверения электронной переписки само по себе не должно влечь ее исключение из числа доказательств. При рассмотрении трудовых споров необходимо учитывать фактическое неравенство возможностей работника и работодателя. Сформулированы предложения по совершенствованию норм гражданского процессуального и трудового права.*

Ключевые слова: *электронные доказательства; трудовой спор; электронный документ; электронная переписка; аудио- и видеозапись; цифровая информация; допустимость доказательств; достоверность доказательств; работник; работодатель.*

FILIPTSOVA Natalya Aleksandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Central Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Voronezh, Russia

ELECTRONIC EVIDENCE IN LABOR DISPUTES

Annotation. *The purpose of the study was to determine the legal nature of electronic evidence in labor disputes, to identify the features of their research and assessment by the court, as well as to formulate the author's definition of electronic evidence. Formal-legal, system-structural and comparative-legal methods were used. It is justified that electronic evidence is not identical to an electronic document and represents a special form of existence of evidentiary information, which can manifest itself through various means of evidence provided for by procedural norms. Criteria for evaluating such evidence are proposed: source identifiability, integrity, content, legality of receipt and evidentiary value. The absence of a notarial certificate of electronic correspondence in itself should not entail its exclusion from the number of evidence. When considering labor disputes, it is necessary to take into account the actual inequality of opportunities between the employee and the employer. Proposals have been formulated to improve the norms of civil procedure and labor law.*

Key words: *electronic evidence; labor dispute; electronic document; electronic correspondence; audio and video recording; digital information; admissibility of evidence; reliability of evidence; employee; employer.*

Цифровизация трудовых правоотношений существенно изменила не только способы взаимодействия работника и работодателя, но и характер информации, которая впоследствии используется при разрешении трудовых споров. Электронная почта, мессенджеры, системы электронного документооборота, корпоративные информационные системы, программы учета рабочего времени, системы контроля и управления доступом, аудио- и видеозаписи позволяют фиксировать обстоятельства, которые еще сравнительно недавно подтверждались преимущественно документами на бумажном носителе и свидетельскими показаниями. В результате в судеб-

ной практике все чаще возникает необходимость оценивать сведения, существующие в цифровой форме, устанавливать их происхождение, принадлежность конкретному лицу и неизменность содержания.

Вместе с тем действующее российское право до настоящего времени не содержит легального определения электронного доказательства. Часть 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) определяет доказательства через сведения о фактах и называет источники, из которых такие сведения могут быть получены. Статья 71 ГПК РФ относит к письменным доказательствам документы и материалы, выполненные в форме цифровой или графической записи, в том числе полученные посредством электронной связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Аудио- и видеозаписи при этом выделены в самостоятельное средство доказывания. Таким образом, единая по способу создания и хранения цифровая информация распределяется между традиционными видами доказательств в зависимости от формы ее внешнего выражения.

Несколько иной подход используется в других законах. Согласно пункту 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронным документом признается документированная информация, представленная в электронной форме. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает условия признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными документам на бумажном носителе. Однако легальное понятие электронного документа не решает вопроса о содержании более широкой категории электронного доказательства. Переписка в мессенджере, запись телефонного разговора, журнал входа в корпоративную систему, сведения геолокации или данные пропускной системы могут обладать доказательственным значением, но не во всех случаях являются электронными документами в строгом смысле этого слова.

Проблема правовой природы электронных доказательств исследуется в юридической литературе достаточно давно. Л.В. Зайцева и Н.В. Сухова обоснованно обращали внимание на то, что развитие цифровых технологий порождает новые проблемы процессуального доказывания именно в трудовых спорах, где доступ работника и работодателя к доказательственной информации объективно неравномерен [1, с. 43-52]. С.Ю. Чуча сформулировал требования к электронным документам, позволяющие устанавливать источник происхождения сообщения, его подлинность, достоверность, относимость и неизменность содержания [2, с. 29-35]. О.В. Журкина исследовала понятие и признаки электронных доказательств с позиции общей процессуальной теории [3]. В последующих работах дискуссия продолжилась прежде всего вокруг вопроса о том, следует ли признавать электронные доказательства самостоятельным средством доказывания или достаточно применять к ним существующие процессуальные конструкции [6; 8].

Как представляется, само по себе появление цифровой формы информации не требует механического расширения, установленного частью 1 статьи 55 ГПК РФ перечня средств доказывания. Электронная переписка по своему содержанию может выполнять функцию письменного доказательства, цифровая аудиозапись остается аудиозаписью, а электронный файл с изображением предмета в зависимости от обстоятельств может быть способом фиксации вещественного доказательства. В связи с этим научно обоснованным видится рассмотрение электронных доказательств не как еще одного однородного вида доказательств, а как особой, сквозной формы существования доказательственной информации, имеющей общие технологические свойства и требующей специальных подходов к проверке.

При таком подходе необходимо разграничивать понятия «электронный документ», «электронное доказательство» и «электронный образ доказательства». Электронный документ представляет собой разновидность документированной информации. Электронное доказательство характеризует сведения о фактах, существующие в цифровой форме и используемые для установления юридически значимых обстоятельств. Электронный образ, например скан-копия трудового договора, является лишь цифровым воспроизведением первоначально существовавшего бумажного документа. Отождествление этих категорий приводит к тому, что требования, оправданные применительно к официальному электронному документу, необоснованно переносятся на любую цифровую информацию.

На основании изложенного предлагается следующее определение: электронное доказательство - это имеющие значение для установления обстоятельств правоотношения сведения, первоначально созданные, зафиксированные, переданные либо сохраненные в цифровой форме с использованием информационных технологий и технических средств, которые могут быть воспроизведены и исследованы судом, а их источник, содержание и целостность - проверены. В приведенном определении сознательно не используется термин «электронный документ», поскольку объем рассматриваемой категории значительно шире. Не включаются в определение

и относимость, допустимость либо законность получения информации: данные характеристики относятся не к сущности электронного доказательства, а к условиям его использования в конкретном процессе.

Следует отметить, что в современной науке все больше внимания уделяется не самому факту существования цифровой информации, а способам ее верификации. Н.С. Толкачев связывает противоречивость судебной практики прежде всего с недостаточной правовой разработанностью категории электронного доказательства и с возникающими вследствие этого повышенными требованиями к его процессуальной форме [8, с. 135-141]. В новейшей литературе предлагаются механизмы аутентификации цифрового профиля работника, фиксации метаданных и закрепления официальных каналов связи в локальных нормативных актах [11]. К.С. Тишкович также обоснованно указывает на необходимость верифицируемой идентификации, логирования и архивирования данных при цифровой коммуникации субъектов трудового отношения [10, с. 155-168]. Эти предложения заслуживают внимания, однако, как представляется, их нельзя превращать в универсальное формальное условие допустимости электронного доказательства.

В целях правовой оценки электронного доказательства целесообразно разграничивать по меньшей мере пять последовательно проверяемых характеристик: идентифицируемость источника, целостность, содержание, законность получения и доказательственное значение. Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение. В судебных актах нередко смешиваются допустимость, достоверность и возможность установить автора электронного сообщения. Между тем невозможность без дополнительных действий определить владельца учетной записи не означает автоматически, что представленная переписка получена с нарушением закона или вообще не может исследоваться судом.

Первым критерием выступает идентифицируемость источника. При исследовании электронной переписки необходимо установить, от какого лица исходило сообщение и кому оно было адресовано. Это может подтверждаться не одним каким-либо обязательным способом, а совокупностью обстоятельств: принадлежностью номера телефона или адреса электронной почты, использованием указанного контакта в трудовом договоре или кадровых документах, содержанием предшествующей переписки, обращением участников друг к другу по имени и должности, передачей сведений, известных ограниченному кругу работников, последующим поведением адресата, данными корпоративного справочника и иными сведениями. В этой части наличие установленного работодателем порядка электронной коммуникации действительно упрощает доказывание, но отсутствие такого порядка само по себе не лишает электронную переписку доказательственного значения.

Особого внимания требует сложившаяся в судебной практике проблема нотариального удостоверения электронной переписки. В определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 года № 88-6074/2023 по делу № 2-1308/2022 довод о недопустимости незаверенной нотариально переписки в мессенджере был отклонен, поскольку обязательная нотариальная форма ее заверения законом не предусмотрена. Аналогичный подход впоследствии был отражен в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2024 года № 88-3490/2024. Показательно, что данная позиция получила дальнейшее развитие применительно именно к спору об установлении трудовых отношений.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29 августа 2024 года № 88-21123/2024 не согласился с выводом нижестоящих судов, отказавшихся учитывать переписку в чате в связи с отсутствием нотариального удостоверения и исследования специалистом. Кассационный суд указал на отсутствие установленной законом обязательной нотариальной формы заверения электронной переписки и одновременно обратил внимание на положение работника как наиболее слабой стороны трудового отношения [9]. Представляется, что данный вывод имеет принципиальное значение. Нотариальный осмотр электронной переписки повышает степень гарантии неизменности и происхождения представленной информации, однако является лишь одним из возможных способов ее подтверждения, а не условием допустимости.

Иной подход фактически означал бы установление отсутствующего в законе вида обязательного обеспечения доказательств. Кроме того, стоимость нотариального осмотра, необходимость обращения к нотариусу до удаления или утраты сообщения и технические особенности отдельных сервисов способны поставить работника в заведомо худшее процессуальное положение. С учетом специфики трудового правоотношения чрезмерная формализация требований к цифровой информации противоречила бы самой цели судебной защиты трудовых прав. В то же время отказ от обязательного нотариального удостоверения не означает презумпции достоверности любого представленного скриншота. Если другая сторона обоснованно оспаривает авторство или содержание переписки, суд обязан использовать иные способы проверки.

Вторым критерием является целостность электронного доказательства, то есть отсутствие таких изменений цифрового объекта, которые способны повлиять на его доказательственное содержание. Именно эта характеристика отличает цифровую информацию от традиционного бумажного документа наиболее заметным образом. Электронное сообщение может быть удалено, скриншот - выборочно сформирован, аудио- или видеозапись - отредактирована, а содержание веб-страницы - изменено после события. В.А. Лаптев справедливо связывает развитие технологий искусственного интеллекта и возможность создания реалистичных цифровых подделок с необходимостью переоценки традиционных подходов к достоверности электронных доказательств [5, с. 180-186]. Распространение технологий создания deepfake лишь усиливает значение данной проблемы.

Проверка целостности не должна сводиться к требованию представить «оригинал» в традиционном понимании. В цифровой среде оригинальность часто определяется не единственностью материального носителя, а совокупностью технических признаков: метаданными, временем создания и изменения файла, журналами событий информационной системы, контрольными суммами, сведениями о синхронизации, историей сообщений на устройстве, резервными копиями. Поэтому скриншот следует рассматривать прежде всего как способ визуального представления цифровой информации суду. Если его содержание оспаривается, предметом исследования должен становиться первоначальный цифровой источник либо иные сведения, позволяющие подтвердить соответствие изображения исходной информации.

Третьим критерием является содержание электронного доказательства. Достоверно установленный факт существования сообщения еще не означает доказанности того юридического обстоятельства, на которое ссылается сторона. Эта проблема наглядно проявляется в спорах о рабочем времени. В определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 июня 2023 года № 88-14922/2023 работник ссылался на поручения, направлявшиеся по корпоративной электронной почте и в ходе онлайн-совещаний в выходные дни. Однако суды не установили, что работодатель требовал выполнения поручений именно в нерабочее время: принятие результата работы само по себе не подтверждало привлечения к работе в выходной день.

Сходный подход прослеживается в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 года № 88-2951/2024. Сведения системы доступа подтверждали нахождение работника на территории работодателя за пределами установленного рабочего времени, однако сами по себе не свидетельствовали о выполнении сверхурочной работы по инициативе работодателя. Таким образом, цифровой след может быть полностью достоверным, но подтверждать иной факт, чем тот, который сторона стремится из него вывести. Это позволяет отделить достоверность электронного доказательства от его доказательственного значения.

Необходимо также разграничивать доказательственное значение электронного сообщения и соблюдение установленной законом формы юридически значимого действия. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее - ТК РФ) в статьях 22.1-22.3 предусматривает специальный порядок электронного документооборота в сфере трудовых отношений, определяет информационные системы и виды электронной подписи. Если законом для конкретного действия установлена специальная письменная форма или предусмотрено использование определенного способа электронного взаимодействия, обычное сообщение в мессенджере не всегда способно заменить соответствующий документ. Однако из этого не следует, что такое сообщение вообще утрачивает доказательственное значение.

Данный вывод получает дополнительное подтверждение в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2026 года № 341-О. Заявитель ссылался на аудиозапись устной договоренности с работодателем об условиях выплаты при прекращении трудовых отношений. Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что статья 67 ТК РФ регулирует форму трудового договора и не устанавливает порядок доказывания условий соглашения о его расторжении, которые в письменном соглашении закреплены не были. Представляется, что из данного дела следует более общий вывод: наличие достоверной цифровой фиксации разговора не устраняет требования материального закона к форме юридического действия. Электронное доказательство отвечает на вопрос о том, имел ли место определенный факт, но не всегда способно придать этому факту юридическую силу, которой он не обладает по закону.

Четвертым критерием является законность получения доказательства. Особенно остро эта проблема проявляется при использовании аудио- и видеозаписей, средств контроля электронной почты, геолокации и корпоративного наблюдения. Е.М. Офман обоснованно отмечает дисбаланс возможностей сторон трудового отношения: работодателю доступны технические средства систематического контроля, в то время как работник чаще использует собственные средства фиксации для последующей защиты нарушенного права [4, с. 73-87]. Поэтому одинаковый

формальный подход к любой скрытой записи не учитывал бы различия между вторжением в частную жизнь и фиксацией разговора, непосредственно относящегося к исполнению трудовых обязанностей.

Показательно определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 сентября 2024 года № 88-19704/2024. Работник оспаривал допустимость аудиозаписи, произведенной без его согласия. Суд установил, что запись была сделана руководителем в рабочее время и на рабочем месте для фиксации конфликтной ситуации, связанной с трудовыми обязанностями, и не затрагивала неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. При таких обстоятельствах аудиозапись была признана допустимым и относимым доказательством. Данный подход согласуется и с ранее сформулированной Верховным Судом Российской Федерации позицией о возможности использования записи разговора, сделанной его участником и относящейся к правоотношениям сторон.

Вместе с тем законность получения и достоверность нельзя смешивать. Запись может объективно и точно воспроизводить состоявшийся разговор, но быть получена способом, нарушающим охраняемую законом тайну. И напротив, законно произведенная запись может подвергнуться монтажу. Следовательно, суд должен отдельно установить соблюдение правил получения информации и отдельно - ее аутентичность и неизменность. А.А. Попов, анализируя допустимость скрытых записей в национальных судах, также связывает допустимость с сочетанием субъективного критерия участия записывающего лица в коммуникации и объективного критерия связи содержания разговора с правоотношениями сторон [12, с. 37-45].

Пятый критерий - доказательственное значение электронного материала в совокупности с другими доказательствами. Трудовые споры особенно наглядно показывают ошибочность как безусловного доверия цифровому следу, так и его формального отрицания. Электронная переписка может подтверждать характер выполняемой работы, подчинение распоряжениям, график, размер согласованного вознаграждения, факт уведомления работодателя либо давление на работника. Но степень убедительности каждого сообщения зависит от содержания, контекста и связи с иными материалами дела.

Такой подход соответствует позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 22 сентября 2025 года № 5-КГ25-113-К2. В споре о законности прекращения трудового договора по соглашению сторон в материалах дела имелась видеозапись беседы работника с представителями работодателя. Верховный Суд Российской Федерации указал, что закон не устанавливает определенного круга средств, которыми работник обязан подтверждать понуждение к увольнению, и вынужденный характер подписания соглашения может быть подтвержден любыми доказательствами. При этом Суд признал ошибочным изолированное восприятие видеозаписи без учета иных фактических обстоятельств дела. Эта позиция представляется применимой значительно шире споров об увольнении и подтверждает необходимость содержательной, а не формальной оценки электронных доказательств.

Особенность трудовых споров заключается также в информационном неравенстве сторон. Значительная часть цифровых данных создается и хранится в инфраструктуре работодателя: корпоративной электронной почте, системах электронного документооборота, программах учета рабочего времени, системах контроля доступа, журналах действий пользователей, серверных логах. Работник после прекращения трудовых правоотношений может утратить к ним доступ в течение нескольких минут. В такой ситуации буквальное возложение на работника обязанности представить доказательство, которое фактически находится под исключительным контролем другой стороны, способно лишить судебную защиту эффективности.

Именно поэтому вывод Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-21123/2024 о необходимости учитывать положение работника как слабой стороны представляется не частным аргументом, а проявлением более общей закономерности. Статья 57 ГПК РФ позволяет суду оказывать содействие в собирании и истребовании доказательств. Применительно к цифровой информации данное полномочие должно использоваться с учетом того, кто фактически контролирует соответствующую информационную систему. Если работник указывает конкретный цифровой источник и обосновывает невозможность самостоятельно получить сведения из него, суду следует обсуждать вопрос об их истребовании у работодателя, оператора системы либо иного владельца информации.

Более того, необоснованное непредставление работодателем находящихся под его контролем цифровых данных должно учитываться при оценке совокупности доказательств. Речь не идет об автоматическом признании доводов работника доказанными. Однако ситуация, при которой сторона сначала единолично контролирует доказательственный источник, а затем получает процессуальное преимущество вследствие его непредставления, не соответствует принципам состязательности и равноправия. В трудовом споре данный вывод имеет дополнительное обос-

нование в защитной функции трудового права и фактической организационной зависимости работника.

Актуальная практика 2026 года подтверждает возрастающее значение цифровых следов при установлении самого факта трудовых отношений. В определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2026 года № 88-18906/2026 в совокупности доказательств оценивалась электронная переписка, в том числе сообщения, касающиеся согласования отпуска, наряду с регулярными выплатами и фактической организацией труда. В определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2026 года № 88-17273/2026 учитывались сообщения в чате о графике смен, рабочих вопросах и заданиях. Ценность такой переписки состоит прежде всего в том, что она отражает не формальное название договора, а фактическую организацию труда: постоянство взаимодействия, подчинение распоряжениям и включенность лица в производственный процесс.

Вместе с тем представляется спорным предложение признавать допустимыми только сообщения, переданные через заранее легализованные работодателем каналы коммуникации. Н.С. Толкачев предлагает предусматривать в правилах внутреннего трудового распорядка порядок электронной коммуникации между работниками и работодателем [8, с. 140-141]. Аналогичные идеи развиваются в современных исследованиях [10; 11]. Безусловно, установление официальных каналов связи облегчает идентификацию участников и снижает риск спора о происхождении сообщения. Однако локальный нормативный акт работодателя не может определять процессуальную допустимость доказательства. Иное означало бы, что работодатель посредством локального регулирования способен заранее исключить из судебного доказывания неудобные для него цифровые сведения.

Поэтому правовая регламентация электронной коммуникации должна иметь иное значение. В локальных нормативных актах целесообразно устанавливать используемые в организации каналы оперативной связи, правила идентификации пользователей, порядок хранения служебных сообщений и границы контроля работодателя. Такие правила формируют дополнительные критерии достоверности, но не закрывают перечень возможных доказательств. Переписка в неофициальном мессенджере может обладать доказательственным значением, если из фактического поведения сторон следует, что этот канал систематически использовался для постановки задач и обмена рабочей информацией.

Отдельная проблема связана с соотношением электронного кадрового документооборота и иных цифровых коммуникаций. Введение статей 22.1-22.3 ТК РФ позволило урегулировать создание, использование и хранение части кадровых документов в электронной форме. С.Ю. Головина и Л.В. Зайцева справедливо отмечали значение перехода от правового эксперимента к полноценному электронному кадровому документообороту [7, с. 241-256]. Однако электронный документооборот решает прежде всего вопрос формы юридически значимого документа и его подписания. Он не охватывает весь массив цифровых сведений, возникающих в процессе труда. Поэтому наличие у работодателя официальной системы электронного документооборота не делает переписку, журналы событий или данные систем контроля юридически безразличными.

На основании изложенных аргументов представляется необходимым закрепить в процессуальных нормах не новый самостоятельный вид доказательств, а специальные правила оценки сведений, существующих в цифровой форме. В ГПК РФ целесообразно предусмотреть отдельную норму об особенностях исследования и оценки электронных доказательств. В ней следует закрепить обязанность суда при наличии спора о подлинности учитывать возможность установления источника информации, целостность цифрового объекта, содержание, условия его получения, а также возможность проверки другой стороной. При этом отсутствие нотариального удостоверения электронной переписки не должно признаваться самостоятельным основанием для исключения ее из числа доказательств.

Предлагаемая норма могла бы быть сформулирована следующим образом: «Сведения о фактах, первоначально созданные, зафиксированные, переданные или сохраненные в цифровой форме с использованием информационных технологий и технических средств, оцениваются судом с учетом возможности установить источник их происхождения, содержание, целостность и условия получения. При оспаривании достоверности таких сведений суд вправе исследовать информационную систему или техническое устройство, на котором они содержатся, истребовать данные о событиях информационной системы, метаданные и иные сведения, а также назначить экспертизу. Отсутствие нотариального удостоверения сведений в электронной форме само по себе не является основанием для признания их недопустимыми».

Представляется необходимым дополнить и нормы трудового права правилом, разграничивающим юридическую силу электронного сообщения и его доказательственное значение. В статье 22.3 ТК РФ целесообразно установить, что использование работником и работодателем электронной почты, мессенджеров и иных

информационных систем вне предусмотренного ТК РФ электронного документооборота не заменяет специальную форму документа, когда такая форма прямо установлена законом, но не препятствует использованию содержащихся в сообщениях сведений для подтверждения фактических обстоятельств трудовых правоотношений. Такая норма позволила бы устранить достаточно распространенное смешение двух разных вопросов: соблюдения формы юридического действия и возможности доказать факт его совершения либо иные обстоятельства.

Наконец, развитие технологий искусственного интеллекта требует более активного использования специальных знаний при оспаривании цифровых доказательств. Не всякое заявление стороны о возможном монтаже должно автоматически влечь назначение экспертизы, иначе цифровое доказывание станет неоправданно сложным. Вместе с тем конкретные признаки изменения файла, расхождения между версиями переписки, несоответствие метаданных времени предполагаемого события или иные объективные сомнения должны побуждать суд к технической проверке, а не к формальному отказу в принятии доказательства. При этом бремя первоначального обоснования сомнений разумно возлагать на сторону, оспаривающую целостность представленного цифрового объекта.

Таким образом, проблема электронных доказательств в трудовых спорах не может быть сведена к вопросу о том, является ли допустимым скриншот переписки или требуется ли его нотариальное удостоверение. На современном этапе основное значение приобретает формирование последовательного правового механизма проверки цифровой информации. Электронное доказательство следует рассматривать как особую форму существования доказательственной информации, которая может выражаться через различные предусмотренные ГПК РФ средства доказывания. Его оценка должна включать проверку источника, целостности, содержания, законности получения и доказательственного значения.

Особенности трудового правоотношения требуют учитывать неравенство фактических возможностей сторон по собиранию цифровых сведений. Работодатель, контролирующий информационную инфраструктуру, не должен получать процессуальное преимущество исключительно вследствие того, что работник не смог нотариально зафиксировать переписку или сохранить доступ к корпоративной системе. В то же время защитный характер трудового права не освобождает работника от необходимости обосновывать принадлежность и содержание представленных материалов. Баланс интересов может быть обеспечен лишь посредством содержательной судебной проверки, а не установления формальных презумпций в пользу или против цифровых доказательств.

Как представляется, сформулированное понятие электронного доказательства, предложенные критерии его оценки и разграничение электронной формы юридического действия и доказательственной функции цифровой информации позволят обеспечить более единообразное разрешение трудовых споров. Закрепление соответствующих правил в ГПК РФ и уточнение статьи 22.3 ТК РФ будет способствовать не только развитию электронного документооборота, но и созданию эффективного механизма судебной защиты трудовых прав в условиях дальнейшей цифровизации труда.

Список литературы:

[1] Зайцева Л. В., Сухова Н. В. Электронные доказательства в сфере разрешения трудовых споров: вызовы правоприменения и проблемы правовой науки // Государство и право. 2019. № 8. С. 43-52.

[2] Чуча С. Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 29-35.

[3] Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 44-46.

[4] Офман Е. М. Наблюдение и контроль в трудовых отношениях: баланс прав и интересов работников и работодателей // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 73-87.

[5] Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 180-186.

[6] Бегичева Е. В., Примак В. Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. 2022. № 10. С. 143-148.

[7] Головина С. Ю., Зайцева Л. В. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 241-256.

[8] Толкачев Н. С. Электронные документы как средства доказывания в судебном разрешении трудовых споров // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 135-141.

[9] Русаков И. Может ли незаверенная электронная переписка быть доказательством в трудовом споре? // ЭЖ-Бухгалтер. 2024. № 43. С. 7.

[10] Тишкович К. С. Эволюция коммуникации в трудовых отношениях: принципы, риски, перспективы // Вестник Тюменского государ-

ственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2026. Т. 12. № 1 (45). С. 155-168.

[11] Садеков Р. Р., Федькин Е. Н. Электронные доказательства в делах о дисциплинарных проступках: проблемы аутентификации и приобщения к материалам дела // Юридические исследования. 2026. № 3. С. 132-143.

[12] Попов А. А. Допустимость доказательств в арбитражах и в национальных судах: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 2. С. 37-45.

References:

[1] Zaitseva L.V., Sukhova N.V. Electronic evidence in the field of resolving labor disputes: challenges of law enforcement and problems of legal science // State and law. 2019. № 8. S. 43-52.

[2] Chucha S. Yu. Legal regime of electronic evidence in court when considering labor disputes // Business law. 2019. № 3. S. 29-35.

[3] Zhurkina O. V. Electronic evidence: concept and signs // Russian justice. 2020. № 9. S. 44-46.

[4] Ofman E. M. Supervision and control in labor relations: balance of rights and interests of employees and employers // Journal of Russian Law. 2021. № 11. S. 73-87.

[5] Laptev V. A. Deepfake and other artificial intelligence products on the way to the development of online justice // Actual problems of Russian law. 2021. № 11. S. 180-186.

[6] Begicheva E.V., Primak V.G. On the issue of determining the place of electronic evidence in the system of means of evidence in civil and arbitration proceedings // Education and law. 2022. № 10. S. 143-148.

[7] Golovina S. Yu., Zaitseva L. V. Electronic personnel document management: from legal experiment to practice // Law enforcement. 2022. T. 6. № 2. S. 241-256.

[8] N. S. Tolkachev. Electronic documents as a means of proof in the judicial resolution of labor disputes // Russian Law Journal. 2023. № 6. S. 135-141.

[9] I. Rusakov. Can unverified electronic correspondence be evidence in an employment dispute? // EZh-Accountant. 2024. № 43. S. 7.

[10] Tishkovich K. S. Evolution of communication in labor relations: principles, risks, prospects // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2026. VOL. 12. № 1 (45). S. 155-168.

[11] Sadekov R.R., Fedkin E.N. Electronic evidence in cases of disciplinary offenses: problems of authentication and attachment to case materials // Legal research. 2026. № 3. S. 132-143.

[12] Popov A. A. Admissibility of evidence in arbitration and in national courts: comparative legal analysis // Russian law: education, practice, science. 2025. № 2. S. 37-45.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-188-193

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ВАХРУШЕВ Владимир Константинович,
Военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье исследуется развитие механизма правового регулирования государственного оборонного заказа как специальной системы. Основная проблема усматривается в недостаточной определенности критериев, по которым оценивается добросовестность исполнителя при нарушении сроков, условий контракта или порядка представления расчетных материалов. Авторами проанализированы пределы ответственности участников кооперации при разработке точечного нормативного решения. Сделан вывод о необходимости закрепления в действующем законодательстве мотивированной оценки причин названных нарушений и действий всех участников исполнения.*

Ключевые слова: *государственный оборонный заказ, государственный контракт, правовое регулирование.*

SHESTAK Viktor A.,
Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

VAKHRUSHEV Vladimir K.,
Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE LEGAL MECHANISM OF THE STATE DEFENSE ORDER IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *The article examines the development of the legal mechanism of the state defense order as a special system. The main problem is seen in the insufficient certainty of the criteria by which the good faith of the contractor is assessed in case of violations of deadlines, contract terms, or the procedure for submitting settlement materials. The purpose of the study is to identify the limits of liability of participants in the production cooperation and to develop a targeted regulatory solution. The conclusion is drawn on the need to establish in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and in price regulation a mandatory reasoned assessment of the causes of the violation and the actions of all participants in the performance.*

Key words: *state defense order, state contract, legal mechanism, pricing, administrative liability, criminal liability, judicial practice.*

Государственный оборонный заказ (далее – ГОЗ) занимает особое место в системе публичных закупок. Он обеспечивает потребности обороны и безопасности государства, в нем обычное договорное обязательство дополняется бюджетным контролем, специальным ценообразованием и повышенными требованиями к срокам. Такой заказ связан с устойчивостью всей производственной кооперации, а его участникам требуется понимание правил исполнения контракта и пределы своей ответственности.

В свою очередь, механизм правового регулирования ГОЗ строится на сочетании общих норм гражданского права и специальных правил ГОЗ. Так, ст. 309 ГК РФ закрепляет обязанность надлежащего исполнения обязательства, ст. 401 ГК РФ связывает ответственность с виной, а ст. 763 ГК РФ сохраняет договорную природу ра-

бот для государственных нужд [1]. Специальные нормы уточняют такие правила с учетом публичного интереса. При этом особенность рассматриваемого механизма состоит в том, что ГОЗ не сводится к закупочной процедуре. В обычной закупке центральным остается результат поставки, работы или услуги, тогда как ГОЗ охватывает режим планирования, формирования цены, контроля расчетов и сохранения производственной готовности.

В этой связи механизм правового регулирования ГОЗ многоаспектен. Так, ГК РФ задает общую модель обязательства, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» определяет специальный порядок заключения контракта, а Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» закрепляет обязанности исполнителя перед заказчиком и головным исполнителем [5]. Полагаем, что такое сочетание правовых норм объясняет, почему нарушение в оборонной сфере нельзя оценивать только как обычный хозяйственный спор.

Исследователи М.Е. Кудрин и К.А. Дерибина полагают, что цена продукции военного назначения формируется при ограниченной конкуренции, особых требованиях к кооперации и высокой доле регулируемых затрат [15]. В свою очередь, П.Е. Федоров связывает спорность нулевой рентабельности привнесенных расходов с тем, что исполнитель несет организационные и финансовые издержки по привлеченным комплектующим, но не всегда получает экономически обоснованную компенсацию [17]. На наш взгляд, учет такой особенности также требуется для уменьшения числа споров о составе затрат и документах участников.

Внутри рассматриваемой кооперации правовое положение участников также различается. Государственный заказчик определяет потребность и принимает результат, головной исполнитель организует выполнение задания, а исполнители нижнего уровня поставляют материалы, комплектующие, работы или услуги. В реальном исполнении один участник нередко зависит от действий другого. Задержка исходных данных, несогласованность технического задания, изменение состава комплектующих или несвоевременное подтверждение цены могут повлиять на срок и документы, хотя формально нарушение фиксируется у конкретного исполнителя.

В этой связи механизм правового регулирования ГОЗ, полагаем, должен учитывать не только вертикаль контроля, но и взаимную зависимость участников производственной цепочки. Так, с одной стороны, государство вправе требовать своевременного исполнения, так как речь идет о потребностях обороны и безопасности. С другой стороны, исполнитель остается участником гражданского оборота, для которого сохраняются общие правила о вине, разумном поведении и связи между нарушением и неблагоприятными последствиями. Мы считаем, что развитие рассматриваемого механизма должно идти не путем простого ужесточения санкций, а через уточнение процедур, по которым устанавливаются причины нарушения и роль каждого участника кооперации.

При этом отметим, что в современных условиях механизм правового регулирования ГОЗ подвергся существенным изменениям. С одной стороны, - в части более гибкого подтверждения цены, где Постановление Правительства Российской Федерации от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу» в п.п. 109 и 110 допускает использование самостоятельных расчетов [7]. С другой, - в части усиления ответственности за нарушения в сфере ГОЗ, где Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»» имплементировал в КоАП РФ ст. 7.30.3 «Нарушение порядка формирования, размещения и выполнения государственного оборонного заказа» [6].

Кроме того, Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» определил усиление контроля над ценой, расчетами и качеством поставки, но установил, что контрольный блок не должен разрушать принцип виновной ответственности. В силу требований закона государственный заказчик должен иметь оперативные инструменты управления, а добросовестный исполнитель – понятный стандарт доказывания своей позиции. Закрепление такого стандарта в статье 7.30.3 КоАП РФ и уточнение ценового правила, полагаем, способны уменьшить число формальных споров. В свою очередь, Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» устанавливает еще одно направление рассматриваемого правового регулирования. Так, при нарушении обязательств в период военного положения допускается приостановление прав участников общества и передача полномочий управляющей организации [14]. Полагаем, что такая мера может быть оправдана как исключительный способ сохранить производство для нужд обороны. Поэтому критерии

добросовестности нужны и за пределами административной ответственности, так как помогают отделить уклонение от управленческой ошибки или объективного сбоя.

Такие изменения свидетельствуют о стремлении государства совместить оперативность исполнения с усилением контроля. В частности, более гибкое подтверждение цены помогает учитывать нехватку исходных данных и нестандартный характер продукции, а новеллы административной ответственности направлены на дисциплинирование участников ГОЗ. Вместе с тем ужесточение ответственности без ясных критериев оценки поведения создает риск формального подхода. Практика свидетельствует, что санкция будет восприниматься участниками ГОЗ как справедливая только тогда, когда орган или суд проверяет не один документ или одну дату, а весь ход исполнения обязательства. К примеру, исполнитель обязан соблюдать цену, сроки, качество и порядок представления документов, но зависит от исходных данных заказчика, авансирования, смежников и согласования расчетов.

При формальном подходе просрочка или непредставление документов сразу становятся основанием для санкции. В этой связи более убедительным нам представляется подход, при котором выясняется, мог ли участник предотвратить нарушение. Так, В.Н. Борков замечает, что суды при рассмотрении дел данной категории исходят, как правило, из самого факта нарушения, не исследуя различные обстоятельства, которые извиняли бы такое нарушение» [1]. Полагаем, что можно согласиться с позицией исследователя в том, что ответственность требует установить связь нарушения с ненадлежащим исполнением обязанностей конкретным субъектом.

Помимо этого, наиболее спорной остается ситуация, когда формальный признак нарушения подтвержден, но причины нарушения находятся вне зоны контроля исполнителя. Такая ситуация становится возможной при задержке исходных данных, изменении комплектующих, отсутствии своевременного согласования цены или неполном запросе документов. Представляется более точным оценивать не только конечный результат, но и действия участника после появления препятствия. Уведомление контрагента, предложение изменить срок, запрос дополнительных сведений, подготовка альтернативного расчета цены или поиск иного смежника, полагаем, должны рассматриваться как юридически значимые обстоятельства. Подобный подход делает ответственность адресной и согласуется с идеей вины в норме ст. 401 ГК РФ [11].

Кроме того, для правоприменителя особенно значим вопрос о распределении бремени доказывания. Полагаем, что исполнитель не должен освобождаться от обязанности представить доказательства своих действий, но и контролирующий орган не может ограничиваться ссылкой на сам факт просрочки или неполный комплект документов. В материалах дела должны быть отражены запросы заказчика, ответы исполнителя, сроки передачи исходных данных, переписка о цене, сведения о смежниках и документы о приемке. Без такой проверки, считаем, сложно отделить недобросовестное уклонение от ситуации, когда нарушение возникло из-за согласования, финансирования или поведения другого участника кооперации.

Судебная практика также свидетельствует о реальности такой проблемы. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2025 по делу № А40-90488/2025 суд отказал во взыскании неустойки, поскольку Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» не предусматривает представление расчетно-калькуляционных материалов для обоснования ориентировочной цены [12]. Следовательно, документарная обязанность должна вытекать из нормы или условия контракта, а не из общего ожидания контролера. В свою очередь, Определением Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2025 по делу № А60-38035/2024 оставлены в силе выводы о расторжении договора, взыскании аванса и отсутствии доказанного форс-мажора [10]. Но в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.11.2023 по делу № А40-211579/2022 был учтен режим моратория при расчете неустойки [13], а в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.11.2025 по делу № А43-7216/2024 незаконным признан отказ заказчика от контракта, когда качество товара соответствовало требованиям, а спор возник из-за ненадлежащего хранения [12], что свидетельствует о насущной необходимость оценки причин нарушения.

Сопоставление проанализированных судебных решений говорит о том, что суды уже фактически различают причины нарушений. В одном случае отсутствие предусмотренной обязанности представить расчетно-калькуляционные материалы не позволило взыскать неустойку, поскольку требование не имело достаточной нормативной или договорной основы [13]. В другом случае ссылка на форс-мажор не была признана доказанной, так как сторона не подтвердила невозможность исполнения [11]. Отдельно суды учитывали режим моратория и поведение заказчика при хранении товара [3]. Однако такая практика подтверждает и то, что единый формальный критерий не подходит для оценки всех споров в сфере ГОЗ.

Кроме того, сложившееся уголовно-пра-

вовое регулирование усиливает проблему, поскольку нарушение обязательств по государственному оборонному заказу может выйти за пределы гражданско-правового спора или административного дела. УК РФ в статьях 201.2 и 285.5 предусматривает ответственность за срыв заданий гособоронзаказа, если сумма ущерба превышает пять процентов от цены контракта и составляет не менее пяти миллионов рублей [19]. Так, П.С. Яни обращает внимание на сложность разграничения административного проступка, договорного нарушения и преступления, поскольку специальные составы во многом опираются на оценку последствий и характера управленческого решения [19]. Сходную проблему И.О. Ткачев рассматривает через необходимость доказывания преюдиции, вреда и причинной связи между поведением управленческого лица и наступившими последствиями [16]. Полагаем, что такой подход соответствует Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях», в котором акцент сделан на установлении служебной необходимости, характера причиненного вреда и фактической направленности действий лица [9]. В этой связи сама по себе просрочка, спор о приемке или отклонение от первоначальных условий контракта не должны заменять анализ причин нарушения, поведения сторон и реальной возможности исполнителя выполнить обязательство.

Уголовный риск в рассматриваемой сфере возникает не только из-за размера ущерба. Опасность заключается в том, что управленческое решение, принятое в условиях дефицита времени и информации, позднее может оцениваться как заведомо неправомерное. Так, П.С. Яни справедливо связывает сложность квалификации с оценочными признаками последствий [18], а И.О. Ткачев обращает внимание на необходимость доказать причинную связь между поведением лица и вредом [16]. В этой связи полагаем, что административное и уголовное регулирование механизма ГОЗ, должны опираться на общий стандарт проверки причин нарушения. В противном случае одна и та же хозяйственная ситуация может получить разную правовую оценку без достаточного объяснения.

Таким образом, по результатам проведенного анализа представляется, что совершенствование механизма правого регулирования ГОЗ возможно путем нормативного закрепления порядка оценки добросовестности, что обяжет уполномоченный орган и суд проверять не только факт нарушения, но и его причину. В этой связи полагаем, что: во-первых, в норму ст. 7.30.3 КоАП РФ целесообразно включить новое примечание 4. Примерная формулировка которого может быть такой: «При рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном частями 6, 11, 15 и 16 настоящей статьи, орган и суд устанавливают меры, принятые лицом для исполнения договора по государственному оборонному заказу, включая уведомление о препятствиях, предложения об изменении цены, срока, состава кооперации или комплектности документов, а также влияние действий государственных заказчиков и иных участников кооперации. Отсутствие в постановлении мотивированной оценки указанных обстоятельств является основанием для отмены постановления». Во-вторых, п. 109 Постановления Правительства Российской Федерации от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу» следует дополнить положением следующего содержания: «Запрос о представлении предложения о цене продукции по государственному оборонному заказу должен содержать исчерпывающий перечень сведений и обосновывающих документов. Непредставление сведений или документов, не указанных в запросе, не признается непредставлением предложения о цене и не образует основания для ответственности, если соответствующая обязанность прямо не установлена государственным контрактом, контрактом, договором либо настоящим Положением», что согласуется с выводами судебной инстанции по делу № А40-90488/2025. В целом же механизм правового регулирования оборонного заказа, полагаем, нужно выстраивать так, чтобы государственные требования не вступали в противоречие с договорными отношениями участников.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.; часть вторая : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ : принят Государственной Думой 22 декабря 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301 ; 1996. - № 5. - Ст. 410.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. ; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1, ч. 1. - Ст. 1.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. ; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федера-

ции. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[4] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» : принят Государственной Думой 19 декабря 2012 г. ; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2012. - 30 декабря. - № 0001201212300003.

[5] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : принят Государственной Думой 22 марта 2013 г. ; одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.

[6] Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»» : принят Государственной Думой 18 декабря 2024 г. ; одобрен Советом Федерации 20 декабря 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2024. - 28 декабря. - № 0001202412280002.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2017. - 6 декабря. - № 0001201712060025.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2023. - 3 марта. - № 0001202303030001.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. - 2021. - 9 июля.

[10] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.11.2023 № Ф05-26995/2023 по делу № А40-211579/2022 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2025 № 09АП-49418/2025 по делу № А40-90488/2025 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2025 № 309-ЭС25-10201 по делу № А60-38035/2024 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.11.2025 № Ф01-3947/2025 по делу № А43-7216/2024 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Борков, В. Н. Квалификация нарушения условий государственного контракта по оборонному заказу / В. Н. Борков // Законность. - 2024. - № 6. - С. 33-37.

[15] Кудрин, М. Е., Дерябина, К. А. Ценообразование на продукцию военного назначения: проблемные вопросы / М. Е. Кудрин, К. А. Дерибина // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2023. - Т. 4, № 3(139). - С. 89-93.

[16] Ткачев, И. О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа / И. О. Ткачев // Криминалистъ. - 2025. - № 2(51). - С. 87-93.

[17] Федоров, П. Е. Проблема нулевой рентабельности привнесенных расходов исполнителя по государственному оборонному заказу / П. Е. Федоров // Военное право. - 2024. - № 4(86). - С. 85-90.

[18] Яни, П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа / П. С. Яни // Законность. - 2023. - № 9. - С. 44-49.

[19] Яни, П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа. Статья 2 / П. С. Яни // Законность. - 2023. - № 10. - С. 11-15.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation, part one: Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ: adopted by the State Duma on October 21, 1994; part two: Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ: adopted by the State Duma on December 22, 1995 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 3301; 1996. - № 5. - Art. 410.

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law No. 30.12.2001 of 195-FZ: adopted by the State Duma on December 20, 2001; approved by the Federation Council on December 26, 2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1, part 1. - Art. 1.

[3] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 of 63-FZ: adopted by the State Duma on May 24, 1996; approved by the Federation Council on June 5, 1996 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 25. - Art. 2954.

[4] Federal Law of 29.12.2012 No. 275-FZ "On the State Defense Order": adopted by the State Duma on December 19, 2012; approved by the Federation Council on December 26, 2012 // Official Internet portal of legal information. - 2012. - December 30. - № 0001201212300003.

[5] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs": adopted by the State Duma on March 22, 2013; approved by the Federation Council on March 27, 2013 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2013. - № 14. - Art. 1652.

[6] Federal Law of 28.12.2024 No. 500-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"": adopted by the State Duma on December 18, 2024; approved by the Federation Council on December 20, 2024 // Official Internet portal of legal information. - 2024. - December 28. - № 0001202412280002.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 02.12.2017 No. 1465 "On state regulation of prices for products supplied under the state defense order, as well as on amending and invalidating certain acts of the Government of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. - 2017. - Dec. 6. - № 0001201712060025.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 03.03.2023 No. 139 "On some issues of carrying out the activities of business entities participating in the implementation of the state defense order" // Official Internet portal of legal information. - 2023. - March 3. - № 0001202303030001.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2021 No. 21 "On certain issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // Rossiyskaya Gazeta. - 2021. - July 9.

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 16.11.2023 No. F05-26995/2023 in case No. A40-211579/2022 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[11] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 21.10.2025 No. 09AP-49418/2025 in case No. A40-90488/2025 // Access from the ConsultantPlus reference and legal system.

[12] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.10.2025 No. 309-EC25-10201 in case No. A60-38035/2024 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[13] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 28.11.2025 No. F01-3947/2025 in case No. A43-7216/2024 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[14] Borkov, V. N. Qualification of violation of the terms of a state contract for defense order/ V. N. Borkov // Legality. - 2024. - № 6. - S. 33-37.

[15] Kudrin, M.E., Deryabina, K.A. Pricing for military products: problematic issues/M.E. Kudrin, K.A. Deribina // Economics and management: problems, solutions. - 2023. - T. 4, NO. 3 (139). - S. 89-93.

[16] Tkachev, I.O. Problems of qualification of crimes in the field of state defense order / I.O. Tkachev // Criminalist. - 2025. - № 2(51). - S. 87-93.

[17] Fedorov, P.E. The problem of zero profitability of the contractor's expenses under the state defense order / P.E. Fedorov // Military law. - 2024. - № 4(86). - S. 85-90.

[18] Yani, P. S. Problems of qualification of crimes in the field of state defense order / P. S. Yani // Legality. - 2023. - № 9. - S. 44-49.

[19] Yani, P. S. Problems of qualification of crimes in the field of state defense order. Article 2/ P. S. Yani // Legality. - 2023. - № 10. - S. 11-15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-194-202

ЕМЕЛЬЯНОВА А.С.,
студент Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: emelyanova.als@gmail.com

ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правового статуса систем искусственного интеллекта (ИИ) в условиях их активной интеграции в наиболее значимые сферы жизнедеятельности общества. Предметом исследования выступают нормы зарубежного и национального права, регулирующие правосубъектность ИИ, а также теоретические и практические аспекты распределения юридической ответственности за вред, причиненный автономными системами. Методологическую основу работы составили методы сравнительного правоведения, системного анализа и юридического прогнозирования. Подробно рассматриваются регуляторные подходы Европейского союза, Китая, Индонезии, Японии и Казахстана для выработки рекомендаций по совершенствованию российской правовой системы. Научная новизна исследования заключается в критическом анализе концепции «электронного лица» и доказательстве того, что на текущем этапе развития ИИ должен рассматриваться исключительно как объект права (инструмент). В статье предложено внедрение в правовое поле РФ специального права «организатора процесса создания» для урегулирования вопросов авторства произведений, созданных с помощью ИИ. В ходе работы сформулированы выводы о том, что отсутствие у ИИ воли, сознания и психоэмоциональной составляющей делает невозможным наделение его статусом самостоятельного субъекта права. Ответственность за любые действия системы должна быть возложена на человека – разработчика, оператора или владельца. В критически важных областях, таких как медицина и правосудие, ИИ обязан выполнять исключительно аналитическую, вспомогательную функцию, обеспечивая прозрачность алгоритмов и сохранение за человеком права на принятие окончательного решения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность, юридическая ответственность, правовой статус, цифровизация, сравнительное правоведение, объект права, субъект права, электронное лицо, авторское право, машинное обучение, генеративный ИИ, правовое регулирование, беспилотный транспорт, судебная аналитика, информационная безопасность, алгоритмическая предвзятость.*

EMELYANOVA A.S.,
Student of the Higher School of Law of the PRUE

ISSUES OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal status of artificial intelligence (AI) systems in the conditions of their active integration into the most significant spheres of society. The subject of the study is the norms of foreign and national law governing the legal personality of AI, as well as theoretical and practical aspects of the distribution of legal liability for damage caused by autonomous systems. The methodological basis of the work was the methods of comparative law, system analysis and legal forecasting. Author(s?) Considers in detail the regulatory approaches of the European Union, China, Indonesia, Japan and Kazakhstan to develop recommendations for improving the Russian legal system. The scientific novelty of the study lies in the critical analysis of the concept of «electronic person» and proof that at the current stage of development AI should be considered exclusively as an object of law (tool). The article proposes the introduction of a special right of the «organizer of the creation process» into the legal field of the Russian Federation to resolve the issues of authorship of works created with the help of AI. In the course of the work, conclusions were formulated that the AI's lack of will, consciousness and psychoemotional component makes it impossible to give it the status of an independent subject of law. Responsibility for any actions of the system should be assigned to the person - developer, operator or owner. In critical areas, such as medicine and justice, AI is obliged to perform an exclusively*

analytical, auxiliary function, ensuring the transparency of algorithms and preserving the human right to make a final decision.

Key words: *Artificial intelligence, legal personality, legal responsibility, legal status, digitalization, comparative law, object of law, subject of law, electronic person, copyright, machine learning, generative AI, legal regulation, unmanned transport, forensic analytics, information security, algorithmic bias.*

Введение

Активное развитие систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) способствует возрастанию их статуса от лабораторных разработок в неотъемлемую часть общественной и экономической жизни. ИИ все чаще принимает решения, которые прямо или косвенно затрагивают права и свободы человека. На данную технологию возлагается большое количество функций, ранее предназначенных исключительно для человека. Среди них тестирование беспилотных транспортных средств, где высший уровень автономности характеризуется отсутствием водителя, а также применение больших языковых моделей для обработки поступающих обращений граждан на государственном уровне. Учитывая, что искусственный интеллект имеет огромный потенциал развития, а также его фактическое внедрение в критически важные сферы, видится остро необходимым вопрос правового регулирования данной области. В частности, требуется четкое понимание юридического статуса ИИ в целях минимизации рисков причинения вреда во избежание правовых коллизий, а также для обеспечения защиты интересов общества.

Таким образом, целью данной статьи является анализ зарубежного опыта правового регулирования ИИ и последующая разработка предложений по его интеграции в российскую правовую систему с акцентом на проблему юридической ответственности.

Основная часть

Для определения юридического статуса ИИ необходимо ответить на некоторые вопросы: необходим ли ИИ особый правовой статус, является ли он субъектом права? В настоящее время, несмотря на высокий уровень развития, большинство стран характеризует систему искусственного интеллекта как инструмент или объект права, используемый человеком. Ни одно государство не признало ИИ самостоятельным субъектом права. Проблема правосубъектности ИИ становится особенно важной, когда технологии достигают уровня, позволяющего им действовать без прямого контроля человека. Ведь всегда существует вероятность сбоев и ошибок в программе, что может привести к негативным последствиям. Учитывая данный факт, правовая доктрина справедливо исходит из того, что ИИ не обладает главными признаками субъекта права. Позицию о непризнании ИИ субъектом права на данном этапе можно признать обоснованной. Являясь сложным программным продуктом, ИИ не обладает самым главным – волей и сознанием. На наш взгляд, попытки наделить ИИ правосубъектностью могут стать преждевременными и привести к разрушению классической системы ответственности. На современном этапе за любые действия ИИ должен отвечать человек – разработчик, оператор или владелец системы.

Китайская Народная Республика, подтверждая притязания на лидерство, стала одной из первых стран, которая ввела в действие нормативные правовые акты, регулирующие индустрию искусственного интеллекта. Регулирование ИИ в Китае сосредоточено на контроле, безопасности и ответственности разработчиков. Ключевые особенности китайского подхода включают, в первую очередь, регулирование генеративного ИИ. В этой стране были приняты «Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта» (2023) и «Положения об администрировании информационных интернет-сервисов глубокого синтеза». Данные акты устанавливают требования к использованию технологий, создающих определенные материалы (дипфейки, текст и видео). Важно отметить, что провайдеры услуг ИИ обязаны маркировать созданный контент как искусственно сгенерированный и нести за него ответственность [13].

В Китае существует специальный регулятор (Управление киберпространства Китая), который обязывает разработчиков принимать меры по повышению точности и безопасности обучающих данных. Это помогает предотвратить дискриминацию и вредоносный контент. Суды, в то же время, активно формируют прецеденты, связанные с защитой прав личности. Например, в апреле 2024 года суд признал незаконным несанкционированное использование голоса человека для обучения ИИ-модели. Эта ситуация демонстрирует жесткое регулирование биометрических и личных неимущественных прав. Можно сказать, что в Китае ИИ рассматривается как высокоэффективный инструмент, объект права. Вместе с тем, его развитие и функционирование жестко регулируется законодательством. Практика КНР представляет значительный интерес для России, так как демонстрирует оперативное внедрение норм в отношении генеративного ИИ, которое направлено прежде всего на контроль контента и защиту персональных данных.

Мы полагаем, что наиболее ценным для России является опыт введения обязательной маркировки (водяных знаков) на контент, создаваемый генеративным ИИ, а также требование к разработчикам по обеспечению качества и непредвзятости обучающих данных. Это позволило бы оперативно бороться с дезинформацией и защитить авторские права. Однако точное копирование китайской модели является нецелесообразным из-за существенных различий в правовых традициях и политике контроля. В Российской Федерации стоит внедрять подобные механизмы, но не посредством создания нового специализированного регулятора (как Управление киберпространства КНР), а путем расширения полномочий уже существующих органов (например, Роскомнадзора или Минцифры). Это поможет избежать чрезмерной бюрократизации и сохранить баланс между безопасностью и свободой инноваций. В целом, это будет полезно, потому как будет способствовать снижению рисков при массовом внедрении генеративных моделей в гражданский оборот.

Регулирование ИИ в Европейском Союзе основывается на обеспечении безопасности, подотчетности и этичности. Ключевым документом является Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» [4]. Документ охватывает широкий спектр применения ИИ, а также выражает опасения, связанные с его потенциальными негативными социальными последствиями (например, ликвидация рабочих мест). Еврокомиссия выступает с предложением ввести особый юридический статус для наиболее автономных систем ИИ, который условно обозначается термином «Электронное лицо». Данное введение позволило бы определять механизмы компенсации вреда. В качестве основного механизма рассматривается обязательная система страхования, куда разработчик или владелец будет вносить средства, за счет которых впоследствии будет осуществляться компенсация. ЕС также подчеркивает необходимость возложить ответственность за действия ИИ полностью на человека, если система не обладает достаточной степенью автономии.

Парламентская ассамблея Совета Европы предложила разработать принципы прозрачности, регулирования и подотчетности, уделяя особое внимание защите уязвимых лиц (пожилые люди, люди с ограниченными возможностями) [5]. Отдельные страны ЕС также разрабатывают национальные стратегии и законодательные подходы к ответственности. Германия одной из первых начала работу по адаптации правил дорожного движения для беспилотных автомобилей, наиболее отмечая вопрос распределения вины между водителем, оператором и ИИ. Франция в рамках своей национальной стратегии активно поддерживает развитие ИИ, однако тоже уделяет особое внимание этическим аспектам и защите данных, что является основой европейского законодательства.

Несмотря на наличие особо развитых моделей ИИ, которые могут посоревноваться с человеком, в ЕС преобладает мнение, что ИИ не обладает такими качествами, как эмоции и воля. Поэтому, как отмечают Васильев А.А. и Ибрагимов Ж.И., «тождество между человеком и автономным роботом как субъектами права невозможно» [8]. Вопрос автономности ИИ остается ключевым, так как от степени участия человека в процессе зависит размер ответственности и субъект, который будет возмещать вред. Европейский подход, ориентированный на Резолюцию 2017 года и Акт об ИИ (AI Act) [20] – первый в мире закон, основанный на риск-ориентированном подходе, важен для России в части системного подхода к управлению рисками. На наш взгляд, концепция обязательного страхования ответственности разработчиков или владельцев ИИ не вполне подходит для российской правовой системы. Данный механизм, несмотря на положительные аспекты, сопряжен с серьезными сложностями в реализации. Не всегда очевидно, хватит ли имущества для компенсации крупного ущерба. Кроме того, существует риск злоупотребления данным механизмом со стороны общества. Поэтому полагаем, что его введение может оказаться недостаточно эффективным в случае ошибок автономных систем. Идея присвоения статуса «электронного лица» для наиболее автономных систем остается предметом исключительно научных дискуссий в России, ее практическое введение на данном этапе представляется преждевременным. Тем не менее, полезно перенять европейский акцент на этике, прозрачности (проблема «черного ящика») и защите прав уязвимых групп при разработке российских регуляторных норм.

Подход Индонезии к правовому положению ИИ является консервативным. Здесь система искусственного интеллекта рассматривается исключительно как объект права. Ответственность за любые действия возлагается на людей, которые непосредственно связаны с системой – владельцев, пользователей или операторов. Такой подход логичен, так как в большинстве сфер ИИ выступает лишь вспомогательным инструментом.

Интерес представляет научная работа Амелии и Дары, где ИИ предлагается сопоставить с домашним питомцем [16]. Аргументируется это сходством в механизме ответственности. Имеется ввиду, как хозяин отвечает за действия животного, так и разработчик или владелец отвечает за действия программы, потому как ни один из них не может самостоятельно отвечать за свои

поступки. Однако, животные действуют в силу инстинктов, а ИИ – за счет встроенных, но не всегда предсказуемых алгоритмов. Представляется, что данное сравнение с домашним животным является не вполне обоснованным. У животных присутствует психоэмоциональная составляющая, и их неконтролируемое поведение может быть реакцией на внешнюю среду. В случае же с ИИ, причинение вреда является либо следствием ошибки в обучающих данных, либо сбоем в системе и неправильной интерпретацией действительности. В отличие от животного, систему ИИ можно доработать, исправить и дополнить, что требует возложения более строгой ответственности именно на разработчика. Сопоставлять данные ситуации некорректно из-за того, что это обесценивает необходимость совершенствования алгоритмов и размывает ответственность.

Индонезийская практика подтверждает общемировой тренд на признание ИИ объектом права. Главная мысль для России заключается в том, что Индонезия концентрируется на ответственности владельца или оператора. Этот опыт важен для РФ, потому что он переносит ответственность на тех, кто использует ИИ в своей работе. Это стимулирует конечных пользователей ИИ (например, медицинские клиники или транспортные компании) обязательно обучать свой персонал и проверять работу программ, чтобы не полагаться исключительно на автономные системы. В итоге, такой подход позволит создать более надежный механизм возмещения вреда.

На сегодняшний день правовой статус ИИ в нормах права РФ урегулирован недостаточно полно и точно. Тем не менее, нельзя говорить об отсутствии официального определения ИИ в российском законодательстве. В рамках экспериментальных правовых режимов, в частности, установленного Федеральным законом от 24.04.2020 N123-ФЗ, понятие «искусственного интеллекта» и его элементов юридически закреплено [2]. Регулирование также осуществляется на уровне стратегических документов. Ключевым актом является Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Национальная стратегия до 2030 года) [3]. Стратегия направлена на обеспечение национальных интересов, повышение доступности информации и улучшение системы подготовки кадров. Особое внимание привлекает определение сильного искусственного интеллекта как типа ИИ, способного выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к имеющимся условиям. Подразумевается, что такая модель будет способна «думать» как человек и принимать решения. Однако, на данный момент разработка такой технологии маловероятна. Система способна существовать исключительно на основе алгоритмов и анализа обрабатываемых материалов. ИИ не обладает творческой составляющей, «мыслит» шаблонно и не учитывает контекст конкретной ситуации. В связи с этим, сейчас за любые действия системы отвечает человек (разработчик, пользователь, оператор), либо встроенная программа. Поэтому сложно предположить возможность наделения ИИ правосубъектностью в ближайшей перспективе.

Для ответа на вопрос – можно ли признать ИИ субъектом права, необходимо установить, какими признаками он должен обладать (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность). Некоторые ученые предлагают признать ИИ субъектом права по аналогии с юридическими лицами, аргументируя это тем, что ни один из них не обладает волей или чувствами. Мы не считаем данную аналогию обоснованной. Юридическое лицо всегда представляет собой объединение людей, которые несут ответственность в случае инцидента. В случае с ИИ, который представляет собой лишь средство причинения вреда, отсутствует фигура, которая его представляет, кроме разработчика или пользователя. О.Я. Ястребов отмечает, что «ИИ может существовать фактически вечно, накапливая потенциал и теоретически достигая безграничных возможностей, среди которых может быть и власть» [15]. Мы поддерживаем данное мнение, однако всегда сохраняется вероятность программных ошибок или вирусных атак, способных привести к полной потере контроля над системой.

Ключевой довод против наделения ИИ правосубъектностью связан с отсутствием человеческих качеств. В. Зорькин справедливо отмечает, что «ИИ не стоит наделять личными правами, так как ему не присущи такие качества личности, как душа, свободное сознание и чувства» [18]. Мы полностью разделяем данную позицию, ведь ИИ не обладает собственной волей и не способен действовать из собственных побуждений, поскольку у него отсутствует психоэмоциональная составляющая. Неспособность системы испытать вину или раскаяние делают совершенно бессмысленным привлечение ее к юридической ответственности.

Т.Э. Зульфугарзаде и Е.А. Кириллова предлагают концепцию «электронного субъекта права» для тех видов ИИ, которые обладают самосознанием и не могут быть отнесены к категории инструмента [11]. Авторы отмечают, что правосубъектности ИИ присущи уникальные характеристики, включающие биоподобные способности, такие как обучение, творчество и накопление опыта. Положительные стороны концепции включают урегулирование отношений с участием автономного ИИ, разграничение ответственности

при причинении вреда, а также решение проблем авторства. В качестве минусов указано, что признание ИИ электронным субъектом права возможно только при наличии определенных программно-синтезированных способностей. Это несет риск создания неясной системы распределения ответственности. Иными словами, чем выше мы оценим «разумность» программы, тем больше ответственности придется возлагать на ИИ. Вместе с тем, существует угроза, что на ИИ будет возложена излишняя ответственность, в то время как ошибки могут быть результатом халатности разработчиков. Это будет способствовать ухудшению качества продукта. Наиболее логичным и безопасным вариантом является отнесение ИИ к категории имущества или инструмента, но не отдельного субъекта права. Как верно отмечает А.В. Гурко, в связи с тем, что «робот сам является имуществом, его ответственность будет означать ответственность его собственника или владельца, затрагивая сферу его имущественных интересов. Возлагать на робота полную ответственность за ошибки при осуществлении функций совершенно неверно» [9].

Одним из аргументов против наделения ИИ правосубъектностью являются системные недостатки технологии. Савина В.С. справедливо отмечает, что проблема заключается в отсутствии у технологий ИИ способности понимать контекст или абстрактные концепции в процессе принятия решений [14]. Даже самым умным алгоритмам не хватает здравого смысла для уточнения своей интерпретации мира, что свойственно человеку. Сложно не согласиться с данным мнением. Несовершенство алгоритмов приводит к ошибкам, которые могут стать причиной различных видов дискриминации. Пока система не способна принимать и обрабатывать информацию с учетом контекстных особенностей, возложение на нее юридической ответственности видится невозможным.

Системы генеративного ИИ способны распространять недостоверную или неприемлемую информацию из-за некачественного обучения, а также подвержены риску «галлюцинаций». Это создает угрозу как для обычных граждан (манипуляции), так и для национальной безопасности (кибератаки, мошенничество). Кроме того, А.В. Гурко обращает внимание на то, что роботы и программы для ЭВМ не обладают самостоятельным интересом, они создаются для удовлетворения человеческих потребностей. Поэтому право должно защищать интересы людей, а не наделять машины статусом в целях решения правовых проблем. Отсутствие у ИИ собственной воли и заинтересованности является весомым аргументом против его правового статуса. Все усилия должны быть направлены на урегулирование правоотношений с участием ИИ как объекта возникновения возможных инцидентов.

Опасения касательно сохранения конфиденциальности данных, которыми люди активно делятся с ИИ, также является серьезной проблемой. Существует угроза утечки личной информации в руки злоумышленников, что может угрожать безопасности не только граждан, но и государства в целом. Над технологией должен осуществляться постоянный контроль со стороны человека, включая возможность немедленного отключения программы. Для этого необходимо разработать многоуровневую систему защиты данных и четкое распределение ответственности между участниками процесса.

Не урегулированным остается вопрос охраны произведений, созданных ИИ. Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [1]. Соответственно, на данный момент ИИ в России автором быть признан не может. В большинстве стран законодательство в области авторского права производит разграничение творческой деятельности на результаты, «созданные с использованием ИИ» (применяется традиционное регулирование, ИИ – объект) и результаты, «созданные искусственным интеллектом» (неохраноспособность, например, в США). В то же время, некоторые страны (Великобритания, Индия, Ирландия) вводят специальное право организатора процесса создания интеллектуальной собственности с использованием ИИ [10]. Данное право обеспечивает охрану результатов, но в сокращенном объеме. Мы считаем, что подход введения права организатора является разумным решением для РФ. Такой подход позволит разграничить труды как результаты абсолютного человеческого творчества и как результат совместной работы человека и программы. Представляется разумным создать аналогичные законодательные акты, в которых были бы всесторонне представлены права и обязанности физического лица, которое создает объекты авторского права при помощи технологий искусственного интеллекта.

Применение ИИ в медицине направлено на совершенствование систем диагностики, профилактики и лечения заболеваний. Алгоритмы используются для анализа множества медицинских изображений, автоматического обнаружения патологий, прогнозирования развития болезней, а также выступают в роли помощника врача в постановке диагноза и принятии терапевтических решений. В области хирургии системы ИИ могут использоваться для проведения точных и сложных операций, обрабатывая информацию в реальном времени и предоставляя навигационные подсказки. Внедрение ИИ в такую сложную и ответственную сферу несет существенные рис-

ки. Неверный диагноз, ошибочное направление лечения или неправильное заключение могут нанести вред не только физическому, но и психическому здоровью пациента. Это подводит к важному вопросу – кто будет нести ответственность в случае допущения роботом серьезных или непоправимых ошибок? Вопрос ответственности становится крайне сложным и многоуровневым. Если что-то пойдет не так, необходимо точно установить причинно-следственную связь, чтобы понять, где именно произошел сбой: в исходном обучении алгоритма (ответственность разработчика), в выборе врачом системы или подтверждения решения ИИ (ответственность врача) или в самом ходе выполнения задачи (ответственность оператора или медицинского учреждения). Проблема усугубляется тем, что некоторые модели ИИ являются непрозрачными (проблема «черного ящика»), что затрудняет понимание врачами, как именно система пришла к тому или иному решению, диагнозу. Необходимость объяснимости ИИ (Explainable AI) критически важна для укрепления доверия и обеспечения справедливых решений [7].

Внедрение ИИ в сферу медицины особенно прослеживается в Японии. Основная цель использования ИИ здесь – разгрузить медицинский персонал от рутинной работы, которая отнимает ценное время. Это заполнение документации, анализ снимков МРТ и постановка предварительных диагнозов. Это позволяет врачам сосредоточиться на разработке сложных программ лечения. Положительный опыт Японии подтверждается конкретными примерами, в числе которых случай, когда компьютер помог скорректировать диагноз врачей, что спасло жизнь пациенту с редкой формой лейкемии. Регулированием медицинских устройств на основе ИИ в Японии занимаются Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения (MHLW) и Агентство по фармацевтике и медицинскому оборудованию (PMDA), которые отвечают за обеспечение безопасности и эффективности технологий [12].

Полагаем, что опыт Японии в части использования ИИ как инструмента, упрощающего рутинную деятельность врачей, является наиболее верным и целесообразным для частичного перенятия в России. Такой подход будет способствовать модернизации медицинской системы при одновременной минимизации рисков. Однако полностью доверять проведение лечебных манипуляций роботу недопустимо: контроль со стороны человека должен осуществляться непрерывно и сосредоточенно. Для регулирования в РФ, основываясь на опыте Японии, считаем необходимым обязательное введение нормы, требующей получения от пациентов индивидуального добровольного согласия на использование технологий ИИ в диагностике и лечении, с детальным разъяснением принципов работы и рисков системы. Заметим, что ИИ должен быть предназначен для поддержки, а не для замены медицинского персонала. В случае причинения вреда ответственность должна возлагаться на врача, который принял или подтвердил решение, предоставленное ИИ. Наряду с этим, крайне важно сохранять баланс между автоматизацией и гуманитарным, эмпатическим аспектом взаимодействия врача и пациента, чтобы избежать дегуманизации медицины.

Активное внедрение системы искусственного интеллекта и больших данных (Big Data) в судебную и правоохранительную системы Казахстана носит преимущественно вспомогательный, аналитический и роботизированный характер. Ключевым IT-продуктом Верховного Суда в данной стране является система «Цифровая судебная аналитика» с элементами ИИ, которая анализирует судебную практику и обобщает данные, прогнозирует вероятный исход дел, а также автоматически выполняет рутинные задачи, позволяя сотрудникам концентрировать усилия на более важных делах [19]. В 2022 году робот зарегистрировал 80% (126 тысяч) материалов по делам о взыскании алиментов. Роботизирован также процесс санкционирования постановлений о наложении ограничения выезда за рубеж. В судебной системе Казахстана ИИ выступает в роли высококвалифицированного помощника-аналитика для судейского аппарата [17]. Система имеет статус инструмента для поддержки, но не является органом, принимающим окончательные решения. Анализ, предоставленный искусственным интеллектом, используется только как дополнительный справочный материал, а ответственность за вынесенный приговор или решение всегда остается за судьей. Это главный принцип, который обеспечивает соблюдение законности и правосудия.

Кроме того, законодательство Казахстана закрепляет понятие «электронный документ» (ст.42-1 УПК РК), позволяя осуществлять уголовное судопроизводство в электронном формате [6]. Внедрение электронного формата (платформа е-Жалоба», «Судебный кабинет») позволяет участникам процесса дистанционно следить за расследованиями, что минимизирует риски фальсификации и коррупции за счет уменьшения человеческого фактора. Мы считаем, что внедрение ИИ в судебную систему России по аналогии с Казахстаном является логичным и обоснованным шагом, так как позволяет разгрузить судей от рутинных задач. Внедрение ИИ в мелких делах, таких как подача жалоб, распределение дел и др. повышает эффективность судебной системы. Важно отметить, что выполнение серьезных задач абсолютно точно нельзя доверять программе. Окончательное решение несомненно должен

принимать судья, используя анализ ИИ только как дополнительный справочный материал. Для обеспечения безопасности обрабатываемых конфиденциальных данных необходимо создать собственную защищенную базу (по типу внутреннего «контура»), внутри которой будет действовать механизм обработки судебных дел с использованием технологий ИИ.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: несмотря на длительное изучение области ИИ и его все более глубокое проникновение в повседневную жизнь, наделение данных технологий правосубъектностью не представляется возможным. Абсолютное большинство стран, включая Россию, придерживается мнения, что системы искусственного интеллекта являются объектом гражданских правоотношений, но никак не субъектом. Данная позиция основывается на ряде факторов, которые были рассмотрены в работе. Во-первых, ИИ не обладает психоэмоциональной составляющей, свободой воли, самосознанием и не способен к абстрактному или творческому мышлению, что делает невозможным наказание или переживание вины. Во-вторых, признание ИИ субъектом права, даже по аналогии с юридическим лицом, не решает проблему деликтоспособности, потому как у робота нет собственного имущества, а его действия всегда обусловлены алгоритмами, заложенными человеком. Как было отмечено, ответственность за вред, причиненный ИИ, всегда должен нести разработчик, пользователь или оператор системы, поскольку ИИ – это всего лишь высокоэффективный инструмент. В связи с этим, все усилия должны быть направлены не на то, чтобы наделить ИИ правами, а на разработку такого законодательства, которое будет минимизировать риски и четко регулировать ответственность в случае причинения вреда.

Исходя из анализа международного опыта (ЕС, КНР, Индонезия, Япония, Казахстан) и проблемных аспектов российской практики, в числе которых предвзятость, дезинформация, авторство, мы можем сформулировать следующие предложения по совершенствованию регулирования в РФ:

Во-первых, на основе Китайского подхода, необходимо внедрение правовых норм, четко определяющих ответственность разработчиков ИИ за выпуск некачественного продукта, способного распространять дезинформацию или демонстрировать алгоритмическую предвзятость.

Во-вторых, в контексте общемировых обсуждений следует изучить целесообразность введения обязательной системы страхования или специализированного фонда (По аналогии с опытом ЕС), куда разработчики будут отчислять средства для компенсации вреда, причиненного автономными системами. Однако полагаем, что такой механизм, хоть и обеспечит финансовую компенсацию, не должен заменять собой личную ответственность человека (разработчика или оператора), которая остается ключевым элементом контроля.

В-третьих, внедрение ИИ в медицинскую сферу должно быть ограничено ролью вспомогательного инструмента. Ответственность в случае врачебной ошибки, основанной на неверном диагнозе ИИ, должна быть возложена на врача, подтвердившего решение.

В-четвертых, внедрение ИИ в судебный аппарат необходимо сосредоточить на автоматизации рутинных процессов, таких как регистрация и распределение дел, а не на вынесении решений по существу. Окончательный приговор всегда должен оставаться за судьей.

В-пятых, для обеспечения информационной безопасности и предотвращения утечек конфиденциальных данных считаем необходимым установить непрерывный мониторинг за получением и распространением такой информации. Для этого нужна разработка специализированного государственного механизма контроля или создание внутренней защищенной инфраструктуры для обработки конфиденциальных судебных и медицинских данных.

И наконец представляется разумным, ввести по аналогии с некоторыми странами право организатора процесса создания произведений с использованием ИИ. Это позволит разграничить результаты исключительно человеческого творчества и итог совместной работы, обеспечив сокращенную правовую охрану.

Таким образом, вопрос наделения ИИ правосубъектностью на данном этапе остается преждевременным. Все усилия должны быть направлены на развитие совершенной системы, способной полностью имитировать мыслительную активность человека. Пока же за любую деятельность системы искусственного интеллекта всецело должен отвечать человек, будь то разработчик, пользователь или оператор ИИ.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 23.07.2025).

[2] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значе-

ния Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» от 24.04.2020 № 123-ФЗ [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданскому праву. Правила по робототехнике (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 27.07.2025).

[5] Рекомендация № 2102 (2017) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека» [Электронный ресурс]. URL: https://pace.coe.int/en/files/23726/html (дата обращения: 27.07.2025).

[6] Уголовно процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 № 231 V ЗРК [Электронный ресурс]. – Информационно правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 02.11.2025).

[7] Брызгалина, Е. В., Гумарова, А. Н., Шкомова, Е. М. Ключевые проблемы, риски и ограничения применения ИИ в медицине и образовании // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2022. – № 6.

[8] Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в европейском Союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1.

[9] Гурко, А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7-18.

[10] Калятин, В. О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 28 с.

[11] Кирилова, Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 4 (271).

[12] Кошечкин, К. А. Регулирование искусственного интеллекта в медицине // ПОФМ. – 2023. – № 1.

[13] Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая / И. А. Филипова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 46-73.

[14] Харитонова, Ю. С., Савина, В. С., Паньини, Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53.

[15] Ястребов, О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3.

[16] Sari, A. P., Harwika, D. M. Legal Liability of Artificial Intelligence in Perspective of Civil Law in Indonesia // International Journal of Social Science Research and Review. – 2022. – Т. 5. – С. 57–60.

[17] Искусственный интеллект в казахстанском суде: чем он может помочь [Электронный ресурс]. – Zakon.kz. – 18.10.2023. – URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6410840-iskusstvennyy-intellekt-v-kazakhstanskom-sude-chem-on-mozhet-pomoch.html (дата обращения: 01.11.2025).

[18] Регулирование ИИ: главное из лекции главы Конституционного суда [Электронный ресурс]. – Право.ru. – 27.06.2024. – URL: https://pravo.ru/lf/story/253817/ (дата обращения: 27.07.2025).

[19] Судьям Казахстана помогает искусственный интеллект [Электронный ресурс]. – Право.ru. – 23.02.2023. – URL: https://pravo.ru/news/245406/ (дата обращения: 01.11.2025).

[20] European Commission. AI Act: Regulatory framework on artificial intelligence [Электронный ресурс]. – European Commission. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 27.07.2025).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) [Electronic resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (access date: 23.07.2025).

[2] Federal Law "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data"" dated 24.04.2020 No. 123-FZ [Electronic Resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (date of reference: 19.06.2025).

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended by 15.02.2024) [Electronic Resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (date of reference: 19.06.2025).

[4] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations from the Civil Law Commission. Robotics Regulations (2015/2103 (INL)) [Electronic Resource]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (access date: 27.07.2025).

[5] Recommendation No. 2102 (2017) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe "Technological Convergence, Artificial Intelligence and Human Rights" [Electronic Resource]. URL: https://pace.coe.int/en/files/23726/html (access date: 27.07.2025).

[6] Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 4.07.2014 No. 231 V SAM [Electronic resource]. - Information legal system "Ә years." - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (access date: 02.11.2025).

[7] Bryzgalina, E. V., Gumarova, A. N., Shkomova, E. M. Key problems, risks and limitations of the use of AI in medicine and education // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2022. – № 6.

[8] Vasiliev A. A., Ibragimov J. I. Legal Regulation of Robotics and Artificial Intelligence in the European Union // Russian-Asian Law Journal. 2019. № 1.

[9] Gurko, A. Artificial intelligence and copyright: a look into the future/A. Gurko // Intellectual property. Copyright and related rights. – 2017. – № 12. - S. 7-18.

[10] Kalyatin, V. O. The problem of machine creativity in the legal system: regulation of the creation and use of the results of intellectual activity using artificial intelligence, foreign experience and Russian prospects. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. - 28 s.

[11] Kirilova, E. A., Zulfugarzade T. E. On the issue of legal personality of artificial intelligence // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – № 4 (271).

[12] Koshechkin, K. A. Regulation of artificial intelligence in medicine // POFM. – 2023. – № 1.

[13] Filipova, I. A. Legal regulation of artificial intelligence: the experience of China/I. A. Filipova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. - T. 2, NO. 1. - S. 46-73.

[14] Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., Pagnini, F. Bias of artificial intelligence algorithms: issues of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2021. – № 53.

[15] Yastrebov, O. A. Artificial intelligence in the legal space // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2018. – № 3.

[16] Sari, A. P., Harwika, D. M. Legal Liability of Artificial Intelligence in Perspective of Civil Law in Indonesia // International Journal of Social Science Research and Review. – 2022. - VOL. 5. - S. 57-60.

[17] Artificial intelligence in a Kazakh court: how it can help [Electronic resource]. – Zakon.kz. – 18.10.2023. – URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6410840-iskusstvennyy-intellekt-v-kazakhstanskom-sude-chem-on-mozhet-pomoch.html (дата обращения: 01.11.2025).

[18] Regulation of AI: the main thing from the lecture of the head of the Constitutional Court [Electronic resource]. - Право.ru. - 27.06.2024. - URL: https://pravo.ru/lf/story/253817/ (access date: 27.07.2025).

[19] Judges in Kazakhstan are assisted by artificial intelligence [Electronic Resource]. - Право.ru. - 23.02.2023. - URL: https://pravo.ru/news/245406/ (access date: 01.11.2025).

[20] European Commission. AI Act: Regulatory framework on artificial intelligence [Электронный ресурс]. – European Commission. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 27.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-203-210

ДИКИХ Вадим Денисович,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,
г. Владивосток, Россия, студент 4 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОТАШОВА Анна Николаевна,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,
г. Владивосток, Россия, студент 4 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АГЕНТА ЗА ДЕЙСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕННЫХ СУБАГЕНТОВ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию гражданско-правовой конструкции ответственности агента за действия привлеченных им субагентов, закрепленной в статье 1009 Гражданского кодекса Российской Федерации. Авторы показывают, что данное правило представляет собой частный случай общего механизма возложения исполнения обязательства на третье лицо (статьи 313, 403 ГК РФ) и сохраняет единую внутреннюю логику независимо от отраслевой сферы применения. На материале двух практических областей - таможенного представительства, регулируемого Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, и организации международных автомобильных перевозок, включая услуги по организации ввоза автотранспортных средств из-за рубежа, - показано, каким образом общая гражданско-правовая модель преломляется под влиянием специального (таможенного, транспортного) регулирования. Проведен сравнительно-правовой анализ с доктриной субагентирования в англо-американском праве (Restatement Third of Agency). На основе анализа судебной практики арбитражных судов и Верховного Суда Российской Федерации сформулированы критерии разграничения агента-организатора и агента, принимающего на себя функции договорного исполнителя («ручательство»), что имеет решающее значение для распределения ответственности между агентом, субагентом и конечным заказчиком услуги. Предложены изменения в статью 1009 ГК РФ, направленные на устранение пробела в регулировании ответственности субагента перед агентом.*

Ключевые слова: *агентский договор, субагентский договор, ответственность агента, возложение исполнения на третье лицо, таможенный представитель, транспортная экспедиция, перевозчик, ввоз транспортных средств, солидарная ответственность, гражданское право.*

DIKIKH Vadim D.,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, 4th-year student

POTASHOVA Anna N.,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, 4th-year student

CIVIL LIABILITY OF AN AGENT FOR THE ACTS OF ENGAGED SUB-AGENTS: LEGAL NATURE AND SECTORAL MANIFESTATIONS (THE CASES OF CUSTOMS REPRESENTATION AND INTERNATIONAL ROAD TRANSPORT)

Annotation. *The article examines the civil-law construct of an agent's liability for the acts of sub-agents engaged under Article 1009 of the Civil Code of the Russian Federation. The authors demonstrate that this rule is a specific manifestation of the general mechanism of delegating performance of an obligation to a third party (Articles 313 and 403 of the Civil Code) and that it preserves a unified underlying logic regardless of the sector in which it is applied. Using two practical fields as material - customs representation, governed by the Customs Code of the Eurasian Economic Union, and the organization of international road transport, including services for arranging the import of motor vehicles from abroad - the article shows how the general civil-law model is*

transformed under the influence of special customs and transport regulation. A comparative legal analysis is carried out against the doctrine of sub-agency in Anglo-American law (the Restatement Third of Agency). Based on an analysis of the case law of Russian commercial courts and the Supreme Court of the Russian Federation, criteria are formulated for distinguishing an agent acting as a mere intermediary from an agent who assumes the function of a contractual performer (a guarantee), which is decisive for allocating liability among the agent, the sub-agent and the end client. Amendments to Article 1009 of the Civil Code are proposed to close the gap in regulating the sub-agent's liability toward the agent.

Key words: *agency contract, sub-agency agreement, agent's liability, delegation of performance to a third party, customs representative, freight forwarding, carrier, motor vehicle import, joint and several liability, civil law.*

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена устойчивой тенденцией к усложнению организационно-правовых форм оказания посреднических услуг в современном гражданском обороте. Агент, вступая в отношения с принципалом, все чаще выступает не непосредственным исполнителем порученных действий, а организатором целой цепочки исполнителей, каждый из которых решает лишь часть общей задачи. Подобная модель типична для внешнеэкономической деятельности, международной логистики и таможенного дела, где для исполнения одного поручения требуется последовательное или параллельное привлечение перевозчика, экспедитора, таможенного представителя, владельца склада временного хранения и иных субъектов. Принципал (заказчик услуги), как правило, не состоит в прямых договорных связях с фактическими исполнителями и рассчитывает на ответственность именно того лица, с которым он заключил договор.

Особую остроту вопрос о пределах ответственности агента за действия привлеченных субагентов приобрел в связи с ростом объема параллельного импорта и увеличением числа посреднических схем по ввозу автотранспортных средств из-за рубежа физическими лицами, а также в связи с усложнением логистических цепочек в сфере международных автомобильных перевозок. Указанные обстоятельства порождают многочисленные споры о распределении ответственности между агентом, привлеченными им субагентами (перевозчиками, таможенными представителями) и конечным заказчиком услуги, что подтверждается свежей практикой Верховного Суда Российской Федерации [1].

Объектом исследования выступают гражданско-правовые отношения, складывающиеся между агентом, субагентом и принципалом при исполнении агентского договора с привлечением третьих лиц. Предметом исследования являются нормы гражданского, таможенного и транспортного законодательства Российской Федерации, регулирующие ответственность агента за действия субагентов, а также практика их применения.

Цель статьи заключается в выявлении единых гражданско-правовых начал ответственности агента за действия привлеченных субагентов и в демонстрации того, каким образом эти начала преломляются в отдельных отраслевых сферах - таможенном представительстве и организации международных автомобильных перевозок. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: раскрыть правовую природу субагентских отношений как частного случая возложения исполнения обязательства на третье лицо; провести сравнительно-правовой анализ отечественной модели и доктрины субагентирования в англо-американском праве; рассмотреть особенности реализации общего правила об ответственности агента в таможенном представительстве и в транспортно-экспедиционной деятельности; сформулировать предложения по совершенствованию законодательного регулирования.

Методологическую основу составили формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, а также анализ и обобщение судебной практики арбитражных судов и Верховного Суда Российской Федерации.

1. Субагентский договор как частный случай возложения исполнения обязательства на третье лицо

В соответствии с пунктом 1 статьи 1009 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), если иное не предусмотрено агентским договором, агент вправе в целях исполнения договора заключить субагентский договор с другим лицом, оставаясь ответственным за действия субагента перед принципалом [2]. Данная норма носит диспозитивный характер: агентским договором может быть установлен как прямой запрет на привлечение субагентов, так и, напротив, обязанность агента заключить субагентский договор с указанием либо без указания конкретных его условий.

Ключевым для настоящего исследования является то обстоятельство, что законодатель не создает для субагентских отношений изолированного, самостоятельного режима ответственности, а прямо встраивает их в общий гражданско-пра-

вовой механизм возложения исполнения обязательства на третье лицо, закрепленный в статье 313 и статье 403 ГК РФ [3]. Согласно указанным нормам, должник, поручивший исполнение обязательства третьему лицу, не выбывает из обязательственного правоотношения и продолжает нести ответственность перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства этим третьим лицом, если законом прямо не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо. Правило пункта 1 статьи 1009 ГК РФ следует рассматривать не как обособленную конструкцию, а как отраслевую конкретизацию общего принципа, согласно которому риск ненадлежащего поведения привлеченного исполнителя несет лицо, принявшее на себя обязательство перед кредитором (принципалом), а не сам привлеченный исполнитель.

Из общего правила существует исключение, связанное с институтом передоверия. Субагент по общему правилу не вправе заключать сделки с третьими лицами от имени принципала - он действует либо от собственного имени, либо от имени агента. Если же агентский договор предполагает совершение агентом сделок от имени принципала на основании доверенности, привлечение субагента к непосредственному представительству перед принципалом возможно лишь по правилам передоверия, предусмотренным статьей 187 ГК РФ, с применением по аналогии положений статьи 976 ГК РФ о передоверии в договоре поручения. Только в этом случае между принципалом и субагентом возникает прямая правовая связь; во всех остальных случаях субагент остается фигурой, известной агенту, но юридически «невидимой» для принципала, а бремя ответственности за ее действия целиком несет агент.

Подобное распределение риска представляется системно оправданным. Принципал, заключая агентский договор, оценивает деловую репутацию, квалификацию и платежеспособность именно агента, а не потенциальных субагентов, круг которых на момент заключения договора зачастую не определен и не может быть определен в силу специфики предмета поручения. Справедливо, чтобы риск ненадлежащего выбора или ненадлежащего поведения субагента нес агент, обладающий возможностью предъявить к субагенту регрессное требование по правилам общих положений об обязательствах.

Вместе с тем действующая редакция статьи 1009 ГК РФ содержит существенный пробел: она не устанавливает условий ответственности субагента непосредственно перед агентом, ограничиваясь регулированием отношений «агент - принципал». На данный недостаток обоснованно указывается в современной цивилистической литературе, где отмечается необходимость дополнения статьи 1009 ГК РФ пунктом, определяющим порядок и условия ответственности субагента перед агентом по аналогии с ответственностью субкомиссионера перед комиссионером [4]. Данное предложение заслуживает поддержки и будет развито в разделе 6 настоящей статьи.

2. Сравнительно-правовой аспект: доктрина субагентирования в англо-американском праве

Обращение к зарубежному опыту позволяет проверить универсальность выявленной закономерности. Согласно параграфу 3.15 Свода норм агентского права третьей редакции (Restatement Third of Agency), подготовленного Американским институтом права, агент вправе назначить субагента лишь при наличии у него действительных либо очевидных полномочий на это, а назначивший субагента агент несет ответственность за его действия и сохраняет право и обязанность контролировать его деятельность [5]. Формулировка американской доктрины по существу совпадает с российским правилом: назначивший агент отвечает за действия субагента перед лицом, в интересах которого он действует.

Вместе с тем между двумя правопорядками имеется значимое различие. В англо-американском праве наряду с ответственностью назначившего агента перед принципалом за пределами чисто договорной модели допускается прямая, в том числе деликтная (vicarious), ответственность самого принципала перед третьими лицами за действия субагента, если это соответствует общей доктрине respondeat superior применительно к агентам-служащим [5]. Российское право подобной «сквозной» ответственности принципала по общему правилу не знает: ответственность выстроена последовательно, по цепочке договорных связей «принципал - агент - субагент», без перескакивания через звено. Данное различие объясняется тем, что континентальная традиция строит институт посредничества на началах относительности обязательства, тогда как англо-американское право допускает более гибкое «просвечивание» структуры отношений в целях защиты пострадавшего третьего лица. Для российского правопорядка это означает, что единственным носителем ответственности перед принципалом остается агент, а вопрос о добросовестности агента при выборе субагента и о контроле за его деятельностью приобретает решающее практическое значение.

3. Ответственность агента (таможенного представителя) в сфере таможенного дела

Наиболее показательным примером отраслевой специализации общего гражданско-правового правила выступает институт таможенного представительства. Таможенным представи-

телем признается юридическое лицо, включенное в реестр таможенных представителей, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта или иного заинтересованного лица. По существу, отношения между декларантом (импортером) и таможенным представителем строятся по модели, весьма близкой к агентированию: представитель действует в чужом интересе за вознаграждение, совершая юридически значимые действия в таможенной сфере, а порядок его аттестации, включения в реестр и осуществления деятельности определяется Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [6].

Специфика заключается в том, что наряду с гражданско-правовой ответственностью представителя перед декларантом, которая строится по общим правилам главы 52 ГК РФ, если между ними заключен договор агентского типа, законодатель Евразийского экономического союза устанавливает самостоятельный публично-правовой механизм - солидарную обязанность таможенного представителя, совершающего таможенные операции от имени декларанта, по уплате таможенных пошлин, налогов и иных платежей в полном размере наравне с декларантом (пункт 4 статьи 405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, далее - ТК ЕАЭС) [7]. Из данного правила пункт 5 статьи 405 ТК ЕАЭС предусматривает ряд исключений, связанных, в частности, с несоблюдением условий использования товаров в рамках заявленной таможенной процедуры и с нарушением целей предоставления таможенных льгот.

Принципиально важно, что указанная солидарная обязанность носит публично-правовой характер и существует параллельно с частноправовой моделью ответственности за действия субагентов, а не заменяет ее. Если таможенный представитель, в свою очередь, привлекает для исполнения части поручения иных лиц - аттестованных специалистов по таможенным операциям, действующих на основании гражданско-правовых, а не трудовых договоров, либо иную организацию, обладающую соответствующей компетенцией, - его ответственность перед декларантом за действия таких субагентов определяется общими правилами статьи 1009 ГК РФ, тогда как перед таможенным органом продолжает действовать специальная солидарная обязанность по уплате таможенных платежей. Подобное «удвоение» оснований ответственности порождает на практике сложные споры о распределении бремени доказывания и о допустимости освобождения таможенного представителя от солидарной обязанности со ссылкой на недобросовестность привлеченного субагента; в специальной литературе справедливо отмечается, что такое освобождение возможно лишь при доказанности отсутствия вины самого представителя, что, как правило, требует установления соответствующих обстоятельств судом или таможенным органом [8].

Применительно к теме настоящей статьи наиболее показательна ситуация, при которой услуга по организации ввоза товара, в том числе автотранспортного средства, оказывается физическому лицу не самим таможенным представителем, а посредником-агентом более общего профиля - условно, «агентом по организации ввоза», который, действуя на основании агентского договора с клиентом, от своего имени привлекает для исполнения поручения одновременно нескольких субагентов: таможенного представителя для целей декларирования, международного перевозчика для целей физического перемещения товара и, при необходимости, склад временного хранения. В подобной многозвенной структуре клиент связан договорными отношениями исключительно с агентом, а потому по общему правилу статьи 1009 ГК РФ отвечать перед ним за просрочку, повреждение товара, неверное определение размера таможенных платежей либо иные нарушения, допущенные любым из субагентов, обязан именно агент, а не непосредственно допустивший нарушение субагент.

4. Транспортная экспедиция и организация международных автомобильных перевозок

Аналогичная модель воспроизводится в сфере транспортно-экспедиционной деятельности, регулируемой главой 41 ГК РФ, Федеральным законом от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [9], а в части непосредственно перевозки груза автомобильным транспортом - Федеральным законом от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [10]. Согласно статье 805 ГК РФ если из договора транспортной экспедиции не следует обязанность экспедитора исполнить свои обязанности лично, экспедитор вправе привлечь к исполнению своих обязанностей других лиц. При этом привлечение третьего лица не освобождает экспедитора от ответственности перед клиентом, а лицо, привлеченное экспедитором, не становится стороной договора транспортной экспедиции и не несет ответственности перед клиентом непосредственно - данная позиция последовательно подтверждается судебно-арбитражной практикой применения статей 803 и 805 ГК РФ.

Судебная практика выработала важный критерий, позволяющий разграничить две модели участия экспедитора в отношениях с клиентом. Первая модель - экспедитор выступает организатором перевозки, не принимая на себя функции перевозчика; тогда его ответственность за утрату,

недостачу или повреждение груза при привлечении стороннего перевозчика ограничена доказыванием его собственной вины в выборе контрагента и в организации процесса перевозки, а при доказанности надлежащего выбора добросовестного перевозчика экспедитор вправе требовать от последнего возмещения убытков, ранее возмещенных клиенту, что подтверждается, в частности, постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.03.2012 № 14316/11 [11]. Вторая модель - экспедитор выступает как «договорный перевозчик», принимая на себя ручательство за исполнение договора перевозки третьим лицом, и тогда его ответственность приравнивается к ответственности самого перевозчика независимо от того, кто фактически осуществлял перевозку.

Данный критерий получил развернутое обоснование в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 305-ЭС26-1806 [12]. По обстоятельствам дела индивидуальный предприниматель обратился с иском о взыскании убытков к обществу, оказывавшему транспортно-экспедиционные услуги, после того как груз, доставка которого была поручена конкретному водителю, не прибыл в пункт назначения, а привлеченный водитель прекратил выходить на связь. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований, сославшись на то, что экспедитор выполнял лишь отдельные функции грузоотправителя, а полную материальную ответственность должен нести перевозчик. Верховный Суд Российской Федерации с данным подходом не согласился, указав, что привлечение экспедитором третьего лица к исполнению обязательства само по себе не освобождает его от ответственности перед клиентом, а согласование сторонами договора ответственности экспедитора именно в качестве договорного перевозчика может подтверждаться, в частности, тем, что клиент не выбирает кандидатуру конкретного перевозчика, цена услуг экспедитора выражена в твердой сумме без выделения расходов на перевозку и сопоставима с рыночной ценой самой перевозки, а сам экспедитор в договорных документах характеризовал свое обязательство как обеспечение сохранной доставки груза. Поскольку в рассмотренном деле кандидатура водителя была согласована исключительно самим обществом, а на экспедитора договором была возложена обязанность доставить груз в пункт назначения, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о наличии признаков ручательства и отменил судебные акты нижестоящих инстанций, направив дело на новое рассмотрение.

Изложенный подход в полной мере применим по аналогии к организации международных автомобильных перевозок в рамках более широких посреднических (агентских) схем, включая упомянутые выше услуги по организации ввоза автотранспортных средств из-за рубежа. Если агент, оказывающий комплексную услугу клиенту - физическому лицу (подбор автомобиля за рубежом, организация международной перевозки, таможенное оформление, постановка на учет), определяет условия оказания услуги как результат «под ключ» за фиксированное вознаграждение, не раскрывая клиенту конкретных субагентов и не предоставляя ему возможности повлиять на их выбор, такой агент с высокой вероятностью будет признан судом принявшим на себя ручательство за весь результат, включая действия привлеченных перевозчика и таможенного представителя. Ссылка подобного агента на то, что просрочка либо повреждение автомобиля были допущены не им, а перевозчиком, по логике, последовательно поддержанной Верховным Судом Российской Федерации, не может быть признана состоятельным возражением против требований клиента.

Дополнительным фактором риска для клиента в подобных многозвенных посреднических схемах выступает вопрос корректного определения таможенно-правового статуса ввозимого имущества и, соответственно, ставки утилизационного сбора. В практике 2026 года прослеживается тенденция к переквалификации ввоза автомобилей, формально совершенного в личных целях физического лица, но фактически организованного через агента-посредника с признаками системности и коммерческого оборота, в ввоз, подлежащий обложению утилизационным сбором по полной, а не льготной ставке, с доначислением соответствующей разницы и пени [13]. Поскольку решение о выборе таможенной процедуры, о декларируемой цели ввоза и о взаимодействии с таможенным представителем в подобных схемах фактически принимает агент, а не сам клиент - физическое лицо, риск неверной квалификации, повлекшей доначисление платежей, по общей логике статей 1009 и 403 ГК РФ также должен переноситься на агента в рамках его договорной ответственности перед клиентом, если иное прямо не согласовано сторонами и не охватывалось разумными ожиданиями клиента при заключении договора.

5. Распределение ответственности в многозвенной посреднической схеме ввоза автомобиля

В целях иллюстрации изложенных выводов приведем обобщенный, полностью условный пример, не воспроизводящий обстоятельства какого-либо конкретного дела. Клиент - физическое лицо - заключает с агентом (условно: общество с ограниченной ответственностью «Восток-Авто-

Сервис») договор возмездного оказания услуг агентского типа, по которому агент обязуется за фиксированное вознаграждение организовать приобретение автомобиля за рубежом, его перевозку до территории Российской Федерации и таможенное оформление. Агент от своего имени заключает договор с зарубежным поставщиком - аукционным агентом, договор международной перевозки с автотранспортной организацией и договор с аккредитованным таможенным представителем. В процессе исполнения обязательства автомобиль получает повреждения при погрузке, осуществленной привлеченным перевозчиком, а впоследствии таможенным представителем допущена ошибка при определении ставки утилизационного сбора, повлекшая доначисление и предъявление претензии таможенным органом.

В подобной модельной ситуации, исходя из изложенных выше правил, ответственность за повреждение автомобиля и за доначисленную сумму сбора в части, относящейся к неверным действиям привлеченных лиц, по общему правилу несет агент, поскольку именно он, а не клиент, определял условия привлечения субагентов, их выбор и порядок взаимодействия с ними, а сама услуга оказывалась клиенту как единый результат без выделения зон ответственности каждого конкретного субагента. Право требования агента к перевозчику и к таможенному представителю в порядке регресса при наличии их вины не влияет на объем обязательств агента перед клиентом и реализуется в рамках самостоятельных договорных связей «агент - субагент».

6. Проблемы правового регулирования и предложения по его совершенствованию

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего гражданского законодательства.

Во-первых, представляется обоснованным дополнить статью 1009 ГК РФ пунктом, прямо определяющим условия ответственности субагента перед агентом, по аналогии с ответственностью субкомиссионера перед комиссионером, поскольку действующая редакция статьи регулирует лишь внешние отношения «агент - принципал», оставляя внутренние отношения «агент - субагент» без специального регулирования [4].

Во-вторых, в целях защиты интересов потребителей - физических лиц, пользующихся услугами агентов по организации ввоза товаров, включая автотранспортные средства, целесообразно закрепить требование о раскрытии клиенту информации о привлекаемых субагентах (таможенном представителе, перевозчике) в объеме, достаточном для понимания клиентом структуры исполнения обязательства. Аналогичная проблема информационной асимметрии между посредником и слабой стороной договора уже отмечалась в цивилистической литературе применительно к отношениям турагента и туроператора, где неравноправные договорные условия используются для переноса ответственности посредника на его партнера в ущерб интересам заказчика услуги [14]; данный опыт может быть учтен при выработке аналогичных гарантий в сфере посреднических услуг по ввозу товаров.

В-третьих, целесообразно на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации закрепить выработанные по делу № 305-ЭС26-1806 критерии разграничения агента-организатора и агента, принявшего на себя ручательство за результат, поскольку данные критерии носят универсальный, а не узкоотраслевой характер и могут применяться не только к транспортной экспедиции, но и к иным посредническим агентским схемам, включая организацию ввоза товаров из-за рубежа.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что закрепленное в статье 1009 ГК РФ правило об ответственности агента за действия привлеченных субагентов представляет собой не изолированную, а системную конструкцию, являющуюся частным проявлением общего гражданско-правового принципа возложения исполнения обязательства на третье лицо. Данная конструкция сохраняет единство внутренней логики независимо от отраслевой сферы применения - будь то таможенное представительство, где она сосуществует с самостоятельной публично-правовой солидарной обязанностью по уплате таможенных платежей, либо транспортная экспедиция и организация международных автомобильных перевозок, включая многозвенные посреднические схемы по ввозу автотранспортных средств из-за рубежа.

Сравнительно-правовой анализ показывает содержательное сходство российской модели с доктриной субагентирования в англо-американском праве при сохранении принципиального различия в вопросе о допустимости прямой ответственности принципала перед третьими лицами. Выработанные Верховным Судом Российской Федерации критерии разграничения агента-организатора и агента-гаранта результата обладают универсальным потенциалом применения и заслуживают закрепления в разъяснениях высшей судебной инстанции, а действующее регулирование статьи 1009 ГК РФ нуждается в точечном дополнении в части регулирования внутренних отношений между агентом и субагентом.

Список литературы:

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 28.05.2026 N 305-ЭС26-1806 по делу № А40-231517/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[4] Анисимов, А. Т. Правовая природа и особенности агентского договора / А. Т. Анисимов // Правовое регулирование экономической деятельности. - 2022.

[5] Restatement of the Law, Third, Agency: Official Text / American Law Institute. - St. Paul, MN: American Law Institute Publishers, 2006. - Vol. 1-2. - 411 p.

[6] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 32 (часть I). - Ст. 5082.

[7] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. - URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения: 05.08.2026).

[8] Костик К. И. Оспаривание таможенными представителями решений таможенных органов о возложении солидарной обязанности по уплате таможенных платежей / К. И. Костик // Вестник Российской таможенной академии. - 2023. - № 3.

[9] О транспортно-экспедиционной деятельности : Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 27 (часть I). - Ст. 2701.

[10] Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 46. - Ст. 5555.

[11] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.03.2012 № 14316/11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2026 N 305-ЭС26-1806 по делу № А40-231517/2024.

[13] Автомобили из ЕАЭС и утильсбор: почему льготные 3 400 рублей стали началом судебного риска [Электронный ресурс] // TKS.RU. - 2026. - 29 июня. - URL: https://www.tks.ru/columns/bernev/2026/06/29/0001/ (дата обращения: 05.08.2026).

[14] Сергиенко С. Ю. О некоторых проблемных аспектах в регулировании гражданско-правовых отношений на туристическом рынке / С. Ю. Сергиенко, В. Г. Гриб // Туризм: право и экономика. - 2024. - № 2.

References:

[1] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.05.2026 No. 305-ES26-1806 in case No. A40-231517/2024 [Electronic Resource] // SPS ConsultantPlus.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 5. - Art. 410.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 3301.

[4] Anisimov, A. T. The legal nature and features of the agency contract/A. T. Anisimov // Legal regulation of economic activity. - 2022.

[5] Restatement of the Law, Third, Agency: Official Text / American Law Institute. - St. Paul, MN: American Law Institute Publishers, 2006. - Vol. 1-2. - 411 p.

[6] On customs regulation in the Russian Federation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 32 (Part I). - Art. 5082.

[7] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated 11.04.2017) [Electronic Resource] // Official website of the Eurasian Economic Union. - URL: http://www.eaeunion.org (access date: 05.08.2026).

[8] Kostik K. I. Challenge by customs representatives of decisions of customs authorities on imposing a joint obligation to pay customs duties/ K. I. Kostik // Bulletin of the Russian Customs Academy. - 2023. - № 3.

[9] On forwarding activities: Federal Law No. 30.06.2003 of 87-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2003. - No. 27 (Part I). - Art. 2701.

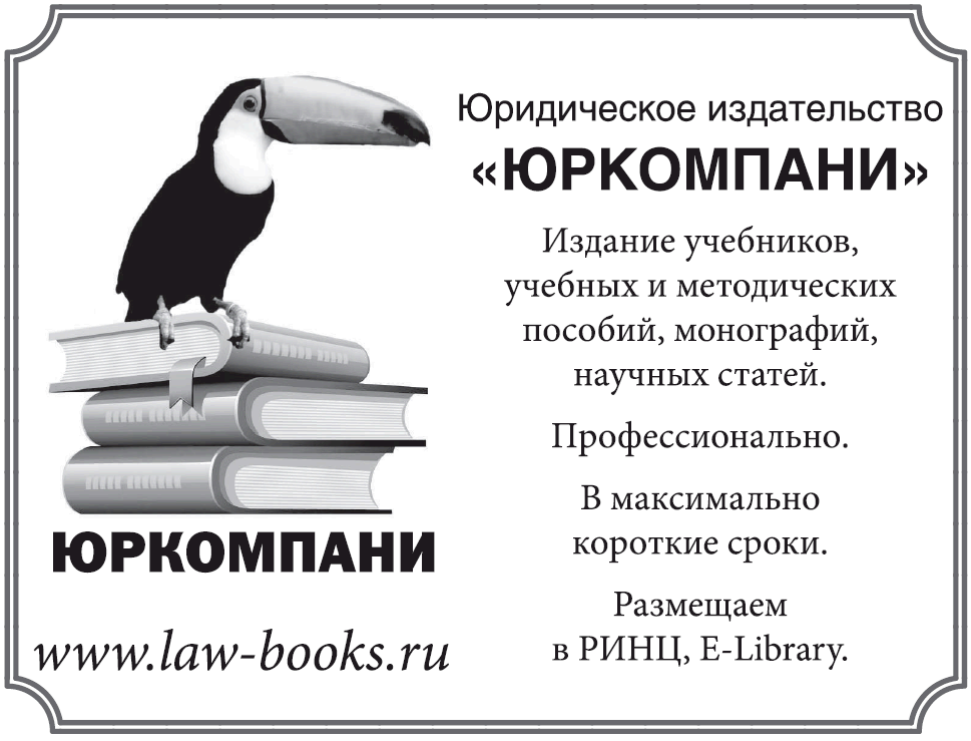
[10] Charter of road transport and urban land electric transport: Federal Law of 08.11.2007 No. 259-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2007. - № 46. - Art. 5555.

[11] Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.03.2012 No. 14316/11 [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus.".

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.05.2026 N 305-ES26-1806 in case No. A40-231517/2024.

[13] Cars from the EAEU and waste collection: why preferential 3,400 rubles became the beginning of judicial risk [Electronic resource] // TKS.RU. - 2026. - June 29. - URL: https://www.tks.ru/columns/bernev/2026/06/29/0001/ (access date: 05.08.2026).

[14] Sergienko S. Yu. On some problematic aspects in the regulation of civil law relations in the tourism market/S. Yu. Sergienko, V. G. Grib // Tourism: Law and Economics. - 2024. - № 2.



ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-211-214

КРАСНОРУЦКАЯ Татьяна Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридически наук,
e-mail: s.tatjana020382@mail.ru

ФУНКЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируются уголовно-процессуальные функции руководителя следственного органа, рассматриваемые в качестве основных направлений его деятельности. На основе анализа основных направлений деятельности руководителя следственного органа обосновывается, что функция обвинения является ключевой. Одновременно выделяется охранительная функция, заключающиеся в защите вовлеченных в процесс лиц от преступных посягательств и обеспечении их прав.*

Ключевые слова: *руководитель следственного органа, уголовно-процессуальные функции, направления уголовно-процессуальной деятельности, процессуальное руководство, обвинение, предварительное расследование.*

KRASNORUTSKAYA Tatyana Alexandrovna,
is an associate professor at the Department of Criminal Procedure at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and a Candidate of Legal Sciences

FUNCTIONS OF THE HEAD OF AN INVESTIGATIVE BODY AS THE MAIN AREAS OF HIS ACTIVITY

Annotation. *The article analyzes the criminal procedural functions of the head of an investigative body, which are considered to be the main areas of their activity. Based on the analysis of the main areas of activity of the head of an investigative body, it is substantiated that the accusatory function is the key one. At the same time, the protective function is highlighted, which consists in protecting the persons involved in the process from criminal encroachments and ensuring their rights.*

Key words: *head of an investigative body, criminal procedural functions, areas of criminal procedural activity, procedural leadership, accusation, preliminary investigation.*

Основные направления уголовно-процессуальная деятельности руководителя следственного органа представляют собой не что иное, как его уголовно-процессуальные функции.

Вопрос о системе уголовно-процессуальных функций является предметом многолетних научных дискуссий. Их истоки восходят к Судебной реформе 1864 года, заложившей основы состязательности в российском процессе. В тот период сложилось традиционное представление о трех функциях: обвинении, защите и разрешении дела судом по существу. Как отмечал И.В. Тыричев, «в этих трех функциях выражен тот специфический процессуальный смысл деятельности субъектов процесса, который на протяжении всей истории процесса служит основанием для определения того или иного типа процесса» [1, с. 47]. Данный подход к делению уголовно-процессуальных функций долгое время оставался доминирующим в юридической науке, а уголовно-процессуальные функции трактовались учеными как основные направления деятельности участников процесса.

Однако, с 1960-х годов в советской процессуальной науке наметился перелом. Все больше исследователей приходили к выводу, что традиционное деление функций не отражает реального многообразия процессуальной деятельности, поскольку не охватывает деятельности всех субъектов уголовного процесса. Это привело к пересмотру устоявшихся взглядов и появлению концепций о существовании иных самостоятельных функций [2].

Возвращаясь к руководителю следственного органа, необходимо отметить, что в современной науке уголовного процесса отсутствует единство подходов к определению системы уголовно-процессуальных функций руководителя следственного органа. Рассматривая ключевые направления уголовно процессуальной деятель-

ности руководителя следственного органа, следует подчеркнуть, что их реализация осуществляется посредством процессуальных полномочий, предусмотренных уголовно процессуальным законодательством (ст. 39 УПК РФ). Анализ этих полномочий дает возможность структурировать их и выделить основные направления деятельности, которые, по сути, характеризуют его функции.

К ним можно отнести:

процессуальное руководство деятельностью следователей (выражается в даче следователю указаний о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) и др.).

процессуальный контроль за деятельностью следователей (реализуется через проверку материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела, отмену незаконных или необоснованных постановлений следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);

процессуальную организацию расследования преступлений (включает поручение производства предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, изъятие уголовного дела у следователя и передачу его другому следователю, создание следственной группы, изменение ее состава (п. 1 ч.1 ст. 39 УПК РФ) и др.);

уголовное преследование (вправе возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ).

В уголовно-процессуальной науке сложились различные подходы к соотношению выделенных направлений. Наиболее острая дискуссия развернулась вокруг взаимосвязи процессуального руководства и процессуального контроля как направлений уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа.

Согласно позиции ряда ученых, процессуальное руководство является основным направлением деятельности руководителя следственного органа. Т.Ю. Попова [3, с. 22] и У.В. Садиокова [4, с. 12]. в своих работах указывают, что контроль выступает лишь как дополнительное направление, способствующее качественному выполнению ключевого направления - процессуального руководства.

Вместе с тем существуют и иные мнения по данному вопросу. Так, Д.А. Влезько считает, что процессуальное руководство и процессуальный контроль не следует выделять в два самостоятельных направления, поскольку это единое направление деятельности [5, с. 12], Э.И. Воронин рассматривал процессуальное руководство как составную часть процессуального контроля [5, с. 123].

По нашему мнению, центральное место в деятельности руководителя следственного органа занимает процессуальное руководство: через него наиболее отчётливо проявляется его ключевая роль в уголовном судопроизводстве. При этом все перечисленные направления деятельности руководителя следственного органа так или иначе выражают обвинительную направленность его участия в уголовном процессе и в совокупности способствуют осуществлению функции обвинения.

Тем не менее в науке уголовного процесса высказываются точки зрения, согласно которым предварительное расследование выступает главным направлением деятельности для руководителя следственного органа, следователя, должностных лиц органа дознания. Эта позиция не представляет собой принципиально нового взгляда, поскольку основывается на давно установленной в уголовно-процессуальной науке концепции множественности процессуальных функций, сформировавшейся в 1960 х годах. В частности, Р.Д. Рахунов ещё в 1961 году высказал суждение о том, что три традиционные функции не охватывают деятельность всех участников процесса, и предложил дополнительно выделить функцию расследования уголовного дела [7, с. 47]. Среди сторонников признания функции расследования – С.А. Альперт, М.М. Выдря, В.Г. Даев, В.Н. Шпилев и другие авторы [8].

Вместе с тем следует учитывать, что предварительным расследованием именуется также одна из досудебных стадий уголовного судопроизводства. Использование термина «предварительное расследование» в двух смыслах – как обозначения досудебной стадии уголовного процесса и как возможного направления деятельности – представляется не вполне корректным.

Предварительное расследование представляет собой самостоятельную досудебную стадию уголовного судопроизводства, в рамках которой решаются определенные задачи. Содержание данной стадии отличается исключительной сложностью и многообразием, поскольку объединяет в себе разнонаправленные, а порой и противоположные, направления процессуальной деятельности вовлечённых в неё участников. Так, в рамках предварительного расследования одновременно реализуются функция обвинения и функция защиты.

На наш взгляд, считать «предварительное расследование» уголовно процессуальной функцией нецелесообразно. В то же время термин

удачно отражает содержание одной из стадий уголовного процесса: в этом смысле предварительное расследование представляет собой отдельный, структурно вписанный в систему судопроизводства этап.

Полагаем, теория трех основных функций: обвинения, защиты и разрешения дела – должна лежать в основе определения направлений деятельности участников уголовного процесса. Однако с появлением в уголовном судопроизводстве участников, которые отличаются своей ролью и назначением, допустимо включение дополнительных направлений деятельности. Важнейшее требование при таком развитии — сохранение чёткой разграниченности функций: каждая из них должна иметь собственное содержание и не подменять собой другие. В связи с этим выделение предварительного расследования в качестве самостоятельной процессуальной функции выглядит спорным, так как не отвечает таким требованиям. Исходя из этого, руководитель следственного органа в качестве основного направления своей деятельности реализует функцию обвинения, что, однако, не свидетельствует о том, что он не выполняет иных направлений деятельности (процессуальное руководство, уголовное преследование и т.д.).

Примечательно, что даже среди тех исследователей, которые поддерживают концепцию множественности уголовно процессуальных функций и не отрицают самостоятельность функции расследования, нет единого подхода к определению круга её субъектов. Так, В. В. Колодко, признавая существование функции расследования, относит к её непосредственным носителям лишь следователя и дознавателя – тех участников процесса, которые напрямую занимаются собиранием, проверкой и оценкой доказательств. При этом, согласно его позиции, руководитель следственного органа не выполняет функцию расследования: в его компетенцию входит осуществление ведомственного контроля [9, с. 6]. Данное расхождение во взглядах лишний раз подтверждает, что единое понимание функции предварительного расследования в науке отсутствует, а ее нормативное закрепление не произведено.

Помимо функции обвинения руководитель следственного органа обязан осуществлять охрану прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Эта охранительная функция реализуется на протяжении всего досудебного производства и направлена на защиту лиц, которые вовлечены в уголовное судопроизводство, от преступных посягательств и обеспечению их прав.

Защита лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, от преступных посягательств обеспечивается в рамках государственной защиты. Руководитель следственного органа в силу ч. 3 ст. 11 УПК РФ наделен правом применять меры безопасности в числе прочих уполномоченных субъектов.

Обеспечение прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ возлагается на государственные органы и должностных лиц. Для руководителя следственного органа реализация данного положения происходит в ходе осуществления контроля за работой подчинённых сотрудников (например, при отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя). Осуществляемый им процессуальный контроль выступает важной гарантией защиты интересов участников дела, позволяя своевременно пресекать нарушения, предотвращать неисполнение подчиненными лицами обязанностей по обеспечению прав. Руководитель следственного органа наделен обширными полномочиями – от проверки сроков и полноты расследования до дачи обязательных указаний, согласования ходатайств перед судом и обжалования решений прокурора. Тем самым процессуальный контроль становится реальным инструментом охраны прав на всем протяжении предварительного расследования.

Кроме того, обеспечение прав участников со стороны руководителя следственного органа происходит при реабилитации граждан, которые были незаконно или необоснованно привлечены к уголовному преследованию. Это обусловлено его полномочиями по проверке материалов уголовного дела, отмене незаконных или необоснованных постановлений следователей. Соответственно, в ситуациях, когда уголовное преследование признается незаконным, руководитель следственного органа должен принять меры к реализации права лица на возмещение причиненного вреда. Вместе с тем, как отмечено в литературе, законодатель не включает руководителя следственного органа в круг лиц, которые правомочны признавать право на реабилитацию [10, с. 250] .

Реализация основных направлений уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа происходит в условиях надзора прокурора, который вносит свои коррективы. Он осуществляется с помощью полномочий, закрепленных в ст. 37 УПК РФ.

Существенные поправки, которые были внесены в 2007 г., привели к значительному сокращению процессуальных полномочий прокурора в отношении предварительного следствия, из-за чего снизилась оперативность реагирования прокуратуры при разрешении проблемных вопросов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Тем не менее прокурор по прежнему располагает достаточным набором процессуальных средств для надзора за законностью и

обоснованностью решений, выносимых в рамках предварительного следствия.

Итак, анализ направлений уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа позволяет выделить функцию обвинения как ключевую. Процессуальное руководство деятельностью следователей, процессуальный контроль за деятельностью следователей, процессуальная организация расследования преступлений, а также уголовное преследование направлены на реализацию этой функции. Наряду с обвинительной функцией руководитель следственного органа осуществляет и охранительную функцию, заключающуюся в защите лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, от преступных посягательств и обеспечении их прав.

Список литературы:

[1] Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 1995. 554 с.

[2] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.; Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. 176 с.; Шимановский, В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С.175-178 с.; Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С.78-82.

[3] Попова Т.Ю. Уголовно – процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 32 с.

[4] Садиокова У.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2020. 33 с.;.

[5] Влезько Д.А. Проблемы организационных функций начальника следственного отделения (отдела) в расследовании: автореф. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 24 с.

[6] Воронин Э.И. Процессуальные полномочия следователя органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1973. 207 с.

[7] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Госюриздат, 1961. 277 с.

[8] Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе: Учебное пособие. Харьков, 1974. 38 с.; Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С.78-82; Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76-86; Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. 176 с.

[9] Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. … канд юрид. наук / В.В. Колодко. – Челябинск, 2013. 21 с.

[10] Рутковский В.В. Обеспечение права на реабилитацию как направление надзора прокурора в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. № 5. С. 248-251.

References:

[1] Criminal procedure: Textbook for universities/under the general. ed. P.A. Lupinskaya. M.: Lawyer, 1995. 554 p.

[2] Rakhunov R.D. Participants in criminal procedural activities. M.: Gosyurizdat, 1961. 277 p.; Shpilev V.N. Participants in the criminal process. Minsk, 1970. 176 s.; Shimanovsky, V.V. On the issue of the procedural function of the investigator in the Soviet criminal process // Jurisprudence. 1965. № 2. P.175-178 p.; Otter M.M. Investigation of a criminal case - the function of a criminal process // Soviet state and law. 1980. № 9. S.78-82.

[3] Popova T.Yu. Criminal procedural status of the head of the investigative body: ref.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2012. 32 pp.

[4] Sadiokova U.V. Procedural powers of the head of the investigative body: theory and practice of implementation: author's review.... cand. jurid. sciences. M., 2020. 33 p.;.

[5] Vlezko D.A. Problems of organizational functions of the head of the investigation department (department) in the investigation: ref.... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2002. 24 pp.

[6] Voronin E.I. Procedural powers of the investigator of the internal affairs bodies: dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 1973. 207 pp.

[7] Rakhunov R.D. Participants in criminal procedural activities. - M.: Gosyurizdat, 1961. 277 pp.

[8] Alpert S.A. Indictment in a Soviet criminal trial: A textbook. Kharkov, 1974. 38 p.; Otter M.M. Investigation of a criminal case - the function of a criminal process // Soviet state and law. 1980. № 9. S.78-82; Daev V.G. To the concept of charges in the Soviet criminal process // Jurisprudence. 1970. № 1. S. 76-86; Shpilev V.N. Participants in the criminal process. Minsk, 1970. 176 s.

[9] Kolodko V.V. Criminal procedure function of the investigation: author. dis.... cand juris. Sciences / V.V. Kolodko. - Chelyabinsk, 2013. 21 pp.

[10] Rutkovsky V.V. Ensuring the right to rehabilitation as a direction of supervision of the prosecutor in criminal proceedings // Society and law. 2009. № 5. S. 248-251.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-215-219

АРУТЮНЯН Сюзанна,
Аспирантка кафедры уголовного право, уголовного процесса и криминалистики Юридического института РУДН,
e-mail: 1042255198@pfur.ru

Научный руководитель:
КУЧЕРКОВ Иван Александрович,
Кандидат юридических наук, доцент университета РУДН,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ФЕНОМЕН ЛОЖНОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ

Аннотация. *В статье анализируется проверка показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства с учетом возрастных особенностей восприятия, запоминания и воспроизведения информации. Отдельно рассматривается феномен ложной памяти у детей как фактор, создающий повышенные риски для уголовного судопроизводства. Указывается, что несовершеннолетний может быть субъективно уверен в достоверности сообщаемых сведений, хотя соответствующие представления сформированы не в результате непосредственного восприятия события, а вследствие внушения, повторяющихся вопросов, стрессового состояния, обсуждения в семье либо воздействия со стороны взрослых, обладающих для ребенка авторитетом. Обосновывается, что показания несовершеннолетнего не подлежат оценке по тем же критериям, что и показания совершеннолетнего лица, поскольку дети, как правило, характеризуются более высокой внушаемостью, эмоциональной зависимостью от условий допроса и склонностью воспринимать повторный вопрос как указание на ошибочность первоначального ответа. Рассматриваются процессуальные особенности допроса несовершеннолетних, включая сокращенную продолжительность следственного действия и участие педагога, психолога, защитника и законного представителя. Формулируется вывод о необходимости применения специальных тактических приемов, в том числе предоставления возможности свободного рассказа, постановки нейтральных уточняющих вопросов, исключения наводящих формулировок, фиксации первоначальных показаний и последующей проверки полученных сведений с использованием независимых доказательств. Отмечается, что надлежащая проверка показаний несовершеннолетних является средством предупреждения судебной ошибки, поскольку позволяет отграничить достоверные воспоминания ребенка от сведений, возникших под влиянием внушения либо процессуально некорректного воздействия.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, допрос ребенка, проверка показаний, ложная память, внушаемость, наводящие вопросы, стресс, судебная ошибка, достоверность, уголовный процесс.*

HARUTYUNYAN Syuzanna,
Postgraduate student at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute of RUDN university

Scientific supervisor:
KUCHERKOV Ivan Alexandrovich,
Candidate of Law, Associate Professor at RUDN University

VERIFICATION OF MINORS' TESTIMONY AND THE PHENOMENON OF FALSE MEMORY AS FACTORS IN PREVENTING JUDICIAL ERROR

Annotation. *This article addresses the verification of testimony provided by minors in criminal proceedings, with reference to age-related features of perception, memory, and the reproduction of information. It focuses on the risk of false memories in children, which may adversely affect criminal justice because a minor may honestly believe the accuracy of a statement even where the information did not arise from direct perception of the event, but instead developed under the influence*

of suggestion, repeated questioning, stress, family discussions, or the authoritative influence of adults. The article states that a child's testimony should not be evaluated by the same standards applied to an adult's testimony, because minors are generally more susceptible to suggestion, more emotionally dependent on the interrogation setting, and more likely to interpret repeated questions as an indication that their prior answer was incorrect. It analyzes procedural aspects of interviewing minors, including shortened durations for investigative actions and the involvement of a teacher, psychologist, defense counsel, and legal representative. The article notes the need for specific interviewing methods, including allowing a free narrative, using neutral clarifying questions, excluding leading questions, recording the initial statement, and verifying the account through independent evidence. It concludes that careful verification of minors' testimony is necessary to reduce the risk of wrongful outcomes by distinguishing reliable recollection from information shaped by suggestion or procedurally improper pressure.

Key words: *minor, child interview, verification of testimony, false memory, suggestibility, leading questions, stress, wrongful conviction, reliability, criminal procedure.*

Введение

Показания несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого либо обвиняемого подлежат оценке с учетом его возраста и особенностей психического развития и не могут оцениваться по тем же критериям, что показания совершеннолетнего лица. Несовершеннолетний может иначе воспринимать авторитет следователя, повторное задавание вопросов, эмоциональное воздействие, а также предполагаемое ожидание получения «правильного» ответа, что способно повлиять на содержание и устойчивость его показаний.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает специальные ограничения продолжительности допроса несовершеннолетних. Допрос потерпевшего либо свидетеля в возрасте до семи лет не допускается продолжительностью более 30 минут подряд без перерыва и более одного часа в течение одного дня. Для лиц в возрасте от семи до четырнадцати лет допрос не допускается продолжительностью более одного часа подряд без перерыва и более двух часов в течение одного дня. Для лиц старше четырнадцати лет допрос не допускается продолжительностью более двух часов подряд без перерыва и более четырех часов в течение одного дня. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого либо обвиняемого также подлежит ограничению: не более двух часов подряд без перерыва и не более четырех часов в течение одного дня.

Судебная ошибка по уголовному делу может быть сформирована до начала судебного разбирательства, в том числе на стадии получения, проверки и закрепления показаний. В случаях, когда исходная следственная версия опирается преимущественно на вербальные сведения, а последующая проверка фактически сводится к их воспроизведению, в распоряжение суда поступает внешне согласованный, но по существу непроверенный массив доказательственной информации. В связи с этим тактика проверки показаний должна рассматриваться прежде всего как процессуальный механизм предотвращения обвинительного уклона и минимизации риска ошибки, а не как способ получения дополнительных данных.

Криминалистическая тактика имеет значение постольку, поскольку обеспечивает познавательную надежность следственного действия. Доказательственное значение тактических приемов обусловлено их способностью обеспечивать возможность верификации фактических данных [1, с. 83]. Результаты современных исследований допроса также указывают, что достоверность показаний определяется не субъективной уверенностью допрашиваемого лица, а конкретностью сообщаемых сведений, их внутренней согласованностью и возможностью независимой проверки изложенных обстоятельств [3, с. 298-308].

Процессуальные требования к проверке показаний закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. При допросе запрещается постановка наводящих вопросов. Проверка показаний на месте должна начинаться с предложения лицу самостоятельно указать место проведения проверки; вмешательство посторонних лиц и наводящие вопросы не допускаются. Вместе с тем соблюдение формальных требований само по себе не устраняет риск ошибки. Необходима тактическая модель, позволяющая заранее выявлять неполноту, ложность, внушаемость показаний либо их обусловленность ошибочным восприятием.

Материалы и методы

Исследование проведено с применением формально-юридического, криминалистического и психологического методов. Положения уголовно-процессуального законодательства рассмотрены во взаимосвязи с научными источниками, посвященными тактике допроса, судебным ошибкам, особенностям показаний несовершеннолетних и эффекту дезинформации.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и ситуационный методы. Их применение позволило определить пределы допустимых тактических приемов, рассмотреть показания в совокупности

с иными доказательствами, а также смоделировать типовые риски, включая самооговор, изменение показаний, конфликт между участниками, заимствование сведений и несоответствие рассказа материальной обстановке. В качестве материалов использованы научные работы по криминалистической тактике и проблематике следственных ошибок, к числу которых относятся односторонность и неполнота исследования обстоятельств, нарушение процессуальной формы и неправильная оценка доказательств [4, с. 43-64].

Результаты и обсуждение

Основная тактическая задача при проведении процессуальных действий с участием несовершеннолетнего заключается в обеспечении его свободного изложения обстоятельств, а не в получении подтверждения заранее определенной версии. Следователю следует первоначально предоставить ребенку возможность самостоятельно и в свободной форме рассказать о событии своими словами, и лишь после этого переходить к постановке уточняющих вопросов.

Феномен ложной памяти имеет существенное значение для уголовного судопроизводства. Ложное воспоминание следует отличать от заведомо ложных показаний: несовершеннолетний может субъективно воспринимать сообщаемые сведения как достоверные, при том что их источник связан не с первичным восприятием события, а с последующим внушением, обсуждением обстоятельств либо повторной постановкой вопросов.

Указанное положение подлежит изложению в основной части текста, а не в заключении.

Наибольший риск формирования ложных воспоминаний возникает в следующих ситуациях: проведение до процессуального допроса неоднократных не процессуальных бесед с несовершеннолетним; повторение одного и того же вопроса после получения ответа; использование закрытых либо наводящих формулировок, включая вопросы вида «он это сделал?», «ты испугался, когда он подошел?», «он тебя трогал, да?». При наличии таких условий несовершеннолетний может воспроизводить не собственное воспоминание, а версию события, сформированную под влиянием взрослых.

Проверка показаний несовершеннолетнего на месте допускается исключительно как средство критической верификации сообщаемых сведений и не должна использоваться в целях демонстрации версии стороны обвинения. Проверочная значимость указанного следственного действия возникает при условии, что несовершеннолетний самостоятельно указывает место, маршрут, последовательность действий, предметы и детали обстановки, которые ранее не сообщались ему и не были ему подсказаны.

Оценка достоверности показаний несовершеннолетнего должна осуществляться с учетом четырех взаимосвязанных блоков: процессуального, коммуникативного, психологического и доказательственного. Подлежит проверке соблюдение возрастных ограничений допроса, участие педагога или психолога, характер вопросов (открытые либо наводящие), учет возраста, уровня стресса и внушаемости несовершеннолетнего, а также наличие внешних доказательств, подтверждающих сообщаемые им сведения.

Проверка показаний в расширенном понимании включает четыре взаимосвязанных уровня, направленных на профилактику судебной ошибки: информационный, процессуальный, психологический и оценочный.

Информационный уровень предполагает выявление пробелов и противоречий в показаниях, а также признаков заимствования сведений. Процессуальный уровень выражается в соблюдении установленной процедуры, включая предварительный допрос, раздельную проверку, запрет наводящих вопросов, фиксацию маршрута и пояснений участника. Психологический уровень связан с учетом мотивов и состояния лица, дающего показания. Оценочный уровень предусматривает сопоставление полученного результата с независимыми доказательствами.

На информационном уровне существенное значение имеет предварительное планирование контрольных обстоятельств. До проведения проверки необходимо определить сведения, которые не сообщались проверяемому лицу и не могли быть получены им из открытых источников, включая маршрут, расположение объектов, последовательность действий, особенности освещения, звуковые ориентиры, наличие следов и предметов. Самостоятельное воспроизведение таких деталей повышает доказательственную ценность проверки. Если же лицо ограничивается повторением формулировок протокола допроса, результаты подлежат оценке с учетом повышенного риска неопределенности.

Процессуальный уровень требует исключить подмену проверки показаний повторным допросом, следственным экспериментом либо осмотром. Предмет проверки составляет ранее сообщенная информация конкретного лица, поэтому ключевым условием достоверности является инициативное воспроизведение обстановки и действий самим участником. Проверка показаний на месте по своей природе носит комплексный характер, объединяя рассказ, наблюдение, демонстрацию действий и сопоставление с обстановкой [2, с. 105]. Одновременно указанная комплексность создает риск смешения следственных действий, если следователь фактически направляет лицо к заранее известному результату.

Психологический уровень приобретает особую значимость при наличии признаков самооговора, страха перед соучастниками, зависимости свидетеля либо стремления минимизировать собственную роль. Тактическая задача следователя заключается не в оказании давления и эмоциональном «изобличении», а в обеспечении условий для свободного воспроизведения сведений. Уточняющие вопросы допустимы только после свободного рассказа. Вопросы, содержащие предполагаемый ответ либо задающие внушаемую последовательность событий, подлежат исключению.

Оценочный уровень завершает проверку и предполагает формирование понятной для суда картины того, какие противоречия проверялись, какие сведения получены впервые, могли ли они быть известны лицу ранее и подтверждаются ли независимыми источниками. Самостоятельность проверки показаний на месте определяется ее познавательной задачей: установлением связи между показаниями, обстановкой и действиями лица [5, с. 105-112]. Соответственно, доказательственное значение имеет не повторение рассказа как таковое, а проверяемое соответствие сообщенных сведений объективной реальности.

Практически обоснованной является четырехэтапная модель: диагностика показаний; организационно-процессуальная подготовка; проведение проверки с инициативным указанием места и маршрута; оценочно-контрольное сопоставление результата с независимыми доказательствами. Видеозапись и подробный протокол должны фиксировать не только итоговые сведения, но и порядок их получения, включая направление движения, задаваемые вопросы, паузы, исправления, а также отсутствие подсказок со стороны должностных лиц.

Заключение

Проверку показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства следует рассматривать не как обычный элемент доказывания, а как самостоятельный процессуально значимый механизм, направленный на предупреждение судебной ошибки. Специфика показаний ребенка заключается в том, что они могут выглядеть последовательными и эмоционально убедительными, при этом формируясь под влиянием возрастной внушаемости, стрессового состояния, повторяемости вопросов, авторитета взрослого либо предварительного обсуждения события вне установленной процессуальной процедуры. В связи с этим достоверность показаний несовершеннолетнего не может определяться исключительно по степени его уверенности в сообщаемых сведениях или по эмоциональной насыщенности рассказа.

Феномен ложной памяти имеет существенное значение для уголовного судопроизводства, поскольку указывает на то, что несовершеннолетний не во всех случаях сообщает заведомо ложные сведения. Ребенок может добросовестно воспроизводить информацию, полученную им после события и впоследствии воспринимаемую как собственное воспоминание. По этой причине наводящие вопросы, многократное повторение одинаковых формулировок, давление со стороны взрослых, а также стрессовая обстановка допроса способны существенно исказить содержание и детали показаний.

В целях предупреждения судебной ошибки при получении и проверке показаний несовершеннолетних целесообразно применять специальные тактические приемы, отличные от используемых при допросе взрослых. Приоритет следует отдавать свободному изложению обстоятельств ребенком, использованию нейтральных уточняющих вопросов, исключению подсказок, а также фиксации первоначальной версии показаний. Проверка показаний на месте должна применяться не для подтверждения заранее сформированной версии расследования, а для критической проверки сведений, исходящих от несовершеннолетнего, с возможностью их сопоставления с объективной обстановкой и иными доказательствами по делу.

Оценка показаний несовершеннолетнего должна включать не только анализ их содержания, но и проверку условий их формирования. В частности, подлежат установлению обстоятельства общения с ребенком до допроса, содержание и характер задаваемых ему вопросов, соблюдение процессуальных гарантий, участие педагога, психолога, защитника и (или) законного представителя, а также наличие признаков внушения или эмоционального давления. Комплексная проверка указанных факторов позволяет снизить риск использования недостоверных показаний несовершеннолетнего и обеспечить более эффективную защиту его прав в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Белкин Р. С. Курс криминалистики. Том 3. Москва: Юристъ, 1997. 480 с.

[2] Гвилия Д. М. Криминалистическая тактика проверки показаний на месте при расследовании преступлений в сфере экономики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2007. 30 с.

[3] Земляков А. В. Тактика выявления ложных показаний при проведении допроса. Вестник Института права Башкирского государственного университета, 2025, том 8, № 4(28), с. 298–308.

[4] Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Крас-

ноярск: Красноярский государственный университет, 2000. 256 с.

[5] Пинчук Л. В. Понятие и признаки проверки показаний на месте. Вестник Сургутского государственного университета, 2024, том 12, № 1, с. 105–112.

References:

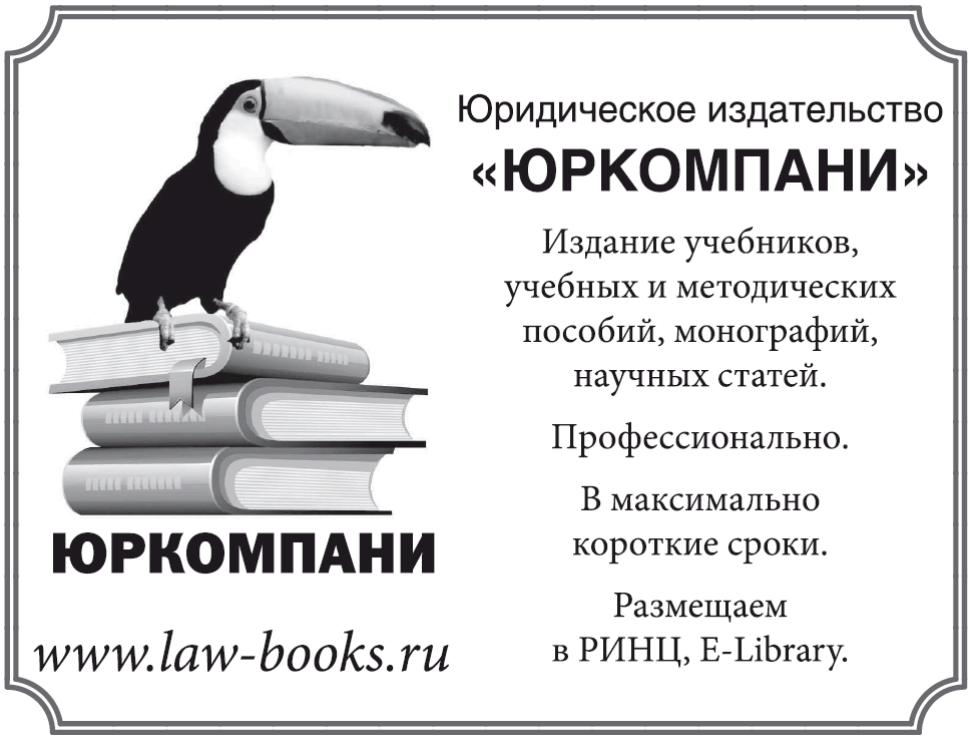
[1] Belkin R. S. Forensic Science Course. Volume 3. Moscow: Lawyer, 1997. 480 s.

[2] Gvilia D.M. Forensic tactics of checking testimony on the spot when investigating crimes in the field of economics: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 30 s.

[3] Zemlyakov A. V. Tactics of identifying false testimony during interrogation. Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University, 2025, volume 8, No. 4 (28), p. 298-308.

[4] Nazarov A.D. Investigative errors in the pre-trial stages of the criminal process. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2000. 256 s.

[5] Pinchuk L.V. Concept and signs of on-site verification of readings. Bulletin of Surgut State University, 2024, volume 12, No. 1, p. 105-112.



МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-220-223

АЛЕШИНА Александра Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
e-mail: aaleshina23@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена вопросам, связанным с исследованием правовой природы международного частного права, в связи с наличием различных концептуальных подходов в понимании его сути, что показывает сложный и многогранный характер данного явления. Проводится анализ основных агрументов в поддержку того или иного научного подхода для повышения эффективности правоприменения.*

Ключевые слова: *международное частное право, правовая природа, международно-правовая концепция, национально-правовой подход, полисистемный комплекс, правоприменение.*

ALESHINA Aleksandra Vladimirovna,
Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE MAIN SCIENTIFIC APPROACHES TO UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. *This article is devoted to issues related to the study of the legal nature of private international law, due to the presence of various conceptual approaches in understanding its essence, which shows the complex and multifaceted nature of this phenomenon. The main agruments are analyzed in support of a particular scientific approach to improve the effectiveness of law enforcement.*

Key words: *international private law, legal nature, international legal concept, national legal approach, polysystem complex, law enforeement.*

Современный миропорядок и всесторонние взаимосвязи между различными государствами требуют наличия специальных инструментов и рычагов для их взаимодействия, среди которых особое место занимает международное частное право, правовая природа которого до сих пор не имеет единого осознания среди научного сообщества, в связи с чем, вопрос, касающийся места международного частного права в системе права, остается до сих пор актуальным и дискуссионным.

Международное частное право (далее - МЧП), являясь в своем роде уникальным явлением, имеет взаимосвязь с международным публичным и национальным правом, что и порождает, в свою очередь, существование различных правовых подходов, касающихся его сути.

Конечно, любое научное исследование должно проистекать и иметь в своей основе теоретическое и практическое осмысление тех или иных компонентов, составляющих основу того или иного явления.

Так, для повышения эффективности правоприменения в контексте разрешения частноправовых споров, а также при реализации цели уяснить сущность и особенности МЧП, нам потребуются определенные ориентиры.

К таковым можно отнести непосредственно сами правоотношения, регулируемые МЧП, используемые методы правового регулирования, источники, правовые нормы, без которых невозможно добиться разрешения различного рода вопросов, входящих в сферу МЧП, и, конечно, субъектов таких отношений.

В науке на протяжении длительного времени сформировалось несколько подходов по

данному вопросу. Так, достаточно распространенным является видение МЧП частью общего международного права. Эта точка зрения характерна как для Московской, так и Санкт-Петербургской научной школы (В.Э. Грабарь, А.М. Ладыженский, Л.Н. Галенская и др.).

Так, А.М. Ладыженский, в частности, отмечал, что «...по своей природе нормы международного характера, которые регулируют отношения частного характера, являются международными публично-правовыми. Они имеют международно-правовой характер, так как устанавливают господство различных государств по их применению (публичное господство), иначе говоря, создают публичные права одного государства в отношении других государств касательно права применять данные нормы и требовать их применения» [3, с. 17].

Важно, что последователи данного подхода также указывали на сходство предмета правового регулирования в рамках международного публичного и частного права, имея в виду международные отношения.

Однако данное утверждение можно подвергнуть сомнению, поскольку одного лишь факта наличия иностранного элемента в частноправовых отношениях, недостаточно для отнесения таковых к единому предмету с международным публичным правом.

Многие ученые приводят определение предмета МЧП как «частноправовых отношений международного характера». Однако, как отмечает Т.В. Новикова, «...следует признать, что указанная дефиниция носит весьма условный характер, поскольку включение тех или иных отношений в предмет международного частного права определяется главным образом целевой направленностью регулирования в данной области юриспруденции, нежели их сущностными характеристиками и качественным единообразием. Это и понятно, так как всякая система целеориентирована и, по признанию системологов, системы специально конструируются под определенные цели» [6, с. 126].

В качестве еще одного аргумента выступает утверждение о том, что международные договоры и обычаи, признаваемые на международном уровне, являются одновременно источниками МЧП и международного публичного права. Да, конечно, следует согласиться с данным постулатом, но при этом следует учитывать, что в данном случае мы говорим лишь о форме выражения тех или иных правовых норм, а не о действии одного и того же международного источника в рамках урегулирования частных либо публичных международных отношений.

Более того, Т.В. Новикова, полагает, что «...принадлежность нормативных актов, выступающих источниками какой-либо области правового регулирования, относится к несущественным, формальным признакам данной области, в то время как существенными признаками являются содержание отношений, составляющих ее предмет, а также специфика методов, используемых для такого регулирования. Именно потому, что ученые пытаются определить правовую природу международного частного права на основе несущественного признака, их попытки не приводят к успеху, а упомянутая дискуссия обещает остаться вечной» [6, с. 125]. На наш взгляд, следует согласиться с данной точкой зрения, поскольку именно предмет и методы правового регулирования кладутся в основу для разграничения одной отрасли от другой.

Несколько иного подхода придерживаются цивилисты, которые считают МЧП частью гражданского права каждого государства (М.М. Агарков, О.Н. Садиков, А.Л. Маковский и др.).

Данный подход зиждется также на общности предмета, имея в виду характер отношений, свойственных гражданскому праву, и сходстве источников правового регулирования, руководствуясь формами выражения правовых норм на внутригосударственном уровне, таких как законы, подзаконные акты, обычаи, доктрину и т.д.

Конечно, в каждом подходе есть свои «позитивные» аргументы, иначе вопрос о правовой природе МЧП был бы давно решен, но и здесь невозможно с ними согласиться в абсолюте.

Как отмечает Н. Х.-А. Рахмонкулова, «...международное частное право тесно связано с гражданским правом. Однако международный характер регулируемых правоотношений свидетельствует об ошибочности с теоретической точки зрения единого подхода к их изучению. Частный и международный характер отношений, регулируемых посредством международного частного права, особенности метода правового регулирования указывают на специфику предмета данной отрасли. Если считать международное частное право в качестве подотрасли гражданского права, теряются его весьма важные черты и особенности» [8, с. 100].

Также невозможно не признать, что отношения, регулируемые МЧП, намного шире, нежели носящие исключительно гражданско-правовой характер. Речь идет о трудовых, семейных и иных отношениях, которые абсолютным образом являются предметом МЧП.

Стоит коснуться и другого концептуального подхода, согласно которому МЧП представлено как полисистемный комплекс, представляющий собой конгломерат норм международного и национального происхождения.

Так, Р. А. Мюллерсон отмечал полиси-

стемность международного частного права через призму комплексности его норм – «...нормы, которые, имея внутригосударственное или международное происхождение, являются коллизионными по своему назначению, объединяются с нормами материальными, носящими национальный и международный характер. Все эти нормы не воссоздают единую систему, а имеют свое действие отдельно в рамках внутригосударственного права или международного, имея своей целью урегулировать неправительственные отношения» [5, с. 82].

Проанализировав все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что логичнее и правильнее рассматривать МЧП как самостоятельную отрасль внутригосударственного права (И.С. Перетерский, Л.А. Лунц, М.М. Богуславский и др.).

В поддержку такого подхода можно привести достаточно много весомых аргументов. Это и собственный предмет, методы правового регулирования (коллизионно-правовой и материальный). Конечно, невозможно не отметить, что именно МЧП присущ такой специфический правовой инструмент как коллизионные нормы, которые как раз и помогают разрешить возникающую правовую коллизию из-за наличия в правоотношениях иностранного элемента.

Как указывает М.Н. Кузнецов, «...коллизионная норма, в целом имея отсылочный характер, обладает регулятивной функцией, которая состоит в том, чтобы данная норма служила основанием для применения материального, а в ряде случаев и коллизионного права иностранного государства либо системы норм международного соглашения. Данная функция сохраняет свое действие до полного урегулирования спорного отношения и не может прекратиться сразу после нахождения компетентного материального права» [2, с. 53].

Ну и в отличие от международного публичного права, которое является единым для всех государств, МЧП существует в каждом отдельном государстве и может существенным образом отличаться.

Как справедливо подчеркивал Л. А. Лунц, «...международное частное право как отрасль права и отрасль юриспруденции считается кругом отношений, возникающих в международной жизни, имеющих гражданско-правовую природу в широком смысле этого слова» [4, с. 12].

Таким образом, аргументы, исходящие из таких крайне важных критериев, как предмет, метод правового регулирования, нормы посредством которых происходит специфическое разрешение правовой коллизии, позволяют согласиться с данным видением международного частного права.

По мнению В.Ф. Попондопуло, «...наличие иностранного элемента в отношениях, регулируемых МЧП, и использование коллизионного метода регулирования указанных отношений не изменяет их природы как имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников» [7, с. 93].

Таким образом, можно прийти к выводу, что выявление правовой природы МЧП влияет на понимание его сущности и тем самым дает возможность правоприменителю наиболее эффективно реагировать на сегодняшние вызовы правовой реальности с точки зрения разрешения таких специфических частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Список литературы:

[1] См.: Алешина А.В., Косовская В.А. Международное частное право в схемах и таблицах. - Ростов н/Д.: Феникс, 2014. - 350 с.

[2] Кузнецов М.Н. Коллизионные нормы как основа международного частного права // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 52-54.

[3] Ладыженский А. М. К вопросу о юридической природе так называемого международного частного права // Вестник МГУ. 1948. № 5. С. 17.

[4] Лунц Л. А. Курс международного частного права. В 3-х т. Общая часть. М., 1973. - 250 с.

[5] Мюллерсон Р. А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие // Советский ежегодник международного права. 1985. М., 1986. С. 80-88.

[6] Новикова Т.В. К вопросу о правовой природе международного частного права // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 124-127.

[7] Попондопуло В.Ф. Международное частное право: природа и тенденции развития // Российский юридический журнал. 2018. № 2 (119). С. 91-99.

[8] Рахмонкулова Н. Х.-А. Правовая природа международного частного права и его место в ситсеме права // Государство и право. 2017. № 7. С. 99-103.

References:

[1] See: Aleshina A.V., Kosovskaya V.A. Private international law in charts and tables. - Rostov n/d.: Phoenix, 2014. - 350 s.

[2] Kuznetsov M.N. Conflict rules as the basis of private international law // Education. Science. Scientific cadres. 2019. № 1. S. 52-54.

[3] Ladyzhensky A.M. On the legal nature of the so-called private international law // Bulletin of Moscow State University. 1948. № 5. S. 17.

[4] Luntz L. A. Private International Law

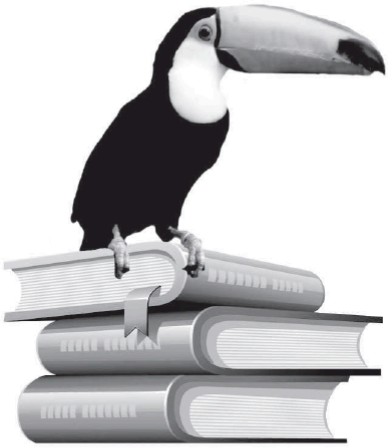
Course. In 3 tons. General part. M., 1973. - 250 s.

[5] Mullerson R. A. Public International and Private International Law: Relation and Interaction // Soviet Yearbook of International Law. 1985. M., 1986. S. 80-88.

[6] T.V. Novikova On the legal nature of private international law // Theory and practice of social development. 2016. № 12. S. 124-127.

[7] Popondopulo V.F. Private International Law: Nature and Development Trends // Russian Law Journal. 2018. № 2 (119). S. 91-99.

[8] Rakhmonkulova N. Kh.-A. The legal nature of private international law and its place in the system of law // State and law. 2017. № 7. S. 99-103.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-224-232

ТИМОФЕЕВА Мария Николаевна,
аспират 3 курса кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена,
e-mail: maria.n.suslova@gmail.com

Научный руководитель:
АЛЕШИНА Александра Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБУЧЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности международно-правового регулирования искусственного интеллекта, связанные с противоречиями между необходимостью его обучения и защитой авторского права. Проводится анализ международно-правового регулирования процесса обучения искусственного интеллекта. Рассматриваются проблемы, связанные с гармонизацией правовых подходов к регулированию обозначенных вопросов и формированием эффективных механизмов правовой защиты авторского права в условиях трансграничного использования объектов авторского права. На основе анализа международных стандартов предлагаются рекомендации по улучшению системы охраны авторского права в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *авторское право, международное право, обучение искусственного интеллекта, исключения и ограничения в авторском праве, охрана авторских прав.*

TIMOFEEVA Maria Nikolaevna,
3rd year postgraduate student of the Department of International Law
of the Herzen University

Supervisor:
ALESHINA Aleksandra Vladimirovna,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: PROBLEMS RELATED TO THE TRAINING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the features of international legal regulation of artificial intelligence, related to the contradictions between the need to train it and the protection of copyright. An analysis is carried out of the international legal regulation of the process of training artificial intelligence. The problems associated with harmonizing legal approaches to regulating the issues in question and with the development of effective mechanisms for the legal protection of copyright in the context of cross-border use of copyright objects are considered. Based on the analysis of international standards, recommendations are proposed for improving the system of copyright protection in the Russian Federation.*

Key words: *copyright, international law, artificial intelligence training, exceptions and limitations in copyright, copyright protection.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ), в том числе систем, способных генерировать тексты, изображения, звук и иные результаты, вызвало комплекс вопросов, возникающих на стыке авторского права, охраны баз данных, защиты персональной информации и коммерческой тайны. Научные и промышленно-прикладные практики обучения ИИ опираются на технологии интеллектуального анализа текста и данных в цифровой форме или, с английского, Text and Data Mining (пер. англ. - «добыча / извлечение текста и данных»; далее — ИАТД), которые предполагают автоматизированный анализ, воспроизведение и выявление

закономерностей в больших массивах произведений и иных материалов. Возникает коллизия между исключительными правами правообладателей на воспроизведение и переработку и общественным интересом к научному прогрессу, развитию конкурентного рынка систем ИИ и обеспечению трансграничной совместимости правовых режимов.

Актуальность исследуемой темы обусловлена неизбежным развитием технологий ИИ, для обучения которого необходим анализ данных, находящихся под защитой авторского права.

Целью статьи выступает выявление особенностей международно-правового регулирования процесса обучения искусственного интеллекта, анализ международных стандартов, а также предложение научно обоснованной модели имплементации исключений для ИАТД в российское законодательство.

Задачами исследования являются систематизация международной практики исключений для ИАТД, анализ их применимости к обучению ИИ, разработка предложения о правовых механизмах для внедрения в законодательство Российской Федерации.

Методология сочетает сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод, а также системный подход к взаимодействию авторского права с режимами защиты баз данных, персональных данных, коммерческой тайны и технологических мер.

Можно выделить следующих исследователей, которые занимаются вопросами, связанными с регулированием права интеллектуальной собственности в условиях развития и обучения ИИ: К.М. Беликова, Е.Н. Кутузова, К.А. Беляева, Л. А. Новоселова, О. А. Рузакова, Е. С. Гринь, В.А. Чумаченко, М.В. Шугуров, И.В. Шугурова, И. А. Филипова и др.

Результаты исследования можно сформулировать следующим образом: 1) обучение генеративного ИИ неизбежно опирается на массовую обработку произведений и иных материалов, что ставит перед авторским правом задачу по поиску баланса интересов; 2) международный опыт последних лет показывает эффективность двух взаимодополняющих направлений: нормативного закрепления пределов допустимого анализа через исключения для ИАТД и процедурных и технических гарантий добросовестности, прозрачности и пропорциональности мер защиты; 3) европейская двухуровневая модель, состоящая из обязательного исследовательского исключения и общего исключения с механизмом «opt-out» — при корректной настройке взаимодействия с охраной баз данных, технологическими мерами и договорным правом обеспечивает предсказуемые условия для науки и инноваций, не подрывая нормального использования произведений; 4) российская правовая система пока не содержит специального ИАТД-исключения - имплементация предложенной двухуровневой конструкции, с гибкими судебными и внесудебными механизмами, с развитием коллективного управления и типового лицензирования, представляется оптимальным путём для достижения баланса.

К ключевым выводам исследования можно отнести то, что тенденция трансграничного масштабирования технологий ИИ неизбежно влечет за собой необходимость реконструкции и дополнения основных нормативных документов, нацеленных на охрану авторского права.

Настоящая статья направлена на анализ зарубежного правового опыта и выработку сбалансированного режима использования охраняемых объектов при ИАТД, применимого к обучению ИИ, который соответствовал бы критериям технологических мер защиты информации и был сопоставим с ведущими зарубежными моделями.

В связи с продолжающимся и неизбежным развитием ИИ правовой мир вступает в новую эпоху технологической революции. Несмотря на то, что некоторые исследования говорят о том, что ИИ лишь к 2080 году сможет максимально приблизиться к человеческой изобретательности, уже сегодня возможно создание полноценного сайта, сложного музыкального произведения или реалистичного видеоролика по заданным параметрам за несколько минут. В российском праве «искусственный интеллект» впервые был закреплен в 2020 году, однако, рамочный характер определения не передавал всего многообразия и сложности современных систем ИИ. В рамках настоящей статьи предлагается использовать следующие определения основных понятий.

В соответствии с определением, данным Регламентом ЕС об искусственном интеллекте в 2024 году, ИИ — это «машинная система, которая может работать с разной степенью автономности, может проявлять адаптивность после развёртывания и на основе полученных входных данных определяет, как генерировать выходные — прогнозы, контент, рекомендации или решения, способные влиять на физическую или виртуальную среду» [16]. Выходы таких систем могут порождать отдельные риски «воспроизведения» охраняемых фрагментов, однако чаще всего представляют собой новую комбинацию признаков, на которую воздействуют статистические зависимости.

Под ИАТД, в соответствии с положениями п. 2 ст. 2 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза (ЕС) от 17.04.2019 г. № 2019/790 (далее — Директива № 2019/790), подразумевается любой автоматизированный аналитический метод нацеленный на анализ текста и

данных в цифровой форме для получения информации, включающей модели, тенденции и корреляции, но при этом, данный метод не ограничивается исключительно ими [17]. В юридическом измерении ИАТД предполагает воспроизведение результатов интеллектуальной деятельности в цифровую память, временные и долговременные копии, а также извлечение существенных частей из баз данных, что затрагивает исключительные права.

Исключения и ограничения в авторском праве - законодательно закрепленные разрешенные формы использования авторских произведений без согласия на то правообладателя при соблюдении условий так называемого трёхступенчатого теста: в особых случаях, не препятствующих нормальному использованию произведения и не ущемляющих законные интересы правообладателей. Исследователи Окедиджи и Гугенхольц подчеркивают, что ограничения и исключения в авторском праве являются допустимыми законодательными инструментами, «которые уменьшают права правообладателей в определенных обстоятельствах с тем, чтобы учитывать интересы определенных групп пользователей или общества в целом» [1]. Иными словами, ограничения и исключения обозначают рамки осуществления исключительных прав, которые в свою очередь нацеленны на удовлетворение материальных интересов правообладателей и авторов.

Международные стандарты и ориентиры в области защиты авторских и смежных прав закреплены в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года, которая обозначает минимальные необходимые стандарты охраны и допускает упомянутые выше национальные исключения при соблюдении трёхступенчатого теста [18]. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Далее - Соглашение ТРИПС) повторяет этот подход и гласит, что «Члены сводят ограничения или изъятия в отношении исключительных прав до некоторых особых случаев, которые не вступают в противоречие с обычным использованием произведения и необоснованно не ущемляют законные интересы правообладателя» [19].

В цифровую эпоху дополнительные обязательства государств закрепляются Договором ВОИС по авторскому праву и Договором ВОИС по исполнениям и фонограммам, предусматривающими охрану технологических мер защиты и информации об управлении правами. Эти договоры не содержат прямого регулирования ИАТД, однако не запрещают принятия национальных исключений при соблюдении теста и добросовестности пользователей [20, 21].

Международные организации выступают площадками выработки ориентиров для формирования правовой политики. Всемирная организация интеллектуальной собственности в рамках «Дискуссии ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности (ИС) и передовых технологий» обозначила ключевые вопросы: значение «законного доступа» для ИАТД, допустимость копирования для обучения, пределы договорной автономии при установлении запретов, прозрачность наборов данных, предотвращение «утечек» охраняемых фрагментов в выходах [22].

Стоит согласиться с исследователями М.В. и И.В. Шугуровыми, которые отмечают, что региональные инициативы ЕС акцентируют внимание на необходимости совместимости национальных решений для трансграничных проектов обучения, поскольку наборы данных, доступы и вычислительные мощности распределены по юрисдикциям [2]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) регулярно публикует исследования и рекомендации относительно регулирования технологий ИИ. Эти документы охватывают широкий спектр проблем, включая защиту интеллектуальной собственности, конфиденциальность, прозрачность алгоритмов и ответственность разработчиков [3].

Представляется необходимым провести сравнительный обзор регионального и национального правового регулирования ИАТД и обучения ИИ, начав с Европейского союза. Директива 2019/790 о цифровом едином рынке закрепила двухуровневую модель исключений для ИАТД. В соответствии со ст. 3, закрепляется обязательное исключение для научных исследований, распространяющееся на научные организации и учреждения культурного наследия при наличии законного доступа к материалам. При этом договорное «обнуление» исключено, правообладатели могут применять соразмерные технические меры для защиты инфраструктуры, но не для блокирования правомерного анализа. Второй уровень закреплен в ст. 4 и включает общее исключение, допускающее ИАТД в любых целях при условии законного доступа и при отсутствии выраженного машиночитаемого запрета со стороны правообладателя [23].

Следует особо подчеркнуть экстерриториальный характер действия Директивы. В соответствии с п. 22 преамбулы, она применяется не только к поставщикам и разработчикам, зарегистрированным в ЕС, но и к тем, кто находится в других странах. При этом применение закона должно быть соразмерно использованию результатов той или иной системы ИИ на территории ЕС. Однако, по мнению Й. П. Квинтаиса, преамбула не обладает обязательной силой, а ее основная функция выражается в разъяснении и закреплении основной цели документа [4].

Государства-члены ЕС внедрили соответствующие нормы в 2021–2023 гг., синхронизировав их с охраной баз данных, положения о которых закреплены в Директиве 96/9/ЕС, и режимами технологических мер. Важной практической составляющей стало требование к «машиночитаемому отказу», реализуемому посредством метаданных и стандартов для сетевых ресурсов.

Великобритания сохранила исключение для ИАТД в исследовательских некоммерческих целях, о чем говориться в Законе об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года [24]. Попытка расширить его на коммерческие цели в 2022–2023 гг. не увенчалась принятием закона и правительство сосредоточилось на разработке добровольного кодекса практики между индустрией ИИ и правообладателями. В результате, в отличие от ЕС, правовой режим Великобритании остаётся фрагментарным [2].

Анализируя правовую базу США, К.Ю. Волкова подчеркивает, что американцы применяют доктрину добросовестного использования. Судебная практика по оцифровке библиотечного и поискового индексов признала допустимость массового копирования в трансформативных целях анализа, индексирования и поиска при отсутствии подмены рынков оригиналов [5]. В последнее время развернулась дискуссия о применимости этих подходов к обучению генеративных моделей ИИ. По мнению А. В. Дюжаковой, регуляторные разъяснения подчеркивают, что такие споры часто зависят от различных факторов и характеризуют данную модель как не самую эффективную [6].

Япония ввела в 2018 г. широкое исключение для «извлечения информации» (аналог ИАТД), допускающее анализ для любых целей при наличии законного доступа. Как верно подчеркивает Е.Н. Кутузова, эта модель не предусматривает так называемого механизма «opt-out» для правообладателей, который можно определить как соглашение, не предполагающее согласие по умолчанию на использование авторского контента для обучения ИИ [7]. Именно поэтому большинством научного сообщества данная модель считается одной из наиболее неблагоприятных для правообладателей [8].

На этой почве возникает коллизия – будет ли использовать ЕС системы ИИ, обученные за пределами Европейского союза способом, противоречащим главным принципам закона об ИИ ЕС. Как утверждает А. Пеукерт, процесс обучения модели ИИ должен соответствовать основным принципам ЕС для выхода на его рынки [9]. Однако, исследователь Й. П. Квинтаис считает, что если сбор и анализ информации, на основе которых была создана модель, реализовывался за пределами ЕС, то он не обязан соответствовать законодательству ЕС об авторском праве, в том числе и ст. 4 Директивы (ЕС) 2019/790 [4].

По мнению Б. Е. Семенюты, европейская модель обладает рядом достоинств и недостатков, однако, грамотное ее развитие и уточнение сможет быть достойным механизмом регулирования интересующих вопросов [10].

Сингапур в Законе об авторском праве 2021 г. закрепил исключение для «вычислительного анализа данных» для любых целей при условии законного доступа, при этом договорное «обнуление» исключения недопустимо, а обход технологических мер запрещён.

Канада и Австралия в 2023–2024 гг. провели консультации по реформированию авторского права в связи с развитием ИИ. В своей статье К.М. Беликова отмечает, что в настоящее время рассматриваются модели по образцу ЕС и Сингапура, включая исследовательский приоритет и механизмы «opt-out» [11].

Китай и Республика Корея сосредоточены на соблюдении авторских прав и требованиях прозрачности в рамках актов об ИИ. Специальных ИАТД-исключений нет, регулирование осуществляется на основе общих норм и ведомственных разъяснений [12].

В результате вышесказанного складываются три типовые модели:

Европейская двухуровневая, заключающаяся в обязательном исследовательском исключении и общем исключении с «opt-out»;

Модель с широкими исключениями для любых целей при законном доступе (Япония, Сингапур);

Казуистическая модель добросовестного использования (США).

Выбор модели влияет на предсказуемость условий обучения, транзакционные издержки и возможности трансграничной деятельности.

Стоит отметить, что авторское право не единственное, что попадает в так называемую зону риска, которая создается вследствие развития технологий ИИ. Существуют также перекрёстные ограничения, в перечень которых следует отнести, например, персональные данные.

В ЕС действует Общий регламент о защите данных (GDPR), вступивший в силу в 2018 году. Россия частично переняла европейский подход, приняв Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 2006 года. Оба документа гласят, что обработка должна опираться на законные основания - согласие, исследовательские цели, законный интерес с оценкой последствий – и сопровождаться мерами по минимизации данных. Многие исследователи сходятся во мнении, четко сформулированном в работах Б. А. Окишева: «исключения авторского права не должны подменять требований законодательства о персональных

данных» [13].

Российское право предоставляет защиту базам данных как объектам авторского права (как результат компиляционной деятельности) и через специальное право изготовителя базы данных на извлечение и повторное использование существенных частей в течение ограниченного срока. ИАТД может затрагивать это право даже при законном доступе.

Коммерческая тайна охраняет не только содержание закрытых наборов, но и их структуру, методики и иные сведения, имеющие экономическую ценность при соблюдении режима конфиденциальности. По мнению В.А. Чумаченко, использование таких наборов для обучения требует согласия правообладателя [14].

Вышеизложенные области риска, безусловно, требуют технологических мер защиты и информации о правообладателе. В силу обязательств по Договорам ВОИС, недопустим обход эффективных технологических мер и удаление информации об управлении правами. Такой же подход закреплен в нормах части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Мы приходим к выводу, что исключения для ИАТД должны строиться на принципе «законного доступа» и предусматривать совместимость с техническими средствами правообладателей, иначе возникает риск нарушения международных обязательств и внутренних норм.

Практика лицензионных договоров и условий использования онлайн-ресурсов часто включает запреты на автоматизированный сбор и анализ данных, даже при наличии индивидуальной подписки. В ряде юрисдикций (ЕС, Сингапур), как уже говорилось ранее, договорное «обнуление» ключевых исключений запрещено. Нельзя не согласиться с мыслью Е.Н. Кутузовой и К.А. Беляевой о том, что отсутствие аналогичной императивной нормы в России ведёт к блокированию ИАТД в силу договорных условий [7].

Анализируя российский правовой контекст, следует отметить, что часть четвёртая ГК РФ построена на закрытом перечне исключений и ограничений. Специальной нормы, допускающей ИАТД, не предусмотрено. Массовое техническое воспроизведение, индексирование и анализ произведений, характерные для обучения ИИ, не укладываются в существующие случаи свободного использования, такие как цитирование, иллюстрации в учебных целях, воспроизведение библиотеками, «временные записи» и др.

В итоге для обучающих проектов, особенно научных, возникает правовая неопределённость, которая увеличивает транзакционные издержки, стимулирует закрытые модели обучения на ограниченных лицензированных наборах и снижает конкурентоспособность исследовательского сектора. По мнению Л. А. Новоселовой, О. А. Рузаковой и Е.С. Гринь, отдельные секторы, например, государственные открытые данные, частично решают проблему, но их охват и качество ограничены, а правовой статус произведений третьих лиц в объединенных наборах может быть неоднородным [15].

На основе вышеизложенного, представляется логичным, что правовая модель для регулирования исключений и ограничений авторского права для обучения ИИ, которая внедрена Директивой 96/9/ЕС, является наиболее универсальной и подходящей для имплементации в законодательство Российской Федерации. В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть европейскую двухуровневую конструкцию исключений и сформулировать основные принципы новой нормы права для внедрения в российское законодательство.

Уровень 1: «обязательное исследовательское исключение для ИАТД».

Субъектами данного исключения будут выступать научные организации, образовательные учреждения, учреждения культурного наследия, иные лица, выполняющие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по государственным заданиям или в рамках аккредитованных программ. Предметом - использование произведений, объектов смежных прав и охраняемых баз данных для ИАТД при наличии законного доступа (полученного по закону, договору или из открытого источника без нарушения условий доступа).

Уровень 2: «общее исключение для ИАТД в любых целях с возможностью «машиночитаемого отказа» («opt-out»)».

Субъектами данного уровня исключений являются любые лица, осуществляющие ИАТД при законном доступе.

Необходимо соблюдение следующего условия - правообладатель может выразить отказ от применения исключения в отношении конкретных произведений и ресурсов посредством машиночитаемых средств, устанавливаемых подзаконными актами, при этом отказ должен быть явным, доступным для автоматического распознавания и не противоречить принципам добросовестности.

Предлагается ограничить рамки договора в пределах заявленного механизма «opt-out» без возможности разрушить само исключение (например, абсолютные запреты при отсутствии технически реализованного отказа).

Представляется необходимым сформулировать основные принципы ИАТД, которые могут быть изложены в следующей форме:

Принцип пропорциональности мер защиты (т.е. правообладатели применяют меры,

предотвращающие нанесение вреда инфраструктуре, но не блокируют правомерный ИАТД, в то время как пользователи применяют меры для предотвращения «утечек» охраняемых фрагментов в выходах);

Принцип усиления прозрачности для поставщиков систем общего назначения — публикация сводной информации об обучающих наборах (без раскрытия коммерческой тайны), в целях верификации соблюдения авторского права.

Распространение исключений на право изготовителя базы данных и объекты смежных прав.

Наиболее логичным, на наш взгляд, представляется закрепление подобных положений в части четвёртой ГК РФ в качестве отдельной статьи об исключении для ИАТД, а также ее дополнение подзаконными актами, устанавливающими стандарты машиночитаемого отказа и процедуры доступа для исследовательских целей.

Анализ зарубежного правового опыта позволяет сделать вывод о том, что тенденция масштабирования технологий ИИ неизбежно влечет за собой необходимость пересмотра и дополнения основных нормативных документов, направленных на защиту авторского права. При этом существуют все условия для выработки сбалансированного режима использования охраняемых объектов при ИАТД, применимого к обучению ИИ, который соответствовал бы критериям технологических мер защиты информации и был сопоставим с ведущими зарубежными моделями.

В заключение следует отметить, что обучение моделей ИИ неизбежно связано с обработкой больших массивов информации, часть из которой находится под защитой авторского права. В связи с этим возникает необходимость в поиске баланса между интересами авторов и развитием технологий искусственного интеллекта.

Опыт зарубежных стран наглядно показывает, что регулирование данного вопроса строится на основе двух направлений: нормативного закрепления пределов допустимого анализа через исключения для ИАТД и процедурных и технических гарантий добросовестности, прозрачности и пропорциональности мер защиты.

Как отмечалось ранее, европейская двухуровневая модель, состоящая из обязательного исследовательского исключения и общего исключения с механизмом «opt-out», является наиболее сбалансированной и благоприятной как для авторов, так и для разработчиков моделей ИИ.

Российская правовая система пока не содержит специального ИАТД-исключения, что создаёт правовую неопределённость и ограничивает обучение ИИ. По мнению авторов, имплементация предложенной Европейским союзом двухуровневой конструкции представляется оптимальным путём для достижения баланса интересов.

Сочетание материально-правовых норм и процедурных гарантий создаст условия для развития отечественных исследований и индустрии ИИ, обеспечит права российских правообладателей в новых моделях использования и повысит трансграничную совместимость. Современная отечественная и зарубежная доктрина подтверждает, что отсутствие ясных правил затормаживает прогресс и приводит к фрагментации практики, и, напротив, чёткое и пропорциональное регулирование формирует предсказуемую правовую среду, необходимую для устойчивого развития технологий и культуры.

Список литературы:

[1] Hugenholtz B.P., Okediji R. Conceiving an international instruments on limitations and exceptions to copyright (Study supported by the Open Society Institute) [Электронный ресурс] / B.P. Hugenholtz, R. Okediji // Amsterdam Law School research paper [Электронный ресурс]. - № 2012–43. 57 p. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2017629 (дата обращения: 20.07.26).

[2] Шугуров М.В., Шугурова И.В. Развитие режима исключений и ограничений в авторском праве ЕС в сфере интеллектуального анализа текста и данных [Электронный ресурс] / М.В. Шугуров, И.В. Шугурова // Вестн. Том. гос. ун-та. [Электронный ресурс]. - 2020. № 461. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rezhima-isklyucheniy-i-ogranicheniy-v-avtorskom-prave-es-v-sfere-intellektualnogo-analiza-teksta-i-dannyh (дата обращения: 23.07.2026).

[3] Толкунова П. Проблемы интеллектуальной собственности и авторских прав при обучении искусственного интеллекта. Анализ доклада ОЭСР о скрапинге данных [Электронный ресурс] / П. Толкунова // Режим доступа : https://zakon.ru/blog/2025/04/24/problemy_intellektualnoj_sobstvennosti_i_avtorskih_prav_pri_obuchenii_iskusstvennogo_intellekta_anal (дата обращения: 22.07.2026).

[4] Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act [Электронный ресурс] / J. P. Quintais // [Электронный ресурс]. - August 01, 2024. - Режим доступа : https://ssrn.com/abstract=4912701 (дата обращения: 13.07.2026).

[5] Волкова К.Ю. Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек [Электронный ресурс] / К.Ю. Волкова // Научные и технические библиотеки [Электронный ресурс]. - 2021;(10):15-28. - Режим доступа : https://doi.org/

10.33186/1027-3689-2021-10-15-28 (дата обращения: 22.07.2026).

[6] Дюжакова А. В. Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 8–27. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_8. EDN: RZDORB.

[7] Кутузова Е.Н., Беляева К.А. Согласие или отказ по умолчанию на обучение ии-моделей: авторские права и искусственный интеллект в России [Электронный ресурс] / Е.Н. Кутузова, К.А. Беляева // Аграрное и земельное право [Электронный ресурс]. - 2025. № 5. Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-ili-otkaz-po-umolchaniyu-na-obuchenie-ii-modeley-avtorskie-prava-i-iskusstvennyy-intellekt-v-rossii (дата обращения: 22.07.2026).

[8] Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Т.Е. Орлова // Вопросы российской юстиции [Электронный ресурс]. - 2022. № 21. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-rezultaty-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 24.07.2026).

[9] Peukert A. Copyright in the Artificial Intelligence Act — A Primer [Электронный ресурс] / A. Peukert // GRUR International [Электронный ресурс]. - March 25, 2024. — Vol. 73. — Is. 6. — June 2024. - Режим доступа : https://ssrn.com/ abstract=4771976.

[10] Семенюта Б. Е. Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта. Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 4/2025. С 117-124.

[11] Беликова К.М. Проблема правовой оценки содержания научных и образовательных текстов с позиции роли и места автора в генеративном контенте нейросетей [Электронный ресурс] / К.М. Беликова // Право и политика [Электронный ресурс]. - 2024. № 1. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovoy-otsenki-soderzhaniya-nauchnyh-i-obrazovatelnyh-tekstov-s-pozitsii-roli-i-mesta-avtora-v-generativnom-kontente (дата обращения: 23.07.2026).

[12] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. Journal of Digital Technologies and Law. 2024;2(1): с. 46–73. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4. EDN: awefay.

[13] Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Б. А. Окишев // Проблемы экономики и юридической практики [Электронный ресурс]. - 2024. № 2. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-obrabatyvaemyh-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 24.07.2026).

[14] Чумаченко В.А. Создание и обучение искусственного интеллекта в целях защиты публичного интереса: за и против [Электронный ресурс] / В.А. Чумаченко // Российский научный вестник [Электронный ресурс]. - 2026. № 4. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-obuchenie-iskusstvennogo-intellekta-v-tselyah-zaschity-publichnogo-interesa-za-i-protiv (дата обращения: 28.07.2026).

[15] Новоселова Л. А., Рузакова О. А., Гринь Е. С. Обучение систем искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав vs развитие технологий [Электронный ресурс] / Л. А. Новоселова, О. А. Рузакова, Е. С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки [Электронный ресурс]. - 2026. № 2 (72). - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-zaschita-intellektualnyh-prav-vs-razvitie-tehnologiy (дата обращения: 25.07.2026).

[16] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (дата обращения: 15.07.2026).

[17] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/ EC // Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj (дата обращения: 15.07.2026).

[18] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (дополненная в Париже 4 мая 1896 года, пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 года, дополненная в Берне 20 марта 1914 года и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, измененная 28 сентября 1979 года). Ст. 9 (2). URL: https://docs.cntd.ru/document/1900493 (дата обращения: 16.07.26).

[19] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изменениями на 6 декабря 2005 года). Ст. 13. [Электронный ресурс]: URL: https://docs.cntd.ru/document/

902340087 (дата обращения: 15.07.26).

[20] Договор ВОИС по авторскому праву принят Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901817956 (дата обращения: 16.07.26).

[21] Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам принят Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901817958 (дата обращения: 16.07.26).

[22] WIPO/IP/CONV/GE/2/25/1. October 29, 2025. Conversation on intellectual property (ip) and frontier technologies. Twelfth Session Geneva, October 28 and 29, 2025. Program prepared by the International Bureau of WIPO. P. 3.

[23] Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС, Европейский союз (ЕС). Ст. 3, 4. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18927 (дата обращения: 21.07.2026).

[24] Copyright, Designs and Patents Act 1988. As amended by the legislation indicated overleaf. s. 29A.

References:

[1] Hugenholtz B.P., Okediji R. Conceiving an international instruments on limitations and exceptions to copyright (Study supported by the Open Society Institute) [Электронный ресурс] / B.P. Hugenholtz, R. Okediji // Amsterdam Law School research paper [Электронный ресурс]. - № 2012–43. 57 p. - Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2017629 (access date: 20.07.26).

[2] Shugurov M.V., Shugurova I.V. Development of the EU copyright exclusion and restriction regime in the field of text and data mining [Electronic resource] / M.V. Shugurov, I.V. Shugurova // Westn. Volume. state university. [Electronic resource]. - 2020. № 461. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rezhima-isklyucheniy-i-ogranicheniy-v-avtorskom-prave-es-v-sfere-intellektualnogo-analiza-teksta-i-dannyh (дата обращения: 23.07.2026).

[3] Tolkunova P. Problems of intellectual property and copyright in the training of artificial intelligence. Analysis of the OECD report on data scraping [Electronic resourc] / P. Tolkunova // Access mode: https://zakon.ru/blog/2025/04/24/problem _ intellektualnoj _ sobstvennosti _ i _ avtorskih _ prav _ pri _ obuchenii _ iskusstvennogo _ intellekta _ anal (accessed on: 22.07.2026).

[4] Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act. - August 01, 2024. - Access mode: https://ssrn.com/abstract=4912701 (access date: 13.07.2026).

[5] K.Yu. Volkova. Concepts of fair use and fair dealing in copyright law and their significance for libraries [Electronic resource] K.Yu. Volkova // Scientific and technical libraries [Electronic resource]. - 2021;(10):15-28. - Access mode: https://doi.org/10.33186/1027-3689-2021-10-15-28 (access date: 22.07.2026).

[6] Dyuzhakova A. V. Application of the FairUse doctrine to cases of training generative neural networks // Leningrad Law Journal. – 2024. – № 1 (75). - S. 8-27. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_8. EDN: RZDORB.

[7] Kutuzova E.N., Belyaeva K.A. Consent or default refusal to train ai-models: copyright and artificial intelligence in Russia [Electronic resource] / E.N. Kutuzova, K.A. Belyaeva // Agrarian and land law [Electronic resource]. - 2025. № 5. Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-ili-otkaz-po-umolchaniyu-na-obuchenie-ii-modeley-avtorskie-prava-i-iskusstvennyy-intellekt-v-rossii (дата обращения: 22.07.2026).

[8] Orlova I.E. Copyright on the results of the activities of artificial intelligence [Electronic resource] / I.E. Orlova // Issues of Russian justice [Electronic resource]. - 2022. № 21. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-rezultaty-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 24.07.2026).

[9] Peukert A. Copyright in the Artificial Intelligence Act — A Primer [Электронный ресурс] / A. Peukert // GRUR International [Электронный ресурс]. - March 25, 2024. — Vol. 73. — Is. 6. — June 2024. - Access mode: https://ssrn.com/ abstract = 4771976.

[10] Semenyuta B.E. Protection of copyright objects in the EU when creating artificial intelligence models. Bulletin of the Kutafin University (MSLA). 4/2025. FROM 117-124.

[11] Belikova K.M. The problem of legal assessment of the content of scientific and educational texts from the standpoint of the author's role and place in the generative content of neural networks [Electronic resource] / K.M. Belikova // Law and Politics [Electronic resource]. - 2024. № 1. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovoy-otsenki-soderzhaniya-nauchnyh-i-obrazovatelnyh-tekstov-s-pozitsii-roli-i-mesta-avtora-v-generativnom-kontente (дата обращения: 23.07.2026).

[12] I.A. Filipova. Legal regulation of artificial intelligence: the experience of China. Journal of Digital Technologies and Law. 2024; 2 (1): p. 46-73. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4. EDN: awefay.

[13] Okishev B. A. Features of legal protection of personal data processed using artificial intelligence technologies [Electronic resource]

B. A. Okishev // Problems of economics and legal practice [Electronic resource]. - 2024. № 2. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-obrabatyvaemyh-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 24.07.2026).

[14] Chumachenko V.A. Creation and training of artificial intelligence in order to protect public interest: for and against [Electronic resource] / V.A. Chumachenko // Russian Scientific Bulletin [Electronic resource]. - 2026. № 4. - Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-obuchenie-iskusstvennogo-intellekta-v-tselyah-zaschity-publichnogo-interesa-za-i-protiv (дата обращения: 28.07.2026).

[15] Novoselova L. A., Ruzakova O. A., Grin E. S. Training of artificial intelligence systems: protection of intellectual rights vs technology development [Electronic resource] / L. A. Novoselova, O. A. Ruzakova, E. S. Grin // Bulletin of Perm University. Legal Sciences [Electronic Resource]. - 2026. № 2 (72). - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-zaschita-intellektualnyh-prav-vs-razvitie-tehnologiy (дата обращения: 25.07.2026).

[16] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (accessed on: 15.07.2026).

[17] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/ EC // Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj (access date: 15.07.2026).

[18] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 9 September 1886 (supplemented in Paris on 4 May 1896, revised in Berlin on 13 November 1908, supplemented in Bern on 20 March 1914 and revised in Rome on 2 June 1928, in Brussels on 26 June 1948, in Stockholm on 14 July 1967 and in Paris on 24 July 1971, modified on 28 September 1979). Art. 9 (2). URL: https://docs.cntd.ru/document/1900493 (access date: 16.07.26).

[19] Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (as amended on 6 December 2005). Art. 13. [Electronic resource]: URL: https://docs.cntd.ru/document/902340087 (access date: 15.07.26).

[20] The WIPO Copyright Treaty was adopted by the Diplomatic Conference on December 20, 1996. URL: https://docs.cntd.ru/document/901817956 (access date: 16.07.26).

[21] The WIPO Performance and Phonogram Treaty was adopted by the Diplomatic Conference on December 20, 1996. URL: https://docs.cntd.ru/document/901817958 (access date: 16.07.26).

[22] WIPO/IP/CONV/GE/2/25/1. October 29, 2025. Conversation on intellectual property (ip) and frontier technologies. Twelfth Session Geneva, October 28 and 29, 2025. Program prepared by the International Bureau of WIPO. P. 3.

[23] Directive (EC) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights within the digital single market, supplementing Directives 96/9/EC and 2001/29/EC, European Union (EU). Art. 3, 4. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18927 (access date: 21.07.2026).

[24] Copyright, Designs and Patents Act 1988. As amended by the legislation indicated overleaf. s. 29A.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-233-238

ЗАХАРОВА Анна Юрьевна,
студент магистратуры Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Нотариальная контора, Юристконсульт, e-mail: Zaharova_a7@mail.ru

РОЛЬ МЕДИАТОРА В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ

Аннотация. *В статье рассматривается роль медиатора в урегулировании международных коммерческих споров, возникающих между участниками внешнеэкономической деятельности. Цель исследования заключается в выявлении особенностей правового статуса медиатора и определении его основных функций в процессе разрешения трансграничных конфликтов. Актуальность темы обусловлена ростом международных хозяйственных связей, усложнением договорных отношений и необходимостью сохранения деловой репутации и партнерства между контрагентами.*

В работе отмечается, что международный коммерческий спор часто включает не только правовые, но и финансовые, организационные, логистические и культурные противоречия. Медиация позволяет сторонам обсудить реальные интересы, оценить возможные риски и выработать решение, учитывающее условия конкретного договора и перспективы дальнейшего сотрудничества. Медиатор при этом не выносит обязательного решения и не заменяет суд или арбитраж. Его задача состоит в организации конструктивного диалога, поддержании равноправия участников, снижении эмоциональной напряженности и содействии подготовке взаимоприемлемого соглашения.

Особое внимание уделяется принципам нейтральности, независимости, беспристрастности и конфиденциальности. Подчеркивается значение профессиональной подготовки медиатора, включая владение переговорными техниками, понимание особенностей международного делового оборота и способность учитывать межкультурные различия. Рассматриваются международно-правовые основы медиации, сформированные Типовым законом ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и Сингапурской конвенцией о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации.

В статье сделан вывод, что результативность процедуры определяется добровольностью участия сторон, качеством коммуникации и способностью медиатора помочь участникам сформулировать ясные, реалистичные и юридически исполнимые условия окончательного соглашения. Такой подход способствует снижению издержек, сохранению деловых связей и гибкому разрешению трансграничных разногласий в современной практике международного коммерческого оборота.

Ключевые слова: *медиатор; медиация; международные коммерческие споры; альтернативное разрешение споров; нейтральность; конфиденциальность; медиативное соглашение; Сингапурская конвенция.*

ZAHAROVA Anna YUr'evna,
Master's student Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL), Notary office Legal adviser

THE ROLE OF A MEDIATOR IN RESOLVING INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTES

Annotation. *The article examines the role of a mediator in resolving international commercial disputes arising between participants in foreign economic activity. The aim of the study is to identify the specific features of the mediator's legal status and to determine their main functions in the process of resolving cross-border conflicts. The relevance of the topic is due to the growth of international economic ties, the increasing complexity of contractual relations, and the need to preserve business reputation and partnership between counterparties.*

The paper notes that an international commercial dispute often involves not only legal but also financial, organizational, logistical, and cultural contradictions. Mediation allows the parties to discuss their real interests, assess possible risks, and develop a solution that takes into account the terms of a specific agreement and the prospects for further cooperation. The mediator does not

impose a binding decision and does not replace the court or arbitration. Their task is to facilitate a constructive dialogue, maintain the equality of the participants, reduce emotional tension, and assist in reaching a mutually acceptable agreement.

Special attention is paid to the principles of neutrality, independence, impartiality, and confidentiality. The importance of a mediator's professional training is emphasized, including proficiency in negotiation techniques, an understanding of the specifics of international business transactions, and the ability to take intercultural differences into account. The international legal framework for mediation, as established by the UNCITRAL Model Law on International Commercial Mediation and the Singapore Convention on International Settlement Agreements reached as a result of mediation, is examined.

The article concludes that the effectiveness of the procedure is determined by the voluntary participation of the parties, the quality of communication, and the mediator's ability to help the participants formulate clear, realistic, and legally enforceable terms for the final agreement. This approach helps reduce costs, preserve business relationships, and provide flexible solutions for cross-border disagreements in modern international commercial practice.

Key words: *mediator; mediation; international commercial disputes; alternative dispute resolution; neutrality; confidentiality; mediation agreement; Singapore Convention.*

Международные коммерческие споры редко бывают только юридическим разногласием. Обычно за ними стоят нарушенные сроки поставки, изменение экономической ситуации, логистические ограничения, валютные риски, различие правовых культур и потеря доверия между контрагентами. В таких условиях обычное предъявление требований не всегда приводит к рациональному результату: стороны начинают защищать свои позиции, а не искать практическое решение. Поэтому особое значение приобретает фигура медиатора — нейтрального посредника, который помогает сторонам организовать переговоры и перейти от конфликта к поиску взаимоприемлемого соглашения.

В российском праве процедура медиации определяется как способ урегулирования споров с участием посредника на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [1]. Из этого следует ключевая особенность статуса медиатора: он не выносит решение по спору и не обладает властными полномочиями. В отличие от судьи или арбитра, медиатор не определяет победителя и проигравшего. Его задача состоит в том, чтобы создать условия, при которых стороны сами смогут оценить свои интересы, риски и возможные варианты урегулирования.

Роль медиатора особенно заметна в международных коммерческих спорах, поскольку такие конфликты осложнены иностранным элементом. Участники могут находиться в разных государствах, использовать разные языки договора и переговоров, руководствоваться разными представлениями о добросовестности, сроках исполнения и допустимом стиле делового общения. В подобной ситуации медиатор выступает не просто техническим организатором встречи, а профессиональным посредником, который помогает сторонам понять друг друга и не допустить превращения различий правовых и деловых культур в самостоятельный источник конфликта.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации подчеркивает значение процедурных аспектов медиации: назначения посредника, начала и прекращения процедуры, проведения переговоров, общения медиатора со сторонами, конфиденциальности и последствий достигнутого соглашения [4]. Эти элементы показывают, что деятельность медиатора имеет комплексный характер. Он отвечает не за содержание коммерческой уступки как таковой, а за качество процесса, в рамках которого стороны приходят к этой уступке осознанно и добровольно.

На первой стадии медиатор помогает сторонам договориться о правилах процедуры. В международном споре это может включать выбор языка общения, формата встреч, порядка обмена документами, допустимости отдельных закрытых бесед, сроков предоставления предложений и круга лиц, участвующих в переговорах. Такая организационная функция не является второстепенной. Если порядок процедуры неясен, стороны могут воспринимать действия друг друга как давление или недобросовестность. Медиатор снижает этот риск, поскольку заранее формирует прозрачные и одинаковые для всех участников правила.

Вторая важная функция медиатора связана с выявлением действительных интересов сторон. В коммерческом споре формальная позиция обычно выражается в требовании взыскать денежную сумму, признать нарушение договора или компенсировать убытки. Однако за этой позицией могут скрываться иные интересы: сохранить рынок сбыта, получить товар к определенной дате, избежать публичного конфликта, изменить график платежей, сохранить лицензию или завершить проект без дальнейших претензий. Медиатор помогает сторонам отделить правовую пози-

цию от деловой потребности, а это расширяет пространство возможных решений.

Третья функция медиатора состоит в управлении коммуникацией. Международные коммерческие споры часто сопровождаются резкими письмами, претензиями и взаимными обвинениями. Если такие формулировки переносятся в переговоры, конструктивный диалог становится невозможным. Медиатор переводит конфликтное общение в рабочий формат: уточняет вопросы, переформулирует жесткие высказывания, фиксирует совпадающие интересы, помогает сторонам услышать не только претензию, но и причину ее появления. При этом медиатор не должен искажать позицию стороны или подменять ее волю собственным пониманием справедливости.

Особое значение имеет нейтральность медиатора. Нейтральность означает отсутствие заинтересованности в исходе спора и равное отношение к сторонам. В международных коммерческих отношениях даже внешний признак зависимости может повлиять на доверие к процедуре: прежняя работа медиатора с одной из сторон, финансовая зависимость от конкретного медиативного центра, родственные или деловые связи с представителями участников. Поэтому медиатор обязан раскрывать обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в его независимости или беспристрастности. Без доверия к медиатору процедура теряет смысл, поскольку стороны не будут откровенно обсуждать реальные причины конфликта.

Беспристрастность медиатора проявляется не только в отсутствии конфликта интересов, но и в поведении во время процедуры. Он не должен давать одной стороне необоснованное процессуальное преимущество, игнорировать аргументы другого участника, оказывать давление на более слабую сторону или использовать закрытую информацию без согласия лица, которое ее сообщило. В этом смысле профессиональная этика медиатора является практическим условием эффективности процедуры. Формально нейтральный посредник, который фактически склоняет стороны к выгодному для одной из них варианту, разрушает доверие к медиации как институту.

Конфиденциальность является еще одной ключевой гарантией работы медиатора. В ходе международного коммерческого спора стороны могут раскрывать сведения о ценах, поставщиках, технических условиях, финансовом положении, санкционных рисках, логистике и внутренней стратегии. Если участники опасаются, что эти сведения будут использованы против них в суде или арбитраже, они не станут обсуждать реальные варианты урегулирования. Поэтому медиатор обязан обеспечивать закрытый характер процедуры и аккуратно обращаться с информацией, полученной как на общих встречах, так и в индивидуальных беседах со сторонами.

Правила ЮНСИТРАЛ о примирении 1980 года прямо указывают, что регламентация примирительной процедуры охватывает назначение и роль посредников, общее проведение процедуры, вопросы конфиденциальности, допустимости доказательств в последующих разбирательствах и ограничения обращения в суд или арбитраж во время процедуры [5]. Эти положения сохраняют значение и для современной медиации, поскольку демонстрируют: роль медиатора нельзя сводить к психологическому посредничеству. Его деятельность связана с процессуальной дисциплиной и правовой безопасностью переговоров.

При этом медиатор не является юридическим консультантом сторон. Он может помочь сторонам сформулировать вопросы, увидеть риски и проверить реалистичность предложений, но не должен заменять адвоката или корпоративного юриста. В международных коммерческих спорах это особенно важно, поскольку итоговое соглашение может затрагивать применимое право, валютное регулирование, налоговые последствия, порядок исполнения за рубежом и вопросы признания соглашения в другой юрисдикции. Поэтому грамотная медиация обычно предполагает взаимодействие медиатора с представителями сторон, но без смешения их функций.

Важной частью работы медиатора является помощь в оценке альтернатив. Стороны должны понимать, что произойдет, если соглашение не будет достигнуто: сколько будет стоить арбитраж, сколько времени займет судебное разбирательство, насколько реально взыскать присужденную сумму, какие репутационные потери возможны. Медиатор не обязан прогнозировать исход дела как судья, однако он может побуждать стороны к трезвой оценке своих позиций. Такой подход помогает участникам сравнить предлагаемые уступки не с идеальным результатом, а с реальными затратами и рисками продолжения конфликта.

Отдельное значение имеет работа медиатора с дисбалансом переговорных возможностей. В международном коммерческом споре одна сторона может обладать большим финансовым ресурсом, доступом к документам, сильной юридической командой или возможностью затягивать процесс. Медиатор не должен становиться представителем более слабой стороны, но он обязан следить за тем, чтобы процедура оставалась добровольной и осознанной. Если соглашение достигается вследствие давления, угрозы или фактического лишения стороны возможности понять его последствия, такой результат противоречит самой природе медиации.

Роль медиатора меняется по мере разви-

тия процедуры. В начале он больше занимается организацией и установлением доверия. На средней стадии — помогает сторонам выявить интересы, структурировать спорные вопросы и сформировать варианты решения. На завершающей стадии — содействует проверке исполнимости договоренностей и точности формулировок. Именно последняя стадия имеет особое значение для международных коммерческих споров: неясное соглашение может породить новый конфликт, а неисполнимое соглашение превращает успешные переговоры в формальный результат без практической ценности.

Сингапурская конвенция о медиации усиливает значение профессиональной роли медиатора, поскольку предусматривает международный режим для соглашений, достигнутых в результате медиации [6]. Для использования такого соглашения сторона должна представить не только подписанный текст, но и доказательство того, что соглашение действительно является результатом медиации [6]. Следовательно, добросовестная организация процедуры, фиксация участия медиатора и корректное оформление итогового документа приобретают не только деловое, но и юридическое значение.

Медиатор также выполняет функцию профилактики будущих споров. Хорошее медиативное соглашение не ограничивается общей фразой об отсутствии претензий. Оно должно определять конкретные действия сторон: суммы платежей, сроки, валюту, порядок передачи товара или документов, распределение расходов, последствия просрочки, применимое право и порядок разрешения споров из самого соглашения. Медиатор не составляет договор вместо юристов, но он может обратить внимание участников на пробелы и предложить проверить, одинаково ли стороны понимают каждое существенное условие.

В международных коммерческих спорах медиатору необходима межкультурная компетентность. Одна и та же форма поведения может по-разному восприниматься представителями разных деловых культур: прямой отказ может считаться нормальной ясностью или, наоборот, проявлением неуважения; длительная пауза может означать размышление или несогласие; требование детальной письменной фиксации может восприниматься как недоверие. Медиатор помогает сторонам не приписывать друг другу недобросовестность там, где причина конфликта связана с разными коммуникативными нормами.

Профессионализм медиатора проявляется и в выборе модели поведения. В одних спорах достаточно фасилитативного подхода, когда медиатор в основном организует коммуникацию и задает вопросы. В других случаях может потребоваться более активная оценка реалистичности предложений, особенно если стороны находятся в тупике. Однако даже при активной роли медиатор не должен превращаться в арбитра. Граница проходит там, где содействие поиску решения заменяется навязыванием результата. Для коммерческой медиации эта граница принципиальна, поскольку добровольность соглашения является основой его устойчивости.

Российское процессуальное законодательство и разъяснения Верховного Суда РФ исходят из того, что примирительные процедуры могут использоваться для мирного урегулирования спора и содействуют снижению конфликтности между сторонами [2; 3]. В этом контексте медиатор помогает реализовать не только частный интерес участников, но и более широкую задачу правопорядка: уменьшить нагрузку на суды, повысить культуру договорного поведения и стимулировать исполнение обязательств без принудительного вмешательства государства.

Вместе с тем роль медиатора имеет пределы. Он не может гарантировать достижение соглашения, не вправе принуждать сторону к уступкам и не должен обещать определенный правовой результат. Если стороны не готовы к добросовестному диалогу, скрывают информацию или используют медиацию только для затягивания времени, возможности медиатора ограничены. Поэтому эффективность процедуры зависит не только от профессионализма посредника, но и от реальной заинтересованности сторон в урегулировании конфликта.

Выбор медиатора в международном коммерческом споре сам по себе является важной стадией процедуры. Стороны обычно оценивают не только образование и опыт посредника, но и его специализацию, знание отрасли, языковые навыки, репутацию, способность работать с представителями разных юрисдикций и отсутствие конфликта интересов. Для споров из поставки, строительства, перевозки, IT-контрактов или лицензионных соглашений может быть важно, чтобы медиатор понимал экономическую логику соответствующего рынка. Это не означает, что медиатор должен решать технические вопросы вместо эксперта, но он должен понимать, какие обстоятельства действительно влияют на коммерческое решение сторон.

Особым инструментом медиатора являются индивидуальные встречи со сторонами. Они позволяют обсудить то, что участник не готов произнести в присутствии другой стороны: реальный предел уступок, опасения относительно исполнения, внутренние корпоративные ограничения, необходимость согласования решения с головной компанией или банком. Однако такие встречи требуют особой осторожности. Медиатор должен заранее объяснить правила конфиденциальности

и не раскрывать другой стороне сведения, полученные в закрытой беседе, без прямого согласия. Иначе инструмент доверия превращается в источник подозрений.

В современных условиях возрастает значение онлайн-медиации. Международные контрагенты не всегда могут быстро организовать личную встречу, особенно если спор связан с разными часовыми поясами, ограничениями поездок или высокой стоимостью участия представителей. Медиатор в онлайн-формате дополнительно отвечает за процессуальную ясность: проверку полномочий участников, порядок подключения, сохранение конфиденциальности, ведение отдельных виртуальных комнат, фиксацию промежуточных договоренностей. При правильной организации дистанционный формат не снижает ценность медиации, а делает ее более доступной для бизнеса.

Еще одна задача медиатора состоит в работе с эмоциональной стороной коммерческого конфликта. В предпринимательских отношениях эмоции часто скрыты за юридическими формулировками, но они реально влияют на переговоры: сторона может чувствовать себя обманутой, публично обвиненной или поставленной в зависимое положение. Медиатор не превращает коммерческий спор в психологическую консультацию, однако он помогает снизить уровень взаимного недоверия, чтобы участники могли вернуться к деловому обсуждению. Иногда именно это позволяет сторонам увидеть, что спор можно урегулировать без полного разрыва отношений.

Наконец, медиатор играет значимую роль в проверке устойчивости достигнутого результата. Перед подписанием соглашения важно убедиться, что стороны одинаково понимают его условия, имеют полномочия на подписание, осознают последствия нарушения и реально способны исполнить принятые обязательства. В международном споре это особенно важно из-за различий в корпоративных процедурах, требованиях к форме документов и способах подтверждения полномочий представителей. Если эти вопросы не проверены, даже разумное по содержанию соглашение может оказаться трудно исполнимым.

Таким образом, медиатор в международном коммерческом споре является центральной фигурой процедуры медиации, но не лицом, разрешающим спор властным образом. Его роль заключается в создании безопасного и структурированного пространства для переговоров, поддержании нейтральности и конфиденциальности, выявлении интересов сторон, управлении коммуникацией и содействии подготовке исполнимого соглашения. Чем сложнее трансграничный коммерческий конфликт, тем выше значение профессиональной компетентности медиатора. Именно поэтому развитие института медиации невозможно без формирования доверия к медиаторам, ясных этических стандартов и устойчивой практики включения медиационных механизмов в международные коммерческие договоры.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах применения судами положений процессуального законодательства о примирительных процедурах».

[4] UNCITRAL Model Law on International Commercial Mediation and International Settlement Agreements Resulting from Mediation, 2018. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation (дата обращения: 24.06.2026).

[5] UNCITRAL Conciliation Rules, 1980. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/contractualtexts/conciliation (дата обращения: 24.06.2026).

[6] United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation (New York, 2018) (the Singapore Convention on Mediation). — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements (дата обращения: 24.06.2026).

[7] Status: United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation // UNCITRAL. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements/status (дата обращения: 24.06.2026).

[8] Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

[9] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

[10] Fisher R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. 3rd ed. New York: Penguin Books, 2011.

[11] Moore C. W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict. 4th ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2014.

[12] Brown H., Marriott A. ADR Principles and

Practice. 3rd ed. London: Sweet & Maxwell, 2011.

References:

[1] Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure) "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4162.

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 24.07.2002 dated 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.06.2021 No. 18 "On Certain Issues of Application by the Courts of the Provisions of Procedural Legislation on Conciliation Procedures.".

[4] UNCITRAL Model Law on International Commercial Mediation and International Settlement Agreements Resulting from Mediation, 2018. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation (дата обращения: 24.06.2026).

[5] UNCITRAL Conciliation Rules, 1980. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/contractualtexts/conciliation (дата обращения: 24.06.2026).

[6] United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation (New York, 2018) (the Singapore Convention on Mediation). — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements (дата обращения: 24.06.2026).

[7] Status: United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation // UNCITRAL. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements/status (дата обращения: 24.06.2026).

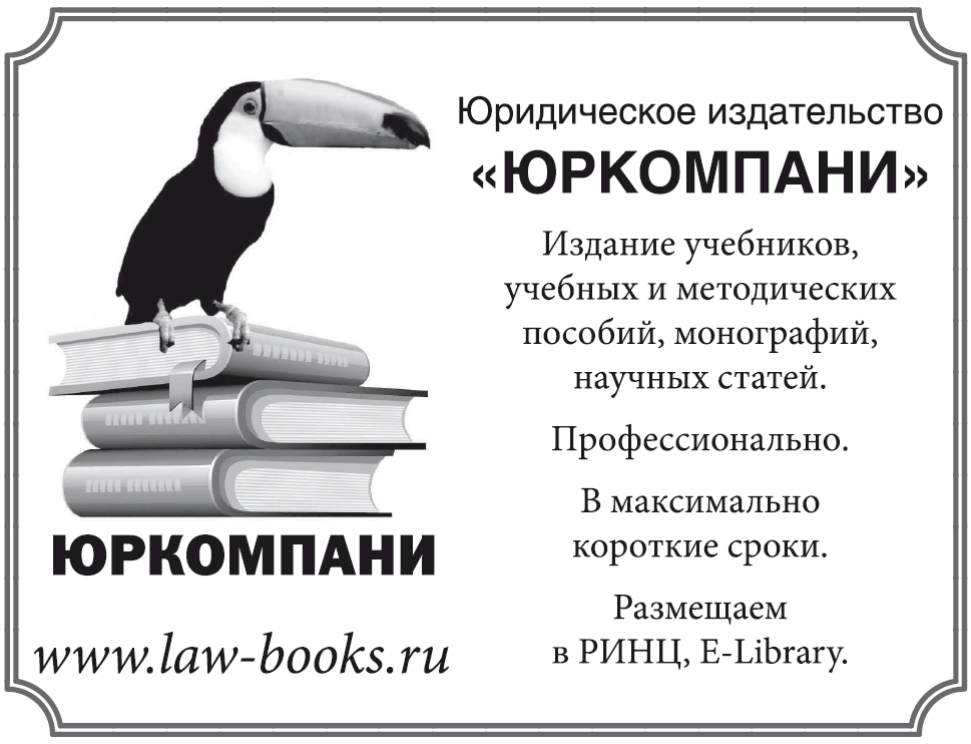
[8] Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338-1 "On International Commercial Arbitration "// Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1993. № 32. Art. 1240.

[9] Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part I). Art. 2.

[10] Fisher R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. 3rd ed. New York: Penguin Books, 2011.

[11] Moore C. W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict. 4th ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2014.

[12] Brown H., Marriott A. ADR Principles and Practice. 3rd ed. London: Sweet & Maxwell, 2011.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-239-249

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023, Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ТАРАСОВ Евгений Александрович,
студент Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0009-0006-8717-4995, e-mail: evaltarasov@edu.hse.ru

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом угрозы финансирования терроризма в условиях глобализации финансовых потоков и цифровизации экономики. По данным МВД России, в 2025 году зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (рост на 59,4 % к 2024 году), за 1 полугодие 2026 года — 3400 (рост на 39,1 %). В Китае же индекс глобального терроризма снизился с 6,68 в 2015 году до 1,31 в 2025 году. Цель работы — комплексный сравнительно-правовой анализ уголовно-правового механизма КНР по противодействию экономическим основам терроризма с выявлением положительного и проблемного опыта и оценкой потенциала российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-юридический методы. Установлено, что КНР создала развитую трехуровневую антитеррористическую правовую базу, однако эффективность финансового блока ниже, чем в России, что подтверждается оценками ФАТФ. Россия опережает Китай по дифференциации составов и суровости санкций, но может заимствовать китайский опыт консолидации ведомств и профилактической дерадикализации. Обоснована необходимость гармонизации определений финансирования терроризма в рамках ШОС и разработки модельного закона БРИКС с учетом новых технологических угроз.*

Ключевые слова: *финансирование терроризма, уголовное право КНР, сравнительно-правовой анализ, ШОС, БРИКС, целевые финансовые санкции, дерадикализация, отмывание доходов.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

TARASOV Evgeny Aleksandrovich,
Undergraduate Student at the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

CHINA'S EXPERIENCE IN CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF TERRORISM

Annotation. *The relevance of the study is determined by the steady growth of the threat of terrorism financing amid the globalisation of financial flows and the digitalisation of the economy. According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3,714 terrorist related crimes were registered in 2024 (a 55.9 % increase compared to 2023); over the first nine months of 2025, this figure reached 4,467 (a 75 % increase). In China, the Global Terrorism Index decreased from 6.68 in 2015 to 1.31 in 2025. The aim of the paper is to conduct a comprehensive comparative legal analysis of the PRC's criminal law mechanism for countering the economic foundations of terrorism,*

identifying both positive practices and problematic aspects, and to assess the potential for Russian Chinese cooperation within the SCO and BRICS frameworks. The methodological basis includes comparative legal, system structural, and formal legal methods. It has been established that the PRC has developed a sophisticated three tier antiterrorism legal framework; however, the effectiveness of its financial component is lower than that of Russia's, as confirmed by FATF assessments. Russia surpasses China in terms of differentiation of criminal offences and the severity of sanctions, but it could adopt China's experience in consolidating agencies and implementing preventive deradicalisation measures. The paper substantiates the need to harmonise definitions of terrorism financing within the SCO framework and to develop a BRICS model law taking into account emerging technological threats.

Key words: *terrorism financing, criminal law of the PRC, comparative legal analysis, SCO, BRICS, targeted financial sanctions, deradicalization, money laundering.*

Введение

Угроза финансирования терроризма приобретает качественно новый характер в связи с глобализацией финансовых потоков, развитием криптовалют и цифровых платежных систем, появлением нелегальных каналов трансграничного перемещения средств. По данным ФАТФ, финансовая составляющая терроризма переплетается с транснациональной организованной преступностью и киберпреступностью, что требует комплексного межгосударственного подхода [1].

Статистика МВД России свидетельствует о выраженной негативной динамике. Так, в 2024 году зарегистрировано 3 714 преступлений (+55,9 % к 2023 году), в 2025 году — 5 920 (+59,4 %), за первое полугодие 2026 года — около 3,4 тыс. (+10,2 % к аналогичному периоду 2025 года). Анализ показывает, что после взрывного роста в 2024–2025 годах темпы увеличения замедляются, однако абсолютный показатель продолжает расти. Количество зарегистрированных терактов (ст. 205 УК РФ) выросло с 410 в 2023 году до 1 191 в 2024 году. В 2025 году совершено 1 830 терактов (+53,7 %), преимущественно за счёт атак беспилотников и обстрелов гражданских объектов [2].

Индекс глобального терроризма (GTI) для России составил 6,27 в 2024 году и 5,59 в 2025 году, что отражает одно из наиболее высоких значений в мире [3].

В российской структуре террористических преступлений преобладают публичные призывы к террористической деятельности (26,19 %), на втором месте — террористический акт (17,21 %), на третьем — организация деятельности террористической организации и участие в ней (16,24 %) [4].

В Китае наблюдается принципиально иная динамика. Индекс глобального терроризма для Китая снизился с 6,68 в 2015 году до 1,86 в 2024 году и 1,31 в 2025 году [3]. По официальным данным китайской стороны, в Синьцзяне — ключевом регионе антитеррористических усилий — не зафиксировано ни одного теракта с 2017 года [5]. Согласно докладу Государственного департамента США, в 2024 году на территории КНР не зафиксировано ни одного террористического инцидента или уголовного преследования за преступления террористического характера [6].

Таким образом, сопоставление показывает, что если Россия сталкивается с количественным ростом террористической угрозы, то Китай достиг практически полного подавления террористической активности на своей территории, что объясняется сочетанием превентивных мер массового характера, цифрового контроля и программ дерадикализации. Следует также подчеркнуть, что Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются ключевыми партнерами в рамках ШОС и БРИКС, объединенными общей глобальной задачей противодействия «трем силам» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), концепция которой закреплена в Шанхайской конвенции 2001 года [6].

В этой связи цель настоящего исследования состоит в проведении комплексного сравнительно-правового анализа уголовно-правового механизма КНР по противодействию экономическим основам терроризма, выявить положительные и проблемные аспекты китайского опыта, сопоставить их с Российским законодательством и оценить потенциал сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС.

1.Антитеррористическое законодательство КНР

Антитеррористическая правовая система КНР имеет трехуровневую структуру.

Первый уровень образуют международно-правовые акты, ратифицированные КНР: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., впервые давшая единые определения «трех сил» для государств-участников [6].

Второй уровень — национальное законодательство: Конституция КНР, Закон «О национальной безопасности» (2015 г.), УК КНР в редакции 1997 г. с последующими поправками и Закон «О борьбе с терроризмом», принятый 27 декабря

2015 г. и вступивший в силу 1 января 2016 г., состоящий из 10 глав и 97 статей [7].

Статья 3 данного Закона впервые дала легальное определение терроризма как «любые убеждения или действия, которые предназначены для достижения политических, идеологических и других целей посредством насилия, диверсии, угроз и других способов, которые сеют в обществе панику, создают угрозу общественной безопасности, покушаются на здоровье и собственность или направлены на то, чтобы принудить государственные органы и международные организации» [8].

Часть 2 ст. 3 определяет террористическую деятельность через перечень деяний, включающий организацию, планирование, подготовку и осуществление действий, влекущих гибель людей или значительный ущерб; пропаганду терроризма; организацию, руководство и участие в террористической организации; предоставление финансирования, материальных ресурсов и технической поддержки [8].

Третий уровень — региональное законодательство СУАР: Меры «О реализации Закона КНР о борьбе с терроризмом», Положение «О дерадикализации» и Положение «О борьбе с экстремизмом», детализирующие общенациональные нормы применительно к региональной специфике [9]. До принятия Закона 2015 г. и Постановления ПК ВСНП 2011 г. в китайском законодательстве отсутствовало легальное определение террористической организации, что создавало проблемы квалификации [10].

Эффективность функционирования трехуровневой системы подтверждается официальной китайской статистикой. Так, по данным Государственного совета КНР (2019 г.), с 2014 г. в СУАР уничтожено 1588 вооруженных и террористических группировок, арестовано 12 995 террористов, изъято 2052 взрывных устройства [11], а с 2017 года не зафиксировано ни одного террористического акта.

2. Уголовно-правовая регламентация в КНР

Уголовный кодекс КНР содержит систему норм о террористических преступлениях, формировавшуюся поэтапно через поправки, отражающие эволюцию угроз и международно-правовых обязательств.

Статья 120 УК КНР устанавливает ответственность за организацию, руководство и участие в террористической организации: организаторы и руководители наказываются лишением свободы на срок 10 лет и более либо пожизненным заключением; активные участники — от 3 до 10 лет; другие участники — до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав. При совершении дополнительно преступлений убийства, взрыва, похищения человека применяется правило совокупности [12].

Статья 120-1 УК КНР (введена Поправкой III, декабрь 2001 г.) криминализирует финансирование террористической деятельности: «Лица, оказывающие финансовую помощь террористической организации или лицам, занимающимся террористической деятельностью, наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, арестом, надзором или лишением политических прав и дополнительно — штрафом; при отягчающих обстоятельствах — наказываются лишением свободы на срок 5 лет и более и дополнительно — штрафом либо конфискацией имущества» [10].

В случае совершения преступления организацией к ней применяется штраф, а непосредственные руководители несут ответственность по ч. 1 данной статьи [12].

Статья 191 УК КНР регламентирует отмывание денежных средств; Поправкой III терроризм включен в перечень предикативных преступлений. Статья предусматривает пять форм отмывания: предоставление финансового расчетного счета; содействие в обращении имущества в денежные средства или векселя; содействие в переводе средств со счета на счет; содействие в переводе средств за границу; утаивание источников и характера доходов, полученных преступным путем [10].

Поправка IX (август 2015 г.) криминализировала приготовление к террористической деятельности (ст. 120-2), пропаганду терроризма и экстремизма (ст. 120-3), использование экстремизма для срыва правоприменения (ст. 120-4), понуждение к ношению символики (ст. 120-5), незаконное владение материалами, пропагандирующими терроризм (ст. 120-6) [13].

Специфика китайского подхода состоит в отсутствии отдельного состава «террористический акт», аналогичного ст. 205 УК РФ. Преступления террористической направленности состоят, во-первых, из преступлений со словом «терроризм» в названии (ст. 120, 120-1 — 120-6, ст. 291), во-вторых, из обычных уголовных деяний (убийство, взрыв, поджог, похищение человека), которые при определенных признаках квалифицируются как террористические [14].

По данным ФАТФ, от 2011 до 2016 г. в Китае зарегистрировано 75 террористических инцидентов, повлекших гибель 545 человек; количество арестованных за финансирование террористической деятельности в 2016 г. увеличилось почти вдвое по сравнению с предыдущим годом, однако абсолютные числа остаются небольшими [15]. После принятия Закона 2015 г. «возросло количество судебных преследований и обвинительных приговоров за финансирование терроризма» [16].

3. Эффективные государственно-правовые институты КНР в сфере борьбы с терроризмом

Комплексный подход, сочетающий уголовное, административное и профилактическое законодательство, — ключевая особенность китайской модели. Закон «О борьбе с терроризмом» 2015 г. не ограничивается репрессивными мерами, а включает главы о предотвращении, разведке, расследовании, реагировании и международном сотрудничестве. Региональное законодательство СУАР дополняет эту систему механизмами дерадикализации. Эффективность подтверждается статистикой. Индекс глобального терроризма снизился с 6,68 в 2015 г. до 1,31 в 2025 г., в СУАР с 2017 г. не зафиксировано ни одного теракта [5].

Система конфискации получила высокую оценку ФАТФ: «Китай демонстрирует активное сотрудничество и координацию на политическом и законодательном уровнях»; «у Китая, в отличие от других стран, реализована возможность конфисковать имущество даже в тех случаях, когда преступник скрылся из страны или умер» [16].

Институциональная консолидация обеспечивает четкую координацию между Министерством общественной безопасности (МОБ), Министерством государственной безопасности (МГБ) и Народным банком Китая (НБК) через единый руководящий орган [17]. Развитая база для взаимной правовой помощи и экстрадиции также отмечена ФАТФ: «в Китае имеется развитая законодательная и нормативная база для запроса и предоставления взаимной правовой помощи, которая используется на практике (в том числе, для экстрадиции)» [16].

Стратегия вовлечения общества, закрепленная в ст. 5 Закона «О борьбе с терроризмом», предусматривает волонтерские отряды в общинах, систему информаторов, образовательные программы по выявлению признаков радикализации [17]. На международном уровне КНР ратифицировала все ключевые антитеррористические конвенции ООН и играет активную роль в ШОС [6].

4. Коллизия и системные недостатки уголовно-правового регулирования противодействия терроризму в КНР

Критическое осмысление нормативного массива Китайской Народной Республики в сфере обеспечения общественной безопасности позволяет выявить ряд латентных противоречий, имманентно присущих современной китайской модели антитеррора.

Так, по оценке ФАТФ, «три существенных недостатка отрицательно сказываются на применении адресных финансовых санкций за финансирование терроризма»: недостаточный охват требований всех субъектов; ограниченные виды активов, которые могут быть заморожены; отсутствие механизма безотлагательного применения санкций в отношении лиц, включенных в списки зарубежными и (или) международными структурами [16].

Низкая эффективность финансового мониторинга подтверждается сравнительным анализом: «самые высокие оценки уровня эффективности получила Россия, самые низкие — Китай» [18]. В секторе УНФПП «институты онлайн-кредитования не имеют понимания рисков ОД/ФТ и своих обязанностей», а «отчеты о подозрительных транзакциях со стороны финансового сектора экономики практически отсутствуют» [16].

Национальный список террористов не обновлялся с 2012 г.: «китайские власти приняли некоторые меры на законодательном уровне, позволяющие включать потенциальных террористов в национальный список, однако эта возможность не использовалась с 2012 года» [16].

Широкие дискреционные полномочия полиции и ограничения процессуальных прав подозреваемых вызывают критику со стороны «Human Rights Watch», Европейского парламента и правительства Германии [17]. Проблема прозрачности юридических лиц выражается в том, что «отсутствует детальное понимание рисков ОД/ФТ в отношении каждого типа юридических лиц, а также возможность обхода юридическими лицами процедуры регистрации» [16].

В целом по состоянию на 2019 г. Китай имел 6 несоответствующих рекомендациям ФАТФ и оставался в режиме усиленного мониторинга [19].

5. Сравнительно-правовой анализ антитеррористического законодательства РФ и КНР как базис двустороннего сотрудничества

Сравнительный анализ диспозиций и санкций в УК РФ и уголовном праве КНР (с учетом новелл китайского антитеррористического закона) позволяет выявить общие доктринальные подходы к оценке материальных составов преступлений. В этом контексте фиксация различий в криминализации содействия терроризму приобретает особое прикладное значение. Концептуальное единство дефиниций на национальном уровне — это обязательное условие для беспрепятственного обмена оперативной информацией между правоохранительными органами и финансовыми регуляторами (в частности, Росфинмониторингом).

Так, криминализация финансирования терроризма в Китае осуществляется через ст. 120-1 УК КНР (введена Поправкой III в 2001 г.) с наказанием до 5 лет (основной состав) или 5 лет и более при отягчающих обстоятельствах.

В России финансирование терроризма

включено в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ с наказанием от 8 до 15 лет, а при квалифицирующих обстоятельствах — вплоть до пожизненного. Определение дано в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ: «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360» [20].

Таким образом, в России финансирование — более тяжкое преступление с суровыми санкциями; в Китае — более широкий охват действий, но мягче санкции. Вовлечение и содействие в российском праве представлены дифференцированными составами: ст. 205.1 (склонение, вербовка, подготовка, пособничество), ст. 205.2 (публичные призывы), ст. 205.3 (обучение), ст. 205.4 (организация сообщества), ст. 205.5 (участие в сообществе). В Китае эти деяния охвачены ст. 120 и примыкающими нормами Поправки IX без отдельных составов [13].

Отмывание в Китае регулируется ст. 191 (терроризм как предикат с 2001 г.), в России — ст. 174, 174.1 УК РФ и Федеральным законом № 115-ФЗ, устанавливающим обязанности финансовых организаций по идентификации клиентов и сообщению о подозрительных операциях [21].

При этом оценки ФАТФ кардинально расходятся. Россия получила «самые высокие оценки уровня эффективности», Китай — «самые низкие» [18].

Статистика правоприменения также различается. По данным МВД России, в 2024 г. раскрыто 1634 террористических преступления (43,9 % от зарегистрированных); осуждено по ст. 205 УК РФ 75 человек (основная квалификация) и 57 (дополнительная) [3][4]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. по ст. 205.1 осуждено 24 человека (ч. 1) и 117 (ч. 2), по ст. 205.2 — 23 (ч. 1) и 113 (ч. 2) [22].

В Китае официальная статистика осужденных публикуется нерегулярно; Верховный народный суд в отчете за 2017 г. отошел от практики публикации таких данных [23]. При этом коэффициент обвинительных приговоров в КНР в 2022 г. составил 99,95 % [24].

Финансовый мониторинг в России демонстрирует значительные объемы блокировки: по данным Росфинмониторинга, в 2024 г. в перечень включено 3165 физических лиц и 80 организаций, заморожено активов на 245 млн рублей, а по состоянию на 31 декабря 2024 г. в перечне числилось более 16 тыс. физических лиц и свыше 800 организаций [25]. В 2025 г. включено 4011 физических лиц и 197 организаций, заморожено активов на 577 млн рублей; по состоянию на 31 декабря 2025 г. — 19,5 тыс. физических лиц и 820 организаций [26].

Институциональные модели различаются. В Китае координация осуществляется через единый руководящий орган с участием МОБ, МГБ, НБК и Народной вооруженной полиции; в России координатор — Национальный антитеррористический комитет во главе с ФСБ, финансовую разведку осуществляет Росфинмониторинг, расследование — СК и МВД, надзор — Генпрокуратура [27].

Освобождение от ответственности в России предусмотрено примечанием 2 к ст. 205.1 УК РФ при своевременном сообщении органам власти; в Китае — для участников, добровольно вышедших из организации и содействовавших раскрытию. Сходство проявляется в том, что обе страны — участники ШОС, ратифицировали Шанхайскую конвенцию 2001 г.; обе относят ФТ к тяжким преступлениям; обе связывают терроризм с экстремизмом и сепаратизмом; в обеих ранее отсутствовало четкое легальное определение терроризма. Различия: в России — больше дифференцированных составов, выше санкции, предусмотрено пожизненное заключение за ФТ; в Китае — меньше отдельных составов, но шире охват, более развита система заочной конфискации, выше контроль над СМИ и интернетом, но ниже оценки ФАТФ [18].

Сближение уголовно-правовых подходов РФ и КНР закономерно масштабируется на многосторонний уровень в рамках евразийской интеграции, где ШОС создает наиболее развитую в Евразии международно-правовую базу для противодействия финансированию терроризма. Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. впервые дала единые определения "трех сил".

Так, определение терроризма в ст. 1 охватывает «любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [6].

Концепция сотрудничества государств-членов ШОС (5 июля 2005 г.) закрепила цель «противодействие финансированию в любых формах

терроризма, сепаратизма и экстремизма» и задачу создания «единого перечня запрещенных организаций с последующей конфискацией их имущества и финансовых средств». Конвенция ШОС против терроризма (16 июня 2009 г.) содержит специальную статью, согласно которой стороны принимают меры, включающие: «1) регистрацию данных о клиентах, финансовых операциях и хранение этих сведений; 2) представление в уполномоченные Стороной органы сведений о подозрительных и экономически нецелесообразных операциях и сделках; 3) приостановление по предписанию правоохранительных или иных определенных Стороной органов финансовых операций, имеющих незаконный, подозрительный или экономически нецелесообразный характер; 4) представление сведений и документов по запросам суда, органов прокуратуры, предварительного расследования и иных уполномоченных Стороной органов» [28].

Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (2017 г.) дала единое определение «финансирования экстремизма» и единый список экстремистских организаций [29].

Институциональная база представлена Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС ШОС), созданной в 2004 г. в Ташкенте. Ее задачи — формирование банков данных о террористических организациях, источниках и каналах их финансирования; содействие в оперативно-розыскных мероприятиях; координация совместных учений «Мирная миссия» (с 2005 г.) [30].

РАТС взаимодействует с Контртеррористическим управлением ООН, Интерполом и Евразийской группой (ЕАГ). Однако, как отмечают исследователи, «сотрудничество ШОС в сфере противодействия терроризму все еще находится на низком уровне: хотя ШОС выпустила множество деклараций и юридических документов, их реализация идет относительно медленно» [17].

Вместе с тем, отсутствие механизма быстрого реагирования и необходимость перехода от формального сотрудничества к реальным совместным операциям остаются нерешенными.

Антитеррористическое сотрудничество в рамках БРИКС прошло путь от декларативных заявлений к нормативно закрепленному порядку. Проблематика фигурирует во всех декларациях саммитов с 2009 г.

В 2016 г. создана Рабочая группа БРИКС по антитеррору (РГАТ).

В 2019 г. в ее составе образовано пять подгрупп: по противодействию финансированию террористической деятельности; по борьбе с использованием Интернета в террористических целях; по предотвращению радикализации; по вопросу иностранных террористов-боевиков; по наращиванию правоохранительного потенциала.

В 2020 г. принята Антитеррористическая стратегия БРИКС [31], в 2021 г. — План действий БРИКС по борьбе с терроризмом. Стратегия устанавливает принципы: уважение суверенитета, ведущая роль ООН, отказ от двойных стандартов. Государства должны «принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы любое лицо, которое участвует в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, было привлечено к правосудию» [31].

Казанская декларация XVI Саммита (октябрь 2024 г.) в п. 49 констатирует: «Мы призываем к расширению диалога в рамках БРИКС по вопросам отмывания доходов, полученных преступным путем, и противодействия финансированию терроризма с участием соответствующих заинтересованных сторон», а в п. 50 подчеркивает приверженность «предотвращению и борьбе с незаконными финансовыми потоками, отмыванием доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма, незаконным оборотом наркотиков, коррупцией и использованием новых технологий, включая криптовалюты, в незаконных и террористических целях» [32].

Декларация XVII Саммита (Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) подтверждает: «Мы вновь подтверждаем нашу приверженность борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях, включая трансграничное перемещение террористов, финансирование терроризма и безопасные убежища» [33].

Россия — «активный участник международной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма» [18]. Оба государства — одновременно участники ШОС и БРИКС, что создает уникальную возможность для конвергенции подходов. БРИКС фокусируется на новых угрозах: криптовалюты, кибертерроризм, трансграничное перемещение боевиков. Расширение БРИКС с 2024 г. за счет Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Эфиопии, а с 2025 г. — Индонезии и стран-партнеров усиливает коллективный потенциал [33].

В отличие от конвенционных механизмов ШОС, нормативная база БРИКС базируется на инструментах "мягкого права" — многосторонних декларациях, стратегиях и планах действий, лишенных жесткой юридической императивности. Этот фактор накладывает определенные ограничения на обязательность исполнения совместных решений. Если ШОС обеспечивает строго структурированный, юридически обязывающий фундамент региональной безопасности, то потенциал БРИКС сосредоточен в плоскости гибкой политической координации и выработки общих доктринальных подходов к отражению новых вызовов.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного компаративистского исследования, можно констатировать, что в Китайской Народной Республике сформирована комплексная трехуровневая антитеррористическая правовая база, высокая практическая эффективность которой эмпирически верифицируется перманентным снижением индекса глобального терроризма (GTI) с 6,68 балла в 2015 году до 1,31 балла по итогам 2025 года, а также полной ликвидацией открытых проявлений террористической активности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) начиная с 2017 года.

Конструктивный государственно-правовой опыт Китая аккумулирован в обеспечении жесткого концептуального единства законодательства, институциональной консолидации ведомств, нормативном развитии механизмов заочной конфискации активов, создании развитой базы для взаимной правовой помощи и экстрадиции, а также в реализации стратегий вовлечения гражданского общества и упреждающих программ дерадикализации.

Вместе с тем сравнительный анализ показал, что китайские инструменты финансового контроля уступают российским аналогам. Данный дисбаланс подтверждается официальными оценками ФАТФ, выявившими несоответствие правовой системы КНР шести ключевым Рекомендациям, что обусловило нахождение государства под процедурой усиленного мониторинга. К числу латентных уязвимостей китайской модели ПОД/ФТ относятся не только слабая реализация целевых санкций и низкое качество фиксации подозрительных транзакций, но и более глубокие системные дефекты. Среди них особую тревогу международных регуляторов вызывают несоответствие глобальным стандартам прозрачности юридических лиц в части бенефициарного владения, а также критическое отсутствие обновлений национального списка террористов, который не актуализировался на государственном уровне КНР с 2012 года.

На этом фоне Российская Федерация демонстрирует более глубокую доктринальную дифференциацию материальных составов преступлений в рамках Особенной части Уголовного кодекса РФ (ст. 205–205.5 УК РФ), существенно опережая КНР по оценкам ФАТФ и реальным объемам блокировки преступных активов.

Так, объем замороженных Росфинмониторингом средств террористических ячеек по итогам 2025 года достиг 577 млн рублей, что выглядит фундаментально на фоне скромных латентных показателей Китая. Высокая динамика выявления угроз подтверждается и сведениями ФКУ «ГИАЦ» МВД России, согласно которым в 2024 году было зарегистрировано 3 714 преступлений террористического характера, а за девять месяцев 2025 года данный показатель возрос до 4 467 деяний, в то время как Росфинмониторинг в течение 2025 года превентивно включил в национальный перечень причастных к экстремизму и терроризму лиц 4 011 физических лиц и 197 организаций. В плоскости двустороннего взаимодействия Россия может успешно заимствовать китайский опыт межведомственной интеграции, механизмы профилактической дерадикализации на ранних стадиях и уголовно-процессуальный институт заочной конфискации имущества.

При этом на макрорегиональном уровне нормативно-правовое пространство ШОС, базирующееся на Шанхайской конвенции 2001 года, Конвенции 2009 года и Конвенции по противодействию экстремизму 2017 года, создает наиболее прочный международно-правовой фундамент в Евразии, однако практическая реализация и имплементация совместных решений на национальном уровне все еще демонстрируют замедленные темпы.

Напротив, платформа БРИКС активно усиливает гибкий политический диалог по линии пресечения финансирования терроризма, особенно в отношении новых технологических вызовов, таких как криптовалюты и кибертерроризм, но остро нуждается в трансформации режимов «мягкого права» в юридически обязывающие форматы. На основе изложенного в качестве прикладных рекомендаций предлагается инициировать гармонизацию определений финансирования терроризма в рамках ШОС для исключения коллизий при ведении совместных расследований и реализации программ взаимной правовой помощи, разработать проект Модельного закона БРИКС «О противодействии финансированию терроризма с учетом использования инновационных технологий» для перекрытия каналов трансграничного перемещения цифровых финансовых активов, а также сформировать наднациональный механизм быстрого реагирования ШОС на инциденты, связанные с латентным трансграничным движением террористических средств, обеспечивающий моментальную блокировку подозрительных счетов по запросу национальных разведок стран-участниц.

Список литературы:

[1] FATF. Guidance on Risk-Based Supervision. – Paris: FATF, 2021. – 96 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-supervision.html (дата обращения: 09.09.2026).

[2] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. –

Москва : МВД России, 2025. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ ; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – Москва : МВД России, 2026. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ ; Состояние преступности в России за январь–июнь 2026 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – Москва : МВД России, 2026. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).

[3] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[4] Яковлев, В. В. Тенденции трансформации преступности террористического характера на фоне усложнения социально-политической ситуации / В. В. Яковлев, И. С. Чуб // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 4 (70). – С. 16–20. – EDN: IPORXW.

[5] Country Reports on Terrorism 2024 — China // U.S. Department of State. – 2025. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2024/ (дата обращения: 09.09.2026).

[6] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[7] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

[8] Counterterrorism Law of the People's Republic of China (adopted Dec. 27, 2015, effective Jan. 1, 2016, amended Apr. 27, 2018) // National People's Congress Observer. – URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 09.09.2026).

[9] Курочкин, И. А. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями террористической и экстремистской направленности в КНР / И. А. Курочкин // Молодой учёный. – 2018. – № 44 (230). – С. 78–84. – URL: https://moluch.ru/th/9/archive/113/3812 (дата обращения: 09.09.2026).

[10] Галицкая, Н. В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая / Н. В. Галицкая // Административное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 34–46. – DOI: 10.7256/2454-0595.2022.3.38509. – EDN: THDGUS.

[11] Чжан Сяо. Обзор к Уголовному законодательству о борьбе с терроризмом и «закона о борьбе с терроризмом» Китая / Чжан Сяо // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-k-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-borbe-s-terrorizmom-i-zakona-o-borbe-s-terrorizmom-kitaya (дата обращения: 09.09.2026).

[12] The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang // State Council Information Office of the People's Republic of China: White Paper. – 2019. – March 18. – URL: http://english.scio.gov.cn/2019-03/19/content_74585093.htm (дата обращения: 09.09.2026).

[13] Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional-Executive Commission on China. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 09.09.2026).

[14] Койбаев, Б. Г. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике / Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 169–174. – DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21. – URL: https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/1111 (дата обращения: 09.09.2026).

[15] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева ; пер. с кит. Хуан Даосю. – 2-е изд. – Москва : Юридическая фирма Контракт, 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-6045252-3-4.

[16] FATF. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures in the People's Republic of China — 2019: Mutual Evaluation Report. – Paris: FATF, APG and EAG, 2019. – 260 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/MER-China-2019.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[17] FATF. People's Republic of China: Mutual Evaluation Report and Follow-Up Reports (2019–2022) // FATF: official website. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-china-2019.html (дата обращения: 09.09.2026).

[18] Казанцев, В. Е. Политика Китая по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма / В. Е. Казанцев // Инновационный потенциал молодёжи: культура, духовность и нравственность : материалы Междунар. молодёж. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 2–6 дек. 2019 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 158–162. – URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/83601 (дата обращения: 09.09.2026).

[19] Королева, Л. П. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма как фактор обеспечения безопасности внешнеэкономического сотрудничества России с дружественными странами дальнего зарубежья / Л. П. Королева, В. А. Бубнов // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 8. – С. 22–27.

– URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2024/8/43655.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[20] FATF re-rates China's progress on money laundering and terror financing // The Times of India. – 2022. – Nov. 30. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/fatf-re-rates-chinas-progress-on-money-laundering-and-terror-financing/articleshow/95891518.cms (дата обращения: 09.09.2026).

[21] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[22] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

[23] Country Reports on Terrorism 2017 — China // U.S. Department of State. – 2018. – Sept. 19. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2017/ (дата обращения: 09.09.2026).

[24] Law Yearbook of China = 中国法律年鉴 / China Law Society. – Beijing: China Law Society, 2023 (издание за 2022 г.). – URL: http://njs.chinalaw.org.cn/portal/list/index/id/10.html (дата обращения: 09.09.2026); См. также: China's 2022 Acquittal Rate Lowest in Two Decades // Dui Hua Human Rights Journal. – 2023. – Sept. 13. – URL: https://www.duihuahrjournal.org/2023/09/chinas-2022-acquittal-rate-lowest-in.html (дата обращения: 09.09.2026).

[25] Отчёт о работе Росфинмониторинга за 2024 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. – URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 09.09.2026).

[26] Отчёт о работе Росфинмониторинга за 2025 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. – URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 09.09.2026).

[27] О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

[28] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (заключена в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 11. – Ст. 1274.

[29] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (заключена в г. Астане 09.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036 (дата обращения: 09.09.2026).

[30] Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) : официальный сайт. – URL: https://eurasiangroup.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

[31] Антитеррористическая стратегия БРИКС: утв. на XII саммите БРИКС (г. Москва, 17 ноября 2020 г.) // InfoBRICS: официальный сайт. – URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2020/2020_11_17_Russia_Moscow_XII_Summit_Declaration_ru_k.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[32] Казанская декларация XVI Саммита БРИКС (г. Казань, 23 октября 2024 г.) // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[33] Декларация Рио-де-Жанейро XVII Саммита БРИКС (г. Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) // Официальный сетевой ресурс Президента России.– URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

References:

[1] FATF. Guidance on Risk-Based Supervision. – Paris: FATF, 2021. – 96 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-supervision.html (дата обращения: 09.09.2026).

[2] The state of crime in Russia in January-December 2024/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ The state of crime in Russia in January-December 2025/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ The state of crime in Russia in January-June 2026/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).

[3] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[4] Yakovlev, V.V. Trends in the transformation of terrorist crime against the background of a more complicated socio-political situation/V.V. Yakovlev, I.S. Chub // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 4 (70). - S. 16-20. – EDN: IPORXW.

[5] Country Reports on Terrorism 2024 — China // U.S. Department of State. – 2025. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2024/ (дата обращения: 09.09.2026).

[6] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[7] Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (concluded in Shanghai 15.06.2001) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 41. - Art. 3947.

[8] Counterterrorism Law of the People's Republic of China (adopted Dec. 27, 2015, effective Jan. 1, 2016, amended Apr. 27, 2018) // National People's Congress Observer. – URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 09.09.2026).

[9] Kurochkin, I. A. Actual problems of combating terrorist and extremist crimes in the PRC/ I. A. Kurochkin // Young scientist. – 2018. – № 44 (230). - S. 78-84. - URL: https://moluch.ru/th/9/archive/113/3812 (access date: 09.09.2026).

[10] Galitskaya, N.V. Legal aspects of anti-terrorist security: the experience of modern China/ N.V. Galitskaya // Administrative and municipal law. – 2022. – № 3. - S. 34-46. – DOI: 10.7256/2454-0595.2022.3.38509. – EDN: THDGUS.

[11] Zhang Xiao. Review of the Criminal Law on Combating Terrorism and the "Law on Combating Terrorism" of China/Zhang Xiao // Eurasian Scientific Journal. – 2016. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-k-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-borbe-s-terrorizmom-i-zakona-o-borbe-s-terrorizmom-kitaya (дата обращения: 09.09.2026).

[12] The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang // State Council Information Office of the People's Republic of China: White Paper. – 2019. – March 18. - URL: http://english.scio.gov.cn/2019-03/19/content_74585093.htm (access date: 09.09.2026).

[13] Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional-Executive Commission on China. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 09.09.2026).

[14] Koybaev, B. G. Legal Foundations of Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva // Humanitarian and Legal Studies. – 2021. – № 4. - S. 169-174. – DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21. - URL: https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/1111 (access date: 09.09.2026).

[15] Criminal Code of the People's Republic of China/under the general. ed. A. I. Chuchaev, A. I. Korobeev; per. From China. Huang Taoxu. - 2nd ed. - Moscow: Law Firm Contract, 2021. - 312 p. - ISBN 978-5-6045252-3-4.

[16] FATF. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures in the People's Republic of China — 2019: Mutual Evaluation Report. – Paris: FATF, APG and EAG, 2019. – 260 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/MER-China-2019.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[17] FATF. People's Republic of China: Mutual Evaluation Report and Follow-Up Reports (2019–2022) // FATF: official website. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-china-2019.html (дата обращения: 09.09.2026).

[18] Kazantsev, V.E. China's Policy on Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism V.E. Kazantsev // Innovative Potential of Youth: Culture, Spirituality and Morality: Materials International. young people. scientific-research. conf. (Yekaterinburg, December 2-6, 2019). - Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2019. - S. 158-162. - URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/83601 (access date: 09.09.2026).

[19] Koroleva, L.P. Countering money laundering and the financing of terrorism as a factor in ensuring the security of foreign economic cooperation between Russia and friendly non-CIS countries/L.P. Korolev, V.A. Bubnov // Fundamental research. – 2024. – № 8. - S. 22-27. - URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2024/8/43655.pdf (accessed: 09.09.2026).

[20] FATF re-rates China's progress on money laundering and terror financing // The Times of India. – 2022. – Nov. 30. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/fatf-re-rates-chinas-progress-on-money-laundering-and-terror-financing/articleshow/95891518.cms (дата обращения: 09.09.2026).

[21] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[22] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 33 (part I). - Art. 3418.

[23] Country Reports on Terrorism 2017 — China // U.S. Department of State. – 2018. – Sept. 19. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2017/ (дата обращения: 09.09.2026).

[24] Law Yearbook of China = 中国法律年鉴 / China Law Society. - Beijing: China Law Society, 2023 (2022 edition). - URL: http://njs.chinalaw.org.cn/portal/list/index/id/10.html

(access date: 09.09.2026); См. также: China's 2022 Acquittal Rate Lowest in Two Decades // Dui Hua Human Rights Journal. – 2023. – Sept. 13. – URL: https://www.duihuahrjournal.org/2023/09/chinas-2022-acquittal-rate-lowest-in.html (дата обращения: 09.09.2026).

[25] Report on the work of Rosfinmonitoring for 2024 // Federal Service for Financial Monitoring: official website. - URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (access date: 09.09.2026).

[26] Report on the work of Rosfinmonitoring for 2025 // Federal Service for Financial Monitoring: official website. - URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (access date: 09.09.2026).

[27] On countering terrorism: Federal Law No. 06.03.2006 of 35-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 11. - Art. 1146.

[28] Shanghai Cooperation Organization Convention against Terrorism (concluded in Yekaterinburg 16.06.2009) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – № 11. - Art. 1274.

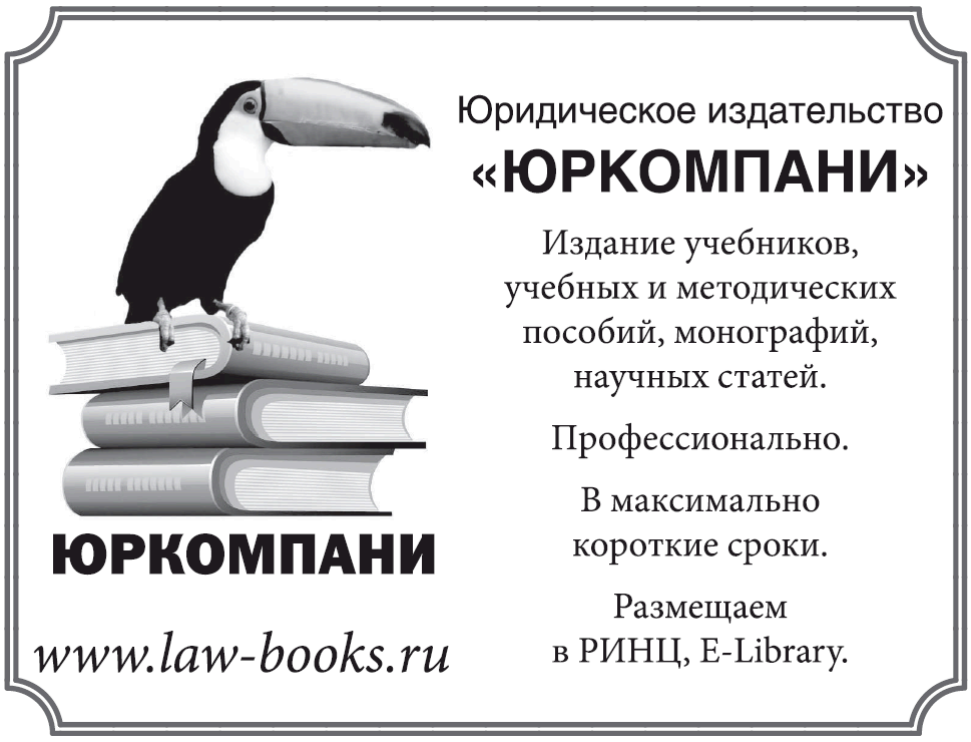
[29] Shanghai Cooperation Organization Convention on Countering Extremism (concluded in Astana 09.06.2017) // Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036 (access date: 09.09.2026).

[30] Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG): official website. - URL: https://eurasiangroup.org/ (access date: 09.09.2026).

[31] BRICS Anti-Terrorism Strategy: approved by at the XII BRICS summit (Moscow, November 17, 2020) // InfoBRICS: official website. – URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2020/2020_11_17_Russia_Moscow_XII_Summit_Declaration_ru_k.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[32] Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit (Kazan, October 23, 2024) // Official network resource of the President of Russia. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[33] Declaration of Rio de Janeiro of the XVII BRICS Summit (Rio de Janeiro, July 6, 2025) // Official network resource of the President of Russia. - URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (date of reference: 09.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 31.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-250-253

ПОПОВ Алексей Александрович,
Аспирант кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: den81014ka@mail.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ В СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу международно-правовых механизмов защиты иностранных инвесторов, осуществляющих деятельность в особых экономических зонах. Автор рассматривает правовой дуализм, присущий положению резидента такой зоны, который одновременно подчиняется специальному национальному режиму и пользуется гарантиями, предоставленными системой двусторонних инвестиционных соглашений. Особое внимание уделяется специфике применения стандартов справедливого и равноправного режима, защиты от косвенной экспроприации и правовым последствиям включения стабилизационных и зонтичных оговорок в инвестиционные контракты. В статье исследуется сложное взаимодействие национальных и международных юрисдикционных механизмов разрешения споров, включая проблему параллельных процессов и правила «развилки на дороге». Отдельно проанализирована концепция функционального иммунитета государства при исполнении арбитражных решений, вынесенных по спорам, связанным с коммерческой деятельностью государственных органов в пределах особых экономических зон. Автор приходит к выводу, что массив международных арбитражных решений трансформировал свободу государства по изменению преференциальных режимов в жесткие правовые обязательства, обеспеченные действенным механизмом наднационального принуждения, что требует от национального законодателя превентивного согласования норм о специальных территориях с инвестиционными гарантиями.*

Ключевые слова: *особые экономические зоны, международное инвестиционное право, защита инвесторов, двусторонние инвестиционные соглашения.*

POPOV Aleksei Aleksandrovich,
Graduate student Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

LEGAL MECHANISMS FOR RESOLVING INVESTMENT DISPUTES IN FREE ECONOMIC ZONES: INTERACTION OF INTERNATIONAL AND NATIONAL REGULATION

Annotation. *The article is devoted to an analysis of international legal mechanisms for the protection of foreign investors operating in special economic zones. The author considers the legal dualism inherent in the position of a resident of such a zone, which is simultaneously subject to a special national regime and benefits from the guarantees provided by the system of bilateral investment agreements. Particular attention is paid to the specificity of the application of fair and equitable treatment standards, protection against indirect expropriation and the legal consequences of inclusion of stabilization and umbrella clauses in investment contracts. The article explores the complex interaction of national and international jurisdictional dispute resolution mechanisms, including the problem of parallel processes and the "fork in the road" rule. The concept of functional immunity of the state in the execution of arbitral awards issued on disputes related to commercial activities of state bodies within special economic zones has been separately analyzed. The author concludes that the array of international arbitral awards has transformed a state's freedom to change preferential regimes into strict legal obligations, ensured by an effective mechanism of supranational coercion. which requires the national legislator to pre-emptively harmonize special territory rules with investment guarantees.*

Key words: *special economic zones, international investment law, investor protection, bilateral investment agreements.*

Особые экономические зоны уже давно перестали быть только территориальным феноменом внутреннего права государств, а их создание и существование сегодня немыслимо вне сложной системы международных договоренностей, двусторонних инвестиционных соглашений и арбитражных регламентов. Резиденты таких зон, являясь, как правило, иностранными инвесторами, оказываются в уникальной правовой ситуации, с одной стороны, они подчиняются специальному административному и налоговому режиму, установленному национальным законодательством страны реципиента, а с другой стороны, их защищает мощный пласт международного инвестиционного права, который формирует особые гарантии и предоставляет доступ к наднациональным средствам правовой защиты. Именно этот дуализм порождает наиболее сложные коллизии в современной практике разрешения споров.

Государство, принимая закон о создании территории со свободным режимом, берет на себя комплекс обязательств не только перед будущими резидентами, но и перед другими субъектами международного права. Это обязательство может вытекать из самого факта существования двустороннего инвестиционного договора, заключенного между государством регистрации инвестора и государством, на территории которого находится зона. Двусторонние инвестиционные соглашения, признаваемые сегодня основным источником материально-правовых гарантий для иностранного капитала, содержат стандарты защиты, которые приобретают особую специфику применительно к особым зонам.

Положение о защите от экспроприации без выплаты быстрой, адекватной и эффективной компенсации также наполняется здесь особым содержанием. Классическая доктрина международного права различает прямую экспроприацию, то есть физическое изъятие собственности, и косвенную, представляющую собой меры, равносильные по своим последствиям лишению инвестора возможности пользоваться своими активами. Основным критерием здесь выступает степень утраты контроля или экономической выгоды, а не формальное сохранение титула собственности за инвестором. Особенно уязвимыми с этой точки зрения являются проекты, реализуемые на основании инвестиционных контрактов с управляющей компанией зоны или непосредственно с правительством [7].

Процессуальный аспект защиты прав инвестора в специальных зонах неразрывно связан с арбитражной оговоркой, при этом действующее международное законодательство предлагает инвестору несколько уровней такой оговорки. Первый уровень содержится непосредственно в двустороннем инвестиционном договоре, где государство дает согласие на передачу споров в международный арбитраж. Второй уровень может быть закреплен в национальном законе о свободной экономической зоне. Ряд государств, стремясь повысить инвестиционную привлекательность своих территорий, включает в текст закона положение о согласии государства на рассмотрение споров с резидентами в порядке, предусмотренном Вашингтонской конвенцией 1965 года [1] или Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ [4]. Такая норма национального права рассматривается международным трибуналом в качестве одностороннего предложения государства заключить арбитражное соглашение, которое инвестор акцептует простым фактом подачи иска. Третий, наиболее конкретизированный уровень, это инвестиционное соглашение с конкретным резидентом. В этом документе стороны могут не только выбрать применимое право и арбитражный институт, но и детально прописать стабилизационную оговорку. Такая оговорка фиксирует законодательство, действовавшее на момент заключения контракта, и запрещает государству применять к инвестору новые нормы, ухудшающие его положение, на протяжении всего срока реализации проекта. С точки зрения теории международного права, такая оговорка представляет собой добровольное ограничение суверенитета, допустимость которого многократно подтверждалась решениями третейских судов.

Часто инвестиционный контракт с резидентом зоны содержит положение о подсудности споров государственным судам страны места осуществления инвестиций. Возникает конфликт с правом инвестора обратиться в международный арбитраж на основании двустороннего инвестиционного договора, минуя национальные инстанции. Арбитражная практика последнего десятилетия выработала здесь дифференцированный подход. Если контракт содержит четко выраженный отказ от иных средств правовой защиты и исключительную юрисдикцию национальных судов, то такой выбор будет уважаться. При этом стандартная формулировка о возможности рассмотрения споров в местном суде не блокирует право на международный арбитраж, если она не сопровождается положением об отказе от иных средств. Если двусторонний инвестиционный договор содержит так называемую «зонтичную оговорку», возводящую любое обязательство государства перед инвестором, включая контрактное, в ранг международно-правового, то нарушение положений контракта об особом режиме зоны автоматически трансформируется в нарушение самого договора [8].

Также внимания заслуживает проблема исчерпания внутренних средств правовой защиты в спорах, связанных со свободными зонами.

Вашингтонская конвенция 1965 года не содержит обязательного требования об исчерпании местных средств, если только государство прямо не обусловило свое согласие на арбитраж таким требованием. Это создает ситуацию параллельного существования процессов, когда инвестор может одновременно оспаривать действия налогового органа зоны в национальном административном суде и инициировать арбитражное разбирательство о нарушении гарантий двустороннего инвестиционного договора теми же самыми действиями. Для предотвращения подобных ситуаций в современные договоры включаются положения, обязывающие инвестора отказаться от иска в национальных судах при выборе международного форума, так называемая «развилка на дороге». Механизм этот, при этом, не безупречен, так как формально истцами в разных процессах могут выступать разные юридические лица холдинга, зарегистрированные в разных юрисдикциях. Международное право активно ищет баланс, препятствуя злоупотреблению процессуальными правами и не допуская подрыва суверенного права государства на организацию судебной системы [6].

Концепция «особых экономических зон» в международном праве также соприкасается с нормами об иммунитете государств. Когда арбитражное решение вынесено против государства, допустившего нарушение прав резидента зоны, возникает вопрос его принудительного исполнения. Денежные средства, составляющие бюджет развития зоны, или имущество управляющей компании, выступающей государственным органом, могут находиться за рубежом [5]. Нью-Йоркская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений обязывает государства признавать такие решения [3], однако Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года [2] защищает от ареста имущество, используемое в некоммерческих государственных целях. Возникает сложнейшая дилемма квалификации, а именно, можно ли считать коммерческой деятельностью эксплуатацию индустриального парка или портовой зоны государством. Прецедентная практика национальных судов различных стран демонстрирует эволюцию от абсолютного к функциональному иммунитету.

С точки зрения конституционного и административного права это часть государственной территории, на которой действует особый правовой режим, устанавливаемый в одностороннем порядке, а с позиции международного инвестиционного права это комплекс длящихся обязательств государства, нарушение которых влечет за собой полноценную материальную ответственность. Именно этот разрыв между кажущейся свободой нормотворчества и жесткими рамками международных гарантий чаще всего и становится причиной громких дел, где фигурируют сотни миллионов долларов убытков[9].

Реформирование системы разрешения инвестиционных споров, идущее на площадке ЮНСИТРАЛ, напрямую затрагивает и рассматриваемый институт. Создание постоянного многостороннего инвестиционного суда, возможность апелляционного пересмотра решений, повышенные требования к прозрачности процесса, все эти новеллы призваны внести большую определенность и в споры, касающиеся специальных зон. Для резидентов это означает удлинение сроков разбирательства, но и потенциально более высокое качество правосудия, снижение риска непредсказуемых и политизированных решений. Для государств же, учреждающих зоны, это сигнал к необходимости более тщательного проектирования нормативной базы. Законодательство о зонах должно разрабатываться с оглядкой на сеть действующих двусторонних инвестиционных договоров. Каждое положение об условиях предоставления льгот, их отмене или изменении, о порядке рассмотрения жалоб резидентов должно проходить проверку на соответствие стандартам справедливого и равноправного режима и запрета косвенной экспроприации [10].

Современное состояние международно-правового регулирования споров в специальных инвестиционных зонах характеризуется сложным переплетением контрактного, национального и международного уровней. Свобода государства в установлении преференций для резидентов не является абсолютной, она изначально ограничена его согласием на обязательность арбитражной процедуры и широким толкованием материальных стандартов защиты инвестиций. Основной вывод состоит в том, что совокупность арбитражных решений создал плотную сеть обязательств, где любое существенное изменение правил функционирования зоны, ухудшающее положение инвестора, с высокой вероятностью будет квалифицировано как деликт международно-правового характера, влекущий за собой выплату компенсации. Правотворчество и правоприменение в этой сфере движутся по пути синхронизации, где национальный законодатель, желающий сохранить контроль над созданной им территорией, вынужден заранее встраивать в ее правовой каркас механизмы адаптации к изменяющимся условиям, совместимые с гарантиями, предоставленными международным правом иностранному инвестору.

Список литературы:

[1] Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физи-

ческими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) [рус., англ.] (Заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[2] Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 2004 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[4] Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[5] Величко Е. А. Цели и принципы создания особых экономических зон / Е. А. Величко, В. И. Иванова // Вестник университета. 2024. № 5. С. 103-115.

[6] Гуляев Т. Н. Правовые механизмы защиты прав инвесторов в условиях конкуренции международного и национального законодательства / Т. Н. Гуляев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 10. С. 115-120.

[7] Дудникова Г. В. Инвестиционная деятельность в международном частном праве / Г. В. Дудникова. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. 104 с.

[8] Ибрагимов Т. К. Механизм разрешения споров, возникающих в международном инвестиционном праве / Т. К. Ибрагимов // Endless Light in Science. 2024. № 3. С. 7-11.

[9] Коломейцева А. А. Свободные экономические зоны: фокус на устойчивое развитие / А. А. Коломейцева // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10, № 4(40). С. 16-27.

[10] Новиков А. Г. Особые экономические зоны как инструмент инвестиционной привлекательности России / А. Г. Новиков // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов : Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18 января 2023 года / Отв. редактор О.В. Кублицкая. Том Часть 2. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 111-113.

References:

[1] Convention on Settlement of Investment Disputes between States and Individuals or Legal Entities of Other States (ICSID/ICSID) [Russian, English] (concluded in Washington 18.03.1965) // Consultant Plus Reference Legal System.

[2] UN Convention on Jurisdictional Immunities of States and their Property. Adopted by General Assembly resolution 59/38 of 2 December 2004 // Consultant Plus Legal Reference System.

[3] United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards "(Concluded in New York in 1958) // Consultant Plus Reference System.

[4] UNCITRAL Arbitration Rules // Consultant Plus Reference System.

[5] Velichko E. A. Goals and principles of creating special economic zones/E. A. Velichko, V. I. Ivanova // Bulletin of the University. 2024. № 5. S. 103-115.

[6] Gulyaev T. N. Legal mechanisms for protecting investors' rights in the context of competition of international and national legislation / T. N. Gulyaev // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 10. S. 115-120.

[7] Dudnikova G.V. Investment activities in private international law / G.V. Dudnikova. Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2022. 104 p.

[8] Ibragimov T.K. Mechanism for resolving disputes arising in international investment law / T.K. Ibragimov // Endless Light in Science. 2024. № 3. S. 7-11.

[9] Kolomeitseva A. A. Free economic zones: focus on sustainable development / A. A. Kolomeitseva // International trade and trade policy. 2024. T. 10, NO. 4 (40). S. 16-27.

[10] Novikov A. G. Special economic zones as an instrument of investment attractiveness of Russia / A. G. Novikov // Actual problems of science: students' view: Materials of the All-Russian with international participation of a student scientific conference. In 2 parts, St. Petersburg, January 18, 2023 / Otv. editor O.V. Kublitskaya. Volume Part 2. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2023. S. 111-113.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-254-265

БЕРЁЗА Злата Михайловна,
Выпускница Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», частнопрактикующий юрист, Москва, Россия,
e-mail: zlata_br96@mail.ru

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье рассмотрена проблема концептуализации понятия домашнего насилия в российском праве. Актуальность темы обусловлена пробелами в правовом регулировании противодействия домашнему насилию в России, в том числе отсутствием понимания нормативных границ данного явления. Цель работы – предложить определение термина с учетом не только отечественного, но и международного, а также зарубежного опыта. Исследование проведено с использованием общенаучных, формально-юридического и сравнительно-правового методов. В результате проведенного анализа предлагается авторское определение понятия «домашнее насилие», исходя из представлений о его характере и субъектном составе затрагиваемых им лиц.*

Ключевые слова: *понятие домашнего насилия, семейное насилие, бытовое насилие, гендерное насилие, семейно-бытовое дебоширство.*

BERIOZA Zlata M.,
Graduate of the Doctoral School of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

CONCEPTUALIZING DOMESTIC VIOLENCE IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article examines the problem of legal conceptualization of the term "domestic violence" in the Russian legal framework. The relevance of this topic is caused by the existing gaps in the legal regulation of combating domestic violence in Russia, including a lack of understanding of its normative boundaries. The goal of this study is to propose a legal definition of the notion "domestic violence" grounded in not only national, but also international and foreign experience. The research was conducted with the use of general scientific, formal legal and comparative legal methods. As a result of the analysis the author proposes a definition of "domestic violence", based on the perceptions about its nature and the scope of persons it affects.*

Key words: *definition of domestic violence, domestic violence, family violence, spousal violence, intimate-partner violence, abuse.*

Введение

Насилие в отношении близких лиц, совершенное в семье, в партнерских отношениях, является распространенным социальным явлением, имеющим «эпидемический» охват. По данным Всемирной организации здравоохранения (за период до 2023 года), более 25% женщин в возрасте от 15 до 49 лет сталкивались с насилием такого рода [1, с. 28]. Высокий уровень семейной преступности характерен для России: в 2021 г. показатель зарегистрированных преступлений в семейно-бытовой сфере составил 46 592, в 2022 г. – 42 165, в 2024 г. – 33 307 [2, с. 475].

Домашнее насилие как социальный феномен имеет разные проявления: от более распространенных видов физического, сексуального, психологического, экономического, технологически опосредованного насилия, совершенного в том числе в онлайн-пространстве, до специфических, характерных преимущественно для обществ определенной культурной традиции, форм, таких как «убийства чести», калечащие операции на женских половых органах, ранние браки и др. [3]

Многообразие форм этого социального явления свидетельствует об опасности размытия представлений о нем как о правовой проблеме, требующей реакции государства. В данной связи полагаем, что одним из важнейших шагов в построении правового механизма эффективного противодействия указанному феномену является четкая концептуализация понятия «домашнее насилие» (или смежных с ним) в национальном законодательстве. Нормативное закрепление тер-

мина позволит не только признать серьезность проблемы и озабоченность ее решением со стороны государства, но и более четко разграничивать юридически запрещенные деяния, охватываемые этим явлением, от тех из них, которые не должны влечь за собой нежелательных правовых последствий. Кроме того, такая мера оказывает благотворное влияние на качество профилактической работы и служит основой для повышения правовой грамотности населения, обеспечения доступности средств правовой защиты для пострадавших.

Вместе с тем анализ российского законодательства показал, что понятие домашнего насилия (и аналогичных ему) на федеральном уровне не закреплено, а редкие (меньше 10 из 89 субъектов) попытки субъектов Российской Федерации предложить толкование термина в региональных законах не кажутся удачными.

В рамках данной статьи предлагаем рассмотреть ситуацию в российском праве с точки зрения попыток нормативно очертить границы правонарушающего поведения, попадающего в категорию домашнего насилия, международные стандарты и зарубежные подходы к законодательному определению данного термина и предложить вариант возможного нормативного закрепления понятия «домашнего насилия», который мог быть применим на российской почве.

1.Понятие домашнего насилия в российском законодательстве

Как отмечалось выше, попытки определить понятие «домашнее насилие» в законодательстве Российской Федерации предпринимались только на уровне регионального законодательства. На федеральном уровне криминализованы лишь отдельные проявления домашнего насилия, но они носят фрагментарный характер, оставляя многие формы, например, навязчивое преследование (сталкинг), экономическое насилие или контролирующее поведение, за рамками уголовно-правовой защиты, и не достаточны для решения задачи нормативного определения данного термина.

Что же касается законодательства субъектов, в некоторых из них в законах об административных правонарушениях закреплено понятие «семейно-бытовое дебоширство». Данный термин интерпретируется по-разному в зависимости от субъекта, но, как правило, охватывает такие деяния как «рукоприкладство, ругательства» [4], «скандал, который сопровождается нецензурной бранью, шумом, и (или) повреждением имущества» [5]; «скандал, устраивание беспорядка, которые сопровождаются шумом» [6]; совершение «действий, выражающих явное неуважение к окружающим, <…> сопровождающихся нарушением спокойствия граждан, унижением человеческого достоинства и (или) нецензурной бранью» [7]. Ряд процитированных составов семейно-бытового дебоширства содержат указание на нежелательные последствия в виде «нарушени[я] покоя», «спокойствия» лиц [5, 6, 7]. В некоторых из них делается акцент на субъектном составе пострадавших, к коим относятся члены семьи и (или) проживающие совместно лица [4, 5, 6]. В иных же, напротив, определяющим становится место совершения деяния («совершение в жилом помещении (домовладении) действий»), а к потенциальным жертвам отнесены любые «окружающие», в том числе члены семьи [7].

Отдельные субъекты Российской Федерации идут по пути закрепления более широкого (в том числе семантически) понятия «бытовое дебоширство», которое включает в себя деяния, создающие «конфликтую ситуацию, сопровождающуюся «шумом», «нецензурной бранью» [8, 9], совершенные в рамках более широкого пространства проживания, – «в жилом помещении (домовладении, многоквартирном доме)» [8] или «на защищаемых территориях и в защищаемых помещениях» [9].

Как видится, процитированные положения страдают рядом недостатков.

Во-первых, отсутствует унифицированный подход к выбору нормативно определенных границ наказуемого поведения в сфере семейных и бытовых отношений как с точки зрения названия («семейно-бытовое дебоширство» или «бытовое дебоширство»), конструкции составов (могут включать в себя как физическое насилие, так и только вербальное насилие, повреждение имущества), места совершения (жилое помещение (домовладение) или «многоквартирный дом»), так и круга пострадавших лиц (члены семьи и (или) любые совместно проживающие (пребывающие) лица или любые «окружающие»).

Во-вторых, проблематичной видится и юридическая техника, используемая при конструировании составов таких правонарушений, которая отличается использованием обывательской терминологии («скандал», «рукоприкладство», «ругательства», «дебоширство»), а это, в свою очередь, затрудняет их правовую квалификацию.

В-третьих, обращает на себя внимание незначительность санкции, которая предусмотрена за совершение таких деяний, которая может быть в форме небольшого штрафа (в среднем, до 10 000 рублей) или и вовсе – предупреждения. Такой подход не обеспечивает необходимого сдерживающего от повторного правонарушения эффекта административного наказания.

2. Понятие домашнего насилия в свете международных обязательств государств в сфере защиты прав человека

Говоря о подходах к концептуализации термина «домашнее насилие» в международном праве, следует отметить, что ввиду специфики исторического контекста выработки правозащитного стандарта в данной области домашнее насилие обычно позиционируется как одна из форм дискриминации по признаку пола и проблема, от которой в непропорционально большей степени страдают именно женщины [10]. Поэтому с целью наиболее полного анализа потребуется поместить в фокус исследования и те правовые механизмы, которые относятся не к защите от домашнего насилия per se, но к защите прав женщин в целом.

Исторически домашнее насилие стало рассматриваться в контексте международных обязательств государств в ходе кампании по популяризации знаний о правах женщин и необходимости их особой защиты [11, с. 14].

Первые попытки дать правовое определение феномену домашнего насилия предприняты Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ) в Общих рекомендациях № 12 и № 19, утвердивших защиту от домашнего насилия как составной части обязательств государств по запрещению дискриминации. Общая рекомендация № 19 определяет понятие «гендерного насилия» («gender-based violence»), формой которого признается семейное насилие («family violence»), как насилие, направленное в отношении женщины в силу ее гендерной принадлежности, а также непропорционально сильно затрагивающее женщин. Оно включает в себя акты физического, психологического и (или) сексуального вреда или страданий, угрозы причинения такого вреда, принуждение или иное произвольное лишение свободы [12]. Схожее определение данного термина дается и в более позднем универсальном документе – Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, принятой резолюцией 48/104 ГА ООН от 20 декабря 1993 г. [13].

Говоря о региональных правозащитных механизмах нельзя не упомянуть Межамериканскую конвенцию о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (далее – Конвенция Белен-ду-Пара), имеющую статус международного договора и содержащую указания на конкретные обязательства государств-участников в вопросах противостояния домашнему насилию. Конвенция Белен-ду-Пара понимает «домашнее насилие» как акты физического, сексуального и психологического насилия, совершенные в семье или в домашней обстановке, а также в рамках иных межличностных взаимоотношений, вне зависимости от того, проживали ли обидчик и жертва совместно или нет [14]. Таким образом, в ней впервые на международном уровне была подчеркнута допустимость вариативности межличностных связей между сторонами конфликта и необязательность их совместного проживания для квалификации насилия в качестве «домашнего».

Вместе с тем наиболее всеобъемлющее понятие домашнего насилия было закреплено в рамках европейского регионального механизма защиты женщин от насилия, который разрабатывался на платформе Совета Европы (далее – СЕ). Квинтэссенцией этой работы стало принятие в 2011 г. Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее – Стамбульская конвенция), к которой присоединились почти все государства-члены данной международной организации.

Накопленный к 2011 г. объем знаний о феномене домашнего насилия и методах борьбы с ним объясняет более глубокую проработку используемых в Стамбульской конвенции определений. Так, понятие «насилия в отношении женщин» именно в Стамбульской конвенции впервые на международном уровне открыто включило экономическую составляющую [15; 16, с. 31]. Стамбульская конвенция закрепила и схожее данному Конвенцией Белен-ду-Пара определение домашнего насилия, под которым понимаются акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва. Пункты 41 и 42 Пояснительного доклада конкретизируют субъектный состав, упоминая также межпоколенное насилие, то есть насилие между родителями и детьми [17]. К неоспоримым достоинствам данного определения следует отнести тот факт, что оно фокусируется на широком круге конфликтов и потенциальных обидчиков, включая не только совершенное в кругу семьи, но и на бытовой почве, насилие, в том числе между бывшими супругами, интимными партнерами, не обладающими формальным статусом супруга, а также насилие в отношении детей или со стороны детей в отношении родителей, в том числе пожилых.

Помимо Стамбульской конвенции значительный вклад в развитие понятия домашнего насилия в европейском пространстве внес и Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), контролирующий исполнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Практика ЕСПЧ не дает определения данного явления, но в постановлении от 9 июня 2009 г. по делу «Опуз против Турции» отмечается, что домашнее насилие принимает разные формы, в том числе физического и психологического насилия или

оскорблений (вербального насилия), затрагивая при этом как женщин, так и мужчин, а также детей, которые тоже могут быть прямыми/косвенными жертвами насилия [18].

Одним из важнейших аспектов проблемы домашнего насилия, который нашел отражение в практике ЕСПЧ и не был упомянут нами ранее, является фокус на насилие в онлайн-пространстве. ЕСПЧ неоднократно отмечал, что кибербуллинг является одной из форм насилия, которая проявляется в таких нарушениях неприкосновенности частной жизни в сети Интернет, как взлом компьютера жертвы и завладение, распространение и иные манипуляции со сведениями о жертве, ее изображениями, включая информацию и изображения интимного характера. ЕСПЧ заключил, что онлайн-насилие, совершенное близкими людьми, партнерами пострадавшего (в том числе бывшими), также должно рассматриваться как совершенное на семейно-бытовой почве и получать надлежащую реакцию со стороны государства [19, § 74].

Со ссылкой на доклад Специального докладчика ООН по вопросам насилия в отношении женщин и девочек за 2018 г. ЕСПЧ также обращал внимание на то, что «онлайн-насилие» (online violence) или «кибер-насилие» (cyber violence) может осуществляться посредством доступа, использования, распространения без согласия пострадавшего личной информации, фото- и видеоматериалов, в том числе интимного характера, порномести (revenge porn), то есть распространения интимных изображений без согласия изображенного лица, вне зависимости от согласия такого лица, с целью его стигматизации, осуждения или причинения ему вреда, и в иных формах [20, § 23].

Таким образом, язык международных актов в сфере защиты от домашнего насилия чаще всего оперирует понятиями «насилие в отношении женщин» («гендерное насилие») и «домашнее насилие» («семейное насилие»), при этом зачастую соотнося их как родовое и видовое. Полагаем, что с тезисом о том, что домашнее (семейное) насилие является лишь формой насилия в отношении женщин, сложно согласиться. Даже при учете дискриминационного характера влияния домашнего насилия на женщин, его жертвой, тем не менее, может быть признано лицо любого пола, возраста и т.д. Но нельзя сказать и о том, что термин «домашнее насилие» является родовым для понятия «насилия в отношении женщин», ведь ряд правонарушающих посягательств на женщин совершается за пределами семьи, например изнасилование, домогательство, торговля людьми, понуждение к занятиям проституцией и др.

В части природы актов насилия в международном праве прав человека насилие в отношении женщин и домашнее насилие, как правило, включают физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие. Также следует различать насилие в реальной жизни и в онлайн-пространстве.

3. Концептуализация термина «домашнее насилие» в зарубежном законодательстве

Далеко не во всех государствах, в которых предусмотрено специальное законодательство о противодействии домашнему насилию, есть нормативно закрепленное понимание этого термина (например, в Бельгии, Великобритании, Франции, Германии оно отсутствует), однако таких государств все же немало.

Например, в Албании и Словении домашнее насилие определено не только в специальном законе, но и как самостоятельный состав преступления.

В статье 130 (а) Уголовного кодекса Албании под уголовно наказуемыми актами домашнего насилия понимаются побои, умышленное причинение вреда здоровью, другие насильственные действия, а также серьезные угрозы жизни или причинения вреда здоровью, – в отношении супруга (в том числе бывшего), сожителя (в том числе бывшего), близкого родственника по крови или в силу закона. Как мы видим, данное определение не включает в себя сексуальное насилие, так как оно криминализовано в качестве отдельного состава [21]. В Законе № 996/2006 «О мерах по борьбе с насилием в семейных отношениях» домашнее насилие определено шире как по предмету (включено сексуальное насилие), так и по кругу лиц, которые могут быть потенциальными обидчиками или жертвами (например братья, сестры, родственники по прямой кровной линии, братья и сестры и ряд родственников супруга или сожителя [22], лица, состоящие в физической или эмоциональной близости [23]). Столь широкий подход к определению термина в специальном законе объясняется в первую очередь его ориентированностью на профилактику и превенцию актов насилия, а не на привлечение к ответственности [21, с. 13]. Очевидно, что для повышения эффективности профилактических мер они должны охватывать более широкий круг действий и лиц, быть более доступными для пострадавшего независимо от инициирования процедур по привлечению к ответственности обидчика.

Согласно статье 191 Уголовного кодекса Словении семейное насилие представляет собой действия, совершаемые в условиях семьи или другой формы долгосрочного сожительства и выражающиеся в оскорблении, избиении, причинении боли, унижении, попытках изгнания из общего жилища под угрозой физической расправы, преследовании, принуждении к работе или отказу от работы, иных попытках насильственного

ограничения равноправия, ставящих иное лицо в заведомо подчиненное положение [22, с. 122]. В данном определении примечателен не только акцент на контролирующем характере актов насилия, но и то, что в Словении криминализованы такие действия, которые во многих иных странах не считаются не только преступными, но даже противоправными. Например, в России ни один из перечисленных выше актов не является уголовно наказуемым, кроме побоев (избиения). Более широкое определение дано в Законе о предотвращении насилия в семье 2008 г., согласно которому домашнее насилие включает применение любого физического, сексуального, психологического или экономического насилия либо лишение члена семьи, независимо от ее/его возраста и пола, должного ухода [24, с. 122].

Более ограниченные понятия домашнего насилия закреплены в Японии и Китае. В Японии используется термин «супружеское насилие», которое охватывает телесные повреждения, причиненные одним из супругов (незаконные физические посягательства, угрожающие жизни или здоровью другого супруга), либо слова и действия одного из супругов, причиняющие психологическую или физическую травму того же уровня другому супругу, в том числе бывшему [25]. В Китае домашнее насилие включает в себя только физическую и психическую агрессию между членами семьи путем избиения, связывания, нанесения увечий, ограничения личной свободы, а также частых словесных оскорблений, запугиваний и др. [26]. Таким образом, с точки зрения содержательного наполнения термина остаются «за скобками», как минимум, сексуальное и экономическое насилие. В то же время субъектный состав в Японии ограничен лишь супругами, тогда как в Китае – только членами семьи.

Турция, которая в 2023 г. «сенсационно» денонсировала Стамбульскую конвенцию, также имеет в своем законодательстве рассматриваемый термин. Согласно Закону № 6284 о защите семьи и превенции насилия в отношении женщин под ним понимается физическое, сексуальное, психологическое и/или экономическое насилие между жертвой и виновником насилия, а также членами семьи и людьми, которые считаются членами семьи, независимо от проживания в одном помещении. Закон предоставляет защиту всем лицам вне зависимости от пола и возраста, в том числе женщинам, детям, членам семьи и жертвам преследования, подвергшимся насилию или находящимся под угрозой [27].

В Нидерландах понятие домашнего насилия закреплено в двух актах – Законе о социальной поддержке и Законе о молодежи (распространяет свое действие только на насилие в отношении детей). Первый законодательный акт, который имеет более широкий спектр распространения, оперирует термином «насилие в отношениях зависимости» (violence in a dependency relationship) и определяет его как физическое, психическое или сексуальное насилие или угрозы со стороны члена семьи, соседа по дому, супруга или бывшего супруга или лица, осуществляющего уход. Домашнее насилие не является отдельным преступлением по уголовному законодательству Нидерландов, но оно может быть учтено как отягчающее обстоятельство в рамках иных общеуголовных преступлений (например, причинения тяжкого вреда здоровью) [28].

Интересно правовое регулирование данного вопроса в законодательстве Испании, поскольку именно в нем отражен гендерно-чувствительный подход, нашедший отражение в нормативном закреплении двух терминов с различиями в субъектном составе – «насилие в семье» и «насилие по признаку пола» («гендерное насилие»).

Семейное насилие совершается в кругу семьи, и для него закон не делает акцент на гендерной принадлежности обидчика или жертвы: ими могут быть любые лица, покуда они связаны семейными узами. Его проявлениями могут быть акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье, домашней обстановке, между супругами, партнерами (в том числе бывшими), независимо от отношений сожительства (статья 173(2) Уголовного кодекса Испании) [29].

Гендерное насилие понимается как насилие в отношении женщин в силу того, что оно совершается мужчиной в отношении женщины, которая является его супругой (бывшей супругой), или состоит или была связана с ним узами, аналогичными браку, даже без сожительства. Иными словами, это насилие, совершаемое как акт дискриминации, проявление неравенства и властных полномочий мужчин над женщинами. Оно может выражаться в физическом или психологическом насилии, угрозах, принуждении или произвольном лишении свободы со стороны супруга (бывшего супруга) женщины или лица, с которым она состоит (состояла) в аналогичных эмоциональных отношениях, даже без сожительства [30].

Наличие в законе двух пересекающихся терминов актуализирует вопрос их практического разграничения, так как квалификация деяния как домашнего насилия или гендерного насилия влечет за собой различный набор доступных механизмов защиты. Поскольку для жертв гендерного насилия предусмотрены повышенные, применимые только к ним, гарантии, можно предположить, что женщины в Испании находятся в более защищенном положении по отношению к другим пострадавшим (дети, пожилые люди).

Интересно, что многие страны пост-совет-

ского пространства имеют как специальные законы о противодействии домашнему насилию, так и легальные дефиниции данного термина. Например, в Республике Беларусь нормативное толкование получило определение «насилие в семье». Под ним понимаются умышленные действия физической, психологической, сексуальной направленности со стороны членов семьи, нарушающие права, свободы, законные интересы и причиняющие физические и (или) психические страдания [22, с. 114].

В Азербайджане законодательно закреплено понятие «бытовое насилие». Оно понимается как умышленное причинение физического либо морального вреда путем злоупотребления родственными отношениями, нынешним либо прежним совместным проживанием. Определены виды бытового насилия, к числу которых отнесено физическое, психическое, половое и экономическое насилие. Пострадавшим от насилия может быть лицо, которому причинен физический и (или) моральный вред в результате вышеназванных действий, совершенных умышленно в отношении него совместно проживающим с ним членом семьи, близким родственником, лицом, не состоящим с ним в законном браке либо с которым оно совместно проживало ранее, признается лицом, пострадавшим от бытового насилия или пострадавшим лицом [22, с. 119–120].

В Казахстане также закреплен термин «бытовое насилие», под которым понимается умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) в сфере семейно-бытовых отношений, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания. Под семейно-бытовыми понимаются отношения между супругами (бывшими супругами), лицами, проживающими (проживавшими) совместно, родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей), а к числу форм насилия законом отнесены физическое, психологическое, сексуальное и (или) экономическое [31].

Определение домашнего насилия дано в законодательстве Узбекистана, где оно раскрывается как противоправное действие (бездействие) в отношении женщин, посягающее на их жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь, достоинство, иные охраняемые права и свободы путем применения или угрозы применения мер физического, психологического, полового или экономического воздействия. Под жертвой притеснения и насилия понимается лицо женского пола, находящееся под угрозой совершения притеснения и насилия в отношении нее или пострадавшая в результате притеснения и насилия [32]. Следовательно, фактически речь идет о мерах защиты от насилия в отношении женщин, поскольку из буквального прочтения закона следует, что иных пострадавших он не защищает.

Таким образом, не во всех национальных юрисдикциях предусмотрено нормативное закрепление термина «домашнее насилие» (и аналогичных ему явлений). Сами подходы к толкованию данного понятия различны как по предмету, так и субъектному составу, а также по форме нормативного закрепления (уголовный кодекс, специальный закон об искоренении домашнего насилия, иной законодательный акт). Все чаще в числе проявлений домашнего насилия упоминается экономическое насилие, хотя сама необходимость правовой реакции на него наравне с иными, более традиционными видами преступных посягательств, является дискуссионной. В ряде стран уделяется внимание гендерной подоплеке проблематики домашнего насилия (например, Испания, Узбекистан) в духе международно-правовых стандартов в данной области, однако они все еще остаются в меньшинстве.

4. Перспективы концептуализации понятия «домашнего насилия» в законодательстве Российской Федерации

Несмотря на отсутствие специального законодательства об искоренении домашнего насилия в России, как и самого нормативного определения данного явления, попытки предложить вариант регулирования вопросов профилактики семейной преступности не раз предпринимались в различных законодательных инициативах.

Хронологически последней и самой «нашумевшей» попыткой такого рода стал вынесенный в 2019 г. на общественное обсуждение проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее – законопроект), который вызвал неоднозначную реакцию в российском правовом и обывательском сообществе.

Законопроектом определяется термин «семейно-бытовое насилие», под которым предложено понимать «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления» [33].

Понимая стремление авторов законопроекта избежать вторжения в сферу уголовного права и законодательства об административных правонарушениях, все же считаем такой подход к определению данного термина проблематичным.

Во-первых, сомнения возникают в части необходимости ограничивать содержательное наполнение предложенной дефиниции только теми деяниями, которые не подпадают под состав административного правонарушения и (или) преступления. Это изначально чрезмерно сужает круг действий, ответом на которые должна стать

профилактическая и превентивная работа должностных лиц правоохранительных органов.

Во-вторых, определение содержит далеко не полный перечень возможных проявлений семейно-бытового насилия, сократив их до деяний, причиняющих лишь физический, психологический и имущественный вред.

Наконец, проблематичен сам выбор термина «семейно-бытовое насилие» в качестве нормативного. Как видится, он не позволяет в полной мере отразить специфику рассматриваемых преступных деяний, хотя и является наиболее употребительным в российской правовой традиции.

В данной связи полагаем необходимым коротко осветить вопрос о более приемлемом термине, который может быть использован с целью нормативного закрепления данного явления. Полагаем возможным выбрать из наиболее часто используемых в международных и зарубежных нормативных актах терминов «семейное насилие», «домашнее насилие» и «бытовое насилие», которые, на наш взгляд, существенно отличаются по субъектному составу.

Так, полагаем, что термин семейное насилие (насилием в семье) следует раскрывать, исходя из его буквального понимания, как насилия между родственниками и свойственниками.

Что же касается домашнего насилия, то в отношении данного термина в российской правовой науке существует неопределенность в толковании. Помимо того, что довольно часто он используется как синонимичный понятию семейного насилия, встречаются как более узкие, так и более широкие подходы к толкованию данного термина. Так, более узкого подхода придерживается

В.А. Шакина, ограничивая проявления домашнего насилия рамками «семейной территории», что указывает не только на семейный характер связей между сторонами конфликта, но и необходимость совместного проживания членов семьи [34, с. 13]. Л.А. Колпакова, напротив, придерживается более широкого толкования, полагая, что вследствие заимствованного происхождения данного термина (от англ. domestic violence), он семантически является ничем иным как указанием на домашнюю (бытовую) обстановку совершения преступлений, но не семейно-родственный характер отношений между обидчиком и жертвой [35, с. 65]. Схожее понимание разделяет и В.И. Шахов, согласно которому термин «домашнее насилие» указывает на «географию» совершения преступления, а не на характер взаимоотношений между участниками конфликта [36]. На наш взгляд, хотя видится допустимым и такой вариант терминологической интерпретации, он избыточно опирается на семантические характеристики, а не содержание термина в западной доктрине, откуда он был заимствован.

Полагаем, что понятие домашнее насилие должно признаваться родовым по отношению к семейному насилию, так как оно включает в себя насилие как в отношении родственников (свойственников), так и иных близких лиц, в которым относятся партнеры (бывшие партнеры), юридически не всегда состоящие в отношениях родства [37, с. 131]. Однако в отличие от бытового насилия он не может быть использован для обозначения насилия в отношении знакомых лиц, с которыми обидчик (жертва) не состоит в близких отношениях (например, коллеги, соседи, знакомые, друзья семьи и др.), и незнакомых лиц. Данный вывод основан на представлении о многообразии «бытовых отношениях», которые помимо семейной включают коммунальную, досуговую и производственную составляющие [38, с. 3–20]. С.В. Максимов и В.П. Ревин характеризуют бытовое насилие, как преступные посягательства лица, связанного с потерпевшим не только семейным, но и иным родственным или соседским общением [39, с. 15]. К.А. Мясникова также подчеркивает, что бытовые преступления совершаются в физическом пространстве сферы быта, при наличии родственных, свойственных, соседских и других бытовых связей между сторонами конфликта [40, с. 7].

Необходимо подчеркнуть, что названное разграничение имеет важные практические последствия. Преступления, совершенные на бытовой почве, имея солидный удельный вес в общей статистике преступности, далеко не всегда обладают особенностями, характерными для домашнего насилия. Например, Л.А. Колпакова, обосновывая недопустимость смешения терминов семейного насилия и бытового насилия, отмечает, что последнее не предполагает обязательного наличия семейных отношений между преступником и жертвой, а также длительного и устойчивого межличностного общения между ними [35, с. 65]. Это объясняется тем, что в категорию «бытовых» преступлений как на академическом, так и на практическом уровне относят самый разнообразный спектр преступных деяний, иногда связанных между собой только географически. Так, Е.П. Ким в своем диссертационном исследовании отмечал, что в статистике органов внутренних дел к бытовым преступлениям относят насильственные преступления против личности, совершенные в подъездах жилых домов, квартирах, общежитиях, то есть совершенные в отношении незнакомых людей [38, с. 3–20]. И такие преступления в общей картине преступности составляют большинство: девять из десяти преступлений (88,6%) совершается в жилье и рядом с ним (лифтах, подъездах, дворах) [41, с. 3].

На наш взгляд, представляется оптималь-

ным использовать на законодательном уровне термин «домашнее насилие» и предложить следующее возможное наполнение данного понятия:

«Домашнее насилие – это любое действие (бездействие) одного лица, которое причиняет и (или) содержит угрозу причинения физического, сексуального, психологического и иного вреда и (или) страданий другому лицу, с которым оно находится или находилось ранее в родственных, свойственных, фактических брачных отношениях, и (или) имеет совместных детей, вне зависимости от квалификации такого деяния как административного правонарушения и (или) преступления».

При таком подходе под понятие домашнего насилия подпадают не только запрещенные, но и не запрещенные законом деяния, удовлетворяющие вышеназванным характеристикам. Полагаем это важным, поскольку на текущем уровне законодательного регулирования существует достаточно деяний, которые формально относятся к категории домашнего насилия, но не запрещены в России в соответствии с законодательством об административных правонарушениях и уголовным законодательством (навязчивое преследование, оскорбления и т.д.). Подобный подход к толкованию термина позволит применять механизмы профилактики и к ненаказуемым видам насильственных действий, чтобы они не переросли в законодательно запрещенные.

Последний вопрос, на который следует обратить внимание, является вопрос о том, в каком нормативном акте следует закрепить указанный термин. Опыт зарубежных стран говорит о существовании разных моделей регулирования данного вопроса. Например, в Албании предусмотрено два определения домашнего насилия – в Уголовном кодексе Албании и в специальном законе о противодействии домашнему насилию, которые отличаются как по содержанию, так и по кругу субъектов. В Испании и Узбекистане понятие домашнего насилия раскрывается в законодательстве, посвященном противодействию насилию в отношении женщин, в нем отражен гендерно-ориентированный подход к данному явлению. В законодательстве Нидерландов понятие, эквивалентные домашнему насилию, закреплены в законодательных актах о мерах социальной поддержки пострадавших и защите детей, но не в законодательстве о противодействии насилию в семье. Кроме того, существует целая плеяда стран, которые и вовсе не имеют нормативного определения данного термина.

Таким образом, полагаем, что различные варианты законодательного закрепления данного термина можно предусмотреть и в России. Выбор приемлемой модели во многом будет зависеть от того, будет ли создан отдельный законодательный акт о противодействии насилию в семье, или необходимое нормативное регулирование будет осуществляться посредством внесения «точечных» поправок в существующие законодательные акты. На наш взгляд, не имеет существенного значения форма закрепления специальных норм о домашнем насилии в отечественном законодательстве при условии полноты предлагаемого законодательного регулирования. Вместе с тем для устранения возможных противоречий о сфере применения термина и отдельных видов специального регулирования, которое может носить межотраслевой характер, было бы целесообразно закрепить указанные нормы в самостоятельном законе.

Заключение

Важным шагом в построении правового механизма противодействия домашнему насилию как социальному явлению является определение его границ в национальном праве. Это позволяет обозначить серьезность проблемы, разграничивать юридически запрещенное поведение от не влекущего правовых последствий, повышает качество профилактики и доступность средств защиты.

В российском законодательстве попытки определить значение и правовые границы данного термина осуществлялись только на региональном уровне, и их нельзя назвать удачными. Так, сформулированные в качестве состава административного правонарушения дефиниции страдают отсутствием единого подхода к их содержательному наполнению, плохой юридической техникой и имеют низкую практическую эффективность.

Полагаем, что в целях концептуализации понятия «домашнего насилия» в России следует опираться на международный и зарубежный опыт и учитывать многообразие проявлений данного явления.

В международном праве прав человека домашнее насилие, как правило, включает физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие, различается насилие в офлайн- и в онлайн-пространстве. Также обращается внимание на гендерно-чувствительный подход к толкованию явления, в рамках которого оно рассматривается как форма дискриминации по признаку пола.

Интересен и опыт зарубежных стран в вопросе концептуализации понятия домашнего насилия на уровне национальных законодательств. Хоть далеко не все страны мира имеют закрепленное в законе определение данного термина, таких стран довольно много. Понятия домашнего насилия и схожие с ним различны как по содержанию (включают физическое, сексуальное, психологическое, все чаще – экономическое на-

силие, содержат указание на гендерный характер явления или являются гендерно-нейтральными), так и по субъектному составу (партнерское насилие, семейное насилие, домашнее насилие, бытовое насилие). Различны и модели нормативного закрепления термина в национальных законодательствах – от закрепления самостоятельного состава преступления в уголовном законе до включения понятия в специальный закон о борьбе с данным явлением или иное специальное законодательство.

Учитывая рассмотренный опыт в рамках конструирования определения в российской правовой системе, следует, во-первых, определиться с термином, подлежащим закреплению. Полагаем, что оптимальным будет являться понятие «домашнее насилие», поскольку оно позволяет охватить значительный круг субъектов, не искажая существа явления. Во-вторых, признаем допустимость разных законодательных подходов к определению нормативного акта, в котором термин может быть предусмотрен, но считаем предпочтительным его закрепление в специальном законодательном акте о противодействии домашнему насилию. Наконец, предлагаем авторское определение термина «домашнее насилие», которое сформулировано исходя из представлений о характере данного явления и субъектном составе затрагиваемых лиц.

Список литературы:

[1] Violence against women prevalence estimates, 2023: global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and non-partner sexual violence against women. Geneva: World Health Organization; 2025. Available at: https://iris.who.int/handle/10665/383559 (accessed on: 06.09.2026). 164 p.

[2] Щепельков В.Ф. Домашнее насилие в России: криминологический анализ современного состояния (на основе всероссийского опроса населения) // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 5. С. 473–483.

[3] The Routledge International Handbook of Domestic Violence and Abuse. / Edited by Devaney J., Bradbury-Jones C., Macy R.J., Øverlien C. and Holt S. NY: Routledge, 2021. 834 p.

[4] Закон Республики Башкортостан от 23 июня 2011 г. № 413-з «Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях». URL: https://docs.cntd.ru/document/450366898 (дата обращения: 06.09.2026).

[5] Закон Забайкальского края от 2 июля 2009 г. № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях» URL: https://docs.cntd.ru/document/922220224 (дата обращения: 06.09.2026).

[6] Закон Республики Алтай от 10 ноября 2015 г. № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай». URL: https://docs.cntd.ru/document/430657883 (дата обращения: 06.09.2026).

[7] Закон Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области». URL: https://base.garant.ru/20363800/57bfd906f1089a3ff29d88ca4bd53072/ (дата обращения: 06.09.2026).

[8] Закон Республики Мордовия от 15 июня 2015 г. № 38-З «Об административной ответственности на территории Республики Мордовия». URL: https://docs.cntd.ru/document/428591452 (дата обращения: 06.09.2026).

[9] Закон Пермского края от 6 апреля 2015 г. № 460-ПК «Об административных правонарушениях в Пермском крае». URL: https://docs.cntd.ru/document/424089842 (дата обращения: 06.09.2026).

[10] Подоплелова О.Г. Дела о гендерной дискриминации в практике Европейского суда по правам человека: оценка эффективности подходов // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 36 – 45.

[11] Thomas D.Q, Beasely M.E. Domestic Violence as a Human Rights Issue // Human Rights Quarterly. 1993. Vol. 15, No. 17. P. 36–62.

[12] General Recommendation No. 19: Violence against women. UN Committee on the Elimination of Discrimination Against Women (CEDAW), 1992. URL: https://www.refworld.org/docid/52d920c54.html (accessed on 06.09.2026).

[13] Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Принята Резолюцией 48/ 104 ГА ООН 20 декабря 1993 г. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women (дата обращения: 06.09.2026).

[14] Межамериканская конвенция о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него. URL: https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-61.html (дата обращения: 06.09.2026).

[15] Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (CETS № 210) (заключена в г. Стамбуле 11 мая 2011 г.). URL: https://rm.coe.int/168046253f (дата обращения: 06.09.2026).

[16] Гончаренко О.К. Международно-правовые средства Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2021. 249 с.

[17] Пояснительный доклад к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием //

Официальный сайт Совета Европы. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383a (дата обращения: 06.09.2026).

[18] Постановления ЕСПЧ от 9 июня 2009 г. по делу «Опуз против Турции» (Opuz v. Turkey) (жалоба № 33401/02), § 132.

[19] Постановление ЕСПЧ от 11 февраля 2020 г. по делу «Бутуруга против Румынии» (Buturugă v. Romania) (жалоба № 56876/15).

[20] Постановление ЕСПЧ от 14 сентября 2021 г. по делу «Володина против России (2)» (Volodina v. Russia (2) (жалоба № 40419/19).

[21] GREVIO's (Baseline) Evaluation Report on legislative and other measures giving effect to the provisions of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention). Albania. URL: https://rm.coe.int/grevio-first-baseline-report-on-albania/16807688a7 (дата обращения: 06.09.2026).

[22] Law of the Republic of Albania of 18 December 2006 № 9669 "On measures against violence in family relations". URL: https://evaw-global-database.unwomen.org //media/files/un%20women/vaw/full%20text/europe/law%20on%20measures%20against%20violence%20in%20family%20relations%20(2006)/albania%20%20law%20on%20measures%20against%20violence%20in%20family%20relations%202006doc.pdf?vs=958 (дата обращения: 06.09.2026).

[23] Law of the Republic of Albania of 18 December 2006 № 48/2018 "On some addenda and amendments to Law № 9669 "On measures against violence in family relations". URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/SRMigrants/submissions/Albania_NHRI_Annex2_GA-Report.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[24] Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н.А. Голованова. М.: Юстицинформ, 2011. 384 с.

[25] Act on the Prevention of Spousal Violence and the Protection of Victims (Act № 31 of 13 April 2001). URL: https://www.gender.go.jp/policy/no_violence/e-vaw/law/pdf/sv.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[26] Anti-domestic Violence Law of the People's Republic of China of 27 December 2015, Order № 37 of the President. URL: http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=20841&EncodingName=big5 (дата обращения: 06.09.2026).

[27] The Law to Protect Family and Prevent Violence Against Women of 8 March 2012 № 6284. URL: http://www.lawsturkey.com/law/law-to-protect-family-and-prevent-violence-against-woman-6284 (дата обращения: 06.09.2026).

[28] GREVIO's (Baseline) Evaluation Report on legislative and other measures giving effect to the provisions of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention). The Netherlands. URL: https://rm.coe.int/grevio-report-on-netherlands/1680997253 (дата обращения: 06.09.2026).

[29] Organic Act of 23 November 2011 № 10/1995 dated "On the Criminal Code". URL: https://documents.law.yale.edu/sites/default/files/criminal_code_spain.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[30] Organic Act of 28 December 2009 № 1/2004 "On Integrated Protection Measures against Gender Violence". URL: https://violenciagenero.igualdad.gob.es/definicion/pdf/Ley_integral_ingles.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[31] Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2025). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30525680&pos=42;-55#pos=42;-55 (дата обращения: 06.09.2026).

[32] Закон Республики Узбекистан от 02.09.2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия. URL: https://lex.uz/docs/4494712 (дата обращения: 06.09.2026).

[33] Федеральный закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUlq7JAARUS.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[34] Шакина В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: Проблемы, причины, предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2002. 204 с.

[35] Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: дис. … канд. юрид. наук, 20.00.08. Ярославль, 2007. 232 с.

[36] Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: дис. … канд. юрид. наук: 20.00.08. Ижевск, 2003. 197 с.

[37] Burelomova A.S., Gulina M.A., Tikhomandritskaya O.A. Intimate partner violence: an overview of the existing theories, conceptual frameworks, and definitions // Psychology in Russia: State of Art. 2018. Vol. 11 (3). P. 128–144.

[38] Ким Е.П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение: проблемы теории и практики: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 354 с.

[39] Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере се-

мейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики. М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. 56 с.

[40] Мясникова К.А. Криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры ее предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 240 с.

[41] Титаев К.Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 2(2019). 16 с.

References:

[1] Violence against women prevalence estimates, 2023: global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and non-partner sexual violence against women. Geneva: World Health Organization; 2025. Available at: https://iris.who.int/handle/10665/383559 (accessed on: 06.09.2026). 164 p.

[2] Shchepelkov V.F. Domestic violence in Russia: criminological analysis of the current state (based on an all-Russian population survey) // All-Russian Criminological Journal. 2025. VOL. 19, NO. 5. S. 473-483.

[3] The Routledge International Handbook of Domestic Violence and Abuse. / Edited by Devaney J., Bradbury-Jones C., Macy R.J., Øverlien C. and Holt S. NY: Routledge, 2021. 834 p.

[4] Law of the Republic of Bashkortostan dated June 23, 2011 No. 413-z "Code of the Republic of Bashkortostan on Administrative Offenses." URL: https://docs.cntd.ru/document/450366898 (access date: 06.09.2026).

[5] Law of the Trans-Baikal Territory No. 198-33K dated July 2, 2009 "On Administrative Offenses" URL: https://docs.cntd.ru/document/922220224 (date of reference: 06.09.2026).

[6] Law of the Altai Republic No. 69-RZ dated November 10, 2015 "On administrative offenses in the Altai Republic." URL: https://docs.cntd.ru/document/430657883 (access date: 06.09.2026).

[7] Vologda Oblast Law No. 2429-OZ dated December 8, 2010 "On administrative offenses in the Vologda Oblast." URL: https://base.garant.ru/20363800/57bfd906f1089a3ff29d88ca4bd53072/ (access date: 06.09.2026).

[8] Law of the Republic of Mordovia No. 38-Z dated June 15, 2015 "On administrative responsibility in the territory of the Republic of Mordovia." URL: https://docs.cntd.ru/document/428591452 (access date: 06.09.2026).

[9] Perm Krai Law No. 460-PK dated April 6, 2015 "On administrative offenses in the Perm Territory." URL: https://docs.cntd.ru/document/424089842 (access date: 06.09.2026).

[10] Podoplelova O.G. Cases of gender discrimination in the practice of the European Court of Human Rights: assessing the effectiveness of approaches // International Justice. 2018. № 3. S. 36-45.

[11] Thomas D.Q, Beasely M.E. Domestic Violence as a Human Rights Issue // Human Rights Quarterly. 1993. Vol. 15, No. 17. P. 36–62.

[12] General Recommendation No. 19: Violence against women. UN Committee on the Elimination of Discrimination Against Women (CEDAW), 1992. URL: https://www.refworld.org/docid/52d920c54.html (accessed on 06.09.2026).

[13] Declaration on the Elimination of Violence against Women. Adopted by UNGA Resolution 48/104 on December 20, 1993 URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women (accessed: 06.09.2026).

[14] Inter-American Convention on the Prevention, Punishment and Elimination of Violence against Women. URL: https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-61.html (access date: 06.09.2026).

[15] Council of Europe Convention on Prevention and Combating of Violence against women and domestic violence (CETS No. 210) (concluded in Istanbul on May 11, 2011). URL: https://rm.coe.int/168046253f (access date: 06.09.2026).

[16] O.K. Goncharenko. Council of Europe international legal instruments to prevent and combat violence against women and domestic violence: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.10. M., 2021. 249 pp.

[17] Explanatory report to the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence // Official website of the Council of Europe. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383a (дата обращения: 06.09.2026).

[18] ECHR rulings of 9 June 2009 in Opuz v. Turkey (Complaint No. 33401/02), § 132.

[19] ECHR ruling of 11 February 2020 in Buturugă v. Romania (complaint No. 56876/15).

[20] Decision of the ECHR of September 14, 2021 in the case of Volodina v. Russia (2) (complaint No. 40419/19).

[21] GREVIO's (Baseline) Evaluation Report on legislative and other measures giving effect to the provisions of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention). Albania. URL: https://rm.coe.int/grevio-first-baseline-report-on-albania/16807688a7 (access date: 06.09.2026).

[22] Law of the Republic of Albania of 18 December 2006 № 9669 "On measures against violence in family relations".

URL: https://evaw-global-database.unwomen.org // media/files/un%20women/vaw/full%20text/europe/law%20on%20measures%20against%20violence%20in%20family%20relations%20(2006)/albania%20%20law%20on%20measures%20against%20violence%20in%20family%20relations%202006doc.pdf?vs=958 (дата обращения: 06.09.2026).

[23] Law of the Republic of Albania of 18 December 2006 № 48/2018 “On some addenda and amendments to Law № 9669 “On measures against violence in family relations”. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/SRMigrants/submissions/Albania_NHRI_Annex2_GA-Report.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[24] Domestic violence under the laws of foreign countries: responsibility and prevention/resp. ed. Cand. jurid. N.A. Golovanova. M.: Justicinform, 2011. 384 pp.

[25] Act on the Prevention of Spousal Violence and the Protection of Victims (Act № 31 of 13 April 2001). URL: https://www.gender.go.jp/policy/no_violence/ e-vaw/law/pdf/sv.pdf (accessed on: 06.09.2026).

[26] Anti-domestic Violence Law of the People's Republic of Chinaof 27 December 2015, Order № 37 of the President. URL: http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=20841&EncodingName=big5 (дата обращения: 06.09.2026).

[27] The Law to Protect Family and Prevent Violence Against Women of 8 March 2012 № 6284. URL: http://www.lawsturkey.com/law/law-to-protect-family-and-prevent-violence-against-woman-6284 (дата обращения: 06.09.2026).

[28] GREVIO’s (Baseline) Evaluation Report on legislative and other measures giving effect to the provisions of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention). The Netherlands. URL: https://rm.coe.int/grevio-report-on-netherlands/1680997253 (access date: 06.09.2026).

[29] Organic Act of 23 November 2011 № 10/1995 dated “On the Criminal Code”. URL: https://documents.law.yale.edu/sites/default/files/criminal_code_ spain.pdf (accessed on: 06.09.2026).

[30] Organic Act of 28 December 2009 № 1/2004 “On Integrated Protection Measures against Gender Violence”. URL: https://violenciagenero.igualdad.gob.es/definicion/pdf/Ley _ integral _ ingles.pdf (Accessed: 06.09.2026).

[31] Act No. 214-IV of 4 December 2009 on the prevention of domestic violence (as amended 12.07.2025). URL: https://online.zakon.kz/document/? doc _ id = 30525680&pos = 42; -55#pos = 42; -55 (accessed on: 06.09.2026).

[32] Act No. 02.09.2019 of ZRU-561 on the Protection of Women from Oppression and Violence. URL: https://lex.uz/docs/4494712 (access date: 06.09.2026).

[33] Federal Law "On Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation." URL: http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUA xolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf (Accessed 06.09.2026).

[34] Shakina VA Woman as a Victim of Domestic Violence in Marital Relationships: Problems, Causes, Warning: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. Irkutsk, 2002. 204 pp.

[35] Kolpakova L.A. Domestic violence: victimological aspect, differentiation of responsibility and issues of legislative technique: dis.... cand. jurid. Sciences, 20.00.08. Yaroslavl, 2007. 232 s.

[36] Shakhov V.I. Domestic violence: criminal law and criminological significance: dis.... cand. jurid. Sciences: 20.00.08. Izhevsk, 2003. 197 pp.

[37] Burelomova A.S., Gulina M.A. , Tikhomandritskaya O.A. Intimate partner violence: an overview of the existing theories, conceptual frameworks, and definitions // Psychology in Russia: State of Art. 2018. Vol. 11 (3). P. 128–144.

[38] Kim E.P. Crime in the sphere of domestic relations and its prevention: problems of theory and practice: dis.... doc. jurid. Sciences: 12.00.08. M., 2002. 354 c.

[39] Maksimov S.V., Revin V.P. Violent crimes in the field of family and domestic relations and the problems of their prevention. M.: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 56 pp.

[40] Myasnikova K.A. Criminological characteristics of modern domestic crime and its prevention measures: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. Rostov-on-Don, 2004. 240 s.

[41] Titaev K.D. Violent Crime in Russia: Victims and crimes: an analytical review. St. Petersburg: Institute for Law Enforcement Problems at the European University in St. Petersburg, 2019. (Analytical reviews on enforcement issues; issue 2 (2019). 16 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-266-269

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов как инструмента повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений. Проанализированы ключевые направления применения ИИ-продуктов: мониторинг цифровой среды, систематизация данных, прогнозирование преступной активности и обеспечение коммуникации. На примере практики США, Аргентины и Китая показаны формы и эффекты внедрения ИИ в правоприменительную деятельность, включая генерацию изображений подозреваемых и автоматизацию рутинных процессов в судах и пенитенциарной системе. Особое внимание уделено ограничениям и рискам использования генеративных нейросетей в следственной работе (шаблонность, снижение критичности, проблемы достоверности). Сделан вывод о целесообразности применения ИИ в качестве сервисного «помощника» (конвертация аудио в текст, создание фотороботов) при условии обеспечения цифровой безопасности и наличия отечественного программного обеспечения.*

Ключевые слова: *расследование преступлений, нейросеть, правоохранительные органы, искусственный интеллект, чат-бот, программное обеспечение, конвертация.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences, North-West Institute (branch) of O.E. Kutafina University (MSLA)

ON THE ISSUE OF FOREIGN EXPERIENCE IN USING SCIENTIFIC, TECHNICAL AND SOFTWARE TOOLS AS A MEANS OF COMBATING CRIME

Annotation. *The article examines the role of digital technologies and artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies as a tool for improving the efficiency of detecting, solving, and investigating crimes. The key areas of application of AI products are analysed: monitoring the digital environment, systematising data, predicting criminal activity, and ensuring communication. Using examples from the practices of the USA, Argentina, and China, the forms and effects of introducing AI into law enforcement activities are demonstrated, including the generation of images of suspects and the automation of routine processes in courts and the penitentiary system. Special attention is paid to the limitations and risks of using generative neural networks in investigative work (template-based approach, reduced criticality, reliability issues). The conclusion is drawn that it is advisable to use AI as a service "assistant" (converting audio to text, creating photofits) provided that digital security is ensured and domestic software is available.*

Key words: *crime investigation, neural network, law enforcement agencies, artificial intelligence, chatbot, software, conversion.*

Разработка передовых технологий и готовых программных продуктов служит комплексной мерой развития различных сфер государственного устройства, инструментом стабилизации работы систем социальной, экономической, правоприменительной деятельности, обеспечивает адаптивность и гибкость деятельности служб и ведомств к быстроменяющемуся запросу общества на эффективность, быстроту и качество принимаемых решений.

Внедрение и использование цифровых продуктов также характеризует изменение форм борьбы и противодействия преступности как меры по поддержанию безопасности, стабильности развития страны. Согласимся с мнением, доцента Усмановой Е.Ф., которая в своем исследовании отмечает, что именно рост масштабов цифровизации и развитие цифровых платформ являются закономерными и обусловлены глобальными тенденциями в правоохранительной деятельности [Усманова, с. 44]. Поэтому трансформация, компьютеризация и алгоритмизация процессов отдельных направлений государственного регулирования, в том числе сферы правоохранительной деятельности, свидетельствует о необходимости изучения не только российского опыта, но и практики ряда зарубежных стран в аспекте использования инструментов искусственного интеллекта и внедрения новейших технологий выявления противоправной деятельности.

Использование ИИ-продуктов в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, принятия управленческих решений сводится к нескольким основным направлениям:

Мониторинг информационной (компьютерной, цифровой) среды, содержащей следы противоправной деятельности.

Систематизация и хранение, операционное обслуживание большого объема данных (например, учетной информации), необходимой для раскрытия преступлений.

Аналитическое прогнозирование преступной активности на основе данных прошлых лет.

Сервисное обеспечение коммуникативного взаимодействия специалиста (сотрудника) правоохранительной, контрольно-надзорной или судебной структуры с иными субъектами, в том числе потерпевшими и свидетелями.

В свою очередь, каждый их ИИ-агентов («цифровых сотрудников»), программных цифровых продуктов или инструментов нейросети, искусственного интеллекта, предназначены для автоматизации и автономности решения задачи в первую очередь информационного обеспечения деятельности правоохранителей как всего лишь одного из элементов криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, в своем исследовании, доцент И.А. Завьялов, отмечал, что США, занимали лидирующие позиции по применению искусственного интеллекта по следующим направлениям [Завьялов, с. 230-231]:

обработка массивов криминалистической и оперативной информации (операционный центр общественной безопасности, г. Нью-Йорк; система обработки информации Palantir Technologies);

внедрение систем прогнозирования противоправных действий, ориентировке полицейских на наиболее криминальные участки в городской среде, базирующейся на основе статистических данных, отчетах о преступлениях прошлых лет (система Blue CRUSH; система PredPol; система определения списка лиц, находящихся в группе риска совершения убийств, используемая в полиции Чикаго);

анализ криминалистической ситуации совершения преступления (система Real-time intelligence crime analytics system);

противодействие кибератакам и расследование отдельных групп преступлений, совершаемых в цифровом пространстве (платформа Nigel, система Mayhem).

В свою очередь, в 2024 году издание «The Washington Post» [3], подготовило обзор об использовании искусственного интеллекта в целях «распознавания» лиц, подозреваемых в совершении преступления, указав, что система склонна к ошибкам, особенно при идентификации темнокожих людей, женщин и пожилых лиц, поскольку их изображения реже встречаются на общедоступных Интернет-ресурсах, в социальных сетях, что затрудняет их идентификацию по изображению с камеры видеонаблюдения.

Анализ плюсов и минусов современных достижений использования цифровых технологий в обеспечении полиции США инструментами борьбы с преступностью позволил нам выделить такое перспективное направление как использование ChatGPT в генерации фотоизображения подозреваемого [4]. Так, в декабре 2025 года полицейскими г. Гудиер (округ Марикопа, штат Аризона) на основе опроса свидетеля вооруженной стрельбы, было составлено письменное описание внешнего облика подозреваемого в совершении преступления, в последующем загруженного, в разработанный компанией OpenAI - ChatGPT. По словам сотрудников полиции, изображение, получено тем же способом, что и фоторобот, но с использованием другого «мощного и эффектив-

ного» инструмента.

Отметим, что ChatGPT представляет собой чат-бот, который выглядит как текстовый коммуникативный диалог, в основе которого лежит нейронная сеть. При его использовании российскими правоохранительными структурами спецификация и внедрение работы любой нейросети предполагает:

Разработку (закупку) стандартизированного программного обеспечения (продукта) с определенной системой защиты, т.е. безопасной нейросети с позиции недопустимости потери (захвата, утечки) данных.

Обучение сотрудников правоохранительного ведомства правильной формулировке промта для нейросети.

Например, при формировании промта на изображение человека, по аналогии с составлением фоторобота, сотрудник должен использовать не правила, разработанные наукой габитоскопией, а следующую цепочку описания:

задача, которую необходимо решить с изображением («создай», «сгенерируй»);

объект («мужчина», «40 лет», «с волнистыми сияющими светлыми волосами», «с широкими черными бровями», «с хитрыми глазами»);

действия объекта («сидит», «стоит»);

формат изображения («цветной портрет», «черно-белый фоторобот»);

описание места объекта на изображении («на фоне белой стены»).

Затраты, необходимые на обслуживание и сопровождение программного продукта, актуализацию информации, регулярное обновление, устранение ошибок в работе.

При этом, использование нейросети, искусственного интеллекта, остается перспективным, но сложно реализуемым для внедрения в деятельность правоохранительных структур России на повседневной основе.

Опыт использования искусственного интеллекта, в частности искусственного интеллекта генеративного типа, широко используется государственными структурами Латинской Америки. В Аргентине рассматриваемый инструмент используется в целях оптимизации и администрирования «рутинных» процессов в процессе подготовки и разрешения уголовного дела в судах, а также функционирования пенитенциарной системы [5]. Основными формами использования искусственного интеллекта является подготовка работниками прокуратуры документов к судебному заседанию, систематизация вынесенных ранее судебных решений в рамках разрешения уголовных дел по отдельным категориям (группам) преступлений, учет участия осужденных в трудовых, образовательных программах уже в процессе исполнения приговора и отбывания уголовного наказания.

В Китае, как государстве, непрерывно стремящемся к внедрению цифровых технологий в государственный сектор, развитию цифровой инфраструктуры при строгом обеспечении безопасности данных, в феврале 2026 года в рамках работы конференции по муниципальному управлению и работе с информацией, была представлена и запущена «первая карта обработки данных и первый пакет согласованных правил защиты информационного пространства данных» [6]. Отметим, что еще с 2018 года в Китае, проводятся эксперименты по использованию «цифрового судьи», а с 2021 года – «цифрового прокурора», которые служат инструментом подготовки при генерации судебного решения, предъявления обвинения.

По нашему мнению, генеративный текст и его использование в процессе цифровизации деятельности субъекта расследования в России в настоящее время представляется не вполне возможным.

Позиция обусловлена алгоритмизацией процесса генерации текста с использованием нейросети или искусственного интеллекта, которая связана с сниженным уровнем критичности, высоким уровнем шаблонности, что является недопустимым при сборе доказательств. Например, при генерации текста протокола осмотра квартиры при совершении кражи, каждый из них будет отличен друг от друга, должен содержать индивидуализированную обстановку места происшествия, чего нельзя добиться, используя ИИ-агента.

В свою очередь, программное обеспечение по конвертации аудиофрагмента в текст является сервисом для работы следственно-оперативной группы, который минимизирует затраты времени на составление процессуального документа (протокол допроса, протокол осмотра места происшествия, обыска). При этом допустимость полученного с использованием программы конвертации доказательства будет обеспечена последующим ознакомлением участников следственного действия с процессуальным документом.

Опыт использования современных и инновационных технологий в зарубежных странах показал, что на пути цифровизации процесса выявления и противодействия преступлениям, ИИ-агенты и программное обеспечение должно служить инструментом, сервисным цифровым «помощником». При этом, использование современных возможностей конвертации медиафайлов, а также генерации изображений в условиях обеспечения цифровой безопасности и наличии отечественного программного обеспечения могут повысить эффективность раскрытия преступле-

ний и сократить время оформления протокола следственного действия, составления фоторобота.

Список литературы:

[1] Завьялов И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 228-236.

[2] Усманова Е.Ф. Использование цифровых технологий в деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 3 (18). С. 42-49.

[3] Police seldom disclose use of facial recognition despite false arrests [Полиция редко раскрывает информацию об использовании технологии распознавания лиц, несмотря на случаи ложных арестов]. October 6, 2024 [06.10.2024]. URL: https://www.washingtonpost.com/business/2024/10/06/police-facial-recognition-secret-false-arrest/..

[4] Have you seen this (AI-generated) man? [Вы видели этого человека, созданного искусственным интеллектом?]. December 9, 2025 [09.12.2025]. URL: https://www.washingtonpost.com/nation/2025/12/09/ai-police-suspect-sketch-arizona/..

[5] Машина справедливости: как ИИ используют в судебной системе в Латинской Америке. Интернет-ресурс журнала «FORBES». URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/532725-masina-spravedlivosti-kak-ii-ispol-zuut-v-sudebnoj-sisteme-v-latinskoj-amerike..

[6] Официальный сетевой ресурс газеты «Гуанчжоу жибао» [газета муниципального комитета Гуанчжоу Коммунистической партии Китая]. URL: https://huacheng.gz-cmc.com/pages/2026/02/28/07ddbac2313148349f6598384cbfe6e3.html..

References:

[1] Zavyalov I.A. Foreign experience in the use of artificial intelligence in solving crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. S. 228-236.

[2] Usmanova E.F. The use of digital technologies in the activities of law enforcement officers of the Russian Federation // Humanitarian and political-legal research. 2022. № 3 (18). S. 42-49.

[3] Police seldom disclose use of facial recognition despite false arrests [Police rarely disclose the use of facial recognition technology despite cases of false arrests]. October 6, 2024 [06.10.2024]. URL: https://www.washingtonpost.com/business/2024/10/06/police-facial-recognition-secret-false-arrest/..

[4] Have you seen this (AI-generated) man? [Have you seen this man created by artificial intelligence?]. December 9, 2025 [09.12.2025]. URL: https://www.washingtonpost.com/nation/2025/12/09/ai-police-suspect-sketch-arizona/..

[5] Justice Machine: How AI is used in the judicial system in Latin America. Online resource of FORBES magazine. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/532725-masina-spravedlivosti-kak-ii-ispol-zuut-v-sudebnoj-sisteme-v-latinskoj-amerike..

[6] The official network resource of the Guangzhou Zhibao newspaper [newspaper of the Guangzhou Municipal Committee of the Communist Party of China]. URL: https://huacheng.gz-cmc.com/pages/2026/02/28/07ddbac2313148349f6598384cbfe6e3.html..

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-270-273

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФОРМА РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКОГО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу миграционной политики как формы противодействия терроризму в рамках российско-таджикистанского сотрудничества современного периода. Дается оценка переходу в подходах миграционного контроля в России от экстенсивных рейдов к адресному цифровому скринингу мобильных устройств въезжающих. Предлагается легитимировать эту практику через билатеральные протоколы и развивать совместные критерии «террористической неблагонадёжности».*

Ключевые слова: *трудовая миграция; террористическая угроза; цифровой скрининг; Российская Федерация; Республика Таджикистан.*

SHESTAK Viktor A.,
Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

MIGRATION INTERACTION AS A FORM OF RUSSIAN-TAJIKISTAN COUNTER-TERRORISM COOPERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of migration policy as a form of countering terrorism within the framework of modern Russian-Tajikistan cooperation. An assessment is given of the shift in migration control approaches in Russia from extensive raids to targeted digital screening of the mobile devices of those entering the country. It is proposed to legitimize this practice through bilateral protocols and to develop joint criteria for "terrorist unreliability".*

Key words: *labor migration; terrorist threat; digital screening; Russian Federation; Republic of Tajikistan.*

Отношения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан традиционно рассматриваются как беспроблемное стратегическое партнерство и союзничество, подкрепленное развернутой договорно-правовой базой и институциональной интеграцией в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), где правовую основу миграционного взаимодействия составляют Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан от 16.10.2004, а также ряд дополнительных протоколов [5].

Однако во внимание следует принимать не только рамочные соглашения, но и сложный, многоаспектный комплекс повседневного взаимодействия миграционных структур. Именно эффективность этих прикладных форматов – на уровне специальных мероприятий, учебных программ и механизмов миграционного контроля – в конечном счете, определяет способность двух стран адекватно реагировать на транснациональные террористические угрозы. Хотя, на практике отдельные механизмы проверки благонадежности мигрантов и обмена данными о лицах, причастных к террористической деятельности, могут оказываться в моменте не в полной мере эффективными.

Миграционная политика представляет собой такую сферу взаимодействия, которая характеризуется особой сложностью, повышенной политической чувствительностью, а также несет в себе повышенный риск образования конфликтов. Так, трудовая миграция из Таджикистана в Россию носит массовый характер: на территории Российской Федерации постоянно или временно находятся, по различным оценкам, от 700 тысяч до 1,5 млн граждан Таджикистана [4]. И эта среда, как показали события марта 2024 года, может

быть уязвима для радикализации.

После террористического акта в концертном зале «Крокус Сити Холл» российские правоохранительные органы предприняли меры по ужесточению миграционного контроля. Так, в течение первого квартала 2024 года на территории Москвы и в ряде других крупных городов были проведены масштабные рейдовые мероприятия, направленные на выявление иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации без законных оснований. По данным судебных органов, московскими судами в указанный период было вынесено более 400 постановлений о принудительном административном выдворении иностранных лиц, а через государственную границу Российской Федерации было реально выдворены 255 граждан Таджикистана [1].

Данные меры, как отмечали российские официальные лица, были обусловлены соображениями обеспечения общественной безопасности. Вместе с тем в Республике Таджикистан они получили оценку как дискриминационные по отношению к гражданам этой страны. В частности, в конце апреля 2024 года Министерство иностранных дел Таджикистана потребовало от посла Российской Федерации предоставить официальные разъяснения относительно изменений пропускного режима на государственной границе. Впоследствии таджикистанская сторона направила официальное дипломатическое обращение с выражением несогласия, а также рекомендовала своим гражданам воздерживаться от поездок в Российскую Федерацию. В заявлении внешнеполитического ведомства Таджикистана, в частности, подчеркивалось, что в контексте заявления С. Лаврова о ненаправленности принимаемых мер против конкретной нации или религии данный тезис несовместим с реальной обстановкой, и негативные действия применяются исключительно в отношении граждан Таджикистана [6]. Указанный эпизод представляет собой редкий случай публичного выражения несогласия со стороны союзнического государства, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени напряженности по этому поводу в двусторонних отношениях. Такая реакция неудивительна, ведь экономическая зависимость республики от денежных переводов населения Таджикистана, проживающего в России, носит системообразующий характер: соответствующие трансферты формируют значительную долю валового внутреннего продукта (далее – ВВП), а любые ограничения трудовой миграции воспринимаются как прямая угроза национальной безопасности.

В ходе телефонного разговора, состоявшегося 30.04.2024, министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров пояснил главе внешнеполитического ведомства Республики С. Мухриддину, что усиление проверочных мероприятий в отношении иностранных граждан носит временный характер и в действительности не направлено против какой-либо национальности или вероисповедания, а ситуация на контрольно-пропускных пунктах постепенно нормализуется. Российский министр также указал: «мы ценим оперативную помощь правительства Таджикистана в расследовании обстоятельств этой трагедии» [2], тем самым подтвердив заинтересованность в сохранении союзнического взаимодействия. Несмотря на остроту первоначальной реакции и беспрецедентный для союзнических отношений демарш Душанбе, эскалация оказалась краткосрочной. Полученные от российской стороны разъяснения о проверочных мероприятиях в отношении иностранных граждан позволили пресечь конфликтную фазу, поэтому в кратчайший последующий период Таджикистан убрал публичную позицию несогласия, а рекомендации гражданам воздерживаться от поездок в Россию утратили свою актуальность.

После восстановления конструктивного межгосударственного диалога и купирования наиболее острых фаз проблемной ситуации, сопряженной с практиками массового административного выдворения, миграционная политика Российской Федерации не только не вернулась к своему предкризисному либеральному формату, но и претерпела глубинную институциональную трансформацию. Методы контроля обрели качественно иные характеристики, более адресные, технологически опосредованные: вместо экстенсивных проверок и экстренных депортационных мер российские компетентные органы перешли к процедурам точечной проверки каждого из въезжающих.

Наиболее показательно данная тенденция проявила себя в практике систематического мониторинга цифрового следа [7] – верификации контента, хранящегося на мобильных устройствах, во время прохождения въезжающими пункты пропуска через государственную границу. Фактически после террористического акта в «Крокус Сити Холле» подобная процедура была легитимирована в качестве стандартной практики въездного контроля, выйдя из разряда выборочных, эпизодических вмешательств в категорию рутинных проверочных мероприятий. Уполномоченные органы в России обоснованно стали отказывать во въезде иностранным гражданам при обнаружении в их телефонах подписок на ресурсы террористической либо экстремистской направленности, а также видеоматериалов, содержащих апологию теракта. Практически данное нововведение подтверждается массивом судебных решений – за последние полтора года рас-

смотрено более двадцати дел, каждое из которых завершилось отказом в удовлетворении жалоб на правомерность действий должностных лиц российских государственных органов. К примеру, одному гражданину Таджикистана было отказано в пересечении границы вследствие выявления правоприменителями подписок на YouTube-каналы, транслирующие идеи радикальных исламских мыслителей, чья деятельность квалифицируется как запрещенная на территории Российской Федерации [3]. Отметим, при этом, аналогичная практика фиксируется и в отношении граждан других центральноазиатских государств. В этой связи, полагаем, что режим миграционного контроля обрел новое – менее бросающееся в глаза, но более инструментально выверенное измерение: анализ цифрового следа, который позволяет российским властям на законных основаниях отказывать во въезде потенциально неблагонадежным лицам, не прибегая к громким массовым кампаниям и не провоцируя дополнительную напряженность в двусторонних отношениях.

В этой связи полагаем, что в последующем оптимизация двустороннего взаимодействия, с учётом выявленных асимметрий, может быть реализована по нескольким векторам. Прежде всего, целесообразна легитимация уже сложившейся практики цифрового скрининга (контент-верификация мобильных устройств в пунктах пропуска) в формате отдельного протокола к действующим пограничным соглашениям. Такая юридическая фиксация позволит не только узаконить процедуру, но и оснастить ее необходимыми контрольными механизмами, что снизит ее восприятие как дискреционной и дискриминационной. Опыт 2024 года убедительно показал: экстенсивные рейды и массовые выдворения провоцируют дипломатическую напряженность, тогда как адресный, технологически опосредованный контроль (анализ цифрового следа, медицинское освидетельствование) способен достигать целевых параметров безопасности без публичной эскалации. Развитие этой модели в направлении совместной разработки унифицированных критериев «неблагонадежности» и создания объединенных баз данных с закреплением перечня запрещенного контента – представляется следующим логическим шагом. В совокупности эти меры, позволяют перевести миграционную составляющую из зоны перманентной напряженности в русло предсказуемого, проактивного и прагматичного партнерства, адекватного и динамично эволюционирующей кооперации для борьбы с современными террористическими угрозами.

Таким образом, практика двусторонних отношений свидетельствует, что государства способны адекватно реагировать на террористические угрозы, в том числе и мерами миграционного контроля. При этом институциональная трансформация миграционного контроля уже вышла за рамки двусторонних отношений. Переход от экстенсивных рейдов к цифровому скринингу, ставшему частью гораздо более широкой цифровой архитектуры контроля, охватывающей не только въезд, но и пребывание мигрантов, – оказался более эффективным инструментом, хотя и требующим установления прочной правовой основы.

Новая российская Концепция миграционной политики 2026–2030 годов уже предусматривает внедрение цифровых профилей мигрантов, биометрического учёта и технологий искусственного интеллекта для обработки данных. Но требует и создания объединённых баз, формирования совместных механизмов разработки критериев «террористической неблагонадёжности». Открытие представительств МВД в обеих странах, дактилоскопирование и фотографирование мигрантов на территории Таджикистана, предварительная проверка на наличие судимостей и розыска – это элементы модели проактивного, а не реактивного контроля, обусловленной общественной потребностью граждан двух государств.

Список литературы:

[1] За первый квартал 2024 года за пределы Российской Федерации выдворено 824 иностранных гражданина // Главное управление региональной безопасности Московской области. – Официальный сайт. – Электронный ресурс. – URL: https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/ekonomicheskaya-bezopasnost/novosti-po-teme/03-04-2024-18-30-14-za-pervyy-kvartal-2024-goda-za-predely-rossiyskoy?ysclid=mtvmt8jcpi415452268 (дата обращения 27.08.2026).

[2] О телефонном разговоре Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Республики Таджикистан С. Мухриддином // МИД России. – Официальный сайт. – Электронный ресурс. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/ 1947119/ (дата обращения 27.08.2026).

[3] Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ // Федеральная палата адвокатов российской Федерации. – Официальный сайт. – Электронный ресурс. – URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-materialov-v-por/?ysclid=mtvob8e92492867140 (дата обращения: 27.08.2026).

[4] Путин рассказал о числе граждан Таджикистана, живущих в России // РИА Новости. — 09.10.2025. — URL: https://ria.ru/20251009/putin-2047238212.html (дата обращения: 27.08.2026).

[5] Соглашение между Правительством РФ и Правительством РТ о трудовой деятельности и защите прав граждан // Президент России. – Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4694 (дата обращения: 27.08.2026).

[6] Россия и Таджикистан опубликовали разные версии переговоров министров // Коммерсантъ. – Электронный ресурс. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6679498 (дата обращения: 27.08.2026).

[7] Таджикистанцам отказывают во въезде в РФ при выявлении интереса к терроризму // ТАСС. – Электронный ресурс. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24559279 (дата обращения: 27.08.2026).

[8] Распоряжение Президента Российской Федерации от 08.10.2002 г. № 484-рп // Президент России. – Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18656 (дата обращения: 27.08.2026).

[9] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации // Президент России. – Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4694 (дата обращения: 27.08.2026).

References:

[1] In the first quarter of 2024, 824 foreign citizens were expelled from the Russian Federation // Main Directorate of Regional Security of the Moscow Region. - Official website. - Electronic resource. – URL: https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/ekonomicheskaya-bezopasnost/novosti-po-teme/03-04-2024-18-30-14-za-pervyy-kvartal-2024-goda-za-predely-rossiyskoy?ysclid=mtvmt8jcpi415452268 (дата обращения 27.08.2026).

[2] On the telephone conversation of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov with the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan S. Mukhriddin // Ministry of Foreign Affairs of Russia. - Official website. - Electronic resource. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1947119/ (date of contact 27.08.2026).

[3] Review of the judicial practice of cassation courts of general jurisdiction for the consideration of materials in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. - Official website. - Electronic resource. – URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-materialov-v-por/?ysclid=mtvob8e92492867140 (дата обращения: 27.08.2026).

[4] Putin spoke about the number of Tajik citizens living in Russia // RIA Novosti. - 09.10.2025. - URL: https://ria.ru/20251009/putin-2047238212.html (access date: 27.08.2026).

[5] Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tatarstan on labor activity and protection of citizens' rights // President of Russia. - Electronic resource. - URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4694 (access date: 27.08.2026).

[6] Russia and Tajikistan have published different versions of the ministerial talks // Kommersant. - Electronic resource. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/6679498 (access date: 27.08.2026).

[7] Tajiks are denied entry to the Russian Federation if interest in terrorism is identified // TASS. - Electronic resource. - URL: https://tass.ru/obschestvo/24559279 (access date: 27.08.2026).

[8] Order of the President of the Russian Federation of 08.10.2002 No. 484-rp // President of Russia. - Electronic resource. - URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18656 (access date: 27.08.2026).

[9] Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on labor activity and protection of rights of citizens of the Russian Federation in the Republic of Tajikistan and citizens of the Republic of Tajikistan in the Russian Federation // President of Russia. - Electronic resource. - URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4694 (access date: 27.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-274-280

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВАЛИЕВ Амир Комилжонович,
e-mail: mail@law-books.ru

МИХАЙЛОВА Наталья Викторовна,
научный сотрудник отделения организационно-научной и редакционно-издательской деятельности Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ С ПЕНИТЕНЦИАРНЫМИ СИСТЕМАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *В статье рассматриваются современное состояние и приоритетные направления совершенствования международного сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний России с пенитенциарными системами зарубежных государств. На основе анализа сложившихся форматов взаимодействия, включая сотрудничество с международными организациями и двусторонние контакты на уровне региональных управлений, выявлены ключевые проблемы и перспективные векторы развития. Обосновывается необходимость диверсификации партнерских связей с учетом геополитических изменений, усиления взаимодействия в рамках БРИКС и ШОС, а также совершенствования механизмов обмена передовыми практиками ресоциализации осужденных. Предлагаются практические рекомендации по оптимизации правовых, организационных и методических аспектов международного пенитенциарного сотрудничества.*

Ключевые слова: *международное сотрудничество, уголовно-исполнительная система, ФСИН России, пенитенциарные системы, ресоциализация осужденных, пробация, международные организации.*

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
Candidate of Psychological Sciences Associate Professor, Department of Physical, Fire, and Tactical-Special Training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

VALIEV Amir Komilzhanovich

MIKHAILOVA Natalya Viktorovna,
Researcher, Department of Organizational, Scientific, and Editorial-Publishing Activities Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PRIORITY AREAS FOR IMPROVING INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN PENALTIES AND THE PENITENTIARY SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *This article examines the current state and priority areas for improving international cooperation between the Federal Penitentiary Service of Russia and the penitentiary systems of other countries. Based on an analysis of existing interaction formats, including cooperation with international organizations and bilateral contacts at the regional administration level, key issues and promising development vectors are identified. The article substantiates the need to diversify partnerships given geopolitical changes, strengthen interaction within BRICS and the SCO, and improve mechanisms for exchanging best practices in the resocialization of prisoners.*

Practical recommendations for optimizing the legal, organizational, and methodological aspects of international penitentiary cooperation are offered.

Key words: *international cooperation, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary systems, resocialization of prisoners, probation, international organizations.*

Международное сотрудничество уголовно-исполнительной системы России представляет собой важное направление государственной деятельности, связанное с обменом опытом, гармонизацией подходов к исполнению наказаний и внедрением международных стандартов обращения с осужденными. В условиях глобализации, роста трансграничной преступности, расширения миграционных потоков и активизации межгосударственных контактов пенитенциарная сфера все чаще рассматривается не как исключительно внутренняя отрасль, а как часть более широкого международного правового и гуманитарного пространства. Для России это сотрудничество имеет особое значение, поскольку позволяет не только учитывать зарубежные практики, но и выстраивать собственную модель развития уголовно-исполнительной системы с опорой на общепризнанные принципы законности, гуманизма и уважения прав человека.

Международное взаимодействие в пенитенциарной сфере включает различные формы: участие в деятельности международных организаций, заключение межгосударственных и межведомственных соглашений, проведение совместных конференций, стажировок и научно-практических семинаров, обмен методическими материалами, а также реализацию совместных проектов по вопросам ресоциализации осужденных, медицинского обеспечения, профилактики рецидива и подготовки персонала. Особое место занимает сотрудничество с зарубежными пенитенциарными службами, которое позволяет сопоставлять организационные модели исполнения наказаний, режимные требования, способы применения пробационных механизмов и технологии работы с уязвимыми категориями осужденных.

Для уголовно-исполнительной системы России развитие международных связей важно еще и потому, что оно способствует модернизации внутренней практики исполнения наказаний. В ходе такого взаимодействия становится возможным изучение эффективных зарубежных решений в сфере альтернатив лишению свободы, цифровизации учета и контроля, применения программ индивидуальной коррекции поведения, а также организации труда, образования и психологической помощи осужденным. Вместе с тем заимствование зарубежного опыта не может носить механический характер: оно требует адаптации к российской правовой системе, социально-экономическим условиям и традициям отечественного правоприменения. Именно поэтому международное сотрудничество должно строиться на принципе избирательности, предполагающем использование тех моделей, которые действительно способны повысить эффективность исправительного воздействия и обеспечить соблюдение прав человека.

Значение международного сотрудничества усиливается и в контексте выполнения Россией международных обязательств в сфере защиты прав и свобод личности. Уголовно-исполнительная система, будучи одним из наиболее чувствительных институтов государства, находится под пристальным вниманием международного сообщества. Поэтому вопросы условий содержания, медицинского обслуживания, обращения с несовершеннолетними, женщинами, инвалидами и иными особыми категориями лиц требуют постоянного соотнесения с международными стандартами. Это делает сотрудничество не только инструментом обмена опытом, но и механизмом повышения прозрачности и доверия к национальной пенитенциарной системе [1, С. 569-570].

Международное сотрудничество в сфере исполнения уголовных наказаний выступает важнейшим инструментом совершенствования национальной пенитенциарной системы, обмена передовым опытом и обеспечения соблюдения международных стандартов обращения с осужденными. Для Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России развитие международных контактов является стратегическим направлением деятельности, закрепленным в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года.

Вместе с тем современные геополитические реалии, санкционное давление и трансформация международных отношений требуют пересмотра сложившихся форматов взаимодействия и выработки новых приоритетных направлений сотрудничества. Цель настоящего исследования — на основе анализа существующей практики международного пенитенциарного сотрудничества выявить его проблемные аспекты и обосновать приоритетные направления совершенствования с учетом современных вызовов.

Сравнительный анализ пенитенциарных систем зарубежных стран позволяет выявить наиболее результативные модели исполнения наказаний, определить их сильные и слабые стороны, а также обозначить направления, которые могут быть адаптированы в российской уголовно-исполнительной системе с учетом национальных правовых, социальных и экономических условий.

В современных исследованиях обычно сопоставляются не только нормативные основы функционирования тюремных учреждений, но и практики ресоциализации осужденных, уровень соблюдения прав человека, механизмы пробации, применение альтернатив лишению свободы и степень вовлеченности гражданского общества в процесс исполнения наказаний.

Наиболее заметные различия проявляются в подходах к целям пенитенциарной политики. Для ряда европейских государств, прежде всего скандинавских стран, приоритетом является не изоляция как таковая, а минимизация криминогенных последствий наказания и подготовка осужденного к возвращению в общество. Так, в Норвегии и Швеции широко используется модель «нормализации» условий отбывания наказания, предполагающая максимально приближенный к обычной жизни режим, развитую систему образования, психологической помощи и профессиональной подготовки. В результате учреждения исполнения наказаний здесь ориентированы на снижение рецидива, а не на усиление карательного начала. Такой подход показывает высокую эффективность, однако требует значительных бюджетных затрат, квалифицированного персонала и устойчивой социальной инфраструктуры.

Иной тип организации характерен для англосаксонских систем, прежде всего США и Великобритании. В этих странах длительное время доминировала логика строгой изоляции и жесткого контроля, что привело к переполненности пенитенциарных учреждений, высокой доле заключенных и значительным расходам государства. При этом в последние годы усилилась тенденция к расширению пробационных механизмов, электронного мониторинга, восстановительного правосудия и программ снижения повторной преступности. Данная трансформация демонстрирует, что даже традиционно репрессивные системы вынуждены искать баланс между безопасностью и гуманизацией исполнения наказаний.

Особый интерес представляет опыт Германии, Австрии и Нидерландов, где пенитенциарная политика строится на сочетании законности, индивидуализации исполнения наказания и активной ресоциализации. В этих странах значительное внимание уделяется классификации осужденных, разделению режимов содержания, трудовой занятости, обучению и поддержке после освобождения. Сравнение показывает, что именно последовательная индивидуализация позволяет снижать конфликтность внутри учреждений и повышать эффективность возвращения осужденных в социум. Немаловажно и то, что пенитенциарные системы этих государств тесно связаны с социальными службами, муниципалитетами и некоммерческими организациями.

В странах Азии и Латинской Америки можно наблюдать иные модели, в которых сочетаются элементы формальной модернизации и серьезные структурные проблемы, включая перегруженность учреждений, недостаточную защиту прав заключенных и ограниченность ресурсов. Вместе с тем именно там активно разрабатываются практики общественного контроля, специальные программы для молодежи и меры по дифференциации условий содержания. Это свидетельствует о том, что даже при наличии системных трудностей отдельные элементы зарубежного опыта могут быть полезны для сопоставительного анализа.

Для России сравнительное исследование зарубежных пенитенциарных систем имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Наиболее перспективными представляются модели, сочетающие гуманизацию условий содержания, расширение альтернатив лишению свободы, развитие пробации, профессиональную подготовку осужденных и постпенитенциарное сопровождение. При этом прямое заимствование зарубежных практик невозможно: необходима их адаптация с учетом отечественной правовой системы, структуры преступности, кадровых возможностей и региональной специфики. Именно поэтому сравнительный анализ следует рассматривать как инструмент выработки сбалансированной стратегии международного сотрудничества, основанной на взаимном обмене опытом и отборе наиболее эффективных пенитенциарных технологий [2, С. 107-110].

Ключевыми международными партнерами ФСИН России выступают:

Государства — участники СНГ. Это одно из приоритетных направлений. С пенитенциарными службами Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Белоруссии, Таджикистана и других стран заключены рабочие программы сотрудничества. Взаимодействие идёт по многим линиям: обмен опытом (например, в медицинском обеспечении, воспитательной работе, организации безопасности), информационное взаимодействие (в том числе при межгосударственном розыске), подготовка кадров, совместные оперативно-профилактические мероприятия. Для координации даже создан специальный орган — Совет руководителей пенитенциарных служб государств — участников СНГ.

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП). Начиная с 1998 года организовано 11 визитов ЕКПП в Российскую Федерацию, в ходе которых проверялись условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных практически во всех регионах страны . Результаты данных визитов служат важным инструментом оценки и совершенствова-

ния пенитенциарной практики.

Совет Европы и Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). Действует совместная программа Европейской комиссии и Совета Европы по укреплению федеральных структур, механизмов защиты прав человека, реформе правовой системы, один из разделов которой посвящен реформированию российской уголовно-исполнительной системы . Создана Руководящая группа экспертов России и Совета Европы по реформированию УИС, мандат которой предусматривает анализ законодательства и практики, выработку рекомендаций и определение приоритетных направлений работы .

Европейский суд по правам человека — механизм защиты прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Международный комитет Красного Креста — осуществляет мониторинг условий содержания и оказывает гуманитарную помощь.

Международный центр тюремных исследований Лондонского Королевского университета .

Сотрудничество с неправительственными организациями

Важную роль в международном пенитенциарном сотрудничестве играют неправительственные организации:

Международная тюремная реформа (PRI). Начиная с 2000 года Россия совместно с PRI решает задачу сокращения применения наказаний в виде лишения свободы за счет расширения и более эффективного использования альтернативных санкций, совершенствования форм и методов деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Проблемные аспекты современного международного сотрудничества

Анализ сложившейся системы международного пенитенциарного сотрудничества позволяет выделить ряд проблемных аспектов:

Геополитические ограничения. Современная международная обстановка, санкционное давление и приостановка участия России в ряде европейских программ существенно ограничивают возможности взаимодействия с западными партнерами, требуя переориентации на другие регионы.

Различия в правовых системах и пенитенциарных подходах. Существенные различия в подходах к исполнению наказаний, организации пробации и ресоциализации затрудняют унификацию стандартов и прямое заимствование зарубежного опыта.

Недостаточная системность взаимодействия. Несмотря на наличие успешных региональных проектов, международное сотрудничество часто носит фрагментарный характер, отсутствует единая стратегическая координация на федеральном уровне.

Кадровые и языковые барьеры. Недостаток владения профильной терминологией на иностранных языках среди сотрудников снижает качество переговоров и эффективность стажировок.

Недостаточная интеграция международных стандартов. Внедрение рекомендаций международных организаций в практическую деятельность УИС происходит не в полном объеме, что снижает эффективность сотрудничества.

Совершенствование международного сотрудничества уголовно-исполнительной системы России с пенитенциарными системами зарубежных стран должно строиться не на формальном расширении контактов, а на выработке устойчивых механизмов, обеспечивающих практическую результативность взаимодействия. В современных условиях приоритет следует отдавать направлениям, которые позволяют одновременно учитывать требования национальной безопасности, международные обязательства России и необходимость модернизации пенитенциарной практики [3, С. 105-107].

Прежде всего, ключевым направлением выступает развитие договорно-правовой базы сотрудничества. Для эффективного обмена опытом, передачи технологий, организации совместных мероприятий и реализации программ профессиональной подготовки необходимы двусторонние и многосторонние соглашения, детально регулирующие формы взаимодействия, порядок обмена информацией, статус участников совместных проектов, а также гарантии соблюдения конфиденциальности и прав человека. Особое значение имеет унификация подходов к взаимодействию в сферах, где требуется оперативная координация: исполнение международных запросов, передача осужденных, противодействие транснациональной преступности, обеспечение прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Вторым приоритетом является развитие профессионального обмена и повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы. Зарубежный опыт показывает, что эффективность пенитенциарных учреждений во многом зависит от уровня подготовки персонала, его навыков в области конфликтологии, психологии, профилактики насилия, работы с уязвимыми категориями осужденных и предупреждения радикализации. Перспективными формами сотрудничества являются стажировки, совместные учебные курсы, научно-практические семинары, обмен экспертами и участие в международных образовательных программах. Такой подход позволяет не только заимствовать лучшие практики,

но и адаптировать их к российским условиям с учетом особенностей правовой системы и учреждений исполнения наказаний.

Третьим направлением следует считать углубление научно-аналитического взаимодействия. Международное сотрудничество должно опираться на сопоставительный анализ пенитенциарных моделей, изучение эффективности различных режимов содержания, программ ресоциализации, применения альтернатив лишению свободы и цифровых технологий управления учреждениями. Совместные исследования с зарубежными научными центрами и профильными службами позволят выработать обоснованные рекомендации по снижению рецидива, гуманизации исполнения наказаний и повышению безопасности как сотрудников, так и осужденных. Важным элементом здесь является формирование единой базы данных по успешным практикам, доступной для специалистов системы исполнения наказаний.

Не менее значимым является расширение сотрудничества в области защиты прав человека и гуманизации исполнения наказаний. Международные стандарты требуют обеспечить надлежащие условия содержания, медицинскую помощь, доступ к образованию, труду и социально-психологической поддержке. В этой связи перспективным направлением становится обмен опытом по организации исправительного воздействия, сопровождению лиц с психическими расстройствами, несовершеннолетних, женщин и иностранных граждан. При этом совершенствование сотрудничества должно исходить из принципа баланса между гуманизацией и обеспечением режима, что особенно важно для учреждений, исполняющих наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления [4, С. 220-230].

Отдельного внимания заслуживает цифровизация международного взаимодействия. Создание защищенных каналов связи, электронных платформ для обмена статистикой и методическими материалами, внедрение дистанционных форм консультирования и обучения способны существенно повысить оперативность сотрудничества. Одновременно необходимо уделять внимание кибербезопасности и защите служебной информации, поскольку международный обмен данными в пенитенциарной сфере связан с повышенными рисками утечки сведений и внешнего вмешательства.

Таким образом, приоритетные направления совершенствования международного сотрудничества уголовно-исполнительной системы России включают укрепление нормативной основы, развитие кадрового и научного обмена, расширение гуманитарного взаимодействия и внедрение цифровых инструментов. Их реализация позволит обеспечить более высокую эффективность пенитенциарной деятельности, укрепить международный авторитет России и создать условия для поступательного развития отечественной уголовно-исполнительной

Совершенствование международного сотрудничества уголовно-исполнительной системы России с пенитенциарными системами зарубежных стран является актуальной задачей, решение которой требует комплексного подхода с учетом современных геополитических реалий. Опыт взаимодействия с международными организациями и двустороннего сотрудничества на региональном уровне подтверждает высокую эффективность международного обмена опытом, обогащающего национальную практику исполнения наказаний [5, С. 180-185].

Приоритетными направлениями совершенствования выступают: диверсификация партнерских связей с переориентацией на взаимодействие в рамках БРИКС и ШОС, развитие институциональных механизмов долгосрочного сотрудничества, усиление взаимодействия в сфере пробации и альтернативных наказаний, развитие образовательных обменов, цифровизация взаимодействия и совершенствование гуманитарных механизмов передачи осужденных.

Успех международного сотрудничества в пенитенциарной сфере зависит от готовности российской стороны предлагать собственные модели ресоциализации, основанные на трудовой занятости осужденных, как экспортный продукт, и способности гибко адаптировать международные стандарты к национальным условиям [6, С. 160-161].

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направлять на разработку конкретных механизмов реализации предложенных направлений и оценку их эффективности в условиях современной международной обстановки.

Список литературы:

[1] Аленин, А. А. Применение зарубежного опыта для составления психологических тренингов, используемых при обучении стрельбе курсантов ФСИН России / А. А. Аленин, А. В. Кушнир // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–18 мая 2023 года. – Воронеж: Строки, 2023. – С. 568-570. – EDN LOZUAP.

[2] Барахоева, Д. М. Опыт зарубежных стран в части исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и перспективы внедрения данного опыта в деятельность ФСИН России / Д. М. Барахоева,

Ю. О. Коваленко // Пермский период: Сборник материалов XII Всероссийского (с международным участием) научного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, приуроченного к 25-летию со дня образования ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России. В 3-х томах, Пермь, 19–23 мая 2025 года. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2025. – С. 106-110. – EDN UNISCK.

[3] Павленко, А. А. К вопросу о возможности использования зарубежного опыта средств обеспечения режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы / А. А. Павленко // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 1(19). – С. 104-109. – EDN TQAGIP.

[4] Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению: сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч., Вологда, 11 декабря 2020 года / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. Том Часть 3. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 236 с. – ISBN 978-5-94991-599-8. – EDN GRWTLG.

[5] Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации: сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч., Вологда, 09–11 декабря 2021 года. Том Часть 1. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – 197 с. – ISBN 978-5-94991-642-1. – EDN GKTHXU.

[6] Минжаева, А. М. О совершенствовании организации обучения иностранных граждан в образовательных организациях ФСИН России / А. М. Минжаева, М. И. Кузнецов // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 07 февраля 2020 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 160-162. – EDN NNSXPZ.

[7] Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума : (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – 337 с. – ISBN 978-5-7743-0930-6. – EDN REYUTV.

References:

[1] Alenin A. A. The use of foreign experience to compile psychological trainings used in training cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia/ A. A. Alenin, A. V. Kushnir // Technique and safety of objects of the penal system: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 17-18, 2023. - Voronezh: Lines, 2023. - S. 568-570. – EDN LOZUAP.

[2] Barakhoeva D. M. Experience of foreign countries in terms of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, and the prospects for introducing this experience into the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia/D. M. Barakhoev, Yu. O. Kovalenko // Perm period: Collection of materials of the XII All-Russian (with international participation) scientific festival of cadets and students of educational organizations, dedicated to the 25th anniversary of the founding of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. In 3 volumes, Perm, May 19-23, 2025. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 106-110. – EDN UNISCK.

[3] Pavlenko A. A. On the possibility of using foreign experience of means of ensuring the regime in institutions of the penal system / A. A. Pavlenko // Penal law. – 2015. – № 1(19). - S. 104-109. – EDN TQAGIP.

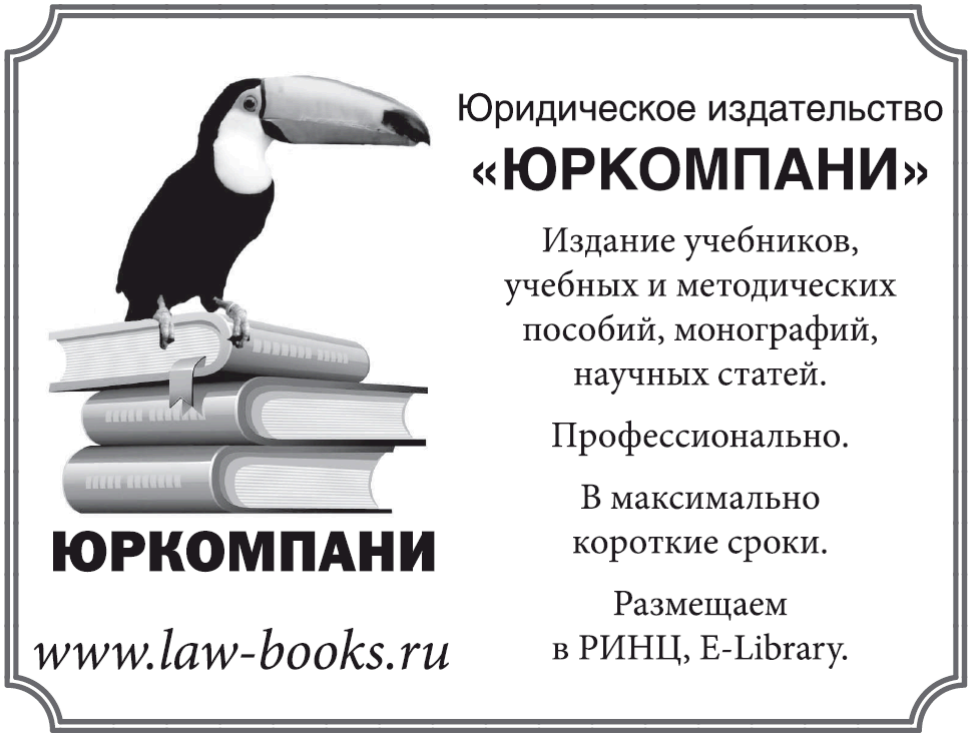
[4] The penitentiary system of Russia in the modern conditions of the development of society: from the paradigm of punishment to correction and restoration: collection of materials of the international scientific and practical conference: at 3 o'clock, Vologda, December 11, 2020/Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. Volume Part 3. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2021. - 236 p. - ISBN 978-5-94991-599-8. – EDN GRWTLG.

[5] The penitentiary system of Russia in the modern conditions of the development of society: from the paradigm of punishment to correction and resocialization: a collection of materials from an international scientific and practical conference: at 3 o'clock, Vologda, December 09-11, 2021. Volume Part 1. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2022. - 197 p. - ISBN 978-5-94991-642-1. – EDN GKTHXU.

[6] Minzhaeva A. M. On improving the organization of training of foreign citizens in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia / A. M. Minzhaeva, M. I. Kuznetsov // Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system and ways to solve them: Materials of the intercollegiate scientific and practical conference

dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science, Ryazan, February 07, 2020. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2020. - S. 160-162. – EDN NNSXPZ.

[7] Crime, punishment, correction: a collection of abstracts of speeches and reports of participants in the IV International Penitentiary Forum: (to the 140th anniversary of the penitentiary system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 volumes, Ryazan, November 20-22, 2019. Volume 2. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2019. - 337 p. - ISBN 978-5-7743-0930-6. – EDN REYUTV.



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-281-288

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: sko.05@mail.ru

СТАТУС ПАРТИЗАНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПРАВА

Аннотация. *В 1962 году в двух испанских городах (Памплоне и Сарагоссе) Карл Шмитт прочитал два доклада на одну и ту же тему. Позднее он объединил эти доклады и опубликовал в форме небольшой монографии. Так возникла шмиттовская «теория партизана». Главный тезис этой теории сводится к постулату, что «партизан воюет иррегулярно», т.е. принципиально «не по правилам» международного военного права (Kriegsrecht). Автор этих строк предпринял попытку интегрировать указанную теорию Шмитта в более широкий контекст взаимодействия международного и внутреннего права. В оптике международного права «партизанская тема» обычно ассоциируется с международно-правовой защитой коллективных прав, например, права народов на самоопределение. В контексте же внутреннего права «партизанская тема» обычно интегрирована в уголовное право, но при этом вместо термина «партизан» используется слово «бандит». В итоге можно сделать вывод о том, что термин «партизан» несет в себе неустранимую амбивалентность, т.е. приобретает уникальный смысл лишь в точке соприкосновения оптики международного права и оптики внутреннего права.*

Ключевые слова: *партизанская война, статус партизана, теория партизана Карла Шмитта, территориальный суверенитет, персональный суверенитет, международное военное право, соотношение международного и внутреннего права.*

KOROLEV Sergey V.,
Chief scientific researcher of the International Law Department at the State and Law Institute (the Russian Academy of Sciences), doctor juris habil., full professor

THE GUERILLA STATUS IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL LAW THEORY

Annotation. *In 1962 Carl Schmitt was invited to two cities in Spain (Pamplona and Saragossa) in order to hold a report in each city highlighting the guerilla warfare. Later on both reports were consolidated in the form of a small monograph. Thus, the Schmitt's "guerilla theory" was established. The main thesis of this theory boils down to the postulate, that "a guerilla fights irregularly", i.e. he in principle disregards the rules of the international warfare law (Kriegsrecht). The author of this article has tried to integrate the said Schmitt's theory into the broader context of interaction of international and internal law. In the light of international law the "guerilla theme" is usually associated with legal protection of collective rights, for example, with the people's right to self-determination. By contrast, in the light of internal law the "guerilla theme" is usually part of criminal law, but the term "guerilla" is usually substituted for the word "bandit". It may be concluded that the term "guerilla" is imbued with the irremediable ambivalence and only acquires its unique sense in the point of juxtaposition of the international law optics and the perspective of internal law.*

Key words: *guerilla warfare, guerilla status, the Carl Schmitt's guerilla theory, territorial sovereignty, personal sovereignty, international warfare law, international law versus internal (national) law.*

Термин «партизан» не поддается однозначному определению. Он является амбивалентным, т.е. принципиально открыт для двух конкурирующих подхода. Как мы знаем, всякое определение по Аристотелю есть указание на род (genus) и добавление видового отличия (diffrentia specifica). С другой стороны, законы логики, особенно закон тождества и закон непротиворечия, запрещают применять в дефиниции больше одного родового понятия. Один род исключает другой, что изящно сформулировал Барух Спиноза: «Omnis determinatio est negatio» (=всякое опреде-

ление есть отрицание).

Амбивалентность понятия «партизан» заключается в том, что с одной стороны его можно подвести под понятие «воин», а с другой – под понятие «гражданское, или цивильное лицо». Применительно к определенному лицу указанную амбивалентность по слову Никласа Луманна [10] можно «раздифференцировать» по месту и времени. Например, в лесу и ночью партизан - это «воин», а в селе и днем тот же самый субъект – уже не «партизан», а обычное «гражданское лицо». Но такая фактическая «раздифференциация» лишь усложняет проблему юридической идентификации «партизана», определение его юридического статуса, что создает особую апорию, прежде всего, для оккупирующего государства и соответствующего оккупационного режима.

От проблематики юридического статуса партизана переходим к проблеме «партизанщины» как особого поведения. Толкование такого поведения возможно в терминах «аномии», т.е. дословно «беззакония» или же в терминах «анархии», что не одно и то же (см. ниже). В социологическом смысле, например, по теории аномии Дюркгейма [3] партизан – это человек, отрицающий солидарную связь со всеми представителями оккупационного режима. Партизан это - субъект, который бросает вызов оккупационному порядку и, следовательно, оккупирующему государству. Более того, для партизан кандидатами на уничтожение являются не только вражеские солдаты, но и местные коллаборационисты той же этнической принадлежности, что и партизаны, т.е. предатели.

С аномией тесно связан - хотя и не совпадает с ней - в тенденции анархический характер партизанского поведения. Оно, правда, является вполне конструктивным в части самоорганизации, например, в контексте стихийного объединения партизан в некую боевую единицу, но деструктивной в отношении оккупационного режима (диверсии, поджоги, взрывы и т.п.), а также той части местного населения, которая предпочла бы сохранить «нейтралитет».

В контексте публичного права мы наблюдаем уже внутрисистемную амбивалентность регулирования «партизанщины». Так, для государственного права оккупирующего государства «партизаны» это - уголовники, убийцы, мародеры и т.п. Для международного права – не все столь однозначно. Например, в контексте международного права трудно отграничить «партизан» от участников «национально-освободительного движения» или прочих «нонкомбатантов».

В рамках «чистой» социологии тема «партизанское движение» – это, прежде всего, реплика темы «анархизм» как особого мировоззрения. В этом смысле партизаны - это своеобразные анархисты, которые открыто и насильственно отрицают raison d'etre оккупирующего государства. Последнее воспринимается ими не просто как враждебное явление, а как символ зла, который должен быть уничтожен в духе знаменитой максимы Катона Старшего: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» (Лат. «К тому же, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»). При таком подходе, зона оккупации с точки зрения партизан становится своеобразной сферой jus necessitatis, т.е. «чрезвычайного права». Последнее «императивно узаконивает», например, право на уничтожение врага везде и всегда и, прежде всего, по формальным признакам (например, как носителя неприятельской военной формы).

С другой стороны, как и всякая военизированная организация партизанский отряд держится на авторитете своего руководителя - нередко, харизматического лидера. Данное обстоятельство объясняет, что партизанский отряд, являясь фактором аномии [3], т.е. попросту беззакония и планомерной дестабилизации оккупационного режима, внутри себя представляет замкнутый правовой коллектив, жизнедеятельность которого, на мой взгляд, можно адекватно толковать лишь в терминах императивной теории права, разработанной еще Джоном Остином в середине 19 века (=право – это приказ) [2].

В перспективе социологии права или скандинавского правового реализма (Я намеренно отвлекаюсь здесь от американского правового реализма как особой версии судейского права, тесно связанного с концепцией Кельзена о правоположении, или правоустановлении. На мой взгляд, тему судейского права «по-американски» весьма трудно совместить с «партизанской темой») «партизанская тема» - это уже вопрос не статуса, не нормы, не правового регулирования, а юридически значимого факта, узнаваемого человеческого поведения. Здесь возникает вопрос о том, насколько поведение партизан (например, планомерные убийства солдат оккупационной армии из засады) являются «легитимными», т.е. рассматриваются как легитимные со стороны автохтонного населения оккупированной территории. Другими словами, возникает вопрос о том, в какой степени автохтонные «непартизаны» симпатизируют и поддерживают партизан, насколько они считают их «своими», насколько они идентифицируют себя с теми, кто с точки зрения оккупационного режима не просто узнаваемый «неприятель» в составе регулярной армии противника, а часто – «невидимый злодей, коварный убийца, бандит и террорист».

С точки зрения систематики права понятие «партизан», как сказано в самом начале, является амбивалентным и, следовательно, внутренне противоречивым. В контексте логики националь-

ного правопорядка (при условии сохранения государством территориального суверенитета в той части, где орудуют неподконтрольные военизированные формирования) «партизанщина» - это, скорее, сфера уголовного права наряду с такими понятиями, как «бандитизм», «грабеж», «массовые убийства» и даже «терроризм».

Однако оптика международного права высвечивает совсем иные аспекты партизанского движения. В этой оптике «партизанское движение» может восприниматься как аналог «освободительной борьбы». Порой оно даже освящается как легитимная форма права народа на вооруженное восстание, как против внешнего (внезапного) агрессора, так и против внутреннего многолетнего «колониального режима», в отношении которого партизаны испытывают неистребимый социокультурный ресентимент, например, в духе Макса Шелера [1].

Другими словами, один и тот же термин – в зависимости от идеологической перспективы внутреннего или же международного права – может находиться как на полюсе «абсолютного зла», так и на полюсе «абсолютного добра». Таким образом, понятие «партизан» приобретает статус теоретической апории почти в духе Зенона. Соответственно, только теория в состоянии (1) опознать широту и глубину выявленной проблемы и (2) наметить пути, если не разрешения этой проблемы, то, по крайней мере, её смягчения и контроля.

В контексте императивной теории права представляет особый интерес небольшая послевоенная работа Карла Шмитта под названием «Теория партизана» [11]. Указанная брошюра является переработанной версией двух докладов, которые Карл Шмитт прочитал в двух испанских городах: в Памплоне 15 марта 1962 года по приглашению Наваррского фонда «Общих Исследований» (Estudio General de Navarra) и в Сарагоссе 17 марта того же года по приглашению университета Сарагоссы.

Как отмечает Шмитт, точкой отсчета для идентификации «проблемы партизана» является партизанская борьба (der Guerrilla-Krieg), которую испанский народ вел с 1808 по 1813 годы против войск внешнего завоевателя, а именно против французской агрессии. В этой войне «испанский народ – добуржуазный, допромышленный и доконвенционный - впервые столкнулся с современной, хорошо организованной, регулярной армией, закаленной в стихии Французской революции» [11].

Квинтэссенцией всей работы является тезис Шмитта, что «партизан воюет иррегулярно» [11], т.е. не по правилам. Канонизация же правил ведения боя, а также их международно-правовая «кодификация» в виде т.н. военного права (Kriegsrecht) стали возможны лишь в итоге накопленного опыта суверенных европейских государств в ходе боевых столкновений их национальных армий. Лишь после столкновения испанских военизированных формирований с регулярной французской армией, по мнению Шмитта, термин «партизан» получил свой негативный смысл, т.е. слово «партизаны» стало восприниматься как антипод слова «регулярная армия».

До этого «испанского инцидента» боестолкновения регулярных армий противоборствующих государств, например, Франции и Австрии или Дании и Пруссии подчинялись правилу: победитель в генеральном сражении является и победителем всей кампании. Соответственно, государство, армия которого потерпела поражение в этом сражении, признает себя побежденным и боевые действия прекращаются.

В испанском походе Наполеона сначала все шло по правилам: осенью 1808 года доблестная армия Наполеона нанесла поражение регулярной испанской армии. Испанская правящая элита признала свое поражение, но простые испанские селяне решили иначе. Они объединились в плохо вооруженные шайки и стали нападать на французов там, где это было возможно. Все пошло не так: вместо регулярных сражений почти по правилам шахматной игры «народные бандиты» Испании стали делать беспорядочные вылазки в местах дислокации французских гарнизонов, совершая молниеносные наскоки и тут же исчезая. Таким образом, после поражения регулярной испанской армии война вовсе не закончилась, как следовало по правилам международного военного права (Kriegsrecht), а стала диффузной и фактически расползлась на многочисленные тлеющие очаги, на «200 маленьких локальных войн в Астурии, Арагоне, Каталонии, Наварре, Кастилии и т.п.» [11].

Для того, чтобы противостоять испанским партизанам Наполеон Бонапарт был вынужден половину своей регулярной армии рассредоточить по провинциальным гарнизонам номинально уже завоеванной страны. Из испанского контингента французской армии примерно половина солдат, т.е. 250 -260 тыс., были постоянно привязаны к своему месту дислокации ввиду частых, плохо предсказуемых наскоков со стороны небольших, но беспокойных партизанских отрядов, совокупной численностью не более 50 тыс. человек [11]. Как видим, один даже самый необученный партизан был в состоянии нейтрализовать свободу действий пяти солдат профессиональной армии неприятеля. Если бы контингент испанских партизан насчитывал до 100 тыс. человек, то инициативная активность всего французского оккупационного корпуса в Испании была бы сведена к нулю: французским оккупантам пришлось

бы только реагировать на постоянные, но плохо предсказуемые «москитные укусы» испанских партизан.

Испанский мужик, взявшийся за вилы народной войны против внешнего захватчика, стал триггером двух доселе не виданных парадоксов. Первый парадокс «испанской партизанщины» заключался в том, что испанская королевская семья была дезориентирована и не знала, кто для неё более опасен – «узурпатор» французской короны Наполеон, т.е. внешний агрессор или же собственное неграмотное мужичье, «нарушающее» каноны международного военного права.

Второй парадокс, тесно связанный с первым, заключался в том, что образованное испанское общество почти исключительно состояло из afrancesados, т.е. офранцуженных аристократов, чиновников и деятелей искусства. Испанские afrancesados были возмущены «мужицким бандитизмом» против очаровательных гостей из Франции, не менее, чем сами захватчики. С другой стороны, для простого испанского населения аристократы – afrancesados были не более, чем негодяи и предатели.

Здесь невольно напрашивается параллель с российской аристократией того же времени. Она тоже почти поголовно находилась под очарованием французской культуры и была явно отчуждена от народа социальным и культурным барьером. Однако, как показали события 1812 года, российские аристократы в период грозных испытаний оказались антиподами испанских, а также немецких и прочих европейских afrancesados.

После окончательного поражения Наполеона (под Ватерлоо в 1815 году) испанский инцидент и, соответственно, тема «партизанщины» была предана забвению. Венский Конгресс 1814-15 годов, закрепляя победу над Наполеоном, был не только символом реставрации монархических режимов в Западной Европе, но и символом классического международного военного права. Его правила действительно соблюдались в европейских вооруженных конфликтов вплоть до Первой мировой войны, которая, правда, внесла свои зловещие предвозвестники деградации классического военного права (химические атаки немцев, а также «партизанская тактика» немецких подлодок.).

Как бы то ни было, именно в рамках классического международного военного права были разграничены такие понятия, как «война» и «мир», (внешний) «неприятель» и (внутренний) «преступник» [11]. В терминах классического военного права «испанский инцидент» рассматривался как досадная аномалия, как маргинальный эпизод. Аристократическая идеология международного военного права по определению не могла интегрировать «испанскую аномалию» в качестве прецедента для разработки будущей самостоятельной теории партизанского движения. Партизанщина как таковая была несовместима с идеологией войны как «коллективной аристократической дуэли», подлежащей строгим джентльменским правилам.

Как полагает Шмитт, партизанское мировоззрение - в отличие от партизанского поведения - возникло позднее, а именно является продуктом 20 века, когда внутри самих национальных элит аристократический дух классического международного права стал активно вытесняться буржуазным («газетным» и коммерческим) духом. Партизанское мировоззрение по Шмитту сводится к следующем тезису: «Современный партизан не ожидает от врага ни (соблюдения – С.К.) права, ни милости» [11]. Такое мировоззрение само по себе носит подрывной, или даже провокационный характер: враг партизана может эффективно противостоять ему только посредством отказа от классических (джентльменских) правил ведения боя. Против партизанского террора эффективен только «контр - террор до полного уничтожения» [11].

Шмитт проницательно диагностирует генетическую связь «партизанщины» (Partisanentum) как универсального явления с гражданскими и колониальными войнами 20 века. Более того, по мнению Шмитта, существенный изъян современного международного права заключается как раз в том, что в сознании международников эти тревожные явления оттесняются на задний план, остаются за кадром теоретического осмысления. До сих пор в сознании юристов-международников война представлена как нормированный вооруженный конфликт между государствами [11]. Однако, такие конфликты – mutatis mutandis (Лат. «изменив то, что следует изменить») - иногда можно рассматривать и в терминах «столкновения цивилизаций» по Хантингтону [4].

В этом ключе представляет интерес «русская тема» в «теории партизана» Шмитта. Фактически он ставит в один ряд рассмотренный «испанский прецедент» и российский вклад в идеологию партизанского движения. Согласно Шмитту русские партизаны Отечественной войны 1812 года применяли две стратегии: (1) во время наступления Наполеоновской армии они внезапными вылазками постоянно досаждали французам, не причиняя им существенного вреда, но замедляя французское продвижение вглубь России и (2) во время отступления Наполеона от сожженной Москвы русские партизаны, по мнению Шмитта, просто «убивали мерзнущих и голодающих французов» [11]. Столь безапелляционный вывод Шмитта нельзя считать безупречным, хотя и в некоторой правдоподобности ему отказать также

нельзя.

Однако есть один лингвистический аргумент, который можно толковать, скорее, в пользу своеобразного, а именно «грубого милосердия» русского народа, включая и партизан из крепостных. В современном русском просторечье ещё живет слово «шерамыга, шерамыжник», производное от французского приветствия «cher ami» (Фр. «дорогой друг»). Именно этими словами «мерзнущие и голодающие французы» начинали свою просьбу о помощи, и многие её получали, причем не только от сердобольных русских селянок, но и простых крепостных мужиков.

В словаре В.И. Даля «шерамыга» это - «шатун и плут, обирала и оплетала». Разумеется, к французским солдатам 1814 года такое позднее значение не относится, но намек на тогдашнего «французского шерамыгу» можно узреть в примере из словаря В.И. Даля: «Хоть бы где нонче на шеромыжку пообедать». В русском менталитете – по крайней мере, так было в 19 веке - было укоренено не только правило, что «лежачих не бьют», но и правило «просит убогий, а подаешь Богу». Французский шерамыга 1814 года был, прежде всего, убогий человек, т.е. хотя и скудный, и нищий, но под защитой Бога. Этим для тогдашнего русского православного мужика все уже сказано. И указанной лингвистической ссылки, на мой взгляд, достаточно, чтобы дезавуировать тенденциозное мнение Шмитта о якобы тотальной свирепости русских «крепостных партизан».

С точки зрения систематики юридической науки феномен «партизанщины» имеет тройственную связь:

с юридическим нормативизмом в духе Ганса Кельзена [6],

с социологией права в духе Рудольфа фон Иеринга [13] или же со скандинавским правовым реализмом [12] и, наконец,

с децизионизмом Карла Шмитта [7].

Юриста-нормативиста партизанская тема может заинтересовать в контексте учения Ганса Кельзена о правоположении (Rechtssatz). Кельзен различает правоположение в узком смысле [7] как установленное правило поведения для подвластных, и правоположение в широком смысле как правило, которое государство как бы адресует само себе и посредством которого бюрократия регулирует свое собственное поведение [9].

Правоположение в узком, или собственном смысле в учении Кельзена вызывает ассоциацию с первичными нормами (primary rules) в духе Герберта Харта [9]. Классическим примером первичных норм по Харту являются нормы уголовного права. Напротив, правоположения в широком смысле напоминают вторичные нормы (secondary norms) Герберта Харта. Такими нормами по Харту являются нормы договорного права, посредством которых стороны могут изменять свое будущее поведение в целях согласованного достижения своих целей. Посредством правоположений в широком смысле в духе Кельзена или вторичных норм в духе Харта - что далеко не одно и то же - уполномоченные органы государства могут менять «правила игры», как для подвластных, так и для бюрократии. В терминах Харта они могут менять, как первичные нормы, так и (предшествующие) вторичные нормы.

Тем не менее, кельзеновские правоположения в широком смысле отличаются от вторичных норм в духе Харта своим генезисом. Кельзен как автор «чистой теории права» явно находился под влиянием знаменитой теории Георга Еллинека о «самообязывании государства» [5]. Поскольку нормативизм позиционирует себя как по преимуществу формальная (процессуальная и т.п.) юриспруденция, то особую важность приобретает формальная аргументация. При формальном подходе следует отметить, что анализу правоположения в узком смысле, т.е. вопросам регулирования поведения подвластных, Кельзен посвящает целых две главы и, соответственно, 56 страниц текста [7].

Однако анализу правоположения в широком смысле, т.е. теме «самообязывания государства», он посвящает лишь одну главу и, соответственно, 25 страниц текста [7]. Как видим, Кельзен допускает асимметрию между «правом для подданных» и «правом для бюрократии по поводу, как «самообязывания», так и регламентации поведения подданных». Данное обстоятельство можно интерпретировать как идеологическую ангажированность «чистой теории права» Кельзена [8] в пользу правящего аппарата, которому (если подходить формально, т.е. по результатам подсчета страниц текста) дозволено себя «самообязывать» в два раза меньше и легче, чем обязывать обычных граждан.

На оккупированной территории кельзеновское правоположение в узком смысле может функционировать как:

монистическая (=монотонная) норма для тех, кто в принципе не ставит под сомнение оккупационный режим, либо

как дуальная (=дихотомическая) норма, которая символизирует конфликт между оккупационной нормой государства-агрессора и латентной нормой «отступившего государства», правопорядок которого действовал на захваченной территории до момента оккупации.

В терминах конституционного права «дихотомическая норма» символизирует разрыв между принципом легальности оккупационной нормы и («тлеющей») легитимностью автохтонной, т.е. до-окупационной нормы в тех случаях, когда предписания этих норм несовместимы. Та-

ким образом, автохтонное население на оккупированной территории как бы стоит перед проблемой морального выбора – между легальностью новой нормы государства-агрессора и (возможной) легитимностью старой нормы «отступившего» («родного») государства.

В терминах международного права может возникнуть также конфликт между территориальным суверенитетом оккупирующего государства и персональным суверенитетом «отступившего» государства. Разрыв между территориальным суверенитетом, который теперь «в руках» оккупанта, и «тлеющим» персональным суверенитетом, на который по-прежнему может претендовать «отступившее» государство, порождает возможность разной интерпретации одного и того же деяния. Скажем, убийство партизаном «исподтишка» местного «полицая» оккупационным правом будет расцениваться как уголовное преступление с отягчающими обстоятельствами. В контексте же персонального суверенитета «отступившего» государства оно будет означать справедливую казнь коллаборациониста. В первом случае исполнитель – это подлый убийца, а во втором случае – это же лицо «правильный гражданин», герой или даже «мученик», если он будет схвачен и жестоко умерщвлен представителями оккупационной власти.

Аналогичные проблемы возникают также в части применения и эффективности кельзеновских правоположений в широком смысле. Либо оккупирующее государство воспринимает автохтонное население на оккупированной территории как «дружественное» или даже «союзническое» по примеру союзнических отношений древнеримской республики с италийцами, либо относится к нему как к «чуждому» населению по примеру все той же древнеримской республики в её взаимоотношениях с римскими колониями, например, в Западной Африке.

В первом случае несобственное население оккупирующего государства (например, древние италийцы) получает возможность последующей социально-политической интеграции с метрополией (в нашем случае, с гражданами Римской республики). Во втором случае, оккупационный режим является колониальным в строгом смысле этого слова, т.е. автохтонное население колонии рассматривается метрополией лишь в качестве средства эксплуатации наряду с другими полезными «вещами», которые призваны обслуживать потребности метрополии, точнее, ее правящего класса.

В контексте заявленной темы проблема для оккупирующего государства заключается в том, что «защита такого населения потенциально также является защитой партизан» [11]. Днем оккупационный режим имеет дело с «нейтральным» и безобидным местным населением, но ночью вдруг неконтролируемая часть этого населения превращается в партизан, для которых враг на уничтожение – любой, кто одет во вражескую военную форму [11] или носящий повязку с надписью «Polizei».

С другой стороны, ещё сложнее выглядит проблема с применением и эффективностью правоположений в широком смысле для «отступившего» (по умолчанию «родного») государства. В терминах Еллинека это поднимает вопрос о том, возможно ли здесь в принципе самообязывание «отступившего» государства. Имеет ли смысл говорить о действии его правопорядка на территории вне его контроля? Тут есть очень деликатный момент: какой вообще оправданный «интерес» может быть у «отступившего государства» в отношении населения на оккупированной территории? «Испанский инцидент» свидетельствует о том, что один партизан способен парализовать инициативную активность пяти вражеских солдат. Следовательно, чем больше будет партизан на оккупированной территории, тем выше вероятность, что регулярная армия неприятеля завязнет в «болоте партизанской войны», тем легче регулярной армии «отступившего» государства перейти в контр-наступление.

Однако не все так просто в этой стратегии. Партизаны нуждаются в инфраструктуре, прежде всего в продуктах питания и средствах первой необходимости. В этой части они зависят от поддержки со стороны «нейтрального» местного населения. Последнее становится двойным заложником, как для оккупирующего государства, так и «отступившего» (по умолчанию «родного») государства. Для оккупантов условно «нейтральное» местное население – потенциальные или реальные партизаны, для «отступившего» государства то же самое население – потенциальные или реальные коллаборационисты, т.е. предатели. При таком раскладе понятие «самообязывания государства» в духе Еллинека (Selbstverpflichtung) [5] по отношению к населению на оккупированной территории теряет всякий смысл не только для оккупирующего, но и для «отступившего» государства.

Как бы то ни было, партизанское движение для «отступившего» государства может стать последней «цитаделью» своей значимости и «грядущего наступления», т.е. возврата оккупированной территории. Партизаны на ней становятся главными или даже единственными «представителями суверенитета» (временно) «отступившего» государства.

В заключение можно сказать что Карл Шмитт в отличие от господствующего в международном праве мнения не видит возможность установить семантическую и юридическую связь

между понятием «партизан» и понятием «нонкомбатант». «Понятийная неясность (положений) Гаагской и Женевских Конвенций велика и запутывает проблему. Партизан - это как раз тот, кто избегает открыто носить оружие и кто борется из засады, кто использует вражескую униформу … или любую гражданскую одежду как маскировку. Скрытность и темнота – его сильнейшее оружие, от которого он по совести не может отказаться… не перестав быть партизаном» [11].

Выводы:

В шмиттовской теории партизана знаменитая дихотомия «друг – враг» исчезает, по крайней мере, концептуально: полюс под названием «друг» практически утрачивает свою функцию. Речь идет только о том, кому, где, когда и в каком отношении партизан опасен, т.е. является врагом, а не другом. На первый взгляд, можно возразить, что партизана можно рассматривать как «друга» по отношению к «отступившему» государству. Но это приводит к абсурдному выводу, что «партизан» становится воюющим «апатридом»: он есть безусловный враг для оккупирующего государства, а для «отступившего» государства» он - «просто друг», «дружеский статус» которого еще подлежит проверке «родным» государством после (возможного) изгнания оккупантов.

Враг партизана, т.е. оккупант вынужден вести тотальную войну не только против партизан, но и местного населения. Оно является питательной средой партизанщины. Соответственно, оккупационный режим все делает для того, чтобы вынудить население отказаться от поддержки партизанского движения. Это было одной из главных целей «Общих директив по борьбе с партизанами 1944 года» (Die allgemeinen Richtlinien für die Partisanenbekämpfung 1944), на которую ссылается К.Шмитт, но которую я в интернете не нашел. С другой стороны, «отступившее» государство заинтересовано в том, чтобы вынудить «родное» население на оккупированной территории, либо уйти в партизаны, либо оказывать партизанам безоговорочную поддержку даже под угрозой провокаций со стороны «лжепартизан» на службе оккупационного режима.

В этой связи можно утверждать, что не только настоящих партизан, но и все местное население, за исключением сознательных коллаборационистов, можно считать «мучениками правового апокалипсиса». Ведь им приходилось выживать и нередко погибать в режиме двойной аномии: «отступившее» государство по факту увлекло за собой и собственный правопорядок, т.е. возникла аномия в отношении предыдущего правового опыта граждан; помимо этого, партизанский фактор провоцировал и расширял аномию в отношении оккупационного режима. Соответственно, дневной режим оккупационного порядка до наступления ночи «отрицал» действенность прежнего правопорядка, а с наступлением темноты «отступившее» государство в лице «своих партизан» до рассвета возвращало свой порядок на оккупированную территорию.

Среди явных преимуществу партизанской войны по сравнению с классическими правилами ведения боя между регулярными частями противоборствующих государств Шмитт выделяет: нерегулярность, т.е. отсутствие каких-либо правил ведения боя; повышенная политическая интенсивность, т.е. ненависть к любому носителю вражеской униформы и приспешникам оккупантов; высокая мобильность, включая быструю смену атаки и отхода; и «близость к земле», т.е. привязка и приспособленность к данной конкретной местности с её ландшафтными и климатическими особенностями [14].

Государственное право обычно делегирует проблему «партизанщины» национальному уголовному праву, т.е. квалифицирует «партизанское поведение» как уголовно-наказуемое деяние, когда речь идет о «партизанщине» на территории, подлежащей государственному режиму, который не оспаривает какое-либо иное суверенное государство.

Международное право до сих пор не смогло интегрировать феномен «партизанщины» в сферу своего регулирования. Более того, термин «нонкомбатант» фактически отодвинул на задний план проблематику партизана, который частично, например, днем подпадает под значение термина «нонкомбатант». Как бы то ни было, о статусе партизана как совокупности его прав и обязанностей на данном этапе говорить не приходится.

Положения Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны» и Третьей Женевской конвенции 1949 года «Об обращении с военнопленными» не применяются к партизанам, поскольку они не входят в состав регулярных армий.

Четвертая Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» не применяется к лицам на оккупированной территории, если существует «высокая вероятность» принадлежности этих лиц к партизанским формированиям.

Список литературы:

[1] Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. Пер. с немецкого А.Н. Малинкина – С.-П.: Наука. – 1999.

[2] Austin J. Lectures on Jurisprudence. Abridged by R. Campbell. – N.Y.: Henry Holt and Company. - 1875.

[3] Durkheim E. De la division du travail social. – P.: Felix alcan. – 1893.

[4] Huntington S.P. The Clash of Civilizations

and the Remaking of World Order. – N.Y.: Simon and Schuster. – 2011.

[5] Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914] 3. Aufl. – Berlin: Verlag Springer. – 1929.

[6] Jhering R. Die Jurisprudenz des täglichen Lebens. 7-te Aufl. – Jena: Gustav Fischer. - 1889.

[7] Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtlehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. – Tübingen: Verlag Mohr und Siebeck. – 1923.

[8] Kelsen H. Reine Rechtslehre. Zweite Aufl. [1960]. – Wien: Österreichische Staatsdruckerei. – 1992.

[9] Lee K.-K. Hart's Primary and Secondary Rules // Mind - Vol. 77. No. 308 (Oct., 1968).

[10] Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. – Frankfurt/M.: Suhrkamp. - 1999.

[11] Schmitt C. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. [1963]– Berlin: Duncker und Humblot. – 1975.

[12] Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Dritte Aufl. [1934]. – Berlin: Duncker und Humblot. – 2006.

[13] Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // RETFÆRD ÅRGANG 32 2009 NR. 1/124. – pp.62-82.

[14] Vad E. Strategie und Sicherheitspolitik: Perspektiven im Werk von Carl Schmitt. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1996.

References:

[1] Scheler M. Resentiment in the structure of morals. Per. from German A.N. Malinkin - S.-P.: Science. – 1999.

[2] Austin J. Lectures on Jurisprudence. Abridged by R. Campbell. – N.Y.: Henry Holt and Company. - 1875.

[3] Durkheim E. De la division du travail social. – P.: Felix alcan. – 1893.

[4] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y. Simon and Schuster. – 2011.

[5] Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914] 3. Aufl. – Berlin: Verlag Springer. – 1929.

[6] Jhering R. Die Jurisprudenz des täglichen Lebens. 7-te Aufl. – Jena: Gustav Fischer. - 1889.

[7] Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtlehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. – Tübingen: Verlag Mohr und Siebeck. – 1923.

[8] Kelsen H. Reine Rechtslehre. Zweite Aufl. [1960]. – Wien: Österreichische Staatsdruckerei. – 1992.

[9] Lee K.-K. Hart's Primary and Secondary Rules // Mind - Vol. 77. No. 308 (Oct., 1968).

[10] Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. – Frankfurt/M.: Suhrkamp. - 1999.

[11] Schmitt C. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. [1963] – Berlin: Duncker und Humblot. – 1975.

[12] Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Dritte Aufl. [1934]. – Berlin: Duncker und Humblot. – 2006.

[13] Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // RETFÆRD ÅRGANG 32 2009 NR. 1/124. – pp.62-82.

[14] Vad E. Strategie und Sicherheitspolitik: Perspektiven im Werk von Carl Schmitt. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1996.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-289-292

БАДЗЮК Ирина Леонидовна,
кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
e-mail: demy@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММ В ИГРОВОЙ ФОРМЕ В ВУЗАХ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации и автоматизации производств образование сталкивается с необходимостью подготовки специалистов, способных решать нестандартные задачи. Особую значимость приобретает развитие у студентов критического мышления, коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта. Одним из наиболее эффективных инструментов для достижения этих целей выступают игровые формы обучения. Игра позволяет не только повысить мотивацию, но и смоделировать реальные профессиональные ситуации. В статье анализируются положительные стороны деловых игр, симуляторов, квестов и кейс-стади в высшей школе. Отмечается, что применение компьютерных обучающих игр усиливает эти преимущества за счет интерактивности и адаптивности. Для успешного создания подобных программ необходимо соблюдать ряд принципов, включая четкую дидактическую цель и связь с реальной деятельностью. Особый интерес представляет описанный опыт внедрения учебной игры по дисциплине «Уголовное право» для юридических специальностей. Данная программа построена по принципу ролевой игры с тестовыми заданиями и комментариями к ответам. Использование такого формата снижает страх ошибки у студентов и способствует формированию рефлексивных и поисковых умений. В работе делается акцент на том, что игра задает социальный и предметный контекст будущей профессии.*

Ключевые слова: *обучающие компьютерные программы, игровые формы обучения, образовательный процесс, образовательные технологии.*

BADZIUK Irina Leonidovna,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technology, Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

FEATURES OF THE CREATION AND USE OF GAME-BASED TRAINING PROGRAMS IN UNIVERSITIES FOR LEGAL SPECIALTIES

Annotation. *In the context of digital transformation and automation of production, education is faced with the need to train specialists who can solve non-standard problems. The development of critical thinking, communication skills, and emotional intelligence in students is of particular importance. One of the most effective tools for achieving these goals is through the use of game-based learning. Games not only increase motivation but also allow for the simulation of real-life professional situations. This article provides a detailed analysis of the benefits of business games, simulations, quests, and case studies in higher education. It highlights that the use of computer-based learning games enhances these advantages through their interactive and adaptive nature. To successfully create such programs, it is necessary to follow a number of principles, including a clear didactic goal and a connection to real-world activities. Of particular interest is the described experience of implementing a training game in the discipline of Criminal Law for legal professions. This program is based on the principle of a role-playing game with test assignments and comments on the answers. Using this format reduces the fear of making mistakes among students and promotes the development of reflective and search skills. The work emphasizes that the game sets the social and subject-specific context of the future profession.*

Key words: *educational computer programs, game forms of learning, educational process, educational technologies.*

Стремительное развитие технологий и переход к цифровому, ориентированному на человека, производству, использующему сложную автоматизацию, обусловливают необходимость трансформации образовательных подходов. В условиях усложнения технологий критически важным становится владение современными компетенциями, такими как критическое мышление, коммуникация и эмоциональный интеллект [1]. Искусственный интеллект и развитие сложной автоматизации смещают ожидания от выполнения рутинных, повторяющихся задач, которые легко автоматизируются, к более сложным, требующим сотрудничества и межличностных навыков. В связи с этим образование играет ключевую роль в подготовке обучающихся к неопределённым и постоянно меняющимся требованиям реальности [1]. Построение качественно новой информационной образовательной среды влечет за собой пересмотр образовательных ориентиров, которые отражаются в содержании средств, методов и организационных форм учебной работы. Одной из основных целей образовательного процесса становится развитие творческого потенциала обучающихся, а непосредственное усвоение готовых знаний уходит на второй план. Результаты обучения зависят от мотивационных установок обучаемых, согласно выводам в значимых исследовательских работах по педагогики в современной информационной образовательной среде высоким мотивационным потенциалом формирования личностно-образовательной траектории обладают информационно-коммуникационные технологии [2]. Данные технологии обладают хорошей способность адаптировать разноплановые предметные знания к индивидуальным особенностям и личностным интересам, развивая навыки самостоятельного поиска и творческой обработки информации.

По мнению специалистов в сфере информатизации образования [1-4] компьютер и компьютерные обучающие программы являются современными инструментами в электронной образовательной среде, соответственно, разработка специального программного обеспечения является важным направлением научно-педагогических исследований.

Одним из эффективных мотивационных инструментов обучения считается игровая форма. Игра на протяжении всей жизни человека является неотъемлемой частью любой сферы деятельности. Еще древние философы утверждали «что, если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она покажется не более чем игрой», образовательный процесс, как никакой другой, подтверждает эту мысль. «Учебная игра – это модель какого-либо реального процесса, имитирующая профессиональную деятельность и направленная на формирование и закрепление профессиональных умений и навыков» [3].

Практика применения игровых форм обучения в ВУЗе (деловых игр, симуляторов, квестов, кейс-стади) достаточно обширна [1, 3-5]. Игровой формат в образовательном процессе способствует повышению мотивации, вовлеченности и эффективности усвоения материала, позволяя студентам отрабатывать профессиональные навыки, развивать критическое мышление, принимать решения в смоделированных условиях и лучше запоминать информацию благодаря погружению в процесс, отсутствию строгой дисциплины и положительным эмоциям, что актуально для подготовки специалистов и соответствует современным требованиям образования.

Преимущества использования игровых форм в процессе получения высшего образования можно сформулировать по следующим аспектам.

Игра делает процесс обучения увлекательным и интересным, что повышает мотивацию обучения. Отработка практических навыков (продажи, лидерство, технические, установления критериев преступного деяния и их квалификации), развитие памяти, внимания, мышления способствуют развитию профессиональных навыков.

Обучающиеся учатся через действие, а не пассивное восприятие, принимают самостоятельные решения, что соответствует современным реалиям и является элементами активной формы обучения.

Игры позволяют моделировать реальные рабочие ситуации (переговоры, управление ресурсами, процессуальные действия) - моделирование реальности.

Участие в игровом процессе создает положительный эмоциональный фон, что способствует лучшему запоминанию формируется положительное эмоциональное вовлечение.

В качестве примеров активных игровых форм в ВУЗах можно привести:

деловые игры – имитация управления предприятием, переговоров, маркетинговых кампаний, следственных действий, судебных заседаний;

ролевые игры – отработка коммуникации, клиентских сценариев (продажи, психология); симуляторы: для освоения сложных технических и профессиональных операций;

квесты и викторины – для закрепления теоретических знаний в интерактивной форме (иностранные языки, история);

кейс-стади – анализ реальных или смоделированных ситуаций и поиск решений.

Преимущества описанных выше инструментов обучения (игровых форм и компьютерных

программ) аддитивны в учебных компьютерных играх.

Для эффективного применения игровых компьютерных программ в образовательном процессе при их создании необходимо соблюдать выполнение ряда принципов.

Во-первых, при создании игрового инструмента необходимо ставить четкую дидактическую цель: игра должна быть связана с учебным материалом и иметь конкретную цель.

Во-вторых, при создании сюжета игры должна обеспечивается связь с реальной деятельностью: моделирование реальности должно иметь максимальное приближение к жизненным или профессиональным ситуациям.

В-третьих, формат учебной компьютерной игры определенно структурирован, что достигается наличием сценария, правил, ролей и четкого механизма игры.

Также в игре желателен элемент соревнования, который повышает активность обучающих.

Интересен опыт создания и применения учебной компьютерной игры, внедренной в образовательный процесс для подготовки юристов. Программа представляет собой интерактивный обучающий инструмент, предназначенный для проверки и закрепления знаний обучающихся по дисциплине «Уголовное право». Учебная игра позволяет оценить знания будущего специалиста, требующиеся для применения правовых норм и юридических терминов, а также правильной квалификации деяний [5]. Программа построена по принципу кейс-стади, обучающийся индивидуально анализирует предложенную ситуацию и ищет решение. Каждый этап учебной игры организован в формате опроса с предоставлением ответа в нескольких вариантах: ввод с клавиатуры или простой выбор. Посредством игры проверяются знания терминологии уголовного права, характеристик и признаков деяний, умения их квалифицировать. Ответы сопровождаются комментариями (похвалой, в случае правильного ответа, или «недовольством» с предоставлением очередной попытки для ответа). То, что этот опрос осуществлён в форме игры, и предоставляется возможность нового выбора, у обучающихся уходит страх сделать ошибки в ответе, что придает большую уверенность в своих действиях.

Применение представленной обучающей программы позволяет сформировать у обучаемых такие значимые умения, как:

рефлексивные – осмысление и анализ ситуационных задач, для решения которых недостаточно имеющихся знаний;

поисковые – поиск нескольких вариантов решения учебно-ситуационной проблемы, выдвижение гипотез, самостоятельная генерация идей, установление причинно-следственных связей;

менеджерские – оптимизация временных затрат для принятия решений, прогнозирование результатов деятельности, построение моделей и алгоритмов действий [2].

Кроме того, данная компьютерная программа является примером методического материала по созданию обучающих компьютерных игровых программ преподавателями гуманитарного цикла дисциплин.

Алгоритм разработки обучающей программы на примере созданного проекта «Обучающая программа «Я знаю закон»» включает следующие этапы: 1) анализ и планирование; 2) проектирование; 3) программная реализация; 4) тестирование и отладка; 5) опытная эксплуатация; 6) сопровождение и развитие. При этом на каждом этапе перед разработчиком возникают задачи по подбору инструментария, описанию процессов и ожидаемого результата.

При создании обучающей программы «Я знаю закон» использовались ресурсы, находящиеся в свободном доступе, язык программирования Python, который достаточно прост в изучении и освоении, персональный компьютер с операционной системой Windows 10. Для формирования структуры и логических связей программы использовался общедоступный сервис MindMup (https://startpack.ru/application/mindmup). По материалам данного проекта разработаны методические рекомендации для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и аспирантов, в которых представлен процесс создания и применения обучающих программ в рамках дисциплин юридического цикла, проведен анализ научно-методических основ использования игровых форм для освоения учебного материала (определения целевой аудитории, примерного плана проведения учебного занятия с помощью данной образовательной технологии, формирования ожидаемого результата образовательной деятельности), даны рекомендации по выбору наиболее оптимальных инструментов создания обучающих программ.

На сегодняшний день разработка компьютерной обучающей программы не требует наличия специального образования и квалификации программиста. Достаточно иметь базовые навыки программирования, уметь использовать специальные программы для написания сценария и грамотно формулировать конечную цель разработки программы.

Образовательная функция игры очень значима, так, по мнению академика РАО Вербицкого А.А., «игра позволяет задать в обучении предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности и тем самым смоделировать более адекватное по сравнению с традиционным обучением условия формирова-

ния личности специалиста» [4]. Однако, следует помнить, что учебные компьютерные игровые программы только один из множества компонентов полноценной образовательный среды.

Список литературы:

[1] Чумичева, Р.М. Особенности подготовки игропедагогов в магистратуре (опыт Южного федерального университета) / Р.М. Чумичева, Л.Е. Кудинова, И.Э. Куликовская // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 2(44). – С. 535-552. – EDN JCXSEZ.

[2] Алтухова, С.О. Повышение эффективности усвоения учебно-научной информации с помощью обучающей компьютерной программы / С.О. Алтухова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 4(73). – С. 225-228. – EDN ZCBCWR.

[3] Николаев, М.В. Игровые методы обучения в подготовке студентов экономического вуза: от практики к учебному процессу / М.В. Николаев, Н.В. Манькова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6(67). – С. 174-177. – EDN YKWKJQ.

[4] Вербицкий, А.А., Ильязова, М.Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования. Москва, 2011. 288 с.

[5] Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025616446 Российская Федерация. «Обучающая программа «Я знаю закон» : заявл. 26.02.2025 : опубл. 17.03.2025 / Д.С. Джурук, Е.Н. Бархатова, М.Б. Руденко [и др.]; заявитель Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – EDN WASBRM.

References:

[1] Chumicheva, R.M. Features of training igropedagogues in the magistracy (experience of the Southern Federal University)/R.M. Chumicheva, L.E. Kudinova, I.E. Kulikovskaya // CITISE. – 2025. – № 2(44). - S. 535-552. – EDN JCXSEZ.

[2] Altukhova, S.O. Improving the efficiency of assimilation of educational and scientific information using a training computer program/S.O. Altukhova // Scientific notes of Oryol State University. – 2016. – № 4(73). - S. 225-228. – EDN ZCBCWR.

[3] Nikolaev, M.V. Game methods of training in the training of students of an economic university: from practice to the educational process/ M.V. Nikolaev, N.V. Mankova // World of Science, Culture, Education. – 2017. – № 6(67). - S. 174-177. – EDN YKWKJQ.

[4] Verbitsky, A.A., Ilyazova, M.D. The invariants of professionalism: problems of formation. Moscow, 2011. 288 pp.

[5] Certificate of state registration of the computer program No. 2025616446 Russian Federation. "Training program "I know the law": declared. 26.02.2025: publ. 17.03.2025 / D.S. Dzhuruk, E.N. Barkhatova, M.B. Rudenko [et al.]; applicant Federal State State Educational Institution of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." – EDN WASBRM.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-293-298

КОКШАРОВ Евгений Владимирович,
доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта, Уральский института ГПС МЧС России, e-mail: mail@law-books.ru

ГАРЕЕВ Дмитрий Ринатович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры, Уральский государственный медицинский университет, e-mail: mail@law-books.ru

ЭКОНОМИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МЧС РОССИИ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются методологические подходы к экономико-образовательной оценке подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования МЧС России. Рассмотрены особенности подготовки специалистов, определены критерии результативности образовательного процесса, предложены направления совершенствования оценки качества подготовки курсантов с учетом затрат, результатов обучения и последующей служебной эффективности выпускников.*

Ключевые слова: *курсанты, экономико-образовательная оценка, качество подготовки, образовательная эффективность, профессиональная готовность.*

KOKSHAROV Evgeny Vladimirovich,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports, Ural Institute of State Emergency Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

GAREEV Dmitry Rinatovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Culture, Ural State Medical University

ECONOMIC AND EDUCATIONAL ASSESSMENT OF THE TRAINING OF CADETS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF DEPARTMENTAL HIGHER EDUCATION

Annotation. *The article discusses methodological approaches to the economic and educational assessment of the training of cadets of higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The features of training specialists are considered, criteria for the effectiveness of the educational process are determined, and directions for improving the assessment of the quality of cadet training are proposed, taking into account the costs, learning outcomes, and subsequent performance of graduates.*

Key words: *cadets, economic and educational assessment, quality of training, educational effectiveness, professional readiness.*

Введение

Система ведомственного высшего образования МЧС России занимает особое место в подготовке кадров для обеспечения пожарной безопасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [1]. В отличие от гражданских образовательных организаций, вузы МЧС России реализуют не только образовательную, но и профессионально-служебную, воспитательную, дисциплинарную и практико-ориентированную функции.

Подготовка курсантов в ведомственном вузе представляет собой сложный социально-экономический и педагогический процесс. Его результатом является не только получение выпускником квалификации, но и формирование устой-

чивой готовности к службе в условиях риска, неопределенности, повышенной ответственности и необходимости принятия решений в ограниченное время. В связи с этим оценка подготовки курсантов не может ограничиваться только академической успеваемостью или итоговой аттестацией. Необходим более широкий подход, позволяющий учитывать соотношение затрат на обучение, качество образовательного результата, степень сформированности профессиональных компетенций и эффективность дальнейшего использования выпускников в системе МЧС России.

Цель статьи заключается в обосновании комплексного подхода к оценке подготовки курсантов, объединяющего образовательные, экономические и профессионально-прикладные показатели.

Основная часть

Экономико-образовательная оценка подготовки курсантов может рассматриваться как комплексная аналитическая процедура, направленная на выявление степени соответствия между ресурсами, вложенными в образовательный процесс, и результатами, полученными на выходе из него.

В системе ведомственного высшего образования такая оценка должна включать несколько взаимосвязанных уровней.

Первый уровень связан с анализом ресурсного обеспечения образовательного процесса. К нему относятся финансовые затраты на содержание курсанта, кадровое обеспечение, материально-техническая база, учебно-тренировочные комплексы, лаборатории, полигоны, общежития, средства индивидуальной защиты и специализированная техника.

Второй уровень отражает собственно образовательные результаты. Он включает успеваемость, результаты промежуточной и государственной итоговой аттестации, уровень освоения профессиональных компетенций, участие курсантов в научно-исследовательской работе, олимпиадах, практических занятиях и тренировках.

Третий уровень характеризует профессионально-служебную готовность выпускника. Здесь учитываются физическая подготовленность, психологическая устойчивость, способность к работе в команде, дисциплинированность, управленческие навыки, готовность к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Четвертый уровень связан с оценкой отложенного результата подготовки. Он проявляется уже после выпуска и может быть измерен через показатели закрепляемости молодых специалистов в подразделениях, успешности прохождения службы, карьерной динамики, участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций, результатов служебной аттестации и профессиональной репутации выпускника.

Таким образом, экономико-образовательная оценка должна соединять педагогическую, экономическую и кадрово-управленческую логику анализа.

Подготовка курсантов в образовательных организациях МЧС России имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при построении оценочной модели.

Во-первых, обучение осуществляется в условиях регламентированного режима жизнедеятельности. Курсант включен не только в учебный процесс, но и в систему служебной дисциплины, распорядка дня, строевой, физической и воспитательной подготовки. Это формирует дополнительные требования к организации образовательной среды [2].

Во-вторых, значительная часть подготовки имеет практико-ориентированный характер [3]. Освоение образовательных программ предполагает работу с пожарно-спасательной техникой, средствами связи, оборудованием, учебными тренажерами и моделированием чрезвычайных ситуаций.

В-третьих, подготовка специалистов для МЧС России связана с повышенными требованиями к личностным качествам. Профессиональная пригодность выпускника определяется не только знаниями и навыками, но и устойчивостью к стрессу, готовностью к риску, ответственностью, способностью действовать в составе подразделения [4].

В-четвертых, образовательный результат имеет ведомственное значение. Выпускник должен быть готов к выполнению конкретных служебных задач в структуре МЧС России, поэтому оценка качества подготовки должна соотноситься с потребностями практических подразделений [5].

Эти особенности отличают ведомственное образование от массовой модели высшего образования и требуют применения специальных критериев оценки.

К.С. Леницкий предлагает рассматривать экономическую оценку индивидуальной подготовленности курсантов через согласование достигнутого рейтингового результата обучающегося с величиной его денежного содержания [6]. В рамках нашего исследования данный подход представляет интерес, поскольку позволяет связать качество подготовки курсанта не только с педагогическими показателями, но и с экономическими механизмами стимулирования.

Р.Н. Ога, Е.М. Власова рассматривают оценивание результатов подготовки курсантов через критериальный подход, где сопоставляются эталонные и фактические признаки деятель-

ности обучающегося с учетом весовых коэффициентов. Данная позиция важна тем, что подчеркивает необходимость заранее заданных критериев, контрольно-измерительных материалов и связи оценки не только с результатом, но и с формированием экономического и технического мышления курсантов [7].

В.Э. Малашкевич рассматривает эффективность профессиональной подготовки курсантов военного вуза на основе количественного и качественного анализа. Автор выделяет ключевые направления оценки: содержание учебных планов, применяемые методы обучения, степень вовлеченности курсантов, а также уровень сформированности практических навыков [8].

Для комплексной оценки подготовки курсантов целесообразно использовать систему критериев, включающую образовательные, экономические, организационные и профессиональные показатели.

К образовательным критериям относятся: уровень освоения дисциплин базовой и профессиональной подготовки; результаты промежуточной и итоговой аттестации; сформированность универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций; участие в практических занятиях, учениях и стажировках; способность применять знания в моделируемых и реальных профессиональных ситуациях.

К экономическим критериям можно отнести: объем бюджетных затрат на подготовку одного курсанта; эффективность использования учебно-материальной базы; соотношение затрат на теоретическую и практическую подготовку; расходы на содержание инфраструктуры образовательной организации; экономическую оправданность внедрения новых образовательных технологий.

Организационные критерии включают: соответствие образовательных программ потребностям ведомства; качество планирования учебного процесса; обеспеченность профессорско-преподавательским составом; уровень взаимодействия вуза с территориальными органами и подразделениями МЧС России; доступность современных тренажеров, полигонов и цифровых образовательных ресурсов.

Профессионально-служебные критерии выражаются через: физическую и психологическую готовность курсантов; уровень дисциплины и ответственности; способность к командной работе; навыки принятия решений в нестандартной обстановке; успешность прохождения практики и стажировки; оценка служебной деятельности выпускников после окончания обучения.

Использование указанных критериев позволяет рассматривать подготовку курсанта как инвестиционный процесс, результатом которого является формирование профессионального кадрового ресурса ведомства.

Экономико-образовательная эффективность подготовки курсантов может быть представлена как соотношение достигнутых образовательных и профессиональных результатов к совокупным затратам на их получение. Однако прямое механическое сопоставление затрат и результатов в данной сфере затруднено, поскольку значительная часть эффекта имеет социальный, ведомственный и отложенный характер.

В связи с этим целесообразно использовать интегральный подход, при котором оценка проводится по нескольким блокам.

Первый блок — ресурсный. Он отражает объем и структуру затрат на обучение, содержание, материальное обеспечение и организацию практической подготовки курсантов.

Второй блок — образовательный. Он позволяет определить качество освоения образовательной программы и уровень сформированности компетенций.

Третий блок — профессионально-прикладной. Он характеризует способность курсанта действовать в условиях, приближенных к реальной служебной деятельности.

Четвертый блок — кадровый. Он показывает, насколько выпускник востребован и эффективен после направления в подразделение.

Интегральная оценка может быть построена на основе балльно-рейтинговой модели. Каждому показателю присваивается весовой коэффициент в зависимости от его значимости для ведомственной подготовки. Например, результаты практической подготовки и служебной готовности могут иметь больший вес, чем отдельные показатели теоретической успеваемости, поскольку именно они в наибольшей степени отражают готовность выпускника к профессиональной деятельности.

При этом важно избегать формального подхода, когда эффективность определяется только через снижение затрат. Для ведомственного образования экономия ресурсов не должна приводить к ухудшению качества подготовки, поскольку недостаточная профессиональная готовность выпускника может повлечь более серьезные организационные, социальные и экономические последствия.

Несмотря на наличие развитой системы контроля образовательной деятельности, в оценке подготовки курсантов ведомственных вузов сохраняется ряд проблем.

Во-первых, образовательные показатели часто рассматриваются отдельно от экономических. Успеваемость, результаты аттестаций и показатели практики не всегда сопоставляются с объемом ресурсов, затраченных на их дости-

жение.

Во-вторых, недостаточно учитывается отложенный эффект подготовки. Выпускник может демонстрировать высокие учебные результаты, но испытывать трудности при адаптации к реальной службе. Поэтому оценка качества подготовки должна продолжаться и после выпуска.

В-третьих, существует сложность измерения личностных и профессионально важных качеств. Психологическая устойчивость, лидерство, ответственность и способность к действиям в экстремальных условиях требуют специальных методик диагностики.

В-четвертых, не всегда обеспечивается достаточная обратная связь между образовательной организацией и подразделениями, куда направляются выпускники. Между тем именно практические подразделения могут дать наиболее точную оценку применимости полученных знаний и навыков.

В-пятых, цифровые инструменты анализа образовательных данных пока используются не в полной мере. Создание единой системы мониторинга позволило бы отслеживать индивидуальную траекторию курсанта от поступления до первых лет службы.

Е.И. Жашков рассматривает вопросы применения современных информационных технологий и управленческих подходов в образовательной и профессиональной среде. Автор акцентирует внимание на необходимости совершенствования системы подготовки специалистов с учетом цифровизации, развития информационного менеджмента и внедрения новых образовательных инструментов. Это позволяет подчеркнуть, что повышение эффективности профессиональной подготовки будущих офицеров возможно не только за счет обновления содержания обучения, но и благодаря использованию современных технологий, обеспечивающих более качественное управление образовательным процессом и формирование профессиональных компетенций [9].

По нашему мнению, совершенствование оценки подготовки курсантов вузов МЧС России должно осуществляться на основе комплексного мониторинга, ориентированного на результативность, качество и рациональное использование ресурсов.

Одним из перспективных направлений является создание единой цифровой модели оценки курсанта. Такая модель может включать данные об успеваемости, физической подготовке, дисциплинарной практике, участии в тренировках, психологической устойчивости, результатах практики и дальнейшем прохождении службы.

Вторым направлением является развитие системы обратной связи от территориальных органов и пожарно-спасательных подразделений. Оценка выпускника со стороны непосредственных руководителей позволит корректировать образовательные программы и усиливать практико-ориентированную составляющую подготовки.

Третьим направлением выступает внедрение показателей жизненного цикла подготовки специалиста. В этом случае эффективность вуза оценивается не только по выпуску курсантов, но и по тому, насколько успешно они адаптируются к службе, сохраняются в системе и демонстрируют профессиональный рост.

Четвертым направлением является совершенствование методик расчета затрат. Необходимо учитывать как прямые расходы на обучение и содержание курсантов, так и косвенные затраты, связанные с эксплуатацией инфраструктуры, обновлением оборудования, повышением квалификации преподавателей и организацией практических занятий.

Пятым направлением можно считать усиление связи между научно-исследовательской, учебной и практической деятельностью курсантов. Участие в прикладных исследованиях, разработке учебных проектов и решении практических задач повышает качество подготовки и одновременно увеличивает отдачу от образовательного процесса.

Предложенный подход к экономико-образовательной оценке может быть использован при анализе эффективности деятельности вузов МЧС России, корректировке образовательных программ, распределении ресурсов и планировании кадровой политики.

Для руководства образовательной организации такая оценка позволяет выявлять сильные и слабые стороны учебного процесса, определять наиболее затратные элементы подготовки и сопоставлять их с реальными результатами.

Для профессорско-преподавательского состава она дает возможность точнее понимать, какие компетенции формируются успешно, а какие требуют дополнительного методического сопровождения.

Для органов управления МЧС России экономико-образовательная оценка может служить инструментом принятия решений о развитии материально-технической базы, обновлении образовательных стандартов, совершенствовании практики и повышении качества кадрового обеспечения.

Для самих курсантов такая система оценки может стать основой индивидуальной образовательной траектории, позволяющей видеть не только академические результаты, но и уровень профессиональной готовности к будущей службе.

Выводы

Экономико-образовательная оценка под-

готовки курсантов вузов МЧС России является важным инструментом повышения качества ведомственного высшего образования. Ее необходимость обусловлена тем, что подготовка специалистов для системы гражданской защиты требует значительных ресурсов и должна обеспечивать высокий уровень профессиональной готовности выпускников.

Комплексный подход к оценке должен учитывать не только учебные достижения, но и ресурсное обеспечение, практическую подготовленность, профессионально-служебные качества и результаты последующей деятельности выпускников. Наиболее перспективной представляется интегральная модель оценки, основанная на сочетании образовательных, экономических, организационных и кадровых показателей.

Повышение эффективности подготовки курсантов не должно сводиться к сокращению затрат. Главным критерием является достижение оптимального соотношения между вложенными ресурсами и качеством профессионального результата. Именно такой подход позволяет рассматривать ведомственное высшее образование МЧС России как стратегический элемент кадрового обеспечения безопасности населения и территорий.

Список литературы:

[1] Тимощенков, В. В. Педагогические условия формирования профессиональной мотивации у курсантов МЧС России / В. В. Тимощенков, А. Д. Низяков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2026. – № 4(287). – С. 54-61. – EDN LBLVMS.

[2] Осокин, Д. А. Соблюдение распорядка дня, как неотъемлемая часть физического развития курсантов высших учебных заведений МЧС России / Д. А. Осокин // Вопросы педагогики. – 2017. – № 5. – С. 34-37. – EDN YUDSFJ.

[3] Адольф, В. А. Формирование практико-ориентированных умений курсантов вузов МЧС России в процессе профессиональной подготовки / В. А. Адольф, А. Ю. Трояк // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2020. – № 1(51). – С. 72-79. – DOI 10.25146/1995-0861-2020-51-1-185. – EDN ALVGUI.

[4] Глушко, А. Н. Детерминация профессиональной пригодности курсантов академии МЧС / А. Н. Глушко, С. В. Подкосов, Е. А. Киселева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2024. – № 3(68). – С. 38-48. – DOI 10.26456/vtpsyped/2024.3.038. – EDN FJWZDQ.

[5] Резниченко, С. А. Об оценке качества образования в Академии ГПС МЧС России / С. А. Резниченко, А. Н. Калайдов, С. В. Подкосов // Технологии техносферной безопасности. – 2017. – № 3(73). – С. 249-258. – EDN YOCNEU.

[6] Леницкий, К. С. Метод экономической оценки уровня индивидуальной подготовленности курсантов военных вузов / К. С. Леницкий // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 12-1(28). – С. 125-127. – EDN RTDEAL.

[7] Ога, Р. Н. Оценка качества профессиональной подготовки курсантов в формате изучения технических дисциплин / Р. Н. Ога, Е. М. Власова // Современный учитель дисциплин естественнонаучного цикла : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ишим, 17 февраля 2017 года. – Ишим: филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Тюменский государственный университет" в г. Ишиме, 2017. – С. 48-50. – EDN YHQOIF.

[8] Малашкевич, В. Э. Оценка эффективности профессиональной подготовки курсантов военного вуза / В. Э. Малашкевич // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 10(79). – С. 559-562. – EDN VHNLWS.

[9] Жашков, Е. И. Совершенствование экономического инструментария оценки эффективности применения ИКТ в системе образования / Е. И. Жашков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 8, № 7А. – С. 67-73. – EDN YRPYUX.

References:

[1] Tymoshchenkov, V.V. Pedagogical conditions for the formation of professional motivation among cadets of the Ministry of Emergencies of Russia/V.V. Tymoshchenkov, A.D. Nizyakov // Vedomosti of the penal system. – 2026. – № 4(287). - S. 54-61. – EDN LBLVMS.

[2] Osokin, D. A. Observance of the daily routine, as an integral part of the physical development of cadets of higher educational institutions of the Ministry of Emergencies of Russia / D. A. Osokin // Questions of pedagogy. – 2017. – № 5. - S. 34-37. – EDN YUDSFJ.

[3] Adolf, V. A. Formation of practical-oriented skills of cadets of universities of the Ministry of Emergencies of Russia in the process of professional training / V. A. Adolf, A. Yu. Troyak // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). – 2020. – № 1(51). - S. 72-79. – DOI 10.25146/1995-0861-2020-51-1-185. – EDN ALVGUI.

[4] Glushko, A. N. Determination of the professional suitability of cadets of the Academy of the Ministry of Emergencies / A. N. Glushko, S. V. Podkosov, E. A. Kiseleva // Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. – 2024. – № 3(68). - S. 38-48. – DOI 10.26456/

vtpsyped/2024.3.038. – EDN FJWZDQ.

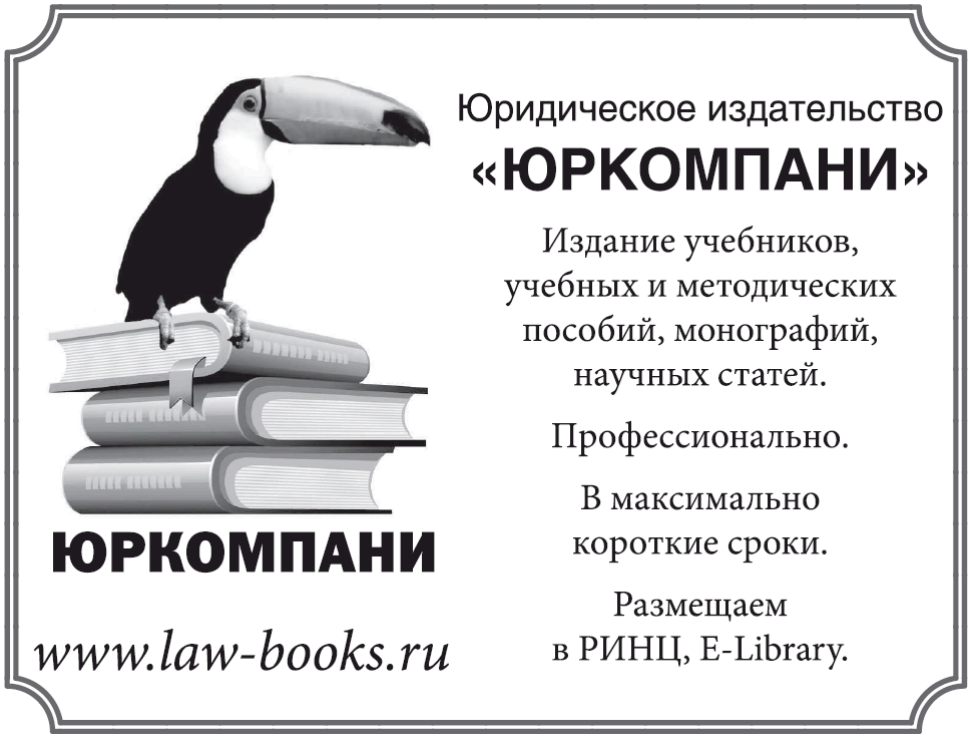
[5] Reznichenko, S. A. On the assessment of the quality of education at the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia / S. A. Reznichenko, A. N. Kalaidov, S. V. Podkosov // Technosphere safety technologies. – 2017. – № 3(73). - S. 249-258. – EDN YOCNEU.

[6] Lenitsky, K. S. Method of economic assessment of the level of individual training of cadets of military universities / K. S. Lenitsky // Volga Scientific Bulletin. – 2013. – № 12-1(28). - S. 125-127. – EDN RTDEAL.

[7] Oga, R. N. Assessment of the quality of professional training of cadets in the format of studying technical disciplines / R. N. Oga, E. M. Vlasova // Modern teacher of the disciplines of the natural science cycle: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Ishim, February 17, 2017. - Ishim: branch of the federal state budgetary educational institution of higher professional education "Tyumen State University" in Ishim, 2017. - S. 48-50. – EDN YHQOIF.

[8] Malashkevich, V. E. Assessment of the effectiveness of professional training of cadets of a military university / V. E. Malashkevich // Bulletin of Science. – 2024. - T. 4, NO. 10 (79). - S. 559-562. – EDN VHNLWS.

[9] Zhashkov, E. I. Improving the economic tools for assessing the effectiveness of the use of ICT in the education system/E. I. Zhashkov // Economics: yesterday, today, tomorrow. – 2018. - T. 8, NO. 7A. - S. 67-73. – EDN YRPYUX.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-299-303

КАЗНАЧЕЕВ Александр Валерьевич,
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

АНКУШИН Андрей Викторович,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки ФКОУ ВО Пермского института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОРОНЦОВ Василий Олегович,
преподаватель-методист инженерно-технического факультета Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОРОБЬЕВ Юрий Алексеевич,
Доцент кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования системы физической подготовки курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России. Анализируются современное состояние, структурные компоненты и проблемные аспекты физической подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Обосновывается необходимость перехода от традиционных спортивно-ориентированных моделей обучения к профессионально-прикладным алгоритмам подготовки. Предлагаются практико-ориентированные направления модернизации системы физической подготовки с учетом специфики профессиональной деятельности выпускников.*

Ключевые слова: *физическая подготовка курсантов, уголовно-исполнительная система, профессионально-прикладная физическая подготовка, служебно-прикладные навыки, методика преподавания.*

KAZNACHEEV Aleksandr Valerievich,
Lecturer, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ANKUSHIN Andrey Viktorovich,
Lecturer, Department of Firearms and Physical Training, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

VORONTSOV Vasily Olegovich,
Lecturer and Methodologist, Faculty of Engineering and Technology, University of the Federal Penitentiary Service of Russia

VOROBYEV Yuri Alekseevich,
Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *This article examines current issues related to improving the physical training system for cadets at educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. It analyzes the current state, structural components, and problematic aspects of physical training for future employees of the penal system. It substantiates the need to transition from traditional sports-oriented training models to professionally applied training algorithms. Practice-oriented approaches to modernizing the physical training system are proposed, taking into account the specific professional activities of graduates.*

Key words: *cadet physical training, penal system, professionally applied physical training, professionally applied skills, teaching methods.*

Современная система физической подготовки курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России имеет ключевое значение в процессе подготовки будущих сотрудников пенитенциарной системы. Целевыми задачами этой системы являются не только укрепление физического здоровья и улучшение физических кондиций обучающихся, но также развитие морально-волевых качеств, необходимых для выполнения служебных обязанностей в условиях повышенного риска. Однако, актуальное состояние данной системы требует комплексного анализа с целью выявления её сильных и слабых сторон, а также определение возможных направлений для совершенствования.

Одним из наиболее заметных проблемных моментов является уровень мотивации самих курсантов. Несмотря на высокий уровень физической активности, предусмотренный учебной программой, не все курсанты осознают важность регулярных тренировок и поддержания себя в хорошей физической форме. Это может быть обусловлено как индивидуальными особенностями, так и недостаточностью работы преподавательского состава по формированию осознанного отношения к физической культуре и спорту. Для решения этого вопроса целесообразно внедрение современных мотивационных методик, проведения дополнительных лекций и тренировочных семинаров, нацеленных на формирование устойчивых привычек к здоровому образу жизни.

Техническое оснащение спортивных залов и площадок также играет значимую роль в процессе физической подготовки. Современные образовательные организации ФСИН оснащены спортивным инвентарем и оборудованием в достаточной мере, однако, необходимо учитывать и обновление материальной базы в соответствии с новыми стандартами и требованиями времени. Применение новых технологий, таких как фитнес-гаджеты для мониторинга физической активности, интерактивные тренажеры, может значительно повысить уровень тренировочного процесса и сделать его более разнообразным и эффективным.

Важным аспектом является и квалификация преподавательского состава. Профессиональные тренеры и преподаватели физической культуры должны регулярно проходить повышение квалификации, знакомиться с новыми методиками и тенденциями в области физической подготовки. Это особенно актуально в условиях быстро меняющегося мира, где методики и подходы к тренировкам претерпевают значительные изменения. Интеграция опыта международных образовательных программ, обмен знаниями и практическими навыками с коллегами из других стран может внести существенный вклад в совершенствование системы физической подготовки.

Кроме того, индивидуальный подход к каждому курсанту является важным элементом. Различия в уровне физической подготовки, наличии хронических заболеваний или травм требуют адаптации тренировочных программ под особенности каждого обучающегося. Индивидуальное сопровождение, разработка персональных тренировочных планов, постоянный мониторинг здоровья курсантов - это те аспекты, которые позволят повысить эффективность тренировочного процесса и минимизировать риски травматизма.

Таким образом, анализ современного состояния системы физической подготовки курсантов ФСИН России выявляет как сильные, так и слабые стороны. Для повышения её эффективности необходимо внедрение современных мотивационных и технических средств, повышение квалификации преподавательского состава, а также подход на основе индивидуальных особенностей обучающихся. Внедрение этих мер позволит не только улучшить физическую подготовку курсантов, но и сформировать устойчивые привычки к здоровому образу жизни, что является важнейшим элементом в работе будущих сотрудников пенитенциарной системы.

Физическая подготовка курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России играет ключевую роль в формировании профессиональных навыков, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей. Однако в этой области существует ряд проблем и противоречий, которые существенно осложняют процесс подготовки и требуют системного подхода к их разрешению.

Одной из основных проблем является

несоответствие учебно-методических программ реальным потребностям службы. Действующие программы физической подготовки зачастую строятся на устаревших методических подходах, которые не учитывают текущие изменения в оперативной обстановке и современные требования. Это приводит к тому, что курсанты недостаточно подготовлены к выполнению поставленных задач в реальных условиях службы. Например, недостаточное внимание уделяется обучению навыкам самообороны и тактике действий в стрессовых ситуациях, что критически важно для сотрудников ФСИН.

Другим важным аспектом является недостаточное финансирование системы физической подготовки. Ограниченные бюджетные средства не позволяют в полной мере обеспечивать образовательные организации необходимым современным спортивным инвентарем и оборудованием. Это ограничивает возможности для проведения полноценных тренировок и учебно-тренировочных сборов, что негативно сказывается на общем уровне физической подготовки курсантов.

Кроме того, одной из острых проблем является нехватка квалифицированных специалистов по физической подготовке. Отсутствие необходимого количества квалифицированных тренеров и инструкторов не позволяет обеспечивать курсанты индивидуальным подходом и необходимым уровнем методической поддержки. В результате учащиеся не получают должного уровня внимания и не могут полностью раскрыть свой потенциал в рамках учебного процесса.

Важным противоречием в организации физической подготовки курсантов является несоответствие нормативных требований и практических реалий. Нормативные акты и приказы, регламентирующие физическую подготовку, часто не учитывают индивидуальные особенности курсантов, такие как различия в уровне исходной физической подготовки, возраст, состояния здоровья. Это приводит к тому, что одни курсанты сталкиваются с чрезмерной нагрузкой, тогда как для других она оказывается недостаточной для поддержания оптимальной физической формы. Решение этой проблемы требует пересмотра нормативной базы и введение гибкого подхода к оценке физической подготовки.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что для улучшения системы физической подготовки курсантов ФСИН России необходимо проведение комплексных реформ, направленных на устранение существующих проблем и противоречий. Важным шагом в этом направлении станет обновление методических программ с учетом современных требований и реалий службы, а также повышение финансирования для обеспечения образовательных организаций всем необходимым для полноценного тренировочного процесса. Кроме того, важным элементом будет регулярное повышение квалификации тренерского состава и привлечение молодых специалистов.

Все эти меры в комплексе позволят повысить уровень физической подготовки курсантов, что в конечном итоге будет способствовать более качественному выполнению ими служебных обязанностей и повышению общей эффективности работы ФСИН России.

Внедрение предлагаемых мероприятий по совершенствованию системы физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России ожидает принести множество значимых результатов, которые призваны улучшить как индивидуальную физическую форму каждого курсанта, так и общий уровень дисциплины и готовности всех выпускников к профессиональной деятельности. Важно отметить, что для оценки эффективности внедренных мероприятий необходимо установить четкие и объективные критерии, позволяющие измерять улучшения и выявлять области, требующие дальнейшего совершенствования.

Ожидаемые результаты можно разделить на несколько ключевых категорий:

Физическая готовность курсантов. Одной из главных целей является улучшение общего физического состояния курсантов, что включает в себя такие показатели, как выносливость, сила, скорость и гибкость. Увеличение физической подготовленности позволит курсантам эффективнее справляться с физическими нагрузками, которые неизбежны в их профессиональной деятельности. Введение сбалансированных программ тренировок, включающих разнообразные виды упражнений и регулярные тестирования, позволит добиться заметного повышения уровня физической готовности.

Психологическая устойчивость и боевой дух. Физическая подготовка тесно связана с психологическим состоянием курсантов. Регулярные занятия спортом и участие в соревнованиях способствуют развитию личной ответственности, командного духа и уверенности в своих силах. Ожидается, что внедрение новых методик тренировок будет способствовать укреплению морально-психологической устойчивости, что крайне важно для сотрудников, работающих в стрессовых условиях пенитенциарной системы.

Улучшение здоровья и снижение травматизма. Систематическая физическая подготовка и правильная техника выполнения упражнений способны значительно снизить риск получения травм. Одним из ожидаемых результатов является общее улучшение здоровья курсантов, снижение частоты заболеваний, связанных с недостатком физической активности, и снижение числа

травм, полученных во время тренировок и выполнения служебных обязанностей.

Увеличение общей профессиональной готовности. Повышение физической и психологической устойчивости напрямую влияет на способность курсантов эффективно выполнять служебные задачи. Улучшение данных показателей должно привести к более высокой оперативной готовности сотрудников, повышению уровня их профессиональной компетентности и успешности выполнения поставленных задач.

Для оценки эффективности внедренных мероприятий предлагается использовать следующие критерии:

Объективные физические показатели. Регулярное проведение тестов на выносливость, силовые показатели, скоростные качества и гибкость позволит объективно оценить физическую подготовленность курсантов до и после внедрения новых методик. Средние результаты тестов должны демонстрировать положительную динамику.

Статистика по здоровью и травматизму. Ведение учетной документации по уровням заболеваемости и количеству травм позволит отслеживать изменения состояния здоровья курсантов. Снижение индекса заболеваемости и травматизма будет свидетельствовать об эффективности внедренных мер.

Анкетирование и психологические тесты. Проведение анкетирования и психологических тестов поможет оценить изменения в мотивации, уровне стресса и общем морально-психологическом состоянии курсантов. Положительные изменения в этих показателях будут служить важным индикатором успешности принятых мер.

Анализ успеваемости и профессиональной подготовки. Оценка академической успеваемости курсантов и их успехов в специализированных дисциплинах позволит выявить влияние физической подготовки на общую академическую и профессиональную компетентность. Улучшение успеваемости и успешное преодоление профессиональных нормативов будут являться доказательством эффективности программ.

Таким образом, внедрение комплексных мер по совершенствованию системы физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России направлено на всестороннее развитие их физических и психологических качеств.

Совершенствование системы физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России является актуальной научно-педагогической задачей, решение которой требует комплексного подхода. Традиционная модель физической подготовки, ориентированная преимущественно на развитие базовых физических качеств, нуждается в трансформации в направлении профессионально-прикладной направленности, учитывающей специфику служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Предложенные направления совершенствования — оптимизация учебных программ, внедрение современных методик, активизация самостоятельной работы, укрепление психологической составляющей и разработка комплексной системы оценки — позволят повысить качество подготовки будущих специалистов, обеспечить их готовность к эффективному выполнению служебно-боевых задач и сохранению профессионального здоровья в условиях повышенных физических и психологических нагрузок.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направлять на разработку и экспериментальную апробацию конкретных методик профессионально-прикладной физической подготовки с учетом специализации выпускников и условий их будущей профессиональной деятельности.

Список литературы:

[1] Астафьев, К. А. О совершенствовании существующей системы физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России / К. А. Астафьев // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 3-х томах, Воронеж, 24 октября 2024 года. – Воронеж: ООО Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2024. – С. 237-238. – EDN NEXUML.

[2] Муратова, С. Я. Физическое воспитание курсантов образовательных организаций ФСИН России с низким уровнем физической подготовленности / С. Я. Муратова // Работы членов студенческого научного общества СЮИ ФСИН России: сборник статей. – Самара: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний", 2024. – С. 163-166. – EDN HWMVUX.

[3] Коробов, Н. В. Психологические состояния курсантов во время занятий по огневой подготовке: особенности и возможные отклонения / Н. В. Коробов // Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов, Рязань, 25 марта 2022 года. – Рязань: Академия ФСИН России, 2022. – С. 536-541. – EDN IACRQP.

[4] Формирование первоначальных навыков обращения с оружием у сотрудников уго-

ловно-исполнительной системы, обучающихся по программе «Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу в УИС»: Учебно-методическое пособие / А. А. Гофман, М. И. Ключников, О. А. Овчинников [и др.]. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 40 с. – ISBN 978-5-93035-743-1. – EDN HWMOTI.

[5] Астафьев, К. А. Система физической подготовки в образовательных организациях ФСИН России / К. А. Астафьев, Д. К. Дмитриев, П. В. Домасевичт // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23–24 мая 2018 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2018. – С. 531-534. – EDN YAFWGT.

[6] Теоретические и методологические аспекты развития современной науки: коллективная монография / А. М. Киселев, Д. А. Гришин, М. А. Кулешов [и др.] ; Главный редактор А.В. Демидов. Ответственный редактор Д.А. Максимов.

[7] ООО "Научный инновационный центр Международный институт стратегических исследований", 2020. – 164 с. – ISBN 978-5-93856-325-4. – EDN BROYEJ.

References:

[1] Astafyev, K. A. On improving the existing system of physical training of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/K. A. Astafyev // Actual problems of the activities of the units of the penitentiary system: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 3 volumes, Voronezh, October 24, 2024. - Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book," 2024. - S. 237-238. – EDN NEXUML.

[2] Muratova, S. Ya. Physical education of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia with a low level of physical fitness/S. Ya. Muratova // Works of members of the student scientific society of the SUI of the Federal Penitentiary Service of Russia: a collection of articles. - Samara: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service," 2024. - S. 163-166. – EDN HWMVUX.

[3] Korobov, N.V. Psychological conditions of cadets during fire training classes: features and possible deviations/N.V. Korobov // Man: crime and punishment: Collection of materials of the International Scientific and Theoretical Conference of Adjuncts, Graduate Students, Applicants, Cadets and Students, Ryazan, March 25, 2022. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. - S. 536-541. – EDN IACRQP.

[4] Formation of initial skills in handling weapons among employees of the penitentiary system studying under the program "Vocational training of citizens first hired to serve in the penal system": Educational and methodological manual / A. A. Hoffman, M. I. Klyuchnikov, O. A. Ovchinnikov [and others]. - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. - 40 p. - ISBN 978-5-93035-743-1. – EDN HWMOTI.

[5] Astafiev, K. A. System of physical training in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/K. A. Astafiev, D. K. Dmitriev, P. V. Domasevicht // Technique and safety of objects of the penitentiary system: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 23-24, 2018. - Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book," 2018. - S. 531-534. – EDN YAFWGT.

[6] Theoretical and methodological aspects of the development of modern science: collective monograph / A. M. Kiselev, D. A. Grishin, M. A. Kuleshov [and others]; Editor-in-chief A.V. Demidov. Executive editor D.A. Maximov.

[7] Scientific Innovation Center International Institute for Strategic Studies LLC, 2020. - 164 p. - ISBN 978-5-93856-325-4. – EDN BROYEJ.

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-304-307

ДЬЯКОВ Виктор Федорович,
канд. хим. наук, доцент кафедры пожарно-прикладной подготовки, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: diakov1960@mail.ru

РОЛЬ ПРОФЕССИИ ПОЖАРНОГО ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается социальная роль и значимость профессии пожарного в обеспечении безопасности населения нашей страны. Представлены основные направления профессиональной деятельности и сопутствующие профессиональные риски, а также обоснована необходимость совершенствования их профессиональной подготовки.*

Ключевые слова: *пожарные, безопасность, тушение пожаров, профессиональная подготовка.*

DYAKOV Viktor Fedorovich,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Fire-Applied Training, Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

THE ROLE OF THE FIREMAN PROFESSION IN SOCIETY

Annotation. *The article examines the social role and significance of the firefighter profession in ensuring the safety of the population of our country. The main areas of professional activity and the associated professional risks are presented, and the need to improve their professional training is substantiated.*

Key words: *firefighters, safety, firefighting, professional training.*

Введение

Пожары представляют собой одну из самых серьезных угроз для общества, влекущие за собой огромные материальные убытки и гибель людей. Только в Российской Федерации ежегодно происходит свыше 400 тыс. пожаров, на которых погибало в среднем 8 тыс. человек и столько же получали травмы различной степени тяжести [1]. Урбанизация городов, развитие промышленности, использование различных синтетических и энергоемких материалов приводят к увеличению числа чрезвычайных ситуаций, пожаров, которые требуют определенного внимания. Кроме того, с 2022 года с началом ведения специальной военной операции участились случаи атак противником по инфраструктуре нашего государства различными поражающими средствами, что приводит к разрушению объектов и возникновению пожаров. Таким образом, профессия пожарного превратилась из профессии, связанной, в основном, с предупреждением и тушением пожаров в профессию, связанную с оказанием всесторонней помощи в условиях чрезвычайных ситуациях.

Основной задачей пожарных является ликвидация последствий от пожаров, выражающихся в предотвращении гибели и травмировании людей, минимизации материальных потерь и ущерба окружающей среде [2]. Это достигается заблаговременным предупреждением пожаров органами надзорной деятельности и своевременным реагированием на произошедшие инциденты.

Цель данной статьи заключается в определении роли профессии пожарного в обществе, а также в определении ее основных функций и в определении профессиональных условий, необходимых пожарным для эффективного выполнения своих обязанностей.

Основная часть

Значимость профессии пожарного для общества обусловлена ее ролью в спасении людей, сохранении здоровья и защиты материальных ценностей от пожаров. При этом профессиональная деятельность пожарных не ограничивается тушением пожаров и проведением аварийно-спасательных работ, она также включает мероприятия направленные на ограничение распространения опасных факторов пожара, минимизации его последствий и созданию условий для восстановления нормальной жизнедеятель-

ности населения. Общественный результат этой деятельности намного шире, чем ликвидация отдельного очага горения. Например, пожар в жилом здании затрагивает условия дальнейшего проживания людей, пожар на производственном объекте останавливает технологический процесс производства и занятость работников, что в значительной мере повлияет на их финансовую защищенность, а пожар на объекте социальной инфраструктуры значительно повлияет на доступность для населения необходимых жизненно важных услуг.

В подобных обстоятельствах пожарные выполняют задачи по поиску и спасению людей, обеспечению доступа к пострадавшим, содействию эвакуации и оказанию первой помощи пострадавшим. Особое значение такая помощь имеет для детей, пожилых людей, маломобильных граждан и лиц, которые вследствие травмы или воздействия дыма не могут самостоятельно покинуть опасную зону.

Спасение людей требует сочетания оперативности и обоснованности решений. Пожарному необходимо ориентироваться в условиях ограниченной видимости, учитывать возможные пути распространения огня, состояние конструкций и доступные способы выхода [3]. Скорость действий должна обеспечиваться подготовкой и слаженностью, а не пренебрежением требованиями безопасности. Таким образом, ценность профессии выражается в готовности оказывать квалифицированную помощь людям независимо от их возраста, социального положения и обстоятельств происшествия.

Кроме того, значимость профессии пожарного проявляется в ходе проведения профилактических мероприятий, в ходе обучения населения безопасному поведению и соблюдению правил пожарной безопасности, проведения тренировок по эвакуации из зданий в случае пожара, а также разъяснения порядка действий при его обнаружении [4]. Профилактическая деятельность дополняет оперативную работу. Если тушение направлено на прекращение уже возникшего опасного процесса, то обучение населения помогает предотвращать опасные ситуации и уменьшать тяжесть их последствий.

Деятельность пожарных связана с воздействием на них различных опасных факторов пожара в виде высоких температур, сильного задымления, угрозы разрушения строительных конструкций, а также повышенных физических и эмоциональных нагрузок [5]. В этих условиях им необходимо принимать правильные решения, что требует от них поддержание необходимого уровня физического здоровья и соответствующей профессиональной подготовки [6].

По мнению Е.И. Гермацкой, умение, в отличие от автоматизированного навыка, предполагает осознанное выполнение действий в меняющихся условиях. Его развитие связано с совершенствованием знаний, оперативного мышления и способности прогнозировать события [7]. Для пожарного эти качества особенно значимы, так как они помогают оценивать угрозы и выбирать способы спасения людей с учётом развития обстановки.

Л. П. Бочкарева, О. Н. Бодин, О. А. Белушкина, Е. В. Богаткина и С. Н. Потапова отмечают, что к значимым факторам профессиональной деятельности относится возможность получения социального признания и уважения. При этом для специалистов с небольшим стажем данный фактор имеет несколько большее значение, чем для более опытных работников. Авторы связывают это различие с особенностями начального этапа карьеры, когда потребность в признании профессиональных достижений особенно актуальна [8]. Применительно к профессии пожарного эта позиция позволяет обратить внимание на значение общественного уважения и признания со стороны коллег для профессионального становления молодых сотрудников. Можно предположить, что аргументированная положительная оценка их работы, поддержка наставников и признание личного вклада в решение общих задач способны укреплять профессиональную мотивацию.

Кроме того, определенную сложность создает использование боевой одежды пожарного, средств индивидуальной защиты органов дыхания и зрения, а также пожарно-технического вооружения, которые требуют выносливости у сотрудников, навыков контроля собственного состояния и соблюдения установленных процедур [9]. Также необходимо отметить и ответственность за принятые решения и выполняемые действия, которые обусловлены коллективным характером деятельности. Любая ошибка одного сотрудника способна повлиять на безопасность как пострадавших, так и других участников проведения работ, поэтому важны не только индивидуальное мастерство, но и дисциплина, выполнение распоряжений и своевременная передача информации об изменениях обстановки на месте пожара.

По нашему мнению, общественное признание профессии пожарного не должно основываться исключительно на представлении о героизме и готовности к самопожертвованию. Очень важно предусматривать предупреждение необоснованного риска и обеспечение безопасного выполнения работ, ведь забота о жизни и здоровье пожарного является необходимым условием эффективной защиты населения.

Профессия пожарного обладает выраженным нравственным содержанием, основу ко-

торого составляют ответственность, взаимопомощь, дисциплина и уважение к человеческой жизни. Эти качества проявляются в конкретных профессиональных действиях и способствуют формированию доверия населения к службам экстренной помощи.

Во время происшествия люди могут испытывать страх, растерянность и трудности с восприятием информации. Спокойное и понятное общение со стороны пожарных помогает организовать выполнение необходимых действий. Поэтому коммуникативные навыки имеют практическое значение наряду с технической подготовкой. При этом престиж профессии поддерживается не только общественным признанием, но и реальными условиями труда. Качественное оснащение, возможности обучения, охрана здоровья и уважение к профессиональной компетентности сотрудников МЧС России создают условия для привлечения и сохранения подготовленных специалистов.

Образ пожарного в общественном сознании должен отражать не только мужество при выполнении сложных задач, но и повседневный труд: тренировки, обслуживание техники, изучение объектов и поддержание готовности к выезду. Именно эта систематическая работа во многом обеспечивает результативность действий в чрезвычайной ситуации.

Заключение

Роль профессии пожарного для общества определяется ее непосредственной связью с сохранением жизни и здоровья людей, защитой имущества и поддержанием устойчивой работы общественной инфраструктуры. Деятельность пожарных помогает ограничивать последствия пожаров, снижать материальные и экологические потери и оказывать помощь людям в опасных обстоятельствах.

Общественная значимость профессии складывается из взаимосвязанных оперативной, профилактической и социальной функций. Спасение людей и тушение пожаров дополняются участием в обучении населения, формировании культуры безопасности и укреплении доверия к службам экстренной помощи.

Эффективное выполнение профессиональных задач требует качественной подготовки, технического оснащения, слаженного командного взаимодействия и системной заботы о здоровье сотрудников. Признание ценности труда пожарного должно выражаться не только в уважении к его мужеству, но и в создании условий для компетентной и безопасной работы.

Список литературы:

[1] Пожары и пожарная безопасность в 2025 году. Статистика пожаров и их последствий: информационно-аналитический сборник. Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2026. 113 с.

[2] Булгаков В. В. Формирование профессиональных умений и навыков, физических и психологических качеств пожарных / В. В. Булгаков // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – Т. 1, № 3(60). – С. 105-120. – DOI 10.24411/2224-0772-2019-10021. – EDN YLHVSO.

[3] Завьялов Г. В. Спасание людей при пожаре / Г. В. Завьялов // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. – 2021. – № 2(9). – С. 123-134. – EDN JRWMWE.

[4] Роль профилактических мероприятий, направленных на предупреждение гибели и травмирования людей на пожарах / Н. Н. Фролов, А. В. Бобин, А. А. Лазовский [и др.] // Проблемы науки. – 2022. – № 6(74). – С. 17-21. – EDN EEYEWF.

[5] Дьяков В. Ф. Формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности у будущих выпускников вузов МЧС России: подходы, механизмы и перспективы / В. Ф. Дьяков // Мониторинг правоприменения. – 2025. – № 4(57). – С. 112-118. – DOI 10.24412/2226-0692-2025-4-112-118. – EDN LMSJNC.

[6] Тимощенков В. В. Роль физической подготовки в повышении выносливости сотрудников МЧС России при выполнении профессиональных задач / В. В. Тимощенков, А. Д. Низяков, А. А. Карапузиков // Право, история, педагогика и современность : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 29–30 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 289-294. – EDN QXGCAF.

[7] Гермацкая Е. И. Психологические аспекты профессионально важных качеств пожарных-спасателей / Е. И. Гермацкая // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 96-105. – DOI 10.33408/2519-237X.2020.4-1.96. – EDN WBWPTY.

[8] Отношение к профессиональной деятельности специалистов в области техносферной безопасности / Л. П. Бочкарева, О. Н. Бодин, О. А. Белушкина [и др.] // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2019. – Т. 8, № 2(46). – С. 202-207. – EDN SPTICO.

[9] Карапузиков, А. А. Формирование физической выносливости у курсантов вузов МЧС России для выполнения задач в профессиональной деятельности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // The Newman in Foreign Policy. – 2023. – Т. 4, № 73(117). – С. 54-56. – EDN FUEXKW.

References:

[1] Fires and fire safety in 2025. Statistics of fires and their consequences: information and analytical collection. Balashikha: FSBI VNIIPO EMERCOM of Russia, 2026. 113 pp.

[2] Bulgakov V.V. Formation of professional skills and skills, physical and psychological qualities of firefighters/V.V. Bulgakov // Domestic and foreign pedagogy. – 2019. - T. 1, NO. 3 (60). - S. 105-120. – DOI 10.24411/2224-0772-2019-10021. – EDN YLHVSO.

[3] Zavyalov G.V. Rescue of people in case of fire/G.V. Zavyalov // Fire and technosphere safety: problems and ways of improvement. – 2021. – № 2(9). - S. 123-134. – EDN JRWMWE.

[4] The role of preventive measures aimed at preventing the death and injury of people in fires N. N. Frolov, A. V. Bobin, A. A. Lazovsky [et al.] // Problems of science. – 2022. – № 6(74). - S. 17-21. – EDN EEYEWF.

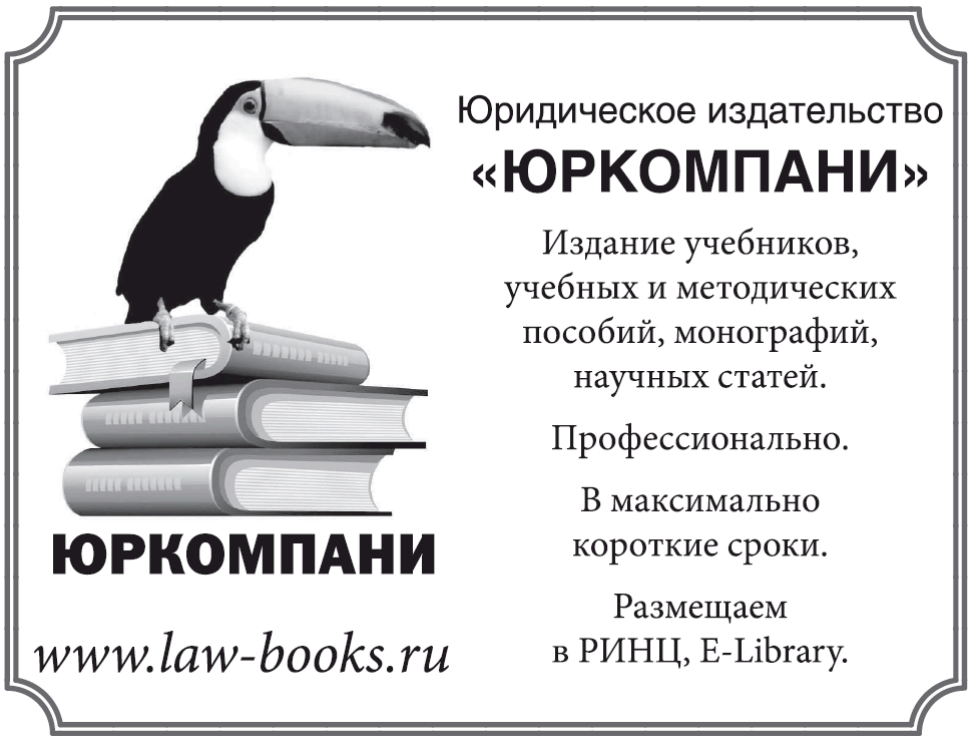
[5] Dyakov V.F. Formation of value attitude to professional activities among future graduates of EMERCOM of Russia: approaches, mechanisms and prospects/V.F. Dyakov // Monitoring of law enforcement. – 2025. – № 4(57). - S. 112-118. – DOI 10.24412/2226-0692-2025-4-112-118. – EDN LMSJNC.

[6] Tymoshchenkov V.V. The role of physical training in increasing the endurance of EMERCOM employees in performing professional tasks/V.V. Tymoshchenkov, A.D. Nizyakov, A.A. Karapuzikov // Law, history, pedagogy and modernity: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, January 29-30, 2025. - Penza: Penza State Agrarian University, 2025. - S. 289-294. – EDN QXGCAF.

[7] Germatskaya E. I. Psychological aspects of professionally important qualities of rescue firefighters/E. I. Germatskaya // Bulletin of the Civil Protection University of the Ministry of Emergencies of Belarus. – 2020. - T. 4, NO. 1. - S. 96-105. – DOI 10.33408/2519-237X.2020.4-1.96. – EDN WBWPTY.

[8] Attitude to the professional activities of specialists in the field of technosphere security L.P. Bochkareva, O. N. Bodin, O. A. Belushkina [et al.] // XXI century: the results of the past and the problems of the present plus. – 2019. - T. 8, NO. 2 (46). - S. 202-207. – EDN SPTICO.

[9] Karapuzikov A. A. Formation of physical endurance among cadets of EMERCOM of Russia universities for performing tasks in professional activities/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev // The Newman in Foreign Policy. – 2023. - T. 4, NO. 73 (117). - S. 54-56. – EDN FUEXKW.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-308-323

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023, Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ OSINT В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОРПОРАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В статье приведены результаты исследования теоретико-практических аспектов правового регулирования применения OSINT-технологий (мониторинг на основе открытых источников). Проанализирована его двойственная сущность как инструмента государственно-властной деятельности в рамках ОРД и механизма обеспечения корпоративной безопасности. Обосновано, что методы анализа открытых данных прочно закрепились в практике корпоративного контроля и используются в качестве базового инструмента в контуре корпоративного антикоррупционного комплаенса, процедуре комплексной проверки контрагентов и установления реальных выгодоприобретателей.*

Выявлены системные ключевые правовые риски, связанные с возможным нарушением конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную тайну (ст. 23, 24 Конституции РФ), и квалификацией действий сотрудников служб безопасности по ст. 137, 138 и 272 УК РФ.

Особое внимание в исследовании уделено концепции динамического статуса данных в Интернете, предопределяющей способность одного и того же массива цифровой информации изменять свой правовой режим под влиянием внешних условий, действий пользователя или алгоритмов платформ, а также правовой оценке неправомерного использования утекших баз данных в теневом сегменте веб-пространства Даркнет.

По итогам исследования предлагается комплекс законодательных изменений, в том числе дополнение ФЗ «Об ОРД» новым оперативно-розыскным мероприятием и разработка стандартов цифровой проверки для коммерческого сектора.

Ключевые слова: *OSINT, открытые источники, оперативно-розыскная деятельность, корпоративная безопасность, персональные данные, защита приватности, уголовная ответственность, цифровые следы, базы утечек.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OSINT IN OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CORPORATE SECURITY

Annotation. *The article presents the results of a study on the theoretical and practical aspects of the legal regulation of open-source intelligence (OSINT) technologies. The dual nature of OSINT is analyzed as both a tool of state-authoritative activity within the framework of operational-investigative activities and a mechanism for ensuring corporate security. It is substantiated that open data analysis methods have become firmly established in the practice of corporate control and are used as a core tool within corporate anti-corruption compliance, counterparty due diligence procedures, and the identification of ultimate beneficial owners.*

Systemic key legal risks are identified, including potential violations of citizens' constitutional rights to privacy and personal secrecy (Articles 23 and 24 of the Constitution of the Russian Federation), as well as the criminal qualification of security services' actions under Articles 137, 138, and 272 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Special attention is paid to the concept of the dynamic status of Internet data, which determines the ability of a digital information array to alter its legal regime under the influence of external

conditions, user actions, or platform algorithms, alongside a legal assessment of the illicit use of leaked databases in the dark web (Darknet).

Based on the research findings, a comprehensive set of legislative amendments is proposed, including supplementing the Federal Law "On Operational-Investigative Activities" with a new operational-investigative measure and developing digital verification standards for the commercial sector.

Key words: *OSINT, open sources, operational-investigative activity, corporate security, personal data, privacy protection, criminal liability, digital footprints, leaked databases.*

1. Введение

Согласно консолидированным статистическим отчетам ведущих международных аналитических агентств, к началу 2026 году совокупный объем глобальной информационной сферы превысил 175 зеттабайт. Если записать указанный объем на стандартные Blu-ray диски (по 25 ГБ) и сложить их в стопку, она дойдет до Луны и обратно 23 раза и составит около 17 682 400 километров. При этом более 80% из них составляют неструктурированные пользовательские цифровые следы, логи, медиафайлы и метаданные, находящиеся в условно открытом доступе [1].

Цифровая трансформация общественных отношений и взрывной рост объема информации, ежедневно появляющейся в мировой сети, существенно поменяли деятельность государства по защите своих интересов, а также подходы частного сектора экономики по выстраиванию корпоративной безопасности. В условиях повсеместного использования больших данных и систем искусственного интеллекта, мониторинг по открытым источникам (OSINT) становится одним из ключевых инструментов информационно-аналитической работы.

В подтверждение данного тезиса профессор В. Б. Исаков отмечает: «Информатизация, интеллектуализация государственного управления и бизнеса является одной из основных тенденций последних десятилетий. Происходящие изменения видны "невооруженным глазом": расширяется область применения компьютеров, средств передачи данных, информационных технологий; увеличивается круг информационно-аналитических задач в управлении; растет число "интеллектуальных фирм", предлагающих свои услуги государственному управлению и бизнесу» [2].

Речь идет об автоматизированном сборе данных, их парсинге (Парсинг (веб-скрейпинг) — это процесс автоматического сбора данных с веб-сайтов, веб-страниц или из файлов. Специальная программа (парсер) заходит на сайт, находит нужную информацию и сохраняет её в структурированном виде), предиктивном анализе и сведении воедино цифровых следов, включая метаданные, публикации в социальных медиа и данные из государственных реестров. Все это уже активно используют и правоохранительные органы, и корпоративные службы безопасности

Классическое "аналоговое" законодательство больше не успевает за скоростью технологического прогресса. Динамичное развитие цифрового базиса OSINT вошло в острое противоречие с консервативной правовой надстройкой. В настоящее время в Российской Федерации полностью отсутствует профильное нормативное регулирование "цифровой разведки", что порождает критические правовые риски.

Так, при проведении оперативно-розыскной деятельности размытость дефиниции "открытых данных", что создает угрозу несанкционированного проникновения в частную жизнь граждан, нарушая конституционные гарантии неприкосновенности личной тайны (ст. 23, 24 Конституции РФ).

В секторе корпоративной безопасности применение инструментов OSINT балансирует на грани уголовно-наказуемых деяний, связанных с незаконным оборотом персональных данных (ст. 137 УК РФ), а также неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Ситуация усугубляется практикой использования корпоративными аналитиками массивов информации, хранящейся в условиях облачных технологий, а также утекших в теневой сегмент сети Интернет (Даркнет). Несмотря на то, что такие базы де-факто находятся в публичном доступе, их обработка де-юре также образует состав правонарушения.

На этом фоне существующий научно-теоретический и практический дискурс демонстрирует, что правовая доктрина не предлагает четких критериев разграничения легального сбора общедоступной информации и противоправного вмешательства в сферу конфиденциальных данных. Цифровая трансформация создала тройственный конфликт интересов, где оперативно-розыскная деятельность государства и организуемые бизнесом меры по защите своих активов, а также комплаенс-проверка контрагентов неизбежно ущемляют базовые права граждан на цифровую приватность.

Заявленная проблематика носит выраженный междисциплинарный характер и находится на стыке двух крупных научных направлений. В частности, государственно-правовой аспект исследования охватывает анализ административных информационных режимов, опреде-

ление конституционных границ государственного вмешательства в частную жизнь граждан, а также правовое позиционирование цифровых платформ. В преломлении уголовно-правового научного направления фокус смещается на оценку результатов OSINT-мероприятий как ориентирующей информации или средств доказывания (в контексте ст. 89 УПК РФ), верификацию цифровых улик (риски дипфейк-технологий и фальсификации логов) и материально-правовую квалификацию преступлений, совершаемых с использованием ИИ и интернет-технологий.

В современный период ключевой вклад в развитие доктрины цифрового права, правового статуса искусственного интеллекта и сквозных технологий вносят исследования ведущих отечественных правоведов, чьи труды можно разделить на несколько ключевых направлений. Во-первых, это формирование общей теории и методологии цифровизации публичной власти, права и законодательного процесса (Т. Я. Хабриева [3], Ю. А. Тихомиров [4]), а также обоснование концепции цифрового права как комплексного института на базе масштабных междисциплинарных исследований (В. В. Блажеев, М. А. Егорова [5]). Во-вторых, это разработка фундаментальных основ правового регулирования цифровой экономики, интернет-права, а также этических и правовых аспектов применения искусственного интеллекта (В. А. Вайпан [6], В. В. Архипов [7]).

В-третьих, это глубокий анализ правовых режимов искусственного интеллекта, медиапространства, технологии "дипфейк", методологии информационного права и информационной безопасности (В. А. Виноградов, Д. В. Кузнецова [8], И. Ю. Богдановская [9], А. В. Минбалеев [10], П. У. Кузнецов [11], И. А. Филипова [12]). В-четвертых, это исследования в сфере регулирования цифровых прав, интеллектуальной собственности (IP-права) и правового статуса виртуального имущества (Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова). Наконец, применительно к уголовно-правовым, процессуальным и криминалистическим аспектам обеспечения цифровой безопасности государства и бизнеса особое значение имеют труды Л. А. Воскобитовой [13], а также С. В. Расторопова и В. А. Прорвича [14].

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся субъектами оперативно-розыскной деятельности и институтами корпоративной безопасности в процессе применения технологий мониторинга открытых источников (OSINT).

Предмет исследования охватывает нормы конституционного, уголовного, оперативно-розыскного и информационного законодательства РФ, регулирующих оборот цифровых данных, а также соответствующую судебно-следственную практику.

Цель исследования состоит в разработке основы для комплексной, научно обоснованной концепции правового регулирования OSINT в РФ, позволяющей удержать баланс между интересами государственной безопасности, защитой бизнеса и соблюдением конституционных прав граждан. Реализация цели исследования предполагает решение задач по нормативному определению понятийного аппарата OSINT, разрешению коллизий его применения в ОРД и корпоративном секторе (с оценкой уголовно-правовых рисков), а также формированию законодательных предложений по легализации результатов интернет-мониторинга.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный подход) и специальные юридические методы: формально-догматический (при анализе ст. 137, 138, 272 УК РФ), сравнительно-правовой (анализ подходов к приватности в РФ и зарубежных доктрин, опирающихся на принцип обоснованных ожиданий неприкосновенности частной жизни) и метод правового моделирования.

2. Понятие, сущность OSINT в современном правовом поле

В современной доктрине информационного, уголовного и публичного права феномен OSINT (Open Source Intelligence) традиционно рассматривается сквозь призму междисциплинарного подхода. Зародившись в недрах специальных служб как методология ведения оборонной разведки, в условиях тотальной цифровизации общества OSINT трансформировался в универсальный правовой и технологический инструмент.

Нельзя не согласиться с позицией исследователей М. О. Янгаевой и Н. О. Павленко о том, что «с помощью OSINT можно не только проводить сбор данных в социальных сетях, но также использовать расширенные запросы поисковых систем для предоставления наиболее точных результатов поиска, осуществлять поиск удаленных версий веб-сайтов, отслеживать людей и их деятельность в Интернете с помощью общедоступных баз данных и эффективных инструментов поиска, просматривать спутниковые изображения любой улицы мира, искать геолокацию лица и многое другое» [15].

В этой связи в контексте юриспруденции OSINT можно определить как основанную на нормах действующего законодательства комплексную систему организационных, технических и аналитических мер по поиску, сбору, систематизации и оценке юридически значимой информации, полученной из легально доступных источников, с целью информационного обеспечения

публично-правовой деятельности (включая ОРД) либо защиты частноправовых интересов (корпоративной безопасности).

М. О. Янгаевой и Н. О. Павленко отмечают, что «в своих целях OSINT используют: государственные структуры (для обеспечения национальной безопасности, борьбы с разными видами терроризма и т.д.); международные организации; бизнес-корпорации (для исследования новых рынков, мониторинга деятельности конкурентов, планирования маркетинговой деятельности и т.д.); преступные организации (для сбора данных о конкретной цели в сети Интернет)» [15].

Ключевая научно-теоретическая и правоприменительная проблема заключается в юридической квалификации информационных массивов, вовлекаемых в орбиту OSINT. Российское и международное законодательство проводят жесткую границу между институтом «открытых данных» (Open Data) и массивами информации, "доступ к которым формально ограничен нормативными актами, но технически остается возможным".

Так, открытыми данными (Open Data) принято считать информацию, размещенную ее правообладателями (включая государственные органы) в сети Интернет в формате, допускающем ее автоматизированную обработку без введения каких-либо технических или юридических цензов на ее повторное использование (ст. 7 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [16]).

Примерами служат открытые реестры ФНС, ЕГРЮЛ, порталы госзакупок, данные которых априори не обладают признаком конфиденциальности.

К категории информации, доступ к которой ограничен, но технически возможен относятся сведения, защищенные законодательством о персональных данных, коммерческой, банковской, врачебной и иной тайне, доступ к которым заблокирован владельцем (например, приватные аккаунты в социальных сетях, архивированные логи, удаленные из кэша веб-страницы, а также массивы данных, утекшие в результате деликтов в Darknet).

С технической точки зрения аналитик OSINT имеет возможность обойти установленные ограничения, используя уязвимости API платформ, методы социальной инженерии, деанонимизацию через связанные узлы или обращение к серверам утечек. С публично-правовой позиции преодоление таких барьеров без надлежащих законных оснований (судебного решения или прямого полномочия) переводит деятельность из легального поля OSINT в сферу правонарушений, предусмотренных ст. 137, 272 УК РФ или законодательством о персональных данных [16].

Современный инструментарий OSINT базируется на алгоритмах высокоскоростной обработки неструктурированной информации, что коренным образом меняет процессуальный и материальный статус собираемых сведений. К основным сквозным технологиям, используемым субъектами ОРД и корпоративной безопасности, относятся: парсинг и скрапинг (автоматизированный сбор данных). Использование скриптов и программного обеспечения (например, библиотек на языке Python) для мгновенного извлечения информации с тысяч веб-страниц. При этом основной правовой риск заключается в нарушении пользовательских соглашений платформ и преодолении технических барьеров защиты.

В правовом контексте остается дискуссионным вопрос квалификации обхода технических запретов сайта в качестве «неправомерного доступа» по смыслу статьи 272 УК РФ [17], если сама информация изначально размещена пользователем в публичном профиле. Сложность данной квалификации усугубляется спецификой применяемых при этом технологических методов сбора данных, которые выходят за рамки обычного ознакомления с контентом.

Так, правовые риски интеграции OSINT-технологий во многом связаны со сбором и анализом метаданных (геолокации, временных меток, технических характеристик устройств и идентификаторов авторов). Извлечение этих скрытых параметров из графических или текстовых документов служит эффективным инструментом верификации цифровых следов. Однако аккумулирование подобных сведений без согласия субъекта нарушает установленные ФЗ № 152-ФЗ [18] принципы соразмерности и целевой направленности обработки персональных данных.

Аналогичные коллизии возникают при внедрении нейросетевых моделей и алгоритмов искусственного интеллекта (включая распознавание лиц, предиктивную аналитику, графический и семантический анализ текстов). Инструментарий ИИ позволяет интегрировать разрозненные цифровые следы в комплексный профиль личности. Правовая специфика данной ситуации заключается в том, что агрегированная из открытых источников информация на выходе приобретает признаки специальных категорий персональных данных (раскрывающих политические взгляды, религиозные убеждения или маршруты перемещения граждан), что де-факто требует применения режима повышенной правовой защиты, установленного ст. 10 ФЗ «О персональных данных» [18].

Зарубежная правовая мысль сформировала более гибкие доктринальные подходы к разграничению легитимного использования методов OSINT и противоправного скрытого наблюдения,

представляющие фундаментальный интерес для отечественной науки.

Данное регулирование в США осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Это объясняется устройством государства, которое сложилось исторически [19]. «В американской модели федерализма 50 штатов, образующих Соединенные Штаты Америки, располагают большим объемом независимости и власти. По сути дела США — это страна, состоящая из 51 различного государства: 50 государственных механизмов штатов и отдельного федерального государственного механизма. В каждом из этих механизмов имеется своя правовая система» [20].

В США ключевым регулятором применения OSINT государственными органами выступают положения Четвертой поправки к Конституции, защищающей граждан от необоснованных обысков и изъятий. Граница правомерности OSINT в американской юриспруденции определяется прецедентной концепцией правомерных ожиданий конфиденциальности (обоснованных ожиданий неприкосновенности частной жизни), сформулированной Верховным судом США в Деле «Кац против Соединенных Штатов» (1967) [21].

Согласно данной доктрине, правовая защита активируется если субъект объективно продемонстрировал намерение сохранить информацию в тайне и одновременно общество признает данное ожидание разумным и обоснованным. В контексте OSINT сведения, сознательно размещенные пользователем в открытом профиле социальной сети, не подпадают под действие Четвертой поправки, что освобождает правоохранительные органы от обязанности получать судебное предписание на их сбор [22].

В тоже время историческое решение по делу «Карпентер против Соединенных Штатов» (2018) [23] ограничило спецслужбам США осуществление тотального автоматизированного анализа больших массивов данных. Верховный суд определил как грубое нарушение приватности сбор и обобщение цифровой информацию о лице. Данный судебный прецедент напрямую ограничил тотальный автоматизированный анализ больших массивов данных со стороны государства без надлежащего судебного контроля.

В Европейском Союзе регулирование носит более императивный, личностно-центрированный характер и опирается на Общий регламент по защите данных [24]. В европейской доктрине сам факт нахождения персональных данных в открытом доступе в сети Интернет (например, в профессиональных социальных сетях) не означает возможности их беспрепятственного извлечения методами OSINT. Субъекты корпоративной безопасности или органы правопорядка обязаны доказать наличие законного основания для обработки данных, а также строго соблюсти принцип ограничения целей, что накладывает существенные нормативные ограничения на функционирование автоматизированных OSINT-платформ. Как отмечает европейский эксперт в области ИТ-права А. Сплиттгербер в своем анализе стандартов защиты данных: «При сопоставлении интересов контролера и прав субъектов данных обязательно учитываются их разумные ожидания. В число ключевых факторов входят: "сдерживающий эффект" неизбирательного сбора данных на свободу выражения мнений; практическая сложность осуществления прав после сбора информации; техническая невозможность удаления персональных данных из обученной модели; а также разумные ожидания субъектов, основанные на характере исходного веб-сайта и установленных технических ограничениях» [25].

В правовой архитектуре Китая сформировалась третья, уникальная глобальная модель регулирования больших данных (Big Data) и OSINT. Если подход США можно назвать рыночно-прецедентным (защита от государства через суды), а подход ЕС — личностно-центрированным (защита прав человека через жесткий регламент GDPR), то модель КНР является государственно-центрированной. Исследователь Ф. Декаролис отмечает, что «первоначально КНР развивала цифровую сферу по американской рыночной модели, однако затем изменила вектор, переняв жесткие стандарты ЕС по ключевым правовым аспектам. Сегодня Пекин внедрил всеобъемлющее законодательство о конфиденциальности, которое в некоторых аспектах защищает права потребителей сильнее, чем законы США. Уникальные национальные особенности делают китайскую модель самобытным глобальным игроком, способным составить конкуренцию одностороннему регуляторному влиянию Запада. Современный подход Китая строится на парадоксальном сочетании тотального государственного контроля с жесткой защитой личных данных граждан, а также на принципе цифрового суверенитета. Эта «защита данных с китайской спецификой» предопределит вектор регулирования искусственного интеллекта в самой КНР и неизбежно повлияет на будущую правовую политику США и Евросоюза» [26].

3. OSINT в оперативно-розыскной и следственной деятельности

Интеграция технологий OSINT в практику органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, актуализирует фундаментальную научно-теоретическую правовую проблему, заключающуюся в отсутствии в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [27] отдельного оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ), в полной мере отражающего специ-

фику цифрового поиска.

Деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, подчинена строгому императивному принципу публичного права, согласно которому государственным органам и должностным лицам дозволено только то, что прямо предписано законом. В развитие данного постулата Конституционный Суд РФ в Определении от 01.12.1999 № 211-О зафиксировал позицию о недопустимости расширения списка ОРМ правоприменителем, подчеркнув:"...данный Федеральный закон («Об ОРД») закрепляет исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых ограничивает конституционные права граждан, и устанавливает, что этот перечень может быть изменен или дополнен только федеральным законом" [28].

Цифровизация обострила проблему законности ОРМ. Массовый парсинг персональных данных и мониторинг по открытым источникам (OSINT) без введения специального "цифрового" мероприятия напрямую нарушают запрет Конституционного Суда РФ на расширение перечня ОРМ. Так, в настоящее время оперативные сотрудники вынуждены искусственно подгонять новые интернет-технологии под классический перечень мероприятий, закрепленный в законе, что ставит под сомнение легитимность таких действий. В современной следственной и оперативно-розыскной практике методы OSINT юридически легализуются преимущественно через два смежных правовых института, конструируемых на основе статьи 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [29]: "наведение справок" и "сбор образцов для сравнительного исследования".

Данный подход правовой интерпретации рассматривает автоматизированные поисковые запросы к открытым базам данных, парсинг социальных медиа и алгоритмический анализ метаданных как процедуру получения информации по запросу у оператора информационной системы либо из общедоступного источника. Однако классическое, догматическое понимание "наведения справок" предполагает дискретный, точечный характер обращения к конкретному держателю информации. Напротив, современный инструментарий OSINT базируется на принципах непрерывного вещательного мониторинга, фонового скрапинга и компиляции сотен разрозненных, постоянно обновляющихся веб-ресурсов. Подобная качественная трансформация сущности поисковых действий выводит автоматизированный цифровой скрининг за рамки традиционного содержания указанной нормы, превращая его в процессуальную фикцию.

Похожие проблемы возникают при адаптации оперативно-розыскного мероприятия «сбор образцов для сравнительного исследования» (п. 3 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 144-ФЗ) к интернет-среде. В рамках этой процедуры на практике часто фиксируют цифровые профили, виртуальные аватары, особенности авторского текста или технические параметры устройств. Однако, если традиционный вещественный образец всегда автономен и существует отдельно от самого правонарушения, то в цифровой среде эта граница стирается. Так, в материальном мире отпечаток пальца, оставленный на сломанном замке, физически отделен от самого повреждения. Замок выступает следом преступления, а папиллярный узор — автономным образцом, который можно скопировать отдельно. В цифровой же среде ситуация принципиально иная. Например, системный лог-файл, зафиксировавший несанкционированный доступ, одновременно содержит в себе и сам след правонарушения (факт и время взлома), и образец для исследования (IP-адрес, сетевые идентификаторы и параметры устройства).

Собираемые данные — будь то сетевой трафик, переписка или системные логи — одновременно выполняют две разные функции. С одной стороны, они фиксируют время, способ и сам факт совершения деяния. С другой стороны, эти же файлы несут в себе индивидуальные технические характеристики и стилистические паттерны, необходимые эксперту для идентификации устройства или автора текста.

Двойственная природа информации размывает границы между ключевыми юридическими понятиями: становится невозможно четко разграничить след преступления, вещественное доказательство и образец для сравнительного исследования. Это, в свою очередь, создает правовую неопределенность при определении процессуального статуса таких объектов и порядка их изъятия.

Отдельного разграничения требует дифференциация методов OSINT и ОРМ «Получение компьютерной информации» (далее — ПКИ), введенного в ст. 6 ФЗ № 144-ФЗ. Отождествление пассивного анализа общедоступного контента с данным мероприятием является методологической ошибкой.

Правовая составляющая ПКИ ориентирована на фиксацию данных, доступ к которым ограничен законным правообладателем или программно-аппаратными средствами. Проведение данного ОРМ изначально связывалось научным сообществом с преодолением барьеров приватности и "применением определенных способов доступа к информационным источникам, содержащимся в компьютерных системах" [30].

Напротив, изучение открытого сетевого контента не сопряжено с преодолением систем защиты. Избыточное применение ПКИ к откры-

тым данным размывает назначение этого мероприятия и необоснованно возвращает правоприменителя к практике расширительного толкования ОРМ "Наведение справок".

Аналогичная, но еще более выраженный правовой барьер разделяет методы OSINT и ОРМ "Снятие информации с технических каналов связи" (СИТКС). В научной литературе обоснованно отмечается главный критерий их разграничения: временной режим и способ съема данных. Так, А. Л. Осипенко отмечает: «Если информация, передаваемая с помощью компьютерных устройств (средств связи), будет перехватываться в текущем времени, т. е. в момент ее передачи, то в этом случае необходимо проводить такое ОРМ, "снятие информации с технических каналов связи"» [31].

Таким образом, сущность СИТКС заключается именно в негласном перехвате данных в процессе их трансляции по каналам коммуникации, что прямо ограничивает конституционные права граждан на тайну переписки (ст. 23 Конституции РФ) и требует обязательного судебного решения. Напротив, методы OSINT направлены на работу со сведениями, которые уже завершили цикл передачи, обработаны и размещены в открытом цифровом пространстве (веб-страницы, публичные форумы, открытые базы данных). Пассивный сбор такого контента не связан с технологическим перехватом трафика в режиме реального времени.

Отсутствие четкого разграничения данных институтов влечет за собой риски деформации правоприменительной практики. Это выражается как в избыточном бюрократическом усложнении фиксации открытой сетевой информации, так и в создании лазеек для проведения негласных оперативно-технических мероприятий без получения необходимых судебных санкций.

Особую сложность представляет этап уголовного судопроизводства, на котором результаты разведки по открытым источникам OSINT легализуются в соответствии со ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [32]. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, результаты оперативно-розыскной деятельности являются не доказательствами, а лишь сведениями, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём [33]. На практике ориентирующая информация, полученная в ходе интернет-разведки, чаще всего приобретает статус «иных документов» (ст. 84 УПК РФ) либо вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ). Основным уязвимым элементом в данном механизме выступает процедура верификации и процессуальной фиксации цифровой информации [34].

В отличие от традиционных материальных следов, цифровая информация, извлечённая из открытых сетевых источников, обладает повышенной уязвимостью к несанкционированному изменению. Судебная практика последовательно ужесточает стандарты проверки таких сведений. Фиксация данных исключительно посредством снимков экрана (скриншотов) оперативным сотрудником зачастую признаётся судами недостаточной [35]. Как справедливо отмечает В. В. Платонов, «при оценке скриншота суд имеет возможность проверить лишь то, что представлено на бумажном носителе, однако не может установить подлинность исходных цифровых данных и факт их возможной фальсификации» [36].

Современные стандарты доказывания предполагают развёрнутую верификацию источника, включающую ведение лог-файлов, расчёт хэш-сумм загружаемых объектов, а также составление детального протокола следственного осмотра (ст. 176, 177 УПК РФ) с обязательным указанием параметров применяемого программного обеспечения и сетевых адресов узлов связи [37]. Необходимость фиксации хэш-сумм прямо вытекает из требований ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, обязывающей следователя указывать в протоколе применённые технические средства, порядок их применения и полученные результаты [38]. Как отмечает И. В. Литвинова, отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве чётких критериев допустимости компьютерной информации, полученной за пределами следственных действий, приводит к тому, что в большинстве случаев не выполняются законодательные требования, при которых такая информация могла бы быть признана допустимым доказательством [39].

Дополнительным фактором риска выступает интенсивное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта и синтеза медиаданных (дипфейк-технологий). Современные программные комплексы позволяют создавать аутентичные по внешним признакам, но ложные цифровые следы — фото-, видео- и аудиоматериалы — с целью имитации противоправной деятельности. В условиях, когда автоматизированные OSINT-платформы осуществляют веерный мониторинг и агрегацию данных, риск интеграции фальсифицированных сведений в оперативные материалы критически возрастает. С криминалистической точки зрения дипфейки представляют собой специфический вид подложных электронно-цифровых следов, не отражающих реальных событий [40].

Данная тенденция обусловливает необходимость обязательного назначения комплексных компьютерно-технических и фоноскопических (речеведческих) экспертиз для подтверждения подлинности и неизменности первоисточника

цифровой информации [41]. Как отмечается в научной литературе, "наиболее эффективным инструментом выявления синтетического контента является комплексная экспертиза, включающая анализ артефактов в видеопотоке, установление несоответствия мимических движений и речевого сопровождения, а также фиксацию цифровых шумов, характерных для работы алгоритмов генеративных нейросетей" [42]. При этом, как указывает Я. А. Климова, в настоящее время остро стоит проблема отсутствия устойчиво работающей технологии распознавания сгенерированного контента, что снижает эффективность экспертного исследования и может приводить к невозможности решения вопроса о подлинности дипфейка при производстве экспертизы [43].

Наиболее глубокое теоретическое противоречие на стыке конституционного и уголовно-процессуального права кроется в определении пределов ограничения конституционных прав граждан при проведении разведки по открытым источникам (OSINT) государственными органами без судебного решения. Статьи 23 и 24 Конституции Российской Федерации [44] гарантируют право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Ограничение права на тайну переписки допускается исключительно на основании судебного акта (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Сторонники неограниченного применения OSINT правоохранительными органами апеллируют к тому, что информация, добровольно размещённая пользователем в сети, автоматически приобретает статус общедоступной, а значит, её сбор не может нарушать конституционные права [45]. Однако, как обоснованно отмечает Р. Ю. Кохан, подобный подход игнорирует специфику оперативно-розыскных правоотношений: использование технологий OSINT-анализа, связанное с обработкой персональных данных и мониторингом социальных сетей, в силу негласного характера ограничения прав на неприкосновенность частной жизни может осуществляться только при наличии установленных законом оснований и условий для проведения оперативно-розыскных мероприятий и специальных полномочий должностного лица [46].

Системный анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает этот вывод. В Постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П КС РФ указал, что конституционные установления о неприкосновенности частной жизни «в полной мере относятся к любой информации — независимо от места и способа её производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [47]. Таким образом, цели, методы и объёмы аккумулирования информации государством имеют принципиальное значение: сам по себе открытый характер сведений не отменяет конституционных гарантий их защиты.

Применение правоохранительными органами систем тотального распознавания лиц, автоматизированного парсинга публикаций гражданина за длительный период и выявления скрытых связей между пользователями с помощью искусственного интеллекта фактически превращает разрозненные открытые данные в системное досье на личность. Показателен пример административного спора, в рамках которого гражданка А. В. Попова оспаривала использование системы распознавания лиц в Москве и требовала удалить её биометрические данные (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 17.02.2020 по делу № 33а-707/2020) [48]. В жалобе истец указывала, что применение технологии без её согласия нарушает конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и тайны персональных данных. А. Н. Мочалов, анализируя риски цифрового профилирования, справедливо указывает, что «чем больше персональных данных о лице агрегируется и подвергается обработке, тем выше степень вмешательства в частную жизнь и величина связанного с этим риска» [49]. Такое скрытое и непрерывное профилирование фактически лишает гражданина права на «цифровое уединение» [50].

Без надлежащего судебного контроля и чётких законодательных фильтров тотальный государственный OSINT рискует трансформироваться в инструмент несанкционированного контроля за частной жизнью, что прямо противоречит фундаментальным публично-правовым принципам. Как подчёркивают Н. М. Букаев и Р. А. Исмагилов, в Российской Федерации до сих пор отсутствуют чёткие инструкции и алгоритмы по использованию технологий распознавания лиц, которые удовлетворяли бы требования общества по сохранению тайны частной жизни [51].

Проблема нуждается в нормативном урегулировании. Необходимо определить четкие границы применения новых технических методов. Устранение данного правового пробела позволит соблюсти баланс между интересами правосудия и конституционными гарантиями прав личности.

4. OSINT в системе корпоративной безопасности

Ужесточение рыночного соперничества и регуляторного давления вынуждает коммерческие организации формировать превентивные механизмы защиты активов, где центральное место отводится непрерывному мониторингу бизнес-окружения. Использование инструментов OSINT субъектами корпоративной безопасности

(службами безопасности, комплаенс-подразделениями) традиционно обосновывается необходимостью реализации принципа "должной осмотрительности" (Due Diligence) и минимизации предпринимательских рисков. В правовом поле Российской Федерации такая деятельность должна строго соответствовать балансу между интересами бизнеса и конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни (ст. 23, 24 Конституции РФ).

Бизнес также обязан оценивать благонадежность контрагентов для минимизации налоговых рисков в контексте ст. 54.1 Налогового кодекса РФ, предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, и защиты собственной коммерческой тайны.

Правовым базисом корпоративного OSINT выступают нормы информационного и гражданского законодательства, легализующие сбор общедоступных сведений из неконфиденциальных государственных реестров. Информационно-аналитическое обеспечение этой деятельности реализуется через специализированные программные платформы агрегации данных. В российской практике бизнес-анализа и комплаенса ключевыми инструментами выступают системы «СПАРК» («Интерфакс»), «Контур.Фокус», Rusprofile, CheckPerson и Seldon Basis, автоматизирующие мониторинг ЕГРЮЛ/ЕГРИП и финансовых показателей контрагентов. Для верификации судебных рисков обособленно применяется официальный ресурс «Картотека арбитражных дел». Вышеперечисленные платформы обеспечивают возможность автоматизированной агрегации и анализа общедоступных данных, что соответствует законодательным требованиям в области защиты персональных данных и информационной безопасности.

Однако ситуация меняется, когда корпоративный OSINT смещается из плоскости анализа юридических лиц в область изучения физических лиц — бенефициаров бизнеса, топ-менеджеров или кандидатов на вакантные должности. Проведение кадрового скоринга (проверка профилей в социальных сетях, анализ цифровой активности) вступает в противоречие с Федеральным законом «О персональных данных» [52]. Согласно ст. 5 и ст. 6 данного закона, любая обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Сбор информации о личной жизни кандидата в сети Интернет без его письменного согласия, даже если эта информация выложена им самим в открытый доступ, представляет собой нарушение принципа целеполагания обработки данных.

На этом фоне сотрудники корпораций сталкиваются с коллизией. Эффективное выявление внутренних и внешних угроз требует цифрового поиска, в то время как формальное соблюдение регуляторных требований существенно ограничивает глубину аналитики [53].

Для специалистов в области уголовно-правовых наук наибольший теоретический и практический интерес представляет квалификация действий сотрудников корпоративных служб безопасности (СБ), переступающих грань между легальным сбором информации и уголовно наказуемыми деяниями. В отличие от государственных правоохранительных органов, наделенных специальными публично-властными полномочиями, сотрудники частных структур действуют в статусе обычных субъектов права.

Актуальная судебно-следственная практика демонстрирует тенденцию к строгому толкованию составов преступлений против конституционных прав граждан применительно к сфере информационных технологий. В частности, сбор сотрудником службы безопасности сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия образует состав преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. При этом, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, уголовная ответственность наступает и в том случае, если аналитик собирал информацию из закрытых профессиональных сообществ или персональных блогов с ограниченным доступом [54].

Аналогичным образом судами признаются незаконными перехват трафика и чтение корпоративной почты сотрудника при отсутствии надлежащим образом оформленного локальными нормативными актами режима коммерческой тайны и согласия самого работника, что влечет риски квалификации деяния по ст. 138 УК РФ [50].

Наконец, использование специалистами частного сектора специализированного программного обеспечения для скрытого парсинга данных с сайтов конкурентов, обходящего системы технической защиты (WAF, капчи), либо авторизация в закрытых CRM-системах под чужими учетными данными подпадают под действие ст. 272 УК РФ, поскольку наличие благой цели в виде защиты экономических интересов компании не является обстоятельством, исключающим преступность деяния [55].

Наиболее острой и дискуссионной проблемой современного права является массовое использование корпоративными аналитиками массивов данных, утекших в результате хакерских атак и размещенных в Даркнете. С одной стороны, эти сведения де-факто находятся в публичном доступе, не требуют взлома со стороны аналитика и используются для выявления мошеннических схем. С другой стороны, использование таких массивов де-юре является абсолютно про-

тивоправным. Позиция судов и Роскомнадзора в этом вопросе однозначна: информация, полученная в результате преступных действий (взлома и утечки), не теряет своего конфиденциального статуса и не становится общедоступной [56].

Любое обращение корпоративного аналитика к подобным базам данных с юридической точки зрения представляет собой обработку персональных данных, полученных незаконным путем. Более того, целенаправленный скан и аккумулирование баз данных конкурентов с целью переманивания клиентов выводят деятельность СБ из рамок OSINT в сферу промышленного шпионажа. Такие действия подлежат квалификации по ст. 183 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Следовательно, рассматриваемая коллизия требует законодательного разрешения, поскольку от выбранной модели регулирования зависит обеспечение конституционных прав граждан при применении цифровых инструментов в правоохранительной и частной детективной деятельности.

5. Заключение

Проведённое междисциплинарное исследование позволило выявить существенные нормативно-правовые проблемы в регулировании OSINT в современной России. Центральной коллизией является противоречие между государственными интересами в области национальной безопасности и правом граждан на цифровую приватность. С точки зрения публично-правовых отношений государство обязано обеспечивать безопасность и правопорядок, используя современные инструменты, включая OSINT. В условиях гибридных угроз такой мониторинг становится критически важным инструментом для выявления противоправных элементов. Частноправовые интересы бизнеса также требуют использования OSINT для защиты активов от мошеннических действий.

В то же время с позиции уголовно-правовых норм и конституционной доктрины бесконтрольный сбор и анализ цифровых данных создают риски для прав личности. Отсутствие чётких нормативных фильтров превращает OSINT в инструмент тотальной прозрачности, что противоречит принципу контроля над персональными данными. Особую актуальность приобретает проблема правового статуса динамически изменяемых интернет-данных. Юридическая практика сталкивается с вопросами о допустимости использования кэш-копий удалённых или приватных данных, а также с необходимостью разграничения профессионального и личного контента при сборе информации. Существующая правовая система характеризуется терминологическим хаосом и отсутствием чёткого регулирования OSINT. Отсутствие легальных определений понятий "цифровой поиск", "OSINT" и "скрейпинг данных" приводит к правовой неопределённости.

Исследование показало, что развитие технологий OSINT опережает модернизацию законодательной базы, что создаёт системные риски как в оперативно-розыскной деятельности, так и в корпоративной сфере. Для устранения выявленных проблем целесообразно рассмотреть введение в сфере оперативно-розыскного права нового вида оперативно-розыскного мероприятия — «цифровой поиск», а также разграничить режимы пассивного мониторинга и активного поиска. В сфере частно-публичных отношений требуется разработка под эгидой Минцифры РФ единого «Стандарта легитимного использования открытых данных в комплаенс-мониторинге» с одновременным запретом для коммерческих структур использовать данные, полученные из утечек.

В сфере правоприменения необходимо регламентировать порядок признания допустимости OSINT-материалов в качестве доказательств, определить процессуальные критерии их использования, включая обязательную фиксацию хэш-сумм файлов и логирование сетевого трафика, а также установить правила обращения с кэш-копиями удалённых данных. Ключевой вывод исследования заключается в необходимости формирования новой парадигмы правового регулирования OSINT, базирующейся на характере, целях и масштабах автоматизированной обработки данных. Модернизация законодательной базы должна обеспечить сбалансированное сочетание государственных интересов, потребностей бизнеса и гарантий прав граждан на цифровую приватность.

Список литературы:

[1] Global Datasphere to Hit 175 Zettabytes by 2025, IDC Says // Big Data Wire / HPCwire. — 2018. — 27 Nov. — URL: hpcwire.com (дата обращения: 01.09.2026).

[2] Исаков В. Б. Правовая аналитика и автоматизированные системы в юриспруденции // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 15–28. DOI: 10.17323/2712-8172-2024-2-15-28. URL: https://law-journal.hse.ru/.

[3] Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации [Текст] / Талия Хабриева. - Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. - 27 с., [2] л. цв. ил., портр. - (Избранные лекции Университета ; вып. 189). - 500 экз. - ISBN 978-5-7621-1011-2.

[4] Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 2. — С. 4–23.

[5] Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2025. — 848 с. — ISBN 978-5-392-43355-1.

[6] Информационные технологии в юридической деятельности: правовая информатика, информационное и цифровое право : учебник для вузов / М. В. Воронин, Е. А. Ильюшин, В. Ю. Патенкова [и др.] ; под ред. В. А. Вайпана ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва: Юстицинформ, 2024. – 752 с. – ISBN 978-5-7205-2015-1.

[7] Архипов, В. В. Интернет-право : учебник для вузов / В. В. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 254 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19047-2.

[8] Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 220. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[9] Богдановская И. Ю., Васякина Е. В., Волос А. А., Данилов Н. А., Егорова Е. В., Калятин В. О., Карпенко О. И., Салихов Д. Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[10] Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий: монография / под общей редакцией А. В. Минбалеева. — Саратов: Амирит, 2019. — 207 с. — ISBN 978-5-00140-394-4. — Текст : непосредственный.

[11] Кузнецов П. У. Информационное право : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / П. У. Кузнецов ; Уральский государственный юридический университет. — Москва : Юстиция ; Екатеринбург : Издательство Уральского государственного юридического университета, 2022. — 335 с. — (Серебряная серия) (Бакалавриат) (ФГОС). — ISBN 978-5-4365-3905-8. — Текст : непосредственный.

[12] Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие / И. А. Филипова ; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. — 3-е изд., перераб. и доп. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. — 321 с. — Текст: непосредственный.

[13] Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации : монография / Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 288 с. — ISBN 978-5-00156-259-7. — Текст : непосредственный.

[14] Расторопов С. В., Прорвич В. А. Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 143–169.

[15] Янгаева М. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет / М. О. Янгаева, Н. О. Павленко // Алтайский юридический вестник. — 2022. — № 2 (38). — С. 131–135. — DOI 10.24412/2224-9133-2022-2-131-135. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osint-poluchenie-kriminalisticheski-znachimoy-informatsii-iz-seti-internet (дата обращения: 04.09.2026).

[16] О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 04.09.2026).

[17] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 04.09.2026).

[18] О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 04.09.2026).

[19] Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 220. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[20] Burnham W. (2006). Introduction to the Law and Legal System of the United States (4th ed.). St. Paul, MN: West Academic Publishing. ISBN: 978-0314158987. URL: https://archive.org/details/introductiontola0000burn.

[21] Katz v. United States: judgment of the Supreme Court of the United States, Dec. 18, 1967 // United States Reports. — 1967. — Vol. 389. — P. 347.

[22] Supreme Court of the United States. Carpenter v. United States, 138 S. Ct. 2206 (2018); Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967) // Supreme Court Reports. — URL: supremecourt.gov.

[23] Carpenter v. United States: judgment of the Supreme Court of the United States, June 22, 2018 // United States Reports. — 2018. — Vol. 138. — P. 2206.

[24] European Data Protection Board (EDPB).

Guidelines 08/2020 on the targeting of social media users. — Brussels, 2021. — 45 p. — URL: europa.eu (дата обращения: 08.09.2026).

[25] Splittgerber A. EDPB web scraping guidelines for AI: Making the impossible possible? / A. Splittgerber // Technology Law Dispatch (Reed Smith LLP). — July 2026. — URL: https://www.reedsmith.com/our-insights/blogs/technology-law-dispatch/102nbqu/edpb-web-scraping-guidelines-for-ai-making-the-impossible-possible/..

[26] Wang G. China's Approach on Data Privacy Law: A Third Way Between the U.S. and the EU / G. Wang, E. Kosta // Tilburg Law School Legal Studies Research Paper Series. — 2023. — № 04. — 32 p. — URL: ssrn.com (дата обращения: 03.09.2026).

[27] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[28] Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26657/ (дата обращения: 08.09.2026).

[29] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[30] Гердт К.М., Поляков В.В. Получение компьютерной информации: понятие, содержание и особенности производства оперативно-розыскного мероприятия // Проблемы правовой и технической защиты информации. — 2019. — № 7. — С. 71–75.

[31] Осипенко А. Л. [и др.] Алгоритм реализации оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений экстремистской направленности и террористического характера: методические рекомендации. — Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2019. — ISBN 978-5-9266-1525-5.

[32] Галузо В. Н., Фетищев Д. В., Соломин Д. А. Легализация результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. – М. : Проспект, 2025. – 368 с.

[33] Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О «По жалобе граждан М. Б. Никольского и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1999. — № 3.

[34] Литвинова И. В. Проблемы допустимости электронных доказательств, полученных при производстве иных процессуальных действий // Российский юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 139–147.

[35] Платонов В. В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 8 (177). – С. 124–132. – DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.124-132..

[36] Платонов В. В. Указ. соч. – С. 128.

[37] Константинов А. В., Поликарпова Е. В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате поисково-познавательной деятельности в сети Интернет // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 4. – С. 141–145. – DOI: 10.21686/2411-118X-2025-4-141-145..

[38] Нисневич А. К. OSINT-анализ сайтов как метод сбора доказательств по уголовным делам // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 98–105.

[39] Литвинова И. В. Проблемы допустимости электронных доказательств, полученных при производстве иных процессуальных действий // Российский юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 142.

[40] Поляков В. В. Применение дипфейк-технологий при совершении высокотехнологичных преступлений // Lex russica. – 2026. – Т. 79, № 8. – С. 85–95. – DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.085-095..

[41] Асадов Р. Б. Цифровая мимикрия: защита прав личности от противоправного применения дипфейк-технологий // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 16–36. – DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462..

[42] Захарцев С. И., Тамодин Н. В., Чумаевская Е. Б. Дипфейки и способы их выявления: вопросы криминалистики // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 2. – С. 199–207.

[43] Климова Я. А. Основные положения частной криминалистической методики расследования преступлений, совершённых с использованием технологии дипфейк: от теории к практике киберследствия // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 10 (179). – С. 133–143. – DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.133-143..

[44] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек.

1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: (дата обращения: 08.09.2026).

[45] Тарасов А. А. Уголовно-правовые аспекты использование методов OSINT // Право и управление. – 2026. – № 8. – С. 234–241.

[46] Кохан Р. Ю. О проблемных вопросах обеспечения конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, использования технологий OSINT-анализа // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (57). – С. 87–94.

[47] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: (дата обращения: 08.09.2026).

[48] Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 17.02.2020 по делу № 33а-707/2020.

[49] Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 9. – С. 88–101. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101..

[50] Мочалов А. Н. Указ. соч. – С. 95.

[51] Букаев Н. М., Исмагилов Р. А. К вопросу соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве при использовании в доказывании камер с функцией распознавания лиц // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 81–85.

[52] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

[53] Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 9 (178). – С. 89.

[54] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

[55] Букаев Н. М., Исмагилов Р. А. К вопросу соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве при использовании в доказывании камер с функцией распознавания лиц // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 83.

[56] Доклад об итогах деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций за 2023 год // Официальный сайт Роскомнадзора. — 2024. — URL: https://rkn.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

References:

[1] Global Datasphere to Hit 175 Zettabytes by 2025, IDC Says // Big Data Wire / HPCwire. — 2018. - 27 Nov - URL: hpcwire.com (accessed on: 01.09.2026).

[2] Isakov V. B. Legal Analytics and Automated Systems in Jurisprudence // Law and the Digital Economy. 2024. № 2. S. 15-28. DOI: 10.17323/2712-8172-2024-2-15-28. URL: https://law-journal.hse.ru/.

[3] Khabrieva T. Ya. Law in the context of digitalization [Text]/Taliya Khabrieva. - St. Petersburg: SPbGUP, 2019. - 27 s., [2] l. zv. il., portr. - (Selected lectures of the University; issue 189). - 500 copies - ISBN 978-5-7621-1011-2.

[4] Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation // Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2021. — № 2. - S. 4-23.

[5] Digital law: textbook/under the general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Prospect, 2025. - 848 p. - ISBN 978-5-392-43355-1.

[6] Information technologies in legal activities: legal informatics, information and digital law: a textbook for universities/M. V. Voronin, E. A. Ilyushin, V. Yu. Patenkova [and others]; ed. V. A. Vaipana; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. - Moscow: Justicinform, 2024. - 752 p. - ISBN 978-5-7205-2015-1.

[7] Arkhipov, V.V. Internet law: a textbook for universities/V.V. Arkhipov. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 254 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-19047-2.

[8] Vinogradov V. A., Kuznetsova D. V. Foreign experience in the legal regulation of deepfake technology // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 2. S. 220. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[9] Bogdanovskaya I. Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O., Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial intelligence and law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 4. S. 278-306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[10] Legal regulation of digital technologies in Russia and abroad. The role and place of legal regulation and self-regulation in the development of digital technologies: monograph/under the general editorship of A. V. Minbaleev. - Saratov: Amirit, 2019. - 207 p. - ISBN 978-5-00140-394-4. - Text: direct.

[11] Kuznetsov P.U. Information Law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty "Jurisprudence "/P.U. Kuznetsov; Ural State Law University. - Moscow: Justice; Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law University, 2022. - 335 p. - (Silver series) (Undergraduate) (GEF). — ISBN 978-5-4365-3905-8. - Text: direct.

[12] Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook/I. A. Filipova; National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. - 3rd ed., Revised and add. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2025. - 321 p. - Text: direct.

[13] Voskobitova L. A. Criminal proceedings: transformation of theoretical ideas and regulation in conditions of digitalization: monograph/ L. A. Voskobitova, V. I. Przhilensky. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2022. - 288 p. - ISBN 978-5-00156-259-7. - Text: direct.

[14] Rastoropov S.V., Prorvich V.A. Information foundations of modern criminal legal protection of subjects of the digital economy and finance // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17. № 2. S. 143-169.

[15] M.O. Yangaeva OSINT. Obtaining criminally significant information from the Internet/ M. O. Yangaeva, N. O. Pavlenko // Altai Legal Bulletin. — 2022. — № 2 (38). - S. 131-135. — DOI 10.24412/2224-9133-2022-2-131-135. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osint-poluchenie-kriminalisticheski-znachimoy-informatsii-iz-seti-internet (дата обращения: 04.09.2026).

[16] On personal data: Federal Law No. 152-FZ: [adopted by the State Duma on July 8, 2006: approved by the Federation Council on July 14, 2006] // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 04.09.2026).

[17] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996] // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 04.09.2026).

[18] On personal data: Federal Law No. 152-FZ: [adopted by the State Duma on July 8, 2006: approved by the Federation Council on July 14, 2006] // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 04.09.2026).

[19] Vinogradov V. A., Kuznetsova D. V. Foreign experience in the legal regulation of deepfake technology // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 2. S. 220. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[20] Burnham W. (2006). Introduction to the Law and Legal System of the United States (4th ed.). St. Paul, MN: West Academic Publishing. ISBN: 978-0314158987. URL: https://archive.org/details/introductiontola0000burn.

[21] Katz v. United States: judgment of the Supreme Court of the United States, Dec. 18, 1967 // United States Reports. — 1967. — Vol. 389. — P. 347.

[22] Supreme Court of the United States. Carpenter v. United States, 138 S. Ct. 2206 (2018); Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967) // Supreme Court Reports. — URL: supremecourt.gov.

[23] Carpenter v. United States: judgment of the Supreme Court of the United States, June 22, 2018 // United States Reports. — 2018. — Vol. 138. — P. 2206.

[24] European Data Protection Board (EDPB). Guidelines 08/2020 on the targeting of social media users. — Brussels, 2021. — 45 p. - URL: europa.eu (access date: 08.09.2026).

[25] Splittgerber A. EDPB web scraping guidelines for AI: Making the impossible possible? / A. Splittgerber // Technology Law Dispatch (Reed Smith LLP). — July 2026. — URL: https://www.reedsmith.com/our-insights/blogs/technology-law-dispatch/102nbqu/edpb-web-scraping-guidelines-for-ai-making-the-impossible-possible/..

[26] Wang G. China's Approach on Data Privacy Law: A Third Way Between the U.S. and the EU / G. Wang, E. Kosta // Tilburg Law School Legal Studies Research Paper Series. — 2023. — № 04. — 32 p. - URL: ssrn.com (access date: 03.09.2026).

[27] On operational-search activities: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (latest edition) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 33. - Art. 3349.

[28] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.1999 No. 211-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Barkovsky Konstantin Olegovich about violation of his constitutional rights by part four of article 127 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, paragraph 1 of part one of article 6 and paragraph 3 of part one of article 7 of the Federal Law "On operational-search activities" "// SPS" ConsultantPlus. "URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26657/ (access date: 08.09.2026).

[29] On operational-search activities: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (latest edition) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 33. - Art. 3349.

[30] Gerdt K.M., Polyakov V.V. Obtaining computer information: the concept, content and features of the production of operational-search measures // Problems of legal and technical protection of information. — 2019. — № 7. - S. 71-75.

[31] Osipenko A. L. [et al.] Algorithm for the implementation of the operational-search measure "obtaining computer information" in the identification, prevention, suppression and

disclosure of crimes of an extremist and terrorist nature: guidelines. - Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. — ISBN 978-5-9266-1525-5.

[32] Galuso V.N., Fetishchev D.V., Solomin D.A. Legalization of the results of operational-search activities in the criminal process of the Russian Federation: monograph. - M.: Prospect, 2025. - 368 p.

[33] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.02.1999 No. 18-O "On the complaint of citizens M. B. Nikolsky and M. I. Sapronov about violation of their constitutional rights by certain provisions of the Federal Law "On Operational-Search Activities" "// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. — 1999. — № 3.

[34] Litvinova I.V. Problems of admissibility of electronic evidence obtained in the course of other procedural actions // Russian Law Journal. – 2023. – № 1. - S. 139-147.

[35] Platonov V. V. Ensuring the admissibility of electronic evidence in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. – 2025. - T. 20, NO. 8 (177). - S. 124-132. – DOI: 10.17803/1994-1471. 2025.177.8.124-132..

[36] Platonov V.V. Decree. Op. - S. 128.

[37] Konstantinov A.V., Polikarpova E.V. Admissibility of electronic evidence obtained as a result of search and cognitive activity on the Internet // Economics. Right. Society. – 2025. - T. 10, NO. 4. - S. 141-145. – DOI: 10.21686/2411-118X-2025-4-141-145..

[38] Nisnevich A.K. OSINT-analysis of sites as a method of collecting evidence in criminal cases // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2026. – № 2. - S. 98-105.

[39] Litvinova I.V. Problems of admissibility of electronic evidence obtained in the course of other procedural actions // Russian Law Journal. – 2023. – № 1. - S. 142.

[40] Polyakov V.V. The use of deepfake technologies in the commission of high-tech crimes // Lex russica. – 2026. - T. 79, NO. 8. - S. 85-95. – DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.085-095..

[41] Asadov R. B. Digital mimicry: protection of individual rights from illegal use of deepfake technologies // Police and investigative activities. – 2025. – № 4. - S. 16-36. – DOI: 10.25136/2409-7810. 2025.4.75462..

[42] Zakhartsev S.I., Tamodin N.V., Chumaevskaya E.B. Deepfeyki and ways to identify them: forensic issues // Education. Science. Scientific cadres. – 2026. – № 2. - S. 199-207.

[43] Klimova Ya. A. The main provisions of the private forensic methodology for investigating crimes committed using deepfake technology: from theory to practice of cyber investigation // Actual problems of Russian law. – 2025. - T. 20, NO. 10 (179). - S. 133-143. – DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10. 133-143..

[44] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information. URL: (access date: 08.09.2026).

[45] Tarasov A. A. Criminal law aspects use of OSINT methods // Law and management. – 2026. – № 8. - S. 234-241.

[46] Kohan R. Yu. On problematic issues of ensuring the constitutional rights of citizens in the process of information and analytical support of operational-search activities, the use of OSINT-analysis technologies // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (57). - S. 87-94.

[47] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2021 No. 22-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 8 of part 1 of Article 6 of the Federal Law" On Personal Data "in connection with the complaint of the MedRating limited liability company "// Official Internet portal of legal information. URL: (access date: 08.09.2026).

[48] Appellate Ruling of the Administrative Court of the Moscow City Court dated 17.02.2020 in case No. 33a-707/2020.

[49] Mochalov A. N. Digital profile: the main risks for constitutional human rights in conditions of legal uncertainty // Lex russica. – 2021. - T. 74, NO. 9. - S. 88-101. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9. 088-101..

[50] Mochalov A.N. Decree. Op. - S. 95.

[51] Bukaev N. M., Ismagilov R. A. On the issue of observing the constitutional rights of citizens in criminal proceedings when using cameras with face recognition function in evidence // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1. - S. 81-85.

[52] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3451.

[53] Mochalov A. N. Digital profile: the main risks for constitutional human rights in conditions of legal uncertainty // Lex russica. – 2021. - T. 74, NO. 9 (178). - S. 89.

[54] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 46 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – № 2.

[55] Bukaev N. M., Ismagilov R. A. On the issue of compliance with the constitutional rights of

citizens in criminal proceedings when using cameras with face recognition function in evidence // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1. - S. 83.

[56] Report on the results of the activities of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications for 2023 // Official website of Roskomnadzor. — 2024. - URL: https://rkn.gov.ru (access date: 08.09.2026).

